

НАШ СОВРЕМЕНИК

Журнал писателей России

№ 1 2023

175 лет назад родился священномученик Владимир, митрополит Киевский и Галицкий, духовный писатель.

Ревнитель распространения христианского нравственного учения среди простого народа, автор книг “Работа в свете материализма и христианства”, “Социальная задача семьи”, “Архипастырский призыв духовенства и общества в борьбе с пьянством”, “Наука и религия”, “О труде и собственности”, “Римский амфитеатр и христианские мученики”, “Азбука православного воспитания”, он в тяжёлые дни октября 1905 года обращался к православному народу в Успенском соборе Московского Кремля: “Чада Русской земли! В те дни, когда мы вспоминаем, как Матерь Божия по молитвам предков наших спасала землю Русскую в тяжёлую годину междуцарствия, как освободила Она нашу первопрестольную Москву своею иконою Казанскою от нашествия поляков и литовцев, сегодня прольём перед нею и Её Божественным Сыном пламенные мольбы от спасении Родной Земли нашей от крамольников. Поплачем перед Нею о грехах наших. Помолмся Ей о несчастных братьях наших, смутой увлечённых на погибельный путь”.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Л. Г. БАРАНОВА-
ГОНЧЕНКО,

А. В. ВОРОНЦОВ,

Т. В. ДОРОНИНА,

С. Г. КАРА-МУРЗА,

В. Н. КРУПИН,

Ю. М. ЛОЩИЦ,

Д. Н. НИКОЛАЕВ,

Ю. М. ПАВЛОВ,

И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,

З. ПРИЛЕПИН,

Е. С. САВЧЕНКО,

А. Ю. СЕГЕНЬ,

ТИХОН (ШЕВКУНОВ)
митрополит Псковский
и Порховский,

А. Ю. УБОГИЙ,

Р. М. ХАРИС,

М. А. ЧВАНОВ,

С. А. ШАРГУНОВ,

В. А. ШТЫРОВ

Поэзия

Мушни ЛАСУРИА
Слова и краски..... 3

Валерий ФОКИН
И всё-таки надеюсь 85

Андрей РАСТОРГУЕВ
Правильные русские слова 124

Сергей АЛИХАНОВ
Берег времени 127

Проза

Александр СЕГЕНЬ
Волшебный фонарь. Роман 18

Юрий УБОГИЙ
Молодая луна. Повесть 88

Очерк и публицистика

Андрей ФУРСОВ
Вывихнутый мир 129

Сергей БАБУРИН
Уроки русского Донбасса
для российского общества 152

Владимир ШАРАПОВ
1917. Заговор царских
генералов 161

Анатолий БАЙБОРОДИН
Накануне великих деяний 177

Встречи с читателями

Михаил ТАРКОВСКИЙ
Магадан с третьей попытки 203

Кира ОСМАНОВА
Бескорбный свет 206

Игорь МИХАЙЛОВ
Угомон. Рассказ 209

Натasha КИНУГАВА
Ты идёшь и любишься 230

Критика

Борис КУРКИН
Булгаков и “Батум” 233

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

С. С. Куняев —
*генеральный директор,
отдел публицистики* —
(495) 625-01-81

К. К. Сейдаметова —
*первый заместитель
главного редактора,
отдел поэзии* —
(495) 625-02-81
ns-poetry@yandex.ru

А. Ю. Сегень —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47
ns-proza@yandex.ru

А. Н. Тимофеев —
*редактор отдела
критики* —
(495) 625-30-47
ns-kritika@yandex.ru

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Юрий ПАВЛОВ
Станислав Куняев — русский
герой на Третьей мировой 255
Елена КРЮКОВА
Звёздное небо русского слова 267

Память

Николай КОЛЫЧЕВ
“Поэты выпадают в небо...”
С предисловием Д. Коржова 275

В конце номера

К 85-летию Мушны Ласуриа
Надписи и письма 283

Творческие итоги 2022 года 288

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках. Рукописи принимаются как в распечатанном виде по Почте России, так и по электронной почте отделов. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами происходит ТОЛЬКО при положительном решении. Вступать в переписку по поводу рукописей редакция не имеет возможности. Рукописи не рецензируются. Журнал не публикует поэмы, сценарии, либретто. Журнал оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2**

Сайт в интернете: www.nash-sovremennik.ru, эл. почта: n-sovrem@yandex.ru

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.
При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова
Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 29.12.2022. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 0000-2023. Тираж 3050 экз.

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 117342, Москва, Севастопольский проспект, 56/40 с1.

Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarprint.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ПОЭЗИЯ

К 85-летию Мушни Ласуриа

МУШНИ ЛАСУРИА

СЛОВА И КРАСКИ

*Посвящается известному
абхазскому художнику
Баталу Джануа*

Способно ль ты своим звучаньем, Слово,
Дух передать творения цветного?

Поведай, что в истоке красоты!
Мир красок живописца или ты?

Бог радовался, на творенье глянув,
И блеску звёзд, и цвету океанов,
И свету дня, и прелести земной.
Был восхищён и слова глубиной.

Со дня творенья вписанный в сердца,
Сияет образ нашего Творца.

А Тициан, Буонаротти сами
Всевластными явились божествами.
И ведь недаром Библию прочли
И встали в ряд с пророками Земли.

ЛАСУРИА Мушни Таевич родился в 1938 году, известный абхазский поэт, учившийся в России. Автор нескольких сборников, переведённых на русский язык в 1960–1980 годы.

Раскаянье Марии Магдалины,
Сикстинская капелла — вот вершины!
Чтоб в мир вошла такая красота,
Раскрылись вдруг небесные врата.

Ровесники, по райским анфиладам
Слова и краски, вы идёте рядом!

Меня Создатель к тайнам Слова вывел,
Тебя ж богатством красок осчастливил.

Я думаю, мы — близнецы, Батал!
Поэту живописец братом стал.

О, если вера в сердце не мертва,
Свой цвет приобретают и слова.

Талантов много видел белый свет...
Художник столь же значим, как поэт.

Быть в ремесле поэт обязан богом,
Чтобы потомству рассказать о многом.

А ты, Батал, владыка красок, смог,
В своём отборе остроглаз и строг,
В истории народа быль и сказки
Преобразить, окрасив по-абхазски.

Не кистью ли своей волосяной
В доспехи облачил народ родной!

Когда стоял он, кровью истекая,
Ох, не была ты краской, кровь родная!

Всю ту войну и ты прошёл, Батал,
Изведал боль и доблесть повидал.

И сочетались по небесной воле
Слова и краски, скрытые дотолё.

И стало видно, что душа у них —
Одна в переплетеньях корневых.

Но где она, душа, и как далёко?
Какой имеет колер или око?

Вот мускулы и кости есть у нас,
И на виду — уста и пара глаз.

Всё внешнее нам видимо отлично.
Но где душа, всё то, что сверхобычно?

Вот красками воссоздана, как надо,
Вся красота абхазского наряда.

Но только ли одежда здесь, Батал?
И звон колоколов ты воссоздал!

Ты передал старинной меди глас,
Ты пульс веков смог донести до нас!

О, Мастер, дорогой и сердцу милый,
С какую ты в общенье мощной силой?

О, как твои моей душе близки
Штрихи и светоносные мазки!

Вот небеса, вот край земли за ними...
Но что же движет пальцами твоими?

Не слаб я зреньем, но мои персты
Не создадут подобной красоты.

Слова и краски, вы — два близнеца,
Единые по милости Творца!

Перевёл М. Синельников

ЛЕБЕДЬ БЕЛАЯ

*Написано в связи с открытием
нового здания посольства России
в Абхазии*

Мы спускаем корабль! Распахнув Черноморья врата,
Постигая, что двинулась неодолимая сила,
Величаво седая Кавказских вершин высота
Нас в торжественный час осенила и благословила.

Вот Апсны* и Россия! Корабль, два согласных крыла,
Чьё живое стремление окинуло мир озарённо.
Крылья птицы, что ныне тебя высоко вознесла,
В сонме вольных и равных овевяла наши знамена.

Возвышается дух!.. Но, прихлынув сплочённой ордой,
Судну путь преградив и трубя в громогласные трубы,
Вьются бесы морские, по следу идут под водой,
Сияясь нас потопить, завывают, свирепы и грубы.

Сильный ветер над морем. Сгущаются полчища туч,
Встала в рост эвкалипта волна, захлестнувшая реи.
Вот уж гром загремел, в тучах — молнии росчерк сверкуч...
Трус в такую погоду вернулся бы в порт поскорее.

Чаек наших над мачтами слышен клекочущий шум,
Убегает мираж, след глубокий идёт за кормою.
Оставляет корабль Диоскурию, старый Сухум.
Рассекает валы, удаляясь в широкое море.

Это дивное зданье величию России под стать.
Словно мощный корабль в нашу гавань вошёл на рассвете.
В добрый час, в долгий путь! Здесь отныне он будет стоять,
Как утёс, на который взбираются радостно дети.

Вот взобрался и я!.. И с цветами идёт молодёжь
На заветный причал, где он вырос на водном просторе,
Этот дом долгожданный, что с блещущим лайнером схож.
Этот белый корабль озаряет всё Чёрное море.

* Апсны («Страна Души») — так абхазы называют свою страну.

Вот сбылось и для нас слово Пушкина! Будут гостить
Здесь отныне все флаги... Бессмертная муза Баграта*
Завещает потомкам, зовёт, не давая остыть:
“Встань, хозяин земли, в гордой славе явись, как когда-то!”

— Ну, же, белая лебедь, на крыльях иди по волнам!
Эти крепкие крылья — опора и нашему краю.
Ты плывёшь далеко, звёздный блеск подарившая нам,
И куда доплывёшь, доплывёт и Абхазия — знаю!

Мой надёжный корабль, моя белая птица, плыви!
Верь, с тобою и в бурях, средь молний, и грома, и дыма,
Жар абхазской земли, свет надежды моей и любви!
Средь бушующих волн ты, как горный утёс, нерушима.

Перевёл М. Синельников

БОЛЕРО. РАВЕЛЬ

Сергею Куняеву

Поднялся занавес,
И сцену гром потряс,
Овации текут бурлящей лавой.
О, болеро!
Вот и пустился в пляс
Испанец бравый.
О, болеро! Так ярок, несравним,
Ведь танцев нет на свете схожих с ним.

Он — колдовство, он — яркая зарница,
Он в тайниках души моей хранится!

Герой незримым осенён огнём.
Какие страсти пробудились в нём
В предчувствии давно желанной встречи!
Взлетите же за тем, кто воспарил,
Прислушайтесь к его горячей речи!
Весь в танце он, и дух его, и пыл:

И сердце в дар и славу ты прими!
Ведь я сейчас любовь свою встречаю.
Гитара, пой! И барабан, греми,
Встречайте ту, в ком я души не чаю!

О, болеро!
...Служу тебе одной
И для тебя пожертвую собою.
Лишь ты мне предназначена судьбой,
Гони других, навеки я с тобою!

Гитара, пой, все бубны, загремите,
Соперникам дорогу преградите!
Твой гордый дух сродни мне, болеро!
Приблизь ко мне то, что ушло далёко!
Не торопись! Добравшись до истока,
Ты обновляешь чувства, болеро!

* Баграт Шинкуба (1917–2004) — выдающийся абхазский писатель, поэт, общественный деятель.

Тах-та-тра-тах! Тах-та-тра-тах! —
Литавр внезапный, звучный взмах...
Не устают они греметь,
И звонких шпор искрится медь.
В стремлении отрывисто-бурливым
Восторг твой слит с моим порывом.

О, болеро!
И град! И вихрь! И вьюга!
О, болеро! Тоска!
Как это всё порывисто и туго —
Вполголоса и в полшажка!

Что ж, кастаньетами блесни!
Партнёру
Не дай опомниться!
Всё ближе! Вы близки...
И на носках — к её лицу и взору,
К шагам — шажки!

О, воссияй, Любовь, взлети, взорли!
Дарует мощь дух Неба и Земли.
И наша пляска — огненная птица,
Бессмертный ястреб — лёгкое перо...
О, болеро!
Души моей частица,
о, болеро!

Перевёл М. Синельников

* * *

Нет, мудрые колхи, далёким соседям на горе,
Не шли на разбой через синее море.
Напротив, седую морскую дорогу
Враги пропахали к родному порогу.
И часто над родиной горн боевой
Тревогу трубил, заглушая прибой.

Волнами омыты далёкие виды,
Где в воздухе плыли знамёна Колхиды.
И жёны, соткавшие эти знамёна,
Детей прижимая, глядели безмолвно.

С истлевшего знамени через века
И солнце сияет, и машет рука!
Знамёна несли по великому кругу
Два огненных образа: солнце и руку...

Перевёл Ю. Кузнецов

* * *

Я люблю твой нрав, Кодор,
К морю мчишь во весь опор,
С самого себя смывая
Зимней спячки всякий вздор.

Лес в сверкании обнов.
Свежесть мокрая стволов,
Сумасшедшая кукушка
Мне кукует сто годов.

Облака на синеве,
Одуванчики в траве...
Что-то странно отдаётся
Сладким звоном в голове.

Я с лопатой в огород,
Сладок труд и сладок пот,
Семена стучат в плетёнке,
Солнце спину мне печёт.

Так играй, Кодор, играй,
Пенься, лейся через край,
Зимний мусор бурелома
С самого себя смывай.

У весны без берегов
Нет конца в конце концов,
Клювом в клюв, как губы в губы,
Кормит ласточка птенцов.

Жеребёнок... Ну и вид!
Опрокинувшись, лежит
И сучит, сучит ногами,
Точно по небу бежит.

Лес в сиреновом дыму...
Что со мною, не пойму,
Серебрящееся имя
Не открою никому.

Так играй, играй, Кодор,
Мчи в распахнутый простор,
Голубеющее небо
Голубит отроги гор.

Перевёл Ф. Искандер

ОСЕНЬ В АБХАЗИИ

Край мой! Древняя родина
Виноградной лозы,
Солнцу единокровная
Матерь-земля Апсны.

Время готовить корзины,
Время давить виноград,
Время наполнить кувшины,
Что под землёю стоят.

Полные солнечной крови,
Крупные, словно дрозды,
Свесились тёмные грозди —
Дети могучей лозы.

Девушка! Длинные косы
Очень подходят тебе.
Девушка! Щедрые лозы —
Это к счастливой судьбе.

Юноша! Рви эти гроздья,
К свадьбе вина припаси,
Благословенного гостя
Осенью в дом пригласи.

Сбор винограда в родимом краю,
Как возвращение в юность мою!

Шепчутся листья, волнуясь:
Сверстников надо созвать,
Вспомнить недавнюю юность,
Зрелости словом воздать.

Падают гроздья в амцвишу,
И, как отпущенный лук,
Ветвь подымается выше
И распрямляется вдруг.

Как возвращение в юность мою —
Сбор винограда в родимом краю!

Перевёл Ст. Куняев

ПРОЩАНИЕ

*Абхазские мужчины не
оплакивают своих жён.*

Душа настаивала: “Плачь!
Не сдерживай своих рыданий...”
“Молчи... Тоску поглубже спрячь...” —
Шептал обычай стародавний.

...Вчера — любимый человек, —
Вчера она скончалась в муке...
Глаза, закрытые навек,
Навеки сложенные руки...

Её схоронят через день,
Зароют послезавтра в землю...
Он под окном своим, как тень,
Стоит, ночной окутан тенью.

...Он возвращается опять,
Бредёт с душой осиротевшей...
Печалью тихую объят,
Народ сидит вокруг умершей.

И вот: встают по одному,
Глядеть в глаза его не смея,
И все уходят, чтоб ему
Наедине проститься с нею.

Её схоронят через день,
Зароют в землю послезавтра...
Толпа горюющих людей
Пойдёт за нею со слезами.

И он пойдёт среди других...
Но не должны увидеть люди
Запретных слёз его мужских...
Не будет плакать он, не будет!

Но не сдержат ему тоски
Теперь, когда народ оставил.
Прикосновением руки
Он волосы её поправил.

Он в лоб её поцеловал,
Ещё как будто бы украдкой,
И вновь лицо своё склонял
Над этой страшною утратой.

Никто не видел, не слышал,
Как он тогда над нею замер,
Как он лицо ей согревал
Своими жаркими слезами.

...За ним — когда он выходил. —
Её живой тянулся голос.
И шаг его тяжёлым был,
Всей тяжестью земли тяжёлым.

Перевёл Ан. Передрегов

ФОРЕЛЬ И СОЛОВЕЙ

Форель влюбилась в соловья —
Легенда есть такая.
И соловей, её любя,
Пел, горло разрывая.

Средь нависающих ветвей,
Роняя в воду звуки,
Пел над рекою соловей
Серебряной подруге.

В воде форель горит огнём,
А соловей в чашобе
Зовёт подругу над ручьём
В неистовом захлёбе.

И не смолкает эта трель
Любовного влечения.
И, слушая её, форель
Стоит против течения.

Форель плеснётся из волны,
Вспорхнёт певец в чашобе,
Но между ними две стены, —
Непроходимы обе.

Форель плеснётся из воды,
Чтобы прижаться к другу...
Вода и воздух — две среды,
Враждебные друг другу.

Сильнее счастья жаркий хмель
Любовного томленья,
Коль, слушая певца, форель
Стоит против течения.

Перевёл Ф. Искандер

КОЛЫБЕЛЬ

Крыша в доме прохудилась,
Я взобрался на чердак.
Что-то слабо золотилось
Сквозь чердачный полумрак.

Очерк смутного предмета,
Хлам чердачный, канитель...
Господи, неужто это,
Я подумал, колыбель?

Словно кающийся грешник,
Вдруг увидевший алтарь,
Подымаю, как подсвечник,
Цилиндрический фонарь.

То ль игрушка великана,
То ли карлика дворец?
Колыбель моя — как странно! —
Узнаёшь? — я твой жилец.

Колыбель моя, как жалко,
Словно душу в эту гниль,
В эту рухлядь, в эту свалку
Зашвырнули, как утиль.

Или сам я неудачник,
Неуживчивый чудак,
То ли склочник, то ли злочник,
Разваливший свой очаг?

И с улыбкою кривою
Бормочу я, как во сне:
Видно, род мой сам собою
Должен кончиться на мне.

Видно, все мои ошибки
Перечислил сатана
И довёл до этой зыбки,
Как до первого звена.

Но за что казнить начало
В пыльном хламе чердака —
Колыбель, что колебала
Мамы лёгкая рука?

Перевёл Ф. Искандер

СТАРИК И СНЕГ

Старик считает годы —
Всё ближе смертный час.
Суров закон природы,
Придуманный для нас.

Как месяц на рассвете,
Он тает в полумгле...
Вокруг смеются дети
На молодой земле.

Старик ждёт смерти хмуро,
Бормочет невпопад...
Но как-то раз под утро
Начался снегопад.

От снега столько свету,
Куда ни глянь — кругом!
Ах, по такому снегу
Он бегал босиком!

Охотник-непоседа,
Он лазал между скал.
В году Большого Снега*
Он от любви не спал!

Как белые деревья
Стряхают снег с ветвей,
Он сбрасывает бремя
Годов с души своей!

Подрагивают ветви...
А вдруг в последний раз
Старик глядит на эти
Красоты без прикрас?

Но не об этом мысли,
Когда валится снег,
И свежесть юной жизни
Вдыхает человек!

Перевёл Ст. Куняев

ЭТО БЫЛ Я

Стоял крещенский холод
В далёком январе,
Когда младенца голос
Раздался на заре.

В краю, замороженном
Снегами января,
Кто был новорожденным?
Не кто-нибудь, а я!

* В 1911 году в Абхазии было очень много снега.

Лежал в зелёных травах
Усталый мальчуган,
Вбирая почвы запах
И зной, и птичий гам.

Он наслаждался синью
И золотом небес...
Вот так, любимый жизнью,
Я жил в стране чудес...

Жил юноша однажды
И девушку любил.
Всю боль любовной жажды
Он до конца испил.

Узнал всю сладость плена,
Всю горечь бытия,
Сгорал и вновь из пепла
Вставал он — то есть я...

Седой старик угрюмо
Ведёт событиям счёт.
Бегут за думой дума
О том, что жизнь течёт.

О том, что, может статься,
Он прожил век не зря...
Но кто же этот старец?
Опять всё тот же я.

Земля на крышку гроба
Упала тяжело.
Глядели люди скорбно,
А время — время шло...

От гроба и до люльки
Я оглядел свой путь.
Ну что ж, прощайте, люди,
Мне можно отдохнуть!..

Плывёт луна. Ребёнок
Издав свой первый крик.
Он видит из пелёнок,
Что этот мир велик.

В том крике: “Здравствуй, небо!
И солнце! И земля!”
...Кто скажет, что я не был,
Коль слышал мир меня?!

Перевёл Ст. Куняев

СМЕРТЬ КАМНЯ

Вы видели, как умирает камень?
В горах однажды, расшатав руками,
Большой валун я вытолкнул с обрыва,
Не знаю почему... Сперва лениво
Перевернулся он, как бы ворча.

Потом пошёл по склону, грохоча,
Быстрой, быстрее! Нелепым, грузным скоком,
То шлёпаясь плашмя, то зарываясь боком,
То рёв, то стон, то болевые взвизги
Несли по склону. Каменные брызги
Отщёлкивались, щёлкали, взлетали
И, отставая, прахом оседали.

Он мчался с рёвом окровавленного зверя,
Уже не в жизнь, в одно возмездье веря,
Крошилось тело — сыпалось, кололось,
И наконец остался только голос!
И тот замолк... Ни грохота, ни стона,
Зарылся и затих в кустах рододендрона.
Я дальше шёл и озирался поминутно
На глыбы, нависающие смутно.

Перевёл Ф. Искандер

ОБЛАКА

Играя, по небу плывут облака,
Их облик текучий рисует строка.

Платки пуховые по небу плывут,
За ними шагает усталый верблюд.

Вот девичьей шеи печальный изгиб,
Но что он напомнил? Зачем он возник?

Барашки на склонах небес разбрелись,
А раньше на склонах Кавказа паслись.

Воздушного замка угрюмые сны,
Обломки Великой абхазской стены.

Механик, я знаю жестокий твой трюк:
Ты стены обрушишь, но выключишь звук!

А вот великаны справляют пиры,
Багровым вином заливая шатры.

Вот облак и тучка в объятьях слились,
И молния страсти прорезала высь.

На строчку упавшая капля дождя
На скуку длиннот намекнула шутя.

Перевёл Ф. Искандер

ШЁЛКОВЫЙ ДОМ

Шелкопряд своим тихим был занят трудом,
Шелкопряд поднимался всё выше...

И когда себе шёлковый выстроил дом,
Молча умер —
Никто не услышал.

Не увидел никто, куда он ушёл...
Даже дома не стало —
Один только шёлк.

Перевёл Ан. Передреев

* * *

Горы Абхазии,
Вы словно груди
Древней моей страны!
Вьются речушек
Молочные струи
Из голубизны.

Где бы я ни был,
Гордый Эрцаху,
Я у тебя в плену,
Ты, воспитавший
Нашу отвагу,
Дай на тебя взгляну!

Дикие козы,
Как по тревоге,
Выскочили на склон.
Но у охотника
Крепкие ноги,
Смел и опытен он!

За перевалом
Взглядом окину
Острый пик Гуарап.
Надо взобраться мне
На вершину
За птицей акап-кап.

Горы Абхазии,
Вы словно груди
Древней моей страны!
Вьются речушек
Молочные струи
Из голубизны!

Перевёл Ст. Куняев

В САДУ

В саду я отдыхал, забыв дела,
Смотрел, как в свежести, в прохладе утро шло,
Беременная женщина прошла
Красивая... и стало мне тепло.

И я подумал: было утро дня,
В другом саду, другая жизнь была,
В своей утробе мать несла меня,
И время шло в борьбе Добра и Зла.

Перевёл Ал. Коваленков

СЕЯТЕЛЬ

Опять я слышу шорохи весны,
Вновь красота пришла на землю властно.
Моя земля,
цветущая Апсны,
Ты вновь звонкоголоса и прекрасна!

Долины, горы, молодость моя!
Вновь солнце тянет золотые руки
К земле отцов,
и отчая земля
Вновь зелена, куда ни глянь в округе.

Вновь сеятель набухшее зерно
Перебирает трепетной рукою
И, как из века в век заведено,
Идёт по свежевспаханному полю.

Я приношу ему земной поклон
За то, что он в согласии с природой
Находится всю жизнь, за то, что он
Спасает мир обыденной работой.

Ведь без него весенняя земля
Останется пустынна и бесплодна...
Смотри, как жаждут влажные поля,
Чтоб в них зарылись золотые зёрна!

Да будет мирный труд благословен,
Пусть зеленеют молодые всходы,
Пускай в плену весенних перемен
Земля забудет прошлые невзгоды!

Перевёл Ст. Куняев

* * *

Я в этом мире не был одинок —
Друзья мои — кто рядом, кто далёк,
Кто ласковый, а кто суров весьма,
Кто разные выстраивал дома,
Кто ждёт меня, кто хочет быть с другим...
Кого зову я? — Кожинов Вадим!

Чей острый взор был точен и далёк?
Чей ясный ум был тонок и глубок?
Кто найденным талантом был богат?
Кто собирал нас всех, как старший брат?
Чей голос я оставил позади...
Кого зову я? — Кожинов Вадим!

Апсны прошли до края и угла,
Ночная нас укутывала мгла,
Рассветный нас приветствовал туман,
И каждый камень был известен нам.
Вдали Москвы и здесь ты был своим.
Кого зову я? — Кожинов Вадим!

Из года в год, десятки лет ведом,
Я приходил в гостеприимный дом
На старый и приветливый Арбат,
Где в мыслях и Дырмит был, и Баграт.
Никто не слышит, будто я один...
Кого зову я? — Кожинов Вадим!

А в дни, когда обрушилась война,
Кто воевал за нас, не зная сна?
Когда мы обрели твою страну,
Был сделан шаг, окончивший войну.
Теперь не вьётся надо мною дым,
Но ты не видишь этого, Вадим!..

В тот скорбный день, когда оставил нас,
Огонь моей души с тобой угас.
Теперь, когда иду я на Арбат,
Я знаю — дверь мне не откроет брат,
Не выйдет мне навстречу невредим...
Кого зову я? — Кожинов Вадим!

Перевела Д. Ильгова

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

РОМАН

Глава первая КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Гляньте, люди добрые, какое представление устроил перед входом в Большой театр фокусник, чудосочный высокий парнишка лет пятнадцати, одетый в ярко-красный балахон. Берёт входные билеты, и они зависают в воздухе между его растопыренными ладонями, а он определяет:

— Настоящие! Фальшивые не летают. — И возвращает билеты входящим.

— Наши тоже, наши тоже проверьте! — загорелась молодая женщина и протянула билеты фокуснику — свой и мужа. Парнишка охотно проделал фокус, билеты, конечно же, оказались действительными, и лишь после этого, узнав мужа, вытянулся в струнку:

— Товарищ Ста...

— Ещё, ещё что-нибудь! — потребовала жена товарища Ста.

— Если можете, — скромно попросил её муж.

— Пожалуйста! — отозвался фокусник, достал из кармана белый носовой платок, старательно впихнул его в кулак и сквозь норку между большим и указательным пальцами выудил такой же в точности, только — красный: — Примите в подарок! — протянул он красный платок жене товарища Ста.

СЕГЕНЬ Александр Юрьевич родился в 1959 году в Москве. Доцент Литературного института им. А. М. Горького. Прозаик и кинодраматург. Автор книг "Похоронный марш", "Страшный пассажир", "Державный", "Русский ураган", "Поп", "Господа и товарищи", "Митрополит Филарет" и "Алексий II" (серия ЖЗЛ) и многих других. Живет во Внуково.

— Благодарю! — приняла та подарок и вместе с мужем отправилась внутрь громадины Осипа Бове, где вскоре они уже сидели в ложе слева.

— Забавный этот фокусник, — произнёс товарищ Ста, когда они уселись.

Казалось бы, всего полтора года прошло с тех пор, как его судьба висела на волоске. Проклятое письмо мёртвого Ленина за два дня до открытия Тринадцатого съезда партии, оглашённое с подачи пучеглазой вдовы: “Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека...” Какая подножка со стороны уплывшего в мавзолей и уже обожествлённого гения! И “слишком грубый” вежливо предложил внять рекомендации лысого громовержца, вот тогда-то и завис на волоске, а вся эта шайка — Зиновьевы, Каменевы, Радеки, Сокольниковы — уже раскрыла пасть от радости. Да не вышло, Владимир Ильич, не вняли вашим словам с того света, большинством проголосовали за оставление грубого Иосифа на троне генсека.

Три дня назад — в самый день рождения! — снова ленинградские ребята хотели сместить его, Каменев в своём докладе так и заявил напрямую, но всё уже не так страшно и зыбко, как на Тринадцатом, можно чувствовать себя увереннее, почти весь съезд поднялся против оппонционеров и отстоял генсека.

А сегодня в Большом театре показом кино заканчивается торжественный вечер в честь двадцатилетия Первой русской революции.

Поначалу собирались это мероприятие проводить в день его рождения, но Большой не успел подготовиться, пришлось перенести. Да и хорошо, в тот вечер он так умотался, что заснул бы в ложе театра. А сегодня — бодр, уверен в себе, сидит и спокойно взирает на палубу экрана, по которой бегают восставшая матросня. Смешной режиссёрчик с волосами, растущими из лобастого шара головы прямо к небесам, как пшеница, теперь с волнением из первого ряда партера поглядывает вверх и влево, в ложу “А”, на рябое лицо, пытаясь уловить, нравится или не нравится, похвалит или раздолбает, казнит или помилует.

Режиссёру, однако, великая честь — первый показ картины проходит не где-нибудь, а прямо в Большом театре, причём, кино здесь крутят впервые! Из оркестровой ямы звучат отрывки бетховенских симфоний, это вам не тапёр, барабаниющий по клавишам разболтанного пианино. Над сценой натянули огромный экран, по нему не балерины скачут, а разворачиваются события на броненосце “Потёмкин”. Только заметит ли Сталин, что по совершеннейшей случайности актёр Антонов, играющий роль геройского матроса Вакуленчука, в общих чертах похож на Сталина, а судовой врач-подлец, оправдывающий червей в говьящем окороке, отдалённо напоминает Троцкого? Не похоже, что заметил. Да и вообще, смотрит ли он кино или погружён в свои думы? Матросы кричат, а интертитр воспроизводит их крик: “Довольно нас гнильём кормить!” — отказываются есть борщ из тухлятины.

Рядом со Сталиным жена Надя, почти красавица, если бы не тяжёлый подбородок, особенно когда поглядываешь снизу. Смотрит на экран внимательно, видно, что каждый кадр оценивает. Эйзенштейн пригляделся к Пера, сидящей рядом с ним слева, — маленькая, кругленькая, как он. В целом, по-женски хорошенюкая. Но характер! Он рядом с ней чувствует себя мальчиком, а в ней сидит крепкий деловой мужик.

Они совсем недавно познакомились. Журналистка, ориентирующаяся на кинематограф, с красивым именем Перл Фогельман, что означает Жемчужина Человек-птица, но пишет зачем-то под псевдонимом Пера Аташева. Вы, говорит, Серёжа, сами не понимаете своего грандиозного величия, я из вас сделаю лучший бриллиант, Кохинор в мировом синема. Без спроса припёрлась в Одессу на съёмки “Броненосца”, всюду крутила своей круглой попкой, во всё свала свой носик шариком и эдак запросто взяла Серёжу в оборот, в Москву приехали уже парочкой. Ему двадцать семь, ей двадцать пять. Он уже прославился своим вторым по счёту фильмом, да и “Стачка” отхватила премию на Парижской выставке, а недавно он получил квартиру на

Чистых прудах. Она с матерью ютилась в каморке у Пречистенских ворот, ныне Кропоткинских, каждый день ездила к нему на “Аннушке” — так москвичи именовали трамвай “А”. Приезжала, всем интересовалась, через полчаса они уже спорили, а к вечеру спор чаще перерастал в ссору, и Пера убегала на последнюю “Аннушку” и уматывала к мамаше. Теперь вот сидит, куksится.

— Что, опять не нравится? — спросил он.

— Смешно получилось, что весь сыр-бор у них из-за борща, — ответила своим скрипучим голосом. — Так было?

— Достоверно. А умникам, таким, как ты, следует знать, что часто в истории большие трагедии начинаются со смехотворных вещей.

Надя тоже что-то сказала мужу, Сталин пожал плечами. Пожалуй, он и вправду весь в своих мыслях. Три дня назад на съезде партии произошёл бунт почище, чем из-за тухлого борща на броненосце “Потёмкин”. Каменев преподнёс руководителю страны подарок ко дню рождения — читал, читал свой размытый доклад, и вдруг поползло: политическая линия партии пошла в неправильном направлении, мы за то, мы против этого. Кто такие “мы”? Ясное дело — троцкисты. Каменева постоянно перебивали с мест, вышучивали, подначивали. И он пошёл в штюковую атаку: мы против того, чтобы делали вождя, я пришёл к убеждению, что товарищ Сталин не может выполнить роль объединителя большевистского штаба... Договорить не сумел — Андреевский зал Кремля, где проходил съезд, взорвался возмущением, выстрелил из всех орудий, словесно расстрелял оппозицию, как в ноябре семнадцатого пушки по Кремлю:

— Неверно!

— Чепуха!

— Вот оно в чём дело!

— Раскрыли карты!

— Мы не дадим вам командных высот!

— Сталина!

— Сталина! Сталина!

— Ста-ли-на! Ста-ли-на! Ста-ли-на!

— Да здравствует Российская коммунистическая партия!

— Ура!

— Партия выше всего!

— Правильно!

— Да здравствует товарищ Сталин!

— Ура! Ура! Ура-а-а!!!

Настоящий триумф. В последующие три дня оппозицию окончательно разгромили, и сегодня этот невысокий рябой человек, по-своему, по-грузински красивый, а в юности и вовсе был загляденье, сидит в Большом театре уже не как генсекретарь, назначенный на эту должность, подразумевавшую сугубо организационную деятельность, — улаживать дела, координировать действия других товарищей — теперь он генсекре-царь, он император и самодержец вся России. Днём на съезде ещё во френче болотного цвета, а вечером в театре — уже в белоснежном.

Сергею Михайловичу суждено отныне сделаться придворным кинематографистом. Иначе и быть не может. Ещё недавно он подвизался в “Огоньке” в качестве карикатуриста, свои рисунки подписывал псевдонимом Сэр Гей, расчленив данное родителями имя на две половинки, работал в театре, а после “Стачки” приобрёл известность, получил государственный заказ на кино о революции 1905 года, большие деньги, широкие полномочия. И сегодня у них обоих день триумфа — и у императора, и у придворного киношника.

“Броненосец “Потёмкин”. Кинофильм из серии “1905 год”. Производство 1-фабрики Госкино. Ответственный руководитель Я. М. Блиох. Он тоже тут сидит, Яков Моисеевич, Яша, предприимчивый малый: в двадцать лет сбежал в Америку, после революции вернулся, вступил в партию, во время гражданской работал комиссаром снабжения в Кавказской дивизии и в Первой Конной у Будённого, потом ездил дипкурьером в Стокгольм и Пекин,

но сообразил, что изобретение братьев Люмьеров — дело прибыльное, и — подался в Госкино.

Сценарий Н. Ф. Агаджановой-Шутко. Нина Фердинандовна, для самых близких просто Нунэ, — героический человек, маленькая голубоглазая подпольщица в тылу белогвардейцев, не зря утвердили именно её сценарий “Броненосца”. Особенно учитывая то немаловажное обстоятельство, что муж её, Кирилл Иванович Шутко, непосредственный участник Октябрьской революции в Петрограде, с 1922 года служил в ЦК ВКП(б) заведующим делами по кинематографу и имел прозвище Комиссар кино. А Кулешов однажды в шутку назвал его Наркомкин, будто фамилия такая.

Постановка С. М. Эйзенштейна.

Ассистент-режиссёр Г. Александров, друг сердечный Гриша, тоже тут сидит, одесную. Он с Урала, настоящая фамилия Мормоненко, в Москву приехал вместе с приятелем Ваней Пырьевым, стал актёром Первого рабочего театра Пролеткульта, здесь они с Эйзенштейном и познакомились, буквально влюбились друг в друга. Гриша играл Глумова в поставленном Сергеем спектакле “Мудрец” по Островскому, вместе снимали “Стачку”, а теперь “Броненосца”.

Главный оператор Эдуард Тиссэ. Латыш Эдик в гражданскую мотался по фронтам, бесстрашно снимал сражения, хорошо, что ни одна пуля-дура не захотела отнять у кинематографа этого гения киноглаза! Каждый его кадр продуман, он же и “Стачку” снимал, без него Эйзенштейн уже не мыслит своего дальнейшего существования.

Ассистенты режиссёра А. Антонов, М. Гоморов, А. Левшин, М. Штраух. Все тоже приглашены, а Максик Штраух вообще с детства друг, Маккушка, Сергей его в коротеньких штанишках помнит, в первые московские годы жили в одной комнате в общежитии. Теперь женился, жена Юдя, неплохая актриса Юдифь Глизер в Первом рабочем театре — танцовщица в “Мексиканце”, декадентка в “Звездах Пролеткульта”, довольно эффектная. Сергей обожает бывать у них в доме: когда бы ни пришёл, они ему рады, во всяком случае, делают вид, что счастливы, угощают, а он торчит у них до полуночи, не выпровождать, ему нравится наблюдать чужую личную жизнь.

“Дух революции носился над русской землёй. Какой-то огромный таинственный процесс совершался в бесчисленных сердцах. Личность, едва осознав себя, растворялась в массе, масса растворялась в порыве”. Эйзенштейн так нравилась эта цитата, что он сунул её в открытие первой части фильма, а когда начался показ, Пера фыркнула:

— Ну ты, Серёжа, и дурак! Хорошо, что ещё не поставил внизу, чьи это слова. Дай Бог, если он Троцкого наизусть не знает.

Серёжу обдало кипятком, волна покатила за шиворот, до самого копчика. И впрямь счастье, что он не подписал цитату. Глянул на Сталина, тот, кажется, не обратил внимания. Глянул на Троцкого, сидящего вдалеке от генсека. Тот откровенно ликовал, тыкал соседей, явно оповещая их: мои слова, моя цитата! Ему в утешение после сегодняшней бучи на съезде, после полного фиаско Льва Давидовича и всех его сторонников, мечтавших скинуть нынче Сталина и на его место поставить своего любимчика, не имевшего на съезде даже решающего голоса, а только совещательный. И по залу пронеслось: цитата из Троцкого, цита Троц, цитроц, цтроц, троц... только бы не докатилось до самого главного зрителя! И хорошо, что дальше лента без других опасных троцитарочек.

А главный зритель сидел и смотрел на экран с безучастным видом, как если бы в кинотеатр пришёл слепой и только бы слушал Бетховена, плывшего по волнам Большого театра из оркестровой ямы, — музыку к фильму компоновали из бетховенской увертюры “Эгмонт”, симфонической фантазии Чайковского “Франческа да Римини” и увертюры Литольфа “Робеспьер”.

Бунт на палубе корабля разрастался, непослушных поставили под брезент, чтоб расстрелять, но Вакуленчук воззвал к братве, и — дрогнули винтовки. Тут впервые слегка дёрнулась вверх голова у Сталина, будто он получил лёгкий тычок в подбородок. Это он усмехнулся, когда лейтенант Гиляровский закричал: “Стреляй, сволочь!” — потому что исполняющий

эту роль Гриша в кадре кричит иное: “Стреляй, ё... твою мать!” Неужто глазастый грузин увидел по губам?

— Он, кажется, заметил, — со смехом шепнул Александров в самое ухо Эйзенштейну.

— Значит, внимательно смотрит, — нервно порадовался режиссёр, кусая ногти.

Дальше Сталин снова смотрел неподвижно, словно безучастно, и когда Гиляровский застрелил Вакуленчука, и когда убитого привезли на одесский берег и уложили в палатку под надписью: “Из-за ложки борща”, — а Пера опять хмыкнула:

— П-х-х, это смешно, Серёжа.

А одесские рабочие всё равно встают, вся Одесса идёт поклониться павшему мятежному матросу. Интертитр “Вечная память погибшим борцам!” вызывает новый смех у зловредины:

— Погибшим борцам!

Она уже раздражает Сергея:

— Ну, Перка! Опять поссоримся!

Половина фильма позади, а сердце не на месте. Если он продолжит сидеть в зрительном зале, оно лопнет. Он уже не в состоянии находиться здесь, как на раскалённой сковородке, вид невозмутимого Сталина невыносим.

Эйзенштейн не выдержал и сорвался, быстро засеменил вон отсюда — в коридор; всюду пусто, вахтёры просочились в зал в жажде посмотреть. Он побегал по лестнице от партера вверх — в бельэтаж, ещё выше — на ярусы, жадно прислушиваясь к аплодисментам.

Приблизился самый эффектный момент. На “Потёмкине” поднимают знамя, и оно перерезает чёрно-белые кадры снизу вверх ярко-красным пламенем. И весь огромный зал Большого театра выдохнул сотнями лёгких:

— Ух ты!

А главное, Сам-Самыч тоже всколыхнулся в восторге, стал оглядываться, зыркнул в сторону режиссёра и одобрительно кивнул. Жена Сам-Самыча со смехом достала красный платочек и тоже помахала режиссёру. А режиссёра то и нет в зале.

— Победа! — шепнул Гриша через пустое место в сторону Перы, сердитой на позорно сбежавшего Серёжу.

А тот, услышав взрыв аплодисментов, понял, что красное знамя всем дико понравилось. Но ещё целых полчаса изнывать, бегая по коридорам Большого театра. Скорее бы! Впереди кульминационные кадры, вся Одесса на яликах везёт матросам “Потёмкина” провиант, корзины яиц, гусей, кур, поросяточек, всякую прочую живность, одесситы радостно машут красному знамени, развевающемуся над броненосцем...

И вдруг! От моря к небу взметнулись сто девяносто две ступени Ришельевской лестницы, и на них разворачивается страшное действо — расстрел одесситов безжалостными царскими солдафонами, круговерть страданий, а внизу их ещё и звероподобные казаки встречают нагайками. Зрительный зал забурлил негодованием, хочется надеяться, в адрес солдат и казаков, а не режиссёра. Сунув нос в амфитеатр, Эйзенштейн услышал утешающее:

— Душегубы!

Но только вздохнул с облегчением, как чётко донеслось чьё-то злобное:

— Не было!

Семь с половиной минут экранного времени, вместившие в себя расстрел на Ришельевской лестнице, длились для режиссёра чудовищно долго. По музыке, которую он сам предварительно раскладывал по кадрам, понимал, что происходит теперь, а что — теперь.

Глазами Сергея остался Гриша. Он внимательно смотрел на Сталина, но тот лишь однажды поднял правую руку и показал ею вправо и влево, понятно, что имея в виду, — они же могли попрыгать с мраморных ступеней вправо и влево, зачем же упорно бегут вниз, где их уже встречают казаки?

Орудия броненосца шарахнули по штабу царских генералов, и зал снова взорвался восторженными рукоплесканиями.

Дальше до самого конца Сталин смотрел, не шелохнувшись. А там — напряжённейшие минуты: будет ли царская эскадра топить “Потёмкина”? Весь зал живёт не здесь и сейчас, а там и тогда.

А Эйзенштейна, вновь взбежавшего на ярусы, пробила, как пуля в затылок, страшная мысль: слони! Сейчас произойдёт обрыв плёнки! Вот болваны, все они забыли, что недоклеен конец последней части фильма. Монтировали впопыхах, чтобы успеть ко времени, на которое назначена премьера. И уже перед самым показом, здесь, в Большом театре, вспомнили. А чем склеивать? Попробовали ацетоном — не держит. По наитию Эйзенштейн лизнул, склеил, желатиновая основа гостеприимно встретила человеческую слону, и он так все кусочки закрепил, чудеса, да и только! Но выдержит ли плёнка? Обычно говорят, на соплях держится, а тут и вовсе — на слонях.

Полуциркульными лестницами Эйзенштейн в безумии побежал вниз с ярусов, ожидая, что вот-вот плёнка порвётся, куски посыплются из аппарата во все стороны, на экране замелькает секундный хаос и станет белым-бело. Сердце, ты-то хоть не разрывайся на куски!

Зал Большого театра снова разразился безумными рукоплесканиями и овациями — царская эскадра без единого выстрела пропустила “Потёмкина”. А значит, выдержала плёнка. На его режиссёрских слонях выдержала! Чудо свершилось, дыхание финала не оборвалось! Он вбежал в партер и увидел последний интертитр фильма: “И гордо вея красным флагом свободы, без единого выстрела, прошёл мятежный броненосец сквозь ряды эскадры”. Слава Богу, хоть это не цитата из Троцкого! Своим высоким и твёрдым носом “Потёмкин”, рассекая волны истории, выплыл в Большой театр!

Конец.

Несколько секунд в зале царил тишина и темнота, но вот свет стал медленно разгораться, и зрители во все глаза смотрели, как в ложе не спеша поднимается фигура в белоснежном френче, поворачивается к зрителям и начинает аплодировать, и тогда уже весь Большой театр загремел бешеным рукоплесканием. Гриша и Пера бросились обнимать Сергея, и потянулись руки, руки, руки, чтобы прикоснуться к режиссёру, похлопать его, пожать его длань. В зале воцарилась сумятица, вокруг создателей фильма — настоящая давка, только что не Ходынка, и уже невозможно увидеть, где там самый главный зритель.

Всю съёмочную труппу вызвали на сцену, они счастливо раскланивались, а оркестр устроил им “смычки” — это когда смычками бьют по струнам скрипичных инструментов. Сойдя со сцены и с трудом продираясь сквозь восторженную толпу, Эйзенштейн едва не терял сознание, так сильно кружилась голова, и тут перед ним вырос худой, как гвоздь, человек с ледяным взглядом: — Сергей Михайлович, товарищ Сталин ждёт вас в Большом императорском фойе, следуйте за мной. Я его помощник Товстуха Иван Павлович.

— Идёмте! Идёмте, друзья мои! — махнул рукой Эйзенштейн всем своим киношникам, ждал запрета на эту гурьбу, но его не последовало, и они все двигались за ледяным человеком, пьяные без вина, взбудораженные, громко говорящие. На лестнице охрана потребовала отсечь съёмочную группу от случайных прилипал, и он отщипнул стаю из пятнадцати человек, которые пошли вместе с ним наверх, в Большое императорское фойе.

Далеко не каждого пускали туда из полутора тысяч участников съезда, а лишь самых избранных, и развязная киношная братия ввалилась в уже изрядно заполненное ярко-алое пространство, осенённое белоснежными прямоугольниками вытянутого округлого свода, под которыми стояли столики с выпивками и нехитрыми закусками для недолгого spryskivaniya нынешних событий, дабы далее участники разбрелись и разъехались по своим уменьшенным компаниям, успев сейчас что-то сказать, вставить, самообозначиться, воткнуться, утвердиться, хотя бы чуть-чуть.

Парнишка-фокусник умудрился и сюда попасть, брал у желающих деньги, и они парили между его ладонями в воздухе, все удивлялись, искали приспособлений, ничтожек, но ничего такого не обнаруживали.

— Теперь только вы, — сказал гвоздь.

— И я! — влезла Пера.

— Невеста, — заморгал глазами режиссёр. — И мой ассистент, — показал он на сердечного друга Гришу.

Гвоздь глянул на них, как из дула маузера, но разрешил:

— Ладно, но больше никого. — И повёл сквозь всех к обетованному столику, за которым стоял главный зритель в окружении самых близких и беременной чуть ли не на последнем месяце жене, с нескрываемым животом. Серёжу, Гришу и Перу подвели к ним, как двух мальчиков и девочку к столу взрослых дядь и тётъ, молча поставили, откуда-то в их руках родились тарелки и рюмки, Сталин что-то говорил, не обращая внимания на пришедших. Про какой-то там сеньорен-конвент, про конвульсивное сжатие внутривидеопартной жизни, про деклассирование пролетариата, про какую-то ещё абракадабру, непонятную Эйзенштейну. Привели-то зачем?

— А вот и наше молодое дарование, — вдруг заметил Сталин, а Эйзенштейн зорко увидел, что жене его не понравилось столь шутивно-пренебрежительное отношение мужа к кинематографистам. — Товарищи, поднимем бокал за нашего молодого кинорежиссёра, который сегодня показал нам хорошую картину!

Фух, отлегло от сердца! И, чокаясь, Эйзенштейн чуть не разбил свой бокал с коньяком о бокал сегодняшнего триумфатора, выпил, и в голове зашумело: а, собственно, кто сегодня триумфатор, я или ты? То есть, вы. Но речевой орган говорил иное:

— Товарищ Сталин, я так рад, что сегодня... Через три дня после вашего дня рождения... А сегодня — день рождения моего “Броненосца “Потёмкина””!

Белый китель молча взирал на летящую в космос шевелюру, а у Сергея Михайловича в зобу дыханье спёрло, и, конечно же, влезла нахальная Перка:

— Иосиф Виссарионович, поздравляем вас с прошедшим днём рождения!

Белый китель усмехнулся:

— Спасибо.

— Невеста моя, — пояснил режиссёр. — Кинокритик Пера Аташева. Очень талантливая. А это моя правая рука, режиссёр-ассистент Григорий Александров. Заодно играл роль подлеца лейтенанта Гиляровского, который застрелил Вакуленчука.

Сталин усмехнулся:

— А, так это вы кричали: “Стреляй!” — и так далее? Мы, знаете ли, когда готовились к экзамам, учились понимать по губам. Каждый умел другому что-то издали губами сказать, но без голоса, чтобы враги не услышали. Очень полезная привычка. Так что, товарищи деятели кино, когда снимаете, знайте, что кто-то по губам понимает. Не очень красиво получается.

— Учтём, товарищ Сталин, — живо откликнулся Гриша, и Сергеем вдруг не понравилось его подобострастие. Эйзенштейн быстро пьянел, и тут возникло вздорное желание спросить: правда ли, что вы нынче на съезде растоптали оппозицию? Но тут белый китель спросил:

— А как у вас в серо-белой картине получилось ярко-красное знамя?

— А оно белое вообще-то было. Изначально, — ответил Эйзенштейн.

— Белое? — удивился белый китель.

— Да, товарищ Сталин, — вмешался Александров. — Мы нарочно его снимали как белое, а потом вручную раскрашивали каждый кадр. Иначе бы не получился такой эффект яркости, если бы мы снимали сразу красное знамя, а оно в чёрно-белом варианте получилось бы тёмно-серое, и при раскрашивании стало бы вообще коричневым.

— Как всё у вас сложно, — покачал головой Сталин. И усмехнулся: — Стало быть, знамя у вас красное, а подкладка у него белая?

— Иосиф! — вдруг вспыхнула Аллилуева. — Не надо к тонкостям искусства примешивать красно-белую подоплёку.

Сталин рассмеялся, посмотрел на жену сначала сердито, потом ласково, потом с презрением, потом с любовью. Так, во всяком случае, показало Эйзенштейну, который стоял ни жив, ни мёртв. Ведь в семнадцатом он вместе с другими прапорщиками школы инженерных войск томился под Петроградом в ожидании наступления казаков и Дикой дивизии, которое

так и не началось, но он вполне мог тогда оказаться в рядах белогвардейцев, и лишь после расформирования школы прапорщиков вступил в Красную армию. Неужели белый китель об этом знает?!

— Ладно, товарищи, — с лукавой улыбкой произнёс Сталин. — Не будем лезть своими грубыми лапами в законы художественного творчества. Давайте просто выпьем за то, что сегодня мы посмотрели идейно правильную советскую фильму. — И он стал чокаться бокалом из рубинового стекла, наполненным красным вином, со всеми стоящими рядом — с женой; с Томским, который сегодня первым ринулся в бой, защищал Сталина от нападок Каменева; с Молотовым, который сразу после похорон Ленина встал на сторону Иосифа в борьбе против троцкистов; с Андреевым, который следом за Томским нынче выступал против Каменева; с Ворошиловым, полтора месяца назад назначенным военно-морским наркомом вместо умершего Фрунзе, а тот ещё недавно, в январе, сменил на этом посту низвергнутого Троцкого; с наркомом кино Шутко и его женой, написавшей сценарий; с председателем ЦИК Калинин; и, наконец, дошла очередь до Сергея, Гриши и Пери. — Поздравляю, товарищи киноделы!.. Надя, есть такое слово?

— Нету, — почему-то сердито ответила Аллилуева. — Есть бракоделы. Ковроделы ещё. Финотделы, женотделы, политотделы.

— А, по-моему, хорошее слово — киноделы, — полусердито возразил жене Сталин. — Есть вино, и есть кино. Есть виноделы, виноделие, почему бы не быть киноделам и киноделию? Правильную фильму вы сделали, товарищи Эйзенштейн и Александров, поздравляю вас!

В то время фильм в мужском роде равноправно существовал с фильмой в женском, кто говорил так, кто сяк. Ещё произносили не титр, а титра, не тигр, а тигра, не жираф, а жирафа. Сталин предпочитал женский род. Он пригубил, они намахнули, Сергей поплыл и слышал вопрос вождя уже в тумане, подобном тому, который окутал Одессу, когда на пристань привезли убитого Вакуленчука:

— А разве в действительности был расстрел на высокой одесской лестнице? Как она там называется?

— Воронцовская, — подсказала жена Надя.

— А разве не Ришельевская? — усомнился Ворошилов. — Я не слышал ничего про тот расстрел.

— В действительности, товарищи, никакого расстрела там не было, — влезла со своим ответом Пера. — Это гениальная выдумка Сергея Михайловича, как и многое другое в фильме.

— А как же правда жизни? — удивился Сталин. — Разве она не важна?

— Важна, Иосиф Виссарионович, — ответил Эйзенштейн. — Но нередко случается, когда ради правды искусства художник вынужден и просто обязан поступиться правдой жизни.

Хорошо бы на том и расстаться, подумалось ему, но не тут-то было, и то, чего он опасался более всего, осуществилось в полной мере.

— Вот вы где, броненосцы! — раздался весёлый, но при этом заметно нервный голос с картавинкой, но не как у покойного Ленина, а словно дробинка вместо буквы Р. — Извини, Коба, я на минуточку, только поблагодарить создателей фильму. — И к ним протиснулся тот, кого Сергей Михайлович очень не хотел сейчас видеть. А сей неожиданный гость уже обнимал его, нервно-возбуждённый, можно подумать, что пьяный, если бы не знать, что Троцкий никогда в жизни не пил, не курил и не сквернословил. — Спасибо за цитату, поставленную в качестве эпиграфа к фильму! Да и название, думаю, не случайное: броненосец, а я — Бронштейн. А вы — Эйзенштейн. Будем дружить! Медный камень и Железный камень. Звоните и приходите, нам есть о чём поговорить. Я, как вы знаете, всё больше отхожу от политики, а теперь намерен вплотную заняться синемаатографом. Пора у нас в России свой Голливуд делать! — Троцкий обнял Сергея, пожал руку Грише, коротко поклонился Пери и подмигнул Сталину: — Всё, Коба, не пыхти, я ухожу.

И он ушёл вместе с Сокольниковым, стоявшим всё это время неподалёку и со смехом наблюдавшим, как Лев Давидович виртуозно испортил

сегодняшним триумфаторам застолье. Сокольников оказался единственным, кто заступился за Каменева, когда его начали топтать Томский, Андреев и другие, и короткая речь наркома финансов стала последней на сегодняшнем заседании съезда. А значит, завтра можно ждать очередных выпадов сторонников новой оппозиции против Сталина.

Эйзенштейн стоял красный, как знамя над броненосцем “Потёмкин”, глянул на Александрова, тот, наоборот, белый, как то же знамя, но до раскраски. На Сталина ему и поглядеть было страшно, но взглянул и ужаснулся, какая ледяная маска покрыла рябое лицо.

— Ну что ж, — произнёс генсек. — Ещё раз поздравляю товарищей киноделов с блестящим успехом. Можете продолжать веселиться, вам завтра не идти в Андреевский зал. А у нас с самого утра очередное заседание съезда.

Сергей посмотрел на Аллилуеву и чуть не воскликнул: сделайте что-нибудь! Надежда ответила ему сочувствующим взглядом. Броненосец Сталин со своей эскадрой двинулся прочь и как-то мгновенно исчез в тумане эйзенштейновского опьянения, а безжалостная Пера произнесла, как приговор:

— Финита ля комедия!

Глава вторая СЕРП, МОЛОТ И КИНОПЛЁНКА

Каких только изображений не красуется на фасадах московских зданий! Многочисленные и всевозможные дворянские гербы со львами и грифонами, рыцарями и лошадьми, щитами и шлемами, лавровыми ветвями и дубовыми листьями; двуглавые орлы и просто короны; васнецовский святой Георгий на Третьяковской галерее...

Но самый причудливый герб появился в первые годы Советской власти на доме номер семь в Малом Гнездиновском переулке: мускулистый рабочий с обширным нагим торсом взметнул могучей десницей в небо горящий факел, в левой руке молот, опущенный болванкой на серп, покоящийся на пшеничном снопе, за спиной у пролетария пятиконечная звезда, а слева — что это? — да это, братцы, кинопроектор, с бобины которого соскользнула и змеиными зигзагами обвила всё вокруг киноплёнка. Ну и ну!

Когда-то в древности в этом районе Москвы изготавливались стрелы, их продавали связками, эти связки назывались гнёздами, а сами производители стрел — гнездиками. Оттого и пошло название двух Гнездиновских переулков.

Генерал-аншеф Фёдор Орлов вместе с братьями Гришей и Алеханом возводил на престол матушку Екатерину, был он, как и братья, неуёмен в любовных утехах и от разных метресс настругал пятерых внебрачных сыновей и двух дочек, все они благополучно выросли и приобрели у купца Кондикова большой дом на углу Малого и Большого Гнездиновских переулков, достроили его и жили в нём долго и счастливо.

В конце девятнадцатого века дом перекупил Геворг Лианосян, владелец бакинских нефтяных промыслов и керосиновых заводов, поставщик чёрной икры по всей России и в Европу, богатейший буржуй, известный больше под русскими именем и фамилией Георгий Лианозов, давший наименование одному из районов Москвы, где имел владение Алтуфьево. По заказу Георгия Мартыновича архитектор Хероудинов изменил фасад дома номер семь, добавил левую и правую пристройки. Сын Геворга Лианосяна после смерти родителя и вовсе сделался самым крупным нефтепромышленником России, а одной из страстей Степана Георгиевича стало изобретение братьев Люмьеров. В доме номер семь он учредил фирму “Биохром” и вместе с Шаляпиным и гражданской женой Горького Марией Андреевой замыслил положить начало российскому Голливуду.

Впрочем, дело по каким-то глупым причинам не зашло дальше намерений, а перед самой революцией особняк в Малом Гнездиновском арендовал некто Чибрарио де Гаден со своей кинофирмой “Транс-Атлантик”. Так желатино-серебряная перфорированная змея стала постепенно опутывать это здание. После революции Степан Лианозов бежал в Финляндию, поддерживал

Юденича, даже возглавил Северо-Западное правительство, но после разгрома белогвардейцев обитал в Париже, где благополучно дожил до преклонного возраста.

Улетучилась со своей кинофирмой и господин Чибрарио, и лишь киномейма никуда не уползла, прочно обосновалась в огромном доме. Сразу после революции она организовала здесь кинофотоотдел при Наркомпросе, проводила первые съезды киноработников, устраивала просмотры фильмов, после которых проходили весёлые вечера. Кинофотоотдел просуществовал до середины двадцатых, вместо него в бывшем доме Лианозовых поселилась главная государственная кинокомпания “Совкино”. Советом народных комиссаров ей предписывалось создание фильмов, цензура сценариев и монопольное право на ввоз иностранной кинопродукции. Тогда же над домом номер семь взвился причудливый герб. А первым по-настоящему серьёзным проектом, порученным “Совкино” партией и правительством, стал фильм к десятилетию революции, заказанный Эйзенштейну сразу после триумфа “Броненосца “Потёмкина””.

Кино началось для Сергея Михайловича неожиданно. Он взял пьесу Островского “На каждом мудреца довольно простоты”, но камня на камне от неё не оставил. Вместо сцены — арена цирка, над головами у зрителей натянута тросы, и актёры по ним скачут, как обезьяны. Вместо текстов несут нечто невразумительное и нечленораздельное. Чисто мейерхольдовский балаган. В спектакль вставлен короткометражный фильм “Дневник Глумова” такого же свойства. Размалёванные актёры, среди которых и сам Эйзенштейн, корчат мерзкие рожи, показывают кукиши, забираются по верёвке на высокую башню, мужики переодеваются в баб, то превращаются в детей, то в ослов, этим ослам целуют хвост, мужик с мужиком идут венчаться, и их венчают, а под конец опять показан кукиш. Словом, отвратительная чехарда. Но с неё-то и закрутилось эйзенштейновское кино. Сначала Сергей Михайлович перемонтировал под пролетарские идеи заграничные фильмы, потом он подал заявку на цикл из восьми кинокартин “К диктатуре”, получил одобрение, деньги. Снял “Стачку”, огрёл премию в Париже. Выстрелил его “Броненосец”.

Троцкий производил свою исконную фамилию Бронштейн от Бронцштейн — Медный Камень, и теперь вознамерился взять в свои руки кинодело в СССР во главе с Железным Камнем Эйзенштейном. Сталина это взбесило. Кукиш тебе, Троцкий! Камнями нас решили закидать. Как в Библии камнями побивали пророков. Не выйдет!

Товстуха навёл справки, подозрения по поводу гомосексуализма Эйзенштейна не подтвердились, он оказался импотентом, а Перл Фогельман была, что называется, белой невестой, удовлетворялась на стороне, а с ним возилась, как мать с ребёнком.

С января 1926 года “Броненосец “Потёмкин” поплыл по экранам страны. Режиссёр охотно выступал перед зрителями, пропагандируя свой метод киноискусства, который он эпатажно называл монтажом аттракционов. Сталина сей метод изначально раздражал. Он считал, что аттракционы — для цирка, а кинематограф призван стать чем-то по значению гораздо более важным, он должен соединить в себе литературу, живопись, музыку и театр. И никакого вранья! Если расстрела на одесской лестнице не было, то показывать его в кино преступно. Если в действительности накрывать матросов перед расстрелом — несусветная чушь, то и снимать такую чушь нельзя. Если человеку выстрелить в затылок, то он скончается на месте, а показывать, как он потом долго цепляется за жизнь, смешно и глупо. Да, нельзя не признать, что есть две правды — правда жизни и правда искусства, но они должны не противоречить друг другу, а сочетаться воедино.

В итоге Эйзенштейну дали новые заказы с учётом этих сталинских требований. Он пообещал соединить правду искусства с правдой исторического факта, но от своего метода монтажа аттракционов не отрёкся бы даже на костре инквизиции.

Спустя где-то полгода после выхода “Броненосца “Потёмкина”, пока ещё изредка, по ночам, до, а то и после полуночи затихшие переулки стали

будить шумы моторов, визги тормозов, хлопанье дверей. И уже вскоре обитатели старинного московского уголка, образованного при впадении Тверского бульвара в Тверскую улицу и при взгляде с неба представляющего собой как бы носовую палубу корабля, знали, что означают эти ночные звуки — вождь народа со своими апостолами приезжает смотреть кино.

И вот в одну из осенних ночей они вновь прикатили, да много, машин десять-двенадцать, захлопали дверцы, оживлённым голосам безразлично, что в округе все спят перед завтрашним очередным трудовым днём, дым папирос и трубок долетал аж до третьих этажей и даже выше.

Но покурили, поговорили и ушли в здание под причудливым гербом, вернулась тишина, теперь жди, что загалдят, задымят, захлопают дверцами часа через три, а то и четыре, вот же не спится полуночникам!

В эту ночь на киносуд вели нового киноподсудимого. Он уже успел прославиться, но пока ещё как актёр, сыгравший жулика и авантюриста Жбана в эксцентрической комедии Льва Кулешова “Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков”. Сталину нравилось его отчество Илларионович, похожее на Виссарионович, да и великий Кутузов тоже, как известно, был Илларионовичем. Накануне предварительного просмотра его фильма по горьковской “Матери” дотошный Товстуха, куда ехали в машине из Кремля в Малый Гнездиновский, предоставил Хозяину полную информацию:

— Пудовкин Всеволод Илларионович, тридцать три года, родился в Пензе, отец из крестьян, затем приказчиком и коммивояжёром, переехали в Москву, окончил гимназию, поступил на физмат университета, но началась война, на фронте ранение и плен, работал химиком в Померании, бежал и вернулся уже в Россию Советскую, делопроизводитель в военкомате, химик на заводе “ФОСГЕН”, поступил в госшколу кинематографии, курс Владимира Гардина, у него же ассистентом на фильме “Серп и молот”, подрабатывал карикатурами для газеты “Безбожник”, вот, товарищ Сталин, полюбозыщите, я подготовил подборочку.

— Ну-ка, ну-ка? — Сталин просмотрел карикатуры, даже не улыбнулся, но сказал: — Смешно. Дальше?

— Дальше стал поигрывать как актёр, у Гардина в “Серпе и молоте” сыграл Андрея, в “Приключениях мистера Веста” у Льва Кулешова сыграл жулика Жбана.

— Это я видел, местами забавно, но в целом чепуха.

— Потом в “Луче смерти” у того же Кулешова — патер.

— Это полное дерьмо. Как и недавняя.

Последние два фильма Кулешова Сталин решительно отверг. С “Луча смерти” он попросту ушёл с середины, а “По закону” досмотрел до конца и, когда Ганс и Эдит вешали Майкла, сердито расемейся. Фильм снят по повести Джека Лондона “Неожиданное”, в финале муж и жена Нельсоны ведут убийцу на вершину холма, ставят под каким-то чахлым деревом, и Эдит читает молитвы так долго, что в тех кадрах, где Майкла уже вздёргивают, дерево оказывается огромным и высоким, что, собственно, и расемейло генсека. Но смеялся он зло и вообще очень невзлюбил Кулешова, всё на какой-то дурацкой позе снято, актёры постоянно глаза выпучивают, особенно Александра Хохлова, страхоподина, прости Господи, и что этот Кулешов её в каждой своей фильме задействует? Жена? Вот мы почему-то своих жён в Политбюро не тащим. Жена... Дочь Боткина? Ну и что? Боткин, кстати, служил лейб-медиком в царской семье. Внушка Третьякова? Опять-таки, ну и что? Не она же галерею создавала. Играет хуже некуда, тарашится, скалится, вся какая-то неестественная, вычурная. Не такие актрисы нужны советскому кинематографу.

— Вот, кстати, товарищ Сталин, вы просили, выжимки из отзывов кинокритиков: “Фильма эта — сплошной садизм, истерика, надрыв, театр-гильдоль, утончённое мучительство”. Или вот ещё: “Абсолютно закономерно, что таких заядлых формалистов, как Шкловский и Кулешов, потянуло на этот сюжет, где есть за что зацепиться кучей анархистской идейке о том, какая бяка есть закон и как несчастны становятся люди, связавшиеся с этим злым дядей”.

- Это глупо написано. И что такое театр-гиньоль?
- Парижский театр ужасов.
- Понятно. Так, давайте дальше про Пудовкина.
- В “По закону” он не снимался, решил сам стать режиссёром. “Шахматная горячка”. Вам не понравилась.
- Да, помню, чепуха несусветная. Мне во всей фильме пришлось по душе только застенчивая улыбка Капабланки.
- Ну и вот, теперь будем смотреть, что он сделал с горьковской повестью.

Выйдя из машины, Сталин закурил трубку, выглядел бодро и весело. В этом году он постоянно пребывал в прекрасном расположении духа, ленинградская оппозиция разгромлена, Троцкий, как побитый пёс, забился в угол своей будки, индустриализация разворачивается, в Сталинграде, бывшем Царицыне, названном в его честь год назад, зашагало строительство огромного тракторного завода. И в семье полный лад, Надежда в начале года родила хорошенькую рыженькую дочурку Светланку, он с ней постоянно нянчится, когда есть время. Вот и сейчас он думал о том, как утром станет её будить, ласкать и щекотать. К нему подвели режиссёра.

— Ну что, товарищ Жбан, он же Пудовкин, надеюсь, не разочаруете нас своей фильмой?

— Я тоже надеюсь, товарищ Сталин.

— Говорят, вы в Ленинград ездили, видели, как Эйзенштейн там снимает “Десять дней, которые потрясли мир”.

Киномиссар Шутко, с которым Эйзенштейн и Александров после “Броненосца” сдружились и бывали друг у друга в гостях, дал поручение снять фильм о коллективизации сельского хозяйства. И закипела работа над заказной лентой “Генеральная линия”, Сергей и друг сердечный Гриша вместе разрабатывали сценарный план, ездили по деревням и сёлам, начали снимать натурные материалы, впервые работали на равных... И впервые повздорили, когда в одной деревне объявился мужик, требовавший, чтобы снимали, как он умеет живьём глотать лягушек и мышей. Эйзенштейн, естественно, загорелся — вот это кадры! А Гришу с души своротило от подобного зрелища, и он впервые высказался против методики всепобеждающего монтажа аттракционов, даже намекнул, что Сталин не этого ждёт от нас. Тем не менее к осени съёмки фильма развернулись во всю ширь... И тогда же их пришлось резко остановить. Эйзенштейна и Александрова вызвал к себе Калинин и вместе с Подвойским огласил новый заказ — масштабную картину к десятилетию революции по книге Джона Рида “Десять дней, которые потрясли мир”, и чтобы впервые подать на экране образ Ленина.

— Ездил, видел. Но пока ещё только готовится к съёмкам. Товарищ Киров пообещал ему, что предоставит всё необходимое, не поскупились. Будет бомба страшнее “Потёмкина”.

— Сергей Миронович хороший руководитель.

— Эйзенштейн рассказывал смешные случаи про Америку. К нему тут приехал из Атлантик-Сити директор кинотеатра, в котором крутили “Потёмкина”, рассказал ему, он — мне, а я могу вам, если не возражаете.

— Что ж, послушаю.

— Там поначалу народ совсем не шёл на “Броненосца”, сплошные убытки, откуда какой-то чужак по ошибке не разбил пожарный сигнал. Забыли сирены, и публика рванулась смотреть, где пожар. Всегда ж любят поглазеть, как горит. Прибежали, а никакого пожара нет. Многие решили: зря, что ли, бежали? Айда посмотрим, что за кино. На афишах корабли, люди бегут вниз по лестнице, по ним сверху стреляют. Посмотрели, пришли в восторг, и уже на другой день все билеты на много дней вперёд оказались распроданы. И понеслась Серёжина слава после Европы по всей Америке.

— Ну, допустим, не во всей Европе. В Париже гран-при получил, а в Англии запретили, буржуи. А случай с пожарным сигналом забавный. Только я думаю, это хитроумный директор кинотеатра сам придумал разбить сигнал.

— Возможно. И ещё смешнее историю рассказал. На одном из сеансов из зала под руку вывели рыдающего еврея, бывшего одессита. Рыдает и кричит, что он сам видел расстрел на одесской лестнице.

— Так никакого же расстрела не было.

— В том-то и дело. Он что-то с чем-то где-то как-то перепутал. Но дальше ещё смешнее. Его спрашивают, не был ли он тогда ранен, и тут выясняется... Внимание! Что не в него стреляли, а — он стрелял! Он был солдатом, поставленным в строй расстрельщиков. А уж потом, когда по Одессе покатались черносотенные погромы, он бежал в Америку, где прошлое настигло его в виде Серёжиной фильмы.

Сталин от души посмеялся и предложил:

— Пожалуй, довольно нам стоять на улице.

Все отправились в здание под причудливым гербом.

Там, в бывшей большой гостиной Лианозовых, теперь разместился кинозал, не большой, но и не очень маленький, мест эдак на сто. В нём-то и проходили время от времени правительственные просмотры.

Новый фильм Пудовкина Сталин смотрел внимательно, оценивая всё, но не до конца понимая, нравится ему или нет. Нравилось, что нет явных глупостей и искажений, не так много вытаращенных глаз и очень хорошо играет исполнитель роли Павла Власова, губастый брюнет с выразительными ироничными и немного нахальными глазами.

— Знакомое лицо, — сказал Сталин сидящему справа Шведчикову.

Некогда организатор боевых дружин, смелый распространитель большевистских газет, руководитель издательства “Правда” и всей бумажной промышленности, Шведчиков с недавних пор стал новым председателем Совкино.

— Артист Николай Баталов, — ответил Константин Матвеевич. — Вы его должны были видеть в “Аэлите” у Протазанова.

— “Аэлита” плохое кино, — поморщился генсек. — А Баталов хороший артист. Надо его почаще привлекать.

Ещё ему понравился офицер полиции, производящий обыск у Власовых, с лицом, как бритва.

— Тоже что-то знакомое, — вновь сказал Шведчикову главный зритель.

— Так это я, товарищ Сталин, — поспешил обозначиться сидящий за спиной у него Пудовкин, ловивший все движения главного зрителя.

— Вот как? — удивился Сталин. — И вправду вы. Хорошо играете. Типаж такой.

Но конец фильма резко огорчил вождя, и когда в зале зажгёлся свет, он минуты три сидел с недовольным видом, потом сурово произнёс:

— Разве такой финал у Горького? В романе “Мать” Павла Власова увозят в ссылку, а Ниловна вместо него встаёт в ряды. Это финал оптимистический. А у вас, товарищ Пудовкин?

— Простите, товарищ Сталин... — Всеволод Илларионович уже выбрался из своего ряда и встал перед главным зрителем. Тот не любил разговаривать сидя, когда собеседник стоит, и тоже поднялся с кресла. — Я даже обозначил, что не по роману “Мать”, а — “тема заимствована у Максима Горького”.

— А хорошо ли это? И как на это посмотрит сам Горький? Мне кажется, вы не совсем правильно поступили. Гибнут и Павел, и Ниловна. Конец получился удручающий. Хотя в целом фильма хорошая. Даже не берусь судить... У вас нет этих самых аттракционов, как у Эйзенштейна. Всё снято естественно, как в жизни. И вы правду жизни не подменяете правдой искусства. Но... Но почему-то у Эйзенштейна...

— Ярче? — с надрывом спросил Пудовкин.

— Подождите, подберу слово. — Сталин надолго задумался и, наконец, нашёл: — У него бьёт. И вы тоже хотели, чтобы у вас било. Потому и пошли на такой финал. Не бойтесь, я не буду ни на чём настаивать. Пусть фильма выходит так, а мы посмотрим, что скажут люди, что скажет народ. Правильно, товарищ Шведчиков?

— Правильно, Иосиф Виссарионович, — мигом ответил председатель Совкино.

Пудовкин засиял, а то уж он подумал: переснимать заставят. И тотчас мелькнула мысль: будет ли застолье? Но Сталин вдруг заявил:

— Садитесь, товарищи, по своим местам. Сейчас кое-что ещё посмотрим.

И все с недоумением стали рассаживаться, а свет в зале вновь погас, и зрители, усевшись, с недоумением увидели на экране: Hal Roach presents HAROLD LLOYD in SAFETY LAST! Многие здесь уже видели эту картину, выпущенную три года назад американцами, но лишь теперь некоторые заметили в начальных титрах эмблему, чем-то напоминающую герб над зданием, в котором они теперь находились, — наковальня, молот, театральная маска и кинобобина. И — понеслись развесёлые события ленты, похождения потешного парня, которого играет Гарольд Ллойд, целый каскад остроумных трюков, в каждом из которых его вот-вот разоблачат, но он выходит сухим из воды, а в последней части картины он и вовсе взбирается по стене небоскрёба — головокружительные двадцать минут, на каждом этаже Гарольда встречают смешные препятствия, и кажется, вот-вот он сорвётся и полетит вниз, но он продолжает ползти вверх, зависает на стрелках больших часов, невероятными трюками спасается и лезет дальше. Чего только не происходит с ним в этом восхождении, куда в хэппи-энде он не оказывается на крыше высотного дома, где его уже встречает невеста.

Хоть многие уже смотрели эту ленту, в зале не умолкал смех и испуганные вскрики, когда Гарольд в очередной раз оказывался на волоске. Фильм кончился, в зале зажгётся свет, а волны смеха плескались по всем рядам. Сталин встал и повернулся к зрителям. Улыбка медленно угасала на его лице. Наконец, когда все затихли, он заговорил:

— Да, товарищи, мы уже смотрели эту картину. Но я нарочно попросил нас ещё раз её показать, и вот для чего. Этот смешной человек в круглых очках, Гарольд Ллойд, все трюки в фильме проделывал сам. И проделывал, как видите, хорошо. Но вот что мне недавно сообщил мой помощник товарищ Товстуха. Оказывается, за три года до съёмок этой картины Гарольд Ллойд снимался в фильме про привидений, и у него по оплошности в руке взорвалась бомба. И оторвала два пальца на правой руке. Причём самых важных два пальца — большой и указательный. Но Гарольд Ллойд оказался человеком сильной воли и не перестал сниматься в самых опасных трюках. Включая это восхождение на высокий дом.

— Это правда? — в восхищении воскликнул один из зрителей, показавшийся Пудовкину очень похожим на Чарли Чаплина.

— Да, товарищи, правда, — встал человек-гвоздь и продолжил за Сталина: — Если вы ещё раз будете смотреть эту картину или другие фильмы с участием Гарольда Ллойда, обратите внимание, что он чаще всего повернут к зрителям левым боком. А если ещё приглядеться, то можно увидеть, что правая рука у него всегда в белой перчатке, а большой и указательный пальцы безжизненны. В перчатке их чем-то набивают, чтобы не было пустых пальцев.

— И вот, товарищи, — продолжил Сталин, а Товстуха сел и длительно прокашлялся, — с такой изуродованной рукой человек делает головокружительные трюки. Такому отношению к делу нам всем надо поучиться. Жаль только, что он лезет на крышу высокого дома во имя наживы. Но мы и не вправе требовать от американского кино, чтобы Гарольд Ллойд лез на крышу с красным знаменем, мечтая его там водрузить.

— И чтобы Эйзенштейн это знамя раскрасил! — подал голос присутствующий на просмотре Ворошилов. Все дружно рассмеялись.

— А Пудовкин ещё сделал бы так, чтобы его на крыше расстреляли царские солдаты, — добавил Чарли Чаплин угольку в костёр общего смеха.

— Не стоит издеваться над товарищем Пудовкиным, товарищ Шумяцкий, — осадил его Сталин. — Ну что ж, товарищи, время уже позднее, всем предлагаю по домам.

И он первым направился к выходу. Глядя ему вслед, Пудовкин сказал Шведчикову:

— А ведь у товарища Сталина тоже рука, только левая.

— Да, — кивнул Шведчиков. — Последствие тяжёлой травмы, полученной в детстве. Сбил фаэтон. Левая рука в локте не до конца разгибается.

— Стало быть, он нашёл в Гарольде Ллойде родственную душу, — произнёс Всеволод Илларионович. — Хорошо, что ему не приходится карабкаться на высотные дома.

— Товарищу Сталину приходится покорять куда более важные вершины, — вставил своё слово оказавшийся рядом Чарли Чаплин и гордо зашагал к выходу.

— Кто этот человек? — спросил Пудовкин.

— Честно говоря, не знаю, — пожал плечами Шведчиков, а шедший сзади нарком просвещения Луначарский ответил:

— Это Борис Шумяцкий. Мы его только что назначили новым ректором университета трудящихся Востока. А до этого он в Ленинграде участвовал в окончательном разгроме новой оппозиции. Весьма дельный товарищ. Поздравляю, Всеволод Илларионович, ваша вторая фильма, кажется, всем понравилась. Вы сейчас тоже к юбилею революции снимаете?

— Да, работаю. А знаете, Анатолий Васильевич, я тут недавно подумал вот о чём. Мне кажется, неправильно говорить, что фильмы снимают. Будто груши с веток или персики. Я бы сравнил производство фильмов с тяжёлым и трудным строительством зданий. Съёмки, конечно, в кино очень важны, но ещё важнее монтаж. И я бы предпочёл говорить так: я строю новую фильму.

Глава третья ШАРОМ ШАРА ПО ШАРУ

Уютная зелень сукна, красное дерево антикварных столов, желтизна слоновой кости шаров, их клацанье, их плавное движение по сукну после сделанного удара, а сверху прямоугольный светильник с мягким светом, и вся обстановка — неторопливая, но боевая, без суеты. То ударишь громко и лихо, а то мягко, и ласковый шар подтолкнёт себе подобного в небытие лузы... Хорошо!

Ленин, Троцкий и все ребята из старой революционной гвардии лихо играли в шахматы. Игра интеллектуалов, интеллигентов, она развивает многоходовое мышление. Сталин тоже умел расправляться с фигурками на клетчатой доске, но играл хуже других лидеров революции, а уже с детства гораздо больше его увлекла своей зрелищностью и энергией бильярд.

Играл он хорошо, но однажды младший приятель Нестор Лакоба, лидер абхазских большевиков, вдребезги обыграл его, а когда Коба пробурчал, мол, что-то нынче игра не клеится, тот нагло посмеялся:

— Дело не в нынче, ты просто играть не умеешь.

Вот ведь апсуара паршивая, и жена у него самая красивая, аджарка Сарья, и шары он лихо кладёт, и сам весь бравый кавказец, да ещё и издевается! Нестору Сталин всё прощал, но слова, что играть не умеет, запали в душу, и ещё со времён приснопамятного мятежа троцкистов, устроенного в десятую годовщину Октября, Иосиф Виссарионович стал брать уроки у самого Чемоданова.

Как известно, бильярд привёз из Голландии царь Пётр Великий, голландский король подарил ему стол, который приехал в Россию, но французский, безлузный, для карамболя. “Установить сей стол возле приёмной, дабы посланники разные и дипломаты не били баклуши”. И если Иван Васильевич Грозный считался великим шахматистом, то Пётр Алексеевич Романов, помимо всего прочего, прославился и как заядлый шарогон. Игра так понравилась россиянам, что входила в программу обучения молодых дворян, обрела лузы лишь чуть-чуть шире, чем шары, и в таком виде стала называться русским бильярдом с его разновидностями — свободная пирамида, московская, динамичная и классическая. Русская жизнь стала немыслима без русского бильярда. Вокруг игры родился особый язык со всякими словечками и прибаутками, и весь этот бильярдный эпос и этнос очень нравился Сталину.

В России имелось немало мастеров бильярдного инвентаря, славились и дорого стоили столы, кии и шары производства Шульца, Шольца, Фрейберга, Феге, но не только немцев, а и русских — Зозулина, Трофимова, Ярыкалова, Бабина, Молчанова, Виноградова. Однако лишь один человек получил громкое прозвище бильярдного Страдивари — Андрей Петрович Чемоданов. За всю свою жизнь он изготовил двадцать пять столов, и каждый из них стоил целое состояние. Весьма дорого ценились и сделанные им вручную кии и шары, поставлявшиеся к императорскому двору и в дома богатейших богачей России. Самый дорогой чемодановский кий с украшенной бриллиантами рукоятью имел убийца Распутина Феликс Юсупов. При этом Андрей Петрович сам являлся наилучшим бильярдистом России, как дореволюционной, так и советской.

И вот сей легендарный человек стал раз или два в неделю обучать — сам Чемоданов самого Сталина. Почти ровесники — Андрей Петрович лишь на два с половиной года моложе — занимались весело, с шуточками гоняли шары, и ученик довольно быстро пошёл в гору. Даже капризная левая рука постепенно полюбила игру, стала слушаться, когда её клали на ласковое сукно, вставляли ей между средним и указательным пальцами деревянное копыце, и она принимала участие в красивом забивании шаров. Бедная, было ей всего шесть годочков, когда её хозяина сбил лихой ямщик, и она попала под колесо фаэтона, изуродованная плохо срасталась, гноеточила, чуть вовсе не оттяпали. Но осталась жить, только с годами сохла, становилась всё менее и менее подвижной, в локте не разгибалась, а тут на тебе — участвуй в шарокатании. Но хочешь, не хочешь, а Сталин прикажет — надо исполнять. Не любишь — полюбишь!

— Ключ надо непременно держать! — требовал Чемоданов, имея в виду содружество среднего, указательного и большого пальца держащей руки во время работы бьющей.

— Некоторые, я видел, вовсе растопыривают ладонь, кладут на сукно, поверх кладут кий и лупят метко, — пытался возразить Чарли Чаплин, с которым теперь играл Сталин под руководством великого тренера.

— Ну и дураки, в самый нужный момент промахиваются, — возразил ему Чемоданов.

Фильмы Чаплина вождь трудящихся обожал: во-первых, смешно до невозможности; во-вторых, удивительное сочетание смешного и трогательного, он и забавный, и жалкий, и за себя всегда готов постоять, как маленький петушок, нападающий на влезшую в курятник волчицу; в-третьих, что тоже важно, классовый подход — Чарли всегда пролетарий, часто люмпен, и постоянно издевается над представителями эксплуататоров, богачами, чиновниками, держимордами-полицейскими, всякими холуями при богатеньких. Просмотры в Малом Гнезниковском часто содержали в себе одну-две короткие чаплинские комедии или полнометражные: “Мальша”, “Парижанку”, “Золотую лихорадку”.

К тому же, Сталин, Чаплин.

И вот теперь при Сталине появился свой Чаплин. Борис Шумяцкий, на восемь лет моложе Иосифа Виссарионовича, родом из Забайкалья. Его отец имел отношение к марксизму, но не революционному, а издательскому, попросту говоря, работал переплётчиком в питерском издательстве Адольфа Фёдоровича Маркса. Убийство царя Александра Освободителя выбросило из столиц многих евреев, но Захар Шумяцкий пошёл по начальству с прошением не выселять его с семьёй за черту оседлости, ибо у него чисто городская благородная специальность, в сельской местности он не сможет работать переплётчиком. И ему нашли город, но — в Забайкалье, далёкий Верхнеудинск, по-бурятски Улан-Удэ, куда семья добиралась пять месяцев. Там и появился на свет Борис Шумяцкий. Взрослея, он одновременно осваивал русский, бурятский и идиш, на всех трёх говорил одинаково хорошо. Потом семья переехала в Красноярск, здесь он стал рабочим железнодорожного депо, освоил уже другой марксизм, нежели его отец, в революцию пятого года командовал восьмисотенным отрядом большевистских боевиков, после ареста бежал, жил по паспорту Ильи Силина и имел партийную кличку Илья-Конь. Скрывался

от полиции в китайском Харбине, потом — Владивосток, участие в восстании Тихоокеанской эскадры, Омск, Томск, Челябинск, на целый год занесло парня в Аргентину. Вернулся, снова арест, тюрьма, забрили в солдаты, а тут, наконец, и семнадцатый год. В октябре избран председателем общесибирского исполкома Советов, и — внимание! — первым провозгласил Советскую власть, правда, не по всей России, но всё же от Челябинска до Владивостока, за три недели до Великой Октябрьской! И потом иногда в шутку говаривал, что Ленин лишь последовал его примеру.

В гражданскую Борис Захарович где только не воевал. И руководил подавлением иркутского мятежа белогвардейцев, получил ранение, и с сибирским отрядом шёл против наступающих по Украине немцев, и в дивизии Восточного фронта против Колчака, и бесстрашно председательствовал в Совете министров Дальневосточной республики, а потом участвовал в монгольской революции, где сам Сухэ-Батор провозгласил его своим побратимом. Когда генерал Белой армии немецкий барон Унгерн, вдохновлённый собственной головокружительной идеей воссоздания империи Чингисхана от Тихого океана до Каспийского и Чёрного морей, захватил столицу Монголии Ургу, чтобы начать свой великий поход на Россию, Борис Захарович вместе со своими соратниками принимал участие в его пленении и доставке в Москву.

Словом, человек, похожий на Чарли Чаплина, на самом деле овеян не какой-то там голливудской и комедийной, а настоящей героической славой. В двадцатые даже спорил с наркомом по национальностям Сталиным. Выросший среди бурят, Борис Захарович горячо отстаивал их автономию, а наркомнац столь же горячо противился. В итоге победил Шумяцкий, добился автономии Бурятии, за что буряты и монголы ещё больше его полюбили. Сталин обиду положил на дно сундука, как учила его мать, но потом достал оттуда и выбросил на свалку после того, как этот с виду маленький человечек в Ленинграде активно потрошил антисталинскую оппозицию. Его позвали в Москву, сделали ректором Университета трудящихся Востока, благо он знал языки — бурятский, монгольский и в значительной мере китайский. Вскоре и ректором Плехановского института народного хозяйства стал. С такой прытью, да ещё на Чаплина похож, отчего бы не попробовать? И главный кинозритель Страны Советов назначил Шумяцкого председателем “Союзкино”, так назвали должность руководителя важнейшего из искусств.

Сталину особо нравилось резаться с ним в бильярд по двум причинам. Вождь не любил, когда ему откровенно или ловко поддавались, а Шумяцкий играл хорошо и откровенно пытался выиграть у Хозяина, пыхтел, пыжился, но выигрывал крайне редко, а проигрывал не позорно, с отставанием в два-три шара. Вторая причина — потешность, с какой играл Захарыч. Описывать её нет никакой надобности, достаточно лишь представить себе, как если бы Чарли Чаплин снял большой фильм про бильярд и сыграл в нём главную роль. Прежде чем ударить по шару, он, как вот сейчас, садился на корточки перед вожделем лузой и сквозь неё просматривал, каким образом направить в сетчатый карман круглый, как голова Ленина, снаряд из слоновой кости. Выглядело очень смешно.

— Так вы, Андрей Петрович, утверждаете, что по слоновой кости Россия... — спросил он, сидя в очередной раз перед угловой лузой, как перед огневой точкой, взявшись руками за сходящиеся к нему бортики стола.

— Вполне может выйти на первое место, — подтвердил маэстро Чемоданов. — Северная Сибирь изобилует несметными залежами скелетов мамонтов, чьи бивни мало чем отличаются от слоновых и в два-три раза крупнее.

— Так можно наладить... Эх! — огорчился Шумяцкий, промазав после длительных прицеливающихся процедур.

— Можно, — согласился маэстро. — Но для бильярдных шаров не очень годится. Крошится. Вылетают кубики. Иосиф Виссарионович, плечо!

Сталин коротко прицелился и послал свояка в угол.

— А вы говорили, в Бельгии?.. — спросил он.

— Фирма “Салок”, — сказал бильярдный Страдивари. — Фенолформальдегидная смола. Или бакелит. Заливается в форму, застывает, полученный шар обрабатывают и — пожалуйста. Но я пока предпочитаю старую

добрую Африку, особенно французские колонии. Оттуда идёт идеальная кость, полупрозрачная, самая ценная. Борис Захарович, ножку.

Чарли Чаплин из-за своего маленького роста нередко до желанных шаров не дотягивался и делал ласточку, клал ногу на бортик, что категорически запрещалось тренером.

— А в харбинских бильярдных кладут, и ничего.

— Это грубость и вульгарщина. Возьмите тещу.

— Терпеть не могу это слово! — возмутился Шумяцкий. В раннем возрасте он женился на своей Лиичке, дочери богатого купца Исаея Пандры из Канска, и теща говорила про него: шпендрик из многолетней голожопии, настругают киндеров, а мы потом их дочерьми снабжай. С большой неохотой Борис Захарович взял специальную подставку для дальних шаров, именуемую тещей, положил на неё кончик кия, долго целился и опять промахнулся. — Говорю же! Неужели нельзя было как-то иначе назвать?

— Например, оппортунистка, — пошутил Сталин, присматриваясь к расположению шаров после промаха соперника. Играли в московскую, бить только красным шаром. — Вот, смотрите, товарищ Шумяцкий, у меня сейчас все шары замазаны, но около лузы есть два голубчика, и если я битком ударю этого, а тот рядом стоящего... — Он ударил, шары возмутились, но крайний упал в лузу.

— Ловко, — вздохнул Чарли Чаплин и глянул на полочку, куда Сталин к шести шарам прибавил седьмой против пока ещё трёх Шумяцкого.

— Этот удар называется шаром шара по шару. Правильно, товарищ Чемоданов?

— Можно и так сказать, — согласился маэстро.

— А монголы словом “шара” называют всякую сволочь, — усмехнулся Борис Захарович. — Вообще-то, у них шара — это чайные выварки. Но и сволочь, по аналогии.

— Это кто сволочь? — весело произнёс миловидный человек с бритым и круглым, как бильярдный шар, черепом, входящий в бильярдную ЦК партии, где проходила сия мирная шаровая баталия. Ровно восемь месяцев назад несчастного Товстуху догрыз крысёныш тубер. То есть он не слёг, но всё больше и невыносимее кашлял, иногда с кровью, что, согласитесь, для первого помощника Сталина не вполне пригодно, да и уставить человек-гвоздь, поеденный чахоточной ржавчиной, стал больше, его перевели на более спокойную должность замдиректора Института Ленина: кашляйте, Иван Павлович, не сдерживаясь.

На место высокого и тощего Товстухи взяли невысоконогого и кругленького Сашу Поскрёбышева, вятские — люди хватские, Киров с Молотовым тоже вятские. До того Саша тоже служил помощником генерального секретаря, но в подчинении у Товстухи, теперь же сделался главным помощником и заведующим Секретным отделом. В отличие от предшественника, он обладал весёлым и благодушным нравом, но столь же исполнителен и дотошен, как незабвенный Иван Павлович. Только вот в бильярд пока не научился, а Товстуха хорошо играл, и тоже ученик Чемоданова.

— Надеюсь, не я сволочь?

— Боже упаси! — смешно испугался Чарли Чаплин.

— Он говорит, что по-монгольски сволочь будет — шара.

— Должно быть, отсюда и шарашкина контора, — улыбнулся Поскрёбышев.

— вполне возможно, — согласился Шумяцкий.

— Товарищ Сталин, вы просили про Мурнау. — Поскрёбышев извлёк из папки газету, развёрнутую на определённой странице, и положил её перед Хозяином. — Не убийство.

Сталин забил восьмой победный шар, красный биток, возвращаясь, прокатился по газете, и только после этого Иосиф Виссарионович взял читать статью. По-английски и по-немецки он говорил плохо, но читал вполне сносно, в отличие от французского. Его считал легкомысленным, слова короткие, а букв много. Вода носом вдоль строчек, он медленно прочитал о немецком кинорежиссёре, погибшем месяц тому назад в автокатастрофе.

Статья оповещала, что они мчались на аэродром, чтобы лететь в Нью-Йорк на премьеру фильма Мурнау “Табу”, за рулём сидел любовник режиссёра филиппинец Гарсиа, сам Мурнау располагался рядом и орально ублажал любовника, не стесняясь присутствием сидящих на заднем сиденье менеджера Нэда Мартина и овчарки Пэл. На резком повороте Гарсиа в восторгах сладострастия не справился с управлением и врезался в столб. Все уцелели, кроме Мурнау — крепко ударился затылком и сломал шейные позвонки.

— Какая мерзость, — поморщился Сталин. — Вот такие у них деятели культуры. Надеюсь, у нас этой содомской нечисти не так много, как у них. И ту, что есть, мы полностью уничтожим.

Из фильмов Мурнау он смотрел, конечно же, “Носферату, симфонию ужаса”, кривился при виде кровососа Орлока в исполнении Макса Шрека, одновременно и карикатурного, и жуткого, оценил и цветовое решение картины: разные куски тонированы — синие, когда ночь, зелёные, когда вечер, красные, когда в помещении при свете огня из камина, жёлтые, когда светит солнце. Но это ещё не цветное кино, к которому стремилось всё киночеловечество, над которым бились тысячи специалистов по всему миру, и единственное, что пока имелось, это ручная раскраска кадров, а это ещё у истоков делал Жорж Мельес и другие, включая красное знамя в “Потёмкине”, или тонирование отдельных кусков, как у Мурнау.

— Газета Хёрста? — покрутив так и сяк листы, заметил Сталин, имея в виду крупнейшего американского медиамагната, создателя жёлтой прессы, колумнизма, индустрии скандалов и сплетен и даже самого явления “медиамагнат”. — Да, Хёрста, — ответил он сам себе. — Вот, смотрите, товарищи, отдельные страницы газеты слегка тонированы в жёлтый цвет. Так, что и не сразу заметишь. Публика знает, что на жёлтых страницах напечатана или непроверенная, или вовсе живая информация. И если в суд, то газетчики могут сослаться: мы предупреждали. Отсюда и пошло понятие “жёлтой прессы”.

— Ловко! — воскликнул Чегодаев.

— Иные кинофильмы надо тоже местами подкрашивать в жёлтенькое, — усмехнулся Сталин, зажгёт спичку прямо о бильярдное сукно и раскурил трубку. Тотчас спохватился: — Простите, товарищ Чегодаев. Скверная привычка. Больше не буду. Понимаю, как вам противно. Всё равно, если бы вы на мою книгу поставили горячую сковородку. Да ещё промасленную.

— Хорошее сравнение, — недовольно вздохнул бильярдный Страдивари.

— Андрей Петрович, — улыбнулся Сталин, желая заглаздить вину. — А можете нам восемь с кия?

— Восемь с кия? — потеплел маэстро. — Ну, не знаю, в форме ли я нынче. Если только в свободную, не в московскую.

— Очень просим.

И, подчиняясь воле вождя, Чегодаев установил пирамиду, разбил её битком, да так, что и сам биток, и ещё два шара ушли со стола. Положил свояка в среднюю, потом одного в одного, то бишь двух сразу в одну лузу, виртуозно заколотил дальний шар в угловую и закончил умопомрачительным дуплетом в среднюю. Все в восхищении заплотировали.

— Когда встречаются два таких мастера, — сказал Сталин, — играют до тех пор, пока у одного из них обломается восемь с кия.

— Всякое бывает, — скромно потупился маэстро. — Тут у кого мастерство сочетается с куражом.

— Нам бы такими же темпами со всеми проблемами расправляться, — сказал Сталин, выпуская густой клуб дыма. — Чтобы восемь с кия. В том числе и в кинодельческой отрасли. Что скажете, товарищ Шумяцкий? Минуточку, минуточку! Вы ещё ничего не слышали!

Последнюю фразу он уже не раз произносил Чарли Чаплину, намекая на то, что настоящего звукового кино, как в Америке, у нас до сих пор нет.

В тот памятный год, ровно за месяц до того, как в десятилетие Октября подавили троцкистский мятеж, в Америке появился фильм “Певец джаза” — про то, как в семье выходцев из России рос талантливый мальчишка Яша Рабинович, которому прочили выступать с пением в синагоге, а он подался в джаз; отец его проклял, но когда Яша, уже под именем Джека Робина,

прославился и стал прилично зарабатывать, его со слезами простили. Весь фильм немой, песни подкладывались под изображение давнишним способом, когда ставилась грампластинка, не всегда попадая под движение губ, но в середине картины Яша спел очередной шлягер, публика в фильме разразилась живым шумом аплодисментов, а Яша, столь же неожиданно, как красный флаг над броненосцем “Потёмкин”, произнёс задорную фразу:

— Wait a minute, wait a minute, you ain't heard nothin' yet! — Минуточку, минуточку, вы пока ещё ничего не слышали!

Кинотеатры взрывались и лопались от восторга, чепуховый фильмец снял невиданный урожай долларов, став залпом “Авроры”, возвестившей штурм немого Зимнего, а фраза “Минуточку, минуточку, вы пока ещё ничего не слышали!” равносильной “Временное правительство низложено”.

Через два года после премьеры “Броненосца “Потёмкина” снова Большой театр показывал Эйзенштейна. На сей раз фильм о событиях 1917 года. В его основу положили книгу Джона Рида “Десять дней, которые потрясли мир”, но в итоге название дали короче — “Октябрь”. Накануне показа Троцкий решил сделать себе подарок к дню рождения и 7 ноября поднял мятеж, который довольно легко подавили, но настроение всем Лев Давидович испортил. Сталин приказал убрать из фильма всё, что хоть как-то напоминало о Троцком, и Эйзенштейн вырезал все сцены, где фигурировал сей персонаж. А Сталина вырезать не пришлось, просто потому, что его там и не было в помине.

Фильм и сам по себе Иосифу Виссарионовичу не понравился — всё то же кривлянье, всё тот же идиотский монтаж аттракционов, нарочитые приёмы, бьющие по нервам, отвратительные сцены, а главное — где Сталин? Он что, в революции не участвовал? Да он первым возглавил в Петрограде подготовку к восстанию, с весны руководил большевиками в бывшем особняке балерины Кшесинской, и лишь потом явилось лысое солнышко. Но ни с какого броневика Ленин, как показано у Эйзенштейна, не выступал, тихонечко проскользнул из милой сердцу Швейцарии в проклятую Россию, и лишь к осени стал признанным лидером. Лейба Давидович и вовсе только в мае соизволил приплыть из Америки, чтобы в сентябре возглавить Петросовет. Сталин был самым настойчивым сторонником вооружённого восстания. И вот этот щенок Эйзенштейн показал вооружённое восстание без участия в нём Сталина!

Обидно до слёз было ему, когда любимая жена восторгалась отвратительным фильмом. Кстати, Ленин в ночь Октябрьской революции, конспирируясь, ходил без усов и бородки, эту яркую деталь Эйзенштейн игнорировал. А какая идиотская сцена, когда матросы лезут на ворота Зимнего дворца! Причём один из них зачем-то бросает гранату себе под ноги. И потом впереди всех — Антонов-Овсеенко, похожий на чёрта, ворвавшегося в церковь, а поскользну Троцкого из фильма вырезали, получилось, что не кто иной, как этот чёрт в широкополой чёрной шляпе и длинном аспидном плаще, и был главнокомандующим революции!..

— Набичвареби! — только и оставалось выругаться на Эйзенштейна с Александровым и их скоморохов. Это жгучее грузинское слово он использовал только когда сильно на кого-то обижался. Вообще же, непристойные слова и выражения старался не употреблять, как грузинские, так и русские, приберегая их только для самых крайних случаев.

После фильма “Октябрь”, положив обиду на самое дно сундука, он вскорее утешился мыслью, что так и должно быть: он, Сталин, совершит явление народу в кино не интертитровым немым, не только зримо, но и слышимо, едва только в Советском Союзе тоже наладят производство звуковых картин.

Когда-то в древности греческие актёры выходили на сцену под масками, играли с помощью жестов, но гораздо важнее — с помощью голоса. Кино явилось в мир с точностью наоборот — беззвучной мимикой и вычурными картинными позами, учащённым дыханием — дышите чаще, вы взволнованы! — смешной порывистостью движений, контрастным неестественным гримом.

Но когда придёт звук и голос, всё резко изменится, обретёт полнокровную жизненность. А там не за горами и цвет!

Пройдёт время, и зритель будет потешаться, глядя на карикатурного Ленина и чертёнка Антонова-Овсеенко, а “Октябрь” уйдёт с экранов навсегда, потому что появится настоящее киноискусство. И тогда Сталин выйдет к зрителю во всей красе звука и цвета. Спасибо, набичвареби, что обошли его стороной в своих глупых аттракционах! И уж вам-то никогда не доверят снимать фильмы со Сталиным.

Обида легла на дно сундука и там забылась, потому что целый вал других волнующих и важных событий накатил после десятилетия Октября. Троцкого, а заодно и Зиновьева исключили из партии. Однажды в двадцать третьем на Политбюро в Кремлёвском дворце Льва Давидовича обвинили в безделье и почивании на лаврах, он вспыхнул от обиды, побегал к выходу и пытался хлопнуть дверью. Но старорежимная царская дверь оказалась тяжелой, закрывалась медленно, эффект получился карикатурным: Троцкий пыжился, зависая на огромной золотой ручке двери, и в итоге учесал ещё больше опозоренный. В двадцать девятом, устроив мятеж, он-таки хлопнул дверью, а вскоре навсегда покинул не только Политбюро и Москву, но и саму Россию. После Нового года его насильно увезли на Ярославский вокзал, оттуда поездом — в Алма-Ату, бывший Верный.

— Дальше едешь — тише будешь, — пошутил тогда Сталин, но изгнанник и там продолжал возмущать умы, гнуть свою линию: Сталин искажил поэму революционного экстаза, сначала надо совершить мировую революцию, бросив на неё все силы, а уж потом начать построение нового общества. И ровно через год после высылки в Среднюю Азию Льва Давидовича постановили вовсе выдворить за пределы СССР. По иронии судьбы, из Одессы его увозили Ленин и царь Николай — пароход “Ильич” до революции носил название “Николай Второй”.

Теперь он скучал на одном из островов Мраморного моря, и можно забыть о бесконечных спорах про перманентную революцию. Нет, здесь и сейчас надо строить социализм в отдельно взятой стране, не дожидаясь, когда весь мир соизволит штурмовать свои Зимние дворцы. И под руководством Сталина СССР встал на путь индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства, а время и бремя нэпа уходило в прошлое. Либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны, либо всей революции смерть — это ещё Ленин говорил.

Осознавая полнейший триумф, Сталин снова обратился к партии с просьбой освободить его от поста генсека: давайте, товарищи, уважим Владимира Ильича, он говорил, что не Сталину руководить партией. Но партия — теперь уже в мощном порыве единодушия — не позволила ему уйти с трона. Началось его по-настоящему самодержавное правление. Он осматривает позиции, едет по Сибири, призывает молодёжь идти в науку, утверждает план первой пятилетки, которую назовут Сталинской. И запустили её с 1 октября 1928 года. Вытащили из сундуков статью Ленина “Как организовать...” — и понеслось соцсоревнование.

Троцкий, тоскуя на острове Принкипо, слал по всему миру призывы собрать силы и идти войной на кремлёвского диктатора, называя его кровавым, лютым, новым Иваном Грозным. Но с этой Эльбы, в отличие от Наполеона Карловича, Льву Давидовичу не суждено вернуться даже на сто дней, и никто не стремился подарить ему его Ватерлоо. А воцарившийся в Кремле его лютый враг мог уже не беспокоиться по поводу новых мятежей. Оппозиция, которую он называл коллективным Тартареном, разгромлена, и прозвище Хозяин всё больше утверждалось в его ближнем кругу.

Ожидаемых к десятилетию хороших картин Хозяин так и не дождался. Эсфирь Шуб в своём “Падении династии Романовых” сосредоточилась на бедах, облепивших Россию перед революцией, — война, разруха, голод; и лишь в финале скупо мелькнул документальный Ленин. Пудовкин в невыразительном “Конце Санкт-Петербурга” показал революцию через простых людей, а вождей пролетариата попросту игнорировал. “Октябрь” и вовсе поминать не хочется.

Год разгрома тартаренцев и начала Первой пятилетки высветился новым фильмом Чаплина “Цирк”, который купили за большие деньги и привезли

в дом под серпом, молотом и киноплёнкой. Сталин снова от души смеялся над похождениями бродяги, по-английски Трэмпна, с которым его роднила озорная повадка чиркать спичкой не о коробок, а обо что придётся — обивку мебели, дощатую столешницу, брюки, китель, даже о собственные волосы, и только о задницу нагнувшегося рядом человека, в отличие от Чарли, генсек ещё ни разу не зажжёт коричневую головку.

Жена, трепетно относившаяся к тканям, всякий раз ругала его, когда он чиркал о шторы, обивку или собственные штаны, на что он справедливо отмечал хреновое качество спичечного производства: бертолетовой соли в головках хватало, а вот в тёрке маловато фосфора и антимонита — чиркаешь, чиркаешь, всё без толку.

— Вон, глянь, Чаплин тоже.

— Вижу, такой же в точности хулиган, как мой муж!

— А хорошо бы, Татка, чтобы и у нас такие комедии появились, как с этим Чарликом.

— У нас уже родилось высокое киноискусство. А комедия, как ни крути, низкий жанр. Я бы даже сказала, низменный.

— А сама смеёшься.

— Да... так... изредка.

Некогда весёлая Надежда Сергеевна к своим тридцати годам почему-то стала меняться, умничать, а главное — спорить с мужем. Когда это началось? Так сразу и не вспомнишь. К примеру, из-за этих двух набичвареби. Особенно после “Октября”, когда она подметила, как его задело, что не увидел себя в революционном пламени семнадцатого года.

— Да кто тебе сказал! Я вообще никогда ни на кого не обижаюсь. Просто наказываю, и всё.

— Обиделся, обиделся! Фу, как это по-мещански пошло! Ты должен стоять выше обид. И не спорь, они самые талантливые, их уже весь мир признаёт. Это тебе не англичанин.

— А я от него и не в восторге, — закипал негодованием Сталин. Ему, как и всякому мужу, не нравилось, когда жена его со всех сторон ехидно подкальывает.

Англичанином они звали Бориса Барнета. Его отец Томас переехал в Россию из Англии, разбогател, после революции разорился, а сын ушёл в Красную армию и отчество сменил на Васильевич. Потом стал боксёром, а снявшись у Льва Кулешова в “Мистере Весте”, пришёл в кино. Вместе с немцем Фёдором Оцепом снял сатиру “Мисс Менд”, на которую народ валом валил, потом уже сам-один — “Девушку с коробкой”, комическую ленту, пропагандирующую государственные выигрышные займы, а к десятилетию революции тоже получил партийный заказ и снял о событиях семнадцатого года в Москве, где тоже задействовал в роли Ленина этого хорька Никандрова. В отличие от перетрушников, англичанин не добился успеха, и за границей его английская фамилия ни у кого не вызвала блеска в глазах. Вот и новая его комедия “Дом на Трубной”, хоть и высмеяла уходящих в прошлое нэпманов, не добавила Борису Барнету известности.

— Не такая нам нужна комедия, — сказал Сталин, посмотрев ленту.

— Когда мы с тобой познакомились, — заметила Надежда Сергеевна, — ты вообще кино не смотрел и презирал, а теперь такой стал.

— Когда мы познакомились, наш зритель питался объедками старого кино, — ответил муж. — Оно было глупое и неинтересное. Сейчас — иное дело. Согласен, я полюбил кино. Только жду от него большего, чем мы сейчас имеем. И эти твои мальчишки мейерхольдовцы меня никак не устраивают. Если бы не ты, я бы...

— По попке им надавал? Иосиф, уверяю тебя, мы должны всю ставку сделать на Эйзенштейна. И Александрова.

— Второй мне почему-то больше симпатичен.

— Потому что ты видишь в нём покорность. И готовность слушаться тебя. А Сергей Михайлович — настоящий гений. Настоящие гении ни от кого не зависят. Только от самих себя и своего дара. Как сказал Пушкин: “Ты — царь, живи один”.

— Лучше бы он сказал: “Ты — генеральный секретарь”, — пытался отшучиваться генеральный секретарь.

Но жена уже словно определила для себя генеральную линию противостояния мужу в отношении взглядов на искусство вообще и кино, в частности. Видела, как ему не понравилась глупейшая комедия начинающего режиссёра Сергея Юткевича “Кружева”, но нет же:

— Теперь можешь радоваться, тебя показали.

А его сильно разозлило, что впервые в кино мелькнуло его лицо, причём с красивой фотографии и в самом начале картины, но почему именно в этой чепухе-то!

Новый фильм с Гарольдом Ллойдом “Гонщик” оказался ниже среднего, Надежда Сергеевна — опять с шильцем:

— Ну, вот тебе твой любимчик.

Откуда в ней это взялось? Почему Татка, которую он так сильно и нежно любит, вдруг стала колючая, раздражительная? Вот у тебя и голова болит от этого, что мужу стала перечить.

Бедная, ставшая нервной, Надя всё чаще жаловалась на головные боли, ходила по врачам, обследовалась у самых лучших, ей диагностировали какое-то непонятное окостенение черепных швов, но не может же она привести к окостенению её любви к нему! Да к тому же, в такое счастливейшее время: он расправился с Тартареном из троцкистского Тараскона, стал единовластным хозяином земли Русской, как некогда называл себя царь Николай, он строит социализм в отдельно взятой стране, и у него всё получается, жизнь налаживается... И в семье такая благодать: растут сыновья, родной Василий и приёмный Артём; правда, старший Яков малость дурит, с отцом ссорится, в запальчивости даже изображал, что хочет застрелиться и ранил себя. Но теперь он стал с женой жить отдельно, а у них в доме весело, особенно с появлением Сетанки, доченьки Светланки, ненаглядной папиной любимицы, озорной и остроумной. Что ещё надо Надежде Сергеевне, Таточке-лапочке, царице Тамаре?

Вот не понравился бы ему новый фильм Пудовкина, она бы стала восхищаться, мол, ты опять ничего не понимаешь, но ему вдруг понравился, и она растерялась:

— Ты не шутишь?

— Нет, по-моему, хорошо.

— Вот у тебя всё — либо годится, либо хорошо. Без оттенков. Согласна, “Потомок Чингисхана” заслуживает похвалы. Но, Иосиф, согласишься, Пудовкин идёт след в след за Эйзенштейном, повторяет его приёмы монтажа аттракционов.

С этим он не мог поспорить, действительно, Всеволод Илларионович оставался во многом, и даже в главном, вторичен по отношению к Сергею Михайловичу, но:

— Меня этот мордастый монгол заставил сопереживать.

— Ах, вот оно что! Старая песенка про то, что “нам сочувствие даётся, как нам даётся благодать”! Современное искусство напрочь отмело эту устаревшую фабрикацию Тютчева.

Слов откуда-то набралась, “фабрикация”, ещё “эмманенция”, “концепция”. Почему нельзя говорить просто?

— Может, современное искусство напрочь отметёт чувство, — взволновался он. — Но мне ближе Пушкин с его “над вымыслом слезами обольюсь”.

— Слезами надо обливаться над живыми людьми, а над вымыслом надо работать вместе с создателем этого вымысла, участвовать в его концепциях.

— А ты иногда, мне кажется, не хочешь в моих концепциях участвовать.

— Когда кажется, креститься надо, товарищ семинарист духовной семинарии.

— Изгнанный, заметьте, после четвёртого класса.

Фильм “Потомок Чингисхана” расхвалил и Шумяцкий, большой специалист по Монголии. Хозяин тогда ещё только присматривался к нему — деловой, подвижный, непоседливый, да и приятно вблизи себя держать

чаплинского двойника. Назначь его, все уважительно разведут руками: что тут говорить, если у Сталина сам Чаплин кинематографом заведует!

А вскоре Борис Захарович увёл из-под носа у националистов нового молодого режиссёра Довженко. Тот выпустил картину “Арсенал”, она не то, чтобы понравилась Хозяину, чего уж там, опять шараш-монтаж аттракционов, мельтешение кадров, надрывные эмоции, но в ленте пробежала красной строкой идея, ради которой он решил сделать этого парубка главным киношником для Украины. Дал распоряжение Товстухе, тогда ещё исполнявшему свои должностные обязанности, и человек-гвоздь нарыл на него всю подноготную. В “Арсенале”, когда националисты прикопались к главному герою: ты украинец и должен стоять за святую независимость, тот строго отвечает им, что он, прежде всего, рабочий и будет стоять за дело рабочего класса, а не за их крикливую самостийность. В финале фильма его вместе с остальными восставшими рабочими киевского оружейного завода “Арсенал” расстреливают гайдамаки, пули летят и попадают в героя, но не берут его, он обнажает грудь: стреляй! — и на этом фильм кончается. С одной стороны, нелепо, с другой — символично. Нас не возьмёшь!

Но ещё нелепее оказалось то, что нарыл человек-гвоздь, тоже ведь, кстати, хохол. Он выяснил, что Довженко лично участвовал в показанных кровавых событиях, но наподобие того хмыря, про которого рассказывали, как он плакал при виде сцен расстрела на Воронцовской лестнице. А именно, Довженко штурмовал восставший против Украинской народной рады завод, будучи добровольцем армии самостийной Украины, гайдамаком! И не за шкуру втащили, а доброволец. Ну и хлопчик! Тогда стрелял в рабочих, а теперь снял кино, где гайдамаки изверги, а рабочие хорошие.

— Скажи, Иван Павлович, — усмехнулся, узнав такую выдающуюся подноготную, Сталин. — Отчего в вашем языке вместо “толстуха” говорят “товстуха”, вместо “долгий” — “довгий”, вместо “Долженко” — “Довженко”?

Человек-гвоздь в тех случаях, когда не знал, что ответить, умел пошутить, притом несколько не меняя сурового выражения глаз, подобного наставленным на вас жерлам пушек броненосца “Потёмкин”. И он сказал:

— Так ось так, Йосып Виссарионович. Що вы будете робыты з нами, клятымы хохламы!

Сталин от души посмеялся и задал другой вопрос:

— Ну и що мы будемо робити з этим гайдамаком?

— Моя бы воля, товарищ Сталин, я бы его за ребро повесил.

— Придёт время, мы так и сделаем, то есть зробимо. А пока он нам нужнее нужного.

Как раз, когда вышел “Арсенал”, в Вене состоялся объединительный съезд всех самостийников, и родилась Организация украинских националистов — ОУН, а в Киеве зашевелилось, закопошилось, взыграло. Доселе про Довженко всё и всем там было ведомо, и про то, как штурмовал “Арсенал”, и как потом переметнулся к красным и стал большевиком-боротьбистом, и как, будучи зачисленным в Наркоминдел, возглавляемый Сталиным, и назначенным секретарём в советское торговое представительство в Германии, просил немецкого гражданства, да не получил таковое. Знали, но теперь, когда Сашко снял картину против украинского национализма, вмиг припомнили и посадили под арест. Кто же его оттуда вызволил? Шумяцкий. Поехал, показал записку от Сталина и приволок бывшего гайдамака в Москву.

Лично Сталин с этим оборотнем встречаться не захотел, но велел передать важное партийное задание: снять картину о коллективизации на Украине, подобную той, что к тому времени закончили и показали перетрушники, тильки зробыты краще.

После выхода на широкие экраны фильма “Октябрь”, про который Маяковский заявил, что лучше бы никакого Ленина не показывали, нежели такого, Эйзенштейн и Александров вернулись к уже начатой ленте “Генеральная линия”, доделали её и сдали на суд вождей. Надеялись, конечно, что их пригласят, как раньше, на предварительный показ, но кое-что лежало на самом дне сундука, и Иосиф Виссарионович не позвал всемирно известных

мальчиков в Малый Гнезниковский, смотрел с товарищами по партии и представителями киноцеха. Ну, и с любимой Таточкой.

С первых же кадров его стал бить озноб неприятия, когда перетрушники показывают старую русскую деревню в искажённо-отвратительном виде. Грязюка, мерзость, избы топятя по-чёрному, хотя всем известно, что уже к началу нашего двадцатого века курная изба стала такой же редкой знаменитостью, как берестяная грамота. Зачем же так бессовестно врать, юноши! И всё в таком духе. А главное, морды у всех безобразнейшие, где эти Гриша и Серёжа таких находят? В газетах, что ли, объявление дают: требуются для съёмок фильмов уроды и страхолюды, желательно беззубые, бельмастые, косые и кривые? Причём самая страшная — главная героиня фильма Марфа Лапкина, у которой, как у большинства других персонажей, когда смеётся, обнажается лошадиная верхняя десна, огромное пространство между носом и кривыми мелкими зубёшками.

Он поглядывал на жену и видел, как она поглядывает на него, готовая идти в сражение за честь и достоинство Сергея Михайловича и Григория Васильевича. Надо упредить её удары, и когда пошли длинные кадры преуспевающих совхозов и колхозов со всем животноводческим Эльдorado и пшеничным Клондайком, он нарочито похвалил:

— А вот это хорошо показано. Как думаешь?

— Вот это, как раз... Ладно, смотрим дальше, — прошипела она, недовольная, что ему хоть что-то понравилось.

И он подумал: мы будто враги. Смотрел дальше, не желая воевать с любимой женой, мелькали и мельтешили кадры, причудливые эпизоды, неумные сюжетные ходы. Ну, как это у них племенного быка никто не охранял, и кулаки его в лёгкую отравили? Получается, наши передовые крестьяне-колхозники полные дураки. И всё в таком духе, тошно, отвратительно. И такой чудовищный подхалимаж перед Советской властью. Понятное дело, у одного папаша — бывший богатейший архитектор Риги, у другого — бывший владелец дорогущих гостиниц в Екатеринбурге, не пахали землю, не жили даже в белых крестьянских избах, не стояли у станка или доменной печи, вот теперь и выкаблучиваются.

А невыносимее всего — когда эта Марфа Лапкина на весь экран лыбится своей кондовой мордой, лошадиной верхней десной.

— Ну почему не могли найти хорошее женское крестьянское лицо? — спросил он, когда эта мука кончилась словом “Конец”.

— Грету Гарбо, например, или Норму Ширер, — язвительно промолвила защитница гениев.

— Ну, зачем же, — спокойно возразил муж. — Пусть с грубой, крестьянской красотой, но разве мало в России женщин, о которых Некрасов...

— “Коя на скаку остановит, в горящую избу войдёт”, — процитировала Надежда Сергеевна и хихикнула.

— И это, но и вот это: — И он стал читать про женщин в русских селеньях, про их спокойную важность лиц, красивую силу в движениях, в походке, про взгляды, как у цариц. Читал и читал величественное некрасовское воспеание русской женской красоты: “пройдёт — словно солнцем осветит, посмотрит — рублём подарит”, и грязь обстановки убогой к ним не липнет: “красавицы — миру на диво, / румяны, стройны, высоки, / во всякой одежде красивы, / во всякой работе ловки...” Он дочитал всё стихотворение до конца: — “И по сердцу эта картина всем, любящим русский народ!” — За молчал, и все тоже молчали, впервые вспомнив, что они тоже русский народ.

— Так вот какую тебе жену надо, — тихо и грустно произнесла Надя, вкладывая в эти слова все свои головные боли, непонятные страхи, неведомую злость, постоянную ноющую раздражительность.

И, услышав её, Сталин пожалел жену:

— А в целом фильма хорошая, вполне годится. Передан наивный энтузиазм коллективного строительства новой деревни. Думаю, мы сможем поручить товарищам Эйзенштейну и Александрову длительную поездку за границу для изучения опыта производства звуковых фильмов. И давайте организуем с ними встречу.

Аллилуевой нечем оказалось крыть, нечего возразить мужу, если только взять и переметнуться, закричать, что они сняли бездарный и лакейский фильм, который перечёркивает всё их предыдущее гениальное творчество, но такой поворот явно не для её бедной большой головушки.

По-прежнему пряча кое-что на самом дне сундука, Хозяин вызвал Эйзенштейна и Александрова в свой кремлёвский кабинет. К тому времени оба, уже считаясь мэтрами, преподавали в Госкиношколе, куда им и позвонили с приглашением. Аллилуева на этой встрече отсутствовала, но он потом, оберегая её психику, обтекаемо рассказал ей о том, какие высказал пожелания по небольшой переделке картины, что похвалил, что не очень, как предложил заменить прежнее название “Генеральная линия” на “Старое и новое”.

— Неужели и про курные избы не сказал?

— Представь себе, Татка, не сказал.

— И правильно. Потому что... и пускай, что таких давно нет. Они символизируют атмосферу угара и удушья, в которой жил русский народ.

— Разумеется, я всё понимаю, твой муж не такой уж зануда, — улыбался он, надеясь, что хотя бы сегодня головная боль не станет причиной отказа. — И я сообщил им о предстоящей поездке за границу для изучения опыта звука.

— Да они просто должны туда поехать, вот и всё, — фыркнула Надежда Сергеевна. — К тому же, насчёт звука... Они-то как раз против. И твой любимый Чаплин яростно выступает против звукового кино. Ты же знаешь.

— Это не совсем так, — возразил муж. — В речах выступают против, а в своей статье, в целом, за.

Эйзенштейн, Пудовкин и Александров выпустили манифест “Будущее звуковой фильмы”, в котором как-то уклончиво выражали опасение по поводу того, что звук приведёт к упрощению киноискусства, что им воспользуются для пущей его коммерциализации, кино сделается болтливym, но при этом подчёркивали и достоинства звука, когда поясняющие интертитры перестанут утяжелять динамику подобно камням, привязанным к ногам утопляемого.

— Я согласен, — продолжил Сталин рассказ о встрече с перетрушниками, — они должны увидеть мир, а мир должен увидеть их. Но вот ты увидишь, как заиграет их кино, если придёт звук. А Чаплин? Просто боится, что, когда заговорит, перестанет быть таким же смешным. Так что вот, Таточка... — Он сделал попытку её ласково приобнять.

— Пожалуйста, не трогай меня, Иосиф, ты не представляешь, как у меня раскалывается голова!

Лицо Сталина вмиг сделалось сердитым, голос — строгим:

— Но прежде, чем они поедут за бугор, я потребовал, чтобы они ещё поехали по стране и досняли многое, чего ещё нет в фильме “Старое и новое”.

— У них там всё есть, что надо. Нечего ездить по стране. Их ждёт весь мир! — прокричала сквозь головную боль жена.

Но парочка всё-таки выполнила его волю, два месяца моталась по СССР, что-то доделывая, доснимая строительство заводов и доменных печей, зерносовхозов и нефтепромыслов. Учли замечания Сталина и, сдав картину, отправились в свою долгую заграничку, а “Старое и новое” в качестве главного фильма года показали на двенадцатую годовщину Великого Октября.

Накануне того двенадцатилетия вышел фильм, понравившийся Сталину, — “Обломок империи”. Доселе Фридрих Эрмлер снимал какую-то чепуху: “Катка “Бумажный ранет””, “Парижский сапожник”, но эта картина тронула сердце главного зрителя, особенно то, как актёр Никитин играл роль бывшего царского унтера Филимонова, утратившего память после контузии и вновь обретшего её через десять лет по окончании гражданской. Ищет жену, находит её, а она замужем за другим...

— На этом и надо было кончить, — морщилась Надежда Сергеевна. — Они были мужем и женой в прежней жизни, навсегда канувшей в прошлое. Теперь у неё новый муж. И у него должна появиться новая жена. А тут они опять сходятся. Нет логики исторического развития.

А ему как раз нравилось, что в финале Филимонов и жена опять сходятся. Не желал бы он сам, чтобы вернулся через десять лет к Таточке, а она замужем... За Бухариным, допустим. Такая, какой он всегда любовался, всегда строго и красиво одетая: синяя юбка, белоснежная блузка, синий жакет, белые чулочки и чёрные туфли — её любимый наряд, всё так элегантно, безукоризненно. Он не хотел бы, чтоб она ходила, как грузинки в деревнях, чёрными скворцами, но и уж точно не позволил бы ей расфуфыриваться, как любовница чиновника по снабжению.

Милая, бесконечно любимая Таточка, она долгие годы дарила ему нежность, с тех пор, как они познакомились. Ей тогда ещё семнадцать не исполнилось, ему под тридцать, он только что вернулся в Петроград из сибирской ссылки, воздух уповательно дышал революцией, пала династия Романовых, Временное правительство навсегда останется временным, впереди светилась звезда победы. Любовь и революция сплелись в страстном поцелуе, как Амур и Психея в скульптуре Кановы. Родители против, но она сбежала с ним на фронт, и они стали мужем и женой, в марте девятнадцатого зарегистрировались, и это был упоительный брак! Его лишь покорило, когда она не захотела взять его фамилию, почему-то считая, что карикатурно-православная Аллилуева звучит лучше, чем сплав железа с углеродом. Но и эта обида легла на дно сундука.

Когда он стал наркомом по делам национальностей, родился Вася, вскоре взяли на воспитание Васиного ровесника Артёмку, сына погибшего Фёдора Сергеева, с которым Сталин дружил. Светлана родилась уже в ранге дочери генсека, на вопрос: “Как тебя зовут?” — смешно отвечала: “Сетанка”, — и её так и прозвали, а с недавних пор Хозяин стал звать её ещё и Хозяйкой.

Но почему-то именно после появления Сетанки начали происходить какие-то тектонические сдвиги в его отношениях с Таточкой. Головные боли набрасывались на Аллилуеву уже после рождения Васи, теперь же стали наваливаться всё чаще и чаще.

И пошёл между ними разлад. Особенно после того, как она взялась заступаться за Бухарина. Николай Иванович после разгрома троцкистской оппозиции повёл себя неумно, сдружился с опальным Каменевым, критиковал политику коллективизации, слишком, по его мнению, радикальную, призывал к временным уступкам кулакам, и вообще непонятно почему вдруг взорлил, решил потягаться за власть.

— Про искусство и кино я готов с тобой спорить, а в политику шагать запрещаю! — решительно отсёк Сталин попытки жены советовать ему, как вести себя в отношении Бухарчика, исчезнувшего из весёлого сталинского ближнего круга.

Вот и сейчас в бильярдную ЦК ввалилась компания — Ворошилов, Калинин, Молотов, Орджоникидзе, — но уже трудно бы представить среди них и Николашу, как некогда ласково звал Бухарина Сталин.

Маэстро Чемоданов, видя, что дальше в качестве учителя он не нужен, отпросился, и Хозяин его отпустил, а когда о том же заикнулся Шумяцкий, Сталин его попросил остаться. Покуда слегка выпившая и потому шумная компания затеяла игру двое на двое, он сел отдохнуть, усадил рядом своего Чарли Чаплина и спросил:

— Так вы говорите, эти гаврики летали в эпицентр?

— Да, товарищ Сталин, — ответил Шумяцкий. — Весёлые ребята, ничего не скажешь. Их тряхануло в Мехико, так они смело полетели смотреть на последствия землетрясения в Оахаку, где самый эпицентр. Снимали там.

— Молодцы, что можно сказать, — похвалил Сталин.

За поездкой Эйзенштейна и Александрова в Европу и Америку, само собой, агенты внимательно следили и постоянно слали донесения. После успеха “Броненосца” перетрушникам постоянно шли предложения поработать в Голливуде. Но сначала “Октябрь”, потом “Старое и новое”, и, наконец, в конце лета двадцать девятого года оба вместе с оператором Тиссэ учесали на поезде в Берлин. В Польше их поезд сошёл с рельсов, но никто из этой тройцы не пострадал. В Берлине окунулись в киношную атмосферу, ходили

на все фильмы, какие только шли тогда, вращались среди немецких режиссёров и актёров, а также среди многочисленной эмигрантки, не только российской, но и со всего мира.

Забавный факт: в немецкой столице Эйзенштейн определился со своей сексуальностью, он несколько раз сходил в развлекательные заведения для педерастов и потом в компании откровенничал, что не нашёл в своих чувствах отклика, в однополое содружество его ничто не заманило, а либидо он испытывает исключительно к одной даме, имя которой — Кинематография.

В Германии пришлось им подзадержаться: Америка шарахнулась о стену кризиса, и мистру Весту теперь стало не до визитёров из страны большевиков. Сидя в Берлине, троица участвовала в создании первого немецкого звукового фильма “Голубой ангел”, принёсшего невероятный успех режиссёру Йозефу фон Штернбергу и актрисе Марлен Дитрих, сыгравшей роль певички Лолы-Лолы.

Из Берлина троица переехала в Женеву на Всемирный конгресс независимых кинематографистов. Там Сергей Михайлович сделал доклад о своих принципах киноискусства. Походив по ленинским местам, они задумали фильм “Ленин в Швейцарии”, но покамест согласились поработать над фильмом “Женское счастье — женское несчастье”, агиткой в пользу отмены запрета на аборт. Получили деньги и некоторое время снимали слезливую трагедию жены безработного, которой отказали в аборте, и она умерла в муках, ибо почему-то там не могла нормально родить.

Из Швейцарии путешественники вернулись в Германию, где начался прокат “Старого и нового”, потом побывали в Англии и надолго бросили якорь в Париже. Здесь студия “Гомон” в качестве постижения опыта звукового кино дала им снять короткометражку “Сентиментальный романс”.

Наконец, из Парижа троица улетела в Голливуд, как раз на празднование тридцатилетия американского кино, которое сами американцы называли муви, что значит “движуха”. С распростёртыми объятьями перетрушников принял Чаплин, постоянно зазывал их на свою виллу, много общались, играли в теннис, купались в океане. Благо, Эйзенштейн в совершенстве владел несколькими языками, включая англиш.

Чаплин снимал новую картину “Огни большого города”, и троица даже немного поучаствовала в съёмках. Но больше никто не спешил их привлекать к работе на голливудских площадках, они сыпали заявками на сценарии, как снегом в январе, в ответ — сплошной сайленс. Или провокации, как с Карлом Лемле, о которой с особым удовольствием доносил наш агент.

На этого Лемле вышел Троцкий. Сидя без дела на своём острове в Мраморном море, Лев Давидович наконец-то исполнил свои обещания обратиться к кинематографу и сочинил сценарий “Тайны Кремля” о диктаторе-вампире гораздо страшнее, чем Носферату у Мурнау. Лемле пригласил троицу в дорожный ресторан и, сияя, как софит, заявил, что если они снимут эту картину, богатая жизнь им обеспечена до самой старости, можно поселиться на бульваре Сансет и не думать о возвращении в этот кошмарный Сталинленд. Они молодцы, сообразили, с негодованием отвергли предложение и, не доев омаров и устриц, покинули ресторан. Вскоре после их демарша студия “Парамаунт” объявила ребятам, что либо они станут выполнять её требования, либо никто более не выразит заинтересованности в знаменитом на весь мир Эйзенштейне.

И путешественники двинулись на юг Северной Америки, в Мексику, куда их звал толстопузый художник Диего Ривера. С ним и его хрупкой женой Фридой Кало, тоже художницей, они познакомились ещё в Париже. Мексиканское правительство издало запрет на компартию, и троицу из Советской России на некоторое время арестовали, покуда не завопила мировая общечеловечность в лице Чарли Чаплина, Дугласа Фербенкса, Бернарда Шоу, Теодора Драйзера, Томаса Эдисона и Альберта Эйнштейна. Лично примчался в Мексику Эптон Синклер, американский писатель-социалист, зачинатель разоблачительной журналистики, взял их под своё крыло, повёз по живущим в Мексике богачам, включая миллионера Жиллета, бритвой

которого соскребал со щёк и подбородка щетину не только весь мир, но и сам товарищ Сталин.

— Синклер оказался тот ещё паук, — докладывал теперь в бильярдной Шумяцкий. — Заманил их всякими проектами, создал компанию под названием “Трест мексиканского фильма Эйзенштейна”, они, дурачки, радовались, наснимали кучу материала, а теперь оказались в полном его подчинении, как мухи в паутине.

— Я всегда говорил, что американский социалист всё равно капиталист, — усмехнулся Сталин. — В итоге, как я понимаю, товарищи Эйзенштейн, Александров и Тиссэ в достаточной мере узнали и о звуковом кино, и о том, что собой представляет буржуазная система кинопроизводства. Пора им просигнализировать. Пусть возвращаются и работают дома.

— Полагаю, товарищ Сталин, им надо завершить картину “Да здравствует Мексика!”, отбить на неё все права у обормота Синклера, и тогда только вернуться. Где-нибудь к концу лета мы и вызовем их домой.

— Ну, пусть так. Но не позднее. А то ещё двинут дальше, в Бразилию там, в Аргентину.

— Могут.

— А что новый чаплинский фильм? — спросил резко Хозяин.

— Пока дороговато, — вздохнул личный сталинский Чаплин. — Премьера в Америке только тридцатого января прошла. До сих пор бешеный успех граничит с безумием. Может, к осени пойдёт на спад, тогда и прикупим.

— К седьмому ноября, — сердито фыркнул Сталин, поднялся с кресла и подошёл к бильярдному столу, на котором у Калинина возникла непростая ситуация. — Товарищ Калинин, ты, я смотрю, не видишь вот эту комбинацию шаров.

— Да тут сложно, товарищ Сталин, — поморщился председатель ЦИК СССР.

— Ничего сложного, просто надо уметь бить шаром шара по шару, — возразил Иосиф Виссарионович, взял у Калинина кий, прицелился и забил в угловую лузу непростой шар. — Заканчивайте партию, товарищи вожды партии, и приходите ко мне в кабинет. У нас ещё полно дел.

Глава четвёртая ВАЖНЕЙШЕЕ

О, женщины! Именно вы первыми шагнули на экран, когда 22 марта 1895 года в Париже на конференции, посвящённой развитию французской фотопромышленности, братья Луи и Огюст Люмьеры показали сорок пять секунд своего первого фильма “Выход с завода Люмьеров в Лионе”. Женщины в длинных юбках, в шляпках, весёлые по поводу окончания трудового дня, вышли вы густой толпой, а лишь на шестнадцатой секунде появились среди вас мужчины в канотье и без шляп, некоторые на велосипедах, другие в кожаных фартуках, выскочила и жизнерадостная псина.

С этого началось кино.

В России о рождении нового вида искусств узнали из августовского номера “Русского фотографического журнала”, ещё через два месяца тот же журнал дал подробное описание люмьеровского киноаппарата. А 28 декабря в индийском зале парижского “Гран-кафе” на бульваре Капуцинок Люмьеры шокировали публику показом десяти своих малышей-фильмшей, и первыми снова шагнули на экран работницы их лионского завода. Именно этот первый публичный показ стал считаться днём рождения кинематографа.

Да, впереди всех оказались представительницы прекрасного пола, а ты, поезд, первым въехал на экран не во Францию, а у нас в России, в театре Солодовникова, только что тогда открытом по личному распоряжению московского генерал-губернатора Сергея Александровича Романова. И было это шестого, сиречь по-новому восемнадцатого мая. В тот же день для широкой аудитории тот же набор люмьеровских фильмов, начиная с “Прибытия поезда”, показали в московском же театре сада “Аквариум”.

А через четыре дня в московском воздухе застрекотала ручка киноаппарата, и первое снятое на русской земле кино было царским — въезд царя в Москву для торжественной коронации. Ещё через четыре дня новорождённое русское кино стало кремлёвским: выход царя с царицей и свитой из Успенского собора после коронавания, толпы народу, плюмажи, пышные перья дамских шляпок, спуск всей царской семьи со ступенек Красного крыльца Грановитой палаты, обход царём войск; наконец, царь с царицей идут вместе, государыня кивает головой, будто она у неё не закреплена, за пять секунд пять раз кивнула. Съёмку производил Камилл Серф, посланный Люмьерами наснимать всяких диковинок в разных странах, включая Россию.

С этого времени покатилося киноколесо по России-матушке. Горький, увидев люмьерство на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде, ужаснулся. Больше всего его устроила беззвучная и бесцветная жизнь, будто в проклятом и околдованном мире, лишённом радостей звука и цвета. И писатель разразился статьями, полными отвращения к новому изобретению, этому чудовищу. Но оно, глухонемое, не услышало властителя дум и продолжило своё триумфальное шествие, дошагало от Москвы до Сибири и дальше, его показывали и отдельно, и вприкуску к театральным спектаклям, к цирковым представлениям. Сами же кинотеатры изначально назывались электрическими театрами.

Священный Синод быстро откликнулся постановлением, дабы актёры в синематографе не показывали Христа, Богородицу и святых, а государство добавило к сему воспрещению государя и всех членов царствующего дома. Хронику жизни династии Романовых показывать разрешалось, но не под музыку. Их императорских величеств снимали постоянно и везде, где только можно, свежие съёмки спешили рассылать по стране, чтобы показывать до или после демонстрации фильмов.

Следом за минутными люмьерчиками стали появляться мельесовские фильмята по три минуты и более, потом пошли десятиминутные фильмальчики. Следом за документальными съёмками на экран выдвинулись смехотворные малосенькие экранизации литературных сюжетов.

Вошедший в юношескую пору Иосиф Джугашвили, дабы лучше знать русский язык и все его нюансы, уже тогда старался как можно больше читать книг, полюбил как русскую, так и зарубежную литературу. И когда ему на суетливо мельтешащем экране предлагали пятиминутного “Фауста” или шестиминутного “Гамлета”, он воспринимал это как личное оскорбление, а посему очень долгое время кинематограф считал глупой и издевательской мелкобуржуазной забавой.

В Первую русскую революцию впервые стали уничтожать фильмы, когда кто-то осмеливался снять битву восставших с казаками или похороны Баумана, а после разгрома восстания, охватившего всю страну, французы по свежим следам сняли и привезли в Россию фильм о восстании на броненосце “Князь Потёмкин” — гнилое мясо, бунт матросов, злоба офицеров, их хватают и выбрасывают за борт, матросы сами распоряжаются кораблём, стреляют из орудий по Одессе... И все хихикали и молчали, покуда княгиня Волконская не сходила в электротئاتр и не увидела сие безобразие. Она тотчас написала гневное письмо новому московскому генерал-губернатору Джунковскому, и тот запретил показ. А мог бы вообще-то и арестовать тех, кто показывал.

Иосифа Джугашвили жизнь как будто отторгала от себя. В пять лет он чуть не умер от оспы, оставившей на его лице рябинки-оспинки. В шесть лет его сбил фаэтон, он упал, и тяжёлая повозка проехала передним колесом по предплечью, а задним — по плечу, врачи могли бы вообще оттянуть ему всю левую руку, но они её сохранили, и она потом всю жизнь постепенно сохла, годам к шестидесяти станет малоподвижной.

А через пять лет, уже будучи одиннадцатилетним учеником Горийского духовного училища, он снова попал под фаэтон, на сей раз проехавший ему по ноге. После долгого лежания в больнице мальчик пропустил год учёбы и подрабатывал в отцовской сапожной мастерской, освоил профессию и потом всю жизнь сам себе чинил сапоги. Нога после несчастного случая

работала, но в дождливую погоду ныла, а в мороз мёрзла охотнее, чем остальные части тела.

Способности мальчика не ограничивались сапожным ремеслом, и в пятнадцать лет он окончил духовное училище с одними пятёрками. Сочинял неплохие стихи. Поступил в духовную семинарию, и впереди ему лампадно светила судьба священника. Светила, светила лампадочка, да и погасла. Тифлисская духовная семинария на углу Лорис-Меликовского проспекта и улицы Пушкина не сумела удержать в своих дланях юношу, заразившегося идеями борьбы за счастье рабочего класса.

Первой его революционной кличкой стала грузинская уменьшительная производная от имени Иосиф — Сосо. Окончившего четыре класса девятнадцатилетнего юношу за участие в марксистских кружках исключили из семинарии, выдав аттестат, в котором сияли одни пятёрки, кроме двух четвёрок — по арифметике и греческому. Вообще-то, к языкам он стремился, но хорошо освоить смог только русский, в более зрелом возрасте умел читать по-английски и по-немецки, но не владел разговорной речью этих языков.

Да разве мог бы ходить с кадилом по церкви тот, кому суждено стать революционером, смелым боевиком, организатором подполья, а в конечном итоге — вождём? Побыл бы недолго волком в овечьей шкуре, да и сбросил бы её. В новое столетие вошёл двадцатилетний красавчик, кареглазый, густые волосы, чёрные усы и бородка, на шее — элегантный шарф в клеточку, горячий взгляд, чувственные губы. Девушки от него были без ума. Да и он не прочь ухлестнуть при возможности. Какое уж тут христианское смирение, при котором нужно найти себе благочестивую девицу, жениться на ней, плодить детишек, а посты соблюдать не только в еде, но и в любовных утехах! Уж лучше быть хорошим революционером, чем плохим бабашкой.

Первым, с кем он сдружился из своего будущего ближнего круга, был старший товарищ Миша Калинин. Вместе они печатали прокламации, руководили рабочими стачками и демонстрациями. Второй друг-приятель — армянин Симон Тер-Петросян, по кличке Камо. Вот это лихой парень! Недавно Сосо служил у него репетитором по русскому языку, а теперь стал соратником по борьбе. Вместе они устраивали эскы — экспроприации денег, попросту грабёж в пользу революции. Точнее, грабил Камо, а распределял награбленное Сосо.

Из Тифлиса будущий отец народов перебрался в Батум, там организовал революционное подполье, и вот он уже в Баку, где по-настоящему развернулся. Создав мощную организацию, он вывел её на демонстрацию, которую расстреляли царские войска: пятнадцать убитых, полсотни раненых, полтысячи арестованных.

Вскоре арестовали и его самого, пятнадцать месяцев в тюрьме и первая ссылка в Сибирь. По дороге, будучи без рукавиц и в лёгких ботиночках, обморозил руки и ноги. Из ссылки сбежал и дальше до самой февральской революции жил нелегально.

Второй псевдоним он взял из книги Александра Казбеги “Отцеубийца”, где одного из главных героев — абрека, борющегося за справедливость, — звали Коба. Всю Первую русскую революцию Коба действовал в Закавказье. Разгром охватившего всю Россию восстания переживал очень сильно, говорил, что сердце у него закаменело. В этот период он ездил по заграницам больше, чем за всю будущую жизнь, по делам партии побывал в Финляндии, Швеции, Польше, Германии, Австрии, Англии и Франции. Одевался тогда, как европеец: костюмчики, шляпы, белоснежные рубашки, галстуки. И — отрешённый взгляд.

Всё изменилось, когда он встретил свою первую любовь. Екатерина Сванидзе, на шесть лет его моложе, настоящая грузинская красавица. И каменное сердце размягчилось. Венчание тайно провёл бывший товарищ по семинарии Христисий Тхинвалели. Одно плохо: Сосо жил по чужому паспорту, и Като не взяла его фамилию, осталась под девичьей, чем ранила его самолюбие. Впрочем, ладно, это мелочи, можно смириться. У них родился сын, назвали Яшей, ножками барахтает, успевай их ловить-целовать.

Но счастье длилось недолго, Като заболела скоротечной чахоткой и умерла, хоронил он её на Кукийском кладбище в Тбилиси не когда-нибудь, а именно в день своего рождения, рыдал и даже, уподобившись шекспировскому Лаэрту, прыгнул в могилу, кричал, чтоб его тоже закопали, схватился за гроб так, что его еле оторвали и с трудом вытащили.

Профессиональный революционер и отец-одиночка? Нонсенс. И бедного Яшу отец пристроил к тётке покойной супруги. Увидятся они очень нескоро.

В те годы подпольщики часто устраивали явки к электротеатрах, где легче ускользнуть от надзора полиции, в темноте зрительного зала передать свёрток с прокламациями или оружием. Кино по-прежнему не увлекало Коба, а однажды, и надолго, сделалось отвратительным. Он как раз находился в поре влюблённости в Като, когда на очередную явку отправился в тифлисский “Электрический прожектор” Розетти, а там крутили картину так называемого парижского жанра, исключительно для взрослых. Он едва сдержался, чтобы не выхватить переданный ему товарищем револьвер и не начать стрельбу по экрану, на котором мелькала голая похабщина.

— Как только позволяют показывать такое! — выйдя из электротеатра, бросил Коба проходившему мимо городовому.

Вскоре и правительство принялось бороться против выплеснувшейся на экраны порнографии, и сцены из парижской жизни стали небезопасны для держателей кинотеатров. С громким скандалом в Москве закрылся электротеатр “Мефистофель”, впрочем, через месяц его хозяева заплатили большой куш и снова открылись.

Коба продолжал вести жизнь активного революционера, время от времени попадался, его арестовывали, и когда продюсер Дранков выпустил первый отечественный художественный фильм про Стеньку Разина режиссёра Ромашкова, будущий главный зритель сидел в тюрьме, из которой по этапу отправился в ссылку в холодный северный Сольвычегодск. Через несколько месяцев он оттуда благополучно сбежал и вновь занимался делами, не одобряемыми правительством Российской империи.

Одновременно с Дранковым в создание российского кинематографа включился торговый дом Ханжонкова. В течение пятнадцати лет после чуда братьев Люмьеров французы исправно платили взятки серебролюбивым русским чиновникам и главенствовали на нашем кинорынке.

Наконец, плотина рухнула, и русское кино хлынуло на экраны.

Покуда зрители наслаждались десятиминутными “Купцом Калашниковым”, “Тарасом Бульбой”, “Мазепой” и “Мёртвыми душами”, у Кобы шло своё кино — в бакинском жандармском управлении у него в очередной раз снимали отпечатки пальцев и по новой форме вписывали в личное дело подробнейшие сведения, всевозможные внешние приметы, прозвище Коба, холост, любовная связь — Петровская...

Стоп! Это кто ещё такая? А вот такая. Стефания Леандровна. Дочь одесского поляка, потомственного дворянина. Вторая любовь Кобы. Познакомились в Сольвычегодске, откуда она, освободившись, приехала к нему в Баку. Влюблён в неё до такой степени, что стал даже статьи свои подписывать по-новому: “Коба Стефин”.

Раньше он никогда не праздновал свой день рождения, после похорон первой жены и вовсе не вспоминал, что родился в день Николая Чудотворца, а тут вдруг Петровская заговорила, что для каждого человека это святой праздник, стыдно его не отмечать. Это всё равно, что не уважать собственную мать, которая в этот день в муках рожала тебя.

— Вот у тебя когда?

— Завтра, — ответил он мрачно, хотя день рождения у него прошёл позавчера. — Тридцать лет исполняется, — добавил он зачем-то, хотя позавчера ему исполнился тридцать один.

— Тридцать?! Это же круглая дата! — И назавтра она устроила для него настоящий праздник.

Забавная эта Стефа. Очень его увлекала. Собирался жениться. Но арестовали. Когда в жандармском управлении заполняли новую карточку,

в честь Петровской назвал дату своего рождения 9 декабря по старому стилю. И про год наврал, записали 1879 вместо 1878.

Он подал прошение бакинскому градоначальнику с просьбой разрешить женитьбу в тюрьме. Но тот мешкал, возлюбленная наведала всё реже, второй брак оказался под вопросом, а подписи под новыми сочинениями сократились до “Коба Ст-ин”, а потом и вовсе до “К. Ст.” Когда разрешение на бракосочетание, наконец, пришло, жених уже отбыл назад в Сольвычегодск, а гордая, но переменчивая полячка не стала женой декабриста.

Стараясь её забыть, он сошёлся с новой пассией, Серафимой Хорошениной, вместе с ней поселился в большом доме многолетней вдовы героя русско-японской войны. Но здесь Коба и Фима прожили всего три дня, Хорошенину отправили дальше по этапу, она слала ему тёплые письма, но его окаменевшее в очередной раз сердце на сей раз смягчалось в объятиях у хозяйки дома. Вдовец Иосиф Джугашвили и вдова Мария Кузакова согревали друг друга вплоть до окончания срока ссылки. Однажды, уже успевшая от него забеременеть, Мария Прокопьевна вернулась домой и увидела, что ни жильца, ни его вещичек, и лишь на столе денежки за проживание, все сполна. Прощай, залёточка!

А пылкий и неукротимый кавказец снова действовал как лицо, вредное для общественного спокойствия, его арестовывали, определяли новые места ссылок, откуда он бежал и снова действовал. Во время одной из очередных киношных явок он впервые признал, что кино может иметь право на существование — шёл первый российский полнометражный фильм режиссёра Василия Гончарова “Воскресший Севастополь”, безо всякой там ерунды и пошлости, ужимок и прыжков, нормальная человеческая жизнь, героизм защитников города. Торговый дом Ханжонкова выпустил эту первую российскую полнометражную кинопостановку к 65-летию окончания Крымской войны.

Бежав из сибирской ссылки, Коба нелегально жил в Петербурге, участвовал в краковском совещании ЦК РСДРП, а 12 января 1913 года — внимание! — в газете “Социал-демократ” под статьёй “Выборы в Петербурге” впервые появилась подпись “Сталин”. Так увядший и пожелтевший листок К. Ст-ин обрёл новую силу, зазеленел и ожил в новом наполнении. Отныне Сосо, Коба, Кавказец, Василий, Васька, Стефин и прочие временные псевдонимы ушли в прошлое, их иногда вспоминали соратники, но явилось грозное имя Сталин, которое вскоре делается известно всему миру!

Пока оно стало известно уже знаменитым революционерам — Троцкому, Бухарину, вот уже и Ленин впервые упомянул Сталина в своих письмах, назвав его чудесным грузинцем.

В очередной раз арестованный, Иосиф Виссарионович отправился в турханскую ссылку, а в тамошнюю деревню Курейку, уж простите, ангелы кино не долетали, и обо всех новейших достижениях русских Люмьеров он только мог узнавать из газет. Лишь за несколько месяцев до февральской революции, переведённый для отбывания ссылки в Красноярск, где имелось целых четыре электротра, Сталин отправился в кино и посмотрел “Песнь торжествующей любви”. От Веры Холодной, снявшейся в главной роли, публика в восторге изнывала. Сталину она не понравилась — жеманная, не такая уж и красивая, к тому же, заметное косоглазие. Но, выйдя из одного электротра, он направился в другой, где показывали новую ленту с той же Верой Холодной “Жизнь за жизнь”, и трагический образ всеобщей любимицы вошёл в его душу. Чем-то она напоминала ему навеки утерянную Стефанию Петровскую. Он посмотрел и другие картины с нею — “Миражи” и “Дети века”.

Вскоре его перевели в Ачинск, грянул Февраль, и в компании с другими политическими ссыльными Сталин ринулся в Петроград, как с начала мировой войны назывался Петербург, сразу — во дворец Кшесинской, где обосновались большевики и где его ждала работа по подготовке новой революции. Здесь он и поселился.

В один из мартовских дней отправился за Невскую заставу в гости к старому другу по партии Сергею Аллилуеву, и когда увидел, как выросла

и похорошела его дочь Наденька, мгновенно влюбился в неё. Что-то трагическое и безысходное мелькало в её взгляде, нечто, отдалённо напоминавшее Веру Холодную и ещё отдалённое — незабвенную Стефу. Только Надя утончённее и красивее и той, и другой.

Когда-то давно он бежал из сибирской ссылки в Тифлис и там познакомился с Аллилуевым и его семьёй. Девочке тогда и трёх лет не исполнилось. Если спрашивали, как её зовут, вместо Надя, Наденька и Надька говорила Татя, Татенька и Татка. Потом они поехали в Баку, и там он спас эту Татеньку, когда она нечаянно упала с набережной в море, бросился, вытащил. Он помнил её и девочкой лет десяти, с длинными косичками, играл с ней даже во что-то, но и только.

Теперь, в шестнадцать, она его обворожила, и он захотел ей понравиться, артистично и очень смешно рассказывал, как ехал из ссылки и слушал всяких ораторов на попутных станциях: святая революция! долгожданная, родная наша! пришла, наконец!

Стройный, подтянутый, энергичный, уже без бороды, одни усы, но какие брови, волосы зачёсаны назад и открывают невысокий, но красивый лоб. Чёрный, несколько потрёпанный костюм, синяя косоворотка. Весёлый, бездна остроумия. Хотел влюбить в себя Надю, а влюбилась её старшая сестра, двадцатилетняя Аня.

Рассказывал про сибирское житьё-бытьё, как встретился с медведем, и тот подошёл, обнюхал и, чуть ли не пожав ему руку, с почтением побрёл своей дорогой. Как однажды наловил рыбы, а на обратном пути попал в сильнейшую пургу, и когда вошёл в дом, с лица отвалилась ледяная маска. “Иосиф! Это ты? А мы думали, водяной пришёл греться!”

С гордостью вспоминал, как, куда он находился в вологодской ссылке, к нему приехал Орджоникидзе и поздравил: чудесного грузина избрали членом ЦК партии на Пражской конференции. Заочно — никогда и ни с кем такого не бывало!

И снова — к рассказам о Сибири.

— Сам не знаю, как у меня получалось, но я всякий раз с рыбалки приходил с огромным уловом, ни у кого так не ловилась рыба, как у проклятого ссыльного большевика. И представьте, эти Епифаны-Митрофаны чего удумали: что я колдун, знаю заклинания на рыбу. У них там каждый второй или Епифан, или Митрофан, я так их и прозвал. А никакого колдовства, говорю, просто я член рабочей партии, прихожу, забрасываю удочки, читаю партийную литературу, и рыбы заслушиваются, сами лезут на крючок. Они и в это поверили, но использовать такое колдовское заклинания не спешили, боялись, что их сошлют ещё дальше Туруханского края.

Рассказывая, он здорово изображал всех в лицах, копировал сибирский говор и всё время поглядывал на полюбившуюся ему Наденьку, слушает ли она его, смеётся ли. Поначалу она не так слушала и смеялась, как Аня, но постепенно словно стала отгаивать и уже с явной симпатией поглядывала на гостя.

Вскоре они переехали с Невской заставы поближе к центру, в просторную трёхкомнатную квартиру большого шестиэтажного дома. Одну из комнат держали для гостей, и сначала в ней поселился Ленин, но после кровавых июльских событий его искали, хотели арестовать, пришлось прятаться в Разливе, а перед тем ради конспирации Сталин лично сбрил вождо большевиков усы и бороду, подобрал финскую шапку, сделал Ильича трудно узнаваемым, и когда тот съехал, сам поселился в квартире на 10-й Рождественке.

Попробуй тут крутить роман осенью бурлящего семнадцатого! Однако — закрутил. Надя в сентябре вернулась в Петроград после летних каникул, они стали ходить вдвоём по театрам и концертным залам, но целоваться тайком лучше всего в электротеатрах, особенно если на экране показывают тёмную ночь. Да синема и дешевле. Их отношения к кинематографу в целом совпадали — забавно, иногда неплохо, но почти всегда глупо, вычурно, безвкусно. До чего же смешны в “Рождении нации” гриффитовские негры, полученные путём закрашивания белых актёров! Должны вызывать ярость, а вызывают хихиканье. Но Гриффит впервые заставил говорить о чуде монтажа,

и его уже называли отцом нового кино. А как хороша скачка куклуксклановцев в финале, даже от поцелуев отвлекаешься.

Однажды он заикнулся про её сходство с Верой Холодной, и тогда они впервые едва не разругались в пух и прах.

— Я? На эту притворную, жеманную, фальшивую! Да и не красивая она ни на грош!

— Я же сказал: отдалённо. Должно быть, и впрямь неудачно выразился.

— Даже отдалённо не похожа! — кипятилась Надя. — А если хочешь увидеть, на кого я и впрямь похожа, то я тебе покажу.

И она повела его в “Мажестик”, где шла “Кармен” Сесилия Де Милля, и когда на экране появилась исполнительница главной роли оперная дива Джеральдина Фаррар, в своём ухе он услышал влажный вопрос:

— Ну что?

— Очень похожа! — горячо отозвался он, довольный, что делает ей приятное. И добавил: — Только ты красивее.

— Да вы льстец, Иосиф, — засмеялась девушка.

— И этой лет тридцать пять, не меньше, — продолжал принижать Джеральдину пылкий кавказец. — Нет той дивной свежести, как у тебя.

— Свежесть когда-то пройдёт и у меня, — вздохнула Надя. — Но эта Фаррар дивная, согласитесь.

— Ты лучше, — шептал он, обнимая возлюбленную и целуя в ушко, в щёчку.

Когда фильм кончился, для увеселения публики показали на него пародию, она так и называлась — “Бурлеск на Кармен”, в роли Хосе — Чарли Чаплин. Так вот он какой! Сталин читал о нём в тех редких газетах, что с большим запозданием долетали до него в туруханскую ссылку. Одни кино-критики восторгались каскадами смехотворчества, но в большинстве писалось о глупости и пошлости фильмов уже прославленного на весь мир комика, сплошные пинки да пощёчины, тортом в морду, кривляние. И сейчас, глядя, как Чаплин издевается над фильмом Де Милля, Сталин почувствовал к нему отвращение. Действительно, сплошная глупость да пошлость.

— Согласна, тут он плохо сработал, — сказала Надя, когда они вышли в сумерки Невского проспекта. — Но у него есть и забавные фильмы. Я тебя свожу.

И повела его в “Паризиану” на сеанс из трёх чаплинских фильмов. Сначала показывали “Вечернее представление”, где Чарли изображал пьяного полуаристократа, забредшего на концертные номера, и первые пятнадцать минут Сталин хохотал, особенно когда Чаплин зажжёт спичку об лысину сидящего перед ним человека. Но потом пошли глупые пощёчины и пинки, а когда в двух выступающих на сцене, верзилу и коротышку, полетели куски торта с обильным белым кремом, Сталин заскучал. Вторая лента, где бродяга Чарли переодевался в женщину, просто удручила недавнего ссыльного. Третий фильм, как объявил директор электротeatра, только что вышел на экраны и куплен за бешеные деньги, вот почему зрителям пришлось заплатить двойную цену, аж по три рубля с каждого. В “Лечении на водах” Чаплин играл богатого пьяницу, приехавшего лечиться минеральной водой, но прихватившего с собой огромнейший чемодан выпивки. Сталин снова смеялся и потом подытожил:

— Пьяные у него хорошо получают.

Они шли по улице, октябрьский дождик только что кончился, и он, прикуривая трубку, лихо зажжёт спичку о свой рукав. Она весело засмеялась. Потом нахмурилась:

— Только о чужие головы никогда не зажигайте, ладно?

— Татка, когда ты мне перестанешь выкать? Помнишь, как у Пушкина: “Пустое вы сердечным ты / она, обмолвись, заменила, / и все счастливые мечты / в душе влюблённой оживила. // Пред ней задумчиво стою, / свести очей с неё нет силы; / и говорю ей: как вы милы! / И мыслю: как тебя люблю!”

— А вы правда меня любите?

— Правда. И хочу, чтобы стала моей женой.

— Но мне ещё только шестнадцать лет исполнилось.

— Самый возраст для замужества.

На другой день после этого разговора Сталин перебрался в Смольный, там и работал, и отдыхал, с Надёй они перестали встречаться, но она понимала: сейчас происходит нечто важное, и обижаться не стоит.

Важное, наконец, свершилось. После предательства Зиновьева и Каменева, которые 18 октября напечатали в меньшевистской газете “Новая жизнь” заявление о том, что большевики готовят захват власти, Временное правительство так и не предприняло никаких мер защиты, и 24 октября Надя держала в руках свежий номер большевистской газеты “Рабочий путь” со статьёй Сталина “Что нам нужно?": “Рабочие, солдаты, крестьяне, казаки, все трудящиеся!.. Если вы будете действовать дружно и стойко, никто не посмеет сопротивляться воле народа. Старое правительство уступит место новому тем более мирно, чем сильнее, организованнее и мощнее выступите вы. И вся страна пойдёт тогда смело и твёрдо к завоеванию мира народам, земли крестьянам, хлеба и работы голодающим. Власть должна перейти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. У власти должно быть новое правительство, избранное Советами, сменяемое Советами, ответственное перед Советами”. Именно он, этот смелый и сильный человек, влюблённый в неё, взял на себя всю ответственность того важного, ради которого он надолго откалзался от встреч с возлюбленной.

В тот же день Сталин сделал доклад о ходе революции, фактически являясь её вождём, и лишь к вечеру прибывший в Смольный без бороды и усов Ленин взял бразды правления в свои руки. Победившая Октябрьская революция сформировала новое правительство России — Совет народных комиссаров, и в первый Совнарком вошли пятнадцать человек: председатель — Ленин, нарком по внутренним делам — Рыков, земледелия — Милютин, труда — Шляпников, по военно-морским делам — Антонов-Овсеенко, Крыленко и Дыбенко, торговли и промышленности — Ногин, народного просвещения — Луначарский, по финансам — Скворцов-Степанов, по делам иностранным — Троцкий, юстиции — Опшюков, по делам продовольствия — Теодорович, почты и телеграфа — Авилов, а замыкает список комиссар по делам национальностей — Сталин. Отныне он, считающий себя её женихом, стал важным государственным человеком.

К тому времени отец уже знал об отношениях между ними и резко противился их дальнейшему развитию, не считая дочь Джульеттой, имеющей право выйти замуж в столь раннем возрасте, и походы в кино запретил. Но никаких походов и в помине быть не могло, поскольку жених, довольствуясь двумя-тремя часами сна в день, вспахивал новую ниву, написал декларацию прав народов России, подписанную им и Лениным и принятую Совнаркомом, он выступал перед рабочими и профсоюзными деятелями, добивался от Викжеля, то бишь Всероссийского исполнительного комитета железнодорожного союза, пропустить красногвардейцев в Москву, где, в отличие от Петрограда, шла настоящая битва против захвативших Кремль юнкеров, а московский реввоенсовет во главе с Ногиным и Землячкой оставался бессилён. В то время Кремль представлял собой грандиозный склад несметных сокровищ, эвакуированных сюда во время военных действий с западных территорий страны, и от того, кому достанутся эти богатства, во многом зависела судьба большевистской революции.

Надя любила Москву, этим летом помногу гуляла там, обожала Кремль, и всё её существо содрогнулось от боли, когда она узнала, что большевики решились на артиллерийский обстрел главной московской святыни. Луначарский, узнав о расстреле Кремля, заявил о выходе из Совнаркома, но вскоре, убеждённый Лениным, вернулся в состав первого большевистского правительства. Ногин соединился с Каменевым, Зиновьевым и Рыковым и написал заявление о необходимости создания иного правительства, его сместили с поста, он вскоре раскаялся, но уже не занимал высших должностей. Наде хотелось, чтобы и её Иосиф выступил против кровопролития, но он прочно держался при Ленине и вместе с ним вёл страну к неизбежной гражданской

войне. В ЦК партии составилось особое Бюро, четвёрка — Ленин, Троцкий, Свердлов и Сталин.

От их дома на Рождественской до Смольного — один километр. Надя ждала, что он придёт к ним хотя бы отметить свой день рождения, но жених и 21 декабря не появился, поглощённый делами. В тот день он руководил комиссией по созданию рабоче-крестьянской Красной армии. На следующий делал доклад о предоставлении независимости Финляндии, хотя оставался против такого решения Ленина и лишь под давлением Владимира Ильича согласился. Затем Ленин взял отпуск, назначив временно Сталина председателем Совнаркома. Сама же она никогда не решилась бы пойти к нему. И лишь на встречу Нового года он, наконец, пришёл к ним на Рождественку, и горячая волна охватила всё её существо, она даже и не догадывалась, как ждала и как любит этого человека!

От него веяло чем-то новым, важным и властным, он рассказывал о делах Совнаркома, о том, как ещё аукнется отделение Финляндии, а на неё поглядывал изредка и как-то холодно. Про жениховство не промелькнуло ни слова, лишь однажды отец отвёл гостя в коридор, и она подслушала, как он попросил Иосифа не тревожить Надю до того, как ей исполнится хотя бы семнадцать. Сталин в ответ пробурчал нечто, чего она не поняла. Отец добавил про никакие походы в кино. Но уже на второй день нового года Иосиф якобы отправился в Смольный, а на самом деле вместе с Надей — в “Пикадилли” на фильм “Ваши пальцы пахнут ладаном” по роману Вертинского, посвящённому Вере Холодной. Он мимоходом сообщил, что собирается добиваться национализации всего кинематографа, она с негодованием поведала о том, сколько в последнее время стали всюду показывать порнографии, не только в кино, но и в театрах, это нельзя дальше терпеть. Ему сразу вспомнились безобразные сцены из парижской жизни, и он дал клятву в ближайшее время пресечь это дело. Фильм оказался слабым, но зато не отвлекал от поделуев, по которым они оба так соскучились.

— Когда-то я ходил в سینема ради конспиративных явок, — хихикал Сталин. — Теперь у меня другая конспирация.

— Когда назначите новую явку, товарищ народный комиссар? — спросила она при расставании.

Но конспиратор вновь надолго пропал, предстояла работа по переговорам о мире с Германией, участие в Третьем съезде Советов, подготовка Седьмого съезда партии, и так далее, и так далее. В послереволюционной кутерьме пролетел январь. Две первые недели февраля и вовсе слизнул декрет Ленина о переходе с юлианского календаря на григорианский, и после 31 января наступило сразу 14 февраля.

Потом февраль закончился, и — никаких конспиративных встреч. Уже и Брестский мир заключили, а пылкого Ромео всё нет и нет. Она тосковала, как никогда и ни о ком. Впервые в жизни захотелось однажды покончить с собой, такой невыносимой оказалась разлука. Открыть окно и шагнуть навстречу небытию!..

И вдруг, сразу после съезда, на котором партия РСДРП(б) превратилась в РКП(б), он, взволнованный, но строгий и властный, явился к ним на квартиру и твёрдо заявил, что вместе с правительством переезжает в Москву. И грянуло неожиданное, но долгожданное:

— Я предлагаю Наде... Надежде Сергеевне быть моей женой. И уехать жить в Кремль.

— Я не согласен, — заикнулся было Сергей Яковлевич, но Надя чётко возразила:

— А я согласна. Я хочу быть женой этого человека.

— Сергей Яковлевич, — уже мягче обратился к отцу жених, — не препятствуй. Мы любим друг друга. А ценз, по которому девушка может выходить замуж после шестнадцати, пока не повысили.

Цыганское лицо Сергея Яковлевича оставалось каменным, как вдруг вмешалась Ольга Евгеньевна:

— А меня-то! А я-то! В четырнадцать с тобой сбежала. Забыл? Как я

узелок с пожитками в окошко и сама за тем узелком. И ты меня, считай, выкрал из родительского дома. Четырнадцатилетнюю. А сам теперь...

— Там Кремль-то хотя бы починили? — со вздохом спросил Аллилуев.

Разбомблённый в революционные дни Кремль к тому времени наспех кое-как залатали, и, покинув Петроград, Иосиф и Надежда поселились в одной из комнат фрейлинского коридора Большого Кремлёвского дворца, единственным достоинством которой являлось то, что она хорошо отапливалась и не душно. Здесь и начался их медовый месяц.

Здесь и первая ссора, когда он не на шутку рассердился:

— Почему вы? Почему всё время вы? Ты как будто подчёркиваешь этим, что я на двадцать два года тебя старше. Товарищи смеются.

— А мне так больше нравится. Подумаешь, товарищи!

— Что ты сказала? Подумаешь, товарищи? Это мои соратники по борьбе. А жена должна уважать друзей мужа. Подумай об этом до моего возвращения.

И с тем сердито укатил в Курск для переговоров с украинцами о мирном договоре. Сумасбродная Украина, возглавляемая историографом и националистом Грушевским, вела с Россией военные действия, наступая на Курск, Брянск и Воронеж. Договор с представителями Центральной рады удалось заключить, но Сталин не спешил домой, в Курске отпраздновал Первое мая и лишь на следующий день отправился в Москву с докладом Совнаркому. Когда шагнул в их с Надеей комнату, она бросилась ему на шею с жаркими поцелуями и, наконец, отвергла “пустое вы”:

— Здравствуй! Как я рада, что ты вернулся!

Он хотел было соединить её “рада” с Центральной радой Украины, но не опустил до залётной шутки в столь важный момент их жизни. Цвёл май, потом зашелестел листьями июнь, Сталина послали решать продовольственные проблемы на юг Поволжья, и в Царицын он отправился вместе с Надеей. Вскоре пришлось решать не только задачи поставок зерна, овощей, рыбы и мяса, но и военные дела: гражданская катилась по нарастающей, с осени началась оборона Царицына от наступающих войск атамана Краснова. Здесь же зажглось и противостояние с Троцким, воображившим, будто Поволжье — это его Тулон, а Сталин ему только мешает. Для пущей славы о полководческих успехах Троцкого делали кино, тот самый оператор Тиссэ, который потом будет снимать фильмы Эйзенштейна.

И здесь же на всю жизнь спаялась крепкая дружба с Ворошиловым, его сторонником во всех начинаниях. Под Царицыном они отбили от красновцев, и Сталин с женой в конце осени смог вернуться в Москву. Их любовь разгорелась ещё больше, ведь она находилась при нём там, где он воевал.

А вот в январе 1919 года он её с собой не взял, обстановка на Восточном фронте, куда он отправился вместе с Дзержинским, становилась всё более угрожающей, Колчак шагал решительно, взял Пермь. Вернувшись в Москву, Сталин в неудачах на Восточном фронте обвинил Троцкого.

Этой весной Иосиф Виссарионович и Надежда Сергеевна, наконец, стали мужем и женой не только де-факто, но и де-юре, 24 марта зарегистрировали свой брак. И случилось важное событие в самый тяжёлый год гражданской войны, когда с востока наступал Колчак, с юга — Деникин, а на северо-западе — Юденич, наиболее талантливый белогвардейский полководец. Ленин отправил Сталина на защиту Петрограда, и там они с Троцким снова соперничали. К лету Юденича отразили. Но Деникин с юга ворвался к Москве, захватывал один город за другим — Киев, Харьков, Царицын, Курск, Воронеж.

Осенью Сталина отправили в штаб Южного фронта, где он разработал план разгрома Деникина, получивший одобрение Ленина. В ноябре Красная армия взяла Воронеж и Курск, и в признание заслуг при обороне Петрограда от Юденича и отражении наступления Деникина Сталина наградили орденом Красного Знамени. Троцкого тоже. Но когда Лев Давидович радостно получал награду на торжественном заседании в Большом театре, Иосиф Виссарионович находился на театре военных действий, на Южном фронте. И оставался там до самого конца декабря.

В отсутствие мужа Надя в кино ходила редко, с подругами только в театр. И лишь в недолгие дни его пребывания в Москве они несколько раз выби- рались, чтобы посмотреть “Отца Сергия” Якова Протазанова, с королём экрана Мозжухиным в главной роли, “Молчи, грусть, молчи” Петра Чарды- нина с Верой Холодной, а в первую годовщину Октябрьской революции свою первую документальную ленту выпустил двадцатилетний Давид Кауфман, взявший себе псевдоним Дзига Вертов, что значило — крутящийся волчок. За эти два года кино в России прошло полную национализацию. Ханжонков, Дранков и прочие киномонополисты бежали в Крым и Одессу, а вместе с ни- ми многие актёры и актрисы, включая Мозжухина, Чардынина, Холодную, Максимова. Фильмы пошлого содержания и порнография попали под запрет. А в Москве открылась киношкола — будущий ВГИК.

Красные с переменным успехом сражались против белых, старое кино доживало свои последние дни на черноморских берегах. В Одессе от “испан- ки” умерла Вера Холодная. За месяц до неё от отравления некачественной едой умер другой кумир немого кино Витольд Полонский. А когда Красная армия, остановив наступление Деникина на Москву, погнала Белую армию к берегам Чёрного моря, закончилось старое русское кино, посыпались в эмиграцию его корифеи — продюсеры Дранков и Ханжонков, режиссёры Протазанов, Волков и Чардынин, актёры и актрисы Мозжухин, Туржан- ский, Кованько, Лисенко, Коралли. Даже любимец Сталина — знаменитый Пьеро, Александр Вертинский. Одни потом вернутся, чтобы работать в но- вом кино, другие расплытся по Парижам и Римам, Америкам и другим ча- стям света.

Заканчивалась гражданская война, разгромили Колчака, Юденича, Де- никина, Врангеля, взяли Крым, остановили Пилсудского, объявившего, что на стенах Кремля он напишет: “Говорить по-русски запрещается”, — и ес- ли бы не авантюрный бросок Тухачевского на Варшаву, повлёкший за собой гибель его армии, мир с Польшей состоялся бы на более выгодных для Со- ветской России условиях.

К 1921 году можно уже было спокойнее вздохнуть, угрозы захвата Моск- вы и Петрограда с востока, запада, севера и юга более не существовало. Ио- сиф и беременная на седьмом месяце Надежда по личному распоряжению Ленина из комнаты во фрейлинском коридоре переехали в отдельную квар- тирку, расположенную в трёхэтажном доме у Троицких ворот. Никакой рос- коши, но всё чистенько, тепло и уютно. Прежде здесь жила Инесса, подру- га Ленина, умершая от холеры в Нальчике.

Впервые у Сталина появился свой домашний очаг, не комната, а насто- ящее семейное жильё, куда можно возвращаться с работы и из поездок и где тебя ждёт ласковая жена.

Втайне он сердился, что она осталась при своей девичьей фамилии, но рассуждал: а какую она могла взять? Джугашвили? Сталина? Круп- ская же не стала ни Ульяновой, ни Лениной. И Седова не стала Троцкой. И Жемчужина — Молотовой. А вот у Дзержинского жена Софья Мушкат стала Дзержинской, и у Ворошилова Голда Горбман превратилась в Катю Ворошилову. Но у этих ребят фамилии настоящие. Есть о чём задуматься. Жёны не берут псевдонимы своих мужей!

Но когда у них родился сын, Сталин без сомнения присвоил ему фами- лию Сталин. Ну не Аллилуев же!

Вася зачался ещё в тяжёлое время войны с Польшей, когда его отец мо- тался по фронтам и лишь изредка и ненадолго навещался домой. А через несколько месяцев после его появления на свет Ленин отправил Сталина с женой на отдых в Нальчик, откуда они вскоре уехали в Тифлис. За три года раздельного существования кавказские народы обросли лишаями наци- онализма, и кому как не наркомку по делам национальностей чистить заразу, заставляющую народы враждовать?

Вернулись в Москву, и вскоре в их кремлёвской квартире появился ещё один малыш, Артём, сын Фёдора Сергеева, старого друга Сталина, погиб- шего во время испытаний аэровагона. Томик. Старше Васи всего на девят-

надцать дней. Вспомнили и про старшего сына, Якова, коему исполнилось четырнадцать, привезли в Москву. Ни бельмеса по-русски, надо учить.

Ещё недавно вдвоём жили, и вдруг такая орава мальчишек! И все трое — мартовские. Как резко изменилась жизнь! Трудно, шумно, забот полон рот, но до чего же весело и радостно.

Яша сильно стеснялся, не рад, что притащили, хмурился постоянно, отец раздражался:

— У, волчонок!

А Надя защищала:

— Как не стыдно! Мальш без отца, без матери вырос.

Ласкала Яшу, учила русским словам, а сама стала учить грузинские, что-бы на равных. В доме у Троицких ворот царила беспокойная идиллия.

Неожиданно во время чистки рядов партии молодую сотрудницу секретариата Совнаркома Надежду Сергеевну Аллилуеву по какому-то недоразумению исключили из ВКП(б). Вмешался Ленин, у которого она пару раз бывала дежурным секретарём в Горках, её восстановили, и сей эпизод лишь недолгой чёрной тучкой побывал на ясном небосклоне их счастья.

Именно в таком счастливом периоде жизни Сталина настигла должность координатора партии, которую он за пару-тройку лет превратит в должность вождя страны. 3 апреля 1922 года пленум ЦК ВКП(б) избрал Иосифа Виссарионовича генеральным секретарём. Ленин к тому времени всё больше погружался в пучину болезни, и именно он предложил передать административное руководство Сталину, а не Троцкому и не кому-то другому.

Главный человек республики Советов, победившей в тяжелейшей гражданской войне, мог бы поселиться в большой и просторной квартире, к тому же, имея теперь большую семью, но Иосиф, Надежда, Яков, Вася и Томик продолжали жить в скромном жильё у Троицких ворот. Муж не хотел стремительно улучшать жилищные условия, а жена не из тех, кто давит на мужа, мол, глянь, как другие живут! В бытовом плане Надежда Сергеевна оказалась на редкость нетребовательной и неамбициозной.

Зато уже с 1919 года каждое лето семья отправлялась на житьё-бытьё в подмосковное Кольчугино, с начала двадцатого века Зубалово, где Сталину отвели дачу — двухэтажный особняк, принадлежавший некогда нефтепромышленнику Льву Зубалову, аж целых двенадцать комнат. Теперь здесь жили и отдыхали Надежда Сергеевна, Яша, Вася, Томик и тещей — Сергей Яковлевич и Ольга Евгеньевна.

— Ну вы, Епифаны-Митрофаны, теперь как помещики сделались! — приезжая сюда, шутливо ворчал новоявленный генсек, поглаживая жену по округлившейся спине. После рождения Васи Надежда Сергеевна слегка расплнела, расширилась, но тем ещё больше нравилась мужу.

— Моя Наденька стала гладенька, — мурлыкал он, лаская её.

Стояла счастливейшая пора его жизни!

Тамошние дачные места на Москве-реке давненько облюбовывались до-революционной знатью. В километре от Зубалова располагалось Усово — имение бывшего московского генерал-губернатора и родного дяди последнего царя, великого князя Сергея Александровича Романова и его жены великой княгини Елизаветы Фёдоровны, а на противоположном берегу реки возвышалось их другое загородное имение — Ильинское. Первым сюда сунул свой польский нос Дзержинский, а после Сталина поблизости поселились Ворошилов, Бухарин, Микоян.

— Один грузин сменить другого спешит, дав ночи полчаса, — однажды перефразировал Пушкина шутник Бухарин, имея в виду, что Лев Зубалов на самом деле являлся Левонем Зубалашвили. Сталин не обиделся, усмехнулся:

— Добавь ещё, что тот грузин был не просто Левон, а Левон-Иосиф.

В то время на генсека Сталина столько свалилось забот, что на даче он появлялся нечасто.

А о кино забыл даже думать, в отличие от Ленина, который в свои последние годы постоянно обращал внимание на необходимость возрождения погасшего российского люмьерства, постоянно писал директивы, в беседе с наркомом просвещения Луначарским произнёс своё знаменитое: “Вы

должны твёрдо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино”. Впрочем, он ещё добавил: “До тех пор, пока большая часть населения России неграмотна”. Но и после этих слов вождя мирового пролетариата заведующий Всероссийским фотокиноотделом при Наркомпросе Воеводин не мог добиться солидного финансирования киношной отрасли. Маяковский выпустил декларацию: “Коммунизм должен отобрать кино у спекулятивных поводырей. Футуризм должен выпарить мёртвую водичу — медлительность и мораль. Без этого мы будем иметь или привозную чечётку Америки, или сплошные глаза со слезой Мозжухиных. Первое надоело. Второе ещё больше”.

Но лишь после того, как Совнарком преобразовал фотокиноотдел в Центральное государственное кинопредприятие, которое стали называть Госкино, дело с мёртвой точки медленно сдвинулось. Из эмиграции вернулись Чардынин и Протазанов, появились новые режиссёры, крутил свой “Кино-глаз” Дзига Вертов, даже стали открываться новые кинотеатры, в Москве один из них под названием “Гигант” разместился в Большом зале консерватории. Двенадцатый съезд РКП(б) принял резолюцию о том, что, поскольку кинотеатры пользуются старыми и зарубежными фильмами, кинематограф является пропагандистом буржуазного образа жизни, и с этим следует покончить. Вскоре Луначарский обнародовал слова Ленина о важнейшем из всех искусств, и они стали лозунгом для создания нового советского кино. Открылась Первая фабрика “Госкино”. Появился Эйзенштейн со своей декларацией “Монтаж аттракционов”. Троцкий напечатал статью “Водка, церковь и кинематограф”, где предлагал запретить первое и второе, но развивать третье. Заработала кинокомпания на базе общества международной рабочей помощи “Межрабпом-Русь”, и Протазанов стал на ней экранизировать роман Алексея Толстого “Аэлита”. Вернулся и Ханжонков, уже сильно больной, неспособный передвигаться без костылей и инвалидного кресла, и его приняли в Госкино консультантом. Лев Кулешов снял первую заметную советскую кинокомедию “Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков”, где исполнитель главной роли Порфирий Подобед скопировал свой образ с Гарольда Ллойда, чья популярность после картины “Безопасность не главное” затмила даже успех Чаплина с его великолепным “Мальшом”.

Сталин посмотрел все три фильма, от чаплинского и ллойдовского остался в бешеном восторге, а кулешовский оценил ниже среднего, хотя в некоторых местах тоже смеялся. В то время с ним в кино охотно ходил Яша. С трудом осваивая русский язык, он плохо воспринимал на слух, но уже умел сносно читать. Он постоянно заговаривал с отцом по-грузински, что раздражало, ведь Сталин — не генеральный секретарь ЦК Грузии! Он главный человек в России и давно уже считал себя в первую очередь русским, а уже потом грузиним.

Надежда Сергеевна тоже изредка отправлялась с ними в кино, оставив малышей на попечение воспитателей — Александра Ивановича и Натальи Константиновны. В то время она входила в список дежурных секретарей при Ленине в Горках, вместе с Володичевой, Гляссер, Манучарьянц, Флаксерман и Фотиевой. Врачи строго ограничили часы работы слабеющего Ленина, но сталинская Надежда замечала, как ленинская Надежда часто нарушает запреты, потворствует мужу, когда тот просит ещё часик, ещё полчаса.

Ещё недавно цветущий пятидесятилетний мужчина, полный сил и внутреннего электричества, угасал на глазах, Сталин приезжал к нему в Горки, подолгу беседовал и видел горестное исеякание того, кто исполнил угрозу Архимеда, нашёл свою точку опоры и перевернул весь мир. И когда в декабре двадцать второго состояние Ленина резко ухудшилось, генсек, помня рассказы жены о попущениях, по телефону грубо отчитал Крупскую. Та на сей раз поведала себя благоразумно и рассказала о ссоре мужу только через полтора месяца, когда Ленин на какое-то время пришёл в приемлемое состояние. И в Кремль полетел чёрный коршун письма: “Строго секретно. Лично товарищу Сталину. Копия тт. Каменеву и Зиновьеву. Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать её. Хотя она Вам

и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через неё же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. 5 марта 1923 г. С уважением, Ленин”.

Сталин прочитал и со спокойным видом сел писать ответ: “Т. Ленину от Сталина. Только лично. Т. Ленин! Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: “Врачи запретили давать Ильичу политформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем Вы, Надежда Константиновна, оказываетесь, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича” и пр. Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое “против” Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстреешего Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут, да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения “отношений” я должен “взять назад” сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чём тут дело, где моя “вина” и чего, собственно, от меня хотят. И. Сталин”.

В том же марте Ленина ударило в третий раз, и он уже не смог поправиться, до самой смерти оставался в плачевном состоянии, с несчастным и полусумасшедшим лицом, всегда в кресле-каталке, жалобный, плохо соображающий. Его снимали для кино, но эти кадры подверглись уничтожению.

В тот год на экраны вышел первый советский боевик, и очень скоро, чтобы его посмотреть, выстраивались длиннейшие очереди. Иван Перестяни в Грузии снял “Красных дьяволят”. Сталин картину одобрил, но не мог не заметить, что действие обозначено 1918 годом, а никакой Конармии Будённого тогда и знать не знали, и Махно благочестиво служил в Красной армии, а не против неё, как в фильме.

Впервые он задумался о том, насколько кино имеет право не соответствовать правде истории, и задал этот вопрос заведующему Госкино, бывшему известному эсеру Либерману. Тот потёр верхней губой по носу и высокомерно ответил, что искусство имеет право не считаться с датами. Вскоре Льва Аркадьевича сняли с должности и назначили нормального большевика Эразма Кадомцева. Впрочем, и он недолго продержался на этом посту, Дзержинский обвинил его в бесхозяйственности, и назначили Шутко.

После смерти Ленина началась уже не подковёрная, а зримая долгая борьба с Троцким и прочими, желающими отобрать власть у Сталина.

Троцкий совершил глупейшую ошибку, отказавшись прервать отпуск и приехать с юга на похороны Ленина, всеми траурными мероприятиями руководил Сталин, символично закрепляя за собой преемственность. Он же выдвинул идею о переименовании Петрограда в Ленинград, которую охотно подхватили. По его инициативе на Красной площади решили воздвигнуть мавзолей для захоронения тела вождя. А ты, Лев Давидович, отдыхай дальше, коли так сильно устал. Иди, попей минералочки.

Завещание Ленина о важнейшем из искусств пустили в ход, эти слова прилипли у всех на устах, повсюду открывались киностудии, создавались товарищества кинематографистов, советское кино обрело плоть и кровь, Протазанов снял “Аэлиту”, Вертов — “Кино-глаз”, в кинотеатре “Малая Дмитровка” прошёл первый смотр фильмов московских режиссёров, прообраз будущих кинофестивалей. Наконец, появился со своей “Стачкой” Эйзенштейн, выпустил “Броненосца” и “Октябрь” и сделался для Сталина врагом, а его метод монтажа аттракционов вождь поклялся раз и навсегда разрушить.

Первым делом следовало оторвать от Эйзенштейна его задушевного дружка Гришу. По возвращении обоих из Мексики Сталин устроил на даче

Горького встречу с Александровым. Выслушав рассказы Григория Васильевича о поездке в Северную Америку, он для начала предложил посмотреть новый фильм Чаплина “Огни большого города”. Все четверо зрителей — Сталин, Горький, Александров и Шумяцкий, до этого приняв под шашлычок винца и водочки, от всей души хохотали и восторгались киношедевром. Потом главный кинозритель страны показал присланное из Азербайджана личное дело Иосифа Джугашвили, заведённое в бакинском жандармском управлении 30 марта 1910 года. Стал зачитывать:

— “Возраст по наружному виду: тридцать — тридцать два. Год и месяц рождения: восемьсот семьдесят девятый, декабрь. Рост: один метр и шестьдесят девять сантиметров. Волосы чёрные, волнистые, густые. Борода и усы. Цвет лица: желтовато-белый. Рябое”. И вот, товарищи, главное. Посмотрите сюда: “Выражение лица — весёлое!”

— Так вот, товарищи, — лукавым голосом продолжил Сталин, снова повернув к себе жандармскую карту, когда все удостоверились, что там именно так и написано. — Весёлое. Посмотрите внимательно на выражение лица нашего сегодняшнего советского народа. Оно тоже весёлое. Потому что во всём у нас наметились грандиозные успехи. И в индустриализации, и в сельском хозяйстве, и в торговле, и в международных отношениях, и в создании крепкой и мощной Красной армии. А вот важнейшее из всех искусств, к сожалению, не успевает за темпами хозяйственного строительства. Киноискусство, товарищи, по-моему, задержалось во вчерашнем дне. Известно, что народ любит бодрое, жизнерадостное искусство, а вы не желаете с этим считаться. Больше того, в киноискусстве не перевелись люди, зажимающие все смешное. Алексей Максимович, кажется, вы писали, что если главный герой никогда не вызывает смех у читателя, то это не настоящий главный герой, а шаблонный. Вы ведь не против весёлого, смешного, правда? Помогите расшевелить талантливых литераторов, мастеров смеха. Вы, товарищ Шумяцкий, поставьте своей задачей создание весёлых картин, чтобы в зрительных залах хохотали, как когда смотрят “Огни большого города”. А вы, товарищ Александров, с вашим искромётным остроумием эту задачу должны выполнить. Ну, что скажете?

К тому времени в кино пришёл звук. Состоялась громоподобная премьера “Путёвки в жизнь” Николая Эка, появились новые звуковые фильмы. Теперь пришло время создать хорошую звуковую кинокомедию...

Но случилось то, чего никак никто не ожидал. Выражение лица весёлое надолго исчезло. Надежда Сергеевна Аллилуева застрелилась, измученная тяжёлой болезнью краниостенозом, от которой всё страшнее становились головные боли. Застрелилась, всё больше втягиваясь в разлад с мужем, который день ото дня раздражал её по любому поводу, а в итоге и она стала раздражать его. На похоронах он рыдал, а потом оттолкнул от себя гроб.

Казалось, веселье в доме у Сталина умерло навсегда. Миновала чёрная зима, наступила весна, солнце которой заставляло вдовца Иосифа неприязненно щуриться и загораживать глаза ладонью.

Однажды Сетанка строго спросила отца:

— Папа, а почему мы в Гвоздиковский больше не ездим? Хочу кино про Чарли Чаплина.

— В Гнезниковский?.. — задумался отец. — А мы туда больше не будем ездить. Мы скоро Зимний возьмём.

— Как это Зимний? — удивились Вася и Томик. — Его же в семнадцатом году уже взяли.

— Увидите, — ответил Сталин и впервые за несколько месяцев усмехнулся.

Сетанка после этого постоянно канючила:

— Когда Зимний пойдём брать? Ну, когда Зимни-и-и-й?

И вот в один из солнечных весенних вечеров, после череды дней рожденьий, в этом году невесёлых и скучных ввиду недавней кончины Надежды Сергеевны, вернувшись вечером с работы, отец объявил:

— Ну, ребята, айда Зимний брать!

И оказалось, не Зимний дворец, а Зимний сад Большого Кремлёвского дворца, в котором Шумяцкий, главный по советскому кино, оборудовал кинозал особого назначения — только для товарища Сталина и его ближайшего окружения. Всего несколько рядов кресел, причём в первом ряду центральное, специально для генсека, жёсткое: он никогда не любил сидеть на мягком.

— Ну, вот он, Зимний, — сказал Сталин. — При царях тут был Зимний сад. А теперь мы его взяли и здесь будем кино крутить.

Взятие кремлёвского Зимнего озарило жизнь семьи впервые после смерти Надежды Сергеевны, просмотры стали утешением для Иосифа Виссарионовича. Здесь впервые прозвучало “Нас утро встречает прохладой...” в фильме “Встречный”, который, впрочем, главному зрителю не понравился. И отсюда же зашагало по всей стране разудалое “Легко на сердце от песни весёлой...” И это сразу взяло в оборот, заворожило. Вспомнилось, как в детстве захватывало зрелище стада, щёлканье пастушьего кнута, мычание, блеянье, гоготание, дивный первобытный запах домашней скотины. Главный зритель почувствовал себя здесь, в бывшем Зимнем саду, дома. Чувство, которое он вообще так редко испытывал. Его домом чаще всего был кабинет, диван, на который он ложился, устав от долгого сидения за столом. Даже на даче в Зубалово он редко чувствовал домашность из-за постоянного обилия там гостей. Для того и строится теперь отдельная дача, где он сможет находиться либо в одиночестве, либо при малом числе приглашённых из ближнего круга.

— “Нам песня жить и любить помогает, / она как друг и зовёт, и ведёт, / и тот, кто с песней по жизни шагает, / тот никогда и нигде не пропадёт”, — пел Утёсов своим невеликим голосом, но так задушевно и радостно, что в груди шевелилось задорное желание идти вместе с ним пасти коров, коз и овец.

Сталин смотрел комедию дальше и видел, как мастерски режиссёр вводит зрителя в сюжетную линию, какие замечательные смешные ходы делает. Это, наконец, было то, чего главный зритель ждал от советской кинокомедии.

— Эта... — обратился Иосиф Виссарионович к Шумяцкому, и тот понял с полуслова:

— Любовь Орлова. Та самая. Я уже говорил. На съёмках за Александрова в замуж пошла.

Красиво поёт лирическую песню:

— “Сердце в груди / бьётся, как птица, / и хочет знать, что ждёт впереди, / и хочется счастья добиться”. — Моее окно и рисует на нём огромное сердце: — “Радость поёт, как весенний скворец, / жизнь и тепла и светла. / Если б имела я десять сердец, / все бы ему отдала”.

Хорошо сказано. Десять сердец. Эх, если бы только одно остановившееся навсегда сердце снова стало стучать!..

Любовь Орлова. Какое красивое сочетание. Не просто любовь, а орлиная. Тёплое чувство разлилось в груди у овдовевшего грузина. Такой бы Любью он мог заменить навеки утерянную Надежду.

— “Как много девушек хороших, / как много ласковых имён, / но лишь одно из них тревожит, / унося покой и сон, / когда влюблён...”

И душа главного зрителя заныла. Сколько ласковых имён звучало в его жизни, но лишь одно осталось навсегда. Не очень-то ласковое “Татьяка”, но оно ласкало его сердце. И заставляло сердце болеть.

— “Сердце, тебе не хочется покоя. / Сердце, как хорошо на свете жить! / Сердце, как хорошо, что ты такое! / Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!” — Какие дивные слова, какая нежная музыка, подобная южной ночи, морскому бризу, ласковым прикосновениям любимых губ. Наконец-то! Наконец-то он видел на экране то, о чём мечтал. Сочетание смешного, порой дико смешного, с радостным и весёлым, лиричным и мелодичным. Что ни песня — навсегда! И первая — “Мы будем петь и смеяться, как дети”, и вторая — “Если бы имела я десять сердец”, и эта, про сердце.

А будет ли у него новое счастье? Полтора года прошло после страшного ночного выстрела, и уже ближний круг намекает, что пора бы оглянуться по сторонам и подыскать. И мужское начало мучает, томит по ночам, но не хочется смотреть в чужие женские лица. Разве что только на киноэкране.

И главный зритель от души смеялся, хмелея от вина и от радости, что впервые за полтора года сердце вылезло из плотного кокона горя.

Отныне Орлова и Александров стали его любимчиками. К тому же и с Эйзенштейном автор “Весёлых ребят” расстался, тот разбился и проклял друга сердечного. Отныне они станут снимать порознь.

А вскоре новая радость озарила темноту кремлёвского кинотеатра — фильм братьев Васильевых “Чапаев”. Наконец-то о гражданской войне сняли настоящий художественный фильм, а не какие-то там аттракционы!

Глава пятая ЛИЦОМ К КИНО

“Эх, раззудись, плечо!..” Вот уже двести лет эта забава считалась самой что ни на есть русской; из околиц и окраин, с задворок и ярмарок давно она переместилась сначала в барские усадьбы, а теперь — на дачи руководителей советского государства. В погожие дни в разных уголках слышалось ни с чем не сравнимое — удар и клокотание россыпи лёгких деревяшек. И каждого, кто это слышал, тянуло пойти поглазеть, как там швыряют деревянную биту, утяжёлённую железными браслетами.

Московская погода в ноябре всегда унылая и злая, не позавидуешь тем, кому приходится много времени находиться вне дома, нести какую-то службу и зябнуть, считать себя несчастнейшим человеком и тоскливо полагать, что прежде, чем можно будет вернуться в спасительное тепло, сто раз околеешь.

Но в этот ноябрьский день, когда личный водитель Сталина Павел Иосифович Удалов — всеми любимый Палосич — на новом мощном бронированном лимузине “Паккард Твелв”, подаренном американским президентом Рузвельтом, привёз в Волынское хозяина Ленинграда, надвигающаяся зима задремала, и приветливое осеннее солнышко радостно осветило заборы новой сталинской дачи, которую уже окрестили Ближней для отличия от предыдущей — Дальней.

Машина въехала в ворота и остановилась перед вставшим на её пути Власиком. Киров вышел, пожал начальнику охраны Сталина руку, и тот сообщил:

— В чушки играют.

— В чушки? — рассмеялся Киров. — В такой денёк не грех размяться. — И вместе с Власиком отправился в тот угол дачи, где располагался “город”, а именно площадка для игры в городки.

Кто только ни повторял кольцовское “эх, раззудись, плечо”, примериваясь битой на очередную фигуру, составленную из пяти городков или чушек, ещё их называли рюхами; самые разные люди любили разудалую игру — и Александр Суворов, и Лев Толстой, и Николай Второй, и Максим Горький, и Фёдор Шаляпин, и Владимир Ленин, и ныне — Иосиф Сталин. Он как раз, когда подошёл Киров, взял в правую руку биту и изготовился атаковать фигуру, которую в прошлом веке называли бабой в окошке, а в нынешнем переименовали в пулёмтное гнездо. Из пятнадцати положенных фигур она являлась по счёту девятой, а стало быть, партия двигалась к завершению. Сергей Миронович с удовольствием стал разминаться, готовясь вскоре заменить кого-либо. Не видя его, Сталин легко разбежался и швырнул биту в свойственной ему манере — сначала занёс её над головой, как саблю, а потом метнул, будто срубая голову незримому всаднику, и точным ударом сбил пулёмтное гнездо. В белом кителе и белых штанах, в сияющих хромовых сапогах, он выглядел бодро и захватски. Власик щёлкнул фотоаппаратом.

— Брависсимо! — захлопал в ладоши Киров, будто пришёл не на городное поле, а в “Мариинку”.

— Мироныч! — возрадовался Сталин и от души обнял дорогого гостя.

Никого он так не любил в последнее время из своего окружения, как этого коренастого и крепко сбитого вятича, всегда жизнерадостного. Восемь лет Киров руководил Ленинградом, и его успехи никем не ставились под сомнение.

— Вот чертяка, ни разу ещё не промахнулся! — воскликнул Калинин, судя по всему, играющий в соперничающей паре и, скорее всего, с Ворошиловым, потому что Климент Ефремович тоже слыл хорошим городошником, а Калинин похуже, и если играли парами, то ставили в одну пару с сильным того, кто послабее. Так и оказалось, Сталин играл в паре с председателем Совнаркома, а нарком обороны — со всероссийским старостой. На расставовке чушек стоял Жора Маленков, он после Съезда победителей резко пошёл в гору и теперь являлся заместителем заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК. Собрав чушки, он установил следующую фигуру — распырку или рака.

— Какой счёт? — спросил Киров.

— Мы пока проигрываем, — сердито ответил Ворошилов, явно досадуя на Калинин, взявшего битую и изготовившегося к броску. Михаил Иванович бросал по всем правилам, коротким хватом и снизу вверх, но от рака ему удалось выбить только одну чушку, а вторую битую он вообще запустил мимо. Сам Ворошилов того же рака сбил второй битой. Молотов бросал следующим и оба раза промахнулся. Зато Сталин явно был в ударе и снова одним броском смахнул все пять чушек. Самое удивительное: он бросал битую так, что любого новичка бы заругали и потребовали кидать боковым махом: голубчик, ты же не в кавалерии и не пашкой машешь! Но этим совершенно нелепым броском хозяин огромной дачи под названием СССР чётко и метко сбивал больше половины фигур одной битой, а если не все чушки единым разом, то со второго броска досбивал.

Оставалось ещё пять фигур: часовые, серп, тир, самолёт и самая сложная — письмо. На это ушло ещё полчаса. Играя, Сталин время от времени подходил к Кирову, о том о сём бодро расспрашивал, и Сергей Миронович не мог не отметить, что давно уже после смерти Надежды Сергеевны не видел Иосифа Виссарионовича в таком раскрепощённом настроении. Когда он и Молотов окончательно разделились с Ворошиловым и Калинин, Коба пошевелил правым плечом и сказал:

— Малость устал, но с тобой обязательно сыграем один на один.

Киров себя не считал мастерским городошником, но, учитывая свои ещё не растраченные богатырские силищи, надеялся хотя бы сегодня обыграть ненасытного в победах Кобу. Ворошилов, Молотов и Калинин остались посмотреть. Маленков по-прежнему на установке фигур. “Далеко пойдёт мальчик”, — как всегда бывает при виде старательного и услужливого подчинённого, подумал Киров.

Партия задалась ему сразу, биты летели в цель, фигуры сбивались либо с одного броска, либо с двух, в то время как Сталин явно притомился предыдущим двухчасовым командным поединком, пошли промахи, стрелку вообще не одолел и к серпу отстал на пять очков.

— Я гляжу, ты и в городки стал лучше меня играть, — похвалил он своего любимца. — Мироныч! Не пора ли тебе возложить на себя роль руководителя партии? Народ тебя любит. А Сталин... Что Сталин? Мне кажется, время от времени надо менять главное руководство. Как ты считаешь?

— Если честно, не горю желанием, товарищ Сталин, — со смехом ответил Киров, красиво размахиваясь и со второго броска сметая серп.

— Конечно, тебе удобнее быть вторым в Ленинграде, чем первым в стране, меньше головной боли. Но я ведь тоже устал. Вот прямо, как сейчас, после предыдущего боя. — Сталин говорил то ли вправду, то ли играя. — А давай так. Если ты сейчас выиграешь, мы с товарищами будем хлопотать, чтобы ты вместо меня стал руководить партией, а если я, такой усталый, всё же смогу выиграть, ладно уж, останусь. Годится?

— Да я уже почти выиграл. — Улыбка у Кирова малость притухла. — А на твоё место, товарищ Сталин, мне очень не хотца. — Он нарочито

произнёс последние слова по-вятски, зная, что Хозяину нравятся разные смешные особенности говоров России.

— Почти выиграл? — прищурился Сталин, взял биту, пропрыгал несколько шагов, будто проскакал их на лошади, и кинул свою саблю точнее некуда, сбив все чушки тира — и три передние, и две задние.

Киров дважды бросил и оба раза промахнулся.

— Э, нет, в поддавки не играем! — воскликнул Сталин. — Так нечестно!

— Да не поддаюсь я! — обиженно ответил Мироныч, он и не думал поддаваться, хотя и главным в стране ему тоже не хотелось становиться. Что за противную ситуацию придумал Коба! И как теперь быть? Выигрывать? А если он и впрямь тогда... Проигрывать? Как-то нелепо, типа “упал он больно, встал здорово”. Откуда это? Фамусов у Грибоедова. Про какого-то чиновника, насмешившего начальство.

Ворошилов, Молотов, Калинин, Маленков и Власик оживлённо следили за ходом поединка. Власик то и дело щёлкал фотоаппаратом. Коба, конечно, шутит. Хотя, с другой стороны, чем чёрт не шутит!

О Кирове уже многие говорили как о достойном преемнике Хозяина, но только в случае, если с тем что случится, но для этого с ним что-то и впрямь должно случиться, а так пока что хозяин Ленинграда может просто оставаться запасным игроком, дублёром. А иные и ситуацию видели по-иному, мол, Мироныча в народе любят и почитают уже больше, чем Сталина, не может ли так обернуться, что не удавшееся у Троцкого выйдет у Кирова?

Бедного Мироныча пробил пот, улыбка стала натянутой. На предпоследней фигуре, самолёте, Киров опережал соперника на два очка. Оставалось всеми нелюбимое письмо, в котором четыре чурки расположены по углам прямоугольника, а пятая лежит в середине, и сбить все пять разом получается очень редко.

— Ну-с, посмотрим, кто письмецо вскроет, — ехидно произнёс Калинин.

— И что там, в письме, какое п-по-остановление, — добавил Молотов.

Киров глянул на всех: что на самом деле на уме у этих людей, с которыми его связывают дружеские отношения? Полная растерянность охватила его.

— Давай, Мироныч! Мы за тебя! — подначил Ворошилов. Шутит или нет? Может, они, черти, заранее договорились? О чём? Что если он выигрывает, будет вместо Сталина? Чуть собачья. Он внимательно взгляделся в Кобу. Тот смотрел иронично, как бывает, когда кого-то разыгрывают и вот-вот заорут: обманули дурака на четыре кулака!

Он взял биту, и она показалась ему тяжелее кузнечного молота, присмотрелся к письму, метнул и не попал.

— Эх, да этак и проиграть можно, — покачал головой Сталин.

Киров взял вторую биту, и уже точно знал, что не попадёт. Постарался попасть, но орудие пролетело в двух сантиметрах от дальнего правого угла письма. Счёт сравнялся.

— Мда, ситуация критическая, — тяжело вздохнул соперник.

— Или, как говорят французы, ситуасьон пердю, — засмеялся всероссийский староста.

— А они точно так говорят? — усомнился Сталин, легко схватил биту, скакнул в своём стиле, махнул, как саблей, и пустил схваченную железными браслетами кизилую палку точно в цель! Трудно поверить глазам, но бита легла так чётко, что смахнула разом все пять городков.

— Вот тебе и французы! — воскликнул Молотов.

— Коба, тебе какая нечистая сила помогает? — в восхищении спросил Ворошилов.

— А почему сразу нечистая? — усмехнулся в усы Хозяин. — Может быть, она самая что ни есть чистая.

— Ну, ты и леший же! — во весь рот засмеялся Киров, радуясь, что ситуация оказалась никакая не пердю, а вполне спасительная. Если бы Коба промахнулся обеими битами, победа досталась бы Ленинграду, а теперь успех с разницей в одно-единственное очко праздновала Москва.

— Вот видишь, — улыбался победитель, — ты и ростом меня всего на сантиметр ниже. И тут лишь одна бита всё решила.

— Ну, как так? — подобострастно восхищался круглощёкий Маленков. — Отыграть долгую командную партию, потом вторую один на один, и последним броском поставить такую точку. Вот это и есть товарищ Сталин!

— Ладно, Мироныч, так и быть, поруковожу ещё сколько-нибудь. — И Кремль дружески похлопал Смольного по плечу. — Айда обедать, поди, в животах у всех кошки скребут.

— Тигры! Крокодилы! — пуще прежнего веселился Смольный, обнажая ряд крепких зубов, казалось, способных перекусить и тигра, и крокодила.

Обедали в Малой столовой, куда входили сразу из прихожей налево. За столом уселись так, что Сталин прямо напротив Кирова, так всегда усаживали гостя, с которым Хозяину хотелось поговорить больше, чем с остальными.

— Ещё красочкой попахивает, — заметил Сергей Миронович, принявшись. Дом, в ту пору ещё одноэтажный, как раз в этом году достроили, и Сталин вселился сюда не так давно.

— Да, — кивнул Хозяин, — иногда мне даже нравится нюхать эту свежесть. А в другой раз устанешь, приедешь, так от запаха краски башка может разболеться.

— А кто строил?

— Мержанов. Он на самом деле Мигран Оганесович Мержаниянц, но предпочитает быть Мироном Ивановичем и Мержановым. — Сталин усмехнулся. — Что тут возразишь, я тоже не Джугашвили.

— А почему именно он? — продолжал расспрашивать Киров, чутко приносиваясь не только к остаточным запахам красочки, но и к аппетитнейшим ароматам предстоящего обеда, доносящимся с кухни. В ожидании горячих блюд все жадно набросились на закуски и особенно нахваливали миниатюрные пирожки и судачок под маринадом. Сам Сталин лишь пощипывал пирожок, бросая в рот маленькими кусочками.

— Почему Мержанов? — отозвался он, с минуту подумав. — Должен тебе сказать, товарищ Киров, тут целая большая политика.

— Вообще-то это я Мержанова посоветовал, — встрял Ворошилов. — После того, как он мне в Сочи санаторий для Красной армии добротно построил.

— Это конечно, — кивнул Сталин. — Но не только.

Договорить ему не дали, потому что в столовую вошла огромная благоухающая супница, которую нес горделивого вида человек с бравыми гусарскими усами, и когда он снял крышку, благоухание заставило всех едва не упасть в обморок, до того манящее.

— Спиридон Иванович, — обратился Сталин к усачу, — что за чудо вы нам сегодня сотворили?

— Извольте отведать, архиерейская уха, — ответил повар, поставив супницу на край стола.

— На петухе? — спросил Калинин.

— Естественно, никак не можно иначе. Архиерейская только на петухе обоснуется, затем туда идут ерши, их вытаскиваю, кладу радужную форель, затем стерлядь. Всё чин-чинарём.

Сталин продолжил расхваливать повара:

— Спиридон Иванович Путин. Он у нас в Горках обитает, самого Ленина кормил, теперь ленинскую семью обслуживает. Я его иногда из Горк сюда привлекаю, когда у меня гости дорогие. До революции в лучших ресторанах Петербурга осваивал профессию.

Повар ничуть не смущался, что его представляют, а с важным видом, мол, да, это так, выслушал и, коротко поклонившись, удалился.

— Сегодня архиерейская, а в другой раз я его попрошу замороженные щи приготовить, язык проглотить, — вслед ему закончил рекомендацию Сталин и первым подошёл к супнице дулёвского фарфора. Он давно уже ввёл такое правило: подавальщицы или сами повара приносили кушанья и ставили их на край стола, а если в Большой столовой, то на отдельный столик, и каждый сам подходил и обслуживал себя.

— А что касается Мержанова, товарищ Киров, то он и другие архитекторы в этом году начали осуществлять задуманный мною план. — Сталин налил половником себе уху, положил кусочек форели и кусочек стерляди, медленно вернулся к столу, остальные по очереди подходили на поклон к белоснежной супнице. Помешивая ложкой уху в тарелке, Хозяин продолжал говорить: — Я считаю, что революция в нашей стране давно закончилась и началась советская социалистическая жизнь. И это должно в полной мере отражаться во всех сферах деятельности, включая, прежде всего, искусство, музыку, живопись, кинематограф и архитектуру.

— Дом на Моховой, — произнёс Ворошилов, поставил перед собой тарелку, сел и увлёкся поеданием ухи.

— Именно так, — кивнул Сталин и, наконец, принял первую ложку. — Первого мая мы прикончили конструктивизм. Хотя все и считают его передовым революционным направлением. Но повторяю, революция благополучно завершилась. Началось становление сильного государства рабочих и крестьян. Бунтарство в искусстве хорошо в эпоху потрясений, связанных с разрушением старого мира. Теперь я взял курс на классические формы. Первого мая этого года на Моховой был торжественно открыт жилой дом для сотрудников Моссовета и их семей. Архитектор Жолтовский выполнил его в строгих классических традициях наподобие итальянских образцов. К примеру, как Лоджия дель Капитаньо в Виченце. Когда с фасада скинули покрывало, все ахнули, до чего красивое зрелище предстало глазам. И тогда я провозгласил, что отныне вся советская архитектура станет строиться на принципах классицизма.

— Это Веснин тогда метко пошутил про гвоздь? — припомнил Калинин.

— Да нет же, — возразил Молотов, — он, наоборот, плевался. Веснин фигура в архитектуре мощная, но он авангардист и выступает за продолжение архитектурных экспериментов. Дом Жолтовского его разозлил хуже некуда. Кто-то другой сказал, что этот дом — последний гвоздь в гроб коконструктивизма, чуть ли не Щусев, который назвал работу Жолтовского шедевром мировой архитектуры, а Веснин орал, что этот гвоздь надо выдернуть и выбросить.

— Ничего, товарищ Веснин одумается, — продолжал Сталин, неспешно поедая архиерейскую уху, которую Киров успел с наслаждением прикончить и первым снова пошёл на поклон к супнице, налил себе вторую полную тарелку. Уж очень вкусно! Отсутствием аппетита Сергей Миронович не страдал.

— Мы в Ленинграде тоже развернули строительство зданий в монументальном классическом ключе, — вставил он своё слово, присаживаясь осторожно, чтобы не расплескать наполненную до краёв тарелку.

— Классицизм — свидетельство мощи страны, — продолжал Сталин. — Он был свойствен государствам, достигшим имперского могущества. Мы, конечно, слово “имперский” употреблять не станем, но наша страна должна сделаться великой советской социалистической империей. И, как говорит Спиридон Иванович, никак не можно иначе. Архиерейская уха не варится без петуха.

— Иосиф, ты что, снова за стихи взялся? — усмехнулся нарком обороны.

— Я никогда с ними и не расставался, — ответил Сталин. — Так вот, товарищи, уходящий тридцать четвёртый год обозначился Съездом победителей и полным установлением новых принципов социалистических черт жизни. Могучий дом Жолтовского, выполненный в идеалах классицизма, есть образец для всего будущего облика нашей державы.

— За это бы надо выпить, — смело произнёс Ворошилов, зная, что если выпивки на столе нет, значит, Хозяин считает, что ещё не время для неё.

— А вон, в углу, на столике под салфеткой, — кивнул Сталин, и нарком обороны не постеснялся встать и принести из-под белоснежной салфетки хрустальный графин. Своими рюмками его поддержали Молотов и Калинин. Кремль, а за ним и Смольный, водку отклонили.

— У нас с Миронычем сегодня ещё дел невпроворот, — объяснил Иосиф Виссарионович, а бравый усатый повар уже вносил горячее. — О-о-о! Что там у нас?

— Медальоны из говядины, товарищ Сталин.

— Вон оно, чем Ульяновы да Крупские у нас питаются, — заржал Ворошилов, опрокидывая третью рюмку.

К четырём часам пополудни Палосич доставил Сталина и Кирова в Кремль, где они до самого вечера обсуждали вопросы предстоящего пленума ЦК. Попутно поговорили и о литературе, ведь оба были помешаны на чтении. Киров у себя дома собрал одну из крупнейших библиотек, в двадцать тысяч томов, и любил повторять, что без книг мозги засохнут, а Сталин каждый день внимательно прочитывал одну книгу или пролистывал две-три.

— Как думаешь, этот Хемингуэй то же самое, что Ремарк? — спросил Киров. Несколько рассказов и отрывки из романа “Прощай, оружие!” модного за границей американца только что появились в русских переводах, пахли свежей типографской краской, а переводы романа “На западном фронте без перемен” не менее популярного немца уже давно прижились у русского читателя.

— Нет, у него своя манера, — ответил главный читатель Страны Советов. — Если и есть сходство, то в идеальной простоте и лаконизме. Ничего лишнего, никаких прибабасов. Самый мой любимый стиль в литературе. Опять-таки — классический. Пушкинский. Лермонтовский. Терпеть не могу, когда автор пытается выпячиваться, изобретает какой-то свой собственный стиль, чтобы только его узнавали. “Пиши хорошо, и это уже будет новизна”, — так, кажется, сказал Чехов. Терпеть не могу всякого там Бабея. Сплошная цветастость. Или этот ещё балагур, Платонов.

— Ну, Платонов вроде одумался, из поездки по Средней Азии неплохую повестушку привёз.

— “Джан”? Читал. Неплохо, согласен. Дали по заднице, он и перестал его крутить.

— А Булгаков что-то не пишет ничего.

— Про Мольера написал роман. Почему-то никто не спешит печатать. Лично ко мне он обращался с просьбой выпустить его за границу. Я вместо этого попросил товарищей принять его в Союз писателей.

— Приняли?

— Приняли. Мне он больше как драматург нравится.

— Но каков молодчик! — расхохотался Киров. — У самого начштаба Московского округа жену увёл!

— У бывшего, — поправил Сталин. — Эта Елена Нюрнберг развелась с Шиловским и ушла к Булгакову в тридцать втором. Шиловский к тому времени уже был переведён в Военно-воздушку. Ишь ты — “каков молодчик”, а сам-то?

— Что сам-то? — самодовольно расплывался в улыбке зубастый здоровяк.

— А то, — усмеялся ехидный грузин. — Как там про вятских говорят? Вятские — хватские?

— Мы вяцкие — люди хватские, семеро одного не боимца, — звонко выпалил поговорку Киров. — А ещё было дело — один кричит: “Эй, люди, как к реке пройти?” А они ему: “Какие мы тебе люди! Мы — вятские”.

— Да, смешно, — посмеялся Сталин. — Но ты-то когда утомнишься? Мне ведь всё известно о твоих похождениях, кот ты мартовский. К тому же и в марте родился.

— Ну, что я могу поделатъ, если в нашей прекрасной советской стране, куда ни глянь, всюду красивые женщины?

— А ты не думаешь, что у некоторых красивых женщин бывают ревнивые мужья?

— Некогда думать, когда к тебе плывёт этакое чудо. Вот лучше ты мне скажи: почему перестал называться генеральным секретарём? Почему просто секретарь ЦК? Спрашивают: кто такой Сталин? Секретарь ЦК. А Жданов? Тоже. Они что, равные?

— Равные, — усмехнулся “просто секретарь”.

— А в чём же разница?

— В том, что он Жданов, а я Сталин.

После сытного обеда до вечера есть не хотелось, и в восемь часов главный зритель сказал:

— Теперь пойдём в Зимний, посмотрим кино. Наконец-то я могу сказать, что и тут мы закончили с выкрутасами и всякими там аттракционами. Начинается новая эпоха кинематографа — советская. В духе социалистического реализма.

И они отправились в Кремлёвский кинотеатр, где их уже ждал Молотов, подписал у Сталина какую-то бумагу и остался тоже смотреть кино.

— Что будем первым делом крутить? — спросил Шумяцкий.

— А вы как думаете, товарищ начальник киноделия?

— Понял, — ответил Борис Захарович и распорядился ставить “Чапаева”.

— Надеюсь, смотрел? — поинтересовался главный зритель у Кирова.

— Наслышан, но ещё не смотрел.

— Эта фильма делает сейчас главную погоду в киноискусстве, — с гордостью сказал Иосиф Виссарионович.

— А Сергей Миронович у нас до сих пор не повернулся лицом к кино, — с укоризной произнёс Шумяцкий. — Притом, что “Чапаева” снимали на Ленинградской фабрике. И много других лучших картин. И “Юность Максима” там же сейчас заканчивают делать. И “Крестьяне”.

— Что же это вы, товарищ Киров, до сих пор лицом к кино не повернулись? — засмеялся Хозяин.

— Как-то зловеще звучит, — поёжился Киров. — Будто лицом к стенке.

— Не к стенке, а к стене, — возразил Сталин. — К огромной стене советского киноделия, которая сейчас возводится и растёт на твёрдом основании. Подобно дому на Моховой. Уже вышли такие выдающиеся картины, как “Челюскин”, “Гроза” по Островскому, “Пышка” по Мопассану. А ещё весьма весёлая и очень бодро сделанная комедия “Весёлые ребята”. Тоже не смотрел?

— Да некогда было...

— Некогда ему! А туда же, вятские — хватские. На то, чтобы бегать за юбками, у него есть когда.

— Я “Три песни о Ленине” смотрел недавно, — попытался оправдаться Сергей Миронович.

— Дзиги Вертова? Я тоже в прошлый раз похвалил после поверхностного просмотра, — сказал Сталин. — Увлёкся, знаете ли, прекрасно технически показанными кадрами о живом Ленине. И о трагическом дне его похорон. Но потом подумал и пришёл к иному выводу. Что в этих “Трёх песнях” неверно? Почему-то весь Ленин показан на среднеазиатском материале. Как будто он вождь и знамя Востока, только вождь азиатов. Товарищ Шумяцкий, как вы смогли допустить такое?

— Я сразу говорил, что сам по себе я холодно воспринял эту фильму, — испугался Борис Захарович. — Я и с товарищем Рабичевым солидаризовался ещё до комиссии, а комиссия нас не послушалась.

— Это верно, — вспомнил главный зритель. — Но вы нарком кино, и все комиссии должны только вас слушаться. А то и взыскать не с кого. Возьмешь Шумяцкого за шкуру, а он: я не виноват, всему виной комиссия.

— Я исправлюсь, — жалобно пробормотал Борис Захарович.

— Ты тоже хорош, товарищ Киров! — рассердился Сталин. — Сейчас ленинградские фильмы самые лучшие, а ты их и не замечаешь. Не знаешь, какое богатство у тебя там тaitся, не смотришь. По бабам бегаешь.

Видя, что Кирова чехвостиат, Шумяцкий смешно зашевелил чаплинскими, а с недавних пор ещё и гитлеровскими усиками:

— А Сергей Миронович вообще не особо балует вниманием одну из лучших кинофабрик Союза — Ленинградскую. И это притом-таки, что живёт буквально рядом с ней, в пяти минутах ходьбы. Ни разу не был на ней. Ни одну фильму не смотрел.

— Клянись, что пойдёшь и посмотришь все ленинградские фильмы! — грозно воззвал главный зритель.

— Обещаю.

— Иной у нас, бывает, забюрократится, а ты, Мироныч, забабократился.

— Да ладно тебе, Иосиф Виссарионович, — смутился Киров, что его так обозвали в присутствии Шумяцкого и Молотова. — Лучше скажи, что там вышло с “Аэроградом” Довженко, который он нам, помнится, читал?

— Довженко продолжает снимать на Дальнем Востоке, — вместо Сталина ответил нарком кино. — Недавно приезжал, жалуется, что товарищ Гамарник запрещает снимать там главный материал его ленты — авиацию на фоне дальневосточного ландшафта, а именно сопок.

— Как запрещает? — возмутился Сталин.

— Безапелляционно и напрочь.

— Что за дурак этот Гамарник! Японцы знают и хорошо наблюдают нашу авиацию, а показывать её в кино, видите ли, нельзя! — продолжал кипятиться главный зритель. — Это нелогично, это неправильно. Наоборот, если это необоснованное запрещение делалось из-за того, чтобы фильм не рассказал японцам чего-либо лишнего про нашу авиацию, то надо было поступить как раз наоборот: не смущаясь, показать через фильм, что нас на Дальнем Востоке голыми руками не возьмёшь, что мы там также готовы к обороне и ответному удару. И что же дальше?

— Хотели в феврале следующего года выпустить фильм, теперь придётся чуть ли не летом.

— А почему вы не могли сразу втянуть в это дело Климента Ефремовича? Он бы надавал Гамарнику по шапке.

— Согласен, прохлопали.

— Мы кино-то будем смотреть? — спросил Киров.

— Мы кино-то будем смотреть? — повернулся Сталин к Шумяцкому, и тот едва не умер:

— Да вот же, товарищ Сталин... Опять...

— Опять механик?

— Заело у него там что-то, у босяка такого!

— Троечкин?

— Да нет, Троечкина мы перевели. Только вот Пятёрочкина не удалось сыскать.

Кремлёвскому кинотеатру почему-то не везло с киномеханиками. Сменили одного, другого, третьего. У этого третьего фамилия оказалась Троечкин, и Сталин приказал найти вместо него Пятёрочкина.

— А этого как фамилия?

— Смешно сказать... Жабонт.

— Поня-атно, — сердито протянул главный зритель. — Будем пока квакать. Давайте, товарищи, поквакаем ещё о чём-нибудь.

И они ещё минут десять “квакали” о Довженко, на которого Сталин очень рассчитывал как на будущего большого мастера.

— А покойный Скрышник назвал его фашистом, — фыркнул Шумяцкий.

— Сам этот Скрышник фашист, — проворчал Сталин. — Довженко, несомненно, способный режиссер. А если будет настойчиво работать, может свой “Аэроград” сделать большой вещью. Надо только, чтобы он понял, чего от него ждут.

— Да что же это такое! — возмутился Киров. — Лицом к кино, лицом к кино! Я вот, сижу лицом к кино, а никакого кино и нету! Только квакаем!

Борис Захарович, дай ему пистолет, тотчас бы и застрелился на месте, но в ту же минуту раздался характерный треск киноаппарата, свет погас, и по экрану понеслись кадры “Чапаева”. Сергей Миронович то и дело поглядывал на Иосифа Виссарионовича и натёкался на встречный взгляд — Кремлю очень хотелось иметь поддержку Смольного: “Ну, как? Скажи, здорово? Нравится или нет?” И Киров стал подыгрывать, хвалить режиссёрскую работу, восторгаться Бабочкиным, постепенно и сам увлёкся, а когда во время психической атаки появилась конница Чапаева, чуть было не закричал подобно Ваське Красному: впереди, на лихом коне!

В течение просмотра аппарат ещё пару раз заедало, а когда заело перед самым финалом, Хозяин объявил:

— Жабонта в болото!

Досмотрев картину до конца, Сергей Миронович встал и громко захлопал в ладоши:

— Bravo! Брависсимо!

— А ты говоришь... — радовался Сталин. — Айда ужинать.

И они отправились в главный кремлёвский кабинет.

— А и вправду здорово научились делать картины, — сказал Киров, подогревая радость главного зрителя.

— Что верно, то верно, — мурлыкал тот. — Одно только им надо сейчас наладить — свою промышленность. Без этого ничего не сделать. У них промышленность, изготовляющая аппаратуру и пленку, ещё дохлая. А для развития кинодела нужна мощная и новейшей техникой вооружённая.

Шумяцкий стал оправдываться, жаловаться:

— Госплан привёл контрольные цифры капитальных вложений прямо в куриных цифрах. Ну, скажите мне, что это за цифры? Курам на смех! — И Борис Захарович сыпал цифрами, как крупной, будто кормил сотню расторопных кур.

— Слышишь, Молотов, это не дело. Проследи сам, — строго приказал Хозяин.

Стол оказался накрыт здесь же, в кремлёвском кинотеатре, в углу, скромненько — студень с хреном, лапша, лобio, паровые котлеты, красное и белое вино. Шумяцкий пожаловался на прессу, что не слишком восторженные напечатаны отзывы на “Чапаева”.

— В “Известиях” пишут, что комиссар Фурманов поставлен ниже Чапаева, а надо, чтобы комиссар был главной фигурой.

— А кто пишет? — спросил Киров.

— Херсонский. Он часто по кино прогуливается.

— Ох, уж эти критики! — рассердился Хозяин. — Такие вещи строчат неспроста. Они дезориентируют. Люди нашли очень правильные краски для создания образа комиссара. А их тянут в другую сторону. Будет хорошая статья. Мехлиса!

И личный помощник вождя Поскрёбьшев соединил его с главным редактором “Правды”. Разразившись гневной тирадой, Сталин закончил разговор строгим приказом:

— Не позднее послезавтра!

Вернулся за стол и остатки гнева вылил на Шумяцкого:

— Почему я должен всё решать? Вы плохой руководитель. Должны всем показать, что проводите мою линию в кино, а пока что без меня никуда.

Он продолжал распекал, нарком кино блял, оправдываясь, и Киров впервые задумался над тем, какое огромное значение Хозяин придаёт становлению кинематографа. Странно, думал он, как можно всерьёз относиться к этому экранному мельканию, ведь книга гораздо глубже; читая, ты воображаешь себе в огромном объёме, а тут смотришь, и всё тебе подают в уже пережёванном виде.

Сталин говорил о механических и плёночных заводах, будто сам когда-то на них работал, указывал, как и где нужно их строить, каких людей привлекать, сколько и куда направить денег.

— Смотрю на тебя, Коба, и восхищаюсь. Ты и в городки всех обыгрываешь, и в любом искусстве разбираешься, и в любом промышленном вопросе всем дашь точные руководства.

— Вот это и плохо! — продолжал сердиться Хозяин. — Не должен я быть во всём один. И все привыкли только Сталину в рот заглядывать, как Сталин скажет, так и сделаем. Пора по-другому повернуть, пусть сами всюду крутятся, а не получается, пеняйте на себя — тяжёлой битой по чужкам!

Поужинав, отправились обратно в Кремлёвский кинотеатр, где к ним добавились Жданов, Калинин и жена Молотова.

— Вообще-то я говорил, чтобы с жёнами сюда не таскались, — поморщившись, прогудел главный зритель в ухо Кирову.

Жабонт опять не мог наладить аппаратуру, Шумяцкий крикнул на него, что с завтрашнего дня уволен, а пока шёл долгий разговор о кинотеатрах, которые надо не закрывать, а открывать и открывать новые. Шумяцкий заговорил о большом антифашистском кинопроекте, в котором вызвались участвовать англичане, какой-то Монтегю.

— Ромео? — усмехнулся Сталин.

— Почему Ромео? — опешил нарком кино.

— Потому что у Шекспира Ромео носит фамилию Монтегю.

— А разве не Монтеки? — спросил Киров.

— Это в русских переводах, — пояснил Сталин. — А в оригинале Монтегю.

Вот чёрт какой, всё он знает! — Сергей Миронович даже как-то испугался разнообразия эрудиции вождя. А тот уже снова распекал Шумяцкого, узнав, что этот Монтегю денег не даёт, а участвовать хочет людьми, актёрами и добрыми советами, даст большие каналы продвижения ленты.

— Добрыми советами! У нас у самих Страна Советов, причём самых добрых! Товарищ Шумяцкий, вы мне всё меньше и меньше нравитесь. Когда ваш Лягушонт соизволит...

Тут аппаратура заработала, и Жабонт стал снова показывать “Чапаева”. Киров сначала подумал, что горе-механик ошибся, но оказалось, Сталину хотелось, чтобы друг Мироныч ещё раз насладился.

— Чем больше его смотришь, тем он кажется лучше, тем больше находишь в нём новых черт, — в своё оправдание пробурчал Кирову главный зритель.

— А ты сам в который раз смотришь? — спросил у Кремля Смольный.

— В седьмой.

“В своём ли он уме?” — усомнился Сергей Миронович. Но, поглядывая на сидящего рядом Кобу, видел, как тот млеет, и радовался, что наконец-то бедняга хоть в чём-то нашёл утешение своему главному горю, женился пусть не на другой женщине, так на киношке этой.

Сам Киров в молодости увлёкся женщиной на год старше него, яркой, с крупными чертами лица, женился, но Мария Львовна с годами стала быстро терять привлекательность. Затем на неё как-то повлияла работа в профилактории по перевоспитанию проституток, появились странности в поведении, стала болеть и после сорока лет выглядела при муже, как его мать. В последнее время и жили порознь, он — в большой пятикомнатной квартире на улице Красных Зорь, она — на даче в Толмачёво, нисколько его ни в чём не стесняя.

И снова все расхваливали, швырялись сильными эпитетами: по яркости и правдивости картине нет равных, она так волнует, что навсегда запомнится, игра актёров непревзойдённая, берёт за душу до самых потрохов.

— Именно с этой фильмы, — сказал Сталин, — начинается новое советское киноискусство, товарищи. Мы можем все поздравить друг друга. — Он посмотрел на Бориса Захаровича и снисходительно положил ему руку на плечо: — Ну и, конечно, товарища Шумяцкого.

— Спасибо, товарищ Сталин, — с гордостью отозвался нарком кино. — Разрешите мне ещё одну просьбочку? Многие партийные и профсоюзные организации берут кинотеатры для своих собраний, отменяя при этом намеченные сеансы. Разрешите мне запретить это на корню?

— Безобразия! — возмутился Сталин. — Я дам особое распоряжение.

Потом ещё смотрели кинохронику, и лишь в два часа ночи Палосич повёз Москву и Ленинград на Ближнюю дачу. От Кремля до неё всего минут двадцать езды, а по ночному городу да на двенадцатицилиндровом американском звере — вдвое меньше.

Киров всю засыпал, а Сталин, будто сам двенадцатицилиндровый, продолжал морочить ему голову своим киноделием: что в Венеции нашу кинохронику встречали овациями, что скоро будет отмечать пятнадцатилетие советской кинематографии, и в этот день двадцать седьмого декабря намечено устроить грандиозный праздник, но по-настоящему советское кино родилось только в этом году с появлением “Чапая” и “Весёлых ребят”, да ещё

“Гроза”, про которую Станиславский, на что уж ненавидит “волшебный фонарь”, и то сказал, что в этой фильме Тарасова превзошла театральные роли. Киров чуть не ляпнул, что она чем-то похожа на Надежду Сергеевну, но вовремя придержал язык.

— А теперь этот режиссёр Петров, который “Грозу” сделал, начинает работу над огромной фильмой о Петре Первом, и мы должны переплюнуть французов с их Наполеоном режиссёра Абея Ганса. Ты, конечно же, не смотрел, а я видел отрывки. Сильно. Но мы сделаем сильнее. Я уже сказал Петрову, что Катерину Первую должна играть Тарасова. Эх, у нас ещё и реклама слабовата. Ты бы видел, как ту же нашу “Грозу” те же французы у себя рекламировали, какие рекламные листки, загляденье! А у нас вечное: нету бумаги, нету полиграфии. Много лодырей, Миронич, все друг на друга перекаладывают, хочется всех в бараний рог скрутить. Тот же Шумяцкий. Вроде бы из кожи вон лезет, но чуть что, у него не он виноват, а Игнат. Или Жабонт. До сих пор по всей стране только полтысячи звуковых экранов. Куда такое годится?

— Ты, я смотрю, полностью в кино влез, — позволил себе замечание Киров.

— Потому что понял важную вещь, — ответил Сталин. — Кино не просто главнейшее из искусств, как говорил Ильич. Бери глубже. Это один из главных родов войск. Американцы не дураки, сразу это схватили.

По приезде на Ближнюю неутомонный двенадцатицилиндровый ещё часов до пяти не давал спать своему дорогому гостю, покуда тот не уснул с бокалом вина, развалившись на диване в Большой столовой, его разбудили и отвели в комнату, предназначавшуюся на Ближней даче лично для него. А сам Хозяин ушёл в свою спальню.

Киров оставался в Москве до конца ноября, принял участие в пленуме ЦК партии, решил все свои дела, посмотрел в третий раз “Чапаева” и впервые от души посмеялся на “Весёлых ребятах”, особенно глядя на то, как ухохатывается главный зритель.

Возвращаясь в свой Ленинград, Сергей Миронович много думал о том, действительно ли кино должно играть столь значительную роль в жизни страны и в построении нового общества, чуть ли не встать вровень с литературой, возвыситься над театром, не перегибает ли Куба палку.

Дома Сергей Миронович стал готовить доклад к собранию партактива, призванный передать решения московского пленума, в частности, об отмене хлебных карточек и прочих продовольственных ограничений.

В первый день декабря ему позвонила любовница Мильда, попросила срочно приехать в Смольный, он приехал и, поднимаясь к себе на третий этаж, вспомнил фразу Шумяцкого “лицом к кино”. Он подумал, что на партактиве надо поднять вопрос о широком праздновании пятнадцатилетнего юбилея советского кинематографа, надо поехать на “Ленфильм”, забачать там грандиозное совещание, разработать планы, потом проинспектировать состояние всех ленинградских кинотеатров, поближе познакомиться с режиссёрами и актёрами...

Но не напрасно говорил друг Иосиф о том, что у красивых женщин бывают ревнивые мужья, и полный жизни и бодрости вятч шёл в сей день не лицом к кино, а лицом к своей гибели.

Глава шестая ТРАНСМИССИЯ ЖИЗНИ

Ба-бах!

— Сегёжка! Сегёжка! Иди сюда, пагшивец!

Но он уже во всю прыть бежал к озеру, только пятки сверкали, как замечательно пишут в книжках. А ещё — во всю прыть, наутёк, очертя голову, как угорелый, во все лопатки... Да мало ли напридумали словоплёты, чтобы отразить это замечательное чувство, когда у тебя есть две лихие ноги, и они несут тебя подальше от опасности или от наказания. И пусть

возмездие неизбежно, но пока что можно насладиться шастаньем вдоль берега Чебаркуля и осознанием, что ты совершил это, не побоялся засунуть в печку мешочек с самодельным порохом из бертолетовой соли, угля и селитры, а когда мама стала разжигать дрова, тут как жажнуло! Что может быть сладостнее звука взрыва — шарах! — особенно, когда ты лично его устроил. Ну, почему детей не берут на войну и в революционное движение!

Это движение казалось ему чем-то вроде ледохода на Тоболе, который ему однажды показывал отец: льдины пришли в движение, треск, шум, плеск, удары... И потом, читая в книгах, как толпа вырвалась на улицу, он представлял себе именно это величественное шествие льдов.

О революционном движении говорили и мама, и папа, оба политические ссыльные, помотались по Россиюшке да по Сибирюшке. Отец из Мценска, из семьи уездного исправника, мать с Украины, из чинно-благородной купеческой еврейской семьи, где не говорили, а говогили, не зарабатывали, а загабатывали; и не побоялась гнева сутового отца, а захотела замуж за гусского — и точка! Приняла православие, имя Юдифь поменяла на Юлию. И отец такой же, захотел жениться на еврейке и тоже своего отца не послушался, а уж его отец-то — гроза Мценского уезда, дворянин, начальник всей уездной полиции, чуть ли не черносотенец. Но они, как Ромео и Джульетта, Аполлинарий и Юлия, сбегали от своих враждующих кланов и, воссоединившись, пели: “Вставай, проклятем заклеимённый!” — самую любимую Серёжину песню с самого детства.

Жаль только, что отец, Аполлинарий Алексеевич, погиб во время геологической экспедиции на Лозьву, когда Серёже три года исполнилось. А то бы вырос и вместе с отцом начал революционное движение. Но к революции следовало готовиться заранее, а для этого обязательно делать порох и взрывать его, где только можно. И в семь лет он плотно этим делом занялся. А мама? Мама добрая, если сразу под горячую руку к ней попасть, не поздоровится, а погуляешь полчаса, в озере поплаваешь, вернёшься, она только плачет:

— Ну, зачем же ты, Сегёжа, погох в печку сунул? А если бы мне глаза вышибло?

Буква Р Сергею досталась двойкая, мамино-папина, чаще произносилась как полагаётся, но иногда проскальзывало непреодолимое Г.

— Прости, мамочка, я больше не буду в печку класть. Но сама посуди, как без пороха геволуцию делать?

— А может, не надо никакой геволуции? Одни несчастья от неё. Вон и бгатья мои всю жизнь по катогам и ссылкам маются.

— Ну, уж нет, вы с отцом пели про новый мир, и мы наш, мы новый мир построим, вот увидишь. А старый мир надо подвзорвать. Для этого и нужно много пороха. С цагизмом нам дальше не по пути.

Но взорвали царизм без Серёжи. И Белую армию не ему довелось изгонять за пределы молодой республики Советов. И свою смелость приходилось доказывать не на фронтах гражданской войны, а на театральных подмостках, о которых он мечтал не меньше, чем о революционном движении, с тех пор как в восемь лет в Екатеринбурге посмотрел шиллеровских “Разбойников” со знаменитым трагиком Розен-Саниным и воспылал быть Карлом Моором: “Пойдите прочь, возлюбленная Моора умрёт лишь от его руки!” А особенно, когда он долго смотрит в зеркало и в отчаянии разбивает его об пол. От Серёжи в доме стали прятать все зеркала. И если начинала не поддаваться буква Р, ставшая для будущего актёра особо коварной, он отныне всегда твердил: Карл Моог, Кагл Моор, Карл Моор, Карл Мо-о-о-ор.

Няню Наталью Серёжа любил чуть ли не сильнее мамы, в двенадцать лет влюбился в девочку, которая вздорно объявила ему: “Или я, или Наталья Евгеньевна! Даю срок решить до завтра”. Он всю ночь промучился и утром объявил своей первой возлюбленной: “Наталья Евгеньевна!”

Няня отменно рисовала сама и учила рисовать его, в итоге с папкой рисунков под мышкой он отправился в Петроград, поступил в художественное училище, но — ба-бах! — словно мешочек с порохом в печке, взорвалось новое увлечение — театр. Месяц-другой повалял дурака в экспериментальном

театре Всеволодского-Гернгросса, откуда новый приятель Ванька Дорер не предложил:

— Хочешь, пойдём покувыркаемся?

Что значит пойти покувыркаться, Сергей не знал, но смело ответил:

— Конечно же, хочу!

И они отправились на улицу Пролеткульта, где в доме номер 2 и впрямь кувыркались молодые люди, отрабатывая приёмы эксцентрики под руководством двух таких же молодых обалдуев — Гришки Козинцева и Лёньки Трауберга. И называлось это всё весьма захватывающе и эффектно: ФЭКС! Полностью — Фабрика экспериментального искусства. Среди множества себе подобных кувыркалий — самая известная и беспринципная, точнее, с одним-единственным принципом — долой старое искусство! Полный набор свистулек, свистков, бубнов, трещоток, банок-склянок и прочих шумоизвлекальных инструментов для диверсий в академических театрах, призванных сорвать спектакль. Девиз каждого фэкса: “Лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей. Марк Твен”.

— Твоя как фамилия?

— Гегасимов.

— Лучше не придумать.

— Герасимов.

— Советуем оставить первый вариант. Герасимовых как пыли в летний день, а Гегасимов — сразу вызывает интерес.

— Зато у меня отчество запоминающееся — Аполлинарьевич.

— Отчества, братишка, скоро отменят как прискорбный пережиток царизма.

Первый спектакль — “Гамлет”. Отец Гамлета подходит к телефону и умирает от особого разряда электротока в ухо. Сыщик Горацио проводит следствие. Дальше почему-то не пошло. Зато сыграли несколько заплотешных спектаклей под названием “Внешторг на Эйфелевой башне”, публика возмущалась или ржала, требовала возврата денег или аплодировала, равнодушных в плен не брали.

От театра перешли к кино, сняли тридцатиминутные “Похождения Октябрины”: управдом-комсомолец Октябрина выгоняет за неплату нэпмана, тот залезает на крышу, откупоривает бутылку пива, из неё — ви-ш-ших! — джинн Кулидж Кирзонович Пуанкаре, предлагает помощь в ограблении Госбанка СССР, и понеслась карусель! В роли джинна — тощий и вёрткий, как червяк, Серёга Мартинсон, сын шведского барона и прачки Федосьи, но это он врал, барон действительно, а прачка на самом деле — потомственная дворянка.

Главным принципом нового искусства фэкси провозглашали: долой сопереживание! При произнесении этого слова предписывалось хохотать или совершать врывные движения. Вся революционность заключалась в позе и жесте, прыжках и скачках. Козинцев даже изобрёл предмет для преподавания — киножест. И начал его преподавать.

Из дома на улице Пролеткульта перебрались на Гагаринскую, в роскошный, но не отапливаемый особняк купца Елисеева. Зато в наследство досталось полно гобеленов и ковров, самый толстый и огромный ковёр стал площадкой для кувырков, вот только выбивать его приходилось чуть не каждый день.

В “Октябрине” Герасимов, так и не решившийся сделаться Гегасимовым, не играл, а во второй кинокувыркалке “Мишки против Юденича” уже засветился на экране в роли поганого шпика. Трауберг и Козинцев сразу влили ему ампула: мерзкий вредитель. По ходу фильма шпика топили в жидком тесте. Эх, жаль, что вскоре “Мишки” вместе с “Октябриной” сгорели во время пожара студии “ФЭКС”, все экземпляры, коих и было всего по два на каждую ленту.

В “Чёртовом колесе” ему досталась опять роль-седроль: человек-вопрос. Свой четвёртый фильм по гоголевской “Шинели” Козинцев и Трауберг жанрово определили, как экстраком — эксцентрическая трагикомедия. В ней Герасимов сыграл роль шулера и шантажиста Ярыжки, снова противного.

В следующей картине “С. В. Д.” — снова шулер и проходимец, Мэдокс, но роль уже главная.

Кувыркунчики росли, выросли, вылезали из своих разноцветных трико, осознали, что их искусство уже не так дурачит и развлекает публику, появился Эйзенштейн со своими “Стачкой” и “Броненосцем”, и приходилось расставаться с милым и беззаботным ценячеством. Прощай, цитата из Марка Твена! Ещё недавно при именах Толстого или Мопассана делали вид, что их тошнит, — теперь взялись классику перечитывать.

О, чарльстон, танцевальное сумасшествие двадцатых годов! Если бы не ты! Эту девушку с лучистыми глазами и идеально стройными ногами Сергей впервые увидел в МАСТФОРе — мастерской Форрегера, такой же кувыркалке, как и их ФЭКС. Сначала ясноглазая остроумно изображала трансмиссию из танца машин, а потом отплясывала на маленькой сцене в короткой юбке и с короткой стрижкой, с зелёным пером на голове. Но у него тогда была другая девушка, с ней он туда пришёл, с ней и ушёл, и лишь через два года снова встретился на съёмках очередной картины Трауберга и Козинцева “Чужой пиджак”, куда её привели на роль машинистки-сердцедедки Дудкиной.

— Батюшки! Трансмиссия! — сразу узнал он её. На сей раз свободный, он в тот же вечер пошёл её провожать, пригласил на танцы, и с этих танцев закрутилась их любовь. Чуть ли не каждый вечер они стали ходить туда и, конечно же, танцевали не теряющий популярности чарльстон. Ради Трансмиссии Сергей поднаторел в этом танце, отплясывал лучше всех, и глаза её лучились теперь только для него! “Глаза и ноги, всё остальное в женщине второстепенно”, — учил отец-основатель науки киножеста Козинцев, но у Трансмиссии всё казалось первостепенным — и руки, и с горбинкой нос, и улыбка белоснежных зубов, и благородная осанка, выработанная в балетной школе, а главное: ум. Да, с ней нескучно поговорить на самые разные темы, она образованна и начитанна, днём с огнём не сыскать таких сочетаний качеств в одной девушке. И даже её имя стало казаться ему звучащим в особой гармонии: Тамара Макарова.

Танцевать можно не только ради удовольствия, но и зарабатывать на этом. Сладились с ещё тремя актрисами — Ленкой Кузьминой, Танькой Костричкиной и Янинкой Жеймо, — и впятером выступали с танцевальными номерами в филармонии. А через год после совместных съёмок в “Чужом пиджаке” Герасимов и Макарова поженились, и Тамара остроумно подметила:

— Русская литература вышла из “Шинели” Гоголя, а наш брак — из “Чужого пиджака”.

— “Чужой пиджак” рождает брак. Надеемся, не выйдет брак, — ответил Герасимов.

Вместе они снимались и в следующей картине Трауберга и Козинцева — в “Новом Вавилоне”, Сергей — журналист Лутро, Тамара — танцовщица канкана. Но тогда же Герасимов смело шагнул из актёрства в режиссуру и снял свой первый фильм — короткометражку “Двадцать два несчастья”. В ней он сразу же выразил своё творческое кредо: жизнь дана тебе один раз, и добивайся, чтобы за неё было не стыдно. В скучный провинциальный городок прибывает воинская часть, и быт унылых обывателей мгновенно меняется. Успеха картина не принесла, как и две следующих — “Сердце Соломона” и “Лес”. Герасимов бесился, да и в семейной жизни с самого начала не заладилось, пресловутая маяковская любовная лодка упорно старалась разбиться о быт. Ютились в крошечной квартирке, в пользу которой можно было только сказать: зато два окна! Даже о занавесках на этих двух окнах Тамаре пришлось долго мечтать, прежде чем вместо них Сергей раздобыл две циновки. Но не ладили даже не столько из-за быта, сколько из-за постоянных дурацких придирок друг к другу, и не раз звучало обидное для обоих: да, наш брак — чужой пиджак.

Неожиданно на помощь пришёл главный по кино — Шумяцкий. Он почему-то верил в Герасимова и его будущее в кинематографе, постоянно общался, подробно обо всём расспрашивал и постепенно превратился в жилетку, в которую Сергей стал плакаться.

— Послушайте, а давайте сделаем фильму о том, как беспочвенно ссорятся муж и жена, — предложил Борис Захарович. — Студент и студентка женятся, хотят создать семью, но оказываются во всём неуживчивыми.

Поначалу Сергей отнекивался, но потом взял все их ссоры с Тамарой и превратил их в сценарий. Шумяцкому понравилось, он быстро обстряпал так, чтобы сценарий картины “Комедия брака” утвердили, и на “Ленфильме” стали снимать. На роль молодой жены Натальи режиссёр Герасимов, ни секунды не раздумывая, взял свою жену. И сказал ей:

— Играй всё, как в нашей жизни, и получится жизненно.

И все ссоры, преследовавшие семью Сергея и Тамары, она вылила в исполнение роли. Ругалась с Володей Марьевым, игравшим молодого мужа, так жизненно, что всех охватывал восторг. Герасимов даже имя молодому мужу дал своё, чтобы Тамаре было легче ругаться и особенно произносить с ядовитой нежностью-ненавистью:

— Послушай, Серёженька...

Мудрый Шумяцкий в приказном тоне дал картине другое название: “Люблю ли тебя?” Герасимов побрыкался, но осознал глубокомысленность нового названия. Фильм вышел, понравился зрителям и даже критикам, о новом режиссёре наконец-то заговорили, как и о его жене. А главное — о чуде! о волшебная сила искусства! — туда, в эту картину, перетекли все неурядицы и ссоры пяти лет их совместной жизни, чужой пиджак их супружества стал своим!

— Просто всегда надо остановиться и задуматься: люблю ли тебя? Если да, люблю, то надо смиряться со всем, пытаться исправить, — мудро говорила Тамара.

— Золотые слова, — соглашался Сергей. — Ведь мы любим друг друга, так давай и вживаться друг в друга.

— Давай! — И глаза Макаровой снова лучились радостным влюблённо-зелёным светом.

— Трансмиссия всей моей жизни! — крепко обнимал и прижимал её к себе Герасимов. Он знал, что теперь всё пойдёт, как на лыжах, умело одобренных мазью. Придёт некий неожиданный, но долгожданный поворот. И он пришёл в виде небольшой книжечки, на обложке которой кувырчалось имя Костика, одного из фэксов: Константин Званцев “Зимовка”, издательство “Молодая гвардия”, 1934 год.

— Ты понимаешь, — горячо говорил Сергей Тамаре, проглотив сто шестьдесят страниц книжки одним махом, — он был одним из нас, попрыгунчиков, но я помню его взгляд, в нём читалось: “Эх, не то это, братцы, не то!” И он незаметненько ушёл от нас, перестал ходить в ФЭКС. Куда подевался? Забыли. А он, оказывается, пошёл учиться на лётчика. Стал полярником, первая зимовка — на Ямале, потом доучивался в севавтопольской школе морских лётчиков и снова — в Заполярье. Когда мы тут “Новые Вавилоны” крутили, когда я свои “Двадцать два несчастья” заваривал, этот Костик в составе отряда Минеева отправился на остров Врангеля. И тут замери! На трёхгодичную зимовку! Ты понимаешь, что это такое? Вот о ком надо снимать кино! О людях, которые как раз и составляют трансмиссию жизни, единство работы мотора с движением колёс.

— Это ты здорово сказал! — лучилась жена.

— Он провёл там три года и написал эту книжку. Читай!

Всё задвигалось, писатель Юрий Герман, роман которого “Вступление” расхвалил сам Горький, взялся писать сценарий, но Герасимова постоянно всё не устраивало, он подключился, и они уже вместе сделали основу для фильма. Исходное название “Зимовка” тоже не нравилось, на эту картину Сергей многое поставил, она должна была выстрелить, взорваться, как мешок с порохом.

— Какое главное качество человека? — приставал он к жене.

— Умение любить, — не задумываясь, отвечала Тамара.

— Это да, но можно любить и оставаться в сторонке. Надо любить и быть смелым в своей любви. Будь то любовь к женщине, к жизни, к родной стране. Только смелые люди заслуживают того, чтобы о них снимали кино и писали книги.

Так родилось название “Семеро смелых”. Шумяцкий остался в восторге и быстро протащил сценарий через совет по драматургии, выделили хорошие

деньги, набрали актёров. На роль начальника зимовки Летникова взяли из театра Мейерхольда Николая Боголюбова, лётчик Богун — Иван Новосельцев, метеоролог Корфункель — Андрей Апсолон, моторист Рыбников — Иван Кузнецов, оба — из мастерской Герасимова в Ленинградском техникуме сценических искусств, радист Курт Шефер — Олег Жаков, по молодости прошедший и ХЛАМ, и ФЭКС, повар Молибога — Пётр Алейников, самый молодой из всех. Ну, а единственную из семерых смелых женщину, врача Женю Охрименко, режиссёр не мог доверить никому другому, кроме как собственной жене.

— Но только учтите, — заявил Герасимов всей семёрке перед началом съёмки, — у нас всё будет взаправду. И снимать будем не под Ленинградом, а там, где происходит действие фильма — в Арктике. Поэтому, кто из вас семерых не самый смелый, могут сразу отказаться.

Не самых смелых не нашлось, все оказались самыми, и вся съёмочная группа отправилась не просто на север, а на Крайний Север — архипелаг Франца-Иосифа, остров Гукера, бухта Тихая. Здесь в тринадцатом году на зимовку останавливалась экспедиция Георгия Седова, а с конца двадцатых обосновалась советская научно-исследовательская станция, на которой и проходили съёмки. Так что всё живую, без лишней будафории. Герасимов уверовал, что чем ближе к натуре, тем натуральнее будет кино, а чем оно натуральнее, тем больше доверия у зрителя.

И началась упоительная, настоящая полярная жизнь, как у героев-полярников, о которых только и писали все газеты Советского Союза, с восторгом вещало радио. Почти год снимали в Ленинграде, но с постоянными длительными выездами, работали и на Земле Франца-Иосифа, и на Кольском полуострове, и на Рыбачьем, и на острове Кильдин. В самых настоящих суровых условиях, зима десять месяцев в году, а весна, лето и осень от зимы мало чем отличаются. И съёмочная группа превратилась в настоящих полярников.

Удивительно легко получилось с песней. Герасимов понимал, что она должна сделать треть успеха всего фильма, хотели обратиться к Дунаевскому, но обошлись без него — композитор Пушкин сочинил отличную задорную мелодию, которая всем легла на душу, в ней дули полярные ветры, стучало смелое сердце, витал весёлый дух. “Ах ты, Волга, моя Волга, необъятен твой простор! / Я — моряк с подводной лодки, ты — с “Авроры” комендор...” Вот только при чём тут Волга, если фильм об Арктике? И когда из Ленинграда ехали в поезде к берегам Баренцева моря, Апсолон, думая об оставленной дома жене, неожиданно сочинил совсем другие слова: “Лейся, песня, на просторе, / не скучай, не плачь, жена. / Штурмовать далёко море / посылает нас страна”. И ещё шесть четверостиший, с точностью в десяточку. “Буря, ветер, ураганы, / и не страшен океан. / Молодые капитаны / поведут наш караван”.

Имея такую песню, можно смело снимать дальше!

Полярной зимы не хватило, и, чтобы не ждать следующей, отправились на Эльбрус, поднялись до Приюта одиннадцати и там заканчивали натурные съёмки, живя в просторной обитой железом хижине, рассчитанной на сорок человек.

Когда Шумяцкий посмотрел озвученный и смонтированный фильм, он пришёл в полный восторг:

— Вот что мы поставим на Втором московском фестивале! Оргбюро ЦК одобрило его проведение, — так и сиял Борис Захарович. — Не только в Москве, но и в Ленинграде. В качестве участников разрешено пригласить сотню лучших иностранных кинематографистов. Приедут Чаплин, Видор, Капра, Де Милль, Мамулян, я с ними договорился. Вы должны сразу войти в число лучших.

Первый показ прошёл на “Ленфильме” и вызвал бурные аплодисменты. Герасимов мог с облегчением вздохнуть — эта его картина не останется незамеченной! Счастливейшие дни жизни омрачило начало декабря — при очередной встрече с Шумяцким Борис Захарович выглядел так, будто выпил укуса:

— Зарезали! Группа товарищей против! Группа недоносков, прости Господи!

— Да что такое? Объясните!

— Фестиваль зарезали, вот что такое! Отложили на год. Якобы первый плохо подготовили, и второй надо подготовить более основательно. А всё это недомерок Ежов, его козни!

— Председатель Комиссии партийного контроля?.. Да, ничего не скажешь, обидно!

— Он всё время мне колёса в палки вставляет! Я знаю, это он, босяк, распускает слухи, будто я часть денег себе в карман кладу. Из тех, что выделяются на кино. Ну, ничего, найдём и на тебя управу, Ёжик вонючий!

В середине декабря Сергей с Тамарой оказались в числе приглашённых на Всесоюзное совещание по кинематографии, приехали в Москву, сразу — на Красную площадь, а там над Спасской башней только что установленная рубиновая звезда.

— Она принесёт нам успех, — сказала Тамара.

Дом кино на Васильевской улице открыли в прошлом году по инициативе Эйзенштейна и Шумяцкого, редкий случай, когда эти двое сошлись в одной идее. В зрительном зале, рассчитанном на семьсот мест, проходил и Первый московский кинофестиваль, а потом все крупные кинофорумы, включая этот. Шумяцкий отчитался о проделанной работе, с сожалением говорил о переносе Второго кинофестиваля с будущего года на тридцать седьмой, но радостно рапортовал о том, что Совнарком поддерживает идею создания Киногорода на берегах Чёрного моря, скорее всего — в Крыму. После пуска первой очереди Киногорода можно будет производить до двухсот художественных и документальных фильмов в год, а после второй — до семисот. Кто-то яростно аплодировал, но многие посмеивались: маниловщина!

Герасимова и Макарову многие привечали, говорили, что видели новую картину или наслышаны о ней. Их пригласили и в Колонный зал Дома Союзов на Люмьеровские дни. Трансмиссия жизни работала полным ходом! Оставалось ждать премьеры “Смелых”, но Шумяцкий жужжал, что лучше дожидаться, когда посмотрит главный зритель страны. С тем и вернулись в Ленинград встречать Новый год, который ещё не стал государственным праздником, но уже большинство людей его встречало, возлагая надежды, что следующий будет лучше предыдущего или хотя бы не хуже, или, наконец, принесёт счастье и удачу, а кому-то — спасение.

И в числе первых тостов поднимали за товарища Сталина, а в первый день Нового 1936 года в “Известиях” прогремели первые стихи, воспевающие кремлёвского вождя.

— Послушай, как пишет Пастернак, — зачитывал поутру Сергей. — “А в те же дни, на расстоянии, / за древней каменной стеной / живёт не человек — деянье, / поступок ростом в шар земной! // Судьба дала ему уделом / предшествующего пробел. Он то, что снилось самым смелым, / но до него никто не смел!” Как здорово сказано: “не человек — деянье”. Надо всю жизнь быть не просто человеком, а — деяньем!

— И про смелость, — откликнулась Тамара.

— Пусть смелость станет девизом нового года! И тут как раз кстати наши “Семеро смелых”.

— Товарищ Сталин, посмотри нашу картину!

Но только в конце января Шумяцкий, постоянно мотавшийся Ленинград-Москва-Ленинград-Москва, позвал их с собой в столицу.

В Кремль он мог взять только режиссёра, и бедная исполнительница роли Жени Охрименко с десяти вечера, не желая оставаться в гостинице, бродила вокруг Кремля, волнуясь и чуть ли не сочиняя молитвы в адрес Сталина. А мужа, обысканного до трусов и носков, тем временем Шумяцкий провёл к Зимнему саду и договорился с Власиком, чтобы тот впустил его чуть попозже, когда начнут первый показ.

— Ну, всё, пока! — кинул Борис Захарович, увидев, как к кремлёвскому кинотеатру своей неспешной походкой шествует главный зритель. Герасимов издали смотрел, как они вошли в Зимний сад, как грозный человек

с ласковой фамилией Власик охраняет вход в кинокрепость, почти не вступая в общение с другими охранниками, как по очереди явились сначала Ворошилов, потом Молотов. И через минут пять начальник охраны вождя двумя пальцами поманил к себе Сергея Аполлинарьевича и провёл в зал на задний ряд. На экране только что закончились титры, пароход, доставивший полярников к месту зимовки отплывал... Но тут Власик подошёл и что-то шепнул Сталину, показ прекратили. Сердце Сергея провалилось. В чём дело? Оказалось, надо ещё подождать Молотова, Микояна и почему-то Эйхе. Молотов — понятно, председатель Совнаркома. Микоян — понятно, нарком продовольствия, тоже особа, приближённая к императору. А Эйхе — это что такое?

При включённом свете, стараясь не высовываться, поскольку Власик так и сказал: “Особо не высовывайтесь”, — Герасимов разглядел обстановку. Довольно уютно, небольшой экран, перед ним — четыре ряда кресел, по семь в каждом ряду, вдоль стен — кадки с тёмно-изумрудными растениями, сами стены обшиты панелями из карельской берёзы. Сталин сидел в первом ряду, в середине, справа — Ворошилов, слева место пустовало. Сергей прислушался: речь почему-то шла о Шостаковиче. При чём тут Шостакович, если музыку к “Смелым” писал Пушкив?

— Самотёк в работе композиторов, — говорил Сталин, — и привёл Шостаковича к сямбуру в музыке, к левацкой какофонии. А критики вознесли его до небес. В кино у нас уже создаются только реалистические фильмы, на этом фронте у нас полная победа здравого смысла над аттракционами. И музыка в кино реалистическая. Надо, чтобы и в симфонической музыке нас не кормили несъедобной невнятицей.

— А редакционная статья “Сумбур вместо музыки” во вчерашней “Правде” правильно поставила вопрос? — спросил Ворошилов, почему-то обращаясь к Шумяцкому.

— Поставлен правильно, — как-то по-офицерски кивнул Борис Захарович. — Лично я борюсь за ясную и жизнерадостную музыку, то бишь реалистическую. Уже ряд лет. Писал даже об этом, и даже неоднократно. В прошлом году в “Правде” моя большая статья “Музыкальная культура в кино”. И я смело спорю крепко с композиторами насчёт такого характера музыки, основанного на фольклоре, на истоках народной и лучшей классической музыки.

— Да, я помню эту вашу статью в “Правде”, — поддержал Сталин. — Она правильно давала линию.

— Прошу п-по-прощения! — В зал вошёл Молотов, покосился на Герасимова, но ничего не сказал, уселся рядом с главным зрителем и сразу вошёл в беседу: — А что ваша статья дала музыке в кино?

— Как что! — подпрыгнул в своём кресле, сидя за спиной у Сталина, Борис Захарович. — Дала несколько неплохих симфонических и вокальных мелодий. “Золотые горы”, “Грозы”, “Аэроград”, например. “Весёлые ребята”, например. “Нас утро встречает прохладой”, например. “Каховка”, например.

— “Нас утро” — из “Весёлых ребят”, — сказал Сталин. — Из этой фильма все песни хорошие, простые, мелодичные. Их даже обвиняли в мексиканском происхождении. Ну и что? Главное, что суть песни проста, во вторых, даже если бы что-то было взято из мексиканского фольклора, это не плохо. Чайковский что только не влетал в свои произведения, даже “Боже, царя храни”.

— Это где это? — усмехнулся Ворошилов.

— В “Торжественной увертюре”, в финале, — ответил Хозяин.

— Надо переслушать, — занялся нарком обороны. — А в мексиканстве обвиняли “Нам песня строить и жить помогает”. А “Нас утро встречает прохладой” это не из “Весёлых ребят”, а из “Встречного”. И, кажется, как раз Шостаковича.

— Да, это его песня, — ответил Шумяцкий. — Лично до меня, то я полагаю, что Шостакович, как и все композиторы, может писать хорошую реалистическую музыку. Но при условии, если ими руководить.

— В том-то и гвоздь, — ткнул Сталин пальцем в сторону экрана, как гвоздём. — А ими не руководят. И люди бросаются в дебри всяких выкрутас. А враги реализма их за это давай хвалить: ай, браво, ай, браво! Вчера в “Правде” дано разъяснение, и все композиторы должны начать создавать музыку ясную и понятную, а не ребусы и загадки, в которых гибнет смысл произведения. Или этого смысла вовсе нет. К тому же надо, чтобы люди умело пользовались мелодиями. В иных фильмах вас просто берут на оглушение. Оркестр трещит, верещит, что-то визжит, что-то свистит, что-то дребезжит, мешая вам следить за зрительными образами.

Кажется, в “Семерых” такого нет, с ужасом перебирал в уме режиссёр, стараясь разместиться в кресле как можно незаметнее. Его картину ещё не начали смотреть, а уже стало страшно. И это ему, который всегда выступал за смелость, с детства не боялся взрывать порох...

— Почему левачество столь живуче в музыке? — продолжал сердито чесать Сталин. — Ответ один — никто не следит, не ставит композиторам и дирижёрам требований ясного массового искусства. Вот вы, товарищ Шумяцкий, следите, и в своём огороде пропололи все грядки. В кино наступил порядок. Комитет искусств должен взять статью “Сумбур в музыке” как программу для музыкального искусства. Если не возьмёт — ему будет плохо.

— Шумяцкий молодец, — похвалил Ворошилов. — Среди композиторов, сочиняющих для кино, не осталось леваков. Зато есть Книппер, Дунаевский.

— Ещё Кабалевский появился, — сказал Борис Захарович, и Герасимов подметил: милый, как он трепещет! — Есть, конечно, и отдельные представители с выкрутасами, немного закоренелых осталось. Крепко поработав с ними, можно отвратить от загибов, какофонии.

Дальше разговор перешёл к проекту создания нескольких фильмов о Конармии, Ворошилов сказал, что есть идея подойти по-шекспировски, то есть дать хронику в последовательном порядке. Сталин резко возразил:

— Шекспировские хроники не так увлекательны. По-шекспировски означает совсем иное — на большом подъёме, с большими актёрами, с интересными сюжетами. Вот что такое Шекспир! Нам не хватает своего Шекспира. Для каждой картины надо отобрать обобщающий и яркий материал, а не вгонять всё в тоску, в лабиринт психологии, в скучную последовательность событий. Не нужно, чтобы люди занимались никчёмным философствованием. А надо действовать по законам Аристотеля. Не искажая правды, выискивать эту правду в самых ярких, решающих эпизодах. Где эти Микоян и Эйхе? Начинаем смотреть без них!

И оба упомянутых, будто по волшебному слову, тут же вбежали в зал, сели во втором ряду, и картину начали показывать снова. “Зачем нужно, чтобы этот Эйхе смотрел мою работу?” — с тревогой подумал Герасимов, но тут выплыло его имя, и сердце сладко защемило от сознания, что и Сталин сейчас читает на экране плывущие снизу вверх слова: “Сергей Герасимов”.

Поначалу все смотрели молча, даже угрюмо, но когда запели песню, оживились; при появлении Молибоги, зайцем пробравшегося в экспедицию, стали смеяться, а он молил Бога, чтобы никто не закричал: “Как это так! Что, у нас кто хочет, может зайцем в любую экспедицию прокрасться? Полярная станция — это секретный объект, знаете ли! Этого хмыря должны были посадить под замок и при первом случае отправить на Большую землю разбираться, кто таков и с какой целью”.

На двадцатой минуте Сергей Аполлинарьевич услышал, как Ворошилов сердито спросил:

— Всё так и будет на бытовых деталях зимовки?

Герасимов почувствовал, как по позвоночнику потекла холодная слеза пота.

— Потерпите чуть-чуть, экспозиция несколько нарочно затянута, но скоро начнётся эпический разворот событий, — отозвался Шумяцкий.

Быстрее бы прибыли немцы! После замечания Ворошилова все заворожились, Сталин закурил трубку и при этом пробубнил что-то непонятное, послышалось чуть ли не “повесить!” Режиссёр помнил по минутам, когда начнётся

завязка и понесутся события, он и впрямь нарочно несколько затянул экспозицию, чтобы потом зритель встрепенулся и уже смотрел, не отрываясь. Это особый психологический приём, подобный тому, как долго горит бикфордов шнур, а потом — взрыв!

Ну, наконец-то эти два ненца припёрлись на зимовку, сообщили, что у них в посёлке Аранга умирает председатель сельсовета, и дальше понеслось действие так, что ворошение и шушуканье в зале прекратились, все смотрели неотрывно, явно сопереживая героям.

А помнится, фэксы при слове “сопереживание” изображали рвотные позывы... Теперь Герасимов, так и не ставший Гегасимовым, чётко осознавал, где правда искусства, а где рэкс-пэкс-фэкс. Он видел, как сочувствуют Женя Охрименко, вынужденной выброститься с парашютом на бескрайних просторах Арктики, как хотят, чтобы начальник зимовки Летников донёс покалеченного лавиной метеоролога Корфункеля, с которым вместе обнаружил месторождение олова, как ждут: что же, умер или не умер Ося Корфункель? Этот приём долгого и томительного ожидания развязки, который после фильмов Хичкока уже получил на Западе название “саспенс”, Герасимов тоже нарочно применил в своём фильме. И Ося не мог не умереть, иначе всё слишком легко, а ведь полярников за то и почитают, что они рискуют жизнью и гибнут.

Зато всё смягчает финал, когда вдруг оказывается, что Илья Летников и Женя Охрименко любят друг друга, а Женю отправляют на Диксон, и лишь в последний миг приходит телеграмма оставить её вместе с Летниковым на здешней зимовке. А когда в конце все запели “Лейся, песня, на просторе”, Сталин принялся тихонько подмурлыкивать, а Ворошилов и Молотов даже в открытую подпевать.

Режиссёр ждал приговора, как в зале суда убийца, видящий, что присяжные на его стороне. Но присяжные сначала принялись пить вино, заедая его холодными закусками, и с приговором малость затянули: вот где тебе настоящий саспенс!

— Хорошая фильма, — первым сказал главный зритель.

— Развязка затянута, — возразил нарком обороны.

— Так надо, — возразил ему Сталин. — Пусть зритель немного помучается: умер или не умер?

— Не слишком ли все хмурые и ра-ас-судительные? — засомневался Молотов.

— Ничего, — ответил Ворошилов. — Молибога постоянно подпускает юмора. Достаточно. А то бы вышла комедия типа чаплинской “Золотой лихорадки”.

— А как музыка? — спросил Шумяцкий.

— Песня превосходная, я даже под конец подпевал, — сказал Сталин. — И в остальных местах вполне корректная, хотя местами фортиссимо вызывало раздражение. Меня как будто подначивали: вот здесь надо сопереживать сильнее. Надо бы сгладить.

— Актёрский состав мне в целом понравился, — сказал Вячеслав Михайлович. — Макарова хороший типаж вылепила — в ней и суровость, и женственность, и мягкость.

— Но Молибога всех превзошёл, — влез нарком пищевой промышленности. — Я всё время над ним хохотал.

— Да, неплохой парень, — согласился Сталин. — Хотя в нём проскальзывает что-то приклатнённое. Как фамилия?

— Алейников, — ответил Шумяцкий. — Пётр Мартынович, он и в фильме Пётр Мартынович.

— В сущности, — продолжал Хозяин, — он всё построил на одной фразочке: “О, брат, как!” — которую произносит всякий раз на разные лады: то залихватски, то радостно, то с горестью, то с ликованием. Молодец, зайцем вписался в актёрский коллектив.

— А как вам фотография? — спросил нарком кино, имея в виду операторскую работу.

— Очень хороша, — ответил Молотов. — Особенно в зимней натуре. Люди в плену у суровой Арктики, но вы-вырываются из её плена. Когда собаки падают в пропасть, я аж охнул. И вообще, видно, что не зря съёмочная группа по северам моталась.

— Молодцы! — похвалил Иосиф Виссарионович, и Герасимов уже воспарил, возмечтал, как его подведут к царской ручке, и божественная десница его благословит.

— Кстати, режиссёра могу пригласить для знакомства, — тотчас вернулся добрейший Борис Захарович.

Ну? И?..

Сталин вдруг поморщился:

— Знаете, товарищ Шумяцкий, давайте прекращать эти ваши приводы киноделов для личного нашего поглаживания их по головке. У нас есть способы их нормального поощрения. Я не митрополит, чтобы ко мне подводи под благословение. Где он там у вас?

Тут Сталин коротко обернулся, увидел Герасимова, вжавшегося в своё кресло чуть не по самые уши, и сказал:

— Поскрёбывшев, что ли, снял эту фильму?

Все тоже оглянулись и стали улыбаться. Сейчас скажут: да какой это Поскрёбывшев? Это же незаконно пробравшийся в зал непонятно кто, агу его! Но Шумяцкий тотчас всех отвлек:

— Хорошо, хорошо, я скажу ему, чтобы шёл себе домой. А сейчас предлагаю посмотреть другую интересную фильму. “Дубровский”. По Пушкину. Режиссёр Ивановский, который “Иудушку Головлёва” недавно.

— “Иудушка Головлёв” мрачная картина, — сказал Ворошилов.

— Но таков и роман Салтыкова-Щедрина, — возразил Сталин. — Показывайте.

Стали смотреть “Дубровского”. Герасимову бы уйти, но страшно любопытно посмотреть и само кино, и как его станет смотреть Сталин.

Режиссёр Александр Ивановский — из плеяды первых русских кинематографистов, ассистировал у Протазанова ещё на “Отце Сергии” в восемнадцатом, сам потом много снимал немых картин, в основном — экранизировал русскую классику, Пушкина, Лескова, Тургенева, Толстого. С трудом, но вписался в звуковое кино, и вот теперь Сергей Аполлинарьевич смотрел и восхищался рукой мастера, было чему позавидовать: замечательные съёмки, отменная игра актёров, яркого Бориса Ливанова в главной роли, классического Николая Монахова, одного из лучших актёров ленинградского Большого драматического в роли Троекурова. Красивая Галя Григорьева в роли Маши и звезда немого кино — располневший Владимир Гардин в роли князя Верейского.

Зрители в кремлёвском кинотеатре смотрели картину увлечённо, попиwali вино, изредка обменивались репликами, а когда фильм, шедший чуть больше часа, закончился, стали дружно хвалить.

— Единственное, что Монахов и Гардин играют несколько те-те-театрально, — заметил Молотов. — Но в целом всё очень культурно, интересно. Ливанов играет весьма тактично. И дворовые не пе-пе-переигрывают.

— Экранизация русской классики — ещё одно очень важное и перспективное направление в кино, — сказал Сталин, выслушав всех. — Вы только подумайте, какие у нас залежи замечательного материала, я бы сказал — богатейшие месторождения! Бери, инсценируй и снимай. Одного Пушкина на сто картин хватит, не говоря обо всех остальных. И эта фильма — вполне примерная. Я бы только в конце добавил мотив возмездия, чтобы крестьяне всё же разгромили имение Троекурова и самого его изрядно потрепали.

— Но у Пушкина Троекуров выходит сухим из воды, — возразил Ворошилов.

— Повесть Пушкина я хорошо помню, — отозвался главный зритель. — В фильме, например, отсутствует сюжетный ход с кольцом и дуплом, но он, наверно, замедлял действие, и режиссёр благоразумно его убрал. Меня лично концовка пушкинской повести всегда огорчала. Ради любви к Маше Дубровский отказывается метить — кому? Человеку, являющемуся, по сути

дела, убийцей его отца! На Кавказе такого Дубровского бы все презирали. Да и не только на Кавказе. Кстати, в повести Дубровский остаётся жив и убегает за границу, а в фильме он погибает. Ну, раз уж на это нарушение пушкинского текста пошли, почему бы не добавить расправу над Троекуровым? Зритель не будет чувствовать себя обманутым. И даже хорошо, что народ вершит то, чего не довершил представитель дворянского сословия Дубровский. Как вы думаете, товарищ Шумяцкий?

— Хорошо, я передам режиссёру Ивановскому ваше пожелание, — ответил Борис Захарович.

— А его вы не припрятали, чтобы познакомить с нами? — спросил Сталин и начал медленно поворачиваться, чтобы посмотреть в зал. Боясь на сей раз оказаться разоблачённым, Герасимов пулей выскочил через заднюю дверь Зимнего сада в надежде, что его не успели увидеть.

Власик встретил его со словами:

— Вам бы надо было пораньше соскочить. Ну, да ладно. — И он приказал одному из охранников проводить режиссёра.

Выйдя через пропускной режим у Спасской башни, Сергей Аполлинарьевич тотчас пустился на поиски жены и нашёл её, продрогшую, на скамейке Александровского сада.

— Что же так долго, Серёженька!

— Прости, родная! Задержали посмотреть ещё и фильм Дубровского “Ивановский”... То есть нет, фильм Ивановского “Дубровский”. Хотели услышать моё мнение.

— Ну, а наша-то картина?

— Полный триумф! Попросили слегка сбавить музыку, да и только.

— Слава тебе, Господи! — бросилась Тамара в объятия мужа, и он с ужасом ощутил, какая она насквозь холодная.

— Ну, что было не сидеть в гостинице!

— Я решила, что если буду ходить вокруг Кремля, как грозный часовой...

— Идём скорее, грозный ты мой часовой! — И они почти побежали в гостиницу, благо, что поселились в двух шагах от Кремля, в только что построенной “Москве”, спроектированной архитектором Щусевым в стиле, который уже стали называть советским и даже сталинским классицизмом. Часы показывали половину третьего ночи, но Сергей распорядился, и к ним в номер вскоре пришли коньяк под ручку с шампанским, сонные бутерброды с красной и чёрной икрой, и даже едва тёплые котлеты де-воляй. Жена, отогреваясь, жадно слушала ликующего мужа:

— А Шумяцкий говорит: “А режиссёр здесь”, — а Сталин: “Очень приятно, поздравляю, молодой человек! Но вы, Борис Захарович, впредь только лучших режиссёров приводите. Этого Герасимова можно, а других только в редких случаях”. Очень хвалил твою игру: “Настоящая советская девушка: и красивая, и героическая, и обаятельная”.

— Так и сказал?

— Что же, я вру, по-твоему? Давай, давай ещё коньячку, дрожишь вся до сих пор, как цуцик.

— Серёженька, как я счастлива! Вот видишь, а если бы я сидела в гостинице, всё по-другому бы сложилось. Я знаешь, сколько кругов вокруг Кремля сделала? Как грозный часовой, ходила и шептала: “Хоть бы... хоть бы...”

— Настоящая полярница! Подписываю указ о награждении тебя орденом моей вечной любви!

— А премьеры-то когда?

— В самое ближайшее время. Сталин сказал Шумяцкому: “Не затягивайте!” Погоди-ка, грозный часовой... Что-то знакомое.

— Да Пушкин же! “Анчар”. Забыл, что ли?

— Так ты что, анчар у меня?

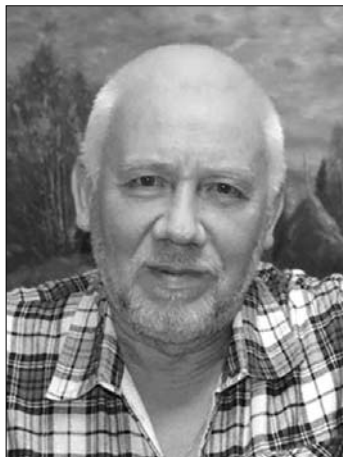
Стремительно пьянеющий муж врал, да не наврал: премьеру и впрямь назначили через месяц с небольшим. И прошла она как нельзя лучше, зрители в первые полчаса малость шушукались, а в остальной час сидели, неотрывно

глядя на экран, и, когда в зале зажётся свет, взорвались аплодисменты. Имена Герасимова, Макаровой, а заодно и Алейникова понеслись по всей стране, “Семеро смелых” попали, наконец, в десятку, к кинотеатрам выстроились длиннющие очереди.

А где-то за неделю до своей премьеры ещё ходили на премьеру “Дубровского”, Герасимову страшно не терпелось посмотреть, учёл ли Ивановский сталинские пожелания, неужели успел доснять финальную сцену за столь короткое время. И с восхищением увидел, что успел Александр Викторович. В том варианте заканчивалось, как взбунтовавшиеся мужики скачут на лошадях и на тройках, и всё. А тут добавили в звуковую дорожку их возглас: “На Троекурова!” И досняли новый финал: мужики врываются в дом главного злодея, он орёт: “Кто вас пустил? Пошли вон! Я губернатору донесу! Государю!” Но ему в ответ: “До Бога высоко, до царя далеко. Принимай гостей, барин”, — наводят на него ружья, экран гаснет и под надписью “Конец фильма” звучит выстрел.

(Продолжение следует)

ВАЛЕРИЙ ФОКИН

И ВСЁ-ТАКИ НАДЕЮСЬ

ПОКРОВ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Никаких не взыскую чудес,
уповаю лишь снова и снова
на божественный полог небес —
на защиту Святого Покрова.
И светлее желания нет:
благодать ощутить над собою
и узреть очистительный свет
над моею родною странюю.

ВСПОМНЮ

О времени вспомню счастливым,
когда и беда — не беда:
дорогу размыло разливом —
да ладно,
ведь не навсегда.
Потерпим — дождём и дождёмся,
лишь длилось бы время чудес,

ФОКИН Валерий Геннадьевич родился в 1949 году в вятском селе Пищалье. Выпускник семинара Ю. П. Кузнецова на ВЛК. Автор тринадцати поэтических сборников, книги прозы “Всего-навсего” и документального издания “Вятская гармоника”. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Николая Заболоцкого, премии “Нашеет современника”-2019 (первая публикация в журнале в 1986 году). В 2014 году после речной аварии стал инвалидом. Живёт в г. Кирове (Вятке), а с конца апреля по октябрь — в лесном посёлке Разбойный Бор.

в котором над речкою солнце
неспешно садится за лес,
в котором и мы всё моложе,
и наша любовь горячеей...
Но всё же мурашки по коже
от этих закатных лучей.

ЖИТЬ И РАДОВАТЬСЯ

Гале

Ты говоришь: “Ну, что ты загрустил?
Уже весна — и скоро нам в дорогу”.
А у меня на радость нету сил,
и поводов для радости немного.

Но ты права, что радость в нас самих:
забыв про все болезни и про годы,
пора от неурядиц городских
нам возвращаться в мир живой природы.

Бьёт солнце в зеркала весенних луж...
А ты меня святой водою сбрызни,
и снова мы поедем в нашу глушь,
где будем жить и радоваться жизни.

И ВСЁ-ТАКИ НАДЕЮСЬ...

Время поворачивая вспять,
не заметил, как растратил силы.
И на то, чтоб жизнь свою понять,
жизни мне как раз и не хватило.

Слишком поздно глупости молоть
и внимать божественному гласу,
ежели твою родную плоть
время обращает в биомассу.

Намертво затягивает дно,
где последней строчкою в сюжете
чувство безнадёжности одно,
а его страшнее нет на свете.

И виниться ни к чему, скорбя,
только удивляться виновато,
что не хочет слушаться тебя
тело, безотказное когда-то.

Тёплой крови вкус противно кисл —
вот и наглотался до упада...
Ну, какой же есть в распаде смысл?!
Смысл лишь в том,
что было до распада.

А в конце единственный оплот
в том, что лишь Божественная Сила
всё-таки,
надеюсь я,
спасёт
душу от распада и распыла.

ЛУЧШЕЕ ИЗ ВСЕХ МОИХ ЧУДАЧЕСТВ

На вопросы: “Кто я?” — или: “Что я?” —
в звёздном небе я искал ответ,
потому любил ходить в ночное
с самых ранних, с самых детских лет.

В этом лучшем из моих чудачеств
не было надуманной игры:
искупав коней и отрыбачив,
я глядел на звёздные миры,

Чтоб, забыв все беды и заботы,
отрешаться от насущных дел,
словно в ожидании чего-то,
что представить даже не умел...

Детства отзвеневшего не жалко —
в заливных лугах истаял след.
Нет коней,
и лишь одна рыбалка
душу ублажает напослед.

Помогает превозмочь страданья,
как стирать ладошкой пот с лица,
чтоб не портить радость ожиданья
скорым ожиданием конца.

Клёв встречаю искренней улыбкой —
радуюсь ему без лишних слов,
но шепчу над каждой новой рыбкой:
“Это не последний мой улов!”

А когда однажды над рекою
побледнеет звёздный свод небес
и оттуда явится за мною
светлый ангел или тёмный бес,

прежде, чем покинуть эти дали,
выдохну во весь щербатый рот
я тому,
кого за мной прислали:
“Подожди-ка — у меня клюёт...”

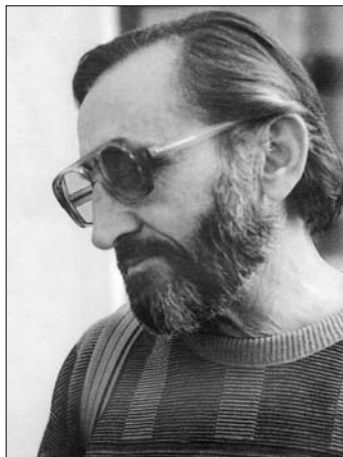
* * *

“Нас добро творить учил Господь, —
мне внушала бабушка сердечно, —
хоть недолговечна наша плоть,
а добро, что сделал, долговечно”.

Но добро не слишком ценят тут,
может, только там, где Царство Божье,
вопреки грехам добро зачтут
рано или поздно...
Лучше позже.

Так что будем жить, пока живём,
чтоб не “после”, а ещё живому
отозвалось всё-таки добром
то добро, что отдано другому.

ЮРИЙ УБОГИЙ

МОЛОДАЯ ЛУНА

ПОВЕСТЬ

1

Мы, группа студентов-первокурсников Воронежского медицинского института, приехавших в колхоз на уборку урожая, оказались на хуторе Бык. Из-за одних таких названий нашу карту средней России можно рассматривать бесконечно. Есть тут и Дураки, и Никола-Ленивец, и Вечность, и даже Водка...

Сохранилась фотография, и все на ней такие серые-серые. Серые ватники (видно, день был холодный), серые платки и кепки, а лица сквозь серость всё равно юные, с выражением серьёзно-насупленным у большинства.

Хутор расположен был на высоком берегу Дона, на крутой его излучине. Хотелось смотреть и смотреть, и даже сделать что-то с открывшейся красотой и мощью, но делать было нечего. Обнять разве попытаться, широко расставив руки.

Дворов на хуторе было десятка два, в них студентов и расселили. Нас с другом моим Генкой и ещё пятерых определили к старушке, жившей с внучкой лет шести. Спать можно было или на земляном полу хаты, на соломе, или на чердаке, на соломе тоже.

В первое же утро оказалось, что никакого отхожего места во дворе нет, и хозяйка-старушка, не смущаясь нисколько, посоветовала ходить “вон в ту лесополосу”. Ну, мы и ходили в неё через пустырь, и даже забавно порой

УБОГИЙ Юрий Васильевич родился в 1940 году в селе Красная Поляна Курской области. Окончил Воронежский медицинский институт и Высшие литературные курсы. Более 20 лет работал психиатром и психотерапевтом. В “Нашем современнике” публикуется с 1978 года. Автор семнадцати книг прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Калуге.

было встречать возвращавшихся оттуда девиц. Уж сколько потом похожего, автобусного было: “мальчики туда, девочки сюда”. Кому-то это претило, а мне нравилось даже. Демократизмом таким на биологическом уровне.

Завтракали и ужинали мы всей командой человек в двадцать во дворе одной из хат, за длинным, наспех сколоченным из неструганых досок столом толчёной картошкой с мясом. Главным сие блюдо оказалось и на этот колхозный срок, и на два последующих. И ничего вкуснее и сытнее этого для меня не было потом.

Рядом с хутором лежало большое кукурузное поле, которое мы и должны были убирать. Милая, в общем-то, оказалась работа: идти по сухой, комковатой земле между двумя высоченными, в полтора роста, рядами кукурузы, початки обламывать и складывать в мешок из новенькой, приятно пахнущей, шершавой мешковины. Идёшь с ноги на ногу, початки с хрустом ломаешь, сушишь в мешок, а с обеих сторон, то рядом, то впереди или сзади, кто-то тем же самым занимается. Чудесно: и один ты работаешь, но и в компании тоже.

Во время уборки я влюбился в кукурузу. Какая мощь в стебле высоченном, какая милота в початках длинных с густыми пучками нитей в конце, то зелёными ещё, то желтоватыми, то чёрными почти! И как приятно было “раздеть” початок, разломив вдоль плотную, сочно хрустящую его одёжку! А под ней новое чудо: нагой початок с ровными рядами то белейших, то желтоватых, то жёлтых крупных зёрен... Есть можно было кукурузу и сырой, в её “молочно-восковой” спелости, и вареной, и поджаренной на живом огне. Всякая она оказывалась вкусной и сытной.

Пели мы в колхозах много. Всё к этому располагало: молодость, воля, компания тёплая. Почти везде всегда можно было петь — и во время работы, и идя на неё или обратно, и особенно по вечерам, где-нибудь на куче соломы. Да и пора наступала во всей стране самая певческая: шестидесятые годы на пороге.

Иногда и выпивали перед тем, как идти к девушкам в солому песни петь. Целая была процедура с чуть знобящим и тем приятным ощущением греховности. Скидывались по “рваному” (рублю то есть), покупали водки у магазинной продавщицы на дому, добывали стакан, один на всех всегда, и что-нибудь загрызть-занюхать. Становились в кружок, в место укромное, разливали при свете спички водку и пили: кто давясь, а кто и лихо вполне.

Початки кукурузные были, наконец, со всего поля собраны, и настала пора поле это на силос косить. Приехал колесный трактор “Беларусь” с синей кабиной и притащил за собой зелёный кукурузноуборочный комбайн, чем-то напоминающий громадного кузнечика. Тут же и грузовик подоспел, в кузов которого забрались мы с Женькой Колесниковым.

Три механизма тронулись, такие разные, пошли-поехали тесно, и из хобота комбайна ударила то густая, то жиденькая струя мелко изрубленных кукурузных стеблей и листьев. И соком травяным сразу же запахло мощно, горько и кисло. Мы с Женькой стояли с вилами у боковых бортов напротив друг друга и смотрели, как растёт перед нами ворох рубленой кукурузы. Вот с краями бортов он сравнялся, и мы начали разгребать, разравнивать его вилами. Борта скоро скрылись, а ворох всё рос и рос, а мы всё растаскивали и утаптывали его. Приходилось и под струю, бившую из высокого хобота, попадать, и она окатывала тебя всего, напоминая зелёную, плотную, тяжёлую воду. Кукурузный сок заливал лицо и тело, запах его забивал нос, и мгновениями казалось, что ты барахтаешься в плоти, утробе самой природы...

Ворох над кузовом рос, начиная покачиваться на ходу всё опутимее, а земля внизу отодвигалась всё дальше. Между кукурузой в кузове и обрезом хобота зазор исчез почти, и тут трактор, комбайн и машина остановились.

Ехать потом, лёжа на спине, было истинным наслаждением и от расслабленности после напряжения работы, и от баюканья мерно качавшейся горы из рубленой кукурузы, и от прохлады её сырой, такой чудесной на жару. А ещё и от неба прямо у самых глаз.

Так работали мы с утра до вечера около недели, и ни в погоде прекрасной ничто не менялось, ни в работе чудесной. У меня мелькало даже, что

так бы можно и месяцы, и годы прожить: в нашей именно хате со спаньём на соломе, с той же именно компанией милой, с той же работой вольной и азартной. И даже с едой неизменной: толчёной картошкой утром и вечером, обедом прямо в поле мясом холодным, тёплым хлебом и густым, пахнущим детством молоком...

Остаток колхозного срока мы проработали на току. Тоже хорошая была работа. Перелопачивать зерно, чтобы не “загорелось”, а то и машины им нагружать вручную, если погрузчик вдруг ломался. Очень хороша, мила была стихия зерновая, близкая душе до самых тайных глубин. Так, словно ты её вместе с молоком матери в себя когда-то вобрал.

А лучше всего были поездки на элеватор для сдачи зерна поздними вечерами. Лежишь на тёплом или похолодевшем уже зерне, массу тяжкую его под собой с удовлетворением странным ощущаешь, ход машины стремительный чувствуешь, а над тобой ветерок скорости тёплой степной ночи. И звёзды, а то и луна. И почему-то интересно было прикинуть, какая она: в убыли — старая, или в прибыли — молодая?

Въезд на территорию элеватора был, как внезапный в город въезд: огни, шум пёстрый, люди... Иногда приходилось машину вручную разгружать, и вот это была работа авральная, до седьмого пота, чтобы другим машинам поскорее место освободить.

А на обратном пути, стоя в кузове у кабины, часто пели. Пели, не слыша из-за встречного ветра ни соседа, ни даже самого себя...

Отъезд наш получился довольно забавным. На станции мы оказались часа за два до отхода поезда, и мысль вышить, отметить отъезд возникла неизбежно. Словечко даже мелькнуло интересное, с армейским, старинным привкусом: “стремянную” принять.

К глубокому нашему разочарованию, ни в одном магазине спиртного не оказалось. Никакого, даже шампанского вечного и неизменного. Продавщицы объясняли, улыбаясь, что приказ такой поступил: спиртного до отъезда студентов не продавать.

Времени у нас было много, я и предложил Женьке Колесникову на окраину посёлка прогуляться: вдруг туда приказ не дошёл? Приказ-то повсюду дошёл, но зато углядел Женька в одной из забегаловок, в дальнем углу, на верхней полке, бутылку ликёра “Розовый”, которая, похоже, простояла там годы. Продавщица и соблазнилась случаем сбить её.

В пустой забегаловке было душно, как в бане, ликёр был отвратительно сладким и липким. Захмелели мы как-то особенно быстро и блаженно. И такой разговор у нас душевный пошёл, что мы и про поезд забыли. Очнувшись, лишь гудки паровозные, настойчиво-призывные, услышав. Ну, и бросились бежать в их сторону изо всех, хмелем подорванных, сил. И, надо же так совпасть, на подножку последнего вагона запрыгнуть успели. Отдыхавшись, пошли по вагонам, отыскивая своих ребят-девчат. И покачивались преувеличенно, показывая, что вот мы-то, в отличие от всех остальных, “стремянную” принять сумели. А в том, как красавица Люда Благоразумова встретила своего Женьку, было что-то такое, что у меня даже сердце защемило.

2

Много жилья поменялось за время учёбы, и каждое помнится до мелочей. А первое вообще оказалось прямо-таки судьбоносным: вошёл в комнату, которую мы с Генкой сняли в обшитом зелёными досками домике, сутуловатый, светловолосый, под “ёжик” стриженный парень нашего примерно возраста и представился как сын хозяев. Разговорились мы с ним, и вот продолжаем разговор, то устный, то письменный, седьмой уже десяток лет.

“Совпали” мы как-то сразу, с самых первых фраз. А часа через два, к концу первого нашего разговора, я неожиданно для самого себя сказал, что, хоть и поступил в институт медицинский, но статью хочу писателем. Никому ещё этого не говорил, кроме Ирины и Генки, и надо же было так “расколоться”!

Не раз я думал, получив от него письмо или собираясь ехать к нему в Воронеж: сколько же это может продолжаться? Генки, первого моего,

с детсадовских времён, друга давно уже нет на свете, а Гребень, Юрий Филиппович Гребенников, слава Богу, жив. И живёт в том же самом зелёном домике, в который мы с Генкой впервые вошли когда-то жизнь тому назад. Это и хорошо, и грустно почему-то...

Вторую квартиру мы нашли быстро, по подсказке. Дом каменный, угрюмо-тяжёлый, крылечко, дверь открыта, а в двух метрах от порога люк погреба зияет, чёрный такой квадрат. Оттуда руки показались с банкой стеклянной, красно-помидорной и красноватое мужское лицо с седым ёжиком над ним. И хриплый голос прокричал: “Земля треснула, и черти выскочили!” Оказалось потом, что этой фразой хозяин встречал совершенно всех, к нему приходивших.

Узнав, в чём дело, он привёл нас в довольно большую комнату, со столом и двумя кроватями привычного уже нам образца: ржавенькое железо и доски. А за печкой, в закутке, и третья такая же оказалась. Показывая, хозяин предложил тут же кому-нибудь её занять. Мы отказались, и он сказал: “Дураки: лучшее место! Тепло и маркизу можно пригласить”. Потом оказалось, что “маркизами” он всех женщин, возраста не учитывая, называет. А дом свой, которым гордился, “Виллой а ля Базиль”.

Василий Алексеевич его звали, или заглазно Васюнчик, Васятка, Вася Хрипой. Жил он один, на пенсии, а про место последней, долгой работы говорил с гордостью: “руководитель самодеятельности Дорпрофсожа ЮВЖД!” И неплохо, признаться, звучало...

Время проводил в суетливых хозяйственных хлопотах, постоянно приговаривая: “Дом невелик, а присесть не велит!” Или: “Без хозяина и дом сирота”. Одевался во всякую рванинку, довольно живописную, но раз примерно в неделю становился франт-франтом: коричневый коверкотовый макинтош, шёлковое белое кашне, жёлтые туфли, шляпа и фотоаппарат на ремешке через плечо. К “маркизе” визит, так это называлось. Женат никогда не был, но имел в молодости роковую, трагическую любовь, о которой вспоминал иногда за рюмкой со слезами на глазах.

Нередко навещали его бывшие постояльцы с выпивкой, и тут он весь пылал. Закуску азартно готовил, напевая что-то опереточное, бодренькое и непременно произносил тост, начиная им застолье, всегда один и тот же: “За наших матерей!” А разгулявшись, мог пропеть голосом хрипло-дрезжащим: “Так наливай, сосед, соседка, соседка любит пить вино! Вино-вино-вино, оно на радость нам дано!” А иногда и на табуретку векакивал и восклицал: “За маркизок!” Выпивал и выплескивал донные капли в потолок. Целое представление получалось.

Всё было бы хорошо для нас на вилле “Базиль”, если бы не голод поздними вечерами и не холод зимой. Иногда мы с Генкой не выдерживали, переглядывались понимающе, и кто-нибудь бормотал: “На вокзальчик?...”

Затея была часа на два и больше: ходьба, трамвай, редкий в эту пору. И молчали мы сплошь почти: туда от голода, оттуда от сытости.

Вокзальный буфет был в подвальном этаже и работал всю ночь: только кофе, бурда тёпленькая, и пирожки-булочки. А над буфетом огромная картина: Сталин с лопатой в руках. Стоит в мундире без погон, опирается на черенок лопаты в позе отдыха и смотрит прямо на тебя с лёгкой, добродушной улыбкой. Уютный такой Сталин... Наевшись до отвала, мы, как и дома, переглядывались и вставали...

Вася наш Василёк то ли экономил на топливе, то ли печка была плоха, но холод у нас в комнате стоял зимой мучительный. Защита от него была одна: приходиться домой только ко сну, что мы и делали. Надевали на себя почти всю наличную одежду, включая шапку-ушанку, и в постель, на доски, прикрытые лишь ватным одеялом. Генка сразу с головой закрывался, а я всегда почти прочитывал главку из “Войны и мира” Толстого. И так она почему-то въедалась в душу, что мешала заснуть, вдобавок к холоду. Запомнился мне роман с этого прочтения так, что в следующий раз, его перечитывая, я чувствовал с удивлением, что читал всё это едва ли не вчера.

В середине зимы хозяин уехал в Москву почти на месяц, объяснив нам, как разжигать печку, а мы этого сделать не смогли. Много вечеров бились:

не горит, хоть тресни! И пришлось нам уже не в холоде, а прямо-таки в стуже настоящей жить, дожидаясь хозяина и проклиная и его, и себя, и печку...

Вот тут-то я и узнал по-настоящему, что такое бессонные от холода ночи. И что такое странный при этом пот, липкий, как клей — не от жары, а от холода. “Это воды Стикса, я узнаю их...” — продиктовал когда-то дочери умирающий от голода и холода Василий Васильевич Розанов.

Боясь холода до паники, я переживаю его несравненно тяжелей, чем голод. И когда при случае прикидываю на себя ситуацию войны или иного экстрима, то холод пугает меня сильнее всего. Душа от него замерзает, вот что ужасно...

Так прожили мы с Генкой на вилле “Базиль” целый учебный год. Потом я переехал в общежитие, а Генка — на другую квартиру.

Лет через шесть, уже живя и работая в Калуге, получил я от Василия Алексеевича письмо и даже фотографию: в парадной, уже описанной форме. Вокруг что-то южно-курортное, а сам Василий Алексеевич совершенно прежний. Я не очень-то и удивился, зная его общительность редкую и памятность на постояльцев. Даже переписка небольшая между нами произошла, и в каждом письме передавал он привет жене и “показнику Андриуше”, сыну то есть. И даже приехать в гости собирался, но письма его вдруг прекратились. То ли заболел тяжело, то ли умер... Пришлось погрузить, по-вспоминать и его, и виллу. Особенный был человек. Мирской, вот именно. И жил на миру уютно как-то, совсем по-домашнему...

Общежитие, “общага” меня сразу очаровала. Казалось, что так можно и жизнь прожить: в комнате на семь человек, где приходилось буквально протискиваться между кроватями и тумбочками. И комната, и всё общежитие представлялись театром, где шло бесконечное, интереснейшее представление, в котором и самому приходилось время от времени участвовать.

Самое интересное всегда для меня — люди: вот несколько соседей по комнате в первом в жизни общежитии. Димка, первокурсник, поступивший в институт вне конкурса как производственный: мотористом на большом речном катере работал. Запомнился тем, что из постели даже днём редко вылезал. И тем, главное, что полюбила его какой-то дикой, таинственной прямо-таки любовью толстая, страшенькая девица с женского этажа общаги. Татьяна, Танька-Встанька, как иногда её называли. Заходила в комнату нашу без конца, и в дальний угол — к Димке. Он был с ней откровенно насмешлив и груб, иногда гнал прямо-таки от себя, а она уйти не могла. Ясно это было видно: ну, не может уйти человек, ноги не идут. Сначала мы похихатывали над всем этим, подшучивали, а потом и попритихли. Догадывались, может, что тут не комедия перед нами разыгрывается, а драма безответной любви...

Димку из института быстро выгнали, но, вернувшись после зимних каникул, мы застали его всё в той же кровати: не спешил из общаги уходить, зацепился как-то. Но было и новое: вся стена над кроватью в царапинах, бороздах и выбоинах оказалась. Рассказывал он со смехом, что Таньку прищучил, затащил в сапогах в постель: она стенку, отбиваясь, и повредила. На вопрос, достиг ли цели желанной, только рукой махнул: “Нет, отбилась, зараза!”

После этого отношение наше к Таньке резко похолодало. Почувствовали, похоже, что, если “отказала”, да ещё так несокрушимо, значит, нет тут для неё ни трагедии, ни драмы...

Володя Крюков, сосед мой по кроватям. Астеник, высокий, с беззащитно-милым, детским выражением лица. Но щетина на этом лице росла густейшая, до синевы после бритья. Пятикурсник, на два года меня старше. Отношения у нас были самые дружеские. Из вечных отличников он был.

Сидим как-то на кроватях друг против друга, и я ему неожиданно для себя пожаловался на какие-то сложности в делах с подружкой.

— Эх, Юра... — вздохнул он. — На что ты жалуешься? Я такому лишь позавидовать могу. У меня ж только и есть в жизни, что зачётная книжка. — И даже в тумбочку руку сунул, достал зачётку и шлёпнул ею по коленке.

А он и вправду всегда один мне попадался. Идёт, бывало, навстречу один-один своей сложной, с качанием винтовым, походкой астеника — за сотню метров узнаешь. И ни с девицей, ни на танцах многочисленных его, бывало, не встретить. Только в залах и зальчиках читальных. И непонятно было, почему? Красивый же парень, умница, характера чудесного... Да ещё и щетина такая: гормоны, стало быть, работают всюю...

Приехал я в Воронеж через пять лет и с ним у института встретился. Обрадовались друг другу, разговорились. Оказалось, что он аспирантуру кончил и работает на кафедре физиологии ассистентом. Вид заморенный, в глазах смесь тревоги и тоски, не замечавшаяся раньше.

— Видок у тебя... Работа, что ли, тяжело даётся?

— Да что там работа! — Помолчал, вздохнул, глаза свои тоскующие поднял. — В студентку свою влюбился... — Ещё помолчал. — Боюсь, умру...

Я опешил прямо-таки. Стою, молчу, жду продолжения. И он молчит, а потом руку вдруг протягивает.

— Пошёл я, извини... Да я тебе только и сказал. Вырвалось как-то...

И пошёл замысловатой своей походкой. Я шагнул было вслед — догнать, сказать ему что-то... И остановился. А что тут скажешь?

Долго потом эта встреча в голове у меня держалась. Хотелось что-то понять, суть некую найти. Ждал он, выходит, много лет этой неведомой мне студентки, вот и дождался...

Коля Юровский, великан таинственный и лежень, вроде Димки. Лежит, бывало, даже обувь не сняв, заложив руки за голову, и в потолок смотрит. И молчит-молчит. И о чём-то думает думу великую и до поры никому не известную. Илья Муромец какой-то, мелькало у меня. Как думу додумает, так и подвиги пойдёт совершать.

Один он даже и совершил, с моей подачи. Получал я иногда из дома ящик с жареной курятиной и на стол сразу его выставлял для общего угощения. Или сразу курятину съедали, или всё-таки оставалось кое-что на дне. А тут один Юровский в комнате оказался, я его к ящику и пригласил. Стали есть не спеша, я уже и на спинку стула стал отваливаться, сытый по горло. А Юровский вдруг посмотрел на меня своими непоколебимо спокойными глазами и спросил:

— А можно, я вволю поем?

— Давай-давай...

Он и съел оставшиеся пол-ящика, а я понаблюдав за этим его подвигом с кровати.

— Премного благодарен, — сказал он по-старинному и головой глубоко кивнул.

Вообще был склонен к старым, редким в употреблении словам. И умным был очевидно, но книг в его руках я как-то и не видел.

Да, кое-что из одежды он изредка продавал и сам это называл “торги Юровского”. Даже оповещать о них просил нас, соседей, чтоб конкуренция на “торгах” была.

Судьба этого богатыря осталась мне неизвестной. А интересно было бы узнать: куда, в конце концов, приспособил он свою силу непомерную? Или она истлела так, в самой себе?..

3

Перед майскими праздниками подхожу к институту и вижу над входом четыре больших портрета: Маркс, Энгельс, Ленин и Хрущёв. Бросилось в глаза, как “волосатость” их слева направо убывает плавно: от максимальной у Маркса до отсутствия её у Хрущёва. Усмехнулся, а потом подумал: Хрущёв-то здесь откуда? Из другой он совсем вроде бы оперы... Может, тут же это и забыл бы, да лекция в тот день подвернулась по истории КПСС, на которую забрёл, чтобы на лектору, старушку Адмони, полюбоваться. Во время гражданской войны из Испании она к нам приехала, с самой Ибарурри, говорили, соратница. Маленькая, сухая, с голосом пронзительным, глазами огненными. Иногда во время лекции даже туфли девчоночьи свои

сбрасывала и стояла, переминалась, на цыпочки вставала в одних носочках. Чудо, а не старушка. И хотелось в конце лекции крикнуть, подняв кулак: “Но пасаран!”

А я вдруг подумал, что вот её-то про портрет Хрущёва и надо спросить, это ж напрямую её касается. Ну, и спросил. Думала она долго, даже как-то померкла вся. Наконец сказала: “Да, вы правы, тут что-то не так. Классики марксизма-ленинизма — это одно, а руководитель страны — совсем другое. Надо разбираться”.

А на другой день портрет Хрущёва исчез. Доволен я был очень: в такое дело влез с победой!

Через месяц примерно меня из общаги и выгнали. Под компанию попал, под “чистку” молодёжи, студентов прежде всего. Полиция стала задерживать на улице парней в узких-узких брюках или с волосами до плеч. Брюки распарывали по шву до колен, а волосы остригали под “ноль” и отпускали. И опять я подумал в некоем “политическом” плане: неужели они не видят, какой ширины брюки на Ленине, на памятниках ему, и какой длины волосы на фотографиях Чернышевского, Белинского, Герцена? Хорошо бы и тут подказать кому-нибудь...

“Чистка” и общаг наших институтских коснулась, конечно. Ходила комиссия по комнатам, в шкафах шарила и в тумбочках в поисках “криминала”, спиртного прежде всего. Безобразная была картина, и один парень с последнего курса сказал, не выдержав: “Вы скоро в промежность к нам ползете!” Шум, говорят, был большой, даже исключать сгоряча из института его вроде бы собрались, но одумались. Ведь фразу-то эту придётся в протокол заносить, в ней же “криминал”.

В разгар “кампании” сидел я поздно вечером с подружкой в сумрачном конце коридора чужого этажа на диване, напротив двери в комнату. Какой-то парень плечистой дошагал не спеша до нас вплотную, наклонился, вглядываясь. Лицо смутно мне знакомое, хмельное и злое. Рыжий к тому же.

— А ну, пошли отсюда! — пробасил-прохрипел. — Повадились тут, понимаешь...

Повернулся и за дверью комнаты исчез.

Я сидел вялый, в “расслабухе”, и не вдруг сообразил, что сказанное оскорбительно, да ещё при подружке. Вскочил, к двери рванулся, но она оказалась запертой, что в общаге бывало редко. Стал стучать, плечом в неё толкаться. Не открывали, не открывали, да и открыли. Другой, совсем уже незнакомый парень на пороге возник, отталкивать меня начал. Ещё один появился, а там и рыжий замаячил. Стали они теснить-толкать меня от двери по коридору, да и подружка в этом им помогала, меня оттаскивала. Но кулаков, точно помню, никто в ход не пускал.

А на другой день вызывают меня в комитет комсомола и объявляют, что я драку в общежитии ночью учинил, и требуют объяснений. Я сразу понял, что дело плохо: и по реакции этой быстрой, и по тому, что “чистка” как раз в разгаре была. И угадал вполне: исключили меня из общаги.

Огорчился я сильно, потому что уж очень жизнь общежитийскую полюбил. Чувствовал, что меня словно из рая изгоняют. Благо ещё, что было куда переселиться: к Генке, была у него на квартире свободная койка...

На крутом спуске к реке Воронеж, на берегу, в сущности, водой давным-давно покинутом, лепились друг над другом домики-домишки, всегда деревянные, лёгкие — иных склон удерживать не мог. Что-то необыкновенно милое было в них, простецкое, доверчивое, к себе притягивающее. Если смотреть сверху вниз, то дворики их так беззащитно, так приветливо показывали содержимое своё незатейливое: сараи и сарайчики, будки, будочки, печурки летние, верёвки бельевые... А крылечки с тремя-четырьмя ступеньками так и звали взойти по ним или присесть-посидеть. Виднелись в двориках иногда и люди, женщины в основном, спокойной какой-то и оттого завидной занимавшиеся работой: то над тазом склонившись, то над грядкой... И садики-огородики крохотные тоже были очень милы и заманчивы.

Удивительно хороши были и улочки-проходы между домами, всегда сверху вниз: к реке, к реке... Устраивались и укреплялись эти улочки многие годы, и чего там только не было для крепости и упора: дерево, камень, кирпич, щебень, жель, железо самое разное... И с каждой улочки река виднелась, река, река... Самое же, может, удивительное, что каждая улочка вверху вплотную к самому центру города подходила: только что ты был у реки, поднялся по улочке не спеша, и вот уже проспект Революции шумит-гудит державно...

Вот в один из таких домишек на склоне я и попал после общаги. Если чем-то он и выделялся в ряду других, то крайней, удивление вызывавшей древностью и дряхлостью. Перед входом в "нашу" комнату даже нескольких половиц не было, а лежали доски в виде мостков.

Хозяйка этой хижины была ей под стать: крошечная горбатая старушка с лицом, словно бы мхом тронутым от старости. Как она отваживалась держать у себя таких обалдуев, как мы, было непонятно: пенсию ведь ей регулярно носила почтальонша. А деньги, к чему они были ей? Хорошо помню, как ловко цапала она мою красную десятку крохотной ручкой-лапкой и прятала в своё тряпье...

Кроме нас с Генкой, в комнате жили двоюродные братцы, Валерка, наш однокурник, и Копайчик, как все его звали. Трудно было представить более разных людей. Валерка был смазливенький такой, тихий мальчик, которому удавалось оставаться прилизанно-аккуратным даже в нашем бардаке. Всё возился вокруг самого себя удобства ради или учебник лениво листал. Часто голову полотенцем зачем-то повязывал. Любимое занятие: гоголь-моголь делать, а потом медленно есть-смаковать. Блюдо, кстати, популярное тогда, а теперь, возможно, выпавшее из обихода. Немудрёное такое: желтки яичные от белков отделить, сахаром засыпать, взболтать и готово. Так я его и не попробовал, хотя собирался из интереса. Мутило от одного вида приготовления...

Копайчик же был вылитый гоголевский Ноздрёв. Даже в университет поступил по-ноздрёвски. Как раз в начале вступительных экзаменов прошёл в Воронеже страшный по силе, длительности и крупности ледышек град. Чуть не все окна в городе выбил, людей немало ранил, а маленькую девочку, по слухам, вообще "засёк". Вот Копайчик и сыграл игру под этот град. Бинтовал голову и в таком виде на экзамены являлся. Всегда спрашивали, что с ним? Всегда отвечал: ребёнка спасал от града. Ну, что было делать экзаменаторам? Четвёрку ставить, не меньше. И ставили...

Удивился я как-то роскошным, ресторанного вида ножам и вилкам у братцев. Копайчик и объяснил с совершенно невинным видом, что он их из ресторана утащил. И добавил, что в Луганске, откуда он приехал, ему вообще в счёт заранее нож с вилкой ставили, знали за ним такую слабость...

С первого же дня стал он у нас с Генкой деньги занимать, по очереди. Без отдачи, разумеется. Когда же давать перестали, то прозвище нам за это придумал: "Тимовские волки". Очень хорошо, по-моему...

Когда мне через год, пятикурснику уже, вновь дали место в общаге, я и рад был, конечно, но и хижины старушкиной было жаль. Трущобность жилья была привычна, мила даже, вызывая странное чувство, что живём мы не в доме-домишке, а в кибитке кочевой, которая вот-вот с места стронется и поедет куда-то. Возможно, дворик, травой дико заросший, вид с него на волю-вольную приречного луга и реки это чувство вызывал. Сидишь, бывало, с книжкой среди дворового бурьяна под полузасохшей яблоней, и как-то не верится, что самый центр большого города в двух шагах...

4

Медицинский институт был и остаётся, уверен, одним из самых трудных вузов — объём информации, которую надо усваивать, поистине громаден. На "понимании", которое так выручало меня в школе, тут далеко не уедешь. Надо прежде всего знать, и как можно точнее. Была и ещё причина, утяжелявшая мне учёбу: единственная "тройка", полученная в сессию, лишала

стипендии на целых полгода. Получая от матушки весьма небольшие деньги, я такой “роскоши” не мог себе позволить. Вот при таких обстоятельствах и надо было как-то “писателем стать”, так я формулировал главную свою жизненную задачу. Стать врачом, и желательно хорошим, — это было всё-таки дело второе.

Начал я лекции пропускать для занятий своих литературных, пока не выяснилось, что и за это стипендии лишают, если превысишь некий лимит. Так и проучился я весь первый курс, вырывая с трудом и редко пару часов на дело своё главное. Хорошо сдал обе сессии, а в начале второго курса меня осенило: надо со старостой курса Николаем Никоновым поговорить, он ведь журнал посещаемости лекций ведёт.

Николай был вполне зрелым мужиком, уже и фельдшером поработав, и в армии отслужив. Отношения у нас были вполне дружеские: в сборную института по лыжным гонкам оба с первого курса, с первого сезона вошли. А мало что так быстро и крепко связывает людей, как спорт. Одни эстафеты командные чего стоят! В них даже что-то от боя, в котором победить надо, чувствуется... На мою просьбу ставить мне “плюсы”, если меня на лекциях и не будет, Николай молчал долго. Потом спросил, как сессии сдал. Кивнул одобрительно и итог разговора подвёл: “Ладно, буду отмечать, хрен с тобой. Но это пока учишься нормально, понял?!”

Вот так я и получил “вольную” на целых пять лет. На лекции начал ходить выборочно, а на старших курсах и вовсе перестал — литература затягивала в себя всё глубже. Но учёба шла нормально, один только раз сбой вышел на страшной для всех фармакологии: схватил-таки “тройак”. Не повезло дико, билет совершенно незнакомый попался: то ли выпал он из моего билетного набора, то ли прозевал я его?

Без стипендии пришлось туговато, но приспособился я быстро. Хрущёв помог. Объявил, что уже нынешнее поколение будет жить при коммунизме, и вскоре, для начала как бы, сделали бесплатным хлеб в общепите. Лежал он горками, чёрный и белый, бери, сколько хочешь. А рядом блюдо с сахаром — сколько хочешь, в чай сыпь. Вот это и решило для меня проблему питания, самую для кошелька трудную. Чай стоил две копейки, салат овощной — четыре, гарнир от второго блюда — пять и полпорции супчика простенького — тоже пять. А если денег совсем не было, то можно было одним хлебом с горчицей наесться до отвала. Такая кормёжка вполне организм удовлетворяла: я и тренировался, и в соревнованиях участвовал точно так же, как и раньше. Когда вернулась стипендия, пришлось даже некоторое усилие сделать, чтобы вернуться к прежней диете, так мне новая сделалась легка и мила...

Экзамены же хорошо сдавать удавалось, закрывая в учебники на время сессии со всеми потрохами, как в воду. Даже окружающий мир начинал по-иному восприниматься, каким-то зыбким, чуть нереальным становясь. Было в этом даже что-то приятное, лёгкое, опьянение напоминающее. И, самое уж удивительное, в некоторые предметы при таком их изучении я словно бы влюбляться начинал. В те, которые не одного запоминания, но понимания именно требовали: в физиологию, например. Так она мне стала интересна, что хоть жизнь ей посвящай вместо литературы. Тогда как раз писали много о физиологе Гансе Селье, авторе теории стресса. Я даже книгу его нашёл и прочитал с огромным интересом. Название книги забыл, а вот эпиграф к ней всю жизнь помню: “Тем, кто не боится стресса жизни”.

На пятом курсе пошёл цикл психиатрии. Я давно о ней подумывал: как-никак, а о душе человеческой наука, пусть и о больной. Недалеко от писательства и философии стоит. Да и были психиатры с мировым именем — Фрейд, Юнг, Адлер — философами-писателями одновременно.

Почитал я внимательно учебник психиатрии, на практические занятия с разбором клиническим больных походил, съездил в составе студенческой группы в Орловку, областную психиатрическую больницу огромную, старинную, и почувствовал с полной определённостью: вот оно, моё!

В Орловке было кое-что, могущее и смутить, и оттолкнуть даже: огромность палат, множество больных странного, мягко говоря, вида, шум, крик,

смотрители-санитары — здоровенные мужики разбойной какой-то внешности. Но и это, чувствовал-догадывался я, моё тоже. О душе ведь всё здесь в конечном счёте, о душе...

А один больной меня прямо-таки восхитил. Вскочил на кровать, внимания властно так, привычно потребовал и продекламировал выразительно, по-актёрски:

— У свободы крылья велики, но не сладят с нею дураки!

Помолчал и ещё выдал:

— На Воронеж-второй пришло два вагона лаптей. Дар напрасный, дар случайный: всё равно их носить не будут!

Вспоминаешь учёбу, а вспоминаются-то люди. Свой брат студент, преподаватели, больные... Вспоминаешь учёбу, а вспоминается-то жизнь. Чем занимались, когда, с кем и какая была погода... А собственно учёбу как вспомнить? Читал, слушал, смотрел, понять и запомнить пытался, ну, и сделать иногда собственными руками что-нибудь... А потом опять люди, лица, голоса...

...Ректор Одноралов, бычьей какой-то внешности и повадки человек. Идёт по коридору из кабинета или в кабинет, смотрит прямо перед собой и на встречаемых здоровающихся студентов не обращает внимания. Ему и кивнуть-то трудно, такой задривок. Лицо обширное и всегда одинаковое, спокойно-угрюмое, щётка седых усов под вислым носом. Одинокий-одинокий такой, и кажется, что таким и должен быть ректор. И дверь кабинета его непоколебимо закрыта, будто только он и открывает её. Он и лекций не читал почему-то, и не говорили о нём почти, но его присутствие всё-таки в институте чувствовалось таинственным каким-то образом.

Есть китайская мудрость, что о властителе народ должен знать только то, что он существует. Вот наш ректор почти таким и был, так мне представлялось. Слышал о нём только, что уехал в эвакуацию в войну, лишь рюкзак махорки захватив, и что получает в месяц семнадцать тысяч. И ещё, что на экзаменах очень снисходителен и на оценки щедр.

Сменил его к концу нашей учёбы рыжий, тощий, быстрый мужичок, перешедший в институт с поста начальника всей областной медицины. Ну, тот показал такую активность, что Одноралов вспоминался студентам, как ангел небесный.

Лекции же по анатомии, по главному на первом курсе предмету, читала Галерия, как все её звали. Говорят “божий одуванчик” — так это о ней. Лицо у неё было странно молодое под нимбом чистейшей, с голубоватым отливом седины. Читала она с наслаждением, особенно когда термины латинские выговаривала, выпевала прямо-таки. А на первом же занятии практическом в анатомичке достала из кармана халата пачку папирос “Наша марка” и ухватисто так, смачно закурила. И объяснила, обведя всех весёлыми глазами: “С фронта привычка...”.

Удивительно, что вторым, так же влюблённым в свою науку лектором оказался патологоанатом, который начал вводную свою лекцию фразой: “Труп, дорогие друзья, это поэма!”

А удивительней всего, что через много лет рядом с моим кабинетом психотерапевта оказался кабинет патологоанатома Юрченко Павла Тимофеевича, тоже влюблённого в патанатомию по уши. Уж как им, всем трём, удавалось любить такую, страшноватую на взгляд со стороны работу, тайна есть. Свыше дар, не иначе...

Завкафедрой физиологии Конев — по прозвищу, конечно, Конь. Соответствовал он этому вполне, даже и с избытком. Не только из халата медицинского, но и из науки своей, казалось, как-то “выпадал” со своей фигурой громадной, костистой, с лицом под стать, с голосом трубным. Читал прекрасно, с яркой простотой и напором. А если при демонстрации опыта что-то не получалось, объявлял громогласно, с оттенком трагичности: “Мы нар-р-р-вались на патологию!”. Репутацию имел человека добрейшего. А погиб нелепо, но в каком-то дальнем соответствии со своим обликом: на море под винт катера попал. Говорили о его гибели долго и жалели очень...

Войткевич, завкафедрой гистологии, членкор АМН СССР. Невысокий, плотный, краснолицый, носатый, с глазами пронзительно-едкими. Сделал он из гистологии, науки, в общем-то, милой и тихой, о тканях организма на микроуровне, настоящее для студентов пугало. Особенно зарисовка клеток была страшна. Чуть форма или цвет нарисованных клеток отличается от в микроскоп видных — отработка! Значит, приходи вечером и вновь, получше, поточнее рисуй. И так не один раз быть могло. Мука мученическая и бессмысленная совершенно. Зачем же Войткевич муштру эту пустую завёл? А для большего страха перед экзаменом по гистологии своей, нет другого ответа. И этого он, несомненно, добился. Главная страшилка у нас гистология была, как сопромат в технических вузах.

А ещё любил он вдруг поднять студента и спросить что-нибудь по поводу читаемой лекции. А подняв, фамилию непременно спрашивал. Услышав мою, усмехнулся едко: “Ну-ну... Так что такое ассимиляция, если изволили понять?” А я не просто понял, я помнил дословно: память дикая тогда была. “Ассимиляция есть процесс уподобления внешних веществ собственному организму”, — отчеканил. И тут же увидел, как помрачнел лектор и даже замялся на миг. И сказал, наконец, брезгливо: “Садитесь...”

А через много лет рассказал мне приятель из однокурсников, что попал он как-то в глухое воронежское село, на кладбище забрёл и обнаружил там могилу нашего Войткевича. И имя-отчество совпало, и годы жизни примерно.

Удивился я, конечно, очень такому месту последнего приюта для академика. Потом сообразил, что воля его такой оказалась. Как же иначе? А село родиной было, скорей всего. Или, может, что-то самое лучшее, важное в жизни с ним было связано, как знать...

Иван Дедов, однокурсник. Был какое-то время президентом Академии медицинских наук, пока её не упразднили, создав одну, общую Академию. Теперь должности его не знаю, но видел не так давно по ТВ кусочек беседы президента России с ним. Должность, выходит, есть — и немалая. Показали его вятно вполне и вполне для меня узнаваемо. Вся суть его крупного, спокойного и очень простого лица осталась прежней. Он и он: Иван, Ванька... И прозвище вспомнилось: “Ходок”. Не знаю, как девицы его воспринимали, а среди парней было оно вполне солидным, почётным даже.

А вот чудо чудное. Шапиро, наш преподаватель по венерическим болезням, большой шутник и, похоже, выпивоха, вошёл как-то в комнату для практических занятий и сказал прямо с порога:

— Убогий, что это вы разлеглись на диване, как Клеопатра? В нём же спирохет полно...

Я послушно сел, как надо, а он всё продолжал на меня смотреть, соображая что-то.

— Послушайте, а нет ли у вас родственника-провизора с такой же шикарной фамилией?

— Есть, брат отца, дядя то есть...

— Воевал?

— Воевал и награды имеет. Аптекой военной заведовал.

— Ну, точно, он, дядюшка ваш, свела на фронте судьба. Жмот был страшный, стопки спирта налить жалел. Увидитесь, привет передавайте!

Женечка Жуков, преподаватель философии. Средних лет, головастый, с зачёсом на лысину, который называли довольно остроумно: “внутренний заём”. Добродушный, весёлый, потому, видно, и прозвище ему было “Женечка”. Дал он нам как-то задание — нечто вроде доклада-реферата написать по книге Энгельса “Антидюринг”. Мне поставил “отлично” с плюсом, а потом стал спрашивать на занятиях часто о том о сём. А ещё потом пригласил в кружок научный по философии, который вёл. Сказал, что у меня способности к этой науке есть. Я отказался, конечно, такого мне ещё не хватало. Он, однако, упорство странное проявил, несколько раз уговорить пытался. Сказал, что после окончания учёбы можно будет в аспирантуру поступить, да не куда-нибудь, а сразу в институт философии Академии наук. Разрабатывалось там, сказал, философское осмысление-обеспечение главных наук, и медицины в том числе.

Кое-что в этом мне вдруг показалось заманчивым. Путь уже заготовленный наверх, как говорится. Степени научные, звания, успех... Да и тяготеющие в сторону философии у меня действительно было, недаром всё время работы на заводе “Материализм и эмпириокритицизм” Ленина читал. Сам захотел, никто не неволил...

Подумал я, подумал и вновь отказался решительно. Не хотел на философию литературу свою любимую менять.

Преподаватель любезной мне психиатрии Гуськов. Высокий, сутуловатый красавец лет тридцати. Позёр и пижон, но какой-то очень милый. Вот вошёл в аудиторию размахисто в белейшем, по фигуре подогнанном, необычно коротком халате, вот сел, разместив не спеша удобно и красиво свои длинные ноги в блестящих туфлях, вот сигареты и зажигалку на стол выложил... Возникало при наблюдении за ним какое-то киношно-театральное чувство. И курил он всегда папиросы “Театральные”, длинные, тонкие, “дамские”.

Девушки наши прямо-таки таяли, “балдели” от него. Забавно это было, но и понятно вполне. А я был доволен тем, что именно психиатр у нас такой мужик неотразимый.

Практические занятия по гинекологии, не первые уже. Женщина на кресле, рядом преподавательница, толстушка весёлая, а вокруг — студенты тесным кольцом. Мы с другом моим Юркой Пугаевым позади всех и к креслу подходить не торопимся. И вообще, и особенно сегодня. Вагинальная пальпация — ну её подальше! Для такого дела темнота нужна, а не беспощадный свет операционной лампы...

— А вы чего там прижухлись?! Такие мужики и оробели! А ну сюда, быстро! — кричит и даже рукой машет толстушка наша. — Зачёта не получите иначе!

А вот иное совсем. Дежурю ночью (поддежуриваю, так говорилось) в отделении грудной хирургии, дремлю в ординаторской за столом. Шаги торопливые, дверь открылась рывком...

Оказывается, с больным очень плохо, а настоящий дежурный врач в приёмном покое, вызвали его оттуда уже. Да, плохо: лицо серое, губы синие, пульса никак не найду... И вдруг слышу вполне внятное:

— Как зовут?

— Юра.

— Давай, Юра, давай...

Ну, что тут? Камфору, кофеин, кислород...

Взгляд больного ловлю, и он вдруг ломается, уходит куда-то в глубину. Прикладываюсь ухом к груди, к сердцу: тихо там, тихо...

Первая эта смерть передо мной случилась, и больше всего поразила простота и быстрота её прихода. Только что слышал от человека: “Давай, Юра...” — и вот уже нет его, живого... “Но что-то сделать было надо же? — мелькает в голове. — Массаж сердца не прямой, дыхание рот в рот?..”

Тут как раз и приходит дежурный врач, и ничего подобного делать не собирается. Спокоен вполне, и этим как бы черту подводит: больной умер, всё...

5

На практику после окончания четвёртого курса я ехал с Юркой Пугаевым, по диковинному прозвищу “Аргентина”. А потому что, крепко выпив, он начинал время от времени восклицать восторженно: “Аргентина!” На вопрос же о причине отвечал: “Люблю её!” Надо и название райцентра, в который нас направили, объяснить: Грязи. По легенде, ехал Пётр Великий через деревушку по грязи редкостной и спросил, как она называется. Оказалось, никак. “Ну, так и быть этому месту по имени Грязи!” Вот и пошло — и Грязь, и Грязи...

К электричке, о которой договорились, Аргентина не пришёл, и я в Грязях уже стал ждать следующей. Гулял себе по перрону, осматриваясь. Живое местечко, узловая станция. И поездов шло много, и людей было густо.

Остановливается на несколько минут скорый, и Аргентина — вот он передо мной, очень довольный. На крыше вагона, оказывается, приехал.

— Деньги есть?

— Ни хрена, на тебя рассчитывал...

Выругался он, помолчал, поскрёб в затылке.

— Ладно, в больнице добудем что-нибудь...

Небольшие деньги мы просто-напросто заняли в бухгалтерии под недалёкую стипендию и на питание были приписаны к больничной кухне. А на первый ночлег определили нас в рентгенкабинет, где как раз было две кушетки. Быстро-быстро всё прокрутилось, даже поужинать плотно успели до закрытия кухни.

День конца июня долог, и после ужина раннего надо было жить. Решили побродить, посмотреть эти самые Грязи. Немалый оказался городок для райцентра, только очень уж однообразно-скучный и пыльный.

К вечеру зашли в городской парк. Былолюдно и как-то беспокойно. И скоро я понял, почему: парней приклатнённо-хулиганского вида попадалось много. Аргентина тут же и объяснил, что Грязи известны как место бандитское, потому что станция узловая. И появиться здесь, и смыться отсюда очень удобно.

Танцплощадку окружало кольцо девиц и парней, с большим перевесом первых. Сама же она была почти пуста, и этим и чужда, и призывна одновременно. Две-три пары всего кружились под звуки чудесного и модного в то лето вальса “Под небом Парижа”. Пел Ив Монтан, как-то очень просто, доверительно, по-приятельски. Чудилось даже мгновениями, что это ты сам поёшь...

В углу парка был типовой жестяной “шалман”, туго набитый парнями и мужиками. Прекрасный пол представляла лишь буфетчица, как всегда в таком месте и в такое время.

Взяли мы с Аргентиной самое дешёвое тогда вино, “Алжирское”, по рубль две копейки бутылка. Выпили за начало практики, закусили карамельками, постояли у танцплощадки, уже поднабравшей танцующих, Монтана ещё разок послушали, да и отправились в больницу, в рентгенкабинет, спать. День, как-никак, был утомительный своей новизной.

Пробуждение оказалось необычным: кто-то тряс меня за плечо сильно и грубо. Открыл глаза и увидел перед собой милиционера. А второй рядом с Аргентиной, сидящим на кушетке, стоял и говорил ему что-то.

— Где ваши вещи?!

Ничего я не мог понять спросонья. Плечами пожал, потом заглянул под кушетку: чемоданчика там не было.

— Делись куда-то...

— Делись! — крикнул милиционер со злостью. — А штаны тоже “делись”?

На стуле рядом ни штанов, ни рубашки не было, но растоптанные туфли стояли аккуратно, как миленькие.

— Вот, они остались... — Я ткнул пальцем, чувствуя на лице неудержимую, дурацкую ухмылку.

— Чего лыбитесь! Думаете, мы мусора?!

— Ничего я не думаю...

— Но мы не мусора! Мы вас подозреваем, между прочим!

— Как это? — опешил я.

— А так... Ограбление подстроили!

— Сами себя высекли, так, что ли? — хохотнул я нервно. — Вроде вдовы унтер-офицерской?

— Какой вдовы?! Умничает ещё, понимаешь... Будет тебе вдова, когда разберёмся! И офицерская, и всякая!..

Подошёл второй милиционер, пожилой, лысый, посмотрел на меня с насмешливым прищуром:

— Хороши, миляги! Как гуси общипанные... Так почему окно настежь открытым оказалось?

— Воры оставили, — пробормотал я.

— Э-э, нет! Персонал говорит, что оно при вас ещё открытым было. Так и оставили, вроде приглашения?

— Да что вы, в самом деле! Нам-то какой резон?!

— Разберёмся, какой... К десяти чтоб в милиции были, как штык!

Когда они ушли, я спросил Аргентину, что это за мусора какие-то?

— Неужели не знаешь? — удивился он. — Это ж их блатари так зовут, ментов... Ладно, досыпать давай, утро вечера мудренее.

Утром приехали нас быстренько, по-семейному как-то: кто что принёс. Мне достались грязно-белые штаны и синяя футболка-подергушка, куцая и тесная. Чарличаплинский такой получился прикид, даже мило показалось. И в милиции нас встретили вполне добродушно, уточнили кое-какие детали мелкие и пообещали сообщить, если имущество наше будет найдено. Его сыскать не смогли, а вот документы были в больницу через день подброшены: обычное в ту пору дело. Интересно, делают ли так теперь?

Вообще же было во всей этой истории что-то домашнее, шуточное почти. Эдакое маленькое происшествие в большой семье. Да она, тогдашняя Россия, пожалуй, и воспринималась нами подсознательно, как громадная страна-семья...

Во дворе больницы стояло недостроенное здание поликлиники, и мне вдруг вспомнилось наше с Генкой жильё времён заводской работы. Зашли, и первая же от входа комната оказалась почти такой же, как та, давняя. Щёбёнка вместо пола, стены небелёные... У меня даже в груди потеплело, когда её увидел, — тут нам и жить!

Главврач, здоровенный мужик с сонным лицом, не поленился пойти с нами и оценить наш выбор. Осмотрел, помолчал, хмыкнул неопределённо.

— Ну, это вам не годится, это для бомжей разве... — Покосился на мои штаны (его бывшие, кстати), хохотнул, дёрнув жирным животом. — Хотя... Живите, дело ваше. Замок только на дверь надо и задвижку на окно. Хотя... — Расхохотался, наконец. — Что тут и взять, вас самих если...

А через несколько дней новоселья Аргентина из библиотеки “Феноменологию духа” Гегеля неожиданно принёс. Мы этой книгой здесь и обошлись, читая по очереди. Кто взял книгу, тот и читает. Аргентина же как был любителем философии, так им и остался. Лет через десять после окончания института встретилось у него в письме: “Кручу желонку (скважину в саду к воде пробурировал) и читаю философию”. Я порадовался за него: солидные и благородные какие дела у человека!

Деньги, занятые в бухгалтерии, у нас кончились, и пришлось с сигарет переходить на махорку: купили на последние пачку “Моршанской”. Самокрутки научились крутить, хохоча над первыми результатами. А какой экономической оказалась махорка: затянулся раза три и “поплыл”, больше не надо...

Аргентина вновь выход из безденежья нашёл: договорился с начмедом больницы, что мы вскрытия будем делать вместо ушедшего в отпуск патологоанатома. На мои сомнения только рукой махнул: “Разрежем, чего тут мудрёного. А протокол ты сочинишь, сочинитель!” Это меня задело неприятно: тайна моя раскрылась. Проговорился, что ли, сам того не заметив...

Вскоре Аргентина нашёл и ещё один способ зашибить деньгу: кровь сдать, да побольше, двойную порцию. Я имел довольно смутное понятие об этом деле, но количество крови меня всё-таки смутило. И ещё, что мы в день сдачи крови в Воронеж за стипендией собирались ехать. Сказал приятно об этом, но у него на всё подобное один был всегда ответ: ерунда, прорвёмся!

Кровь мы сдали, потом очень плотно поели на кухне и никаких неприятных изменений в себе я не ощутил. А ведь вытекло из меня восемьсот граммов крови...

На вокзале тут же и электричка на Воронеж подвернулась, и я вслед за Аргентиной взобрался на крышу последнего вагона. Странно, интересно и чуть тревожно было увидеть окружающее с такой высоты. И вот тут-то, сидя на краю крыши вагона, вовсю идущего, я и заметил, что у меня кружится голова. Покосился на Аргентину — рожа довольная, весёлая. Ну, и я такую же постарался сделать...

Ехать было ошеломляюще хорошо. Воля вольная, даль дальняя крутом, и вся она твоя. И разворачивается всё вокруг так плавно, медленно и мощно, словно это сама земля под вагоном по кругу идёт. А ещё и ветер любимый сильный, прохладно-тёплый, плотный, как вода... И лёгкое кружение головы что-то ко всему этому добавляет: сладкое, как вода... И первая сигаретная затяжка. Впереди, метрах в ста перед ажурным горбом моста, показались высокие ворота со свисающими с верхней перекладины верёвками, которые мелькнули над самыми нашими головами.

— Предупреждение такое! — крикнул Аргентина на мой вопросительный взгляд. — Чтобы голову не снесло на мосту, если кто на крыше стоит.

Получив стипендию, мы с Аргентиной расстались, он к себе в общежитие поехал, а я пошёл в свою хибарку у реки. Расставаться было странно, привык к напарнику за две недели. Ну, да завтра опять электричка, опять крыша вагонная, опять Грязи...

Идти по предвечернему Воронежу было особенно приятно. Он даже чуть обновился для меня за разлуку. Особенно свободно было и вольно, а ещё и деньги в кармане, совсем хорошо. Иди, куда хочешь, делай, что в голову взбрёт...

И вдруг, как подарок, — Инка Медведева навстречу. Подруга по лыжным гонкам и вообще подружка. И такая вся такая! И улыбка до ушей, как всегда при встрече.

Обнялись, и мне вспомнился вдруг финиш первой моей гонки в составе институтской команды. Тягун убойный, потом поля кусочек, толпа, транспарант красный... Финишировал я не на мускульной, а лишь на душевной, казалось, силе, в каком-то полузабытьи. И на палках повис, добежав. Приходи в себя, почувствовал, как меня тёплым и мягким чем-то накрыли. Оказалось, Инка своим пальто... Спросил, помнит ли?

— Не-к... — мотнула она головой. — Вот как в столовке Лесного института обедали потом, помню. Тебя и разглядела тогда толком...

— Слушай, ты ведь из Старого Оскола, кажется?

— Кажется ему! Знать надо, миленький, помнить!

— А говорите вы там: “старый осёл”?

— Ещё бы! Надо же, догадался!

— Слышал просто, в пионерском лагере у вас был.

— И я была! Барский дом бывший, двухэтажный... Может, даже в смене одной совпала, только ты ведь был малявка для меня тогда...

— Куда нам до вас! Доктором стали, а мы в Грязях сидим по уши...

— Так ты в Грязях на практике?! — Она засмеялась. — Да я ж там тоже была, замечательное местечко. Сумку у меня там спёрли на вокзале.

— Сумку что! Нас с приятелем догола обчистили. Ты же видишь, какой я теперь нарядный?

Инка осмотрела меня с головы до ног и расхохоталась надолго. Отдышавшись, мокрые от слёз щёки ладонями вытерла. Потом вновь осмотрела внимательно, помолчала и вдруг сказала с досадой:

— Как же это я сразу не разглядела, что ты такое чучело? Тебе обрадовалась чересчур... Плохой признак...

— Почему?

— По кочану... Мы ж расстаёмся, дурачок! Диплом получу на днях, и прощай, Воронеж.

— И куда потом?

— А к “старому ослу”, куда ж ещё...

Дошли незаметно до Петровского сквера, постояли перед памятником: хорошо, величественно Пётр Великий стоял, опираясь рукой на якорь. Потом на смотровую площадку вышли, и вид с неё был до горизонта: склон к реке, сама река, правый берег... Я и крышу хибарки, в которой жил, разглядел на склоне привычно и Инке показал.

— Надо же! — удивилась она. — Такая там у тебя глушь и дичь, а отсюда близко...

— Зайдём? Никого нет сейчас, в разгоне мои сожители. Надо только

затовариться хорошенько. Деньги карман жгут: и стипендия, и за кровь получил...

— За какую ещё кровь?!

— За донорскую, естественно. А ты что подумала?

— Ничего... Не успела. Сочетание опасное: кровь, деньги... И сколько ж ты сдал?

— Восемьсот граммов для начала.

— Ну, ты даёшь! — Она уставилась на меня возмущённо-удивлённо. — Сегодня сдал?

— Ага, с утра пораньше. А потом к тебе на крыше вагона, — похвастал я.

Мне почудилось, что она меня ударит, но она лишь замолчала, потупившись, а потом стала перечислять негромко:

— Идиот, придурок, осёл хренов...

— Хватит! На столько я не тяну...

— Потянешь! Не пойду я в развалюху твою, понял? Нечего мне там с тобой, малокровным, делать!

Взгляд у неё был злой, напряжённый — и надломился вдруг. Она расхохоталась, невольно как-то. Эта смешливость постоянная правилась мне в ней больше всего...

Идём вечером в парк у танцплощадки постоять, на людей посмотреть, музыку послушать. Обычным, ритуальным почти это у нас стало. Вдруг парень навстречу: идёт нетвёрдо и за голову обеими руками держится, а вблизи кровь видна между пальцами. Остановились, переглянувшись, вслед ему посмотрели, но пошли всё-таки к парку. А тут и второй навстречу: и выглядит так же, и кровь с той же стороны.

— Штампуют их там, что ли? — пробормотал Аргентина.

Немного прошли, и — “скорая” навстречу. Тут-то мы и повернули назад, к больнице: серьёзные дела, похоже...

Оказалось, драка произошла у танцплощадки между местными блатарями. Одного уже в операционную взяли: ножевое ранение в область сердца. Оперировал заведующий хирургическим отделением, серолицый, заморенного вида мужик лет пятидесяти. Я всегда здоровался с ним особенно уважительно, хорошо представляя, какое это бремя и какая ответственность — хирургией здесь заведовать. Будешь и заморенным, и серолицым!

Попали мы к самому началу: рёбра над сердцем хирург здоровенными кусачками перекусывал. Да так быстро, грубо, смело! И смотреть, и слышать хруст рёбер под режущей сталью было жутковато... А вот и перикард, а вот и сердце бьющееся, живое... Хирург низко склонился над операционной раной и всё закрыл, лишь затылок его с потными, жалкими какими-то из-под шапочки волосами было видно. Наконец выпрямился и чуть развернулся боком:

— Вот рана на сердце, вот...!

Да, был надрез на сердце виден, и надо было его показать: и редкость, и действиям хирурга объяснение. А то и оправдание...

Операция на сердце в райбольнице! И посторонний парень вдруг в операционной — корреспондент газеты местной...

Операция закончилась успешно, больного в реанимацию поместили, и он быстро на поправку пошёл. В районной же газете появилась статья про уникальную в здешних условиях операцию. Плохонькая, решил я, статейка. Конечно, последняя самая фраза, расхохотаться прямо-таки заставила: “А в больничном саду разрывались от счастья сердца соловьёв...”

Через много лет прочитал где-то, что орнитологи, знатоки соловьёв, считают такое вполне возможным: напряжение организма соловьиного при пении очень велико. Тут-то мне и вспомнился дурной мой хохот над “красивостью” в районной газетке...

А вскоре и ещё одна “удача” на нашего заведующего хирургией свалилась: первый секретарь райкома с язвенным желудочным кровотечением на операционный стол к нему попал. Редкость, таких “тузов” обычно в областную

больницу везут, но тут экстренный был случай. И вновь всё прекрасно обошлось. И даже на долечивание в областной центр секретарь ехать отказался. Сказал, что “своим” докторам доверяет. И фамилию его помню: Батеха. А вот фамилию хирурга — нет. Зато лицо его запомнилось своей серой замученностью. И шапочка мятая, на сторону сбита...

6

Была библиотека рядом с институтом, и всю жизнь она вспоминается как милое, уютное, родное прямо-таки пристанище на целых пять лет. Подарок судьбы! Крохотный зальчик на несколько трёхместных столов, кафедра для библиотекаря, за ней — стойки-стеллажи, а на них — книги. Да ещё и свободный доступ к ним, что было в ту пору редкостью. Именно здесь я главное для себя знание-понимание литературы постиг самостоятельно, по мере возможностей и сил. И первые рассказы написал, которые, как мне казалось, чего-то уже стоили...

Бывал я в библиотеке чаще всего днём и заставал там всего нескольких, одних и тех же чаще всего посетителей. Особенно запомнился плотный широколицый мужик в полковничьем мундире, не разгибаясь строчивший что-то в толстых общих тетрадах. И, поразительно: макавший деревянную ученическую ручку в чернильницу-непроливайку. Я даже у библиотекарши спросил — что за чудо такое? Полковник оказался отставником и студентом-заочником Литературного института имени Горького...

В библиотеке у меня было два дела — читать и писать. Читать, чтобы хоть немного ориентироваться в безбрежном океане литературы. Маяк некий найти, мне именно близкий, родственный, вот на него и держаться, когда сам пишешь.

Писанием своим я и гордился, и стыдился его. И скрывал от всех по мере возможности.

Соорудив перед собой высокую стопку из выбранных с большим тщанием книг и журналов, я или писал за этой маленькой “баррикадой”, или читал что-нибудь. Книжки были — классика наша в основном и журналы: “Новый мир”, “Юность”, “Иностранная литература”. Писал же рассказы, как сам это определял, или просто куски текста, самому себе неясные. То быстро, многословно, то возясь подолгу с каждой фразой, меняя и переставляя слова. Кончал же работу с ощущением исполненного долга. Вот почему-то надо было мне написать рассказик маленький или просто текста кусок. Зачем надо, перед кем долг, я не мог бы толком ответить. Перед самим собой, перед судьбой своей, которую я представлял лишь судьбой писательской? Написанное казалось мне то очень даже хорошим, то совершенной ерундой. Перепады эти были очень болезненны, но я их терпел и словно бы ожидал чего-то. Оно и случилось: непривычно чёрный, особенного большого формата двухтомник Эрнеста Хемингуэя, чтение которого меня ошеломило. Было такое чувство, что я искал, искал некоей помощи, подсказки в своих попытках писать, и вдруг это получил...

Написал быстро, один за другим, несколько маленьких рассказов “под Хемингуэя”. Перечитывая каждый и сразу после написания, и через какое-то небольшое время, всегда поражался, как же они плохи. Главное, как они мертвы по сравнению с рассказами Хемингуэя. И сравнивать их было всё равно, что сравнивать живого человека с искусственной, мёртвой его копией.

Прочитал и суждения самого Хемингуэя о работе писательской. Про поиск необходимого, единственно верного слова, про “теорию айсберга”, у которого над водой видна лишь малая часть, а остальное скрыто под водой. Вот и писать, считал он, надо так же: написанное тобой — лишь поверхностная часть вещи, а главное — в подтексте, “под водой” быть должно. Понятно вполне, а сделать так я был не способен.

Осознав всё это, всё-таки продолжал попытки, на какую-то внезапную удачу надеясь. Устав же от них до тоски, начинал писать своё, туманное, как Бог на душу положит...

Через год-полтора слава Хемингуэя уже всюду шла-шумела по стране, приятно кольнув моё самолюбие: я ведь сам по себе, одиноко его “открыл”. Писать же “под Хемингуэя” стало в конце концов едва ли не модой, и даже словечко подходящее появилось: “хеминх...винка”.

А Хемингуэй так и остался одним из самых любимых моих писателей, и попытки подражать ему даром не прошли. Неприязнь к многословию сохранилась, опаска выставить напоказ самое главное, сутевое в вещи.

Под Новый год на третьем уже курсе Гребень пригласил меня на “систему”, как назывались тогда вечеринки в узком кругу. Сказал, что и “чувиха” для меня будет, девица то есть. А главное, “хата” для затеи этой имеется на улице Мира, имевшей державный, почтение вызывающий вид. Даже лестница, по которой мы поднимались, была особенная, широкая, с площадками просторными, ступенями низкими. И двери квартир лакированные, филенчатые, этому под стать. “Вот так “хата”, — думал я, с холодком неприязни и смутной тревоги ощущая несовместимость такого тёплого, родного слова со всем окружающим. А квартира была совсем уж чужда, отстранённая, начиная с выкопанных потолков. “Нам бы чего попроще”, — подумал я, озираясь.

Оказалось нас четыре парня и четыре девицы. Четыре пары, иначе говоря. Когда знакомились, хозяин квартиры тиснул меня за локоть и показал глазами, бормотнув: “Вот твоя”. Меня это царапнуло неприятно, но скоро и забылось в оживлении и шуме застолья. А там и хмель первый, разговор пёстрый с криком и смехом, а потом и танцы быстренько так раскрутились. Про “свою” я и забыл, какая была помилей да поближе, ту и приглашал. И так оно всё шло и шло вполне прекрасно, и я даже одну из девиц особенно выделил, приглашал подряд.

— Пойдём покурим, — положил мне руку на плечо один из парней.

— Договор надо соблюдать, — сказал он, когда вышли, и тут же меня в лицо кулаком ударил.

Потыкались мы секунды какие-то, и я вдруг уже на кафеле площадки лестничной лежу. Встал и опять там же оказался. “Боксёр, что ли?..” — мелькнуло. Пытаюсь встать вновь и не могу, кровь из носа льёт на кафель, и ладони по ней скользят. А тут и крик женский, голоса парней и надо мной лицо той самой “чувихи”, с которой я танцевал, и клипса у неё из уха вдруг рядом падает. Я её схватываю тут же.

— У “Спартака” завтра в восемь, — говорю. — Тогда верну.

Она шевельнула губами, но слов было не разобрать.

Встаю с трудом и вижу, что “боксёра” моего в угол притёрли, и Гребень там со своим ёжиком белобрсым...

А потом что ж? Умылся, чувствуя ладонями лицо своё набухшее. Рубашку девицы забрали, кровь свежую замыть. А ещё потом совсем странно было: сидели мы с “боксёром” в креслах напротив друг друга, встречались взглядами и молчали.

— Ещё выйдем? — сказал он, наконец.

— Нет, — говорю, — с меня хватит пока. До другого раза...

А тут и музыку вновь включили, и мы с Гребнем ушли, помахав прощально всей компании.

Я не стыд поражения в драке, а едва ли не гордость испытывал. Что сделаешь, если такой рубака попался? Вставать и вставать, пока в силах, что я и делал. Пункт, так сказать, чести защищал. К тому же и Гребень меня порадовал, сказав: “Парни восхищались твоим мужеством, когда ты мылся”. Мужество важнейшее для нас тогда было слово: точно по Хемингуэю. Сначала оно, а потом всё остальное...

А ещё вдруг вспомнил: клипса в кармане у меня. Как-то забыл я про неё в суматохе, а девица — надо же! — промолчала. Похоже, согласилась на встречу у “Спартака”, а это для меня что-то вроде победы...

Пляс лёг, не зажигая света, а утром первым делом посмотрел в зеркало: под глазами “фонари” синие, нос и верхняя губа распухли и тоже посинели. Но хуже всего оказалось с самими глазами: белки у обоих были совершенно красные. Это меня испугало: глаза не шутка. Должно же пройти, как

синяки проходят, механизм-то тут одинаковый, подумал, успокаивая себя. Осмотрелся: всё вижу, как обычно, книжку взял — то же самое. Обойдётся, только дома надо посидеть какое-то время, не идти же на люди, на свидание с такой рожей. Шарахаться будут...

Сидеть пришлось около недели, нетерпеливо наблюдая, как меняют цвет синяки и просветляются склеры глаз: от красного к коричневому, а там и к пятнышкам белым...

Вот за эту неделю, тяжко тоскуя в одиночестве, я и написал рассказ, который впервые счёл получившимся, — “Весной”. Лесник, человек одинокий и старый, лежит в райбольнице и вдруг случайно узнаёт, что умрёт скоро и неизбежно. И никак не хочет он умирать, глядя в потолок больничный, а хочет умереть у себя дома, в избе своей, на опушке леса стоящей, или, лучше всего, вообще на воле, чтоб небо в смертный час над собой видеть, а не потолок. И время для этого самое подходящее, его любимое — апреля конец. Это он и делает: умирает, упав у родного крыльца на спину и глядя на звёздное небо. “Звёзды были влажные, со слезой как бы”, — эта фраза стояла в самом конце и, оказывается, зацепилась в память навсегда...

В оставшееся до окончания института время (три года) я почти все лекционные часы в библиотеке и провёл, читал там и писал. И написал ещё два рассказа, которые оценил, как удавшиеся: “Дуб” и “Солнце”. В первом описал жизнь дуба могучего, одиноко стоявшего на окраине села, и смерть, гибель от попавшей прямо в него немецкой бомбы. Жил-был дуб лет триста, и вот на этом месте лишь воронка громадная с вывернутой наизнанку землёй вокруг... Второй, “Солнце”, — о неизбежной и скорой, вот-вот, смерти заблудившегося в пустыне человека. Один день жары чудовищной он сумел пережить с великим трудом и мукой. С немалым мучением пережил ледяную ночь, ожидая страстно, как спасения, восхода солнца. И зная, конечно, что наступающего дня ему уже не пережить. И вот оно встаёт, солнце, чтобы согреть его блаженно, а потом медленно убить. “Его последнее солнце”, — так кончался рассказ.

Три первых удавшихся рассказа — и все о смерти. Да ещё у парня здорового, спортивного, полного сил. О смерти-то о смерти, но ведь и о жизни тоже, которая так хороша и которую так жаль! Как-то они сходились, сплетались у меня, жизнь и смерть, не разделить.

Потом эти рассказы потерялись в житейских передрыгах, а жаль! Вдруг они и впрямь шедеврами были, как я и оценивал их при первом прочтении?

Так я писал и писал до окончания института, а потом в армии, где прослужил два года лейтенантом-врачом, а потом в селе Ахлебинино под Калугой и в самой Калуге, работая наконец-то врачом-психиатром.

Посылал рассказы в журналы Москвы и Ленинграда и получал их обратно с весьма одобрительными отзывами и однообразной припиской в конце: “К сожалению...”. Иногда добавлялось: “Присылайте что-нибудь ещё”.

И вдруг как прорвало. Первая в жизни публикация — рассказ “Максимыч” в газете “Труд” в 1971 году. Получил я за него третью премию в проводившемся газетой Всесоюзном конкурсе, разделив её с Вениамином Кавериным, автором знаменитого романа “Два капитана”. Моей, кстати, любимой книгой в детстве. В следующем, 1972 году — вновь третья премия в том же конкурсе, а в 1973-м — специальная премия ВЦСПС (профсоюзов СССР). Особенно радовал меня состав победителей конкурса, состоявший из известных в стране в ту пору писателей: Фазиль Искандер, Владимир Войнович, Михаил Рошин, Борис Можяев, Павел Нилин...

В 1972 году, через два месяца после моего газетного, так сказать, дебюта журнал “Нева” напечатал мой рассказ “Возвращение с войны”. В 1973-м — рассказ “Марья”, в 1974-м — повесть “На этой земле”, которую в том же году опубликовала “Роман-газета”. И тут же в 1974-м появилась в “Литературной газете” рассказ “На новом месте”.

Тиражи всех этих изданий по теперешним понятиям были совершенно фантастическими и составили для моих четырёх рассказов и повести примерно 40 миллионов экземпляров. Написал это, и оторопь взяла — неужели было?!

Местом встречи была у нас большая, ограждённая высоким кустарником площадка перед входом в институт с многими лавочками по обе стороны, на которых провёл я много то безмятежных, а то и тревожных часов. Сидишь, а перед тобой без конца народишко твой родимый идёт туда-сюда беспрерывно. И это то зачаровывает дремотно, как созерцание речной воды, а то вдруг заценил твой взгляд что-то, и вздрогнешь, и очнёшься. Вот девушка распрекрасная, полузнакомая, а жаль; вот парень могучий, соперник по гонкам лыжным; вот старец-профессор, бывший когда-то аж министром здравоохранения России; вот преподавательница английского, красивая, одетая строго, но и как-то маняще...

Изредка близкие приятели и приятельницы возникают, кивают, рукой взмахивают приветственно, а то и подходят, садятся рядом, если место есть. На минутку, а кто и на много минут. Новостями поделятся, забавное что-нибудь расскажут. Тут главное пошутить уметь, на шутках-прибаутках разговоры такие держатся.

Садился я на лавочку почти всегда после еды плотной и сытость дурманящую пережил. Народ в основном спешил на лекции, а я вставал, наконец, кряхтя притворно, и шёл в верный, всегдашний свой приют — в библиотеку. Читать и писать...

Вторым местом для “светской” жизни был “Бродвей” или просто “Брод” — так называли центральную улицу города, причём имелась в виду лишь одна её сторона и лишь в часы вечерние. В остальное время это был Проспект Революции. Молодёжь собиралась вечерами на “Бродвее”, чтобы бродить из конца в конец его, разглядывая друг друга, узнавая, сходясь, перемешиваясь, знакомясь. Клички шуточные были в ходу. У Гребня, обычного моего спутника, имелись приятели Амига и Флава. А что это значило, он, по-моему, и сам не знал толком.

Кроме перемешивания, кипения людского однообразного были и два дела: “застроиться”, то есть выпить, и “чуву заиграть”, то есть к девушке незнакомой присоединиться. “Застраивались” в забегаловке, где за купленные жетоны автомат наливал порцию дешёвого вина. Такая вот была нагая поилка, а закуску имей с собой или рукавом закусывай. А ещё проще было купить бутылку в магазине, да и распить в подходящем углу. Удивительно, что пьяных я на “Бродвее” как-то и не видывал, а вот навеселе бывали многие. Модно было в те годы быть под хмельком. Я даже о влиянии Хемингуэя подумал, герои которого пили и пили...

Главным же в “светской” нашей жизни были, конечно, танцы. Бывали они и в Тиму, и посещали мы их с девятого класса. Сходились у кого-нибудь дома вдвоём-втроём, принаряженные, как смогли, волосы примоченные перед зеркалом с бесконечным, тупым упорством со лба вверх назад пытались зачесать, ботинки чистили без крема, плюя на щётку до сухости во рту...

Танцы в клубе бывали чаще всего малолюдные, на грани с отменой. Так и говорила билетёрша и распорядительница тётя Ксюша: “Десять человек наберётся, тогда и музыку дадим”.

А вот в Воронеже в начале шестидесятых танцы стали вдруг в такой моде, будто где-то плотину некую прорвало и танцами всё вокруг затопило. Летом на танцплощадки надо было втискиваться, как в трамвай. Зимой танцевали в конференц-залах институтов многочисленных, и попадать туда приходилось с боем. Бригадмилцев-охранников толпа напирющая иногда сметала, а то и двери срывала с петель. Куда, зачем все так уж стремились? Пару себе найти, хотя бы на время краткое танца. А вдруг и подольше? А вдруг и надолго?

Летом девушки были очень хороши загаром, запахом реки и солнца от волос, пляжной бездумностью таинственной, до вечера задержавшейся в глазах. Зимой были тоже очень неплохи расслабленностью в жаркой духоте зала, дурманящим запахом духов и пота, горячими под тонкой тканью талиями...

Я считал, что танцевать кое-как умею. Танго — два шага в сторону, один на себя, и снова, и опять. Фокстрот — три шага вперёд, три назад

и так далее. Теперь же и этого не требовалось, чаще всего из-за тесноты. Можно было прижать партнёршу к себе покрепче и переступать с ноги на ногу музыке в такт или вообще как придётся. Эту манеру я сразу же счёл самой лучшей и придерживался её всю свою танцевальную карьеру.

Милы, именно милы были танцы в читальном зале общеджития. Сдвигались столы и стулья, и на освободившемся месте танцевали совсем подомашнему, часто в той же самой одежде, в которой только что на кровати валяться пришлось. Тут и подурачиться можно было, и посмеяться вволю. Хоть на пять минут загляни сюда, а хоть и надолго задержись, и уйди, в конце концов, куда-нибудь на чёрную лестницу с подружкой...

Как ни бедны почти все мы были, но рестораны случались-таки, да не так уж и редко. Приспособились: брали водку с собой и заказывали сыр и минеральную воду. Официантки смотрели со злостью, принимая заказ, но всё-таки принимали.

Первый ресторан в жизни — “Москва”, самый главный в городе, старинный, бывший “Бристоль”. С дверью высокой и тяжёлой даже на взгляд, лестницей пологой, широкой, покрытой красной, вытертой до белизны местами ковровой дорожкой. Многих повидала эта лестница: молодого Бунина, белого атамана Мамонтова, который на коне по ней в ресторан въехал...

В оркестре выделялся старичок-скрипач, всегда в аккуратном чёрном костюме и с чёрной бабочкой. Изредка он играл на заказ (давали трёшку или пятёрку), и впервые услышанный “вживую” звук скрипки меня поразили сладкой печалью и одинокостью. Лучшими вещами были “Осенняя песня” французская, модная тогда, и “Маленький цветок”. Старичка-скрипача звали Зяма, и говорили, что он играет в ресторане с незапамятных времён. Хорошо он играл, и при этом почти не танцевали, а слушали. И даже гул разговорный обычный притихал.

Решиться пригласить даму, даму именно, было нелегко и тревожно. Дело целое! Но если оно удавалось, то странный, стыдноватый такой восторг накачивал...

А запросто можно было в вокзальный ресторан заскочить, оголодав, и съесть быстренько полпорции рассольника с целой тарелкой орловского вкуснейшего хлеба. Висели там две здоровенные картины. Одна очень длинная, очень узкая и совершенно ресторану чуждая: ровная, пустынная степь с заходящим туманно-красным солнцем. И всё... Я с первого взгляда картину полюбил и всегда старался сесть так, чтобы её видеть. А вторая картина, ресторанный вполне, изображала семейный пикник на природе, на травке, на берегу речки живописной. Была на ней парочка стариков, парочка молодых и дети, тоже парочка. Лица у всех светились таким довольством и счастьем, что неприятно было смотреть.

В последнее время, кстати, во многих людных торговых местах и даже на будках грузовиков с продуктами появились точно такие же картины-картинки с этим самым счастьем на лицах людей. Из молодости явились через целую жизнь...

8

Огромной частью жизни всегда, с детства самого был спорт. Мы и слова ещё этого толком не понимали, а занимались им в самых разных видах каждый почти день. Кто кого обгонит в беге, на лыжах объедет или коньках, кто дальше нырнёт или проплывёт быстрее, кто дальше камень бросит или каменюку тяжёлую толкнёт. Подрастая, начинали и в высоту и длину прыгать, и самодельные копыя и диски метать. Даже с шестом прыгали на рыхлом после только что выкопанной картошки огороде. Были и опасные дела, как хождение по верхней перекладине трапеции на школьной спортплощадке или прыжки в воду с высокого обрыва вниз головой.

Бегать я любил так, словно для бега, а не для ходьбы и на свет родился. И часто бегал по всяким-разным делам, потому что так приятнее и легче было.

Главным успехом было третье место на областной Олимпиаде школьников в беге на сто метров. И приз получил: серебряный, как сказал тренер, подстаканник. Пропал он куда-то, а грамота цела, и результат мой там обозначен: 11 минут 2 секунды. Прекрасный результат, целую карьеру спортивную суливший...

Тренером в любимой моей лыжной секции был Николай Дмитриевич Кузнецов, “Дмитрич”. Лет пятидесяти, невысокий, крепенький, с морщинистым добрым лицом и взглядом грустно-приветливым. Гонщик в прошлом. На пропуск тренировок он смотрел сквозь пальцы, а вот неявку на соревнования воспринимал болезненно. По этой причине я несколько раз больным на гонку выходил и неизменно после неё выздоравливал. Чудо маленькое, но объяснимое: напряжение гонки вылечивало.

Очень хороша была институтская лыжная база: финский домик в берёзовой рощице на самом краю города, у конечной трамвайной остановки “Лесной институт”. Институт ещё при царе существовал в прекрасных, величественных двухэтажных жёлтых корпусах. На базе было уютно: большая комната с низкими лавками вдоль стен, печка горячая, да ещё и с грудкой берёзовых поленьев рядом. Была и другая комната, в которой жил здоровенный парень, наш студент, с миниатюрной, милой очень женой. Он отопление и присмотр за домиком обеспечивал и даже деньги небольшие, *сторожевые* за это получал.

Приятно было неторопливо переодеться из обычной одежды в спортивную, с лыжами повозиться, с девчонками пошутить, смех их чудесный послушать. А после тренировки с наслаждением пить сладчайший кипяток со свежим чёрным хлебом. Тут как-то и примолкали все, в наслаждение это своё, честно заработанное, погрузившись.

Хлеб и сахар неизменно приносил нам Дмитрич. Покупал на свои, словно это обязанностью его было. Сижу как-то после тренировки, кипяток блаженно попиваю, и так приятно мне видеть напротив кирпично-красную мордашу Королёва, “Короля” нашего. И вдруг вспоминаю, как же я ненавидел спину его час какой-нибудь назад, как держался за неё почти зубами...

...К концу четвёртого километра был разбитый, туго укатанный спуск. Выбежав на его гребень, я увидел залитую солнцем ложину, склоны которой были густо усыпаны лыжниками. И как странны показались замершие в мгновенном взгляде их спокойные фигуры перед тем напряжением и страстью, что были во мне! Я бросился вниз, отталкиваясь палками, но они помогали мало, без упора почти проскакивая назад. Встречный ветер охлаждал глаза, сосал слёзы. Внизу увидел перед собой только одного гонщика, оглянулся — второй стоял на середине спуска, весь осыпанный снегом.

Лыжня пересекала дно ложины и сразу же косо шла вверх: последний на дистанции “тягун”. Нужно было вложить в него все силы и уже на нервах пройти поляну перед финишем. Свернув с заледенелой, не держащей лыжни, побежал рядом по плотному снегу. Вся тяжесть уже пройденной дистанции легла на меня. Слабели ноги, немела спина, и только руки ещё работали, тянули, вытягивали. В виски туго и часто била кровь, снег смутно белел, казалось, у самых глаз, весь в красных и чёрных, плывущих разводах. И ни на мгновение нельзя было прервать невыносимую эту работу!

В конце “тягуна” я настиг-таки лидера, и несколько секунд мы шли рядом. Тела наши не соприкасались и в то же время были сцеплены невидимыми, напряжёнными нитями, словно в яростной, грудь в грудь, схватке борцов. Тягостно, медленно, за сантиметром сантиметр, я уходил вперёд, преодолевая удерживающую, хоть и невидимую хватку соперника... Подъём уплощается, всё больше накат, всё свободней движения. Мелькают последние деревья, за ними яркая белизна поляны, парусящее на ветру полотно финиша, толпа. Не глядя, но остро чувствуя последнюю приближающуюся черту, бегу яростно, с мукой и самозабвением. Ещё пятьдесят метров, ещё двадцать, вот уже разбегаются, убегает от меня, оглядываясь, Виктор. Последнее усилие, ускользающее плечо товарища под рукой, которому я передаю свою муку и страсть...

После соревнований обедаем в столовой Лесного института неподалёку. Шумная, топочущая, разгорячённая ватага наполняет зал. Он просторен, в огромных окнах небо, обрезанное понизу зубчатой кромкой леса. Едим, как и бежали, жадно, азартно, много.

Вечером долго не могу заснуть. Лежу, чувствуя себя лёгким, сладко пустым. Перед закрытыми глазами снова утренняя лыжня, плетутся повороты, мелькают деревья, подъёмы, спуски. Прохожу так почти всю дистанцию, пока не засыпаю...

“Ночной патруль”, — случилась в моей спортивной жизни такая гонка. Написать, и то приятно.

Собрались на всегдашней “стартовой” поляне у Лесного института под полной, яркой луной. И тишина под стать, только голоса наши ненужные.

Маршрут был до Рыбацкого посёлка, потом по берегу реки до оврага, а ещё потом — назад, к поляне. Нехитрое дело, но это при такой луне, а если бы темнота была? На лыжню полагаться только, больше не на что. А кто заблудился, тот и проиграл.

Было и ещё одно отличие от обычной гонки: карабин за спиной. Настоящий, только просверленный в нужном месте. И надевался он, как рюкзак, на две широкие лямки, и висел вертикально за спиной.

На дистанцию мы уходили по очереди, с разрывом в минуту, и я сразу почувствовал, что дело неладно: при сильном отталкивании палками и наклоне ствол карабина бил в затылок вполне ощутимо. Стартовый азарт гнал меня вперёд, а “подзатыльники” придерживали всё сильнее. А вот уже и обошёл меня парень из университетской команды, и, подержавшись немного за ним, я всё и понял. Карабин у него был закреплён за спиной так плотно, что никаких “подзатыльников” гонщику не доставалось. Сообразив это, я резко замедлился и почти остановился. Тут и ещё меня кто-то обошёл с так же закреплённым карабином. Ясно было, что продолжать гонку не имеет смысла, если приличное место иметь в виду, но “сойти”, назад вернуться было совсем уж позорно. Вот я шёл и шёл вперёд прогулочным почти шагом, стараясь ударов от карабина поменьше получать. Гоночный азарт погас понемногу, оставив после себя горечь неисполненного долга. Зато прелесть зимней лунной ночи в лесу раскрылась вдруг, как сказка. И сама луна, до краёв полная, и свет её на искрящемся, пушистом снегу, и таинственное переплетение теней вокруг, и снеговые, толстые пласты на сосновых ветках, которые изредка рушились вниз, на голову и плечи, как ливень.

А вот и хибарки жилые чернеют, приткнутые к довольно крутому здесь речному берегу, и окна светятся, и столбики короткие дыма белеют под луной...

Рыбацкий посёлок! Мы с Гребнем побываем здесь следующей осенью, искупаемся в ледяной, прозрачной до невидимости почти воде, и я впервые в жизни увижу, разгляжу подробно, что такое настоящий, щедрый листопад. Это когда солнце, тишина, небо синее, плотное у самых, кажется, глаз, а вокруг с деревьев, застывших в полной неподвижности, часто падают вниз, льются сами собой листья: жёлтые, красные, лимонные. И на голову вдруг упадёт лист, и лица чуть коснётся...

После гонки Дмитрич объяснялся по поводу незакреплённых карабинов, но так неловко было слышать его виноватый голос среди лесной, лунной тишины, что я отошёл подальше. А вернулся, когда он уже доставал термос, хлеб и сахар. И подумал вдруг, что он нам не тренер, а добрый дядюшка. А в эту вот ночь даже и Дед Мороз...

Соревнования по слалому, первенство города. Крутой берег Дона, солнце, лёгкий ветерок, морозец. Слаломные лыжи, горнолыжные ботинки, всё новенькое. Ботинки особенно удивительны — мощные, на подошве толстой, с ложбинкой на каблуках для креплений. И пахнут чудесно, терпко, кожей настоящей. И легки неожиданно, и по ноге как раз.

А вот трасса слаломная смущает: уж очень флажки стоят тесно, не пройти... Так и вышло — все падали один за другим или с трассы вылетали.

Остановили соревнования, судьи и тренеры в кружок сошлись, говорят-советуются, на трассу смотрят, руками что-то показывают... Начали переставлять флажки, раздвигать в основном, а кое-какие убирать вообще. Дмитрич к нам, двоим своим парням, подбежал, встрёпанный такой.

— Мазь меняем на плюсовую! Быстро-быстро!

— Тупить же будет! — воскликнул Самохин, бойкий паренёк. — Палками тогда работать, что ль?!

— И палками поработаешь, если надо! — крикнул Дмитрич с редкой для него злинкой.

— Нет, я не буду перемазывать, — сказал Самохин. — Трасса полегчала, пройду.

— Смотри, не пожалей! Ну, а ты?

Сложная для меня была минута. Тормозящей мазью мазать было нехорошо, стыдно, но без этого пройти трассу мне вряд ли удастся. Если и не упаду, то с трассы вылечу скорей всего. А главное, Дмитрича жалко, ему-то не до стыда, зачёт — вот что главное...

— Чего не сделаешь для зачёта, — так и сказал.

Трассу я прошёл на удивление удачно: не быстро, но и не так уж медленно, без позорности, которой так боялся. И Самохин, молодец, не подвёл, устоял, в числе первых оказался. Дело это перед самыми зимними каникулами было, и я попросил Дмитрича дать мне лыжи и ботинки домой, чтобы на родной своей горе потренироваться. Долго он молчал, хмурился, пока не махнул рукой:

— Ладно, так и быть, бери! Но помни — три стипендии с тебя, если утереешь...

Дома мне повезло: на нашей горе оказался крепкий, вполне меня державший, наст, да ещё присыпанный пушистым, лёгким снежком. Идеальное для спуска сочетание. Вот тут уж я дорвался! Поднимаясь на гору после спуска, видел свои следы, круто изогнутые, перепутанные между собой и просто глазам не верил: неужели это я на скорости, слёзы выжимающей, только что здесь ехал-летел?

Пятый курс, начало зимы. Стоим в пригородном парке у лыжного трамплина: Дмитрич, тренер по горнолыжному спорту Иванчук, мой приятель Женька Лахин и я. Мы с ним держим у плеча прыжковые лыжи, широченные и высоченные. А перед нами сооружение огромное, высокое, из брёвен и досок сделанное. Оказывается, это трамплин и есть. Немцы пленные его построили вскоре после войны. Удивляюсь, услышав: неужели ничего нужнее построить не нашлось? Мощиость трамплина 40 метров: то есть можно, прыгнув, столько пролететь. Это меня озадачивает. Насыпали мы в Тиму трамплины из снега, улетали метра на три, но сорок?

Тренер объясняет чуть виновато, что есть маленький трамплин, учебный, метров на десять, но он на ремонте и придётся начинать сразу с большого. И прыгать сегодня не надо, а просто съезжать. Ну, и от “стола отрыва” до спуска чуть пролететь. Пустяк. Долго поднимаемся на трамплин по деревянной длинной лестнице: мы с Женькой и Дмитрич. Зачем он с нами пошёл, непонятно: обнять, что ли, на прощанье?

Сверху трамплин кажется жутко высоким. На площадке стоит несколько прыгунов: очередь, надо ждать. Вот скользнул вниз последний из них, резко встал на “столе отрыва”, взлетел, скрылся и вновь возник тут же в самом низу. Теперь моя очередь, и я начинаю поспешно растёгивать ватник, чтобы Дмитричу его передать, но он придерживает меня:

— Оставь...

Я киваю, не задумываясь, выхожу к краю площадки, и вдруг кто-то хватает меня крепко за локоть:

— Сними, позорник!

Путаясь пальцами, сдёргиваю ватник и кидаю его Дмитричу со злостью. И с той же злостью “сажусь на горшок” (выражение тренера, тоже позорное) и на злости этой отвлекающей “съезжаю” с трамплина без прыжка.

И без всякого страха, злость его не допустила. Так и ездили мы, “сидя на горшке”, всю эту тренировку. Я не упал ни разу, а Женька падал, не было у него моего тимского опыта. Он падал тревожно, как-то враслопырку, и тренер сказал, что падать тоже надо уметь. Расслабиться постараться и руки за голову тянуть.

На второй тренировке я встал впервые на “столе отрыва” и полетел. Секунду какую-нибудь, но и она меня ошеломила. Было такое ощущение, что я всегда в путях каких-то ходил, и вдруг они исчезли. Не только с тела, но и с души. И я словно бы ждал этого и наконец-то дождался. Остаток тренировки был сам не свой: хотелось прыгать снова и снова...

Следующей тренировки ждал, как любовного свидания ждут. Трамплин вспоминался навязчиво, ход прыжка до подробностей мелких и главная его часть: блаженство полёта. Попал на крючок. Потом выяснилось, что не я первый, что все прыгуны так попадаются. А суть этого мне, пятикурснику-медику, понять было нетрудно: экстремальная ситуация, выброс гормонов, кайф... Но от понимания легче не становилось — подай мне трамплин, и всё тут!

Допрыгались мы с Женькой понемногу метров до пятнадцати-двадцати, и тренер был нами доволен. А тут и соревнования по лыжному двоеборью подоспели на первенство “Буревестника”: прыжки и гонка на десять километров. По прыжкам я оказался где-то в хвосте, а по гонке — в числе первых. В общем же зачёте — третье место! Да ещё и возможность поехать на “зону” в Тамбов.

Перед очередной тренировкой оказалось, что тренер заболел. Ну, мы и решили попрыгать без него, чтоб кайф не пропускать. Добрались до трамплина, который оказался бесплодным, да и приступили. Но всё кончилось, едва начавшись. Упал Женька при первом же прыжке и не встаёт, копошится беспомощно. Я к нему: “Нога, — бормочет, — нога...” По тому, как он вёл себя, как вставал тяжело с моей помощью, понятно стало: перелом голеностопа скорей всего.

Лыжи я отдал на хранение сторожу в будке, и побрели мы с Женькой с черепашей скоростью к трамваю. Прыгал он на одной ноге, на меня грузно заваливаясь. А на подъёме, перед выходом из парка, попутный парень помог, а потом и с посадкой в трамвай тоже. И вторая была удача: как раз у травмопункта тот имел остановку.

В конце концов выяснилось: да, перелом, и сустав повреждён, что было хуже всего. Ожидая результатов обследования, я чувствовал смутновину какую-то свою. Словно грозила нам с Женькой некая общая беда, он на неё первым вышел и меня собой прикрыл. А не он, так я бы поломался, уж очень разгорелись мы в своей эйфории прыжковой. Я особенно, по моему предложению настойчивому и поехали, он-то согласился с неохотой...

Проводив Женьку в “травму” областной больницы, я вышел в простор серенького, мягкого мартовского дня. Большая грусть-тоска на меня накатила. А я ведь не знал ещё, что будет этот день концом моего спортивного пути. Не до спорта станет...

9

Конец четвёртых, уже летних каникул, завтра в Воронеж отъезд. Невнятное чувство чего-то здесь, дома, недоделанного возникает во мне с утра раннего и не в первый уже раз. Словно долг на мне важный, но размытый, в слова не переходящий, висит. Перед кем, перед чем? Или что-то своё я упускаю, упустил, может, уже? Ответа нет, и одно остаётся: выбросить это из головы и последний дома день прожить получше...

Утро солнечное, тихое, роса на грядках огородных остро вспыхивает-блестит. Попадаю взглядом на оставленный в сторонку чурбак, оставшийся от недавней колки дров на зиму. Подхожу, пинаю чурбак ногой, рассматриваю долго. “Не он ли над душой, как дело несделанное, висит?” — усмехаюсь про себя. Нет, не он, но расколоть его всё равно надо. И не откладывая,

вместо зарядки. Мудрёный чурбак, словно узел огромный, туго завязанный. От одного долгого взгляда на него усталость предчувствуешь...

Вспоминается, как на школьных каникулах перекололи мы с Генкой огромную гору чурбаков свеженапиленных во дворе соседней аптеки. Денег подзаработали. Я так глубоко в это дело вошёл, что просыпался по утрам с мыслью радостной: опять дрова колоть!

Из-за развесистой, в красных крупных яблоках яблони появляется матушка с ведёрком. И в нём яблоки, такие яркие, огромные, что так и тянется к ним рука — поддержать хотя бы, покачать на ладони, живой яблочный холод ощутить. И не удержаться, захрустеть пахучей, сладкой с кислинкой, брызжущей соком плотью.

— Может, возьмёшь? — спрашивает матушка просяще.

— Нет, что ты, тяжелы они уж очень.

— Ну, смотри... — вздыхает матушка. — Своя-то ноша не тянет...

Накормить хорошенько, с собой дать побольше — в этом для неё первое, очевидное самое проявление любви. И ещё обнимать людей она любит очень. И целовать тоже...

На днях зашёл к ней в аптеку, да и постоял в углу, посмотрел, как она работает, “отпускает”, по её выражению, лекарства по рецептам, записывая при этом что-то в большую, толстую амбарную книгу. Халат и шапочка белейшие, накрахмаленные, а круглое лицо её такое доброе и светлое, что каждый, обращаясь к ней, тоже, кажется, светлеет. И добреет, возможно. А я смотрю и смотрю, и не могу оторваться. И понимаю вдруг пронзительно, что ей всего лишь сорок шесть лет! А в сорок пять, по пословице, “баба ягодка опять”...

Всю войну мы с ней и с её младшей сестрой прожили в крохотной деревеньке Красный Камыш в десяти километрах от Тима. И она как-то рассказывала мне, что всё время там ждала, посматривала на дорогу: вдруг Вася покажется? Муж и мой отец. Ждала, да не дождалась...

Матушка уходит, а я приношу топор и вновь чурбак рассматриваю, хорошо зная по опыту, что есть, должно быть в нём такое место, при ударе в которое такие узловатые чурбаки неожиданно легко раскалываются. Не найдёшь — долго мучиться будешь. Нахожу его довольно быстро. Чурбак даже крикает, то ли с сожалением, то ли с облегчением разваливаясь на две половинки... Завтракаю символически, зато чай завариваю, как всегда, крепчайший. Матушка видит это с грустью, скорбью даже в глазах, но молчит. Объяснять пришлось не раз, что так надо для работы. А “работа”, то есть сидение за столом над бумагой с карандашом в руке, вызывает у неё смесь уважения и тревоги. Что там такое пишет по утрам сынок? Не на писателя ведь, на врача учится... А я и сам с ней это чувство разделяю отчасти — к чему это, зачем и какой конец этому будет? Да и будет ли?

За каникулы я написал три небольших рассказа и теперь перечитываю их один за другим. Писание своё я скрывал, но когда-то и открыты его придётся, отдать или послать куда-нибудь. Но потом, потом. Может, и почувствуешь вдруг: теперь пора. А пока доволен будь, что каникулы прошли не впустую.

Как они похожи, дни каникулярные, словно один и тот же длинный, длинный день. Вот и сейчас писательское моё сидение закончилось, а за ним, как обычно, бег, купание в пруду, большой обед, сон недолгий, баскетбол на школьной спортилощадке и Ирина, Ирина...

Шёл на свидание с ней в ранних, тёплых сумерках. Прямо передо мной на чистом, тёмно-синем небосклоне висела половинка луны, похожая на крохотное облачко. Изредка взглядывая на неё, я замечал, как она набирает силу, становится всё ярче, вступая понемногу в ночные свои права.

Чувство неисполненного какого-то долга, смутно беспокоившее меня в последнее время, вновь шевельнулось при виде луны. У Ирины же шестой курс, подумал вдруг, будто открытие важное сделал. А на шестом женятся все, кто только может.

О женитьбе на Ирине я раньше и не думал как-то, а просто уверен был, что она непременно случится. Когда-нибудь. А раз так, то чего и думать, если

и без того хорошо. Теперь же как щёлкнуло внутри: пора! Увести ведь могут девуку...

На мосту, месте встречи, я остановился ждать, глядя то вниз, на поблёскивающую под лунной водой, то в сторону, откуда должна была появиться Ирина. Лёгкий приречный туман, чуть подсвеченный лунной, висел вокруг таинственно. А вот и Ирина, тёмное такое пятно, а вот уже и силуэт её, а вот и она сама с руками прохладными, телом тёплым. В этом её появлении, возникновении медленном и неуклонном было что-то подтверждающее только что решённое мной.

Она тут же сказала, что у верхнего их огорода солома свежая есть, там и посидеть можно. Скоро и оказались мы на этой соломе, и такой она была приветливой. И пахла чудесно, не только хлебом, но и домом родным. И вольно было в ней, и удобно!

— Давай поженимся, — сказал я.

— Давай, — быстро и просто ответила она.

Домой я возвращался на рассвете, напористо шёл в гору, с радостью чувствуя своё молодое, сильное тело. То бежать хотелось, то смотреть в небо. Луны больше не было, зато прямо передо мной на светлеющем небосклоне сияла, переливаясь, яркая голубоватая звезда. Она показалась мне даже лучше, интереснее луны. Венера, звезда утренняя. Но и вечерняя тоже...

10

Застолье, проводы меня в Харьков — жениться. Мне странно как-то, неловко, сам себя я, что ли, провожаю? Прощаюсь с самим собой, холостым? Или это приятели меня холостым провожают, а встретят уже женатым?

У троих за столом удивительные фамилии: Пугаев (Аргентина), Шалунов, Убогий. Как из одной какой-то бедовой команды. Но и более разных людей трудно найти, уж я-то знаю.

Пьём “сучок”, закусываем субпродуктами из здоровенной, зелёной консервной банки и “чернушкой”, хлебом. Шалунов, жгучий красавец, ведёт рассказ о елецкой своей жизни с уголовным уклоном. Оно и понятно, “Елец всем вора́м отец”, кто этого не слышал. Любит он свой Елец и им гордится.

Я то слушаю, то нет, и вдруг знакомое что-то мелькает: “Засосна”, “Мотя, утиная головка”... Да это же из “Жизни Арсеньева” бунинской, из описания Ельца! Городской дурачок был этот Мотя, издевались над ним, а похороны елецкие купцы ему устроили роскошные. Какую же толщцу времени память об этом Моте пробила...

Потом Аргентина рассказал, как он невинность вскоре после окончания школы потерял. Странно было услышать это слово от мужика с грубым, разбойничьим лицом. Работал он в депо железнодорожном, и пришлось ему шлаковую яму чистить вдвоём с пожилой, злой тёткой. Когда кончили, повела она его в станционное общежитие рядом, грязь под душем смыть. А потом и в комнату свою завела, налила ему водки, и сама выпила. И в постель затащила. И как-то выходило у него, что она и плохая была, и хорошая. И всё казалось мне, что именно он, дружок мой Пугаев-Аргентина, должен бы рассказы и повести писать...

Поздним вечером был вокзал, перрон, мороз, скрип снега под ногами, пар от дыхания. Генка уезжал со мной как друг старейший, а Пугаев с Шалуновым нас провожали. Вышито было крешко, и врезалось в память, как они, хмельные, сначала идут за тронувшимся вагоном, а потом и бегут, размахивая прощально руками...

Харьков встретил нас таким же морозом, только света в пасмурный день было по-южному больше. В загс пошли мы с Ириной, её подружка Лера и мои друзья Генка и Гребень, учившийся в Харькове. Так тепло там было с мороза и так приятно-таинственно от бордовых стен. И на Ирине было красное платье из особенной, пухловатой словно бы материи, и лицо раскраснелось под стаять, и глаза сияли с мороза.

На мне был чёрный костюм, первый в жизни, да не купленный, а пошитый в ателье. Гребень в этом деле мной руководил, и ткань выбрал (трико),

и ателье, лучшее в городе. А рубашка была без галстука и чёрная. Тут уж я сам решил, по смутному какому-то позыву...

Сочетание интимности нашего дела с официозом учреждения вызывало протест, желание отклониться. Ну, я и отклонился: шампанское предложенное отверг и фотографироваться отказался. И с Ириной при этом не посоветовался, даже взглядом. Нет, и всё! Нам-де не до ваших глупостей...

А дальше, вечером, в предоставленной нам тётушкой Ирины квартире, получилось совсем уж дико. Подруги Ирины и мои друзья сидели молчаливые, напряжённые и даже пили, казалось мне, неохотно. Ну, я и решил для оживления прочитать свой любимый, маленький бунинский рассказ “Темир — Аксак-Хан”, крайне мрачный, но и радостный одновременно в самой тайной глубине. Думал, наверное, клин клином вышибить, но не помогло. Всё тот же дух тоски и разобщённости витал над бедным нашим столом. И тогда я, окончательно отчаявшись и разозлившись, попросил дорогих гостей уйти. Незачем маяться без нужды, так и сказал. Ну, гости и ушли послушно.

Остались мы с Ириной вдвоём на широченной, покрытой огромным ковром тахте, и стало нам наконец-то хорошо...

На другой день погуляли по центру Харькова, переглядываясь и улыбаясь друг другу онемевшими от мороза губами. Потом посидели в круглом, стеклянном, похожем на аквариум ресторане. Ирина выглядела не то чтобы радостной, но спокойной и довольной, и это как раз было лучше всего. Я тоже, в лад ей, чувствовал нечто похожее. Сознание правильности нашего поступка общего — вот что было главным. Но и радость вдруг укальвала откуда-то из глубины: сидит-то передо мной не просто подружка Ира Попова, а жена! Приятно и значительно слово это про себя говорилось. И ещё чувство ответственности за неё, за нас обоих, незнакомое раньше, возникало вдруг... Я и срок любви нашей посчитал впервые — семь лет.

Ровно в полночь мы уезжали в Курск, а оттуда домой, в Тим. Мороз ещё усилился, а площадка с автобусами была покрыта громадным, серовато-белым облаком пара и выхлопных газов.

В автобусе оказалось довольно тепло, да и ехали мы, обнявшись, согревая друг друга. Чудесно было покачиваться вдвоём на быстром ходу автобуса, дыхание Ирины чувствовать на щеке, ближние и дальние огоньки видеть в полузамёрзшем оконном стекле...

Свадебное застолье в Тиму было совсем иное, чем в Харькове: тесное, шумное, жаркое, радостное. Мы с Ириной сидели во главе стола и без вина хмелели. Радость, витавшая прямо-таки над столом, особенно удивляла. Одним хмелем её невозможно было объяснить, что-то иное тут было, серьёзней и глубже.

А на позднем зимнем рассвете я проснулся от стука в окно. Оказалось, дядя Коля, наш родственник, в застолье бывший, пришёл опять и попросил с порога:

— Тысяча извинений! Дай в зев плеснуть что-нибудь, мотор горит...

Получил он и в “зев”, и с собой пузырьёк со спиртом. Закрывал за ним дверь я с большой грустью: чудесный ведь человек, а вот пропал же пропадом... И ошибся.

Всё потерял дядя Коля: и семью, и работу начальником немалым, и остался один в своей, подзаборной уже почти жизни. Больше ему и терять было нечего, разве что жизнь саму. И вдруг узнаю, что завербовался он на год куда-то на Севера, на лесоповал. Лечебный курс работой там пройти решил, такое было его объяснение. Через год вернулся непьющим, на тяжёлом новеньком мотоцикле “Урал” с коляской. Быстро продал домишко за бесценок и уехал на том же мотоцикле. Новую жизнь начинать.

Оказалось, что списался он, на лесоповале будучи, со своей первой, школьной ещё любовью. Она согласилась встретиться, и зажили они вместе, и живут хорошо. Очень далеко где-то...

Подобные истории слыхивал я не раз, и всегда они бодрили, радовали душу. Есть, значит, для человека и такой упор перед самой уже погибелью. Первая, такая далёкая, полузабытая и вдруг такая уцелевшая любовь...

Закончив институт, Ирина была направлена на работу в Сумскую область. В Сумы мы приехали поздним вечером. Ирина с подругой заночевали в вокзальной комнате отдыха, а я в подвале, в багажном отделении, на каком-то здоровенном, старинного вида сундуке. Прекрасно поспал с толстенной книгой Бунина под головой. И дамы мои были ночлегом довольны и веселы, и утро было чудесное, обещавшее жаркий и долгий летний день.

Они отправились в облздравотдел, а я погулял по городу и был совершенно им очарован. Уютный, зелёный, спокойный, с добродушными, улыбающимися жителями, со спокойным, губернских времён центром и тишайшей, зеркально сияющей рекой Псёл в низких, зелёных берегах. И перекусил прекрасно, сидя на лавочке в сквере, вкуснейшими тёплыми, домашнего вкуса пирожками с картошкой. Пирожковый уличный опыт был у меня огромный, но такая начинка встретилась впервые и согрела не только желудок, но и душу.

Ирину я встретил уже на улице и в который раз удивился, как она хороша, несмотря на пятимесячную беременность. Да та и незаметна почти, так, лёгкая припухлость лица и лёгкая прибавка в стане, по-старинному говоря.

Оказалось, что направили её на должность детского врача в село Юнаковку недалеко от Сум и что ехать туда можно было прямо сейчас, рейсовым автобусом с автостанции. Обрадовала близость города, а остальное как-нибудь уладится, решили мы. Тем более что работать ей придётся совсем недолго, до декретного отпуска, а потом видно будет.

Погуляли, пообедали в уютном ресторанчике чем-то вкусно-сытным, хохлацким, и поехали на закате в Юнаковку. На полпути в автобусе стало вдруг очень пасмурно и, оглядевшись, я увидел огромную, иссиня-чёрную тучу. Она обещала обломный ливень, и хорошо было бы успеть спрятаться от него в юнаковскую больницу. И ведь успели добежать до её крайнего маленького краснокирпичного домика. Было заперто, я постучал, и дверь неожиданно быстро открылась. Высокий, сухой седовласый старец стоял на пороге с приветливым выражением лица.

— Прощу, — сказал он так, словно нас-то и ждал давно.

Вошли в большую, высокую комнату, половина которой была засыпана красно-жёлто-белыми яблоками. Густо пахло ими и бушующим за приоткрытым окном ливнем. И в старце, и в комнате было что-то неожиданное, свежее и чудесное.

Оказалось, что он в этой комнате и живёт одиноко, работая в больнице лаборантом. Узнав наши обстоятельства, предложил для ночлега свою комнату, сказав, что уж себе-то на ночь место найдёт. И мы провели в этой “яблочной” комнате совершенно чудесную ночь, как туристы в походе.

Утром Ирина пошла являться главврачу, а я — бродить по территории больницы. Она состояла из трёх одноэтажных зданий великолепной постройки: тёмно-красный, тоньше обыкновенного теперешнего кирпич, большие стройные окна, высокий фундамент и, удивительней всего, скрепы кованые, бронзовые на углах. И двери под стать окнам — филёнчатые, высокие, важные. Явно старинная была больница, что потом и подтвердилось. А дом, в котором мы заночевали, был жильём для земского врача. Чехов мог бы тут жить и работать...

Квартира для Ирины оказалась снятой, и на больничном “уазике” мы туда и поехали, мебель больничную с собой захватив: полутораспальную кровать с панцирной сеткой, стол, тумбочку, три стула. Квартирой оказалась большая и совершенно пустая комната в длинном частном доме. Вход отдельный, что порадовало больше всего.

В центре села стояло два магазина: “Продтовары” и “Промтовары”. В первом мы купили чёрного хлеба, а во втором — несколько больших, на толстой глянцева бумаге плакатов с одним и тем же изображением: девушка-красавица в белейшем халате и косынке, а вокруг неё — россыпь белейших кур с красными гребешками. Ирина хотела ими два голых окна

в своей комнате завесить. Рядом с магазинами высилась церковь из красного кирпича, приземистая и бокастая на южный манер. Недалеко от входа сидел бородастый человек в чёрном балахоне — священник, конечно. И таким одиноким казался он здесь...

Уехал я через три дня, спеша к институтским занятиям. Оставлять Ирину одну было горько и стыдно...

12

Железногорск, суэта сборов Ирины в больницу, рожать. Мне в этом как-то не находилось места. Вышел на крыльцо покурить: какая ночь! Ясная, чистая, словно замершая в ожидании чего-то.

В больнице Ирина быстро скрылась за белой дверью акушерского отделения, а мы с её сестрой Галей остались ждать в комнатке со стульями вдоль стен. Ждали и молчали, молчали и ждали. На меня накатили вдруг воспоминания о недавнем экзамене по акушерству, и от этого становилось всё тревожнее и тяжелей. Вспоминалось самое опасное, страшное прямо-таки... Время шло то медленно, то быстро. На езде с остановками похоже. Но вот, наконец, дверь белая открылась, и женщина с весёлым лицом появилась в ней:

— Всё нормально, с мальчиком вас!

Переход к радости был резким и сильным, и я ощутил его вполне физически. Вот именно “облегчение” случилось, хоть взлетай и лети. И в лунной ночи, когда мы с Галей возвращались домой, тоже что-то изменилось: то ли лунный свет потеплел, то ли сама молодая луна стала крупней и ближе. И ещё чувство благодарности было к чему-то неопределённому, всеобщему, включая и луну, и свет её, и тени резкие от света. “Три семьсот”, — повторялось и повторялось в голове. Вес родившегося сына три семьсот! А Ирина? Чудо она сотворила, и я с ней чуть-чуть...

На другой день увидел я и жену, и сына, они как-то вместе были, как одно существо. Личико сына зыбилось, то туманней становясь, то ясней. Красное и очень маленькое, а глаза, нос и губы крохотные, словно я ожидал, что всё это окажется гораздо крупней. А жена была именно такой, какой и быть должна, — усталой и счастливой.

Вечером посидели с Галей и мужем её, выпили, песен попели старинных: “Рябину”, “Степь да степь кругом”, “По диким степям Забайкалья”... И было в них что-то особенно подходящее к случаю, корневое, родовое. А ещё чувствовал я, что сильно с ними обоими и дочками их сблизился за последние несколько часов. Сын потому что у меня появился...

13

Вернувшись в Воронеж, отметил я рождение сына с друзьями-приятелями. В общежитии, где ж ещё? Во время приятного этого дела случилась вдруг весьма неприятная “заваруха”, в которой я был никак не виноват. Собирали тут же новому ректору, ну, он и показал, что “новая метла чисто метёт”. Разборка была быстрая, и всё клонилось к исключению меня из института как организатора пьянки. Вот тут как раз меня и вызвали на военную кафедру и предложили выбор: или исключают, или я пишу заявление с просьбой взять меня в армию, на полный офицерский срок. И я легко это заявление написал, решив, что его можно будет отозвать после госэкзаменов.

В общем, всё закончилось всего лишь выселением из общежития, что меня не очень-то и удручило. Учиться оставалось всего год, и жильё сразу нашлось — к Женьке Шалунову, красавцу из Ельца, на частную квартиру можно было подселиться.

Дом недалеко от вокзала по степени дряхлости был похож на дом у реки, где я жил после первого выселения из общаги, а хозяйкой была тоже одинокая старуха. Но было и отличие — высокие окна и высокие, с лепниной гипсовой, потолки. И хозяйка отличалась от прежней: говорила вполне интеллигентно с уклоном в старину, в школе преподавала, да ещё

и математику в старших классах. Нередко хохот одинокий раздавался из её большой, затрапезной комнаты — телевизор, значит, смотрела. Как-то остановила меня в коридоре, пожаловалась с недоумением: “Пошла намедни на пьесу “Жизнь индейки” — и представляете, никакой индейки не оказалось, слова о ней не сказали. Ну, как это прикажете понимать?” Я лишь плечами пожал и даже смутился. Подумал: не тронулась ли часом? А в тот же день афишу увидел: “Жизнь — индейка”. Шутила, значит, старуха, а я, дурачок, и не сообразил. В другой раз, тоже в коридоре, маленький выговор мне сделала: “Вот вы с вашим гостем-приятелем, слышала я, всё о Фёдоре Достоевском разговариваете, а дверь наружную потом толком не закрываете! Лишнего употребляете?”

В общем, за грузную статью, важность и лепнину на потолке её дома стал я, в конце концов, и про себя, и в разговоре её “графиней” называть. Графиней Жонголович (её фамилия). И ведь прижилось! Графиня и графиня, очень мило. Кстати, хозяйка развалюхи у реки, крошечная горбатая старушка, тоже прозвище у нас имела — Яга. А вот это уже не мило и даже нехорошо...

Каморка наша с Женькой на две кровати впритык выходила окном прямо на проходную паровозоремонтного завода, на котором работал когда-то молодой Андрей Платонов. И жил рядом, и написал об этом: “В молодости я любил мать, поле, колокольный звон и потную работу. Колокольный звон летними вечерами слушали пристально слободские нищие и я”. В той же при заводской слободе поселился ссыльный Мандельштам сразу по приезде в Воронеж: “Я живу на важных огородах, Ванька Ключник мог бы здесь гулять...”

Жизнь в нищенских условиях меня нисколько не тяготила. Привычка к этому уже наработанная была, и главное — великая сила и потребность молодости любить всё, что ни посылает тебе жизнь и судьба. Ну, почти всё. Думать так я не думал, но чувствовал вполне. От нутра, от живота шло понимание необходимости любви. Люби, иначе плохо тебе будет!

Неожиданно легко на душе у меня во время этой “ссылки” было, чему я удивлялся, пока не понял, откуда это взялось. От семьи, от жены и сына, которые были теперь у меня и меня согревали... Из Ельца в воскресенье, раза два в месяц, приезжал к Женьке отец, заведующий заводским гаражом. Очень они были внешне похожи и на редкость разнились по натуре. Женька был вяловатый, молчаливый лентяй, а отец его — бойкий, быстрый, остроглазый говорун. На пружинах весь, о таких говорят.

Программа выходного дня была у них всегда одна и та же: прогулка по городу с закупкой продовольствия для Женьки, потом “капитальный”, как он говорил, обед в лучшем ресторане “Москва”, а вечером непременно оперетта. Мне они вдвоём нравились чем-то, трудно уловимым. Слаженностью, пожалуй, наработанной, как у эстрадной пары. Мы с Женькой дожили в своей каморке мирно и благополучно до окончания института. Хорошим он оказался парнем при ближайшем рассмотрении. Меня иногда почему-то называл “господин Убогий” и хитро улыбался при этом. На работу его распределили чудесно, в родной Елец, где он, красавец и здоровяк, вскоре умер внезапно от инсульта...

14

В последние зимние каникулы поехали в Тим втроём: мы с Генкой и обций наш друг Гребень. Я впервые ехал не к подружке своей любимой Ирине и не к жене даже, а к семье. К жене с сыном. Пока ехал, разница эта лишь угадывалась, а когда их обоих сразу увидел, то ощутилась вполне. Вот они, мои единственные.

Ирина, всегда красивая, теперь расцвела прямо-таки, раскрылась во всей своей женской прелести. Материнство светилось в ней, как роса на цветке.

А сын поразил, в изумление восхищённое привёл. В роддоме, три месяца назад, увидел я красненькое, сморщенное, такое крохотное личико

и ничего больше, а теперь был передо мной, пусть и маленький, но полный человек. Он и моргал, и смотрел на меня тёмно-кариими, как у Ирины, глазами, и ноздри у него вздрагивали при дыхании, и губы вытягивались вперёд. На руках у меня оказавшись впервые, заплакал испуганно, а для меня бодряще. И руки мне в конце концов намочил совсем уж по-свойски...

И всё время я чувствовал удовлетворённо и радостно, что мы, трое, не только внутренне связаны между собой, но словно бы и внешне неким кругом магическим, невидимым окружены, очерчены. Мать, отец, сын. Это мы, семья, а все остальные люди — совсем уже другое... И ночью было особенному: вдвоём мы с женой, вдвоём, но ведь и сын рядом, можно руку протянуть и покачать его кроватку.

К ножкам железной этой кровати я приделал деревянные полудуги, потратив на это почти целый день. Когда же кроватка закачалась на них размашисто, то особенную совсем испытал гордость...

Когда наступил день отъезда, то прощание оказалось неожиданно трудным — и с женой, и с сыном, и с обоими сразу. И сопровождали они меня весь почти обратный путь: то жена, то сын, то оба...

А месяца через два неожиданно-негаданно я опять их увидел. Собрался вдруг торопливо и укатил на поезде Воронеж-Киев, ухודившем в ночь. По пустынным улицам мела метель мне в спину, подталкивала, посвистывала — домой, домой, к семье!

Зимой мы всегда ездили до Курска, но Щигры встретили меня таким солнечным, прекрасным, тихим утром, что я решил рискнуть. Тридцать два всего километра до Тима, как-нибудь доберусь, сокращу дорогу втрое. Где-то подъеду, а то и просто дойду. Авось, не труднее, чем на гонках лыжных будет!

Шапки-ушанки моей, засунутой ночью в рукав пальто, не оказалось, но и это меня не образумило. Плевать, шарфом голову обмотаю, если что...

Поезд ушёл, и тогда только я спросил мужика в промасленном путейском ватнике, как тут с дорогой на Тим. Тот посмотрел удивлённо:

— Какая дорога, парень?! Два дня метелило, ночью только притихло. Ты глянь, завалы какие!

Завалы да, имели место, но делать нечего. Прорвёмся!

Идя по улице, выводящей на тимскую дорогу, я увидел попутный магазин, и с ним мне повезло, торговали там по-сельски: и продуктами, и вещами. Купил на дорогу килограмм рыжих, каменной твёрдости пряников, килограмм подсолнечной халвы одним здоровенным куском (подарок семье) и кепарь впридачу. Он был роскошным: из толстенной, рыхловатой ткани коричневой и здоровенным козырьком. “Аэродром”, так такие называли.

Вышел из магазина с удовлетворением: на голове — тёплый кепарь, который при нужде даже на уши можно натянуть, а в руке — студенческий чемоданчик-баульчик с едой.

Когда же вышел из Щигров на тимскую, занесённую свежим снегом дорогу со следами лишь саней, то холодок тревоги прошёл-таки по спине. Тридцать два километра такой примерно дороги лежало впереди...

Идти было вязко, медленно, и я попробовал бежать рысцой. Стало побыстрее, и даже, казалось, полегче. Это обрадовало и подбодрило. Чемоданчик, правда, мешал, и приходилось менять руку.

Вдруг вижу впереди, со стороны темнеющей деревушки, выезжает на дорогу подвода и поворачивает в сторону Тима. Я бегу за ней прежней своей рысцой и замечаю с удивлением, что подвода приближается. Догоняю я её, надо же! В санях сидели две бабы, и когда я совсем уж приблизился, одна из них стала нахлёстывать лошадёнку. Они же испугались, понял я. Да и было чего: бежит по дороге в чистом поле мужик с чемоданом и за ними гонится. Не с добром же? Лошадёнка прибавила ход, но ненадолго. Вот я опять близко совсем, а вот уже и поравнялся с санями, и тут повёл себя совершенно дико. Обогнал сани с каменным лицом, даже головы к ним не повернув. Почему — сам не понимал. Мог бы подъехать попроситься или хотя бы крикнуть бабам что-нибудь шутливое. Нет, обогнал и убежал,

скрылся за поворотом. А бабы, может, решили, что я им померещился...

А я бежал и бежал, потом шёл, потом стоял недолго, отдыхая, и снова всё, и опять. День был — лучше не бывает. Ни ветерка, ни облачка единого на небе синем, морозец нежный, а солнце ещё нежней. И видел я час за часом одно и то же — поля холмистые белоснежные, и небесную над ними синеву. Несколько раз ел пряники, разгрызая их с трудом и заедая рассыпчатым, пресным, безводным снегом. Во время отдыха очень тянуло прилечь на снег, в пух его манящий, и остаться между небом и землёй.

На всём пути оказалась одна-единственная деревня, а другие прошли, чернея, вдалеке от дороги. Зашёл в первую же кособокую хатку выпить. Не избалован был хорошим жильём и всё-таки ужаснулся: низкий потолок провисший, земляной пол, печка, стол, лавка под крохотным оконцем, а на ней серолицая баба в ватнике, тёплом платке и стёганых бурках с галошами. И смотрит прямо на меня, вошедшего, словно хоть кого-нибудь ждала и дождалась...

К Тиму я подходил на огромном, в полнеба, малиново-розовом закате в состоянии весёлой дурашливости: стихи читал вслух, песни напевал. Опьянение от усталости было и от предчувствия того, что скоро, вот-вот Ирину и Андрюшу увижу...

Дома были три чудесных дня. Жена выглядела ещё похорошевшей, и сын подрос. Один день мы провели в доме Ирины, у матушки её, а моей теперь тещи, Марии Денисовны, учительницы школьной. Удивительная была женщина! Красивая, крупная, статная, приветливо-немногословная. Что-то из старины в ней было, дворянское, боярское... Лет через пять будет впервые гостить она у нас в Калуге, и мой коллега-приятель скажет, её увидев: “Ну и теща у вас, императрица прямо!”

Очень приятно было и поработать в этот короткий приезд — снег вокруг полузанесённого домика своего почистить, уголь у Марии Денисовны с дороги в сарай перенести. А в доме её больше всего удивил и запомнился внушительный такой потолок в большой комнате из широченных, коричневых от времени, чуть лоснящихся досок, чем-то неуловимым напоминавший хозяйку... Матушка была очень довольна моим появлением внезапным. “Хорошо, что тянет к семье”, — сказала. А поход мой пеший её испугал: “А если б погода вдруг сломалась, метель поднялась?...” Я и сам так подумал в пути, вспомнив начало метели в Пушкинской “Капитанской дочке”. Там тоже солнце в степи сияло в тишине, и вдруг — маленькое облачко на горизонте... Несколько раз осматривался, облачко то самое ища, и успокаивался, и жену с сыном вспоминал, словно на их помощь надеюсь...

15

Летом моего последнего институтского года Ирине надо было выходить на работу. И сына семимесячного с собой брать, и работать с ним на руках. Как? А как придётся... У меня шли госэкзамены, но проводить их я поехал, выкроил несколько дней. Жильё для Ирины было уже снято — опять комната в частном доме, но рядом с больницей. В ней хоть мебель какая-то оказалась, не то, что в прошлый раз, шаром покати. Ирина на другой день вышла на работу, а я остался с сыном. Раньше я лишь брал его на руки ненадолго да спящим в дороге держал, а теперь остались мы вдвоём, и это оказалось для обоих трудно. Ему особенно, потому что пришлось всё время кричать и плакать с коротенькими для отдыха перерывами. Что я только ни делал, чтобы хоть чуть-чуть его утешить: и по комнате носил, и на руках укачивать пытался, и на диван то клал, то сажал спиной к подушке, но ничего не помогало. Плачет и кричит, кричит и плачет. Уже и замученным он стал выглядеть, что меня всерьёз напугало. Что дальше-то будет?

А дальше, совсем уж отчаявшись, схватился я, как за соломинку, за книжку со стихами Пушкина, взятую в дорогу, посадил сына в угол дивана и стал читать ему и отчасти себе эти стихи, как открывалось. И ведь помогло, затих сынок. Мерность, монотонность голоса моего подействовала, что ли? А может, пушкинские именно стихи помогли каким-то чудом?

На другой день мы с этой квартиры переехали на другую, где хозяйкой была старушка, которая могла бы за сыном присмотреть.

Новая квартира оказалась у церкви, как и прошлогодняя, и даже священник так же на лавочке рядом сидел, словно нас дожидался. И у меня вновь мелькнуло, что хорошо бы с ним поговорить...

Старушку я быстро переименовал в старуху, такая она была неприветливая, со злинкой на крупном, отёчном лице. Как с ней будет сынок ладить, Бог весть. Песенку колыбельную она ему не споёт, похоже...

Когда входили в дом, с высокого крыльца блеснула в конце огорода речка, и я обрадовался так, будто близкого человека увидел. Живая вода, большое дело!

Пробыл я в Юнаковке дней пять, посидел с сыном в сумрачной комнате старухино дома, пока Ирина была на работе. Он ко мне по привычке плакал гораздо меньше, а когда случалось, помогали стихи. Мы с ним даже на речку сходили, посмотрели на воду, лозняк, лужок, на гусей, плавающих гордо.

У старухи нашлась детская кроватка, которую сын и занял. Хорошая такая кроватка, даже с перильцами, чтоб ребёнок не выпал. Я любовался прямо-таки, как сын стоит в ней, покачиваясь и держась руками за перильца...

И в первый в Юнаковку приезд, и особенно во второй Ирина поражала меня своим состоянием и поведением. Обстоятельства складывались для неё тяжелейшим образом: незнакомая, ответственная, трудная работа, ребёнок грудной на руках, вызовы к больным в любое время суток... Смотрел я на неё с тревогой и сочувствием, бессильный помочь, а видел лишь спокойное смирение и терпение. Это и восхищало, и удивляло. Как, откуда такое? Много лет прошло, пока не понял, что христианка истинная она по натуре. Была и есть...

Пришла пора мне уезжать, а сыну идти в колхозный детский сад, в уютный, обшарпанный дом на краю сельской площади. Увидел я его во время прогулки всей семьёй и тревогу почувствовал. Вспомнил свой детсад и плач горький и долгий в первый там день. Только ведь мне шесть лет было, а сыну было семь месяцев... Внутри детсад оказался ещё хуже, чем снаружи. Отдал я плачущего Андрюшу молоденькой девушке, и она стала его переодевать. Потом улыбнулась мне сочувственно и ушла с ним, кричащим надрывно.

Мучительно хотелось сделать что-то резкое, нужное. Да просто-напросто взять сына и уйти! Но куда? Нет, тут уж, видно, судьба такая — этот садик. Для всех нас троих....

16

Госэкзамены оказались самыми лёгкими из всех, которые пришлось сдавать за шесть лет учёбы. Экзаменаторы слушали вполслуха, листали неторопливо зачётную книжку, да и ставили средний примерно за все годы учёбы балл. Вот и я получал раз за разом свое верное и любимое “хорошо”.

Сдав экзамены, пошёл на военную кафедру отзывать написанное добровольно-принудительно заявление. Заведующий только плечами пожал: “Раньше думать надо было. Теперь назад не отыграешь”.

Тут же мне выдали ордер на получение отреза на шинель, отреза на мундир и на сапожный “товар”. Дело и вправду далеко зашло!

Огорчён я был немного: что в глушь какую-нибудь по распределению на три года ехать, что в армию идти — невелика разница. Уж как-нибудь уволюсь за такой-то срок...

Получать “товар” пошли с Пугаевым-Аргентиной, загремевшим в армию по похуже на мою историю. На один и тот же крючок нас, значит, ловили. Он был совершенно беззаботен, сказав, что уволится, как только захочет, а способов — пруд пруди.

Воинский склад был на спуске к реке: длинное, старинное, крепостного вида здание. Внутри сумрак и прохлада, приятные в жаркий день.

Выдавал “товар” пожилой старшина, угрюмый и немногословный. А “товар” оказался на удивление хорош: светло-серое, толстое, плотное шинельное сукно; сукно мундирное, тёмно-зелёное, потоньше; кожа на сапоги мягкая, поблёскивающая тускло. А лучше всего была коричневая кожа на подмётки с чудесным резким, спиртовым запахом. Старшина увязал всё это бечёвкой в два тюка, и мы вышли во двор, в жару из прохлады. Присели на лавочку у дверей перекурить, и старшина за нами вышел, прислонился к притолоке плечом.

Я приподнял свой тючок, понянчил:

— Никогда не думал, что такое будет...

— Будешь больше, чем был! — рявкнул старшина со странной злобой.

Я встретился с ним глазами и вдруг всё понял: мечтал он стать офицером, да не пришлось...

Вручение дипломов прошло однообразно и скучновато, да иначе и быть не могло. Все мы были одинаковы в это время, словно группа бегунов на старте длинной, как жизнь, дистанции. Вот на ней со временем всё гораздо разнообразнее станет.

Так и стало уже через десять лет, когда почти все мы впервые вновь встретились. Даже комиссия по проведению встречи организована была — как солидно! Сидел я, как и в прошлый раз, рядом с Генкой и Аргентиной, и всё шло теперь очень живо. Председатель комиссии Люда Дугина называла фамилию и имя, и человек шёл в президиум. Были тут и главврачи, и доктора наук, и даже два заведующих кафедрами в нашем же институте. Сидим мы, аплодируем, и вдруг слышу: “Самый популярный из нас человек в институте — Юрий Пугаев!” Развёл Аргентина руками изумлённо, да и побрёл в президиум. Только подошёл он к столу, как слышу: “Самый популярный из нас человек в стране — Юрий Убогий!” Ну, и я пошёл следом, на ходу прикидывая, в чём же тут дело? Догадался быстро: повесть моя недавно в “Роман-газете” большим тиражом опубликована была, вот тебе и “популярный”.

Хлопали нам, не жалея ладоней. Сидеть рядом с другом было и хорошо, и жутковато, как на краю обрыва высоченного...

17

К выпускному вечеру читальный зал превратили в застольный, и это было поразительно. Там, где день за днём и год за годом горбились мы перед толстенными фолиантами, науку медицинскую грызли, теперь белели скатерти, блестели тарелки, бутылки, фужеры, рюмки. Гуляй, душа! Но гулять душе как-то и не хотелось, моей во всяком случае. Чем-то всё происходящее поминки напоминало. Да и было по чему — по воле и беззаботности, по молодости и ветру в голове.

Запомнился председатель экзаменационной комиссии, огромный мужик с большой бородой, профессор-хирург из города Горького. Важно обходил он столы, чокаясь с сидящими не рюмкой, а фужером. У меня и сорвалось, для самого неожиданно: “А в фужере-то минералка?!” Он посмотрел презрительно и рявкнул: “Дурак!”

Засиделись мы сильно и стали расходиться, когда за окнами совсем расвело. Мне с Аргентиной было по пути, а ещё и Женька Лахин к нам пристал, которому всё равно надо было ждать электрички. Он очевидно хромал, и я вспомнил вдруг, как вёл, почти нёс его прошлой зимой от лыжного трамплина до трамвая...

Брели мы неспешно на розовый, краснеющий быстро восход, а с железнодорожного моста и солнце увидели — большой, красный, размытый по краю круг. Голубое небо в вышине выглядело чуть припотевшим. Было тепло-тепло и как-то нежно.

У дома графини Аргентина повернул во вторую, далёкую от института общагу. Уходить в наш угрюмый дом из такого чудесного июльского утра очень не хотелось, и я предложил Женьке дойти до ближайшего магазина и подождать открытия.

Магазин назывался в околотке “Редькин”, по фамилии владевшего им когда-то купца. И кладка краснокирпичная была точь-в-точь такая, как и в юнаковской больнице, и от этого вдруг на меня пахнуло мимолётным теплом.

Крыльцо, на котором я надеялся посидеть, было грязным, но зато у стены магазина были составлены горкой пустые дощатые ящики, тара. На них мы и уселись удобно. Да на них и полежать можно было, если захочется.

Покурили, поболтали. Оказалось, что Женька распределился по любимой своей специальности, акушерству-гинекологии, в дальний, глухой район. Удивительно! Насколько мы с Аргентиной сторонились этого дела, настолько Женька вцепился прямо-таки в него. Как землю обетованную наконец-то нашёл.

Женька в конце концов заснул на ящиках, а я сидел с закрытыми глазами, нежился в утренней свежести и теплоте. Плыл внутри себя самого куда-то...

...Главное, будет ли в армии время писать? В институте-то было, да толку немного, Хемингуэю подражание почти всё. Великому Хэму. Учителю: и как писать, и как жить... А сам погиб от руки собственной... Вот тебе и мужество, главное, чему учил. Оно, что ли, его к этому привело? Может, и так...

Голос женский... Очнувшись, я увидел перед собой хорошо знакомую продавщицу магазина.

— А-а! — протянула она. — Клиенты-студенты! А я думаю, что за лежбище у меня тут?

Немного спустя мы сидели на тех же ящиках, но с алжирским вином и закуской. От вина окружающее казалось ещё лучше, чем раньше. Именно тут, рядом где-то, были мандельштамовские “важные огороды”, и Андрей Платонов родился, жил и работал на заводе, до труб которого было рукой подать. А друзья мои Аргентина и Генка тоже здесь, рядом, спят ещё, конечно. И моё последнее жильё в Воронеже — за ближайшим углом. Да и Курск, и Тим неподалёку. Родина! Будет ли она в армии? А это куда пошлют. Посмотрим...

Над бурьяном у длинного серого забора напротив возникли две белые бабочки. Летали медленно, изломисто, то парой, то врозь. Вот разлетелись далеко, из вида пропали, и вдруг явились вновь танцующей такой парой, чем-то напоминая людей...

АНДРЕЙ РАСТОРГУЕВ

ПРАВИЛЬНЫЕ РУССКИЕ СЛОВА

* * *

Разлом идёт на глубину, круша
былые дружбы призрачные в чате,
и говорит смятенная душа:
ни другу, ни врагу не отвечайте...

Чья сторона крива или права,
теперь не здесь решается, и даже
все правильные русские слова
сегодня тоже ходят в камуфляже.

И оттого сердешной тяжело
ступать босой по мысленному краю,
что понимаю, до чего дошло.
И что случится, если... понимаю.

27 февраля

* * *

От красного вина
хмельна, недалеко
качается война,
как маятник Фуко.

РАСТОРГУЕВ Андрей Петрович родился в 1964 г. в Магнитогорске. Окончил Уральский госуниверситет в Свердловске (1986) и Российскую Академию государственной службы в Москве (1999). Кандидат исторических наук. Автор нескольких книг стихов, переводов и статей. Живёт в Екатеринбурге.

Пойдёт налево — ах!
Пойдёт направо — бах!
И оседает страх
на сестриных губах.

От шевеленья льда
на тихие дворы
лавиною вода
срывается с горы,
а оглянись назад —
навряд ли на авось
поймёшь, кто виноват,
что это началось...

Во временнóй петле
раздвоились часы,
не стало на земле
ничейной полосы.
И не переменить,
коль маятник не врёт...
И как разъединить,
никто не разберёт.

20 марта

* * *

Что было наперёд намечено,
оставь холодной головой
на мировой экономической
и на ещё не мировой.

На ошарашенное: “На черта́?” —
не враз находится ответ.
Одно понятно, что не начерно:
уж если решено и начато,
обхода и возврата нет.

Но всякое воспоминание
про довоенное житьё
ожесточает понимание
неотвратимости её.

25 марта

* * *

Спрашивать за вину ли
с того сперва,
кто сыплет зёрна
в тяжкие жернова?
Или виновен более,
кто зерну
дал на прокорм
разверстую глубину?
Зубы драконьи
или живая рожь —
глядя на комья,
сразу не разберёшь.

Жизни ли возрождаться
из-под руки?
Надо ростков дожждаться
или муки.

Выйдут ли караван
потом туги
или раскрошатся
каменные круги?..
Хлебную плотью
да на драконий зуб —
оборони шепотью
касание губ...

18 апреля

СЕРГЕЙ АЛИХАНОВ

БЕРЕГ ВРЕМЕНИ

* * *

Так случилось — закончились спички.
Ночь за ночью, особенно днём —
Выживание дело привычки —
Я следил за последним огнём.

Сквозь порывы промозглого ветра,
В ночь-полночь, и всегда поутру,
И порою за полкилометра
Я натаскивал сучья к костру.

И медвежьим приметив повадки —
Зверь как будто следит и сейчас —
Я дремал в задымлённой палатке,
Чтобы только огонь не погас...

* * *

Мой троюродный брат говорит невпопад,
От стеснительности улыбаясь.
Я молчу, но я тоже теряюсь,
Нашей встрече единственной рад.

АЛИХАНОВ Сергей Иванович родился в 1947 году в Тбилиси. Окончил Грузинский институт физкультуры. Стихи Сергея Алиханова печатались в журналах "Новый мир", "Знамя", "Москва", "Наш современник", "Юность", в альманахах "Поэзия", "День поэзии". Автор поэтических сборников "Голубиный шум", "Долгая осень", "Лен лежит", "Блаженство бега", "Где свет мелькал на сквозняке", "Мимолётный сентябрь". Член Союза писателей России.

Разбросало нас из-под Твери,
Да по свету в денёк непогожий...
Я глаза опущу, ты меня осмотри:
Нет, совсем мы с тобой не похожи.

Знаю, кто-то ведёт
Всем нам, юродным, счёт.
Отработав и выйдя на пенсию,
Он уже насчитал человек восемьсот
В Феодосии, в Томске и в Пензе.

Да, могла быть могучею наша семья,
Многолюдными были б Горьцы.
Я порой прилетаю в родные края,
Правда, реже раз в десять, чем птицы...

* * *

Вновь юность является мне,
И я различаю опять
Ту запись ветвями вчерне
Всего, что хотелось сказать.

Так слово явилось сперва,
И хаос надмирный исчез,
И замельтешили слова
На меркнувшей сини небес...

* * *

Погуляли — трава не расти! —
Ни козы, ни худой коровёнки.
Ветер валит и валит кресты,
И не треплет, не треплет пелёнки.

Пой, приплясывай, да веселей —
Вроде Господу Богу в отместку!
Обустроивай быт из жердей
Перешедшего поле подлеска...

* * *

За журавлиным косяком,
В просторе сине-голубом
Повиснет крик и оборвётся.
Здесь берег времени — на нём
Земных следов не остаётся...

* * *

Не простилось, так забылось —
Нет ни горечи, ни слёз.
Всё, что с нами приключилось,
Жизнь не приняла всерьёз.

Но, судьбы читая знаки,
Станным кажется вдвойне:
Что же так пылают маки,
Обжигая сердце мне...

АНДРЕЙ ФУРСОВ

ВЫВИХНУТЫЙ МИР

ИЛИ КТО ТАКИЕ ВРАГИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ НЕГО

*Без теории нам смерть, смерть,
смерть.*

И. В. Сталин.

*...кто берётся за решение частных во-
просов без предварительного решения
общих, тот неминуемо будет на каж-
дом шагу бессознательно для себя “на-
тыкаться” на эти общие вопросы.*

В. И. Ленин.

*Нам нравится эта работа —
называть вещи своими именами.*

К. Маркс.

1

Размышлению о нынешней ситуации, её истоках и перспективах я хочу предпослать отрывок из работы историка Дэвида Бейкера. 2 января 2020 года, ещё до коронабесия, он написал: “У человечества в 2020-е годы одна задача — просто выжить. Вот некоторые прогнозы: застой в реальной заработной плате, падение уровня жизни нижних и средних классов, усиление неравенства в уровне благосостояния, новые бунты и восстания, продолжающаяся политическая поляризация, большое количество элит, конкурирующих за ограниченные позиции во власти, кооптация элит радикальными движениями. Благодаря глобализации это произойдёт не только в одной стране, но в большинстве стран мира. Мы также увидим геополитическую перестройку, раздел мира на новые союзы и блоки. Существует также вероятность “триггерного события” — шока, такого, как экологический кризис, который положит начало крайнему насилию. И гораздо меньше шансов, что мы увидим технологический прорыв уровня промышленной революции, который сможет ослабить давление в 2020-х годах и обратить вспять упомянутые тенденции.

... Обычно ранее такие “фазы депрессии” убивали в среднем 20% мирового населения. Сегодня в глобальном масштабе это означало бы гибель от 1,6 млрд до 1,7 млрд человек. Но мир сейчас стал цивилизованней, и мы можем избежать таких жертв”.

Последнюю фразу, с учётом сказанного Бейкером выше, я считаю данью минимальному оптимизму, чтобы уж совсем не нагонять страх. В принципе же

прогноз вполне адекватен, и мы видим, что во многом он сбывается. Мир, действительно, меняется, его крутит, выворачивает из суставов – и Россию вместе с ним. Россия меняет мир, пусть и в меньшей степени, чем он меняет её. Это понятно: целое определяет элемент в большей степени, чем элемент – целое. Поэтому имеет смысл взглянуть прежде всего на тенденции развития современного мира. Напомню: во времена Сталина отчётные доклады съездам партии начинались с характеристики и оценки международного положения, а затем уже шла внутренняя проблематика. В хрущёвско-брежневские времена очередность поменялась. Причина ясна: для Сталина СССР был, прежде всего, альтернативной капитализму мировой системой, системным антикапитализмом. Его “сменщики”, особенно после того, как с начала 1960-х годов высшая номенклатура начала интегрироваться в мировую капиталистическую систему как одно из государств, пусть сверхдержавное, всё больше рассматривали СССР как государство – член единого мира, в котором мирно сосуществуют политические единицы с различным социально-экономическим строем. Закончилось это всё горбачёвщиной и ельцинщиной, хрущёвщина и брежневщина – вехи на пути разрушения системного антикапитализма и превращения двуполярного мира в однополярный. Понять случившееся без и вне более широкого, мирового контекста невозможно. В то же время этот более широкий контекст требует теоретического анализа, в котором к тому же вещи называются своими именами.

Разрушение СССР с последовавшим разграблением стран бывшего соцлагеря, прежде всего РФ, позволило отодвинуть спрогнозированный ещё в 1982 году американскими (М. Гелл-Ман, Р. Коллинз, Б. Боннер) и советскими (П. Кузнецов, В. Крылов) аналитиками мировой двугорбый (1988 и 1993–1994 годы) кризис, который грозил покончить с капитализмом как системой. Но лишь отодвинуть. Дополнительные 17 лет капитализму подарили РФ и КНР, поддерживавшие угасающее ядро капсистемы соответственно дешёвым сырьём и дешёвой рабочей силой (благодаря последней мир оказался завален китайским бараклом).

Однако в 2008 году временно отодвинутый кризис пришёл – иначе и быть не могло. Вот что писал по этому поводу Джереми Грэнтэм, легендарный соучредитель инвестиционной фирмы GMO (Бостон, США): “Кризис 2008 г. перенасытил западные экономики массой денег, которые не обеспечивались вообще ничем, кроме обещаний всеобщего счастья и процветания в будущем, – эту модель можно назвать бешеным печатным станком. Результат: **все** (и в этом отличие от кризиса 1930-х) необеспеченные деньги пошли напрямик на фондовые рынки. В 1930-е годы акции зависели от объёмов продаж и финансовых показателей компаний. Сейчас – только от красивых презентаций. Это – первое. Второе: капитализм в его прошлом виде окончательно умер”.

В 2008 году лопнул крупнейший финансовый пузырь в истории, его раздували в ущерб реальной (“физической”) экономике ядра капсистемы, а на РФ и КНР возлагалась задача компенсировать этот ущерб дешевизной сырья и рабочей силой. И это обеспечивало, а точнее – гарантировало правящим группам двух стран их положение в “тучные годы” развития мировой экономики на рубеже XX–XXI веков. Однако компенсация была частичной и временной, и в 2008 году её уже не хватило. Я согласен с теми, кто считает, что попытка закамуфлировать системный кризис проблемами низкокачественной ипотеки и нехватки ликвидности провалились. Добавлю к этому, что речь должна идти не просто о системном кризисе – он стартовал на рубеже 1970–1980-х годов, – а о его терминальной стадии.

Мировой правящий класс – реальные “хозяева истории” (Б. Дизраэли), их высокопоставленные клерки (президенты, премьер-министры якобы суверенных стран пост-Запада), их “фабрики мысли” (think tanks) чётко осознали этот факт иотреагировали, как могли.

Но прежде чем говорить об их реакции и планах, нужно хотя бы вкратце остановиться на вопросе о составе, структуре и организации мировой верхушки, с одной стороны, и пирамидальном (вертикально интегрированном, как сказал бы замечательный советский экономист Ю. В. Ярёмченко) устройстве секторов мировой экономики.

Верхний “этаж” мировой экономики, представленный технически наиболее продвинутыми и перспективными (по крайней мере, с сегодняшней точки зрения) секторами, занимают так называемые эксисты (от *англ.* *access* – доступ). Это “Биг Тех”, его операторы контролируют не вещественные факторы производства, которые занимают центральное место в материальном производстве в целом. Это контроль над большими данными, социальными сетями (а следовательно – над социальным поведением), потоками информации; иными словами, над средствами и структурами управления **как средствами производства** нового постиндустриального и посткапиталистического уклада. Здесь нужно вспомнить и Google, и Meta (в РФ признана экстремистской организацией), и многое другое.

Следующий “этаж” – фонды управления капиталами. Формально это финансовые структуры, но они, во-первых, обрели самостоятельное и особое значение; во-вторых, выполняют в связи с этим (впрочем, работает и обратная связь) властные функции – как и эксисты. Речь идёт о десятке крупнейших в мире организаций, управляющих капиталами. Они распоряжаются гигантскими средствами – 41,6 трлн долларов. В восьми фондах основными акционерами являются Black Rock и Vanguard; следующая строчка – State Street Corporation и FMR. Как говорят специалисты, за всю историю существования денег (и власти) они не были сосредоточены в столь малом количестве рук.

Третий “этаж” – финансисты: именно так, а не “финансисты”. Всякий финансист – финансист, но не всякий финансист – финансист. Если финансист, обслуживая сферы производства и обращения, получает прибыль из обеих, включая реальную экономику, то финансист – это тот, кто делает деньги из воздуха. 1980-е годы были отмечены победой финансового капитала над промышленным, то есть восстановлением ситуации, которая существовала весь XIX век; в 1990-е годы произошла мутация: финансовый капитал превратился в финансиализм и начал умирать как капитал. При этом он обогатил своих персонификаторов в невиданных до тех пор масштабах. Уже в самом начале 1990-х это вызвало бум на Уолл-стрит, который привёл к появлению на Манхэттене новых буржуа. Внешне это напоминало второе издание Великого Гэтсби, только период процветания у нынешних “волков с Уолл-стрит”, по-видимому, короче.

Четвёртый “этаж” Е. С. Ларина (у неё он, правда, третий) определила как то, что Зб. Бжезинский назвал технотроникой: корпорации ВПК, химической промышленности, энергетики. Сегодня это уже не самый передовой сектор экономики, но тяготеет он всё же кверху. Пятый “этаж” – промышленность – тот сектор, который в 1930–1980-х годах сделал Америку великой и который обещал – вместе с Америкой – возродить Трамп. Ещё ниже – “этаж” сельского хозяйства, речь идёт главным образом не о фермерских хозяйствах, а о ГМОшном типе агрохолдингов и корпораций, таких как “Монсанто”.

Особое место занимает “Биг Фарма”. Формально этот “блок” относится к технотронике. Однако та роль, которая отводится ультраглобалистами эпидемиям и насильственной вакцинации в создании нового мирового порядка (НМП) и тотальном контроле над людьми, выводит “Биг Фарму” на верхние этажи, “прицепляя” к первым трём.

Это иерархическая структура секторов (“этажей”) мировой экономики, но это не структура мировой, то есть наднациональной верхушки, которую нередко именуют “глобальной элитой”.

Некоторые полагают, что глобальная элита – это только наднациональные структуры мирового согласования и управления типа Бильдербергского клуба или, на худой конец, почти почивших в бозе, но когда-то активных Римского клуба и Трёхсторонней комиссии. Ещё к ним добавляют якобы всемогущих Ротшильдов и Рокфеллеров. Что касается двух последних, то при всём их богатстве и могуществе они не всемогущи, эти семьи, уже превратившиеся в гетерархии, – всего лишь элемент, пусть очень важный и нарочито демонстративный, куда как более сложного целого. Ну, а наднациональные структуры мирового согласования и управления при всём их значении являются не столько субъектами (в лучшем случае – субъектами второго уровня), сколько инструментами, площадками – *locus standi* и *field of employment*. Они могут принимать определённые решения, но основа этих решений – ранее достигнутые

согласования (или конфликты) между основными группами мировой верхушки, в её среде.

В упрощённом виде нынешняя глобальная элита – это четыре больших кластера, “каре”: 1) монархические и часть аристократических семей Западной и Центральной Европы во главе с британской и голландской монархиями; разумеется, ни Виндзоры, ни представители Оранского дома не могут тягаться с реально старыми династиями в лице их потомков – Меровингами, Рюриковичами, Чингизидами, однако, как говорится, на безрыбье и рак рыба; 2) Ватикан, католические религиозные (религиозно-военно-разведывательные) ордены и тесно связанные с ними аристократии Северной Италии, Южной Германии, Испании и Шотландии; 3) семьи финансистов, банкиров и крупнейших промышленников США и Великобритании, то есть Англосферы – англо-американские и американо-английские кланы; 4) диаспоры – еврейская, армянская и ливанская.

С возникновением в XVI–XVIII веках мирового рынка как единого целого, капитализма как мировой системы и государства (state) как формы его организации, а следовательно, государственных границ, четырём кластерам понадобились, во-первых, закрытые площадки для того, чтобы согласовывать интересы и регулировать конфликты на надгосударственном уровне; во-вторых, инструменты реализации своих надгосударственных по определению интересов. И площадки, и инструменты должны по определению были быть надгосударственными и закрытыми, чем-то вроде конспироструктур. Это ни в коем случае не конспирология, это – криптополитэкономия капитализма. Основные этапы развития капитализма как системы и формирования североатлантического правящего класса – это одновременно этапы оформления новых закрытых наднациональных структур (масонство, иллюминаты, общество Родса – Милнера, Siècle, Cercle, Клуб островов, Бильдербергский клуб).

Представители всех четырёх кластеров мировой верхушки в той или иной форме, прямо или косвенно, явно или тайно присутствуют в большинстве наднациональных структур, в XX веке – практически во всех. Конкретный пример: и Ротшильды, и Рокфеллеры присутствовали как в Римском клубе, так и в Трёхсторонней комиссии, про представителей диаспор я уже не говорю. В нынешнем “Совете по инклюзивному капитализму” с Ватиканом – Ватикан, Ротшильды, фонды, корпорации, то есть “всякой твари по паре” из разных кластеров. Наднациональные структуры чаще выражают и представляют интересы некоего мирового параллелограмма сил, чем формулируют их, что, конечно же, не исключает их активности в определённой ситуации. Аналогичным образом, хотя и не в равных долях, четыре кластера глобэлиты присутствуют на всех “этажах” мировой вертикально интегрированной экономики.

В острой ситуации XX века, когда военно-политическая динамика капитализма начала доминировать над узко-экономической, мировой верхушке, в дополнение к закрытым, понадобились открытые наднациональные структуры – Лига наций, ООН, Евросоюз и др. с их наднациональными и всё более паразитическими в эпоху финансиализма бюрократиями, а также полузакрытые – Римский клуб, Трёхсторонняя комиссия. Нынешний системный кризис капсистемы в его терминальной стадии стал неожиданным поворотом в истории и взаимоотношениях государственных и закрытых надгосударственных структур.

3

Поскольку капитализм, исчерпав свои исторические возможности, перестаёт гарантировать мировой верхушке власть, статус и прибыль, а финансиализм оказался краткосрочным и злокачественным по своим последствиям “пузырём”, мировая верхушка уже с середины 1970-х годов начала постепенный демонтаж системы. Разгул финансиализма (“деньги из воздуха”) и разграбление зоны бывшего соцлагеря, прежде всего РФ, способствовали именно постепенному и для большинства внешне не очень заметному характеру демонтажа. В то же время глобверхи понимали: ни грабёж, ни надувание “пузыря” не могут длиться без конца: *nihil dat fortuna mancipio* (лат.: “судьба ничего не даёт навечно”), а потому капитализм нужно менять на новый строй, на НМП.

Каким **в принципе** может и должен быть этот строй (в интересах глобверхов, разумеется, и с их точки зрения), стало ясно на рубеже XX–XXI веков.

Поскольку решающими факторами в материальном производстве стали не вещественные – информационные (“духовные”), социальные (соцсети), именно их присвоение становится главным, именно они становятся основным, образующим новую систему производственных отношений объектом присвоения, конституируя его стороны. Как подчёркивал Маркс, объект присвоения определяет субъекта присвоения, то есть господствующий слой (класс). При капитализме главным объектом присвоения является овеществлённый труд, на который рабочий обменивает свою рабочую силу, то есть способность к труду. Собственно, капитал и есть овеществлённый труд, реализующий себя как самовозрастающую стоимость в процессе эксплуатации труда.

Итак, формирующиеся новые верхи – собственники не вещественных факторов производства как главных, первичных; впрочем, в их руках в качестве вторичных факторов остаются вещественные, собственность на них. Главные в прежних системах вещественных факторов производства, как правило, сохраняются в качестве вторичных у хозяев новой системы, как минимум – на её ранней стадии: собственность на раба при феодализме при главенстве земельной собственности, земельная собственность буржуазии как собственника капиталов при капитализме. А вот у низов новой, посткапиталистической системы, чтобы они стали адекватным элементом новой системы производственных отношений, готовым объектом для новых форм эксплуатации и депривации, никаких факторов производства, ни вещественных, ни не вещественных, в собственности быть не должно. Проблема, однако, в том, что в современном мире, прежде всего, в ядре капсистемы, есть довольно большой слой – средний (middle class, малый и средний бизнес), выступающий как собственник вещественных факторов производства. И его совокупная доля в мировом богатстве вовсе не мала, есть чем поживиться.

Обычно мировое богатство рассматривается двояко: в целом, как сумма активов и пассивов (то есть прежде всего долгов) и как только активы. Мировое богатство в целом оценивается в 418,3 трлн; 45,6% принадлежит 1,1% (56 млн). Это те, у кого более 1 млн. Миллиардеров – 2150 чел. Они владеют стольким же, сколько 4,6 млрд чел. (60% населения). На долю этих 0,0038% приходится 63 трлн богатства – 1/3 всего того, чем владеют состоятельные 56 млн чел.

Следующая группа – те, кто имеет от 100 тысяч до 1 млн долларов – средний слой. Это 11,1% (583 млн), им принадлежит 39,1% мирового богатства.

Следующая группа – от 10 до 100 тысяч. Их 32,8% (1,7 млрд человек) 13,7%.

Следующая группа – от 0 до 10 тысяч – 55% (2,9 млрд) 1,3% богатства.

Если исключить этот последний слой – с них взять нечего, то получается, что 43,9% населения (2 283 млрд) владеют 52,8% мирового богатства, чуть меньше, чем 1,1% (то есть 56 млн)*.

Информация к размышлению: в России картина такова: 1% населения владеет 70% активов (ср. по миру – 40%; Африка – 44%; Япония – 17%). В 2014 году российские буржуины сравнялись с саудовцами по покупке самых дорогих яхт в мире. Аналогия: максимум заказов в России Фаберже получил в 1916–1917 годы – пир во время чумы.

Исходя из этих расчётов, битва за посткапиталистическое будущее – это схватка 56 миллионов человек с 2283 миллионами, в ходе которой первые планируют лишиться вторых собственности.

Если убрать пассивы и оставить активы, то картина выглядит следующим образом. Наиболее часто встречающаяся цифра – 90 трлн долларов, при этом 1% владеет 35 трлн, 12–15% – 40 трлн, а остальные 15 трлн – 85% населения. Задача верхнего 1% – экспроприировать 12–15%. В то же время и внутри верхнего 1% идёт острая борьба, там разрыв между верхним 0,1% и остальной частью – 0,9% вырос ещё больше, чем между 1% и 12–15% соответственно. Средний слой – “15-процентники” – в любом случае приговорили к экспроприации и уничтожению. Этот глобальный передел собственности – необходимое условие возникновения/создания нового строя, НМП. Как это будет сделано – другой вопрос.

В то же время нужно помнить: само наличие массового среднего слоя в ядре капсистемы в последней трети XIX – первой трети XXI века – это явление

* Цифры приведены по материалам из замечательной книги А. В. Лежавы “На пути к Новой Швабии”. М., 2022.

уникальное, аналогов в других социальных системах не имеющее. Оно обусловлено ограблением колоний, неэквивалентным обменом ядра и периферии и научно-технологическим прогрессом-рывком ядра с конца XIX по середину XX века и в принципе краткосрочно. Средний слой – побочный продукт развития промышленного капитализма, нарост, который хозяева новой системы срежут за (для них) ненужностью. Волны “посткапиталистического прогресса” вот-вот сомкнутся над средним слоем пост-Запада, что потенциально создаёт возможность взрыва. Как заметил социолог Баррингтон Мур, великие революции рождаются не из победного крика восходящих классов, а из предсмертного рёва класса, над которым вот-вот сомкнутся волны прогресса (прогресса – для восходящих, разумеется, для уходящих это регресс, энтропия). Так что теоретически на пост-Западе зреют “гроздь гнева”, но это теоретически; чтобы “гроздь” созрела до кондиции, надо поработать, тем более что это в наших интересах.

А в чьих интересах переход к НМП? Если говорить об “этажах” вертикально интегрированной экономики, то это, безусловно, представители верхних трёх и отчасти четвёртого “этажа”. Ну и, разумеется, “Биг Фармы” и ГМОшников. Сложнее вопрос с кластерами мировой верхушки. Здесь, по-видимому, возможны разные комбинации; самые причудливые: да, прав Коровьев. “Как причудливо тасует колода”. Ясно одно: верхние 50–300 семей даже в новом холодном мире, скорее всего, так или иначе сохраняют свои позиции. Как говорилось в одном из детективных романов Агаты Кристи, “мир становится трудным для жизни, и это касается всех, кроме сильных”. Задача мировой верхушки – резко уменьшить число сильных. Однозначно в авангарде строителей НМП – большая часть англо-американских кланов в союзе с Ватиканом; ударная сила – Демократическая партия США. Именно на её высокопоставленных клерков была сделана ставка в организации перехода в НМП.

4

По всей видимости, именно в расчёте на них был разработан 16-летний план перехода к НМП, то есть к посткапитализму. Шестнадцатилетний, поскольку предполагалось, что 8 лет – президентство Обамы, ещё 8 лет – Х. Клинтон. Среди мер перехода к НМП центральное место занимали следующие две.

Во-первых, создание двух надгосударственных трансокеанских сообществ – Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства и Транстихоокеанского партнёрства. Решающую роль в обоих должны были играть транснациональные корпорации (ТНК), банки и фонды (типа Black Rock и Vanguard). По отношению ко всем этим формам, контролируемым в разных долях “хозяевами истории” (напомню, четыре кластера: монархо-аристократические семьи, Ватикан вкупе с религиозными орденами, банкиры и три диаспоры – еврейская, армянская и ливанская), государства и госбюрократии выступают как функциональный орган, как инструмент второго уровня; инструмент первого уровня – наднациональные структуры мирового согласования и управления типа Cercle, Siècle, Клуба островов, Бильдербергского клуба и др. Показательно, что хартия Транстихоокеанского сообщества, которая должна была регулировать отношения ТНК с государствами, готовилась по модели отношений британской Ост-Индской компании (БОИК) с индийскими княжествами, только на месте княжеств теперь государства, а на месте БОИК – ТНК. Не случайно идеальными, с точки зрения ультраглобалистов, формами организации посткапиталистического “новонормального” мира, базовыми единицами его и его макрозон являются структуры типа БОИК, разумеется, обновлённые и доведённые до уровня мегакорпораций, которые должны поглотить, всосать в себя государства и присвоить их репрессивные функции.

Во-вторых, необходимость выхода из кризиса 2008–2009 годов и перехода к НМП поставила перед мировым правящим слоем среднесрочную (в нынешних условиях это 5–7 лет) задачу установления **прямого** контроля пост-Запада над дешёвым сырьём РФ и дешёвой рабочей силой КНР. Это означало полную десоверенизацию даже этих крупных государств и делало ненужным наличие прозападных госбюрократий, будь то в форме “контролёров” или даже “приказчиков”. Их должна была сменить новая поросль, воспитанная на пост-Западе, в структурах типа швабятника “Молодые глобальные лидеры”. Этот тип блестяще показал в романе “Новый вор” Юрий Козлов.

Генеральной репетицией пост-Запада по стиранию Ластиком Истории прозападных же правящих групп стала так называемая “арабская весна”. Мировая верхушка, точнее, её околонучная обслуга, включая её компрадорский сегмент в РФ, попытались представить “арабскую весну” как исключительно внутренний процесс арабских стран, “борьбу масс за демократию”. Однако за последние десять лет на самом пост-Западе появилось немало исследований, авторы которых не только убедительно показали роль внешнего фактора, прежде всего, спецслужб и НКО пост-Запада в “арабской весне”, но и разоблачили трактовку СМИ (а точнее – СМРАД: средства массовой рекламы, агитации и дезинформации) как спонтанных местных движений за демократию.

“Арабская весна”, включая судьбу Каддафи, стала “добрым молодцам” уроком, они правильно поняли нечто как “чёрную метку” иотреагировали. К этому моменту, “в районе” 2010 года в РФ завершилась длившаяся с самого начала 1990-х годов борьба пяти групп за место под новым солнцем, за то, кто кого отсечёт от будущего и в какой степени. Речь идёт о эсвэровцах в союзе с внешторговцами, чекистах, эмвэдэшниках, военных и криминале. Борьба завершилась победой чекистов, которые в её процессе сильно коммерциализировались, а проигравших “сверчков” каждого посадили (не в плохом смысле слова) на свой “шесток”. Всё устаканилось. Казалось бы, живи и радуйся, так нет же: “Всё бы хорошо, да что-то не хорошо... будто что-то гремит, то ли что-то стучит... а пахнет ветер то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов” (А. Гайдар). Ветер доносился с арабского Востока. И стало ясно, что спокойной жизни не будет, а верить людям, которые обещали Каддафи жизнь, а сами радостно организовали его смерть, нельзя. В связи с этим в РФ логично произошло возвращение В. В. Путина, мы активно вмешались в “игры на дальних берегах” – в Сирии, а затем в 2014 году случился Крым – выигранное очко в проигранной партии за Украину: РФ несколькими неделями, если не днями упредила высадку американцев на полуострове. Ну, а дальше конфронтация пошла по нарастающей. Впрочем, создаётся впечатление, что до самого упора, аж до осени 2021 года российские верхи рассчитывали на снижение градуса противостояния. Вышло иначе – и опять пришлось работать на упреждение.

Поразительная вещь: насколько тупыми в своём высокомерии и высокомерными в своей тупости оказались верхушки пост-Запада. Ведь самый прозападный в русской истории режим они загнали в угол до такой степени, что ему не оставалось ничего другого, как начать активно сопротивляться, и в этом сопротивлении, пусть непоследовательно, озираясь, делая шаг вперёд – два шага назад, переползти, возможно, неожиданно для себя, точку невозврата и перейти в состояние осаждённой крепости. А ведь ещё во время сирийского конфликта Г. Киссинджер предупреждал, что Америка может выиграть у России в Сирии (ошибся), но в таком случае, скорее всего, проиграет всё, чего за 20 лет добились в самой России (так и вышло, но не по поводу Сирии).

Определённая часть руководства КНР тоже верно поняла курс пост-Запада, начались те процессы, которые привели к обострению китайско-американских отношений, “тайваньскому казусу”, курсу Си Цзиньпина на третий срок и росту напряжённости между его группой и так называемыми “комсомольцами”; вишенка на торте – это как прямо во время XX съезда КПК “под белы ручки” выводят “на коридор” лидера “комсомольцев”, сторонника мирного курса по отношению к Тайваню и замирения с США Ху Цзиньтао. Китаю грозит оказаться в ситуации осаждённой крепости – как РФ. Впрочем, две крепости, пусть даже осаждённые, это сила, особенно если учесть, что это две ядерные державы. Задача – институционализировать этот осаждённо-крепостной статус и осадить (в обоих смыслах слова) осаждающего – пост-Запад.

С началом терминальной фазы системного кризиса мировая верхушка подписала приговор суверенитету РФ и КНР и их правящим слоям в их нынешнем виде, и те решили сопротивляться. Однако главная беда к ультраглобалистам пришла откуда не ждали, из собственного логова: “чёрным лебедем” стал Трамп. Он, конечно же, не является националистом, каким его хотелось бы видеть некоторым. Трамп – традиционный глобалист, который считает, что государство должно ориентироваться на Международный валютный фонд, Всемирный банк и другие структуры подобного наднационального типа, но оно должно сохраниться. А с ним – промышленность, занятый рабочий

класс, средний слой. Однако, не будучи националистом, Трамп должен был сильно перегнуть “ультраглобалистскую палку” в противоположном направлении, чтобы попытаться её выпрямить. В этом плане, пожалуй, главный его результат – это подрыв до основания, но без “затем”, бесповоротно двух трансокеанских образований – “двух китов”, на которых строился план эволюционного, постепенного перехода к посткапитализму.

В связи с этим в условиях временного пресса у ультраглобалистов оставался только один путь к НМП – скоростной или, если угодно, революционный. Но для этого нужно было расчистить площадку в самих США, вернуть Америке статус логова ультраглобализма, а значит – свергнуть Трампа. Что и было сделано в 2020 году путём госпереворота, на который сработали ковид, ударивший по экономике, запуск BLM – движения чёрного нацизма – и наглые фальсификации во время голосования. В Белый дом внесли дементора (во всех смыслах) Байдена, ультраглобалисты могли торжествовать и активизировали свою деятельность как на пост-Западе, так и за его пределами. Впрочем, готовиться к наступлению ультраглобалисты начали, естественно, до 2020 года. Кое-что прозвучало в Давосе в 2017 году, но главное случилось в 2018-м. Именно тогда произошли два важных события: был опубликован документ ультраглобалистов “Цели на 2030 год”, и проведена конференция в Институте сложности Санта-Фе (США). С этими материалами я хочу вкратце познакомить читателя.

Порой приходится слышать: а зачем нам знать, что пишут глобалисты, мы вообще не должны обращать на них внимание, а жить, как считаем нужным, будто их нет. Подобная точка зрения удивляет. Те, кто её придерживается, либо, мягко говоря, не очень далёкие люди, либо “засланные казачки”. Как это – не знать планы врага? Ну, давайте будем идиотами в греческом смысле этого слова, то есть людьми, живущими так, будто окружающего мира не существует. Но в том-то и дело, что он существует и планирует нас уничтожить. Зарыть голову в песок – не лучший способ этому помешать. К тому же, как говорил Гэндальф во “Властелине колец”, “постигая врага, проникаешься его коварством”. Короче говоря, врага надо не просто “знать в лицо”, но изучать, анализировать. Не случайно в США Советский Союз изучали сотни структур, а у нас США изучали службы – раз-два и обчёлся, к тому же напичканные проамериканской агентурой влияния.

5

Целей на 2030 год в документе была сформулирована дюжина.

1. Отмена частной и личной собственности.
2. Всеобщий базовый доход тем, кто принял “новую нормальность”.
3. Отмена наличных денег, замена их цифровой валютой.

(От себя добавлю: цифровая валюта – это не деньги, а средство социального контроля.)

4. Система углеводородных рейтингов для государств и корпораций.
5. Жёсткий социальный контроль (дроны, узнавание лиц).
6. Рационирование потребляемого продовольствия, энергии и природных ресурсов.
7. Патенты на семенной фонд и ограничение возможности питаться пищевой продукцией собственного производства.

8. Почти полная ликвидация скотоводства. Перевод основной массы населения либо на искусственную белковую пищу, либо на вегетарианскую.

(От себя добавлю: в Нидерландах, в Харлеме, с 2023 года запрещается реклама мясных продуктов, мясных блюд в общественных местах; дальше – больше: по сообщениям СМИ, в октябре 2022 года в Нидерландах принято решение о принудительном выкупе 3000 скотоводческих ферм у их владельцев. Прощай, скотоводство – и высококачественная белковая пища!)

9. Контроль над рождаемостью. (Это депопуляция.)
10. Обязательная (то есть насильственная) вакцинация.
11. Запрет альтернативных форм медицинского лечения.
12. Отмена половых различий.

Последнее есть не что иное, как удар не только по семье, но и по человеку и человечеству как биологическому виду. Когда-то Энгельс назвал свою работу о цивилизации как о том, что противостоит варварству, “Происхождение

семьи, частной собственности и государства”. Реализация “Целей...” предполагает уничтожение всего того, что создало человеческую цивилизацию. В связи с этим, забегаю вперёд, замечу: ультраглобалисты стремятся не просто создать в глобальном масштабе удобный для себя посткапитализм, но, во-первых, перезапустить историю в том виде, в каком она развивалась со времён “неолитической революции”, то есть последние 10–12 тысяч лет, и направить её в сторону институционализированного неоварварства, футуро-архаики; во-вторых, поставить под контроль (социо)биологическую эволюцию, повернув её вспять, и превратить основную массу населения планеты в социальных животных без качеств, без идентичностей – в людей без свойств, постлюдей. Шваб, Харари и вся эта нечисть, твердящая о конце эры людей и наступлении эры постчеловека, напоминает мне разглагольствования и выкрики двух антигероев “Властелина колец” – злого мага Сарумана и уродливого орка Готмога: “Приходит конец эры людей, наступает время орков!”. Постчеловеки швабоидов – это именно орки, ими легко управлять, натравливая и бросая их на оставшихся людей.

Если в документе “Цели...” намечены лишь цели, то в дискуссиях конференции в Институте сложности Санта-Фе, у истоков которой – Р. Тиллерсон и несколько спецструктур, прежде всего АНБ, сформулирована стратегия, средство их достижения. В конференции под условным названием “Риски уязвимого мира” приняли участие руководители корпораций, политики, высокопоставленные спецслужбисты. После того как были заслушаны и обсуждены шесть докладов (общий; экономика и промышленность; угроза стабильности и порядку со стороны искусственного интеллекта; климат; энергетика; демография), развернулась дискуссия об основных возможных и желаемых сценариях развития человечества, разумеется, в интересах верхних 0,1% мировой верхушки, которой и служат участники.

Первые два сценария – революционный (человечество решает нынешние острые проблемы и делает качественный рывок в будущее) и оптимальный (человечество просто решает насущные проблемы без рывка) – подавляющим большинством участников были отвергнуты как маловероятные по реализации. Причина – низкий уровень интеллектуальной и волевой планки мировой административной элиты, с одной стороны, и сытый конформизм, безынициативность и зашоренность основной массы населения – с другой. Третий сценарий – катастрофа – посчитали наиболее вероятным 55% участников. Самый больший интерес вызвал четвёртый сценарий – за желательность его реализации высказались 25%. Называется он “антропологический переход”. Речь идёт о создании общества, верхи и низы которого различаются, как два биологических вида. Верхи, неоднократно меняя органы, живут 120–140 лет в экологически чистых зонах (“анклавах”), включая плавучие города, питаются высококачественной натуральной белковой пищей и держат под тотальным контролем низы и ресурсы. Низы живут 40–60 лет, физически слабы, по сути, необразованны, живут в экологически грязных зонах, погружённые в “дополненную”, то есть виртуальную реальность; Ст. Лем в “Сумме технологий” называл это фантоматикой. По сути, перед нами двухкастовое общество в духе элов и морлоков из “Машины времени” Г. Уэллса, без какого-либо намёка на средний слой (“класс”), который первым должен пойти “под нож” экспроприации во время антропологического перехода к НМП.

Итак, цели определены, за дело, буржуины. Но как запустить сам переход? Ещё в 2010 году идеолог мондиализма Жак Аттали в одном из интервью откровенно заявил, что толчком к НМП может стать пандемия. Аналогичные мысли о подобном рода “трансформирующем событии” высказывали Дональд Рамсфелд в бытность министром обороны США, люди из Фонда Рокфеллеров. И вот в октябре 2019 года Фонд Билла и Мелинды Гейтс проводит учения Event 201 (“Событие 201”). В учениях отрабатываются меры по борьбе с пандемией коронавируса. И в 2020 году она приходит! Заказывали – получите. Точнее – так: сначала СМИ кричат о росте заболевших, и 11 марта 2020 года глава ВОЗ Тедрос Аданом Гебреисус, эфиоп с репутацией коррупционера и троцкиста, любимец Гейтса, заявляет: “Мы пришли к выводу, что болезнь может быть расценена как пандемия”. Позднее Гебреисус будет подчёркивать, что ВОЗ не объявляла пандемию, а лишь высказала предположение. При этом, однако, мы помним, что все правительства, за исключением белорусского и шведского, щёлкнули каблуками и бросились реализовывать

меры, далеко выходящие за пределы необходимых. Началось коронабесие – наведённая психическая эпидемия в совокупности с социально репрессивными и депривационными мерами. Прямо по Мишелю Фуко: “надзирать и карать” (*surveiller et punir*).

Всего лишь через три с небольшим месяца после объявления пандемии выходит книга ультраглобалиста, организатора Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба, написанная им в соавторстве с Жаном Маллере, – “Ковид-19: великое обнуление” (*COVID-19: The Great Reset*). Слово *reset* ошибочно переводят как “перезагрузка”; перезагрузка – это *restart*; *reset* – это обнуление, сброс. И действительно, речь у Шваба и Маллере идёт о сбросе, обнулении предыдущей истории.

Тезисно основные выводы и предложения книги, по сути, программы действия ультраглобалистов, можно представить следующим образом.

6

Шваб признаёт, что ковид вовсе не является экзистенциальной угрозой – его не сравнить ни с “чёрной смертью” XIV века, ни с “испанкой” 1918–1919 годов, однако несмотря на это, он имеет огромное значение, поскольку позволяет резко ускорить те процессы, которые уже идут в XXI веке и должны привести людей в мир “новой нормальности”. Эти процессы суть: развитие “зелёной экономики” (читай: деиндустриализация под предлогом климатических изменений, якобы вызванных человеком); курс на снижение потребления (на мировую верхушку и лично Шваба это, естественно, не распространяется); цифровизация (цифровой социальный контроль) и роботизация; углубление гендерного равенства; борьба за права ЛГБТ, поглощение государств(а) корпорациями.

Хотя Шваб, будто мантру, повторяет слова о неизбежности постковидного мира “новой нормальности”, он перечисляет и опасности, которые его более чем беспокоят: а) сопротивление масс; б) затягивание процесса во времени – всё нужно проделать в короткие сроки (социальный блицкриг); в) выход из “проекта” одной из трёх крупнейших стран – США, РФ, КНР, что не позволит реализовать задуманное в мировом масштабе.

Расхваливая на все лады НМП, Шваб тут же говорит о том, что ковид усилит неравенство – социальное, экономическое, политическое, психологическое, в доступе к медицинским услугам. Роботизация ухудшит положение рабочих, сократится социально-экономическое пространство малого и среднего бизнеса и в то же время – государства: швабовский мир – это мир вселилия корпораций. И в то же время мир существенно ухудшившегося качества жизни для основной массы населения. По сути обердавосец возвращается к неомальтузианской концепции “нулевого роста” Римского клуба в новой версии: *degrowth* (“нерост”, “антирост”, “рост вспять”); он с восторгом присоединяется к манифесту, подписанному в мае 2020 года 1100 экспертами – сторонниками курса на “равенство в снижении качества экономики”. Задача, считают они, создать экономику сниженного качества (*downscaling economy*). Шваб пишет, что такая экономика “приведёт нас к будущему, в котором мы можем жить лучше, довольствуясь меньшим” (*where we can live better with less*).

Поворот от экономического роста (*growth*) в сторону нероста (*degrowth*), похоже, превращается в мейнстрим. Журнал *The Economist* (11.12.2022) в статье “Как Запад разлюбил экономический рост” (*How the West Fell out of Love with Economic Growth*) сообщает, что ныне страны ОЭСР примерно в два раза меньше ориентированы на экономический рост, чем в 1980-е. Об этом свидетельствует проект *Manifesto*, разработчики которого собирают информацию о манифестах политических партий стран ОЭСР.

Проростовые настроения политических партий были сильны в 1960-е годы, снизились в 1970-е, поднялись почти на уровень 1960-х в 1980-е, а затем начали падать, причём резко: к 2021 году они достигли пика. Партийные манифесты, риторика и настроения отражают позицию господствующих групп, которые, как мы видим, решили максимально затормозить экономический рост. Средство и одновременно обоснование – “зелёная повестка”. И это при том, что многие меры по развитию “зелёной экономики”, например, строительство ветроэлектростанций, не только не решают проблем энергообеспечения, но губят природу – леса.

21 января 2020 года был опубликован официальный ответ правительства Шотландии (номер документа: FOI/19/02646, дата получения: 26.11.2019, дата ответа: 16.01.2020*) на запрос о количестве деревьев, срубленных для строительства береговых ветроэлектростанций в Шотландии, и площади, которую эти деревья занимали. В официальном ответе говорится, что, начиная с 2000 года, деревья были вырублены на площади 6994 га. Общее количество вырубленных деревьев на январь 2020 года – 13,9 млн. А сколько было вырублено в Европе в целом? Но сторонники “зелёной повестки” благобно рассказывают, что леса надо вырубать, если мы хотим спасти планету и жизнь на ней. А европарламентарии готовятся под этим предлогом запретить импорт кофе, шоколада и бумаги, если их производители документально не докажут, что деревья не рубили.

Вернёмся, однако, к рецептам Шваба, которые он от имени своих хозяев готов прописать человечеству.

В качестве примера жизни по низшему разряду Шваб приводит Патагонию – суровый край бедной страны Аргентины. “Патагонизация” – это удел периферии и полупериферии большей части мира (на самом деле получится гаитизация и сомализация). Для меньшей части – “японификация” (модель Японии в том виде, в котором она существует после страшного экономического удара конца 1990-х). И то, и другое – регресс, деградация.

Весьма оригинальным образом Шваб разделяется с капитализмом, обосновывая курс на лишение среднего слоя собственности на вещественные факторы производства (читай: курс на уничтожение среднего слоя, то есть малого и среднего бизнеса) необходимостью создания высшей, служащей всем людям формы капитализма – стейкхолдерского. На самом деле, стейкхолдерский капитализм – это не просто не капитализм, а средство уничтожения капитализма, причём в интересах не трудящихся, как об этом мечтали Маркс и коммунисты, а узкой кучки миллиардеров. От акционера-дольщика (shareholder) стейкхолдер (stakeholder) отличается тем, что у него нет собственности, он – сторона участия, лицо, заинтересованное в том, чтобы данный бизнес функционировал; “вторичный участник огромного коммерческого проекта”.

Шваб с его Всемирным экономическим форумом в Давосе – это одна линия демонтажа капитализма ультраглобалистами под видом его максимального расширения, распространения на всех жителей планеты: все – капиталисты, у которых на самом деле ничего нет, кроме участия, то есть “по усам текло, в рот не попало”. Другую линию развивает созданный в декабре 2020 года “Совет по инклюзивному капитализму” с Ватиканом. Формальный глава – первый иезуит на папском престоле Франциск, координатор и фронтмен – Линн Форрестер де Ротшильд, вдова скончавшегося в ноябре 2022 года Эвелина Роберта де Ротшильда, владелица огромного состояния, а также частично – журнала “Экономист”, член Совета по международным отношениям, Королевского института международных отношений (КИМО) и многих других структур. Она – близкая подруга Х. Клинтона и Жислейн Максвелл (подельница педофила и организатора педофильских оргий для верхушки власти и шоу-бизнеса Джеффри Эпстайна, которого убили в тюрьме как нежелательного свидетеля). Как говорится, скажи мне, кто твой друг...

Инклюзивисты подают свой “включающий капитализм” как такую социально-экономическую систему, которая работает якобы не на капитал, а на всё население планеты; все в мире становятся “включёнными капиталистами”, при этом не имеющими собственности, причём не только частной, но и личной – всё только в пользовании: “у нас ничего нет, и мы счастливы”. Цель – строительство справедливого инклюзивного общества (естественно, как положено: “устойчивое развитие”, “зелёная повестка” и т. д.). Лозунг: People, planet, principles of government, prosperity.

Всего структуры, стоящие за Советом, имеют капитализацию 2,1 трлн долларов, совокупный доход – 10,5 трлн долларов, в 163 странах на них работают 200 тысяч человек. Возглавляют Совет 27 стражей. Почему 27 и почему “стражи”?

В 2007 году группа под руководством Джеймса Глаттфелдера в цюрихском Государственном технологическом институте ввела данные о 37 млн

* Ответ обнаружил независимый эксперт Максим Рыжков: информация – в ТГ-канале “Седьмая печать” от 11.12.2022.

корпораций, их “дочках” и частных инвесторах в суперкомпьютер Orbis 2007. Было выявлено ядро – 43 060 корпораций; у него своё ядро – 1318 корпораций, контролирующих 20% мирового дохода плюс владеющих и контролирующими акции большинства крупнейших корпораций (ещё 60% дохода). Внутри ядра – суперядро – 147 корпораций, щупальца которых охватывают 1318. 75% из них – это банки. Они тесно связаны друг с другом и по сути составляют единое целое. Они контролируют 40% мирового дохода и все основные СМИ. У 147 есть мозг – 27 корпораций, банков и фондов.

Их представители и есть 27 стражей. Это представители структур, многие из которых замешаны в неблагоприятных, а то и просто грязных делах (смертоносные лекарства, ГМО). Ну, а стражами эти работающие под командой де Ротшильд и в союзе с Ватиканом называются по простой причине: один из неафишируемых титулов Ротшильдов – “стражи казны Ватикана” (Guardians of the Vatican Treasure). Ну и, разумеется, и Франциск, и де Ротшильд, и Шваб – горячие сторонники “зелёной повестки” и поголовной обязательной вакцинации от ковида.

Вплоть до начала СВО Шваб и инклюзивисты не делали резких заявлений по поводу России, скорее наоборот, а Шваб и особенно Франциск так вообще пытались играть роль доброго следователя. Роль злого следователя традиционно принадлежит британцам, и они лишний раз отметились ещё весной 2020 года. Именно тогда Королевский институт международных отношений, известный также как Чэтем-хаус (Chatham House) и являющийся центром концептуальных разработок не только глобальной Англосферы, но и пост-Запада в целом, опубликовал доклад “Мифы и ложные концепции в спорах о России. Как они влияют на западную политику и что можно делать?” Документ перечисляет 16 пунктов, которые объявляются ложными и которые нужно опровергать! По сути, сформулирована повестка для пост-Запада в целом, жёсткая “указивка”, обязательная для исполнения.

Вот эти ложные, согласно документу, идеи:

1. Россия и Запад одинаково плохи.
2. Россия и Запад хотят одного и того же.
3. России было обещано, что НАТО не будет распространяться на восток. (От себя замечу: здесь они “соврамши”. Уже обнаружены документы, причём самими же “западниками”, подтверждающие наличие такого обещания. Плюс недавнее заявление одного из натовских деятелей, что теперь, после начала операции, США и НАТО не связаны никакими обещаниями, которые они давали. Значит, обещания были.)
4. Россия не находится в конфликте с Западом.
5. Западу новая панъевропейская архитектура безопасности, которая включит Россию, не нужна.
6. Запад должен улучшать отношения с Россией.
7. Россия имеет право на защитный периметр. (От себя замечу: значит, по их мнению, не имеет.)
8. Запад должен вбить клин между Россией и Китаем, чтобы ослабить их совместные действия.
9. Отношения Запада с Россией следует нормализовать с тем, чтобы противостоять подъёму Китая.
10. То, что будет после Путина, будет лучше, чем Путин.

С учётом опровергаемых идей деятели из Чэтем-хауса формулируют 10 императивов действия:

1. Принять стратегию, основанную на жёсткой оценке эмпирических свидетельств, возможностей, намерений и действий России.
2. Помнить, что Кремль – не друг Запада и никогда им не будет.
3. Избегать соблазна заключения большой сделки с Россией или геополитического союза.
4. Ожидать от России жёстких действий.
5. Не сдаваться, не уступать.
6. Признать, что недружественные отношения с Россией соответствуют нынешнему моменту и диктуются реальностью, с которой мы сталкиваемся.
7. Ставить безопасность выше экономической выгоды.
8. Сопротивляться соблазну компромисса в области интересов и ценностей ради сотрудничества.

9. Подготовиться к жёсткой реакции Москвы на защиту Западом своих интересов.

10. Развивать исследования по России, увеличить число специалистов по России.

Последнее – прямое указание готовиться к когнитивной войне. В нескольких своих выступлениях я уже рассказывал, что разведывательное и научное сообщества Англосферы активизировали совместную деятельность по подготовке специалистов по когнитивной войне. Так, ЦРУ и МИ-6 заключили договор с историческими факультетами Дарэмского, Оксфордского и Кембриджского университетов о подготовке на их базе историков по принципиально новым специальностям. Речь идёт об “историке-системщике” (system historian), чья задача – анализировать социальные системы на предмет их уязвимости, и “историке-расследователе” (investigative historian); его задача – воссоздание процессов, ситуаций и событий, причём, главным образом, на основе косвенных данных. Здесь также необходимо вспомнить и создание исследовательского центра и семинара в структуре “Пяти глаз” (союз разведок англосаксонских стран, несколько лет назад туда отчасти допустили разведки ФРГ, Израиля и Японии), и программу GDELT, подхваченную ЦРУ.

Агрессивный – до истеричности – тон британцев обусловлен несколькими причинами. Во-первых, традиционной русофобией, которую они развивают с 1820-х годов, традиционной британской враждой к России. Во-вторых, тем, что именно РФ стоит на пути формирования британской макрзоны в посткапиталистическом мире. В-третьих, потому что именно Россия с её ядерным оружием и упором на традиционные ценности – при всей непоследовательности ряда действий руководства РФ – объективно, в силу самого факта существования стоит на пути реализации кланами Англосферы и их союзниками схемы “новой нормальности”, НМП.

7

Схему, которую уготовили человечеству эти персонажи и стоящие за ними силы, я называю биоэкотехнофашизмом (БЭТ-фашизмом). Разумеется, слово “фашизм” используется здесь не в строгом смысле слова (в строгом он был лишь в муссолиниевской Италии), а в метафорическом. В европейской – и шире – мировой традиции фашизм – это наихудшее, максимальное зло, хуже ничего быть не может. Для “хуже” слова нет, разве что “ад”, “инферналия”. На самом деле, тот новый мир и новый строй, который в качестве неизбежного пытаются навязать миру швабиды, хуже фашизма, хуже того, что было в Третьем рейхе. Впрочем, ультраглобалисты являются его наследниками по прямой: наследниками нацизма – по одной линии и троцкизма – по другой. Как говорил Сталин по поводу троцкистско-бухаринского блока, пойдёшь налево – придёшь направо, пойдёшь направо – придёшь налево: диалектика.

БЭТ-фашизм хуже своего “предка” (и, соответственно, книга Шваба о ковиде хуже и опаснее “Майн кампф” Гитлера), потому что, если Гитлер хотел создать политический новый мировой порядок, то швабиды возводят такой строй, который предполагает изменение и биологической природы человека. Шваб специально подчеркнул, что чаемая им четвёртая промышленная революция отличается от первых трёх следующим: они характеризовались тем, что вы делаете с миром, тогда как четвёртая революция – это то, что делают с вами; и если вы принимаете внутрь нечто генетически изменённое, то меняется ваша идентичность как существа. Как тут не вспомнить, что руководство Pfizer вынуждено было признать: то, что оно выдавало за вакцину, на самом деле является средством генной терапии. Ну и, конечно же, речь идёт о сокращении населения.

В последнее время аппетиты ультраглобалистов по части сокращения населения растут. Если раньше говорилось об 1–2 млрд человек как желаемой цифре, сейчас всё чаще называют 500 млн. Например, Джейн Гудолл, известный приматолог (почти полвека изучала социальную жизнь и интеллект шимпанзе в Национальном парке Гомбе-Стрим в Танзании), недавно заявила, что оптимальной численностью населения планеты была бы такой, какой она была 500 лет назад. Тогда население Земли насчитывало 491 млн человек. И ведь Гудолл – не просто спятившая от длительного общения с обезьянами бабка,

а важная публичная фигура – посол мира ООН, почётный член Совета будущего мира, для него она и планирует 500 млн жителей. И неважно в данном случае, используют ли её ультраглобалисты как полезную идиотку или это её зловещее убеждение о необходимости выбраковки и пересортицы примерно 92–93% жителей планеты – собственное и искреннее; важно то, что цифра озвучена. Кстати, эта цифра предельного населения планеты полностью совпадает с той, что была зафиксирована на так называемых скрижалях Джорджии. Напомню, что речь идёт о гранитном монументе (высота – 6 м, вес – 119 т), установленном в 1980 году в округе Элберт (США, штат Джорджия) местной фирмой по заказу оставшегося инкогнито клиента. На скрижалях – надписи на восьми современных и четырёх древних языках. Содержание надписей – будущее человечества, в том числе, что его численность не должна превышать 500 млн человек. В 2022 году неизвестные взорвали одну из скрижалей, в тот же день власти снесли оставшиеся.

Изменение биологической природы в мире “новой нормальности” планируется ультраглобалистами рука об руку вместе с сокращением численности населения и ужесточением контроля над ним. Средства: технические (чипы); химико-биологические (эпидемии, вакцины – отсюда резко возросшая роль “Биг Фармы”); военно-политические (уничтожение пассионарной части общества посредством войн); информационно-психологические (отмена полов, упор на права ЛГБТ-сообщества, разрушение семьи). Чипизированного человека предполагается напрямую соединить с искусственным интеллектом. Думаю, мало что из задуманного ультраглобалистами будет реализовано, однако необходимо ясно представлять планы врага человечества в целом и в отношении России и русских – в частности. Это планы реализации БЭТ-фашизма.

Био – эпидемии и “вакцинации”, подрывающие здоровье; если у 2–2,5 млрд людей ультраглобалисты планируют изъять собственность, то 3–4,5 млрд, у которых нечего взять (это, согласно терминологии известного швабоида, израильянина Ювая Харари, “беспольный класс”; у других ультра: “лишние едоки”, “избыточное население”), подлежат демографическому просеиванию, выбраковке (чума, война, голод); дополнителем средства – эскалация иммунодефицита населения путём генной терапии под видом вакцинации; результат – утрата на генетическом уровне иммунного, интеллектуального и эмоционального потенциала в последующих поколениях; внедрение эвтаназии по решению не только самого человека, его родственников, но и врачей (Канада, считай, уже салютует доктору Менгеле). Это, по сути, нацистский по своему духу план окончательного решения “избыточно классового” вопроса.

Эко – деиндустриализация, депопуляция и снижение потребления именем “зелёной повестки”.

Техно – цифровой контроль над поведением индивида и социальных групп (“умный город”, виртуализация жизни; крайний случай – система социального рейтинга в Китае).

8

На данном этапе в треугольнике “био-эко-техно” остроударным является “угол” эко: “зелёная повестка”, которую диктуют климатические изменения, обусловленные якобы действиями человека. И это при том, что серьёзные учёные говорят лишь об обычных тысячелетних и вековых климатических колебаниях. Но ультраглобалистов в их бэт-фашистском раже это не волнует. Волнует то, что “зелёная повестка” движется, по их мнению, медленнее, чем им нужно. И вот на помощь призывается уже религия, задействуется религиозный фронт борьбы за “зелёную экономику” и её дивиденды. Ну, а представители церкви, прежде всего, католики решают при этом свои проблемы, продвигаясь уже не просто к экуменическому, а к фактическому объединению религий, по крайней мере, авраамических (надеюсь, Православие не попадёт в эту ловушку) в единую веру. 14–15 сентября 2022 году в Абу-Даби прошёл VII съезд лидеров мировых и традиционных религий. Тема – “Роль лидеров мировых и традиционных религий в духовном и социальном развитии человечества в постпандемический период”. Часть встреч прошла внутри здания в виде пирамиды. Речь шла о необходимости единства христианства,

иудаизма и ислама в рамках некоего целого – наблюдатели окрестили его “хрисламом”; они также обратили внимание, что имя Иисуса Христа на съезде не было упомянуто ни разу.

В ноябре 2022 года на Синае (Египет), то есть в месте религиозного откровения всех авраамических религий, прошёл климатический форум COP-27. Одним из организаторов выступил Межконфессиональный центр устойчивого развития. Хочу напомнить, что при всей внешней привлекательности термина “устойчивое развитие” в реальности он означает сокращение населения планеты до 2 млрд человек (то есть “бархатный” и не очень геноцид), снижение потребления и жизненных стандартов основной массы населения планеты именем спасения природы от человека.

На форуме “межконфессионалы” провели церемонию “покаяния в климате” – за якобы вину человечества в пагубном изменении климата. Была проведена презентация “Экобиблии”, написанной группой католиков, протестантов и иудеев под руководством рабби Нерила; также были представлены экологические комментарии к книгам Бытия и Исхода. Главный тезис: устойчивое развитие – воля Бога (то есть светского обоснования “устойчивого развития” ультраглобалистам уже не хватает). Были озвучены “десять заповедей климатической справедливости” и – главное – сформулирована идея единой мировой религии, цель и центр которой – сохранение природы, именем Бога, конечно, но по сути не ради Него, а ради природы.

Ультраглобалисты не были бы верны себе, если бы под покровом веры не протаскивали вполне конкретные вопросы глобального передела и установления контроля над мировыми ресурсами. Например, Майкл Шерен, бывший старший советник Банка Англии и сопредседатель G20, а ныне президент CSO в Meta Verse Green Exchange, прямо заявил, что скоро в ходе декарбонизации промышленности карбон (углерод) станет чем-то вроде валюты – наряду с обычной. Он подчеркнул, что южное полушарие и вообще глобальный Юг имеют бóльшую ценность, чем Север, – они ценнее и стоят дороже, чем всё то, что лежит во всех английских банках. Леса Индонезии – правое лёгкое планеты – и Амазонки – левое лёгкое, вода, деревья, биоразнообразие – всё это (внимание!) стоит денег, и мы, продолжал Шерен, начинаем думать об установлении цены на всё это; вопрос, по его мнению, лишь в том, как это реализовать на практике, скорее всего, посредством технологии блок-чейн (видео выступления Шерена есть в Сети*).

Таким образом, именем “зелёной повестки” и единого межконфессионального Бога, служащего сохранению природы, протаскивается идея глобальной приватизации корпорациями природы, а точнее – планеты Земля с её ресурсами (включая вырабатываемый лесами кислород).

Одна из задач БЭТ-фашизма по созданию низов мира “новой нормальности” – уничтожение общества как целого путём раздробления его на десятки меньшинств и поощрение крайних форм индивидуализма, с одной стороны, с другой – упрощение, примитивизация поведения и психологии посредством уничтожения реальной культуры (старт дала контркультура 1960-х годов), образования, физиологизации/сексуализации поведения, превращение людей в “ходячие желудки” и “члены на ножках”, то есть в выдрессированных биороботов (“филетическая эволюция”). Упрощение социума должно, по замыслу ультраглобалистов, навсегда поставить им на службу три закона кибернетики: Эшби – Шеннона – Винера (управляющая система должна по мощности и сложности превосходить управляемую), Бира – Анохина (управляющая система должна быть способна к опережающему прогнозированию развития управляемой системы) и Седова – Назаретяна (в сложной иерархически организованной системе разнообразие на верхнем уровне может обеспечиваться за счёт снижения разнообразия на нижних уровнях).

Если максимально упростить управляемый социум, подавлять качественное разнообразие в нём, то можно не особо заботиться о развитии и усложнении структур себя любимых. У этого варианта, правда, есть обратная сторона, поскольку каждое приобретение есть потеря. Эта сторона – деградация верхов, которая неизбежно “прилетит” бумерангом. И если БЭТ-фашизм удалось бы реализовать на практике, то время его существования – по “принципу Будденброков”, то есть не более четырёх поколений. А далее – крах и уже

* Я благодарен Екатерине Коваленко, обратившей на него моё внимание.

полное, а не частичное погружение в Темновековье. Для решения этой проблемы понадобится свой аналог плана Селдена, как в азимовской “Академии”. Только вот где ему взяться в условиях размагниченных верхов, сконцентрировавшихся на социальной дрессуре?

Меры, направленные якобы на борьбу с ковидом, равно как и принуждение к тотальной, подрывающей иммунитет вакцинации, были попыткой социальной дрессуры. Однако уже к осени 2021 года стало ясно: большей части задач по реформатированию мира ковид, а точнее, его организаторы не решили. Вирус неясного происхождения ударил только по пожилым и тяжелобольным, причём не сам по себе, а как дополнительный, подталкивающий к пропасти фактор. Впрочем, и в этом случае смерть приписывали ковиду, раздувая цифры смертности. Однако и эта часть аферы была разоблачена: в конце 2021 года Высший институт здравоохранения Италии сократил официальное число умерших именно от ковида на 97,1%! То есть реально от ковида умерли лишь 2,9%!

В чём причины провала аферы/операции ковид-19 и её свёртывания? Начать с того, что планировщики не рассчитали степень сопротивления населения, особенно в Канаде и Франции, да и в других странах тоже. Налицо также явное недовольство части мировой верхушки. Во-первых, ошибками в планировании, недостаточной подготовкой операции; а, как говорили нам в одном учебном заведении, планирование и подготовка операции (курс так и назывался – ППО) обеспечивает 50% успеха. Во-вторых, резвый старт и обогащение “Биг Фармы” в ущерб целому ряду отраслей нарушало баланс доходов, а следовательно, сил в мировой верхушке. Поэтому в конце 2021 года журнал “Экономист”, а вслед за ним Гейтс заявили, что в 2022 году пандемия сойдёт на нет: так сказать, “следствие закончено, забудьте”. Это не означает, что глобалисты прекращают биоигры, отнюдь нет. Трудно сказать, например, обезьянья оспа – это фальстарт, неудачная попытка или “проба пера”? Тем не менее, по-видимому, биопандемию на время оставят; впрочем, вполне возможно, что постараются создать более смертоносный вирус, так сказать, про запас, на всякий случай.

О том, что биопандемии пока отставили, говорит тот факт, что Шваб и К° активно заговорили об опасности киберпандемий, по сравнению с которыми обычные, как они говорят, покажутся детскими игрушками. В связи с этим уже в 2020–2021 годах, так сказать, “на вырост”, были проведены учения по борьбе с “киберэпидемиями”. Киберполигон-2020 и Киберполигон-2021 (проводился ВЭФ на базе Сбербанка с активным участием не только Шваба, но также М. В. Мишустина и Г. О. Грефа в качестве главных организаторов, удостоившихся похвалы обердавосца).

Впрочем, оба эти учения, похоже, были лишь подготовкой к намного более серьёзным, в частности, к “Коллективной силе”, которая была проведена в декабре 2021 года в Иерусалиме под эгидой министерства финансов Израиля. Показательно и симптоматично, что Россию и Китай, в отличие от двух предыдущих учений, не пригласили. Из чего А. В. Лежава сделал резонный вывод: хакеров именно из этих государств или связанных с ними планировалось обвинить в кибератаках. “Эти учения, – продолжает экономист, – показали, что поставленная ранее задача – оправдать надвигающийся валютно-финансовый крах с помощью неких событий непреодолимой силы (пандемии, разрыва цепочек поставок) – не была выполнена в полном объёме и для этого необходимо использовать иные варианты (глобальную кибератаку и/или нечто иное) с их координацией уже на межгосударственном уровне”. Если учесть, что, во-первых, между “учениями” и “трансформирующим событием” проходит 2–3 месяца, а во-вторых, сразу же после учений в Израиле началась накачка Украины оружием и истерия в постзападных СМРАД по поводу неминуемого нападения России на Украину, то нельзя не согласиться с А. В. Лежавой в том, что во время “Коллективной силы” проводилась симуляция не хакерской атаки, а моделирование вооружённого конфликта, на который пост-Запад спровоцировал РФ.

Ослабление РФ, провоцирование в ней внутреннего кризиса – лишь одна из целей спровоцированного пост-Западом конфликта на Украине. Вторая задача, не менее важная и триединая, – ослабление вплоть до разрушения

экономики Германии, подрыв ЕС и погром его среднего слоя – отчётливо сформулирована в попавшем в Сеть исследовательском документе для служебного пользования (confidential) корпорации РЭНД. Среди адресатов – ЦРУ, АНБ, военная разведка и несколько других спецслужб.

Называется документ, датированный 25 января 2022 года, “Ослабление Германии, спасение США”. Он начинается с констатации того, что нынешняя экономика США не может функционировать без внешних материальных и финансовых источников. Их может обеспечить только ЕС, но главное препятствие здесь – Германия: не обладая до сих пор полным суверенитетом, она стремится к обретению субъектности, а США с выходом Великобритании из ЕС утратили возможность влиять на немцев путём межправительственных переговоров. “Увеличения потока ресурсов можно ожидать, – чеканит документ, – только если Германия начнёт испытывать контролируемый экономический кризис”.

Как его вызвать? Немецкая экономика базируется на двух основаниях: на неограниченном доступе к российским энергетическим ресурсам и дешёвой французской электроэнергии. Проблемы Франции в Сахеле делают её зависимой от канадского и австралийского топлива, и на неё можно давить. А вот единственным способом гарантировать отказ ФРГ от российской энергии авторы документа считают вовлечение немцев и русских в конфликт на Украине. А дальше, по сути, расписывается план провокации: “Наши дальнейшие действия в этой стране неизбежно приведут к ответу со стороны России. Русские не только не смогут оставить без ответа массивное давление украинской армии на непризнанные республики Донбасса, но их можно будет объявить агрессором и ввести против них полный пакет санкций. Тогда Путин может в ответ ввести контрсанкции, прежде всего, на поставку энергии в Европу. Ущерб, нанесённый странам ЕС, будет сравним с ущербом для РФ, а для Германии он будет ещё больше”.

Некоторые говорят о том, что данный документ РЭНД – фейк, а я полагаю, что он подлинный. Но даже если на миг предположить, что это не так, то такую постановку вопроса можно легко отместить “по-уэллсовски”. Однажды Герберта Уэллса спросили, что он думает по поводу “Протоколов сионских мудрецов” – это настоящий документ или фальшивка? Писатель ответил в том плане, что это не имеет значения, главное в том, что события в мире развиваются так, как прописано в “Протоколах...” В 2022 году события развивались так, как прописано в рэндовском документе.

Схема “два шара в лузу” в рэндовском документе описана предельно откровенно. Лишний раз становится ясно, кто реальный агрессор, и у него, действительно, сложное положение. При ВВП 22,9 трлн долларов промышленный сектор США обеспечивает лишь 18%, или 4,1 трлн долларов, тогда как в КНР вклад промышленности в ВВП (он составляет 16,9 трлн долларов) – 30,5%, то есть 5,1 трлн долларов. Индексы сложности экспорта – 1,57 и 1,35 – сопоставимы. Чтобы выжить, США должны развивать промышленность – прав был Трамп; на одних финансах, “поющих романсы”, интеллектуальной собственности и сфере услуг далеко не уедешь. Однако в глобальном мире нет свободных рынков, их нужно отобрать у конкурентов. Китай – субъект мировой политики, его экономика, производящая низкомаржинальную продукцию, тесно связана с американской. ЕС – не субъект, его экономика производит высокомаржинальную продукцию, но патенты, специалисты и компании, как подчёркивают аналитики, не принадлежат ЕС, они могут свободно переместиться в США, нужно только подтолкнуть. Как? Просто: спровоцировав конфликт на Украине и превратив ЕС де-факто в одну из его сторон. Активную роль в реализации американских интересов в ЕС и особенно в Германии играют “зелёные” – хорошо управляемые фанатики.

Результаты провокации не замедлили сказаться: за восемь месяцев 2022 года промышленное производство Германии снизилось на 1,8%, а вот производство зависимого от газа химического и фармацевтического секторов – на 10,7%. 21 сентября 2022 года Wall Street Journal опубликовала статью о массовом перемещении крупного немецкого бизнеса (не менее 180 компаний) в США. Впрочем, всё это бумерангом бьёт и по главному союзнику США в Европе – Великобритании.

Проблемы этого главного исторического врага России и русских усугубляются ещё и по следующей причине. В мире идёт формирование властно-

экономических макрорезон. У США и КНР с этим всё в порядке. ЕС сможет решить свои проблемы только в том случае, если присвоит ресурсы РФ. Однако, во-первых, РФ ядерная держава; во-вторых, даже и без этого США и КНР такую “игру” еэсовцам не позволили бы. У ЕС остаётся только Африка, за которую ему придётся побороться. В любом случае судьба романо-германской Европы – скатывание из зоны ядра капсистемы в зону полупериферии.

Тяжёлая ситуация у Великобритании – у неё собственная макрорезона пока вообще не складывается. Традиционная зона – Южный Китай – ускользнула; арабские эмираты Персидского залива достаточны как часть Англоарабии, но для макрорезоны этого маловато. Единственный выход для британцев – за столбить позиции в зоне геополитических интересов РФ, подвинув её из Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии. Но и здесь проблемы. В Центральной Азии под британцев лёг только Казахстан и то не до конца; в Закавказье Великобритания сталкивается с РФ и США; попытка организовать новое издание Речи Посполитой (Польша, Литва, Белоруссия, Украина) не вытанцовывается: без Белоруссии схема не работает, а попытка свергнуть Батьку в августе 2020 года провалилась. Остаётся Украина, именно поэтому Великобритания занимает по данному вопросу наиболее остервенелую позицию. Как говорил один из героев фильма “Неуловимые мстители”, “в бес- сильной злобе”.

Макрорезоны формируются в реальные базовые единицы организации посткапиталистического мира, в субъектов новой глобализации, селективной и ограниченной, в отличие от старой (1990–2010-е годы), которая была не чем иным, как агонией капитализма. В этом новом мире наблюдается пока не столь сильно выраженная, но вполне очевидная тенденция к формированию нового типа властно-экономических структур, они, по-видимому, и станут “лицом” посткапитализма. Речь идёт о такой властно-экономической структуре, в которой в единое целое сливаются разведывательные, силовые и часть государственных структур, корпорации и банки. Это и есть феномен глубинной власти, у которой, впрочем, есть не только подводно-подземная, но и надводно-надземная часть. Причём, если раньше предполагалось и планировалось, что корпорации просто поглотят государство, то наша СВО внесла коррективы в этот процесс. Как было признано на 83-й встрече Бильдербергского клуба, военные действия на Украине серьёзно притормозили процесс установления контроля корпораций над государствами – именно последние ведут войну, геополитика вернулась и потеснила геоэкономику.

10

Здесь имеет смысл чуть отвлечься от вопроса о глубинной власти и несколько слов сказать о работе последнего (68-го) заседания Бильдербергского клуба. Оно было проведено 2–5 июня 2022 года в Вашингтоне, и вопросы, обсуждавшиеся на нём, перекликаются с содержанием приведённой выше “указивки” Чэтем-хауса. Среди 115 участников из 20 стран и одной международной организации 53 были англосаксы (из них 33 – из США), 53 человека – представители 14 стран и 9 – голландцы. Последних я выделил потому, что британский (Виндзоры) и голландский (Оранская династия) королевские дома связаны теснейшим образом с концом XVII века, причём не только политически, но и экономически: так называемая “Славная революция” 1688 года, в результате которой на английском престоле оказался голландский статхаудер Вильгельм III, была лишь политическим оформлением слияния (merging) двух Ост-Индских компаний – английской и голландской. Иными словами, в современном мире Великобританию и Нидерланды следует рассматривать как некое целое, что, впрочем, не исключает ситуационных внутренних противоречий.

Посмотрим повестку дня 68-й встречи бильдербергеров. По сути, это тоже “карта мира”, из которой вытекает определённая программа действий.

Итак...

1. Появление страны-изгоя. Объявление её врагом цивилизованного мира. (То есть, читай – пост-Запада; понятно, что страна-изгой – это Россия.)
2. Расширение НАТО на восток и поставка ядерных вооружений.
3. Проблема в Китае. Анализ эксперимента в Шанхае, как успешно загонять людей в локдаун.

4. Адаптация населения к социальному рейтингу и глазу “Старшего брата”.

5. Индо-тихоокеанские изменения. Создание Индо-Тихоокеанской зоны против Китая. Попытка переместить производство, локализованное в Китае, в другие регионы мира.

6. Россия. Уровни санкционного воздействия. Странный характер русских. Возможности Польши принимать американскую помощь в достаточных для ЕС объёмах через Балтику.

7. Отношения между правительствами суверенных государств и глобальными корпорациями.

(От себя замечу: это очень важный был момент, потому что одна из главных задач – корпорации должны поставить государство под контроль.)

8. Появление независимых от SWIFT систем обмена банковской информацией.

9. Дезинформация. Работа с крупнейшими СМИ Запада по правильному, с их точки зрения, представлению планируемых мировых изменений.

10. Энергетическая безопасность.

11. Здоровье после пандемии. (Замечу от себя: официально зафиксирован конец пандемии.) Работа с оспой обезьян в развитых странах. Готовность Украины к холере. Вероятность осенней пандемии нового типа коронавируса.

12. Усиление роли органов местного самоуправления. (Замечу от себя: речь идёт о подрыве государства снизу.)

13. Временный отход от принципов глобального разделения труда. (Замечу от себя: селективная деглобализация.)

14. Украина. (Замечу от себя: во-первых, как ключ к дальнейшей дестабилизации русского мира; во-вторых, как ударная сила изготавившихся к новому прыжку глобалистов.)

Перед Украиной бильдербергеры в Вашингтоне поставили следующие задачи: 1) максимально втягивать РФ в переговоры по временному прекращению огня (правда, сейчас это отпало); 2) обеспечить бесперебойную поставку газа в ЕС по трубам; 3) передать США всё зерно пшеницы высших сортов прошлогоднего урожая “во избежание голода в мире”; 4) обеспечить с помощью поставляемого оружия защиту черноморских портов; 5) организовывать против РФ военно-политические провокации.

Завершило 83-ю встречу закрытое заседание в узком кругу. На нём были подведены итоги операции “Пандемия COVID-19”. При этом были отмечены сделанные ошибки, которые необходимо исправить. Силовики национально-государственного уровня устами Киссинджера предъявили претензии ооновским деятелям, ряду глав корпораций из “Биг Фармы”, некоторым руководителям “бигтеховских” корпораций и банкирам в том, что они поторопились, не подготовив для развёртывания антиковидных мер в США и Западной Европе площадку, как это было сделано в Шанхае, – речь идёт о системе социального рейтинга в Китае. В Европе и Америке такой ввести не получилось. И вот устами Киссинджера “хозяева мировой игры” объявили проштрафившимся: плохо подготовились и своей недостаточной подготовкой и торопливостью сорвали планы и сроки создания мира “новой нормальности”.

Была зафиксирована ещё одна очень важная вещь: СВО РФ на Украине не позволила реализовать задачу установления власти корпораций над государствами. Вернулась геополитика. Наша СВО существенно “притормозила процесс установления контроля корпораций над государствами” и оказалась объективно ломом в колесо ультраглобалистов.

Но вернёмся к вопросу о глубинной власти. Её институционализация по сути означает возрождение на новом витке истории структур типа британской Ост-Индской компании, “державы-купца” (К. А. Фурсов), в которой органично соединились корона (династия и государство), аристократия, спецслужбы, капиталисты, банкиры и криминал. И у каждого сегмента была функция в едином целом.

Если властно-экономические структуры нового типа идут на смену государству (state), то и надгосударственные структуры, призванные преодолевать государственные границы, в их прежнем виде будут не нужны: структуры глубинной власти, как и Ост-Индская компания, сами наднациональны по определению и органично являются одновременно открытыми и закрытыми (“принцип айсберга”). В плане аналитическом указанный процесс сотрёт

грань между политологией и конспирологией – появится новая дисциплина.

Значительную роль и в ускорении развития новой формы властной (политэкономической) организации, и в сохранении уже в едином целом значения того, что было в капиталистическую эпоху государством (“силовой сегмент”), будет играть война. Хотим мы того или нет, но мы вступили в военную эпоху. Во-первых, финал одной системы и старт, оформление другой всегда происходят в виде войн или, как минимум, сопровождаются ими. Во-вторых, “вход” и “выход” из систем и эпох, как правило, зеркальны. “Входом” в капиталистическую эпоху была Тридцатилетняя война (1618–1648) – четыре локальных, но тем не менее связанных между собой в пространстве и времени конфликты. Похоже, что мир выходит из капитализма и входит в посткапитализм тоже посредством чего-то похожего на Тридцатилетнюю войну. Первые два конфликта – Сирия и Украина. Дальше могут быть Закавказье, Арктика, Южная и Восточная Азия.

В последние годы вышел целый ряд работ (Насема Талеба, Сирилло Паскуале, Рэя Далио, Бира Браунмюллера, Аарона Клаузета, Уго Барди и др.; краткий их обзор интересно представил Сергей Карелов), авторы которых убедительно показывают: пауза между мировыми войнами заканчивается, управляемость мира теряется и единственным выходом может стать Большая война. Мир ещё не пересёк точку невозврата, но находится рядом с ней. Добавлю: Большая война в современных условиях будет, скорее всего, не тотально-глобальной, а серийно-локальной и, возможно, тридцатилетней. На практике, включая повседневную жизнь, это если не стирает полностью, то делает пунктирной границу между миром и войной, между военными и мирными аспектами и функциями жизни общества. В частности, обществоведческую науку это в значительной степени превращает в научную форму когнитивной войны. Когнитивная война (термин Франсуа де Крозеля*) – это комплекс активных мер, направленных на изменение поведения человека путём контроля за его познавательными функциями. Это даже не война в сфере информации, а блокировка одних её потоков и навязывание других. Формируемые способы мышления, нарративы и картины реальности делают ненужной информационную войну в строгом смысле слова, оставляют её “в офсайде”. С учётом сказанного необходимо перестраивать и весь комплекс социально-гуманитарных наук, прежде всего историю – содержательно, дисциплинарно и организационно, но это отдельная тема. И хотя она насущная, есть более насущные, не терпящие отлагательства в нынешней обстановке.

11

Мне уже приходилось говорить о том, что более слабый кланово-олигархический режим, коим является РФ, не может победить сильные кланово-олигархические режимы, коими являются таковые пост-Запада, тем более если они выступают единым фронтом – Всемирным рейхом как наследником Третьего рейха (новая форма нацизма), реализующим себя посредством ультраглобалистской “перманентной революции” (новая форма троцкизма). Для победы РФ должна измениться – идейно, психологически, социально. СССР выстоял в войне с превосходящим его и прущим в 1941–1942 годах “свиньёй” тевтонским вросоюзом благодаря единству (при всех проблемах) власти и народа в пору испытаний, наличию у власти и народа общих ценностей, отсутствию катастрофического разрыва в уровне жизни – ну, не было в СССР ситуации, когда 1% населения владел 70% национального богатства! Советские верхи, фигурально выражаясь, смотрели в ту же сторону, что и народ. Это было необходимым, хотя и недостаточным условием победы. Правящий слой и значительный сегмент активной части общества, у которых шея повёрнута в сторону пост-Запада – вероятный кандидат не на победу, а на то, что пост-Запад эту шею свернёт.

Значительная часть постсоветских верхов и их обслуги из сферы “интеллектухи” до сих пор живёт в постзападном идейно-ценностном поле, в постзападной сфере целеполагания, а потому ждёт не дожждётся, “когда всё закончится” и всё будет, как прежде. Как бы ни закончилось, но как прежде не будет. В связи с этим одна из насущных задач – лишить пост-Запад и его агентуру

* Я благодарен Александру Артамонову, обратившему моё внимание на этого автора.

в РФ возможности формировать повестку в нашей стране: в экономике, в СМИ, в науке и особенно в образовании — именно в нём предстоит много работы, как сказали бы наши предки, “по выведению измены”.

Традиционные, то есть консервативные ценности — это правильно и хорошо, но в современном рушащемся мире они начнут эффективно работать только на левой властно-экономической основе. В наших условиях только она может стать фундаментом ответственной власти (30 лет мы имели дело с практически безответственной властью, в которой никого не наказывали ни за воровство, ни за косяки, ни даже за предательство). Подчеркну: на данном этапе левоконсервативный уклад — не цель, а средство; он имеет хорошие шансы если не на победу над пост-Западом, то, по крайней мере, на почётную ничью. Она обеспечит возможность передышки, “пространства для вдоха” — в момент, когда пост-Запад рухнет сам по себе, это очень важно. В этом плане война на Украине (разумеется, если она не затянется на годы — на это у РФ просто может не хватить ресурсов) может стать средством существенной трансформации социума в правильном направлении, соответствующем интересам большинства населения, сути и логике нашей истории и нашим ценностям.

Власть в этом должна быть безжалостно последовательной, причём это касается не только военных действий, но и “мирной” сферы — кавычки я ставлю потому, что в условиях гибридной войны грань между войной и миром становится пунктирной, и мы оказываемся в зоне войномира или мировой войны, где гибридные победы в “войне” куются победами в “мире”, причём порой вторые важнее первых. Поэтому сегодня последовательность власти, административной системы в реализации государственных целей важна как никогда. Здесь смертельно опасно допускать господство клановых или ведомственных интересов над государственными.

К сожалению, приходится констатировать, что власть наша в противостоянии ультраглобалистам далеко не всегда последовательна. Например, в последние годы некоторые наши чиновники, то ли стремясь угодить Западу, то ли от чувств-с к партнёрам, то ли гонясь за модой, любящие порассуждать о необходимости и для нашей страны снизить выбросы углекислого газа. Доля РФ в мировых выбросах — 4,5%, причём она постоянно снижается. А вот США, КНР и ЕС совместными усилиями загаживают 50% атмосферы. Так кто в первую очередь должен уменьшать выбросы? И нужно помнить: вся “зелёная повестка” придумана именно для того, чтобы провести деиндустриализацию большей части мира, включая РФ, и превратить её навечно в гетто технологической отсталости и упадка. Плюс для скатывающейся в полупериферийное состояние Западной Европы это единственный козырь хоть как-то притормозить данный процесс, пытаясь путём получения дани за “грязь” перенаправить в свою пользу часть финансовых потоков. Как это там в “Золотом ключике”? “Купите у меня за четыре сольдо мою чудесную курточку”. Ответ: “Ищи дурака”. Вот так и надо отвечать на “зелёные претензии”, думая прежде всего об интересах своей, а не чужой страны. Тем более, как правильно пел Александр Вертинский, “там живут чужие господа, мы для них чужие навсегда” — даже если начнём подквакивать им “по-ихому”.

Идём далее. У нас провозглашена борьба за государственный суверенитет и традиционные ценности. В то же время в октябре 2021 года вице-премьер Д. Н. Чернышенко подписал с ВЭФ меморандум о создании в РФ совместного с давосцами Центра четвёртой промышленной революции. Но ведь в книге о четвёртой промышленной революции Шваб прямо говорит, что она должна покончить с суверенитетом государств и с ними как таковыми и, помимо прочего, утвердить ЛГБТ-ценности. Как же можно под такое подписываться? Как говорится: “Диво-баня: там и тут воду решетками льют. / Брадобрей у них — верблюд”. Хорошо, что с началом СВО давосцы ушли. Плохо, что не мы их вышвырнули.

Идём далее. 15–16 ноября 2022 года прошла встреча в верхах на о. Бали. По итогам была принята Декларация, в основе которой — 59-страничный бюллетень G20 Bali-2022. Декларация предполагает:

- 1) введение глобальных цифровых паспортов и удостоверений личности, подключённых к глобальным цифровым системам здравоохранения, регулирующих перемещение между странами (так называемый обязательный паспорт вакцинации);

2) введение цифровых валют центральных банков (по сути – контроль за поведением посредством отслеживания покупок);

3) интернет-слежка и цензура (под видом борьбы с дезинформацией);

4) расширение глобального аппарата биобезопасности перед лицом угроз новых пандемий (по сути, во-первых, речь идёт о создании ещё одного органа наднационального управления, автоматически подавляющего суверенитет; во-вторых, практически постулируются новые, намного более смертельные пандемии);

5) необходимость реформ производства и распределения продовольствия (за этим обтекаемым тезисом скрываются удар по мелким и средним хозяйствам и контроль над тем, что можно, а что нельзя употреблять в пищу).

Под декларацией российская сторона в лице министра иностранных дел С. В. Лаврова поставила свою подпись. А присутствовавший на встрече министр здравоохранения, коллега Урсулы фон дер Ляйен (гинекология) М. А. Мурашко заявил, что РФ будет активно развивать сотрудничество с Всемирной организацией здоровья (ВОЗ). Мы не ослышались? С той самой ВОЗ, о которой как о коррумпированной, жульнической не пишет только ленивый? С той самой ВОЗ, которая наполовину – в кармане Гейтса и Рокфеллеров? С той самой ВОЗ, которая недавно перевела педофилию из разряда психических заболеваний в некий синдром, то есть работает на легализацию педофилии? С той самой ВОЗ, которая не просто защищает, а продвигает ЛГБТ-повестку? Я понимаю: чиновник, клерк, даже высокопоставленный – это не власть, тем более в России. Но должен быть предел. О том, что должно быть понимание: перед тобой враг, а в доме врага горек хлеб, я уже не говорю; так должно быть всегда, а в нынешних условиях вдвойне, втройне. Вот и приходится констатировать: во-первых, административная система у нас по-прежнему, как и до СВО, движется по схеме одной еврейской песни: “Две шага налево, две шага направо, шаг вперёд и две – назад”. Во-вторых, как всегда в русской истории, всё во власти зависит от первого лица, которое может любого клерка “поправить” и ситуацию исправить. А может не поправить и не исправить – зависит от степени информированности и понимания сути и тенденций мирового развития.

Чтобы использовать эти тенденции, мало играть только на своей территории – мировые игры выигрываются (или, как минимум, играютя вничью) только на мировой арене, в мировом масштабе – в этом была сила СССР. Логика событий диктует РФ стратегию осаждённой крепости. Это нормально, но необходимы вылазки, сбивающие врагу дыхание, заставляющие его думать об обороне, лишающие уверенности. Что может РФ предложить миру? В экономическом плане – мало что. А вот в политическом – весьма немало, а именно – суверенитет, его поддержку и защиту. Военной, силовой помощью (с экономической добавкой) РФ может поддержать энное количество государств на Глобальном Юге в их борьбе за централизацию власти с постзападными хищниками и их местными холуями. По поводу властей этих государств не стоит обольщаться, но тактически, ситуационно они наши союзники, поскольку их, как и нас, пост-Запад приговорил стереть Ластиком Истории.

В ситуации осаждённой крепости оказывается сегодня и Китай. Создание международного союза (осаждённых) крепостей, отстаивающих суверенитет, свой и других государств, против ультраглобалистов с их БЭТ-фашизмом – реальная задача, одна из целей которой – снять осаду с помощью экспорта суверенитета и загнать врага в состояние обороны. Последнее требует ещё и игры не только на мировом поле, но и конкретно на самом вражеском поле, в тылу врага. Там нашим объективным союзником являются те слои, которые ультраглобалисты собираются пустить под нож. Прежде всего, это средний слой Запада, многие представители которого к тому же до сих пор разделяют традиционные ценности.

При всей слабости и конформизме этого слоя, при том, что значительной его части промыли мозги на антироссийский лад, имеет смысл поработать с ним в рамках программы с условным названием “мидлинтерн”. Не обязательно, чтобы средний слой пост-Запада стал пророссийским, главное, чтобы он сопротивлялся ультраглобалистам, ослабляя их, съедая их время. Ещё раз напомню, что тремя главными опасностями на пути ультраглобалистского перехода к НМП Шваб назвал сопротивление населения, выход из “проекта” одной из трёх крупнейших стран мира и нехватку времени. В свою очередь,

нехватка времени ограничивает пространство действия противника, сжимает его. Как заметил великий шахматист Зигберт Тарраш, анализируя на примере одной из партий Капабланка – Маршалл стратегию шахматной партии, “всякое же стеснённое положение уже носит в себе зародыш гибели”. Именно когнитивная война, успех в ней резко усиливает позиции во временной гонке – ключевом факторе в нынешних условиях. Ведение когнитивной войны требует безотлагательных кардинальных изменений в области общественно-научной и образовательной, но это, повторю, отдельный вопрос.

Завершая, отмечу следующее. В лице хозяев нынешнего пост-Запада мы имеем дело с мировым злом, замахнувшимся не только на социальное, но и на биологическое переустройство человечества с выбраковкой большей его части, включая, в первую очередь, русских. Нынешняя борьба с этим злом – борьба не только за нормальное общество, но и за сохранение человека как биологического вида. Социальный и антропологический расизм британцев, помноженный на тезис протестантизма (максимально иудаизированной версии христианства) об избранничестве на расово-имущественной основе, получил адекватное ему оформление в новонормализме ультраглобалистов. Мы имеем дело с врагами человечества. Для тех, кто ещё сомневается в этом, приведу цитату из работы одного из основателей Римского клуба Александра Кинга. Она опубликована в сборнике “Первая глобальная революция” в 1991 году. СССР де-факто уже не существовал, и не нужно было уже прятать клыки за фальшивой улыбкой и разглагольствованиями о том, как облагодетельствовать человечество.

А вот текст большого “гуманиста”: “В поисках общего врага, против которого мы можем объединиться, мы пришли к идее, что загрязнение, угроза глобального потепления, нехватка воды, голод и тому подобное будут соответствовать всем требованиям. По своей совокупности и взаимодействию эти явления представляют собой общую угрозу, с которой должны бороться все вместе. Но, обозначая эти опасности как врага, мы попадаем в ловушку, о которой мы уже предупреждали читателей, а именно, ошибочно принимая симптомы за причины. Все эти опасности вызваны вмешательством человека в природные процессы, и только через изменившиеся установки и поведение их можно пресечь. Настоящим врагом тогда является само человечество (подчёркнуто мной. – **А. Ф.**)”. Комментарии излишни. Как говорил один из крупнейших деятелей советской истории, кто не слеп, тот видит. И – добавлю от себя: враг у ворот, и не должно быть ему пощады! Мы его не звали, он сам пришёл, поклоняясь дьяволу. Вот и нужно его к нему отправить.

СЕРГЕЙ БАБУРИН

УРОКИ РУССКОГО ДОНБАССА ДЛЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика, созданные в 2014 г. жителями Донбасса после государственного переворота на Украине, давно стали международно-правовой реальностью. 23 октября 2018 г. в Донецке по инициативе Донецкого национального университета прошёл первый Международный интеграционный форум “Русский мир и Донбасс: от сотрудничества к интеграции”. Как подчеркнула ректор ДонНУ профессор С. В. Беспалова, продвижение в будущее – это “возвращение к нашей славной тысячелетней истории, что укрепит наш дух, приумножит наши знания о предках, собиравших русские земли в единую Русскую империю, хранившую и передававшую свою силу через века... Наша задача – обратная той, которую ставят перед собой силы Зла. И иного пути, если мы хотим жить, – нет!”.

30 сентября 2022 г. ДНР, ЛНР, как и Запорожская и Херсонская области, приняты в состав Российской Федерации. Однако ни их феномен, ни их роль в современной России серьёзно до сих пор обществом не осмыслены.

1. О суверенности республик Донбасса

В 2020 г. поправками в конституции ДНР и ЛНР единственным государственным языком сделан русский язык (ст. 10 в Конституции каждой из республик). Народные республики заявили о себе как о части Русского мира, потому что и по языку, и по системе духовно-нравственных ценностей многие века Донбасс был и остаётся его частью. На III Международном форуме “Русский мир и Донбасс” в январе 2021 г. по инициативе ДонНУ, при поддержке органов государственной власти Донецкой и Луганской народных республик была единодушно одобрена доктрина “Русский Донбасс”. Участники Форума сформулировали в ней взгляды, определяющие идеологию, вектор развития и основания для прогнозирования будущего ДНР и ЛНР. Было публично и официально, с участием глав двух республик, Д. В. Пушилина и Л. И. Пасечника, сказано о сохранении Донбассом русской государственности. Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика объявлены русскими национальными государствами.

Государственный суверенитет и независимость ДНР и ЛНР официально дипломатически признаны в 2022 г. Россией, идёт процесс их признания другими государствами. Таким образом, республики могут развиваться и совершенствовать свою государственность как самостоятельные государства Русского мира. Будет ли такой выбор верным? Хотя эффективность государственного суверенитета определяется не размерами государства или

его военно-экономическим потенциалом, а целостностью мировоззрения народа, индивидуальностью национального самосознания, взгляда общества на своё прошлое и будущее, готовностью народа идти до конца в борьбе за свою независимость.

Граждане республик Донбасса считают себя частью русской цивилизации и не хотят разрывать связь с Россией как воплощением этой цивилизации. Не случайно Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, открывая в 2015 г. I Калининградский форум Всемирного русского народного собора, назвал Россию страной-цивилизацией, «чи пределы, миссия и смысл бытия определяются духовными ценностями, идеалами, историческими и культурными памятниками, святынями».

Рассматривая будущее Донбасса в составе России, следует, прежде всего, определиться в понятиях русской идеи, Русского мира, миссии России, осмыслить роль суверенности и независимости.

2. О смыслах Русского мира

Русская идея – национальная идея России – формировалась в глуби веков и не меняется на протяжении многих столетий. Рождённые религиозно-нравственными учениями идеи любой нации веками сохраняют свои следы в психике многих сотен миллионов людей. И русская идея исторически является константой, предопределяющей порождение в разные эпохи явлений хотя и разных по фактическому воплощению, но тождественных по своей сущности. В отличие от Запада и Востока, России удалось придать развитию общества формат коллективного преобразования человека. Жить достойно во имя Спасения. Именно здесь кроется ключевая проблема ценностного самоопределения России, духовное отличие Русского мира не только от Запада, но и от Востока. Если идеология Запада развивалась на унаследованном от античности антропоцентризме, что базисно для политического либерализма и частного права, то русская идея, по О. Шпенглеру, как «апокалиптический бунт против античности» выражается в коллективистском и патерналистском характере русской ментальности, который только и формировал Русскую землю, русскую государственность.

Обоснованно отмечают, что на Западе человек представляется как индивид, нечто внутренне неделимое, а развитие (прогресс) видится как изменение под человека окружающего его мира (отсюда материализм и императив господства над внешним миром), а развитие на Востоке означает преобразовывать себя при неизменности мира. Суть Русской идеи – это спасение души и мира, а не подчинение мира себе. Жить не эгоистично, как Запад, не уходя от мира внутрь себя, как Восток, а жить, совершенствуя себя, а потом и окружающий мир. Так Россия определила свой мировоззренческий подход к человеку, обществу и государству.

Подобно тому как Гёте всеобъемлюще выразил национальный дух Германии, а А. С. Пушкина по праву называют alter ego русской души, выразителем русской идеи может быть назван Ф. М. Достоевский, гениально показавший в своих произведениях личность человека, его душу, давший иное, чем в европейской культуре, видение человека, когда человеческая личность не сводима к природе и способна любить до самопожертвования. Именно Достоевский художественными образами выразил, что любовь в русском понимании предполагает свободу, которая не разрушает ни мирового порядка, ни рациональной логики, – она их превосходит, поскольку она богочеловечна. Кардинал Томаш Шпидлик назвал Достоевского, видящего в свободе сокровенную суть человека, пророком свободы. Он обоснованно подчеркнул в подходе Достоевского безграничность свободы, когда каждое ущемление свободы, даже минимальное, ощущается как оскорбление достоинства личности. Русская идея предполагает свободу, поскольку только свобода созидательна и преобразовательна, богочеловечна и кенотична. Эти основания общества исчезнут, если погубить в человеке человеческое. Русский путь состоит в социализации идеи духовного преобразования, в переходе от индивидуального преобразования к общественному. В этом, повторяю, суть Русской идеи и Русского мира.

Культурно-исторически Россия – это цивилизационный союз славянских, тюркских, угро-финских и иных народов, объединённых православными

духовными ценностями и русским языком в общем государстве. Поэтому, если вспомнить Н. Я. Данилевского, 200-летие которого мы отмечаем в прошлом году, то он был убежден в том, что даже в славянский союз должны входить и народы иных этнических корней, которые едины с русским народом. Так на самом деле и получается Русский мир, ядро которого оформлено единой русской государственностью.

Русский мир существует на уровне веры, интеллекта, духовности и культуры, напоминает Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. «От того, что кто-то отрицает этот мир, ничего не меняется: этот мир существует как объективная реальность». Русский мир – это культурно-историческая общность, выходящая за рамки национальных государств и тем более политических систем. Он предполагает единство людей не по этническому и даже не по религиозному признаку, хотя они и играют в нём важную роль. Волю делает общему не столько число голосов, сколько общий интерес, объединяющий голосующих, подчёркивал Ж.-Ж. Руссо. Русский мир – это данное нам в ощущении широкое цивилизационное единство, это жизнь, основанная на отличной от других системе ценностей и интересов.

Русский мир основан на идее коллективного спасения. Русское мессианство с доминантной идеей спасения мира отличается от западного планетарного проекта мирового господства тем, что предусматривает спасение мира, а не его подчинение. Модель достижения цели через включение внутренних духовных ресурсов (цивилизационный ресурс) и объединения людей русского мира на основе идеи преображения человека проявляет себя в ситуациях прямого противоборства с западной моделью как более успешная.

Ещё в 2021 г. было подчёркнуто, что ДНР и ЛНР борются за сохранение русской государственности, экономики, культурного и исторического наследия вне зависимости от нынешних границ и стремятся к сохранению в интересах граждан объединенного гуманитарного пространства с русскими, проживавшими в тот момент на территориях Украины. Поскольку Донбасс и соседние с ним регионы Украины и Российской Федерации представляют собой сформировавшееся веками экономическое и гуманитарное целое, Республики выступают за приоритет и сохранение русского языка и культуры на всей территории, подконтрольной Украине. ДНР и ЛНР считают себя также историческими преемницами своей предшественницы и прообраза – Донецко-Криворожской советской республики, а также наследницами миссии по борьбе с оккупантами и украинскими националистами.

3. Русские и их цивилизационная миссия

Примем как данность, что и бандеровцы, которые ныне доминируют в Южной Руси, славяне. Но они не хотят быть русскими духовно, и многие ими уже не являются. Здесь неизбежно важно провести грань между славянами и русскими.

Проблема, как скорбно отмечал К. Н. Леонтьев, в том, что «славяне есть, а славянства нет». Славянские народы в последние столетия, к сожалению, расколота между двумя цивилизациями – восточной христианской, или русско-православной, и западноевропейской. В основе лежит религиозная доминанта, потому что католичество и протестантизм, который вырос из католицизма, втянули на Запад и чехов, и словаков, и поляков. А вот Православный мир ориентируется на Россию. Русский и Славянский миры пересекаются, но не дублируют друг друга. Славянский мир – понятие этнического корня, языкового. А Русский мир – это цивилизационное понятие.

России как стране-цивилизации пришло время осознать свою миссию в мире. Даже с учётом того, что возможность определения миссии имеет те границы, в которых, по выражению В. Н. Расторгуева, поддаются отождествлению процесс целеполагания и промысел, отображение реальности и сама реальность. При многообразии подходов, понимание миссии России предполагает всечеловеческую природу русской идентичности, духовную общность при межэтническом и межконфессиональном согласии, приоритет духовного над сугубо земными атрибутами существования. На примере Донбасса мы вновь убеждаемся, что русские в подавляющем своём большинстве осознают себя как народ-государственник, для которого служение своему Отечеству составляет одну из высших ценностей, во имя которой люди готовы на любые

жертвы. Это предполагает и вселенскую ответственность русского человека за торжество справедливости и добра.

Уже 30–40 лет Россия отгораживается от братских ей стран. Начиная с правления М. Горбачёва, когда его волей СССР цинично сказал всем друзьям и союзникам: “Живите дальше, как хотите, ваше будущее – это ваша проблема”. Для России такой подход недопустим, потому что она по характеру своей цивилизации не может никого бросать на произвол судьбы. В отличие от Запада, Россия никогда не стремилась к подчинению других себе, но для России принципиально важен вопрос характера интеграционного объединения. В этом отличие русской имперской идеи от имперской идеи на Западе: русские объединяли народы во имя их спасения, а не подчиняли их эгоистично, как Запад. У нас никогда не ставилось задачи перекачивать все ресурсы периферии в центр. Наоборот, в России центр всегда помогал периферии. В этом суть Русского мира, в составе которого захотел остаться Донбасс.

Путь в будущее вместе с Россией для жителей Южной Руси может быть разным, он должен определяться в том числе и общей волей элиты и общества. Для жителей Донбасса небезразлична судьба соседних регионов Новороссии, пока пребывающих под контролем Украины. Выход этих регионов из состава Украины с ликвидацией украинского государства в его современном виде, создание русского государства как правопреемника Украины значительно улучшили бы перспективы социально-экономического развития Донбасса и облегчили бы широкое международное признание ДНР и ЛНР, а также использование ресурсов рынка бывшей Украины.

Следует остерегаться понимания цивилизационного подхода лишь как стремления покончить с формационной абсолютизацией материально-экономического начала, признавая лишь определённое воздействие на него духовно-нравственных и культурных факторов общественного развития. Ровно наоборот. Культурно-исторический тип цивилизаций обуславливает характер их общественной формации и государств, но для этого необходима презумпция равноценности локальных цивилизаций, которая, как правило, до сих пор отсутствует и в науке, и в политике.

4. О суверенитете, его свойствах и эффективности

И, наконец, о суверенитете и его значении. В основе любого государственного суверенитета лежит суверенитет народа, создающего и совершенствующего своё государство. Суверенитет, как известно, является неотъемлемым свойством государства, выражающимся в верховенстве государственной власти, её единстве, самостоятельности и независимости, он предполагает верховенство национальной государственной власти внутри государства и независимость в международных отношениях. Признание суверенным означает, что государство или народ самостоятельно определяет содержание, формы и методы осуществления своей власти, а также пределы полномочий органов, которым доверена реализация их суверенных прав. ДНР и ЛНР уже в 2014 г. доказали всему миру свою суверенность и жизнеспособность. Ныне вопрос в эффективности суверенитета республик Русского Донбасса, его цивилизационной состоятельности.

М. Н. Марченко настойчиво ставил проблему идентификации суверенитета, прежде всего потому, что содержание государственного суверенитета наполняется не только и не столько юридической, сколько экономической, социальной, политической и иной реально существующей, объективированной материей.

Суверенитет как неотъемлемое свойство государства может иметь разные виды. Как реальность конституций заключается в их соответствии существующим общественным отношениям, потребностям общества, интересам граждан, так и реальность суверенитета определяется фактическим положением государства в международных отношениях и отношением к государству его населения. Реальный суверенитет обеспечивает практически верховенство государственной власти в делах общества и независимость государства в международных отношениях. Номинальный или формальный суверенитет ни того, ни другого не обеспечивает. В периоды оккупации территории суверенитет государства становится лишь международно-правовой оценкой, а реальный контроль государственной власти над территорией и населением

утрачивается. Другой пример. Китай, например, распространяет свой суверенитет на о. Тайвань, а Сербия – на Косово и Метохию, но на практике они фактически не обладают над ними юрисдикцией.

Вопрос об эффективности суверенитета предполагает геополитическую и сущностную оценку реального суверенитета. Государственный суверенитет ДНР и ЛНР реален, он опирается на народный суверенитет как власть всего народа, объединения всех граждан, проживающих на соответствующей территории, что позволяет отнести их к числу суверенных и независимых государств. Если целью Православной Церкви является вечное спасение людей, то цель государства заключается в их земном благополучии. При этом суверенное государство опирается на собственную материальную силу, включая и прямое физическое насилие. Согласно их конституциям, Донецкая и Луганская народные республики являются демократическими, правовыми, социальными государствами (ст. 1 Конституции ДНР, ст. 1 Конституции ЛНР), источником власти в республиках провозглашен народ (ст. 2 конституций).

Применительно к ДНР и ЛНР мы имеем дело с суверенными осколками Русской цивилизации, которые не просто видят себя частью Русского мира, но и хотели бы стать частью единого Российского государства, не случайно нашу цивилизацию называют даже русско-российской. Об этом свидетельствуют результаты майских референдумов 2014 г., на которых 89,07% участников референдума в ДНР и 96,2% в ЛНР проголосовали за суверенность республик, после чего высшие органы государственной власти новых республик обратились к России с просьбой принять их в состав РФ на правах субъектов федерации.

Отсюда и суверенитет ДНР и ЛНР воспринимается самими гражданами этих республик как переходная форма самозащиты их общества, нацеленного на государственное воссоединение с Россией. И дело не только в том, что граждане ДНР и ЛНР понимают, что гарантировать безопасность и благополучное достойное будущее может только включение региона в состав общероссийского государства. Русская суверенность ДНР и ЛНР объясняется, прежде всего, тем, что народ, частью которого себя считают жители республик, есть великое историческое целое, объединяющее не только нынешнее, но и все предшествующие поколения, создавшие и передавшие нынешнему поколению государство, а общая воля народа – это результат коллективного исторического опыта, её образуют традиции народа, историческая память о множестве предыдущих поколений, культура, религиозная жизнь и государственный смысл народа, базирующийся на глубоком понимании самоценности государственного устройства своей жизни. Многонациональный народ России, объединённый чувством общей судьбы, готовностью бороться за своё место под солнцем, вновь переплавляется в русскую нацию, способную победить Зло.

Государственный суверенитет ДНР и ЛНР утратили при вхождении республик в состав РФ, но произошло не его отчуждение, а его включение в состав российского суверенитета, восстановление российского суверенитета на территориях Донбасса, в силу исторических обстоятельств ранее утраченных государством Российским. Восстановлена целостность единого народного суверенитета, а суверенные права Донбасса расширились во всех сферах, ибо на его население отныне распространены все общественные отношения, защищаемые суверенитетом Российской Федерации. Суверенитет Русского Донбасса обрёл новую эффективность, соответствующую формату и качествам Русской цивилизации в её совокупности.

5. Цивилизационная роль Русского Донбасса обрела новую актуальность

В Доктрине “Русский Донбасс” в 2021 г. провозглашено, что ДНР и ЛНР – форпост русского народа в борьбе с его противниками, сталкивающимися в битве различные группы русских и славян; защитницы Русского мира, русского языка и культуры. Цельность и эффективность защиты Русского мира реально возрастет при присоединении республик Донбасса к России и распространении на их территорию суверенитета Российской Федерации.

Отсюда особая значимость вывода участников донецкого Форума 2021 г. о том, что будущее Донбасса – только с Россией. “Россия – единственное

историческое государство русской нации. Её миссия состояла и состоит в том, чтобы политически объединять эту нацию. Любая отделённость тех или иных частей русской нации от России, любые политические образования, включающие в состав русских и не являющиеся Россией, носят исключительно временный характер". Не вызывает сомнений, что цивилизационная эффективность Русского Донбасса возможна только в составе России.

Конечно, на пути вхождения в состав России будут международно-правовые и интеграционные сложности. Так, если Конституция ДНР близко повторяет российскую конституционную норму о том, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народа, а использование и охрана земли и других природных ресурсов осуществляются в соответствии с законодательством (ст. 5 Конституции ДНР), то в Конституции ЛНР закреплён следующий принцип: "В Луганской Народной Республике продажа земель запрещена (ч. 4 ст. 5 Конституции ЛНР).

И не скажу, что луганчане неправы. ДНР проще инкорпорировать своё законодательство в российское, используя, среди прочего, и механизмы интеграционного конституционализма, но конституционный принцип ЛНР о земле больше соответствует русскому культурно-историческому типу и позволяет более содержательно подойти к переходу на равную долевую собственность граждан. Полагаю, возможности суверенного существования ЛНР следует использовать для серьёзного социально-экономического эксперимента даже при её вхождении в состав Российской Федерации. Для этого можно принять и особый закон РФ.

Хотя верно отмечалось, что все киевские майданы этого века были не украинскими и не восточноевропейскими, а были русскими революциями в их столетней цепи, начиная с революции 1905 г. Пока ещё говорящие на русском языке жители бандеровской Украины духовно-нравственно уже расстаются с Русским миром не только через борьбу с русской культурой, прекращение преподавания русского языка и его запрет в официальной сфере, но и через разрыв канонического общения с Московским патриархатом Русской Православной Церкви. Бесовские соблазны Запада всё больше укореняются в обществе галичан. И специальная военная операция России на Юге Руси – Украине преследует не только цель защитить население ДНР и ЛНР, Русский мир и Российское государство, но и спасти русское население Украины из-под неонацистской оккупации манкуртов. Это война не России с Украиной и США, это война Добра в лице Русской цивилизации со Злом в лице Запада, утрачивающего, отрицающего в человеке его сущность.

Беззаконию однополярного мира, как и хаосу междоцивилизационных столкновений, беспокоящему современных государственных деятелей и политологов, Россия может и должна предложить свой ответ, который не сводится лишь к равноправию и взаимному сдерживанию центром многополярного мира, но предполагает высокую духовно-нравственную цель развития всех существующих цивилизаций. Пришло время, укрепляя социальную миссию государства, переосмыслить динамику общественных формаций и вернуть государственность в её развитии на религиозно-нравственные основы. Тем более что и новый антибуржуазный уклад формируется ныне не в экономической, а в духовно-нравственной сфере. Преодоление несовершенств капитализма и социализма возможно только построением высокодуховного цивилитарного общества при нравственном государстве.

При всей значимости включения Русского Донбасса в состав России период независимого существования ДНР и ЛНР исключительно важен сам по себе, так как у Донбасса есть все возможности стать экспериментальной площадкой общего русского будущего. Поэтому поиск современным Донбассом своей модели организации государства, трансформации общественного сознания и идеологии стратегически нужен всей России.

6. Вопрос о будущем Русского Донбасса обостряет необходимость продолжения российской конституционной реформы

Когда вслед за русским солдатом в Донбасс и на другие освобождаемые территории Украины идёт или должен идти русский учитель, мы сталкиваемся с чудовищной внутренней проблемой русского (российского) общества по неподготовленности к достойному позиционированию Русского мира.

Социальное расслоение и многолетняя духовная зависимость от Запада расшатывали социальную и национальную консолидацию исторической России. Поправки 2020 г. к Конституции РФ дают шанс исправить ситуацию, но важно понять, что следует делать, как делать и кому делать. Пасующиеся при российской власти неоллибералы-рыночники просто неспособны ни к мобилизации экономики, ни к консолидации общества.

Заглянем в собственную историю.

Непредвзятый общесоциологический взгляд на российское прошлое в XX в. позволяет выделить несколько институциональных **моделей консолидации общества**, формировавшихся на каждом этапе исторического развития. Все они оформлялись конституционными реформами. Вначале просто обозначу отечественные модели консолидации общества.

1905 г. можно считать моментом краха самодержавной консолидации общества, не выдержавшей груза накопившихся неразрешимых противоречий. Это и год старта политических реформ, проложивших дорогу российскому конституционализму.

1905–1917 гг. – это этап буржуазно-демократической социальной консолидации, оформленной новыми Основными законами России. Дальше идет пять моделей советской консолидации общества, все оформленные конституционными реформами:

1. Этап военного коммунизма и пролетарской консолидации общества (1918–1920).

2. Этап рабоче-крестьянской консолидации советского общества (1921–1936).

3. Этап общенародной консолидации советского общества (1936–1985).

4. Этап общего кризиса советского общества и поиска новых форм его консолидации (1985–1990).

5. Этап социальной консолидации через систему Советов при многопартийном устройстве общества (1990–1993).

И, наконец, с конца 1993 г. начался этап неоллиберальной консолидации российского общества, воплощённой в нормах Конституции РФ 1993 г.

Как видим, эти этапы далеко не укладываются в периодизацию конституционализма, которая традиционно является скорее историей правовой идеологии, чем этапами институционального развития государства. Иначе и быть не может, поскольку сам конституционализм часто рассматривают лишь как “устройство власти и процесс её взаимоотношения с обществом”. Однако конституционализм – не просто процесс взаимоотношения государства и общества, это оформленный конституционно процесс развития государства, предполагающий признание конституции обществом в качестве правовой и нравственной ценности. Причём второй элемент этой формулы едва ли не более важен.

Конституционные реформы, выступая механизмом моделирования той или иной консолидации общества, всегда закрепляли определённый этап развития российского общества, создавая его легитимность.

Так, представители буржуазии, часть дворянства и даже духовенства вынудили Императора Николая II опубликовать 7 октября 1905 года Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка, за которым последовало одобрение Императором Николаем II Основных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. Самодержавие и фрондирующая ему элита пытались этими правовыми актами – квазиконституцией – преодолеть смуту в государстве, закрепить некий социальный компромисс, консолидировать общество вокруг монархии и нарождающихся буржуазно-демократических ценностей. Однако столь значимые перемены, ставшие основой рождения российского конституционализма, не удовлетворили ни самодержавие, ни буржуазную демократию, ни ориентировавшийся на традиционные ценности народ. Буржуазно-демократическая консолидация российского общества не состоялась, породив катастрофичность Февральской революции 1917 г.

Но и этап “военного коммунизма”, оформленный первой советской конституцией РСФСР 1918 г., не смог консолидировать общество. Попытка построения общества без государства и права, без религии и нравственности, без собственности, путём “принуждения к счастью” с помощью диктатуры пролетариата и революционного террора, оказалась бесплодной. Большевики чудом, благодаря В. И. Ленину, удержались у власти, конституировав рабоче-крестьянскую консолидацию общества.

И все последующие этапы конституционных реформ свидетельствуют о смене моделей консолидации общества. Хочу привлечь внимание лишь к советской конституционной реформе 1936–1937 гг., которая, при её реальном гуманистическом заряде, стала моментом цивилизационного слома исторической России. Ошибочно полагать, что это “большевики выбрали модель правящего собрания под влиянием своей идеологии и завоевания власти в 1917 г.”. Съезды Советов – закономерный плод развития земского самоуправления, конституционная реформа 1936 г. деформировала выросшую из русского земства систему самоуправления территорий, скопировав избирательную систему буржуазной демократии.

Сегодня наиболее значим вопрос: а завершился ли этап неолиберальной консолидации российского общества, начавшийся в 1993 г.? Остаётся ли работающей модель буржуазно-демократической консолидации, закреплённая Конституцией РФ 1993 года?

Конституционная реформа 2020 г. свидетельствует об исчерпании потенциала существующей ныне модели социальной консолидации, отторгнутой значительной частью населения. Провозвестником перемен стало выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина ещё 1 ноября 2018 г. при открытии в Москве XXII Всемирного русского народного собора. Президент тогда фактически провозгласил трансформацию мировоззренческой стратегии сегодняшней российской власти.

7. О цивилизационной духовно-нравственной направленности дальнейшей конституционной реформы

Высоко оценив роль Русской Православной Церкви и всемирных русских народных соборов в консолидации гражданского общества и государства – “то, что наши предки называли соборным разумом, соборным опытом”, – Президент В. В. Путин говорил о необходимости национальной консолидации, поскольку “только единое, сплочённое общество способно отвечать на самые серьёзные исторические вызовы. Добиваться настоящих прорывов и впечатляющих результатов. Противостоять любому внешнему давлению, отстаивать суверенитет, наше духовное и историческое родство”. Он подчеркнул, что достойное место России в мире predetermined “и нашей традицией, и нашей внутренней духовной культурой, самосознанием и, наконец, самой историей нашей страны как самобытной цивилизации, уникальной, но не претендующей самоуверенно и хамовато на свою исключительность”.

Думающей части российского общества давно очевидно, что из болота неолиберального эксперимента последних 30 лет пора выбираться. Ныне пришло время соединить социологический тезис К. Маркса: “Коммунизм есть необходимая форма и энергетический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества”, – с духовно-нравственным принципом, предложенным Патриархом Московским и всея Руси Кириллом ещё в его бытность митрополитом: “Мы должны научиться жить, мирно сочетая различные цивилизационные системы, различные системы ценностей – религиозные, мировоззренческие, культурные... Общий знаменатель, снимающий противоречия между монархистами и коммунистами, универсалистами и почвенниками, в кратком виде может быть сведён к формуле: национальная цивилизационная модель в социально ориентированном государстве”.

Единство социальных и духовных начал, нравственная цельность основания развития общества сможет формировать внутреннюю солидарность общества, сохранить народы как цивилизационную ценность и привести человечество к устойчивому развитию. Вне социально сплоченного общества нравственное государство существовать не может.

Ныне российский конституционализм сделал шаг в этом направлении. Именно поэтому в 2020 году в Конституции РФ провозглашено возвращение российского общества к истокам его духовности и культуры, в силу чего “Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признаёт исторически сложившееся государственное единство” (ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ). Восстанавливая цивилизационную целостность национального самосознания, в Конституции

впервые после 1991 года зафиксирована историческая преемственность форм нашего государства, правопреемственность Российской Федерации от Союза ССР (ч. 1. Ст. 67.1). Именно поэтому появилась имеющая громадный цивилизационный смысл норма о гарантированности государством социального партнёрства, экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75.1 Конституции РФ).

Российское государство заявило о возвращении себе социальной функции, о необходимости наполнить реальным содержанием понятие социальной солидарности, которое с полным на то основанием считается базовым принципом обновления конституционного строя России, подчёркивая, что сочетание и взаимодействие личного и общественного имеет фундаментальное значение для понимания всего комплекса социальных проблем.

Именно стремление к социальной солидарности как принципу не только добрососедской жизни, но и экономического развития привело к становлению у русского и братских ему народов не нацеленной на эгоистическое потребление экономики, а социально ориентированного народного хозяйства, которое, подчёркивал С. Н. Булгаков, есть процесс общественно-исторического развития, “процесс общественный, развивающийся в истории”, есть “творческая деятельность человека над природой; обладая силами природы, он творит из них, что хочет”.

Социальная солидарность – это согласие нации на универсализм социальных отношений, общее признание благом не только внешнего действия, но и внутреннего духовного чувства взаимопонимания и взаимопомощи. Социальная солидарность охватывает самые различные сферы жизни общества, и она немислима вне присутствия государства.

Она немислима при отсутствии легитимности власти, при торжестве в обществе бездуховности и нигилизма. Она требует переналадки современного правосознания и национальных предпочтений. Социальная солидарность – единственное и неременное основание социальной консолидации, делающей возможной нравственное государство и справедливое общество.

В нравственном государстве праву придётся осуществлять не столько прямое регулирование социальных структур (хотя эта цель и не утратит никогда своего значения), сколько обеспечивать и сопровождать нравственные саморегуляции социальных структур. Речь идёт не о простом перемещении акцентов, а о существенной стратегической переориентации правового регулирования в обществе.

Расширение самостоятельной нормоустанавливающей деятельности коллективов или групп людей неизбежно должно будет дополняться повышением нравственной составляющей во взаимоотношениях государства и всех общественных институтов, что, в частности, поведёт к переводу ряда этических требований в правовое поле нормативной обязательности.

Отсюда прямая необходимость дальнейшей конституционной реформы Российской Федерации, и Русский Донбасс выступает в этом вопросе важным стимулирующим фактором.

ВОЛОДИМИР ШАРАПОВ

1917. ЗАГОВОР ЦАРСКИХ ГЕНЕРАЛОВ

В июле 1917-го в Петрограде произошло событие, которое едва не стоило жизни Ленину и должно было поставить окончательный крест на большевиках, как значимой политической силе, и, наоборот, чрезвычайно укрепить авторитет и влияние Временного правительства. Собственно, почти все именно так и произошло.

Все началось с бунта пулемётной полка, который отказался выполнять приказ и двигаться на фронт. Солдаты полка стали стихийно митинговать, к ним тут же присоединились изнашивающие от безделья матросы из Кронштадта. А затем к бунту зачем-то подключились рабочие петроградских заводов, у которых была заветная броня от фронта и восьмичасовой рабочий день, которого тогда не было ни у кого в России. Временное правительство очень заботилось о том, чтобы столичные рабочие и солдаты Петроградского гарнизона были всем довольны и не являли собой питательную среду для ушлых большевистских агитаторов. Недаром Гучков в своих мемуарах вскользь упоминает, что ничего не слышал об успехах революционных агитаторов среди рабочих. Напрашивается логичный вывод, что трудягам, как и в феврале, просто опять хорошо заплатили за участие в массовке.

Ленин считал вооружённое восстание преждевременным и заведомо обречённым на провал, но у него и его соратников уже не имелось никакого выбора. Остаться в стороне — означало полностью потерять авторитет среди рабочих, солдат и матросов, ну а дальше — неизбежное политическое небытие. Стоит напомнить, что большевиков на всю страну было не больше пяти тысяч, а одних эсеров насчитывался целый миллион. Ленин был азартным и великолепным шахматистом. Наверняка он тогда подумал, что в этой партии, где он против воли играл чёрными, а значит, ходил вторым, ему поставили шах и мат.

При подавлении мятежа Керенский поступил точно так же, как когда-то поступил Наполеон, когда 13 вандеяра хладнокровно пушками подавил бунт много превосходящих сил роялистов против небольшой кучки защитников Конвента. Керенский приказал палить по толпе картечью. Двух выстрелов хватило — толпа тут же разбежалась, а Керенский стал героем.

Стихийное солдатское восстание было успешно подавлено. А вот дальше начинаются странности. В бывший дворец балерины Кшесинской, где располагался штаб большевиков, был направлен отряд юнкеров с целью арестовать Ленина. Есть даже свидетельства, что его должны были застрелить якобы при попытке к бегству. Когда отряд уже был в пути — в штабе зазвонил телефон. Неизвестный предупредил, что сейчас сюда придут с обыском и ордерами на арест. Некоторые утверждают, что экстренное предупреждение исходило от

военного прокурора. Как бы там ни было, в результате Ленин и Зиновьев успевают ускользнуть. Вторая странность — Сталина и Дзержинского вообще не трогают. Впоследствии это породило слухи о сотрудничестве Сталина с царской охранкой. Однако в данном случае речь идёт о сотрудничестве националистического большевистского крыла не с пресловутой царской охранкой, а с высшим офицерским составом бывшей царской армии и военной разведкой. И сотрудничество это было в общих интересах сохранения целостности Российской империи.

Следствием июльского мятежа стало то, что вся верхушка большевиков в составе 28 человек была арестована. В том числе и Троцкий, которого, впрочем, вскоре отпустили под денежный залог, собранный Петроградским советом, главой которого он позднее станет. Большевики фактически оказываются на нелегальном положении. Газеты прославляют Керенского как спасителя нации. Некоторые особо чувствительные граждане даже воспевали Керенского в стихах. О том, что убийца Урицкого поэт Леонид Каннегисер воспевал в стихах Керенского — это многим известно. Но едва ли многие догадываются, что в число апологетов этого шута горохового входила и Марина Цветаева.

И кто-то, упав на карту,
Не спит во сне.
Повеяло Бонапартом
В моей стране.
Кому-то гремят раскаты: —
Гряди, жених!
Летит молодой диктатор,
Как жаркий вихрь.
Глаза над улыбкой шалой —
Что ночь без звёзд!
Горит на мундире впалом —
Солдатский крест.
Народы призвал к покою,
Смирил озноб —
Дышит, зажав рукою
Вселенский лоб.

И Осип Мандельштам туда же:

Среди гражданских бурь и яростных личин,
Тончайшим гневом пламенея,
Ты шёл бестрепетно, свободный гражданин,
Куда вела тебя Психея.

И если для других восторженный народ
Венки свисает золотые, —
Благословить тебя в далёкий ад сойдёт
Стопами лёгкими Россия.

И Борис Пастернак не отстал в своём обычном стиле:

В чьём это сердце вся кровь его быстро
Хлынула к славе, схлынув со щёк?
Вон она бьётся: руки министра
Рты и аорты сжали в пучок.

Это не ночь, не дождь и не хором
Рвущееся: “Керенский, ура!”,
Это слепящий выход на форум
Из катакомб, безысходных вчера.

Ну и немного Каннегисера напоследок в качестве яркого свидетельства

того, насколько сильно хороший демагог способен загипнотизировать даже образованных и далеко неглупых в общем-то людей:

И если, шатаясь от боли,
К тебе припаду я, о, мать,
И буду в покинутом поле
С простреленной грудью лежать —

Тогда у блаженного входа
В предсмертном и радостном сне,
Я вспомню — Россия, Свобода,
Керенский на белом коне.

Некие заинтересованные лица нетерпеливо ждут, что тот как можно скорее к чёртовой матери разгонит, наконец, Петросовет и наведёт порядок в армии, дабы активной задействовать её против немцев. Но лавирующий ужом между правыми и левыми Керенский на роль диктатора на деле никак не тянул. Кукловоды были разочарованы и срочно решили подыскать ему замену. Время-то всех поджимало...

Англичане и французы организовали тайный сговор с представителями крупной российской буржуазии, такими как, например, Путилов, с целью одновременно убрать и Петросовет, и Керенского. Английский посол Джордж Бьюкенен выдвинул на роль будущего диктатора генерала Корнилова. Денно и ночью мечтающих о захвате Стамбула и проливов российских националистов правого толка, таких как Гучков, эта кандидатура полностью устроила. Пока ещё ничего не подозревающий Керенский по наущению своих советников снимает авторитетного Брусилова с должности главнокомандующего и на его место назначает Корнилова. После этого сразу же началась активная пиар-компания по раскрутке нового Бонапарта. Для этого в Москву отправился спецпоезд английского посла с деньгами и полиграфической продукцией, отпечатанной на английские же деньги. Москва была оклеена листовками, восхваляющими нового главкома. В августе в Москве было проведено Государственное совещание, где Корнилов представил свои взгляды на армию и текущее положение дел. Уставшее от бардака общество приняло генерала с восторгом. Это был полный триумф. Корнилов вкусил вкус славы. Его буквально носили на руках.

Незаслуженно оскорбленный Брусилов и некоторые сослуживцы презрительно характеризовали Корнилова как “льва с головой барана”. На первый взгляд с этим абсолютно невозможно согласиться, если поближе ознакомиться с биографией Лавра Георгиевича и его личными качествами. Подобно Наполеону, Корнилов был незнатного происхождения и всего добился собственными руками. Сын простого казака стал генералом. Это заслуживает уважения. Подобно Наполеону, Корнилов непрерывно учился и достиг выдающихся результатов. Для Наполеона артиллерия была — богом войны; в своё время он с презрением отказался переходить в пехоту и даже на некоторое время покинул из-за этого военную службу. Корнилов также был фанатом артиллерии. Он поступил в знаменитое Михайловское артиллерийское училище и с отличием его закончил. Затем он также с отличием закончил Николаевскую академию Генерального штаба. Помимо этого он неустанно повышал свои знания в иностранных языках: кроме свободного владения английским, французским и немецкими языками, Корнилов изучил множество восточных языков: персидский, китайский, монгольский, туркменский, киргизский и татарский. Ну а казахский ему и вовсе был как родной, поскольку он знал его ещё с детства. Он также был военным географом и разведчиком. В качестве последнего он совершил опасное путешествие в Китай под видом китайца. Всем, кто с ним там сталкивался, и в голову не могло прийти, что под видом заурядного местного перед ними блестяще образованный высокопоставленный русский офицер...

Став главкомом, Корнилов позволяет немцам без боя занять Ригу, чем открывает им прямой путь на Петроград. Это непростительное для русского офицера предательство имело под собой две цели: показать всем пагубное действие указа Петросовета № 1 и необходимость скорейшего установления

военного положения и диктатуры с целью защиты столицы от немцев. Кроме того, в Петрограде готовится очередная провокация. Подкупленная массовка под видом большевиков должна была организовать бунт. В разгар этого бунта должен явиться Корнилов, подавить бесчинства и выступить в роли единоличного спасителя России. А при таких делах Петросовет можно было всем составом отправлять на фронт.

Троцкий в своей “Истории русской революции” пишет, что мятеж Корнилова был согласован с Керенским и имел целью установление диктатуры последнего, но Корнилов изменил договоренностям и попытался добиться диктатуры для себя. Троцкий, вероятно, не мог знать, что Корнилова попросту подталкивали к тому, чтобы он стал диктатором, и у него не было иного выбора.

В Петрограде банкиры и промышленники участвовали в организации прокорниловского подполья. Путилов с банкирами приготовили два миллиона рублей, чтобы передать их офицерам, которые должны были организовать выступления в поддержку Корнилова в Петрограде. В назначенное время связной офицер не пришёл за деньгами. Банкиры сами бросились искать офицера и нашли его в ресторане абсолютно пьяного в компании ещё нескольких десятков таких же пьяных заговорщиков. В итоге деньги не передали, и выступления за Корнилова в столице было провалено. В этом эпизоде проглядываются действия ведомства Потапова (опытнейшего разведчика, начальника Главного управления Генерального штаба). Какие-то невидимые могущественные силы очень искусно делали всё возможное и невозможное, чтобы креатура англосаксов и французов не появилась в столице верхом на белом коне.

Кураторы Керенского и Корнилова составили план, который на бумаге выглядел замечательно. Корнилов со своей Дикой дивизией и генерал Крымов с 3-м кавалерийским корпусом должны были соединиться и в составе Отдельной Петроградской армии войти в столицу и установить в стране жёсткую военную диктатуру. И тут мы становимся свидетелями блестяще проведённой красивой совместной спецоперации российской разведки, офицеров генштаба и большевиков, которую во всех деталях подробнейшим образом расписывает Олег Стрижак.

А происходит следующее. Подозрительному Керенскому подсовывают фальшивый ультиматум Корнилова, из которого следует, что Керенскому в будущем правительстве отводится роль министра юстиции. Керенский взбешён. Чтобы выяснить правду, он запирается у себя в кабинете и звонит Корнилову. Беспардонно врёт уважаемому генералу, что с ним сейчас в комнате несколько человек, и от их лица разными голосами устраивает тому перекрёстный допрос. Здесь ему пригодились его хорошие вокальные данные и богатый опыт любительского исполнения арий из итальянских опер. Корнилов понятия не имеет, что у Керенского подложное письмо, и своими по-солдатски лаконичными ответами разным голосам из телефонной трубки лишь укрепляет подозрение тщеславного и властолюбивого Керенского о претензиях главнома стать единоличным диктатором.

Керенский подписывает указ о снятии Корнилова с должности. Корнилов приходит в ярость и отказывается подчиняться. Абсолютно невозможная вещь для боевого офицера в действующей армии, где всё держится исключительно на беспрекословной субординации. Но кто-то вкрадчиво шепчет ему на ушко, что ситуация чрезвычайная, столица захвачена предателями, а сам Керенский делает всё под дулом пистолета. Надо срочно спасать гибнущее Отечество. В столице, мол, его встретят с фанфарами. Промедление смерти подобно.

... Бьюкенен изо всех сил пытается выступить в роли миротворца, но Керенского окончательно сорвало с катушек. Он мчится в американское посольство и находит там полную поддержку. Американцы приказывают союзникам прекратить поддержку мятежного генерала. Скрипя зубами, Бьюкенен и Морис Палеолог делают совместное заявление о безусловной поддержке Керенского. Но Корнилов упёрся и начинает действовать самостоятельно исключительно на свой страх и риск. Все его надежды теперь на мусульманскую Дикую дивизию, с которой он буквально на всех парах мчится в Петроград. Брусилов был абсолютно прав. У храброго льва и в самом деле оказалась баранья башка...

Тем временем большевики также выступают на стороне Керенского и разворачивают сумасшедшую деятельность по дискредитации Корнилова. Того объявляют диктатором, мечтающим стать новым царём. Петроградские рабочие сутками напролёт роют вокруг Петербурга окопы и ставят заграждения из колючей проволоки. Со своей стороны бывшие царские генералы делают всё, чтобы затормозить эшелоны с войсками Корнилова и растащить их по разным станциям, где они становятся лёгкой добычей большевистских агитаторов. Как результат, Дикая дивизия отказывается стрелять по своим пролетарским братьям, а совершенно несчастный и полностью дезориентированный генерал Крымов пускает себе пулю в висок .

Корнилов был арестован. В Петрограде огромное количество людей жаждало крови несостоявшегося Бонапарта, и первым, кто требовал расстрела, был Керенский. Но мнение этого клоуна никого не волновало. Поэтому к Корнилову поставили хорошую охрану из своих, дабы уберечь того от самосуда и наёмных убийц. Серьёзные люди имели на присмирившего генерала дальнейшие планы, ведь большая игра ещё далеко не была окончена. Начиналась новая шахматная партия. Но в этот раз белыми будут ходить уже совсем другие серьёзные люди...

* * *

Здесь ещё крайне любопытна та роль, которую сыграли во всей этой истории американцы. Это они заставили своих союзников отказаться от поддержки Корнилова, которого на роль диктатора активно продвигал английский посол Бьюкенен. Зачем же янки это сделали?

На тот момент американские интересы совершенно не совпадали с интересами французов и англичан. Если последние весьма успешно решали свои цели по уничтожению четырех империй (германской, австро-венгерской, османской и российской), то главная цель США была в разрушении как раз французских и британских колониальных систем, поскольку англичане на свои колоссальные по масштабам торгового оборота колониальные рынки никого за просто так не пускали. Креатура англичан генерал Корнилов в роли диктатора очевидно мешал планам американцев и усиливал позиции Британии, поэтому американцы в трудный момент и поддержали Керенского. При этом они делали ставку ещё и на Троцкого. Настоящие джентльмены никогда не кладут все яйца в одну корзину.

Ни с Керенским, ни с Троцким у американцев не сложилось, поскольку Керенский оказался идиотом и трусом, а покушение на Ленина было провалено. Но их общую стратегию в отношении России это ничуть не изменило. Впоследствии, когда всем стало ясно, что у власти прочно утвердился Сталин, то США приложили максимум усилий, чтобы проект СССР оказался успешным. Такова была на тот момент реальная политика: без мощных России и Германии Америка никогда бы не добилась своей жизненно важной для себя стратегической цели — разрушения Британской колониальной системы.

После кровавой и опустошительной Гражданской войны и масштабной интервенции, в которой принимали участие почти два десятка государств, экономика Советской России была в плачевном состоянии. Оккупанты по железной дороге вывезли из страны всё технологически ценное оборудование. Логистические цепочки между промышленными предприятиями были разрушены, системы подготовки технических специалистов уже не существовало, и наступивший голод инженерных кадров не давал никаких надежд на скорое возрождение промышленности. В этих условиях Сталин принял единственно верное, стратегически дальновидное решение согласиться на тайное сотрудничество с США. В результате и возник тот сталинский индустриальный бум, на который мы сейчас смотрим как на некое чудо. В кратчайшие сроки американскими инженерами от корки и до корки было спроектировано около 600 промышленных объектов, таких как, например, ДнепрогЭС. На американских же заводах вплоть до последнего болтика и винтика было произведено оборудование для крупнейших советских заводов, таких как, например, Горьковский автомобильный завод. Это оборудование потом тайно по морю доставлялись в “логово диких большевистских варваров”, как в газетах описывали Советскую Россию. Внешне же все выглядело как непримиримая вражда

двух антагонистических систем. В американских газетах коммунистов рисовали с рогами и копытами, а советских людей в валенках, ушанках и в стельку пьяных. Советские карикатуристы тоже не отставали от своих заокеанских коллег в остроумии, рисуя откормленных точно на убой американских буржуинов и тощих измученных негров. А в это же самое время высококлассные американские технические специалисты усиленно занимались подготовкой будущих советских инженеров. Здесь для СССР неоценимую услугу оказала Великая депрессия 1929 года, в результате которой миллион американцев остались без работы и потеряли все средства к существованию. Но благодаря тайным соглашениям между советским и американским правительствами тысячи специалистов нашли высокооплачиваемую работу в СССР.

...Однако самое время рассмотреть диспозицию сторон накануне Октябрьского переворота. Для начала разберемся, какие силы были бы готовы, рискуя жизнью, с оружием в руках пойти штурмовать Зимний дворец.

Петроградских рабочих сразу отметаем. Хотя Временное правительство они всей душой ненавидели, а к большевикам испытывали сочувствие, но им было что терять в случае провала: бронь от фронта, восьмичасовой рабочий день и достойная по российским мерам зарплата, которой сейчас всю козыряют апологеты якобы успешной России до революции. Все эти блага столичные рабочие получали за лояльность Временному правительству.

Петроградский гарнизон в двести тысяч голов. Во время июльского восстания часть гарнизона поддавалась на провокацию и поддержала бунтовщиков. Расплата была скорой и жёсткой. Всех замешанных и сочувствующих отправили на фронт, а взамен легко набрали наводнивших город разорённых крестьян. Солдаты гарнизона получали хороший сытный паёк и также имели бронь от фронта. Временное правительство они, как и все простые мужики, люто ненавидели, но не убивать же единственную дойную корову... Важная деталь: гарнизону было передано 3000 пулемётов. И это при острейшей нехватке этого грозного оружия на фронте (там всего было около 7000 пулемётов). Если бы Временное правительство хоть на секунду сомневалось в лояльности солдат и офицеров Петроградского гарнизона, к пулемётам их бы и близко не подпустили.

Немногочисленные матросы и солдаты, которые по разным техническим причинам находились в городе на казарменном положении. Этим людям терять было нечего, кроме своих цепей. Но убедить их идти на пушки нужно было хорошо постараться. Ещё свежо было в памяти июльское кровавое месиво, которое показательно всем устроил Керенский.

Красная гвардия. Примерно 40 000 штыков. Звучит грозно, но у специалистов ничего кроме слёз не вызывает. После разоружения войск горе-воёв генералов Корнилова и Крымова большевики получили во владение около 40 000 тысяч ружей и начали набирать своё собственное войско. На революционный призыв с радостью откликнулись все городские бомжи, люмпены, воры и бандиты. Это привело к резкому ухудшению и без того сложной криминальной обстановки в столице. При этом боеспособность красной гвардии за всё непродолжительное время её существования оказалась нулевой. Показательна в этом плане история, которая произошла во время восстания чехов. Тогда под Пермью всего одна их рота обратила в паническое бегство 2000 красногвардейцев. То есть даже при двадцатикратном численном преимуществе этот необученный сброд безнадежно уступал регулярным воинским частям. Поэтому красную гвардию тоже смело отметаем. Максимум их боевых возможностей – охрана и грабёж магазинов.

Наконец, сами большевики. Эти-то как раз были идейные и бесстрашные воины, готовые отдать жизни за свои убеждения. Однако их было ничтожно малое число. От силы 5000 на всю огромную страну. К большевикам все относились как к террористам. Как политическую весомую силу их не воспринимали. Поэтому когда на июньском съезде Ленин произнёс одну легендарную фразу, что есть такая партия, готовая взять власть, то в зале среди депутатов раздался издевательский смех.

Теперь посмотрим на силы, которыми располагало Временное правительство. В условиях всеобщего хаоса это иллюзорное, по словам Гучкова, образование не могло контролировать уже абсолютно ничего, даже ситуацию в столице. Но для Керенского это было ещё полбеды. Министр-председатель Временного правительства и диктатор в душе внезапно для себя выяснил, что

офицеры генерального штаба саботируют все его приказы и распоряжения, а то и вовсе делают всё в точности наоборот. То есть в собственной столице Керенский оказался в полной изоляции. При этом по всему Петрограду кто-то начал активно распространять слухи, что большевики-де собираются штурмом брать Зимний дворец. А чтобы никто не засомневался, эту полезную информацию начали регулярно распространять в прессе. Причём указывали даже точное время и дату штурма. Особая пикантность ситуации состояла в том, что большевики ничего подобного не планировали и сами с удивлением узнали эту новость из уличных газет. Ленин был надёжно упрятан в Финляндии и не мог ни на что влиять, а лидеры большевиков Зиновьев, Каменев и председатель Петросовета Лев Троцкий были категорически против любого силового решения, поскольку обоснованно считали, что подобные призывы – это очередная провокация с целью устранить их от политической борьбы, как это было совсем недавно в июле. Тогда только беспросветная глупость генерала Корнилова помогла большевикам чудесным образом воскреснуть из политического небытия. Все ждали Учредительного собрания и собирали силы, чтобы там отстаивать свои права на кусок пирога в будущем правительстве. О серьёзных проблемах во взаимоотношениях Керенского с высшим военным руководством никто даже не подозревал. Уместно напомнить признание Гучкова в эмиграции о том, что власть Временного правительства была иллюзорной, а Петросовет не осознавал своей силы. В этих условиях у Керенского началась паника. Как это принято у всех либералов, он бросился искать поддержки в американском посольстве. Там тоже ничего не понимали, но дали Керенскому свой самый быстрый автомобиль марки “Форд” и посоветовали срочно ехать в армию, снять с фронта и вести в столицу войска, которые ещё не успели разложить большевики. Керенский так и сделал, оседлал автомобиль с флажками американского посольства и помчался в войска. Однако перед этим он умудрился сделать одну редкую глупость, которая имела далеко идущие последствия. Утром накануне заявленного штурма кто-то из офицеров, которым Керенский ещё доверял, убедил того, что самое безопасное в столице место для министров Временного правительства – это как раз Зимний дворец, который вечером обязательно попытаются захватить большевики. А как иначе? Во всех газетах уже неделю об этом только и пишут. В городе министры подвергнутся смертельной опасности, а вот дворец Керенскому обещали защитить от любых посягательств. Для пушей убедительности на площади перед Зимним военные начали возводить баррикады из находившихся там дров. На площади завезли пулемёты, прикатили пушки; из гаражей пригнали броневики. Кроме того, перед дворцом разместили несколько тысяч верных Временному правительству казачьих войск и юнкеров. Посмотрев на всё это грозное великолепие, Керенский немного успокоился и велел своим министрам собраться всем вместе в Зимнем и под надёжной охраной казаков, пулеметов и пушек дожидаться, пока он не вернётся в столицу с войсками. Министры послушались. Какой политической катастрофы в итоге обернётся это необдуманное решение, они поймут уже совсем скоро.

Тем временем весь Петроград наблюдал спешные военные приготовления у Зимнего дворца; газетчики и уличные зеваки наводнили близлежащие улицы, а большевики испуганно призывали своих сторонников воздерживаться от любых провокаций. . .

Теперь, когда шахматные фигуры невидимой рукой расставлены в боевые позиции, а зрители замерли в ожидании, самое время зайти за кулисы и понять, наконец, что же в действительности происходит. Попробуйте на секунду представить себя на месте бывших царских боевых офицеров, таких, например, как легендарный Брусиллов. Как, по-вашему, они должны действовать, когда видят, что тысячелетняя империя, которую по крохам собирали их отцы и деды, вот-вот рухнет? О военном перевороте можно было не думать. Смели бы сразу. Офицерских чинов народ люто ненавидел. Бывшим царским генералам никто бы не поверил и за ними никто бы не пошёл. Значит, нужно было найти и поддержать такого политика, который бы мог объединить вокруг себя народ, железной рукой навести в стране элементарный порядок и предотвратить распад Российской империи, который по факту уже стремительно происходил, поскольку в регионах воцарились хаос и анархия. К счастью, такой человек имелся и был всем хорошо известен. Звали его Владимир Ульянов-Ленин. На политической арене он был вне конкуренции.

Безжалостными и фанатично настроенными террористами способен управлять лишь человек с железной волей и ещё более безжалостный и фанатичный – у большевиков всё строилось на строжайшей субординации и дисциплине. Поэтому ещё в июле 1917-го с Лениным начал тайно сотрудничать лично начальник разведуправления генерал Потапов. Незадолго до решающих событий он лично отправляется в Финляндию, где они с Лениным обсудили и согласовали план предстоящей спецоперации по взятию Зимнего и легализации военного переворота, в результате которого вся полнота власти должна была оказаться исключительно в руках большевиков.

* * *

Осенью 1917-го в России царил настоящий хаос, который возник из-за отсутствия сильной центральной власти. В Петрограде грызлись и с трудом уживались между собой Временное правительство и Петроградский Совет. При этом власть министров Временного правительства была чисто номинальной и не имела никакой поддержки ни в обществе, ни в среде военных. Казалось бы, отличный момент для восстания и свержения ненавистных временщиков. Однако никто в Петроградском Совете не собирався устраивать военный переворот, который означал начало кровавой гражданской войны, полный коллапс на германском фронте и неминуемое поражение в идущей войне. Из-за непростительного предательства генерала Корнилова немцы находились в Риге, то есть на расстоянии около 600 километров от столицы. По Балтийской железной дороге это расстояние можно было преодолеть за ночь. А ещё был мощный германский флот, который только и ждал сигнала, чтобы войти в Финский залив. При этом дисциплина в русских войсках держалась на одном честном слове. Власть принадлежала солдатским комитетам, которые с недоверием относились к офицерам. Офицеры повально пьянствовали и развратничали. Мародёрство в российских войсках достигло угрожающих размеров. Тотальному разграблению подвергались свои же населённые пункты. Дезертирство стало повальным – мужики рвались поскорей вернуться в свои деревни, чтобы успеть к чёрному переделу. Петроградский Совет рабочих и депутатов, состоявший из разношерстных партий, активно способствовал полному разложению российской армии – ведь это был вопрос его выживания. Сильная армия означала военную диктатуру и немедленный разгон Совета. Во всей этой мутной воде активно работали спецслужбы японской и западных разведок. Уже тогда началась подготовка к масштабной интервенции и дележ шкуры не убитого ещё русского медведя. По замыслам наших врагов, в скором времени Россия должна была лишиться Кавказа, Крыма, Донбасса и обширных территорий на Дальнем Востоке. Кроме того, Россию предполагалось навсегда лишить выходов к морю, а оставшуюся территорию разделить на небольшие вечно враждующие между собой из-за границ квазигосударства.

В этих условиях гибель Российской империи казалось неизбежной. Точно так же англосаксами только что были до основания разрушены Австро-Венгерская, Османская и Германская империи. Надвигающуюся катастрофу лучше других понимали офицеры российского Генерального штаба и службы внешней разведки. К счастью для нас, там служили люди, которые на генетическом уровне были имперцами. Это была военная и интеллектуальная элита, взращённая путем тщательного отбора на протяжении сотен лет активной кровавой и изощренной борьбы русских за место под солнцем. Парадигма сознания таких людей сильно отличается от сознания обывателей и способна находить самые неожиданные спасительные решения даже, казалось бы, в самых безысходных для страны ситуациях. Именно тогда в результате тщательного анализа секретных данных и общей обстановки в недрах российского Генштаба был разработан план спецоперации по спасению тонущей империи, у которого едва ли найдутся аналоги во всей мировой истории.

Спасти страну могла только жесточайшая и безжалостная военная диктатура. Проблема была в том, чтобы найти подходящего диктатора, который бы устраивал большинство населения. По многим причинам выбор пал на большевиков. Этот выбор означал гибель или полное разорение всей российской элиты, имеющей многовековые родословные корни. Но ради спасения империи

пойти на эту жертву было необходимо, тем более что эта элита сама и довела страну почти что до ручки. План бывших царских генералов состоял, вероятно, из пяти частей: 1) свержение Временного правительства, 2) избрание Петросоветом новых легитимных органов власти, где большевики будут играть одну из ведущих ролей, 3) немедленный выход из войны, 4) установление диктатуры и наведение порядка, 5) устранение диктатуры большевиков и переход на рельсы новой справедливой экономической и социальной политики, подчинённой научным законам и направленной на свободное развитие личности.

Самым сложным пунктом плана была легитимизация будущего военного переворота. В Петросовете о свержении Временного правительства никто и слышать не хотел. И меньше всего военного переворота жаждали большевики, наученные горьким опытом предыдущего неудачного восстания в июле. Их главные вожди Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев категорически возражали против вооружённого способа захвата власти и с полным на то основанием рассматривали призывы на сей счет исключительно как провокацию. Позиция Ленина на тот момент была примерно такой же. На носу Учредительное собрание, где абсолютно законно будет избрана новая власть на основе консенсуса всех политических партий. В том, что большевики в новой власти будут играть ведущую роль, мало кто сомневался. Что касается весьма многочисленных представителей эсеров, меньшевиков и прочих, то, видя стремительное усиление большевиков, они, скорее, сочувствовали Временному правительству и отдавали себе полный отчёт в том, что свержение последнего большевиками означало если и не их политическую смерть, то потерю большинства важнейших позиций в будущем правительстве. Но с точки зрения бывших царских офицеров, которые владели всей информацией об истинном положении, ждать Учредительного собрания и окончания батальи по формированию новых органов власти было чистым самоубийством. Разрушение страны к тому времени приняло бы необратимый характер, и никакое правительство исправить положение было бы уже не в силах. Обстановка требовала принятия немедленных шагов, чтобы оттащить гибнущую империю от самого края пропасти, на которой она находилась.

В Финляндию на секретные переговоры с Лениным отправляется опытный разведчик, начальник разведуправления. Пассажиры поезда, на котором тот ехал с фальшивым паспортом, едва ли догадывались, что хорошо одетый господин в сером гражданском костюме с добродушным выражением лица и армейской выправкой в своей голове держит план, который до основания перетрясёт десятки стран и навсегда изменит ход мировой истории. Потапову предстояло убедить идейного вождя большевиков в необходимости немедленно взять всю полноту власти в свои руки, прекратить войну и начать наводить порядок в стране и в армии. Мы, возможно, никогда не узнаем, какие секретные факты и железобетонные аргументы в поддержку переворота приводил генерал Ленину, но, вероятно, они были более чем убедительными, потому что Ленин начал действовать немедленно с присущей ему яростной и несокрушимой энергией. Ленину отводилась самая сложная часть операции – принудить собственных соратников способствовать вооружённому перевороту, который организует военная верхушка, а затем ещё и убедить делегатов Съезда признать легитимность свержения законной власти. Со своей стороны Потапов обещал организовать бескровный захват Зимнего и всего кабинета министров так, чтобы со стороны это выглядело как захват Временного правительства восставшими рабочими. Давайте бегло рассмотрим все этапы этой грамотно спланированной и блестяще осуществлённой спецоперации.

Этап первый – захват Временного правительства. Разумеется, самостоятельно, без поддержки военных захватить Зимний дворец ни у большевиков, ни у кого другого не было ни малейшей возможности. Петроград был наводнен преданными Временному правительству казаками и юнкерами. Не стоит сбрасывать со счетов и двухсоттысячный Петроградский военный гарнизон, у которого не было ни единого мотива способствовать военному перевороту. Временное правительство обеспечивало солдат гарнизона хорошим содержанием и гарантировало бронь от ненавистного фронта. Стоит напомнить, что такую же бронь от армии и достойную зарплату имели и рабочие петроградских заводов, которые в отличие от всех прочих российских рабочих имели восьмичасовой рабочий день.

Сам по себе захват Зимнего вообще ничего не решал. Правительство занимало там лишь несколько комнат. Большую часть свободных помещений занимал военный госпиталь. Да ещё пижон Керенский оттяпал себе бывшие апартаменты императора Александра III. Вот что писал посол Британской империи во Франции в 1905–1918 годах лорд Френсис Барти Тейм: “Керенский, решив, что жена неподходящая для него спутница в Зимнем дворце, избавился от неё собственным приказом на том основании, что, став атеистом, он больше не связан узами церковного брака. Теперь он живет с балериной”.

Для восставших крайне важно было захватить Временное правительство в полном составе, дабы ни у кого не было возможности обратиться к армии и организовать отпор восставшим. Кроме того, нужно было сделать так, чтобы ни у кого не возникло ни малейшего подозрения, что переворот организован не военными, а восставшими рабочими под руководством большевиков. Народ всех офицеров люто и дружно ненавидел, и переворот при их участии сразу же был бы обречён на неудачу. Да и среди офицеров подавляющее большинство осталось бы верным Временному правительству и стояло бы за него горой, дабы бы власть не перешла к большевикам.

Первым делом заговорщики начали наводить на всех панику, что, дескать, большевики готовятся захватить власть вооружённым путём. Даже точную дату приводили – 25 октября 1917 года (по старому стилю). На протяжении нескольких недель в газетах регулярно появлялись сообщения о грядущем выступлении большевиков. Не верить этому было невозможно, так как первыми дату восстания слили в прессу Зиновьев и Каменев, за что потом некоторые соратники их упрекали в предательстве. Со своей стороны, спецслужбы заботились о том, чтобы Керенскому на стол ежедневно ложились секретные донесения о готовящемся восстании, кроме того тот получал, вероятно, какую-то информацию о готовящемся против него заговоре со стороны военных. Будучи до смерти напуганным, Керенский сделал именно то, что и требовалось заговорщикам, к чему они его всё время упорно и незаметно подталкивали. С самого утра 25 октября Дворцовая площадь перед Зимним была запружена верными Временному правительству казаками и юнкерами. Рядом с дворцом находились многоярусные штабеля брёвен, которые шли на отопление. Так вот, из этих брёвен возвели баррикады, за которыми надёжно укрылись несколько сотен казаков и юнкеров. В помощь им пригнали новейшие броневики и орудийную батарею. Оставалось только дожидаться непроходимых идиотов, которые бы полезли с ружьями наперевес брать штурмом эту крепость. У Керенского не было ни малейших сомнений, что взять Зимний штурмом за короткое время практически невозможно. Поэтому он велел всем своим министрам собраться в Зимнем и никуда не уходить. А сам намеревался срочно вызвать на подмогу боевые части с фронта. Однако связаться с войсками по телеграфу и телефону ему не удалось: из-за внезапно возникших технических проблем все штабные каналы связи оказались нерабочими. Тогда Керенский решил воспользоваться автомобильным транспортом, чтобы самому отправиться за подмогой. Однако и тут возникли совершенно необъяснимые проблемы. Все 15 автомобилей Генерального штаба оказались вдруг – по чистой случайности, разумеется – неисправными и наотрез отказывались заводиться. Но Керенский и тут не растерялся и приказал гнать своему извозчику в американское посольство. Там, на его счастье, оказался свободный автомобиль, да ещё и в полной исправности. Это был шикарный представительский броневичок марки Pierce-Arrow, который ему американцы любезно и предоставили. На нем Верховный благополучно и укатил из города.

А тем временем защитники Зимнего дворца пребывали в томительном ожидании нападения. Однако кроме толпы зевак на горизонте никого не было. Напряжённое ожидание сменилось чувством голода. Наступило время обеда, однако ни одной полевой кухни на площади так и не появилось. Солдаты курили махорку и мрачно костерили начальство. Оказалось, что об их пропитании никто не позаботился, да и обещанные боеприпасы для пушек почему-то тоже не подвезли. Затем поступил приказ разбирать баррикады. К вечеру площадь совершенно опустела. Броневики укатили в гаражи, солдаты вернулись в казармы и постоялые дворы. Запертые якобы ради их же безопасности в подвале министры оставались в полном неведении относительно того, что происходило снаружи.

Офицеры генштаба свою партию сыграли как по нотам, теперь настала очередь большевиков красиво разыграть спектакль с захватом Зимнего дворца и кабинета министров в полном составе за исключением Верховного, которому удалось смыться на машине американского посольства. Поскольку защищать дворец было уже практически некому, то штурмовой отряд большевиков справился с этой задачей без особых проблем. Однако ещё задолго до этого Ленину стоило титанических усилий убедить своих ближайших соратников согласиться на вооружённый переворот. Вождь большевиков несколько часов безуспешно уговаривал членов организованного им самим же ЦК партии организовать вооружённое восстание, но необходимое для принятия решения большинство голосов никак не набиралось. Зиновьев и Каменев были категорически против переворота, справедливо указывая, что у большевиков на это ещё недостаточно сил, а власть и так вскоре перейдёт к ним в руки совершенно законным образом. Троцкий настаивал на том, что решение о вооружённом восстании должно приниматься исключительно Съездом. Проблема Ленина была в том, что он не мог раскрыть карты. Информацией об участии офицеров Генерального штаба в вооружённом мятеже обладали, по всей видимости, лишь Сталин с Дзержинским, а остальные, скорее всего, находились в полном неведении насчет этого, поэтому необходимый кворум никак не набирался. Самоубийц среди большевиков не было.

Тогда Ленин прибег к последнему, самому жёсткому аргументу: он объявил своим оторопевшим от неожиданности соратникам, что в таком случае он выходит из партии. Раскол среди большевиков накануне Учредительного собрания означал их неминуемое поражение на выборах в будущее правительство. Представить партию большевиков без Ленина было невысказано. Аргумент подействовал. И тем не менее окончательное решение о грядущем мятеже было принято лишь с небольшим перевесом. Зиновьев и Каменев голосовали против. Троцкий воздержался.

Теперь просто необходимо рассказать правду про крейсер “Аврора”. Его роль в октябрьском спектакле была значительной, но вовсе не той, о которой большинство из нас слышало. Вот что на сей счёт пишет Олег Стрижак:

“Вахтенный журнал крейсера “Аврора”, относящийся к осени 1917 года, был найден в 1937 году при обыске в сейфе одного из арестованных большевистских “вождей”. В вахтенном журнале отсутствовали (вырваны “с мясом”) страницы с записями последних десяти дней октября 1917 года.

Зачем крейсер “Аврора” вечером 24 октября вышел на фарватер Невы? Казённая версия говорит: “вечером 24 октября прибыл на “Аврору” из Смольного гонец и передал революционный приказ – выйти к Николаевскому мосту и разогнать юнкеров, и “Аврора” тотчас вышла к мосту и разогнала юнкеров”.

На “Авроре” были 24 паровых котла, и чтобы к вечеру держать нормативное давление пара в котлах 17 атмосфер и в паровых машинах 15 атмосфер, нужно было разводить пары с раннего утра. Перемещение могучего крейсера – невозможно без предварительной разработки в штабе флота.

Чтобы “напугать юнкеров”, “Авроре” не было нужно шевелиться. “Аврора” стояла у стенки завода в 550 метрах ниже Николаевского моста. С такой дистанции хороший пулемётчик смахнёт папиросную пачку.

Корабль, стоящий в заводе, имел на борту небольшое количество угля – чтобы отапливать жилые отсеки (от малого котла) и чтобы крутить динамомашину – для освещения помещений и подачи электропитания на приборы и механизмы. Чтобы крейсер “Аврора” отошёл от стенки, на него нужно было загрузить минимум сто тонн угля (достаточно, чтобы дойти из Петербурга до Ревеля или Гельсингфорса). Значит, кто-то отдал предписание командованию Угольного порта, в Угольном порту загрузили на баржу уголь, и буксир притащил эту баржу в Неву, к борту “Авроры”, а нижняя команда крейсера, три сотни матросов и унтеров, в течение нескольких часов поднимала уголь из баржи на борт и раскидывала его по 20 нижним угольным ямам, и закончилось это не позднее 23 октября, ибо утром 24 октября кочегары уже бросали уголь в топку крейсера.

В одной из научных книг сталинского времени (1951) говорится, что крейсер “Аврора” получил боевой приказ на выход из завода ещё 22 октября.

Кораблю, стоящему в заводе, запрещено иметь на борту боезапас.

Если на “Авроре” 25 октября имелись снаряды и заряды – значит, кто-то заранее, через сложный механизм штабной бюрократии, отдал приказ на-

чальнику артскладов форта Ино отгрузить, по секретному перечню, боезапас для крейсера “Аврора”, и приказ в Военный порт о переходе буксира с баржей, и приказ – самым различным службам и боевым соединениям – на боевое обеспечение этого перехода. Ночные переходы кораблей и судов в Финском заливе, ввиду минной опасности, были запрещены.

Стало быть, не ранее середины дня 25 октября буксир притащил баржу с боезапасом к борту “Авроры” и верхняя команда, на виду у Петербурга, стала перегружать боезапас в артпогреба крейсера.

“Аврора”, отойдя от стенки завода, никак не приближалась к Николаевскому мосту, а напротив, отошла вниз по течению и встала на якоря, – а 25 октября в Неву вошёл эскадренный миноносец “Самсон” (совершивший переход в Петроград из Гельсингфорса) и встал на фарватере выше “Авроры” по течению – меж “Авророй” и Николаевским мостом. “Самсон” своим корпусом и своими пушками прикрыл “Аврору” от возможного обстрела из города.

В 1917 году “Самсон” (случайно или нет получил он имя библейского богатыря) был новейшим и лучшим эсминцем Балтийского флота. В боевой диспозиции на Неве 25 октября “Самсону” была отведена главная роль (видимо, что не случайно в 1923 году “Самсон” получил новое имя – “Сталин”, он был образцовым кораблём Краснознамённого Балтфлота, а в 1936 году стал первым военным кораблём, который прошёл за ледоколами через льды по Северному морскому пути).

У одного мемуариста промелькнуло, что крейсер “Аврора” отошёл от заводской стенки затем, что на “Авроре” находился запасной штаб восстания. А очевидец мирный житель (Дубнов) записал в дневник 28 октября: в городе говорят, что когда войдут войска Керенского, большевики сядут на “Аврору” и уплывут в Кронштадт. Вероятно, здесь и заключается правда: в случае неудачи истинные руководители переворота должны были эвакуироваться на “Аврору” (плавучую крепость) и, под прикрытием огневой мощи эскадры, уйти либо в Ревель, к генералу Черемисову под крыло, либо в Гельсингфорс, к адмиралу Развозову.

В 1960-е годы А. В. Бельшев, который в октябре 1917 года был председателем судового комитета на “Авроре”, рассказал, что носовое 6-дюймовое орудие крейсера не стреляло и никакого “сигнала к штурму” посредством орудийных выстрелов не отдавалось. Просто – в девятом часу вечера на “Авроре” дважды выстрелила кормовая зенитка (со времён Петра Великого двойной выстрел кормового орудия являлся приказом “шлюпкам к борту”). На “Авроре” стояли новейшие зенитки Лендера калибром 3 дюйма, длина ствола 2,3 метра, они били в высоту на 6 вёрст, и звук их выстрела был сильным”.

Итак, Олег Стрижак достаточно убедительно доказывает, что крейсер “Аврора” управлялся вовсе не революционными матросами, а целым конгломератом тыловых и военно-морских служб, действия которых координировал штаб заговорщиков из числа высшего командного состава. В пользу этой версии говорит ещё и тот факт, что Керенскому не удалось найти в Петрограде ни одного генерала, который бы согласился управлять обороной Зимнего дворца. Кстати, по Зимнему палить из пушек никто не собирался, поскольку там ещё с 1915 года располагался военный госпиталь на 1000 коек. И этот госпиталь всегда был переполнен. Всем про это было хорошо известно. Именно раненые солдаты из госпиталя и медперсонал не позволили мародёрам из Красной гвардии проникнуть в Эрмитаж. Любопытно, что в качестве холодного оружия при разгоне мародёров успешно использовались ночные горшки. Жаль, что в фильме Эйзенштейна про это нет ни слова. Эпическая могла получиться сцена. В действительности захват резиденции Временного правительства произошёл силами спецназа без единого выстрела. Бешеная стрельба началась много позже, во время съёмок художественных фильмов о захвате Зимнего восставшими революционными массами.

Захват дворца не обошёлся без мелких проволочек. По плану там вообще не должно было находиться никого из вооружённых военных. Если бы все выполнили приказ покинуть площадь и здание, то именно так бы и произошло. Однако несколько десятков юнкеров самовольно с оружием остались защищать дворец и министров. Кроме них на подступах к дворцу расположилась рота женского батальона смерти. Штабс-капитан батальона Александр Лосков отдал приказ вывести всех женщин за город, но 137 женщин из чувства неверного понятого долга всё-таки остались защищать Временное правительство.

Впрочем, и с теми и с другими обошлись весьма гуманным образом – разружили и отпустили под честное слово больше не поднимать оружие против новой власти. Юнкера, вероятно, при этом держали в кармане фи́гу, потому что впоследствии многие из них были повторно арестованы при подавлении контрреволюционного восстания в Петрограде. Тогда с этими господами, понятное дело, уже не церемонились.

Захват министров в Зимнем дворце был чисто технической и самой простой частью плана заговорщиков. Самым сложным было легализовать свержение Временного правительства через решение Съезда. В Петросовете ключевые посты занимали меньшевики и эсеры. Они страшно боялись, что большевики узурпируют все рычаги управления в своих руках, поэтому играли на стороне Временного правительства, буржуазные политические лозунги которого они в целом поддерживали. Они считали, что социализм в России строить преждевременно, поэтому сначала нужно сосредоточиться на буржуазной повестке. Главным для них было выиграть время и дать Керенскому возможность ввести в столицу верные воинские части, дабы усмирить большевиков и поймать, наконец, их главного вождя Ленина, который, по слухам, уже нелегально находился в Северной столице. Город был наводнён ищейками, задача которых была обнаружить Ильича и не дать тому – упаси Боже! – проникнуть в Смольный. Гипнотическая способность Ленина подчинять себе толпу была общеизвестной.

25 октября Ленин в сильном нервном возбуждении уже несколько часов мерил шагами свою маленькую конспиративную квартирку, когда в дверь раздался условный стук. Посыльный шёпотом сообщил пароль, обозначающий, что министры арестованы и следует срочно приступить к реализации дальнейшей части плана, составленного заговорщиками. После этого Ленин в парике и одежде рабочего вышел на улицу. Было уже поздно, и до Смольного нужно было добираться пешком, сильно рискуя попасть в руки ищейек или жандармов, так как общественный транспорт уже не ходил. К счастью, Ленину удалось на ходу заскочить в пустой трамвай, который направлялся в парк. Кондукторша спросила невзрачного мужичка, в курсе ли тот, что происходит в Петрограде. И когда Ленин ответил, что не знает, что делается в городе, та сказала ему буквально следующее: “Какой же ты после этого рабочий, если не знаешь, что будет революция”. Святая простота...

Благополучно добравшись до Смольного, Владимир Ильич столкнулся с неожиданной проблемой, которая в другое время могла бы вызвать у него только смех: громадные революционные матросы на входе наотрез отказались пропускать Ильича внутрь, поскольку не могли поверить, что этот малорослый и щуплый рабочий и есть легендарный Ленин. Лишь затесавшись в толпу, Ленину удалось, наконец, проникнуть в здание, минуя бдительную охрану. Ленин доложил Съезду радостную новость, что Временное правительство низложено, министры арестованы и власть теперь всецело принадлежит рабочим и крестьянам. И тут меньшевики и эсеры на эмоциях совершили для себя непростительную ошибку. В знак протеста в надежде сорвать кворум они всем составом покинули Съезд. Однако кворум набрался, и вся власть в столице оказалась в руках большевиков. Впрочем, большой эйфории от этого они, будучи реалистами, не испытывали. Для них по-прежнему всё ещё висело на волоске. Остроту момента прекрасно передал много позже Сталин в своей заметке для газеты “Правда”:

“... Первые дни после Октябрьской революции, когда Совет Народных Комиссаров пытался заставить мятежного генерала, главнокомандующего Духонина, прекратить военные действия и открыть переговоры с немцами о перемирии. Помнится, как Ленин, Крыленко (будущий главнокомандующий) и я отправились в Главный штаб в Питере к проводу для переговоров с Духониным. Минута была жуткая. Духонин и Ставка категорически отказались выполнить приказ Совнаркома. Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 14-миллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против Советской власти. В самом Питере, как известно, назревало тогда восстание юнкеров. Кроме того, Керенский шёл на Питер войной. Помнится, как после некоторой паузы у провода лицо Ленина озарилось каким-то необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение. “Пойдем на радиостанцию, – сказал Ленин, – она нам сослужит пользу: мы сместим

в специальном приказе генерала Духонина, назначим на его место главнокомандующим тов. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом — окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки”.

Это был “скачок в неизвестность”. Но Ленин не боялся этого “скачка”, наоборот, он шёл ему навстречу, ибо он знал, что армия хочет мира и она завоюет мир, сметая по пути к миру всё и всякие препятствия. . .

Гениальная прозорливость, способность быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл надвигающихся событий — это то самое свойство Ленина, которое помогало ему намечать правильную стратегию и ясную линию поведения на поворотах революционного движения” (“Правда” № 34, 12 февраля 1924 г.).

В этом небольшом рассказе весь Владимир Ильич. В нервной, непредсказуемой и бешеной революционной стихии он чувствовал себя как рыба в воде. Эта огненная стихия восстания была для него родной. Кто-то удачно сравнил Ленина с жонглёром, который с зажжёнными факелами в руках танцует на пороховой бочке.

Пересказывать дальнейшие события нет нужды, так как они всем известны, описаны более-менее правдоподобно. На что стоит обратить особое внимание, так это на оценку той роли, которую сыграли большевики в истории России. Предлагаю послушать, что говорит о большевиках внук императора Николая I и близкий родственник (шурин) последнего императора Николая II, великий князь Александр Михайлович; создатель русской военной авиации. Уж этого человека, у которого большевики убили сразу трёх родных братьев, трудно заподозрить в искренних симпатиях к советскому строю. И тем не менее в своей книге воспоминаний великий князь пишет о них как об истинных спасителях своего Отечества.

“— По-видимому, “союзники” собираются превратить Россию в британскую колонию, писал Троцкий в одной из своих прокламаций в Красной армии. И разве на этот раз он не был прав? . . . Британское министерство иностранных дел обнаружало дерзкое намерение нанести России смертельный удар. . . Вершители европейских судеб, по-видимому, восхищались своею собственною изобретательностью: они надеялись одним ударом убить и большевиков, и возможность возрождения сильной России. Положение вождей Белого движения стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников, они призывали. . . к священной борьбе против Советов, с другой стороны — на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи. . .

Мне пришло в голову, что, хотя я и не большевик, однако не мог согласиться со своими родственниками и знакомыми и безоглядно клеймить всё, что делается Советами только потому, что это делается Советами. Никто не спорит, они убили трех моих родных братьев, но они также спасли Россию от участи вассала союзников.

Некогда я ненавидел их, и руки у меня чесались добраться до Ленина или Троцкого, но тут я стал узнавать то об одном, то о другом конструктивном шаге московского правительства и ловил себя на том, что шепчу: “Браво!”. Как все те христиане, что “ни холодны, ни горячи”, я не знал иного способа излечиться от ненависти, кроме как потопить её в другой, еще более жгучей. Предмет последней мне предложили поляки.

Когда ранней весной 1920-го я увидел заголовки французских газет, возмущавшие о триумфальном шествии Пилсудского по пшеничным полям Малороссии, что-то внутри меня не выдержало, и я забыл про то, что и года не прошло со дня расстрела моих братьев. Я только и думал: “Поляки вот-вот возьмут Киев! Извечные враги России вот-вот отрежут империю от её западных рубежей!”. Я не осмелился выразиться открыто, но, слушая вздорную болтовню беженцев и глядя в их лица, я всей душою желал Красной Армии победы.

НЕ ВАЖНО, ЧТО Я БЫЛ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ. Я БЫЛ РУССКИЙ ОФИЦЕР, ДАВШИЙ КЛЯТВУ ЗАЩИЩАТЬ ОТЕЧЕСТВО ОТ ЕГО ВРАГОВ. Я был внуком человека, который грозил распахать улицы Варшавы, если поляки ещё раз посмеют нарушить единство его империи. Неожиданно на ум пришла фраза

того же самого моего предка семидесятидвухлетней давности. Прямо на донесении о “возмутительных действиях” бывшего русского офицера артиллерии Бакунина, который в Саксонии повёл толпы немецких революционеров на штурм крепости, император Николай I написал аршинными буквами: “Ура нашим артиллеристам!”.

Сходство моей и его реакции поразило меня. То же самое я чувствовал, когда красный командир Будённый разбил легионы Пилсудского и гнал его до самой Варшавы. На сей раз комплименты адресовались русским кавалеристам, но в остальном мало что изменилось со времён моего деда.

— Но вы, кажется, забываете, — возразил мой верный секретарь, — что, помимо прочего, победа Будённого означает конец надеждам Белой армии в Крыму.

Справедливое его замечание не поколебало моих убеждений. Мне было ясно тогда, беспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало всё, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остаётся то, что с того самого дня СОВЕТЫ ВЫНУЖДЕНЫ ПРОВОДИТЬ ЧИСТО НАЦИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ, КОТОРАЯ ЕСТЬ НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК МНОГОВЕКОВАЯ ПОЛИТИКА, НАЧАТАЯ ИВАНОМ ГРОЗНЫМ, ОФОРМЛЕННАЯ ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ И ДОСТИГШАЯ ВЕРШИНЫ ПРИ НИКОЛАЕ I: ЗАЩИЩАТЬ РУБЕЖИ ГОСУДАРСТВА ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ И ШАГ ЗА ШАГОМ ПРОБИВАТЬСЯ К ЕСТЕСТВЕННЫМ ГРАНИЦАМ НА ЗАПАДЕ!

Сейчас я уверен, что ещё мои сыновья увидят тот день, когда придёт конец не только НЕЛЕПОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИК, но и Бессарабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картографам придётся немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке. . .”

Теперь, наконец, настала пора поговорить о роли Сталина во всей этой истории. Сталин оказался единственным из заговорщиков, на плечи которого легла миссия осуществить четвёртую часть плана — восстановление разрушенной страны. К великому сожалению, Сталин был, по всей видимости, ликвидирован своими соратниками при осуществлении последней, пятой части плана заговорщиков — по прекращению партийного большевистского диктата.

Сталин всегда подчёркивал, что был идейным последователем Ленина и считал последнего своим учителем. После смерти Ленина Сталин продолжал проводить чисто ленинскую политику, и нет ни одного достоверного факта, который бы говорил об обратном. Как и любой лидер, Ленин мог находиться у власти только будучи арбитром среди враждующих между собой внутривнутрипартийных политических группировок. Именно с этим связано приближение им Сталина и включение того в ряды высшей партийной элиты к огромному неудовольствию, главным образом, Троцкого, Бухарина и Крупской. В рамках борьбы с влиянием Троцкого и его окружения Ленин провёл реорганизацию Партии и сделал Сталина генсеком. Всё то, что писал в эмиграции Троцкий и позднее говорил Хрущёв по поводу так называемого “завещания Ленина”, в котором тот якобы призывал убрать Сталина — чистая дезинформация, не имеющая ничего общего с действительностью. Существуют убедительные доказательства того, что часть “завещания” — подделка и не имеет никакого отношения к Ленину. Поскольку миф о “завещании” является общепринятым среди историков, стоит его рассмотреть чуть подробнее.

То, что называли “политическим завещанием” Ленина — это набор машинописных документов, многие из которых не содержат подписи Ленина; во многих случаях эти документы даже не прошли обязательную регистрацию в ленинском секретариате. Можно легко предположить, что часть “завещания”, которая касалась критики Сталина, была написана лично Крупской, которая, как хорошо известно, ненавидела Сталина и всегда активно интриговала против него. Вопреки общим представлениям, Крупская была амбициозной, авторитетной и чрезвычайно умной революционеркой. До революции она проделывала колоссальную организационную работу. Будучи личным секретарём Ленина, она с помощью симпатических чернил вела деловую переписку с не менее чем тремя тысячами корреспондентов. Есть версия, что после смерти Ленина планировался передел власти в пользу триумvirата, состоящего из Троцкого, Крупской и Бухарина.

К счастью, делегаты съезда быстро разобрались, что к чему, и Сталин остался генсеком. Что касается Крупской, то она начала срывать свою бессильную злобу на советских детях. В последние годы жизни эта женщина отмечалась тем, что планомерно и методично занималась уничтожением детских библиотек, кроме того, подготовила список запретных для советского читателя книг, который Максим Горький назвал “ошеломляющим разум”. Туда попали, например, Платон, Шопенгауэр, Лесков и много кто ещё...

Иногда наилучшую историческую оценку великих мировых лидеров дают их враги. Один из немногих порядочных и честных критиков сталинизма Исаак Дойчер в своей работе “Россия после Сталина” вынужден был признать очевидную для всех вещь, что “подлинной сутью сталинских исторических достижений является тот факт, что он нашёл Россию работающей деревянным плугом, а оставил её, снабженной атомными реакторами”.

Не покидает ощущение, что Сталин и сам порой осознавал себя лишь орудием или бичом в руках божьих. Как коммунист и руководитель великой социалистической державы, разумеется, он не мог ни с кем поделиться тем, что с ним происходит. Быть до конца честным Сталин мог лишь наедине с самим собой. И в такие сокровенные минуты полного одиночества он изливал свою душу в стихах, которые он потом уничтожал. Вот стих Сталина, который он не успел сжечь и который был обнаружен в его рабочем столе после внезапной кончины:

Поговорим о вечности с тобою:
Конечно, я во многом виноват!
Но КТО-ТО правил и моей судьбою,
Я ощущал ТОТ вездесущий взгляд.
ОН не давал ни сна мне, ни покоя,
ОН жил во мне и правил СВЫШЕ мной.
И я, как раб ВСЕЛЕНСКОГО НАСТРОЯ,
Железной волей управлял страной.
Кем был мой тайный ВЫСШИЙ ПОВЕЛИТЕЛЬ?
Чего хотел ОН, управляя мной?
Я, словно раб, судья и исполнитель —
Был ВСЕМ над этой нищею страной.
И было всё тогда непостижимо:
Откуда брались сила, воля, власть.
Моя душа, как колесо машины,
Переминала миллионов страсть
И лишь потом, весною в 45-м,
ОН прошептал мне тихо на ушко:
“Ты был МОИМ послушником, солдатом,
И твой покой уже недалеко!”

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

НАКАНУНЕ ВЕЛИКИХ ДЕЯНИЙ

Иркутские годы святителя Иннокентия Московского

*Жатвы много, а делателей мало;
итак, молитесь Господина жатвы,
чтобы выслав делателей на жатву
Свою.*

Евангелие от Луки 10:2

*Идите по всему миру и проповедуйте
Евангелие...*

Евангелие от Марка 16:15

Ангинская слобода

Озеро Байкал от сотворения мира видело тьму разноликих, разноязыких племён, и дерзких, и тихих, истлевших по скалистым и пологим берегам. В смутной человеческой памяти осели лишь отзвуки далёких времён и гордых племён: хунны, баргуты, курыкане; из сих древних корней вывели поздние прибайкальские племена тунгусов и бурят. Позже явились к байкальским берегам и русские казаки и промысловые люди.

В 1643 году при царе Алексее Михайловиче из Верхотурского острога вышла ватага казаков во главе с тобольским пятидесятником Курбатом Ивановым. Тунгусский князь Можеуль, нанятый проводником, повёл их встречу солнцу. Казаки, перевалив Приморский хребет, вышли к Байкалу напротив острова Ольхон. Курбат Иванов нарисовал карту Байкала, и 2 июля 1643 года в Российские земли вошло западное Прибайкалье и остров Ольхон.

Казаки-землепроходцы, осмотревшись, убедились: богата здешняя тайга белкой и соболем. А шкурки пушных зверьков дорого ценились в торговле, посему вскоре прихлынули к Байкалу и русские промысловики. Да кроме пушных зверьков добывали и копытных. А крестьяне, что следом пришли, радовались: обильны травостоем пастбища и покосы; добра земля в приречных долинах, пригодна для сева ячменя, овса и даже пшеницы. И осели русские в верховьях Ангары, Лены и речных притоков.

В прибайкальской тайге, вблизи ложбины Карчикай и озера родилась река Анга – на языке эвенков *Волчья пасть* либо *расселина* – узкое ущелье в горах. Гибко извиваясь, побежала Анга к реке Лене по заболоченным распадкам, где по осени на бурых мхах красным-красно от клюквы. Миновала Анга южные склоны Чёрного хребта, где могучие ели и лиственницы пышными кронами вознеслись в небеса, где вольно бродят лоси, изюбри и медведи, а на вешних зорях таинственно бубнят тетерева и костяно перещёлкивают глухари.

Покружив по таёжным падам, выбежала река на вольную долину, где густые травы и чудные цветы, куда триста лет назад пришли русские казаки, где и побратались с эвенками.

Вообразим погожий летний день... На берегу Анги казаки развели костёр, сварили уху из добытых ленков и, помолившись, отведали – добра полёбка. Поклонились на восток:

– Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ; не лиши нас и Небеснаго Твоего Царствия, но яко посреде учеников Твоих пришел еси, Спасе, мир даяй им, прииди к нам и спаси нас. Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь. Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй! Благослови.

Вздremнув под речной говор, побродили казаки по долине и вырешили: добрая земля, живи и радуйся. Основали казаки заимку, повеличенную в честь реки Ангинская; а заимка потом выросла в слободу, где казаки и мужики ловили рыбу, охотились, пасли лошадей и коров, сеяли жито, косили сено на зиму.

В 1682 году князь Иван Петрович Гагарин, царский стольник и воевода Илимского воеводства, отдал Киренскому Свято-Троицкому монастырю слободу с пахотными землями, сенокосными угодьями, а также с рыбной ловлей на Байкале и по большим и малым рекам. И стала Ангинская слобода монастырской вотчиной, где жили монастырские крестьяне – пахали землю, сеяли рожь, ячмень, овёс, ячмень и горох. Пытались и пшеницу сеять, но толку мало – шибко уж прихотлива матушка-пшеничка.

О ту далёкую пору в здешних землях сеяли больше рожь – пятьдесят пять процентов посевов, и обычно озимую; на долю овса приходилось двадцать два процента, пшеницы – пятнадцать, ячменя – шесть, прочих зерновых – два.

Из Ангинской слободы выросло село Анга, прославленное на весь белый свет, – в селе родился и жил святитель Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, апостол Америки, Сибири и Дальнего Востока.

* * *

Русские казаки и крестьяне, пришедши в Сибирь из архангельских, вологодских, новгородских и прочих российских земель, выкопав и обшив деревом временные избы-землянки, тут же возводили на холмах часовни и церкви, кои золотисто светились венцами на ярких рассветах и закатах. А уж потом рубили избы, и хормные, и скромные.

Вот и в Ангинской слободы казаки, крестьяне и монахи прежде вольготного жилья строили церковь. И, по слухам, однажды в слободу явились таёжные эвенки. Подошли к плотникам. И молодой эвенк, который умел говорить по-русски, спросил:

– Однако, большой чум строите?

– Не чум, а церковь, мил-человек, – ответил монах.

Эвенки не ведали про церковь, и монах пояснил:

– Церковь – Дом Бога. В церквях христиане молятся Богу...

– Какому богу?

– Вы молитесь Солнцу, Луне, тайге, озёрам и рекам. Вы молитесь даже байкальским ветрам – Сарме, Култуку, Баргузину. А христиане молятся единому Богу, властелину неба и земли.

– Ой-ё-ё-ё... – подивился молодой эвенк. – И помогает вам Бог ваш?

– Помогает тем, кто любит Бога и людей.

– Однако, и эвенкам бы вашего Бога...

– Тогда надо креститься во Христа, – сказал монах и пояснил смысл таинства крещения.

Долго ли, коротко ли, но в начале восемнадцатого века жители Ангинской слободы возвели Божий Дом – на высоком холме красовалась деревянная церковь в честь святого пророка Ильи, которую в народе звали Ильинская. К церкви лепились рубленые кельи здешних монахов, кои спасались и вымаливали у Христа Бога спасения православным христианам, здравствующим и почившим.

Возведя церковь, слобожане срубили бревенчатые избы и славно зажили в тёплом жилье; трудились, не ленились: пасли лошадей и коров, косили

сено на зиму, пахали землю, сеяли жито, иные кормились с ружья либо ловили рыбу в Анге. И Богу усердно молились...

В середине восемнадцатого века монах Корнилий и ангинские крестьяне срубили другую деревянную церковь, опять же во святую память Ильи Пророка. А через полвека крестьянские сыны – славные братья Ольхоновы и Воробьёвы – сложили Ильинскую церковь из камня, избрав холм за ручьём, впадающим в Ангу. Каменная церковь, обильная старинными иконами, вышла трёхпрестольной: тёплый придел (справа) – в честь Ильи Пророка; центральный – в честь Пресвятой Троицы; левый придел – во имя Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев, позже переосвящён в честь первосвятителя Иннокентия, Иркутского чудотворца.

Старая же деревянная церковь обратилась в богадельню – добрый приют для одиноких стариков и старух; и при богадельне той в 1832 году жили десять бездомных старушек. Жили старушки на подаяния добрых людей.

Раннее детство Вани Попова

Свято храня правду событий, вообразим и сочиним лишь некие картины, дабы живо виделось житие грядущего святителя в селе Ангинском.

В селении том, Богом избранном, жили священники Поповы, коих в старину звали: *попы*; а по сему фамилия *Поповы*, видимо, и родилась из разговора:

- Чьи дети в церкви поют?
- Поповы...

Из сего древнего рода священников, прослуживших более ста сорока лет в Ангинской слободе Верхотурского уезда Иркутской губернии, и вышел Евсевий Иоаннович Попов, пономарь Ильинской церкви. Оговоримся: Поповы служили Богу равно диаконами и пономарями. А жил Евсевий Иоаннович с богданной женой Фёклой Саввишной рядом с церковью, в деревенской избе, по соседству с избой отца Иоанна Иоанновича Попова.

В старинном священническом роде вызревал грядущий святой, о коем поведём речь. Его прапрадеда Иоанна Пантелеймоновича Попова в 1790 году от Рождества Христова прислали из Тобольска в Иркутск, где отец Иоанн служил священником в церкви во имя Спаса Нерукотворного. Прадед Иоанн Иоаннович Попов с 1738 года – священник Ильинской церкви в Ангинской слободе и основатель рода ангинских священников. А дед святителя Иоанн Иоаннович Попов женился на дочери Андрея Петрова, священника Харлампиевской церкви в Иркутске; и в семье его сына, священника Иоанна Иоанновича Попова, родился Евсевий Иоаннович Попов, отец будущего святого.

А 26 августа 1797 года в селе Ангинском случилось чудо... На утренней заре радостно звонили колокола Ильинской церкви. И колокольный звон плыл по долине реки, а в синем небе весело кружились голуби. Колокола звонили в честь праздника Владимирской иконы Божьей Матери, и нарядные жители села, старые и малые, спешили в церковь на Божественную литургию.

В сей праздничный день и случилось чудо: благочестивым и христоробивым супругам Евсевию Иоанновичу и Фёкле Саввишне Поповым Господь даровал сына, наречённого по крещению Иоанн, – родился великий святой, которому будет молиться весь православный люд.

Ваня, как звали малого в миру, стал седьмым в большой семье Евсевия Ивановича и Фёклы Саввишны; а через три года родился и Стефан. “Один в пухе, другой в брюхе...” – говаривали крестьяне про часто рожавших жён. Впрочем, встарь эдакие семьи, где восемь чад, в деревнях и сёлах не в диковину, бывали семьи и по пятнадцати и двадцати ребятишек.

Когда явился на белый свет Ваня Попов, истекал месяц август, величайший *серпень*, *жнивень*, поскольку ангинские крестьяне, наточив *серпы*, выходили на *житву* (жатву) ржи, овса, ячменя. Подростки в ближних лесах брали голубицу, смородину, малину и набивали корзины грядями и рыжиками, что красовались в сосновых борах. Торопливо готовились к путешествию перелётные птицы, ибо в августе лето навстречу осени вприпрыжку бежит.

Сквозь сумрак веков видится, рождается в светлом воображении изба сельского пономаря Евсевия Попова... Высокое крыльцо, сени с деревянной бочкой для воды, рядом – деревянные вёдра и коромысло; на стене – конская упряжь и плетёные корзины. А из сеней – тяжёлая, тесовая дверь в горницу,

где в красном углу — божница, и в мерцающем свете лампы оживают святые лики. Рядом с божницей — полка зачитанных церковных книг; а под божницей — дощатая кровать, где лежит под святыми хворый Евсей Иванович. Вдоль стен — широкие лавки, застеленные рядом и годные для спанья. Посреди горницы — русская печь в пол-избы, к печи льнут полаты, где спят ребяташки; а за печью — куть, заставленная деревянными лопатами, берестяными туесами, глиняными горшками и чашами. В кухне Фёкла Саввишна варит щи и каши, печёт хлеб и калачи, а по великим праздникам — рыбные пироги и творожные, брусничные шаньги.

Подле окна — стол, и на столешне сияет медный самовар, рядом — чугунный светец, куда крепили берёзовую лучину. В поспешные зимние сумерки, запалив лучину, Фёкла Саввишна и старшие дочери пряли овечью шерсть, вязали варежки и носки; старшие сыновья подшивали валенки, а уж Евсей Иванович читал вслух Святое Писание.

В сей крестьянской избе и случилось чудо: родился и жил до шести лет прославленный на весь белый свет грядущий святитель Иннокентий, апостол Америки, Сибири и Дальнего Востока.

Младенца окрестили в Ильинской церкви. Священник вынул младенца из крещальной купели и, любуясь, подал в руки крестьянина Саввы Чувашева и Устины Яковлевой, жены казака Тюрюкова. Восприемники с любовью приняли крещаемого, и с того дня повеличались крестным отцом и крестной матерью. А крестные родители в таинстве крещения отвечают Богу за благочестивое, христоролюбивое возрастание чада.

Коль православные давали новорождённым имена по святам, то крещаемый обрёл имя Иоанн в честь преподобного Иоанна Постника, чьи подвиги Церковь славил в сей день. Отныне святой Иоанн Постник — Небесный покровитель раба Божия Иоанна, в миру Ивана Попова.

* * *

Семьи сельских священников, диаконов и пономарей, имея жалкое жалование да скудные подношения за исполнение треб, жили по-крестьянски: на подворье мычали корова с бычком, блеяли овцы, кудахтали куры; на огороде зрела капуста, репа, свёкла, лук и чеснок. Хозяйка либо старшие дочери доили корову, и в погребе хранились молоко, сметана и творог. Сыновья чистили стойки, стригли овец, пилили дрова, а подростки, заматерев, запрягали лошадей в соху и пахали землю. По весне во вспаханную землю засеивали рожь, ячмень, овёс, пшеницу, гречиху, просо и горох. Пшеницы сеяли мало; больше сеяли рожь — лучше вызревала. После жатвы пшеницу и рожь мололи на мельницах — вот в амбарных сусеках мука; дробили зерно и на крупорушках — вот и крупы в берестяных туесах.

В больших сельских семьях даже малые дети подсобляли родителям; а уж лет с десяти трудились рядом со взрослыми; так и дети пономаря Евсевия Ивановича: весной сажали картошку, репу, капусту, свёклу, морковь; летом пасли овец и коз на пастбищах, пололи грядки в огороде и на сенокосе сгребали скошенную траву в копны. Ближе к осени бродили в лес за Ильинскую церковь и кладбище, где в еловом и сосновом бору на зиму собирали рыжики и грузди. С реки Анги либо с ручья Манкай возили воду, привязав бочонок летом — на тележку, зимой — на салазки; на реку же по зиме возили корову на водопой. В эдаких сельских трудах и жила семья пономаря Евсевия Ивановича Попова.

Дивная и щедрая прибайкальская тайга обнимала село Ангинское; в тайге — синим-синё от голубики, красным-красно от брусники, а ближе к осени — в изобилии грибов. По селу течёт река Анга, где на рассветах и закатах играет, плещется рыба; и на утренних зорьках старшие сыновья Евсевия Ивановича, возможно, ловили матёрых ленков, серебристых хариусов, а в сплетённые из тальника морды добывали голянов, коих матушка парила в русской печи.

Раннее детство Вани Попова похоже на детство сельских ребят. Зимой катался на салазках с ледяной горки, а летом купался в речке. В тайге собирал с братьями и сёстрами грибы подосиновики, подберёзовики, маслята и грузди. Случалось, ребяташки уходили гурьбой далеко за село и в полях брали

душистую землянику, которую звали *пёстрая ягода*. Возле реки и возле ручьёв собирали чёрную и красную смородину, или по-сибирски — *кислицу*.

Но, похоже, большее время Ваня Попов проводил в церкви... Без Бога ни до порога... Молился с братьями и сёстрами, помогал священнику и диакону на богослужениях. И пусть семья Поповых жила бедно, бедность не печалила, ибо "похлёбка пуста, но душа чиста". Евсевий Иванович приучил сына не унывать, а терпеливо и спокойно переносить горести жизни. Бог терпел и нам велел... От унынья мальчика спасали молитвы и любовь к труду, ибо, как и старшие братья, сёстры, Ваня смалу помогал отцу и матери.

Хотя рос среди дивных лесов и лугов, детство сельскому отроку выпало горестным — бедность и хворый отец: Евсевий Иванович лежал на смертном одре, дышал на ладан. Смолоду славился добрым здоровьем, но однажды простудился, слёг и уже не исцелился.

Когда Ваня вырос, то вспоминал:

— Отец, будучи долго болен, почти всегда лежал в постели...

Семейство церковного пономаря читало утреннее, вечернее правило, а Фёкла Саввишна, видимо, усердно молилась об исцелении мужа:

— О Премилосердный Боже, Отче, Сыне и Святой Душе, в Нераздельной Троице поклоняемый и славимый, призри благоутробно на раба Твоего Евсевия, болезню одержимаго; отпусти ему вся согрешения его; подай ему исцеление от болезни; возврати ему здравие и силы телесные; подай ему долгоденственное и благоденственное житие, мирные Твои и премирные блага, чтобы он вместе с нами приносил благодарные мольбы Тебе, Всещедрому Богу и Создателю нашему. Пресвятая Богородице, всесильным заступлением Твоим помоги мне умолить Сына Твоего, Бога моего, об исцелении раба Божия Евсевия. Все святые и Ангелы Господни, молитесь Бога о больном рабе Его Евсевии. Аминь.

И Ванюша, смалу боголюбивый, богомольный, шептал во слезах:

— Боже милостивый, исцели моего батюшку...

Невзирая на тяжкую хворь, отец читал семейству Святое Писание; поучал чад житию в любви ко Всевышнему и ближнему.

* * *

Дали воображению вольную волю, то не резон и обуздывать...

Однажды Евсевий Иванович позвал четырёхлетнего сына, и Ваня послушно подошёл к постели, где лежал хворый отец.

— А желаешь ли, Ваня, чтобы я учил тебя чтению? — спросил отец.

— Желая, тятя, желаю, — охотно согласился Ваня.

— Ну, тогда, сына, учись, не ленись. Ученье — свет, а неученье — тьма.

С той поры Ваня старательно учился и редко играл на улице с ребятами. Бывало, забежит соседский парнишка и манит:

— Айда, Ваня, в догоняшки играть...

Редко Ваня согласится, чаще откажется:

— Нет, я не пойду. Я с батюшкой...

Обучая сына чтению, возможно, Евсевий Иванович помнил, как учился грамоте отрок Варфоломей, грядущий светоч Земли русской, преподобный Сергей Радонежский.

Тяжкую хворь ссудил Господь Евсевию Ивановичу, да не во смерть, а в очищение, спасение и обретение вечной жизни в Небесной Обители. Ване пошло шестое лето, когда отец предал Богу душу, "исповедавъ своя согрѣшенія, и Св. Таинъ приобщенъ, и елеемъ освященъ, помре 40 лѣтъ".

Пришла беда — отворяй ворота... Семейству пономаря и при хвором отце жилось не до жиру, быть бы живу, а ныне Фёкле Саввишне с оравой ребятешек хоть по миру броди с нищенской сумой, пой Лазаря под окнами, проси милостыню: "Добрые люди, Христа ради подайте на жизнь..."

— Чем кормить, во что одевать и обувать малых деток, ума не приложу, — со слезами жаловалась Фёкла Саввишна. — На обеденном столе — хлеб с солью, да водица голюю.

Но, слава Богу, мир не без добрых людей; к тому же в селе жил дядя сирот — Димитрий Иванович Попов, диакон Ильинской церкви. Дядя помогал горемычной вдове и даже взял Ваню в свою семью.

Однажды дядя говорит племяннику:

- Знаю, отец учил тебя грамоте...
- Да, тятя учил читать, – ответил Ваня и заплакал об отце.
- Не плачь, Ваня... Царствие Небесное рабу Божию Евсевию. Молись о его душе...
- Молюсь, дядя...
- Коли отец учил тебя читать, то и продолжим учение... Глядишь, и Апостол осилим, и Псалтирь... Потрудимся. Без труда, Ваня, и карася не вынешь из пруда.

* * *

Завершался Рождественский пост, и священник на проповеди толковал прихожанам:

– Пост... истинный, яко Божественные Писания показывают нам, не обращён токмо сиречь пищи и пития удалитися, но и от всех неподобных мыслей и злых дел воздержитися, и от великого греха храните себя.

А посему православные постились и брюхом, и духом – жили в умиленной любви к Богу, во всепрощающей, сострадательной любви к братьям и сёстрам во Христе.

Накануне Рождества Христова, в Рождественский сочельник дядя с племянником читали Евангелие. И виделось Ване... Вот пещера в горе – вертеп, и в сию пещеру хозяева на ночь загоняли коров, овец и лошадей. В том вертепе – долгий ящик, прозываемый *ясли*, куда хозяева кидали сено и солому для коров, овец и коз. В яслях и родился младенец Иисус Христос...

Ещё не выглянуло солнышко, не осветило село, а в Ильинской церкви уже празднично звенели колокола; и люди, невзирая на лютые рождественские морозы, спешили в церковь: ныне Рождество Христово, ныне родился Иисус Христос...

И в церкви свершилось новое чудо... Шестилетний Ваня Попов на Божественной литургии читал “Апостол”, и Фёкла Саввишна глядела на сына со слезами радости; а церковные прихожане восхищённо слушали парнишку и, выйдя из церкви, рассуждали:

- Парнишке всего шесть лет!.. И он читает книгу “Апостол”... Чудо!
- Взрослые-то грамотеи, книгочеи не могут осилить...
- Кого же осилишь, книга же на божественном языке, – собеседник помянул церковно-славянский язык, на коем изложены богослужебные книги.
- Да у нас в селе и грамотеев-то по пальцам сочтёшь...
- Да так толково, так бойко читал...
- Ну, так смалу же в церкви. Вот ему и благодать Божия...

Создавший великий исторический труд о святителе Иннокентии писатель Иван Барсуков* по сему поводу выразил восхищение:

“Мальчикъ учился такъ успѣшно, что онъ ещё семилѣтнимъ ребѣнкомъ читалъ въ своей церкви въ праздникъ Рождества Христова, за литургією, Апостолъ. И своимъ толковымъ чтеніемъ доставлялъ утешеніе прихожанамъ церкви св. Іліи пророка...”

Прихожане смотрели на отрока и печально вздыхали, ибо парнишка удручал бедным одеянием:

- Чтец-то добрый, а до чего же худо одет...
- Да уж... Нищие на паперти богаче одеваются...
- Богаче, не богаче, но справнее...

На Ване – зачиненные порты, поношенный зипун; и обут в старые чирки – обувь бедных крестьян.

- А где же ему, горемычному, добрую-то одежду взять?!

* Иван Платонович Барсуков, знаменитый русский архивный историк, собрал, описал ценнейшие сведения по истории Русской Православной Церкви, по истории Восточной Сибири, Дальнего Востока, Камчатки, Алеутских островов и Аляски. В сокровищницу русской и мировой науки вошли его выдающиеся книги: “Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по сочинениям, письмам и рассказам современников” (1883), “Граф Н. Н. Муравьёв-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам” (в 2-х т. – М., 1891). Мало сего, Иван Платонович Барсуков собрал, издал и сочинения самого митрополита Иннокентия: “Творения Иннокентия, Митрополита Московского” (в 3-х т. – 1886–1888).

- Верно, шибко уж бедно Поповы живут...
- А с чего и богаче-то заживёшь?! У Фёклы Саввишны орава малых де-тишек...
- И мужа-работника схоронила...
- Да и какой работник, коли долго болел?!
- Но до болезни-то был здоровый, работающий...

Когда Евсей Иванович слёг, а потом и предал Богу душу, семья лишилась работника. А сыновья ещё не вошли во взрослые лета и не могли заметить отца на подворье.

Фёкла Саввишна посылала сыновей и дочерей к богатым крестьянам. В их семьях девчухи водились с малышами, парнишки пасли коз либо овец; а старшие дочери и сыновья, возможно, помогали хозяевам на сенокосе, на жатве хлебов. И хозяева щедро либо скупо одаривали батраков ржаной мукой, крупами, маслом; но кормили сытно, и батраки низко кланялись:

- Благо дарим за хлеб, за соль, за щи с квасом, за лапшу, за кашу, за милость вашу.

Но ребячьи заработки в людях семью не спасали; и всякий вечер Фёкла Саввишна печально глядела на детей, которые не ели досыта и одеты были в старые обноски. В бедных семьях дети донашивали одежду старших братьев и сестёр; а матери хотелось купить ткани,шить сыновьям рубахи, порты и кафтаны; а дочерям – сарафаны и девичьи кафтаны... Но где взять деньги на ткани, коли и на прокорм не хватает?..

Думала Фёкла Саввишна, думала и придумала. Ободрённая чудесным даром Ванюши, пыталась пристроить дивного книгочея в церковь пономарём. Всё доход семье от жалования семилетнего сына. Но Господь ссудил Ване Попову иной жизненный путь...

Когда Ваня Попов стал священником Иоанном (Вениаминовым), то вспоминал: “В семинарию я поступилъ уже дѣвяти с половиною лѣт и после нѣсколькихъ попытокъ матери моей определить меня на мѣсто отца моего пономарѣмъ. Попытки эти были напрасны, несмотря даже и на то, что мать моя оставалась въ беспомощномъ положѣнии с тремя дѣтьми, кроме меня. Попытка в томъ же роде сдѣлана была ещё чрез два или три года после поступлѣния моего в семинарию, но тоже напрасно. И это, конечно, потому, что мнѣ суждено служить нѣ на месте моей родины, а въ Америке...”

Ване шёл десятый год, когда ангинский диакон Дмитрий Иванович Попов повестил Фёклу Саввишну:

- Ильинская церковь посылает Ваню в духовную семинарию...
- В Иркутск?.. – испугалась Ванина мама.
- В Иркутск.
- Такого маленького?
- Да какой же маленький?! Десятый год пошёл... Да и погляди, Фёкла Саввишна, какой рослый. Словно и не девять лет, а все пятнадцать... А потом, в отроке эдакое рвение к учению и усердие...
- А может, все же пономарём в церковь?.. Всё хоть помощь семье...
- Нет, Фёкла Саввишна, напрасные хлопоты... А вот в семинарии худо-бедно накормят, оденут, обуют. И тебе меньше забот...

Мать, тяжело вздохнув, согласилась.

...Осеннее прохладное утро. Пожелтели лиственницы за селом, покраснели кусты черёмухи в палисадниках, а в синем небе с курлыканьем плыли журавли. В тёплые края улетали перелётные птицы.

У избы Дмитрия Ивановича Попова дремала лошадь, запряжённая в телегу. Дмитрий Иванович уложил дорожную суму, кинул охапку соломы, чтобы мягче сидеть, и укрыл телегу войлочной кошмой.

Рядом с телегой – семья Поповых; пришли пожелать Ване счастливого пути. Мать со слезами обнимала сына, крестила и молилась. Просила в молитвах, чтобы Иисус Христос благословил сына в путь-дороженьку. Чтобы Николай Угодник охранял путников. Чтобы Господь Бог даровал отроку Иоанну доброе житие в граде Иркутском, без глады и хлада. Умоляла и Ангела Хранителя, дабы денно и ночью оберегал сына.

- Ну, Фёкла Саввишна, трогаемся, – сказал Дмитрий Иванович, усевшись в телегу. – Садись, Ваня.

Обнявшись с братьями и сёстрами, Ваня притулился возле дяди, и возница, ангинский мужик, встряхнул вожжами, и лошадь тронулась. Ваня

с грустью вглядывался в сельские избы, в заводы и плёсы Анги, где любил купаться жарким летом. Ваня прощался с родным селом, прощался с деревенским детством...

Иркутская духовная семинария

Вообразили, сочинили раннее детство Вани Попова и поведали, а ныне вообразим жизнь сельского подростка в городе Иркутске...

Долго ли, коротко ли, но прибыли путники в губернский стольный град... Ваня, широко распахнув глаза, дивился великолепию иркутских храмов и каменных зданий, красоте деревянной резьбы, украшающей оконные наличники и карнизы бревенчатых купеческих и мещанских домов.

Историк Иван Барсуков восхищённо описал славный сибирский город: "Иркутскъ, самый красивый городъ во всей Сибири. Расположенъ на правом берегу величественной рѣки Ангары, которая такъ быстра, что жестокіе морозы... покрываютъ её... льдомъ не ранѣ января мѣсяца; а бывають годы, что... всю зиму переправляются через Ангару на плашкоутах. Улицы Иркутска чисты и правильны. Мѣстность ровная, сухая и плодородная. (...) На лѣвомъ берегу Ангары, в пяти верстах от Иркутска, на возвышеніи красуется Вознесенскій монастырь со своими золотыми крестами и главами. Въ нёмъ открыто почиваетъ в нетлѣнии, благоухая, прославленный чудотвореніями Святитель Иннокентій в великолѣпной серебряной ракъ..."

Мог ли Ваня Попов вообразить, что минуют долгие годы, и, принявши монашеский ангельский чин, он обретёт имя первосвятителя Иннокентия Иркутского.

А путники тем временем, покругив по иркутским улицам, выехали к двухэтажному каменному зданию духовной семинарии, что красовалось на Нижней набережной Ангары. Рядом – божественные чудеса русского зодчества: Богоявленский кафедральный собор и старинный храм во имя Христа Спасителя.

* * *

В 1806 году, будучи девяти лет от роду, Ваня Попов поступил в Иркутское духовное училище, а через два года – в Иркутскую духовную семинарию, что вышла из Русско-Славянской школы.

В сѣм почтенном заведении будущих священников, диаконов, причетников обучали богословию, церковной истории, философии, поэзии, риторике, чтению по Псалтыри, правилам церковного нотного пения, чистописанию, русской грамматике, арифметике, географии, латинскому, еврейскому и греческому языкам. Не всем семинаристам хватало ума и усердия изучить около сорока предметов; иные уходили из семинарии, не доучившись, вспоминая учение, яко страшное мучение. Но успешно завершившие учение обретали глубокие и обширные знания.

Экзамены семинаристы не сдавали, но каждый месяц отвечали на семинарских *собраниях*. Учителя строго, придирчиво опрашивали студентов по разным предметам, выясняли поведение: не опаздывал ли в церковь к праздничным богослужениям?.. И сурово наказывался всякий семинарист, что опоздал в церковь к *заутрене*, которая начиналась в четыре часа утра в Богоявленском кафедральном соборе.

Семинаристы должны без опоздания прийти в церковь даже в сорокаградусные морозы, даже если жили на другом краю города, скажем, возле Иерусалимской горы. Мало не опоздать на церковную службу, надо и благочинно стоять в церкви, не слоняться попусту, не болтать, не вертеть головой, а пристально слушать священника, диакона, пономаря и клиросное пение.

Если слабые знания по семинарским предметам всё же прощались, то за неблагочинное стояние в церкви, за дурное поведение студенты сурово наказывались. В классе стояла деревянная бочка с водой, где вымачивали прутья; и всякого семинариста, уличённого в прегрешении, воспитатель по прозвищу Харя мог уложить на лавку и, спустив грешнику штаны, перекрестясь, благословясь, высечь сырыми прутьями. При сѣм утешая: мол, секу не ради мучения, а ради спасения.

Но студента Ивана Попова из Ангинского села Бог миловал от прутьев, поскольку учился сельский паренёк столь успешно, что после всякого ежемесячного собрания, где семинаристов экзаменовали, учителя восторженно писали в журнальной графе сего студента: “Прекрасно!.. Превосходно!.. Отлично!..” А в годовой ведомости из года в год помечали: “Способенъ и прилеженъ. Успеховъ весьма хорошихъ. Поведѣнія честного. На казѣнномъ содержаніи”.

* * *

Коль парнишка девяти лет от роду лишился домашнего крова, материнский ласки, отеческой опеки и любимого села, то жил в семинарии по-сиротски замкнуто и молчаливо.

Иван Барсуков писал: “В семинаріи пришлось прожить мальчику-сироте Ивану Попову 11 лѣтъ; и здѣсь-то раннее сиротство и отсутствіе семейной обстановки отразилось на его характерѣ. Въ семинарии онъ былъ крайне необщителен съ своими товарищами и не только не раздѣлялъ ихъ игръ, но и мало вступал съ ними въ разговоръ. За свою отчуждѣнность онъ долго подвергался насмѣшкамъ и оскорбленіямъ своихъ товарищей, пока своими дарованіями и дѣятельностію не привлёкъ ихъ къ себѣ. Рослый, полный, молчаливый, строгозадумчивый, въ толстой казенной рубашкѣ, без галстука и жилета, часто даже съ открыто широкою грудью, въ неподпоясанномъ казѣнномъ халатѣ, Иван Поповъ рѣзко выдѣлялся отъ своихъ сверстниковъ и невольно обращалъ на себя особое вниманіе”.

От унынья и тоски по родному дому спасался усердными молитвами и тем, что всякое свободное от уроков время охотно и азартно читал книги, учебные и научные. Пустую и скверную болтовню товарищей не слушал и сам попусту не болтал, ибо помнил: ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами. За эдакую, как им чудилось, горделивую отчуждѣнность иные злоязыкие семинаристы дразнили сельского увальня; а дразнилки эдакие были в ходу:

Ваня, Ваня, простота!
Купил лошадь без хвоста!
Сел задом наперёд
И поехал в огород.
Съел кочан капусты,
Закричал: “Как вкусно!”
.....
Ванька-встанька карапуз,
Надевай большой картуз,
Каравай съешь хлеба,
Вырастешь до неба!

А коль Ваня был умнее других, то и за это дразнили:

Умница, умница,
Знает вся улица,
Кот Тимошка
Да я немножко...

Мог бы Ваня ответить сельской дразнилкой:

Обзывайся, обзывайся,
Как лягушка раздувайся!
Ква-ква, ква-ква —
Вот и все твои слова!..

А мог бы Ваня, будучи сильнее прочих, дать обидчику по шее, но смалу возлюбил терпение и смирение, хотя и обижался до слёз. Потом вспоминал обидчиков с горьким сожалением, как глупых.

Иван Барсуков писал: “...Иоаннъ Евсеевичъ Веніаминовъ изъ всей своей школьной жизни, при ея грубой и крайне скудной обстановкѣ, вышелъ

чистъ отъ всѣхъ явныхъ и тайныхъ пороковъ бурсы, вынесъ изумительно крѣпкое здоровье и, какъ первый лучшій студентъ, наибольше припасъ себѣ научныхъ знаній, какъ будто предчувствуя, что ему впослѣдствіи понадобится большой запасъ силъ тѣлесныхъ и духовныхъ какъ для борьбы со стихіями, такъ ещё болѣе для успѣшнаго исполненія предлежавшаго ему призванія”.

* * *

Уроки из-за жуткой тесноты проходили в комнатах, где семинаристы спали и ели, хотя жалкие похлѣбки едой-то величать зазорно. Бедно жили Поповы в селе Ангинском, но всё же по-крестьянски запасались на зиму капустой, грибами, ягодами да, вероятно, держали в усадьбе и дойную корову и куриц — вот на обеденном столе и молоко, и яйца. В семинарии же кормили столь худо, что горемычные студенты редко бывали сыты. Спустя годы бывший семинарист Иван Попов с улыбкой писал: “Учился я хорошо, но чистого ржаного хлѣба (безъ мякины) до выхода из семинаріи не пробоваль...”

Семинаристы вспоминали:

— ...Помню, шибко бедно Ваня одевался...

— А куда ему наряжаться, если из библиотеки не выводился?!

— Во, во, всё читал и читал. И богословские книги, и по механике...

— Верно речено, по одежке принимают, по уму провожают...

Бедное житьё не печалило деревенского парнишку, коль с раннего детства привык спокойно и смиренно переносить житейские горести, спасаясь боговдохновенной молитвой и азартным трудом.

Даже утоляя голод хлебом с мякиной и пустой похлѣбкой, прозываемой баландой, Иван Попов не по дням, а по часам наливался силой богатырской. Про эдаких в деревне говаривали: сельский увалень, косая сажень в плечах.

Господь готовил сего семинариста к апостольскому служению на ниве христианского просвещения диких народов Америки, Сибири и Дальнего Востока. Готовил к будущим тяжким трудам и великим подвигам Христа ради, к смертельно опасным путешествиям по морям и океанам, по таёжным сибирским хребтам и заснеженной тундре.

* * *

В семинарии изрядно собралось одноимённых однофамильцев; и, бывало, учитель велит:

— Иван Попов, пройди-ко, любезный, к доске и прочти-ко на память псалом тридцать три, да чтоб от зубов отскакивало...

И три Ивана Поповых вздымаются над партами...

В 1814 году в семинарию приехал новый ректор — архимандрит Павел. Глянул списки семинаристов и схватился за голову:

— О, Господи!.. Да у вас же уйма однофамильцев с одинаковыми именами. Вон сколь Ивановых Иванов...

— Да и Поповых Иванов не меньше, — подсказал учитель. — Такая путаница с одноимёнными однофамильцами...

— Надо что-то придумать...

— Хорошо бы сделать добавку к фамилии, — посоветовал учитель. — С указанием, откуда родом семинарист. Скажем, Иван Попов из села Ангинского. Значит, будет Иван Попов-Ангинский...

— А что, добрая мысль. Так и сделаем.

Вот в семинарии и появились Иван Попов-Ангинский, Иван Попов-Тункинский, Иван Попов-Тайтурский. Выходит, первый Иван — из села Ангинского, второй — из села Тунка, третий — из села Тайтурка — всё известные села Иркутской губернии.

А в 1814 году от Рождества Христова ректор семинарии архимандрит Павел (Некрасов) за превосходные знания в науках, и особо в богословии, присвоил студенту богословия Ивану Евсеевичу Попову фамилию Вениаминов, дабы увековечить имя славного иркутского Владыки Вениамина (Багрянского), что накануне покинул сей мир, почил в Бозе, как говаривали встарь.

О ту же пору семинарское начальство признало фамилии вроде Грязнов, Соплин, Пляскин, Дубинин, Чуркин, Балдаев некрасивыми и порешило, исходя из характера ученика, сменить подобные фамилии на красивые, благозвучные. Так благообразные, боголюбивые ученики обрели фамилии *Благовидов, Малинин, Архангельский*; осанистые, стройные — *Лавровы*, добродушные — *Тихомировы, Миротворцевы*. Лишь Ивану Попову-Тункинскому досталась фамилия *Дулькамаров*, что по-русски звучит *Сладкогорький*, поскольку сей дерзкий студент в старших классах любил выпить горького и полакомиться сладким.

* * *

Ваня Попов тосковал по матери, скучал по братьям и сёстрам, по родному селу. И вот на радость малому из села Ангинского приехал жить в Иркутск его дядя, бывший диакон Ильинской церкви Димитрий Иванович Попов. У сего родича парнишка жил в селе после смерти отца. Дядя, схоронив жену, принял монашеский постриг и жил в архиерейском доме в звании иеромонаха Давида.

Отныне сиротство малого скрашивалось общением с дядей: добрый сродник и в Иркутске с любовью опекал племянника. Будучи ещё и часовым мастером, механиком-самоучкой, иеромонах Давид обучал Ивана ремёслам, разным механическим хитростям и привил племяннику азартный интерес к механике. И в старших классах племянник вместе с дядей мастерил часы и шарманки, а посему о семинаристе Иване Попове пошла слава: самородный механик, золотые руки.

О том свидетельствует и Барсуков Иван в книге о святителе: «Иванъ Вениаминовъ былъ очень дѣятельнымъ юношею: онъ часа не могъ просидѣть праздно, постепенно выработывая изъ себя усидчиваго труженика, относящагося ко всякому дѣлу настойчиво, съ рассудительностію, съ точностію и тщательностію исполненія, чем, конечно, онъ былъ обязанъ первоначальному своему воспитанію подъ руководствомъ своего дяди-механика, что и отразилось въ это время на воспріимчивой натурѣ его также страстію къ механическимъ занятіямъ».

Однажды вышел интересный случай...

Тогдашний иркутский владыка, архиепископ Михаил Второй, решил украсить колокольню Спасской церкви большими городскими часами. Но вначале нужно смастерить часы: выточить из металла детали и собрать механизм. Для сего в каменном доме у ворот архиерейского дома поселился славный часовой мастер Клим.

И вот зоркий архиерей высмотрел: в мастерскую Клина похаживает некий семинарист, о чём владыка тут же сурово известил семинарское начальство:

— Это что за студент?.. От занятий, лентяй, отлынивает. Ходит в мастерскую Клина. Прошу выяснить и наказать бездельника.

Семинарское начальство вскоре уведомило владыку, что сей отрок — студент превосходных знаний и честного поведения — посещает мастера Клина не из праздного любопытства, а для познания часовой механики. Владыка поощрил столь полезное увлечение сего семинариста; да и мастер Клим рад доброму подмастерью, позволяя тому выпиливать шестерни и колеса для будущих городских часов.

* * *

После уроков Иван Вениаминов обычно читал в семинарской библиотеке толстые книги. Прочёл и многотомное сочинение Иоганна Галле «Открытые тайны древнихъ магиковъ и чародеевъ, или волшебные силы природы, въ пользу и увѣселение употреблённые». Несмотря на упоминание в заголовке, в сей книге не водилось магии и чародейства; в сочинении описывались увлекательные опыты — электрические, механические, химические, оптические и прочие, а также медицинские, ветеринарные и хозяйственные советы.

Обучившись часовому ремеслу у дяди Дмитрия Ивановича, у мастера Клина, начитавшись Иоганна Галле, семинарист Иван Попов смастерил водяные

часы и установил за печкой в комнате, где жил с товарищами. Далее вообразим, сочиним сцену, что и прежде творили.

Когда Иван запустил водяные часы, семинаристы заворожённо глядели: вот падают капли, движутся стрелки и всякий час звенит колокольчик... Чудеса!

— Впервые вижу водяные часы, — признался семинарист.

— До семинарии ты и вовсе часов не видел, — усмехнулся приятель. — Из деревни же...

Да, иные студенты, прибывшие из сёл и деревень, сроду не видели часов, которые и в Иркутске-то редко у кого водились.

Позже Иван измыслил ещё и карманные часы; а коли просто мастерились те хронометры, то раздаривал их приятелям. Те восхищались мастерством сельского паренька и больше не дразнили.

— Да ты, Ваня, изобретатель, — хвалил товарищ. — Видно, голь на выдумку горазда...

— Да у тебя, Ваня, золотые руки, — похвалил и другой товарищ. — Что угодно смастеришь: хоть часы, хоть шарманку...

Иван учился в семинарии одиннадцать лет и в старших классах, а потом и рукоположённый во диаконы и священники мастерил часы и шарманки, от продажи которых семья жила, не бедствуя.

Любовь к ремеслу часовщика Иван Вениаминов сохранил на всю жизнь; и даже будучи епископом на американском острове Ситха, смастерил часы для колокольни Михайло-Архангельского храма. Часы служили людям уйму лет; и уж колокольня от старости покосилась, а часы били верное время.

Случалось, знакомые просили будущего святителя починить часы; и тот по доброте охотно соглашался. С интересом изучал и чинил; а часы попадались разные: карманные, настенные либо настольные; изготовленные в России либо в Европе.

* * *

Превосходно учился и семинарист Прокопий Громов, будущий друг и соратник отца Иоанна Вениаминова на апостольском поприще. Прокопий Васильевич с любовью воображал: меж двумя колыбелями — сотни сибирских вёрст, но Промысел Божий связал их незримой нитью, ибо грудным чадам, что качались в тех колыбелях, “прѣдначлено повстрѣчаться на пути жизни и идти объ руку чрезъ всю жизненную стѣзю” (П. Громов). Более сего, Прокопий Громов, будучи священником, сподобился написать книгу о семинарском друге, озаглавив сочинение “Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском”. Книга сия, равно и сочинение Ивана Барсукова, — первостепенные источники сего очерка.

Дружба меж студентом богословия Иваном Поповым-Ангинским и студентом философии Прокопием Громовым сложилась лишь спустя некое время, ибо Иван, по натуре замкнутый, с семинаристами мало общался, да и был постарше Прокопия почти на четыре года. Иван и поступил в семинарию годом раньше, а посему учился и классом старше. Общение же старших студентов с младшими сурово пресекалось семинарским начальством. Тем паче рядом с рослым и полным Иваном, похожим на дородного мужа, щуплый Прокопий выглядел подростком.

Сближению помог случай. Ректор семинарии решил слить богословский и философский классы, и парты, где сидели Иван и Прокопий, оказались рядом. Прокопий, словно предчувствуя будущую дружбу и будущие совместные труды на поприще христианского просвещения туземцев, пристально вглядывался в Ивана, вечно задумчивого, молчаливого, уже овеванного семинарскими легендами.

Священнослужитель Иоанн Вениаминов

Церкви иркутской епархии, особо сельские, остро нуждались в священниках, диаконах, пономарях, причетниках, но увы, со вздохом вспоминал Прокопий Громов, ещё не было толкового распределения выпускников семинарии по церковным приходам. А посему иные семинаристы, не доучившись, “убоясь бѣздны прѣмудрости, шли в дьячки и пономари къ сѣльскимъ

церквямъ — на свободу”. Иные, будучи семинаристами, уже служили причетниками в иркутских церквях, а случалось, и женились, рукополагались в диаконы и священники. “И не въ диковину было видеть въ богословскомъ классе учениковъ въ рясахъ”.

За год до выпуска ласковым апрельским днём 1817 года двадцатилетний семинарист Иван Вениаминов обвенчался в Иркутской Благовещенской церкви с Екатериной Шариной, дочерью приходского священника.

О ту пору в семинарию пришёл запрос из Московской духовной академии, дабы Иркутск выслал для дальнейшего обучения двух семинаристов честного поведения и превосходных знаний. Ректор избрал Ивана Вениаминова и Прокопия Громова и уже собирался оповестить их, осчастливить столь радостной вестью. Но жил ректор в Вознесенском монастыре на левом берегу Ангары, семинария же — на правом берегу. А по вешней реке, надолго разлучив монастырь с городом, шёл лёд, ночью замерзая, в полдень опять оживая. И посему ректор долго не мог переплыть на лодке из монастыря в город. Не мог попасть в семинарию, а значит, не мог и сообщить Вениаминову, что решил послать его в Московскую духовную академию.

Увы, не ведая о сём, 29 апреля 1817 года студент богословия Иван Вениаминов обвенчался с Екатериной Шариной, а женатых в академию не брали. И вместо него в Московскую духовную академию послали семинариста Константина Шастина. Долго жалел Иван, что рано женился и лишился академического образования. Впрочем, постигая Святое Писание и сочинения святых отцов, обрёл знания, кои даже превосходили академические.

Позже бывший семинарист с грустью писал, отзываясь на публикацию Прокопия Громова: “Самъ авторъ статьи, по случаю которой я пишу это, скажетъ, что ему не съ кѣмъ другимъ, а со мною пришлось бы ѣхать въ академію, если бы я уже не былъ женатъ въ то время, когда пришло распоряженіе прислать изъ Иркутской семинаріи двухъ учениковъ; и тѣмъ болѣе, что самъ ректоръ нашъ имѣлъ меня въ виду на этотъ случай, какъ онъ это высказалъ мнѣ послѣ. А почему онъ не остановилъ моей женитьбы, то причиною этого былъ весьма рѣдкій и даже необыкновенный случай, а именно: рѣка Ангара, отдѣляющая семинарію отъ монастыря (гдѣ жилъ нашъ ректор и откуда онъ во всѣ учебные дни пріезжалъ въ семинарію на цѣлый день), въ тотъ годъ (1817) при вскрытіи своемъ на многіе дни прекратила всякое сообщеніе монастыря съ городомъ. Лѣдъ на ней сначала прошёлъ, было, почти совсѣмъ, а потомъ опять остановился на нѣсколько дней и такъ плотно, что извѣстный тогда въ Иркутскѣ монастырскій послушникъ Иванушко перешёлъ чрезъ него съ одного берега на другой. А въ это время мнѣ пришла мысль жениться, и я успѣлъ подать просьбу, безъ позволенія отца ректора получить видъ на женитьбу и даже начать сватовство. Не будь этого случая — тогда, конечно, ректоръ не позволилъ бы подавать мнѣ просьбы о женитьбѣ. И тогда мнѣ пришлось бы ѣхать въ академію, а не въ Америку. Но виднѣ всего оказалась воля Божія о мнѣ при перемѣщеніи моемъ изъ Иркутска въ Уналашку, т. е. въ Америку”.

В Московской духовной академии почастливилось учиться семинаристам Прокопию Громову и Константину Шастину. Дотоле ни один иркутянин не удостоился столь высокой чести. За тихий нрав ректор переименовал Шастина в Тихомирова, но тот в будущем всё же оставил родовую фамилию.

Семинариста же Ивана Вениаминова 13 мая сего года рукоположили во диакона Градо-Иркутской Благовещенской церкви, и отныне иркутяне величали юного диакона по-церковному: Иоанн. По завершении учения его, знаниями превосходящего всех студентов семинарии, поставили ещё и учителем I-го класса церковно-приходского училища и преподавателем церковного пения в духовной семинарии.

* * *

Промысел Божий уготовил Иоанну (Вениаминову) не академию, а тяжкий, но величавый и святой путь христианского просветителя язычников, а посему по воле Божией и случился его брачный венец после обручения с поповской дочерью Екатериной Шариной.

Вижу сквозь века обручение раба Божия Ивана с рабой Божией Екатериной, кои благоговейно замерли с горящими свечами пред церковным аналоем. Слышу: батюшка кольцом трижды запечатлел крест на лбу Ивана и огласил:

— Обручается раб Божий Иоанн рабе Божией Екатерине во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь!

А затем кольцом трижды начертал крест и на лбу побледневшей невесты:

— Обручается раба Божия Екатерина рабу Божию Иоанну...

Батюшка, принимая от диакона золочёные венцы, поочерёдно крестообразно осеняя ими жениха и невесту, дал поцеловать венцы и возложил их на главы венчаемых.

— Венчается раб Божий Иоанн рабе Божией Екатерине во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь!.. Венчается раба Божия Екатерина рабу Божию Иоанну во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь!..

Благочестивая дочь священника Иоанна (Шарина), невеста талантливого и мастеровитого диакона, вряд ли провидела, что после венца её ждут великие тяготы и лишения Христа ради и что она, жена великого христианского просветителя, рука об руку с богоданным мужем в терпении, любви и мольбе смиренно пронесёт сей тяжкий, святой крест до скончания короткого житейского века.

Из десяти детей четверых матушка родила в Иркутске; но, увы, трое померли в ангельском младенчестве и, очевидно, упокоены на Иерусалимском погосте. Слава Богу, выжил четвёртый — Иннокентий, любовно прозванный Кеней.

В 1839 году богоданный супруг Екатерины Ивановны, священник Иоанн (Вениаминов), гостил в Санкт-Петербурге, где встречался с митрополитом Петербургским Серафимом и обер-прокурором Святейшего Правительствующего Синода графом Николаем Александровичем Протасовым. Обладая богатыми познаниями в различных науках, изучая обычаи, обряды, поверья североамериканских туземцев, о. Иоанн создал очерк «Мифологические предания колошей, обитающих на северо-западном берегу Америки» и опубликовал в петербургском журнале «Сын Отечества». Посетил о. Иоанн и Белокаменную, где беседовал с Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским и Коломенским, где батюшку из Уналашки возвели в сан протоиерея.

Тем временем, а именно 24 ноября сего же года, богоданная супруга о. Иоанна, Екатерина Ивановна Шарина предала Богу душу и, отпетая в иркутской кладбищенской церкви, погребена на Иерусалимском погосте.

А через год по смерти жены о. Иоанна постригли в монашество с именем Иннокентий, в честь Иннокентия (Кульчицкого), первосвятителя Иркутского; и 13 декабря 1840 года, согласно решению Святейшего Синода об открытии епархии в Америке и Восточной Сибири, с подчинением кафедре Камчатских и Охотских церквей, в Казанском соборе города Санкт-Петербурга инок Иннокентий хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. По сему поводу святитель Иннокентий писал: «Нѣтъ, не смерть жены моей открыла мнѣ путь къ архіерейству, потому что она померла ровно за годъ до того, и именно 24-го ноября 1839 года. До 6-го ноября 1840 года, т. е. до того времени, какъ я сталъ собираться ѣхать въ Америку, ни рѣчи, ни мысли не было ни у кого объ учрежденіи архіерейской кафедры въ Америкѣ...»

* * *

Но вернёмся в иркутскую семинарию... Погружённый в богомыслие, учение и труды, сроду не сидящий празднично сложа руки, сын прибайкальского пономаря, очевидно, и не ведая сего, усердно готовился к великой и трудной стезе — христианскому просвещению языческих племён Америки, Сибири и Дальнего Востока.

Позади семинария, впереди пастырские труды... В церквях, бывало, рукоположат во диаконы, глядишь, год не прошёл, а тот уже сменил диаконский стихарь на епитрахиль священника. Но диакон Иоанн (Вениаминов), с превосходными знаниями завершивший духовную семинарию, рукоположённый в диаконы в мае 1817 года, лишь спустя четыре года обрёл священнический сан.

После сего о. Иоанн служил в Благовещенской церкви ещё два года и создал воскресную школу, где толковал прихожанам, особо отрокам и отроковицам, Святое Писание и жития святых. А сия церковь во имя Благовещенья

Пресвятой Богородицы, входящая в число самых величавых церквей Иркутска, красовалась на перекрёстке улиц Большой и Благовещенской. Церковь построена в 1785 году усердием иркутских купцов и прочих благодетелей. В 1888 году на средства иркутских купцов С. И. Тельных, А. Ф. Дунаева, И. С. Котельникова была заложена вторая каменная четырёхпрестольная Благовещенская церковь, строительство которой завершилось в 1890 году. Увы, в 1931 году великолепнейший иркутский храм порушили большевики, исповедники дьявольского богохульства и богоборчества, а на храмовой земле вырос тоскливо-серый жилой дом.

Хотя и молод о. Иоанн, но за два года службы в Благовещенском храме обрёл столь горячую любовь прихожан, что те прощались со слезами, когда батюшка покидал их. А покинуть пришлось, но о том позже. А пока вообразим: две прихожанки выходят из Благовещенской церкви после Божественной литургии и хвалят о. Иоанна:

- Столь красиво служит, что я аж прослезилась...
- Божественно служит... А до чего же умён батюшка наш! Слушала проповедь – ну, словно Святое Писание читала...
- А какой чуткий, хоть и молодой... И старых, и малых – всех выслушает. Посоветует...
- Верно, добрейшая душа...
- А уж как его малые детки любят! Внук в воскресной школе учится. Однажды заглянула на урок. Сидят, слушают батюшку, не шелохнутся...

В ноябре 1822 года, похвально окончив Московскую духовную академию, вернулся в Иркутск семинарский товарищ о. Иоанна Прокопий Громов, приглашённый в семинарию учителем еврейского языка и церковной истории. Товарищество их переросло в дружбу, что с любовью во Христе и с писательским даром запечатлел Прокопий Громов в исторической книге «Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском». С восхищением писал новоиспечённый кандидат богословия о семинарском товарище:

“Благовещенскій священникъ, отъцъ Иоанн Вениаминов, за свой ум, за нравствѣнную жизнь, за послушаніе, за особенную чинность въ отправленіи Богослужѣнія, и въ особенности за дѣло учительства, пользовался ужѣ въ это врѣмя общимъ уваженіемъ не только прихожан, но и города. А дѣланіе часов, вполне имъ усвоенное, и устройство шарманокъ с духовными гимнами для любителей обеспечивали его материальное положеніе. Любилъ я бывать для молитвы в Благовещѣнской церкви, где благоговейное служѣніе отца Иоанна бралъ себе за образецъ для будущаго своего служенія во священническомъ сане. Случалось, что отецъ Иоанн бывшему соучѣнику, а тѣперь наставнику в семинаріи, с почѣтомъ выслалъ просфору, которую принималъ я съ благоговеніемъ”.

Прокопий Громов пять лет учился в Московской духовной академии, и пять лет Иоанн (Вениаминов), будучи в Иркутске, помогал его матери, что жила весьма скудно, а то и вовсе бедствовала. Прокопий с благодарностью написал в сочинении о благодетеле: “Я въ молитве своей зачислилъ его [о. Иоанна (Вениаминова)] кормильцѣмъ [моей матери]...”

И другом, и пожизненным духовным светочем стал для Прокопия Громова приходской батюшка Иоанн (Вениаминов), в будущем – епископ, архиепископ Иннокентий, владыка бескрайней сибирской епархии.

Выборы священника в Америку

21 августа 1732 года от Рождества Христова русские путешественники на корабле “Святой Гавриил” пришли на север Америки. И под командой Ивана Фёдорова и Михаила Гвоздѣва открыли полуостров Аляску, куда вскоре явились русские охотники и купцы. Побывали на Алеутских островах, и в 1772 году родилось первое русское поселение на алеутском острове Уналашка, где основалась база Российско-американской компании. Русские охотились на морских зверей и торговали с жителями Аляски – алеутами и эскимосами, а в просторечии – с туземцами.

Вскоре на североамериканские острова приплыли на кораблях и православные миссионеры – священники и монахи, которые строили церкви,

учили туземцев православной вере и крестили во Христа, иногда окуная прямо в океан.

И вот Иркутскому епископу Михаилу (Бурдукову) в начале 1823 года пришло повеление Святейшего Синода послать священника на остров Уналашку Алеутского архипелага, где уже окрепла русская колония и Российско-Американская компания.

Владыка выискивал священника, согласного послужить на Алеутских островах, либо диакона, чтобы рукоположить того во священника, но сколь ни упрашивал, желающего ехать в Уналашку не выискал. Иные страшились путешествия, ибо долгим и тяжким был путь до Северной Америки. Вначале по реке Лене до Якутска на паузке. Потом более тысячи вёрст верхом на лошадях до города Охотска. А там Богом забытый край: якутская тайга и тундра; крутые таёжные хребты, бездорожье, морозы дикие – птицы на лету замерзают, метели свирепые – горы снега наметают, можно и замёрзнуть в снегах; а колёса кончатся, то и голод одолеет. А потом плыть от города Охотска до Америки больше месяца; а шторм налетит да разобьёт корабль в щепки, вот сгинешь бесславно в пучине морской.

В памяти иркутского духовенства ещё жила весть о том, как четверть века назад погиб архимандрит Иоасаф (Иван Ильич Болотов в миру), будучи лишь тридцати восьми лет от роду... Сей славный христианский просветитель, епископ Кадыякский, викарий Иркутской епархии, возглавлял североамериканскую духовную миссию, коя тысячами приобщала ко спасительной православной вере туземцев.

История зарождения духовной миссии такова...

4 мая 1783 года славные русские купцы-компаньоны Иван Ларионович Голиков* и Григорий Шелихов** били челом императрице Екатерине, дабы “в найденной ими северной части Америки основать и умножить христианский закон”. Императрица повелела Святейшему Синоду учредить Североамериканскую Кадыякскую миссию, кою возглавил иеромонах Валаамского монастыря Иоасаф. О сём иноке похвально отзывался игумен Валаамский Назарий, славный своей святостью. Иоасафа произвели в архимандриты, и Синод повелел “пребывание иметь на острове Кадыяке”. В начале 1794 года Григорий Шелихов снабдил миссию на три года всем необходимым и сопровождал из Иркутска в Охотск и на североамериканский остров Кадыяк, где Российско-Американская компания уже имела поселение. Миссионеры срубили церковь, приходскую школу и после усердных проповедей Слова Божия за два года окрестили более 10 тысяч язычников. Слава Кадыякской миссии донеслась до Святого Синода, который учредил Кадыякское викариатство в Иркутской епархии, и первым Кадыякским епископом стал архимандрит Иоасаф.

10 апреля 1799 года Иркутский епископ Вениамин посвятил архимандрита Иоасафа во епископа, после чего тот выехал на остров Кадыяк. “Утром 25-го августа шли послѣдніе приготовления къ отплытію фрегата “Фениксъ” отъ причаловъ Охотскаго порта. Съ многочисленною свитою и богатою архіерейскою ризницею возвращался новопосвящённый епископъ Кадыякскій Иоасафъ къ своей паствѣ. Кромѣ епископской свиты, на кораблѣ отправлялись 70 промышленныхъ. 26-го августа “Фениксъ” поднялъ якоря и, не доходя до Кадыяка, исчезъ, найдя свой конецъ въ океанскихъ водахъ подъ ударами осеннихъ штормовъ” (Иван Барсуков). По догадкам бывалых мореходов, корабль потерпел крушение, не доходя острова Кадыяк, и штормовые волны поглотили новообращённого епископа Иоасафа со свитою, а также семьдесят промысловиков.

* Иван Илларионович (Ларионович) Голиков (22 ноября 1735 – 17 ноября 1805) – курский купец 1-й гильдии, иркутский иногородний купец, курский именной гражданин, компаньон Г. И. Шелихова, один из основателей создания Российско-Американской компании. На средства Голикова в 1783 году были совершены экспедиции Шелихова на Аляску по освоению “Русской Америки”.

** Григорий Иванович Шелихов (1747 – 20 июля 1795) – русский купец, предприниматель, один из первых исследователей Курильских островов и Аляски. Родился в городе Рыльске, в 1775 году переселился в Сибирь. В поисках пушнины (главным образом морских бобров и котиков) добрался до Охотска и, вступив в компанию с местными купцами, снарядил зверобойное судно, на котором в 1777 году отправился к Курильским островам.

Вот почему, когда выбирали миссионера на остров Уналашка, некие священники и диаконы убоялись морского пути и отказались. А иные, не страшась сего, страшились враждебных туземцев, коим доведётся проповедовать Слово Божие; и в страхе своём честно сознавались епископу Михаилу:

— Боюсь, владыка, диких людей... Говорят, туземцы рыскают, аки волки. Того гляди, и побьют... Помните, иеромонах Иувеналий учил и крестил туземцев на Аляске. А в 1796 году дикие люди его и убили...

— Но иеромонах Иувеналий принял мученический венец Христа ради, и в Царстве Небесном обитает душа святого мученика.

— Всё одно, страшусь, владыка...

Не менее диких туземцев диаконы и священники боялись американских и камчатских правителей, ходила зловещая молва: лютуют, деспоты... До Бога высоко, до царя далеко, а посему твори, что душе угодно, притесняй челядь.

Избранные священники, диаконы, не пугаясь штормового моря, дерзких туземцев и лихих правителей, готовые пострадать за Христа, не чуяли в душе миссионерских дарований.

Исходя из сих опасностей, иркутские священнослужители и церковнослужители поголовно отказались ехать на остров Уналашка для христианского просвещения алеутов. Отчаявшись, владыка Михаил призвал четырёх диаконов, велел бросить жребий, и кому выпадет, покорно нести сей апостольский крест — служить на Алеутских островах. В архиерейской канцелярии прочли главу из книги “Деяния апостолов”, где повествуется о том, как ученики Христа, избранные Спасителем в апостолы, бросали жребий — выбирали вместо отпавшего Иуды двенадцатого апостола, коим стал Матфий. Подобно святым апостолам, и сибирские диаконы, помолясь, перекрестясь, положась на волю Божию, бросили жребий. Жеребьёвка могла выглядеть просто: епископ Михаил кинул в шапку четыре бумажки: три — чистые, а на заветной — слово “Уналашка”.

Выбор пал на соборного диакона Малинина, семинарского товарища и нынешнего приятеля Иоанна (Вениаминова). Малинин наотрез отказался: дескать, престарелые родители и хворая жена. Владыку сии доводы не убедили, и тогда Малинин в сердцах выпалил:

— Да я лучше пойду в солдаты, чем поеду в Америку!

— И будешь солдат! — столь же осерчало ответил владыка. — Коль не подчинился воле Божией...

И словно в воду глядел: Малинин, из диаконов рукоположённый в священники, вскоре лишился сана, служил солдатом и помер в Красноярске.

О. Иоанн с жалостью вспоминал Малинина:

— Тот, кому пал жребий (бывший мой товарищ по семинарии и короткий приятель), отказался... Помер ещё в 1839 году в Красноярске — солдатом, горько раскаиваясь в своём упрямстве.

Истинно, в покаянных слезах горько сокрушался солдат, что, не подчинившись воле Божией, не поехал на Алеутские острова. А якобы “хворая” жена Малинина долго жила и после смерти несчастного супруга.

На жеребьёвку владыка думал пригласить и благовещенского батюшку о. Иоанна (Вениаминова), о чём оповестил того, а накануне жеребьёвки передумал и не позвал. Батюшка огорчился и даже отчаялся, словно предчувствуя, что именно ему Господь судил служение в Америке.

Хотя поначалу о. Иоанн воспротивился, вопрошая себя: зачем целый год волочиться в Америку?! Зачем ехать к диким туземцам, коли и в Иркутске славно живётся?! Епископ Михаил высоко ценил молодого священника, а иркутяне искренно любили. Батюшка, изготавливая на продажу часы и шарманки с духовными гимнами, жил справно и даже купил добротный дом, а посему и отказался ехать в Уналашку.

Случай близко свёл благовещенского батюшку с Иваном Крюковым, который намеренно прикочевал из Алеутских островов, где сподобился или умудрился сорок лет прожить среди островных туземцев, прозванных алеутами. По приезде в Иркутск сей путешественник оказался в приходе Благовещенского храма, и батюшка Иоанн стал его духовным отцом и духовником семейства. Два Ивана подружились, и Крюков подолгу вспоминал Северную Америку, восхищённо живописуя алеутов: дескать, смышлёны, простосердечны, беззлобны и, обретя веру Христову, любят Всевышнего восторженной любовью,

а ради ближнего готовы, не колеблясь, отдать последнюю рубашку. Словом, бывший алеутский житель настойчиво советовал о. Иоанну ехать в Уналашку.

Но батюшка пока был ещё глух к советам Ивана Крюкова, что и запечатлел в воспоминаниях:

“...Чего-чего не рассказывал онъ мнѣ и объ Америкѣ вообще, и объ Алеутахъ въ особенности, и чѣмъ-чѣмъ онъ не убѣждалъ меня ѣхать въ Уналашку; но я былъ глухъ ко всѣмъ его рассказамъ, и никакія убѣжденія его меня не трогали. Да и въ самомъ дѣлѣ, могъ ли я или былъ ли мнѣ какой расчётъ, судя по-человѣчѣски, ѣхать Бог знает куда, когда я былъ въ одномъ изъ лучшихъ приходоу въ городѣ, въ почѣте и даже любви у своихъ прихожанъ, въ виду и на счету у своего начальства, имѣлъ уже собственный свой домъ, получалъ доходу болѣе, чѣмъ тотъ окладъ, который назначался въ Уналашке? И потому, когда, по распоряженію покойнаго преосвященнаго Михаила, были спрошены всѣ священнослужители по всей епархіи: не пожелаетъ ли кто ѣхать в Уналашку, и если не пожелаетъ, то почему именно? — в числѣ прочихъ подписался и я, что не желаю занять это мѣсто по причинѣ отдалённости. (...) Могу ли... послѣ этого я, говоря по всей справедливости, вмѣнить себѣ въ заслугу или считать за подвигъ то, что я поѣхалъ въ Америку? Равнымъ образомъ могу ли я присвоить собственно себѣ что-либо изъ того, что при мнѣ или чрезъ меня сдѣлалось доброю и полезною въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я служилъ? Конечно, нѣтъ; по крайней мѣрѣ — не долженъ. Богъ видитъ, какъ тяжело мнѣ читать или слышать, когда меня за что-либо хвалятъ и особенно когда сдѣланное другими или, по крайней мѣрѣ, не мною однимъ приписываютъ мнѣ одному. Признаюсь, я желалъ бы (...) чтобы и нигдѣ не упоминалось моё имя, кромѣ обыкновенныхъ перечней...”

После пустой жеребѣвки, после вопроса всехъ диаконовъ и священниковъ владыка уже не ведал, какъ исполнить повеление Священнаго Синода, ибо не пошлѣшь же насильно диакона либо священника на Уналашку. И тут неожиданно предъ его очутился о. Иоанн (Вениаминов) и горячо просит:

— Ваше Преосвященство, владыка, отправьте меня в Америку...

Помня о том, что опрошенные диаконы и священники безъ сомнения отказались ехать на Уналашку, что и сей батюшка ранее отвергъ предложение, владыка Михаилъ в изумлении замер, не сводя удивлённаго взора съ благоуспенскаго священника. Преосвященный дорожилъ образцовымъ иерею и даже слегка огорчился, услышавъ сие прошение.

— И что же побудило вас, батюшка? — спросилъ владыка.

О. Иоанн поведал: дескать, вдругъ загорелась душа при мысли, что, можетъ, подобно святымъ апостоламъ, доведётся проповѣдовать слово Божіе язычникамъ — алеутамъ и прочимъ туземцамъ Северной Америки. Его уже не пугало долгое и тяжкое путешествие; не страшили лютые северные морозы, снежные метели, морскіе штормы и дикіе туземцы. А если Богу угодно, священникъ былъ готовъ и погибнуть за Христа. Хотя поначалу восторженные рассказы Ивана Крюкова объ Уналашке и о насельникахъ сего алеутскаго острова не коснулись его души.

Позже о. Иоанн вспоминалъ: “Но когда этотъ же выходецъ [Иванъ Крюков], — уже простившійся со мною совѣмъ — въ тотъ же самый день при прощаніи своёмъ съ Преосвященнымъ (у котораго мнѣ случилось быть въ то время, — и даже въ гостиницѣ, что было со мною въ первый разъ) сталъ рассказывать объ усердіи Алеутовъ къ молитвѣ и слушанію слова Божія (...) я вдругъ и, можно сказать, весь загорѣлся желаніемъ ѣхать къ такимъ людямъ. Живо помню и теперь, какъ я мучился нетерпѣніемъ, ожидая минуты объявить моё желаніе Преосвященному...”

Выслушавъ о. Иоанна, владыка Михаилъ вновь удивлённо огляделъ батюшку, словно ещё надеясь удержать священника, коего столь горячо возлюбили прихожане Благоуспенскаго храма. Потомъ задумчиво промолвилъ:

— Посмотрим...

Но смотри, не смотри, а молодой священникъ уже спалъ и виделъ себя среди алеутовъ, коихъ погружаетъ въ крещальную купель Берингова моря... Долго колебался владыка Михаилъ, напоминая о. Иоанну, что на его попеченіи мать-старушка, жена съ груднымъ чадоу и родной братъ. Посильно ли имъ путешествие на торговомъ паузке по Лене, затемъ верхомъ на лошадяхъ по горнымъ и таѣжнымъ тропамъ отъ Якутска до Охотска и потомъ на кораблѣ до Алеутскихъ острововъ? И ведь эдакое тяжкое путешествие растянется почти на годъ и болѣе...

Но коль благовещенский батюшка горячо отстаивал своё стремление на Алеуты, преосвященный благословил отважного священника на апостольское служение.

Позже в печати хвалили о. Иоанна (Вениаминова) за то, что отважился ехать за тысячи вёрст к диким туземцам, на что батюшка, не терпящий похвал, отвергал свои заслуги, считая подобное лишь заурядным исполнением воли Божией: “Пусть мой примеръ будетъ новымъ доказательствомъ той истины, что отъ Господа исправляются челоуѣку пути его и что все мы, служители Церкви Его, и не что иное, какъ орудіе въ рукахъ Его. Ему угодно было назначить мнѣ поприще служения в Америке — и это исполнилось, несмотря даже на противвлѣніе воли моей”.

А уж как противились сему поприщу домочадцы о. Иоанна — жена, кормящая грудного сына, и старенькая мать... Возвращаясь домой от владыки Михаила, со вздохом благословившего на миссионерское служение в Америке, отец Иоанн думал, как поведать о сѣм жене и матери, чтобы семейство не противилось воле Божией. И дома, прежде чем ошеломить домочадцев, батюшка подхватил на руки сына и, целуя, спросил:

— Кеня, Кеня, — так ласково звали сына Иннокентия, — где ноги твои будут ходить?..

Услышав сие, Фёкла Саввишна и Екатерина Ивановна догадались: ноги отрока Кени будут ходить по алеутскому острову; и верно, о. Иоанн велел матери и жене собираться в Америку. Те всполошились и долго, слѣзно умоляли одуматься, отказаться от столь трудного, смертельно опасного путешествия за тридевять земель; отказаться и от служения на Алеутских островах, где воинственные туземцы, дикие морозы и свирепые шторма.

“Слыхалъ я о миссіонерахъ, о дальнихъ путешествіяхъ для просвѣщенія язычниковъ, — вспоминалъ отецъ Иоанн, — но никогда на это дѣло не обращалъ особеннаго вниманія. Но вотъ получаю я вмѣстѣ съ другими отъ епархіального начальства письменное приглашеніе на миссіонерское служеніе на Алеутскіе острова. Только прочиталъ я его, какъ будто бы что поворотилось въ моей груди, и я тутъ же объявляю своимъ домашнимъ: я ѣду! Ни слѣзы родныхъ, ни совѣты знакомыхъ, ни описанія трудностей дальняго пути и ожидающихъ меня лишеній — ничто не доходило до моего сердца; какъ будто огонь горелъ в моей душѣ, и я легко расстался съ родиной и не чувствовалъ трудностей утомительнѣйшаго путешествія. (...) Виднѣ всего казалась воля Божія о мнѣ при перемещѣніи моёмъ изъ Иркутска въ Уналашку, то ѣсть в Америку...”

Коль слѣзные мольбы не поколебали решимость о. Иоанна, то жена Екатерина Ивановна и мать Фёкла Саввишна смирились, уповая на милость Божию.

В Иркутске у четы Вениаминовых родились четверо детей; трое предали Богу душу во младенчестве и упокоены на Иерусалимском погосте, а на Алеутские острова вместе с о. Иоанном выехали старенькая мать, жена с грудным чадом, её сестра Мария и брат батюшки Стефан Евсеевич Попов, двадцати лет от роду. О сѣм юноше Прокопий Громов писал: “Оказавшись мало способнымъ продолжать науки въ семинаріи, онъ былъ взятъ о. Иоанномъ въ Америку въ званіи причѣтника...”

Однако Стефан, брат отца Иоанна, как выяснилось в будущем, оказался весьма незаурядной личностью. Судьба его сложилась так: в 1833 году, женившись на чистокровной алеутке, Стефан вернулся в Иркутск и, рукоположенный во священника, служил в селе Качуг, что поблизости от родного Ангинского села. “Когда же послѣдовалъ призывъ в Камчатку, то он первый изъявил желаніе туда ѣхать по тому убѣжденію, что жена его, привыкшая дышать морскимъ воздухомъ, безъ сѣго воздуха изнемогла и в почивающей на моряхъ Камчатке надѣялась получить облегченіе...” На камчатской земле отец Стефан выбрал дивный холм для церкви и, мастерски владея топором и пилой, обучал плотницкому и столярному ремеслу камчадалов. А потом затеял изготовление кирпича и в свежесрубленной избе показал аборигенам, как сложить печь. Мало того, отец Стефан, уподобившись старшему брату, освоил и прочие ремѣсла и стал известным среди камчадалов как учитель, часовой мастер, портной, сапожник, хлебопек.

Но вернёмся в Иркутск... 7 мая 1823 года от Рождества Христова о. Иоанн (Вениаминов), очевидно, отслужил Божественную литургию в родном

Благовещенском храме; и после молебна путешествующим церковный притч и прихожане храма со слезами прощались с батюшкой. А уж возницы запрягли лошадей в телеги. . . И в сей же день, помолясь Николаю Угоднику, святому покровителю путешествующих, уложив на телеги дорожные сумы, семейство Вениаминовых выехало из Иркутска и продолжило путь по Якутскому тракту.

Впереди тысячи тягостных вёрст до Алеутских островов, где путешественники окажутся лишь через шесть месяцев, а на острове Уналашка — лишь через год и два месяца. А пока — дорога в родное село Ангинское. . .

Возницы не погоняли лошадей, и телеги под мягкий перестук копыт, скрип тележных колёс, обильно смазанных дёгтем, словно плыли мимо лесов и полей. И путники, умиляясь, забывая о будущих путевых тяготах, любовались майскими лесами и полями. Придорожные березняки и осинники в юной и нежной листве, словно в зеленоватом мареве, а поля уже светлились вешними травами, и на солнечных опушках алым заревом цвели жарки.

Долго ли, коротко ли, но телеги въехали в село Ангинское, и, вообразим, Фёкла Саввишна вглядывалась в родные сельские избы, поминала мужа Евсевия Ивановича, которого давным-давно схоронила на Ангинском кладбище. А сын её издалека увидел родную Ильинскую церковь, где шестилетним на Рождество Христова читал Псалтирь, и жители села в умилении слушали, не веря ушам, дивясь эдакому чуду.

А вот и родная изба; здесь отец учил читать его, четырёхлетнего малого, и здесь семейство путешественников радушно встретили родичи. Повидавшись с роднёй, отдохнув, накормив лошадей, о. Иоанн в родной Ильинской церкви отслужил напутственный молебен с тамошним батюшкой. Затем, приложившись к иконе Николая Угодника, покровителя путешественников, семейство на телегах выехало к реке Лене. На речной пристани в селе Качуг погрузились в паузок, дабы сплавиться вниз по течению к городу Якутску.

* * *

После тряской, ухабистой дороги плыть по широкой и тихой реке — истинная усада. Под колыбельное покачивание паузка, под всплески воды за кормой путников одолевала сладостная дрема, и словно в цветном, певучем сне проплывали мимо, зеркально отражаясь в реке, скалы и утёсы, таёжные хребты, поросшие могучими кедрами, широкие распадки и долины, где на высоких станových берегах красовались деревенские избы, паслись в лугах кони и коровы, чернели вспаханые нивы.

Плаванье по Лене до Якутска поминалось как благодать Божия в сравнении с дорогой до города Охотска. Хотя можно ли повеличить дорогой извилистые тропы в якутской тайге, живо описанные славным историком Иваном Барсуковым: “Изъ Якутска до Охотска отецъ Вениаминовъ съ семьёй ѣхалъ верхомъ на лошадяхъ болѣе 1000 вёрстъ. Тутъ дорога совершенно измѣняетъ свой видъ: то приходилось ему ѣхать извилистыми тропинками, пролегающими сквозь густой лѣсъ, проросший кустарникомъ, или чрезъ болото, въ которомъ лошадь вязнетъ по брюхо; то взбираться на длинный косогоръ или на крутую каменистую гору и пролагать путь по снѣжной вершинѣ; то спускаться прямо в рѣку; то подыматься на распавшуюся скалу, гдѣ съ осторожностью пробирается по острому камешнику бесподковный конь... Не дай Богъ (...) быть застигнуто на дорогѣ продолжительными дождями: въ это время болота дѣлаются непроходимыми, рѣки разливаются...”

Ладно, верхом на лошадях ехать о. Иоанну и его брату Стефану — молодые, крепкие мужики, а каково же месяцами трястись в седле старенькой Фёкле Саввишне да Екатерине Ивановне с грудным дитём?! А посему возликовали их измученные души, когда, будучи ещё на таёжной тропе, путешественники ощутили бодряще прохладный и влажный ветерок, а потом услышали глухой рёв морских волн, что яростно бились о грозные и мрачные скалы. Значит, до города Охотска рукой подать. И верно, вскоре увиделись мачты кораблей, стоящих на реке Охоте, а потом показался и сам портовый город. . .

Из Охотска вышел корабль Российско-Американской компании “Константин”, на котором семейство Вениаминовых пересекло Охотское море и по волнам Восточного (Тихого) океана прибыло 20 октября 1823 года в порт

Новоархгельск, что на алеутском острове Ситха. Бог миловал от штормов и ранее, помиловал и тогда, когда шли на корабле до острова Уналашка, а Берингово море возле Алеутских островов бывалые мореходы величали колыбелью штормов.

В Новоархангельске свершилось радостное событие – родилась дочь Екатерина, коя, войдя в лета, обвенчалась с диаконом Иркутской Владимирской церкви Ильёй Ивановичем Петелиным, которого святитель Иннокентий пригласил служить в Камчатскую епархию.

29 июля 1824 года семейство Вениаминовых прибыло из Новоархангельска на остров Уналашку, вспоминая, что год и два месяца назад возницы запрягли лошадей и семейство, усевшись в телеги, тронулось из Иркутска в дальний путь, за тридевять земель, в царство штормовых ветров и знобящих холодов.

Любовь к земле Иркутской

Шли годы... Священник Иоанн (Вениаминов) стал епископом, потом – архиепископом Камчатским и Якутским Иннокентием и, наконец, – митрополитом Московским и Коломенским; но все долгие годы будущий святитель Иннокентий помнил и любил родное село Ангинское. Случалось, приезжал в село или посылал щедрые дары – дорогие богослужебные книги и церковную утварь. Бывало, дарил изделия, исполненные своими руками, про кои не грех молвить: *золотые руки*; и для родной Ильинской церкви вырезал из дерева архиерейскую трость, дикирий и трикирий.

Промыслом Божиим 5 января 1868 года от Рождества Христова архиепископ Иннокентий стал преемником митрополита Филарета на кафедре московских первоиерархов и в апреле собрался ехать из Иркутска в Москву. Но перед отъездом посетил родное село Ангинское. Подарил Ильинской церкви “Библию” в великолепном переплёте; и, очевидно, сходил на кладбище, низко поклонился могиле отца – пономаря Евсевия Ивановича и могилам ангинских сродников.

Затем вошёл в избу отца, куда уже заочевали земляки; оглядел некорыстное жильё, вспомнил детство и вдруг, умилившись, узрел на избяном венце деревянную вешалку, где, помнится, красовались красные чирки, подаренные крестным. Говорят, будущий святитель пытался купить отчую избу, но хозяева отказались продавать.

Бывший иркутский семинарист, потом благовещенский диакон и священник не забывал и город Иркутск, с коим сроднился, слюбился за годы здешней жизни.

13 декабря 1840 года в Казанском соборе города Санкт-Петербурга будущий святитель хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского согласно решению Святейшего Синода об открытии самостоятельной епархии (епископской кафедры) в Америке и Восточной Сибири с подчинением кафедре камчатских и охотских церквей.

В январе сего же года епископ Иоанн выехал из Санкт-Петербурга к месту служения на остров Ситху, в посёле Новоархангельск. 11 марта 1841 года проездом прибыл в Иркутск; и в воскресенье с архиепископом иркутским Афанасием (Соколовым) совершил Божественную литургию в Благовещенской церкви, где собралось столь народу, что яблоку негде упасть. Иркутяне с восторгом глядели и слушали епископа Иоанна. Впервые читалось Евангелие на одиннадцати языках народов мира; а вначале – на русском, бурятском, якутском и алеутском.

Спустя тринадцать лет, в 1854 году, будучи уже архиепископом, Иоанн приехал из Якутии в Иркутск и 11 апреля в Богоявленском кафедральном соборе на заутрени служил литургию. Евангелие вновь читалось на одиннадцати языках, в том числе на бурятском, якутском, алеутском; и вновь православные иркутяне от мала до велика хлынули к Богоявленскому собору.

А “16 апреля [1854] в пятницу Иннокентий, архиепископ Камчатский, служил литургию в Преображенской церкви” (В. А. Кротов. Летопись города Иркутска 1652–1856. Иркутск, 2013. С. 221). И затем, “25 апреля, в воскресенье, в неделю Жен-мироносиц (...) преосвященный Иннокентий, архиепископ Камчатский, служил литургию в кладбищенской церкви (точнее: во второй Входа-Иерусалимской церкви на Иерусалимском кладбище. –

Н. В. Куликаускене) и отправлял панихиду на могиле супруги своей, скончавшейся в Иркутске и погребённой на этом кладбище около 1840-х годов”. (В. А. Кротов. Летопись города Иркутска 1652–1856. Иркутск, 2013. С. 224.) Сие историческое событие запечатлела Иркутская летопись.

А Иван Барсуков в помянутом историческом сочинении извещал: “...Въсь городъ устремился въ церковь посмотреть на прежнѣго Благовѣщенскаго дьякона, превратившѣгося въ архіерея. Теснота была страшная, такъ что полиція не знала, что и делать. [Говорят], что въ одинъ изъ пріездовъ святитель Иннокентій нашёлъ въ Благовѣщенскомъ храме свой діаконскій стихарь, въ которомъ онъ служилъ здесь въ свои молодые годы, и забралъ его съ собой. Извѣстно также, что онъ завещалъ похоронить себя въ этомъ стихаре, эта просьба была выполнена”.

* * *

Архиепископ Иннокентий (Вениаминов) любил Иркутскую Благовещенскую церковь и величаво выразил свою любовь к ней: путешествуя по реке Амур, прибыл в казачью станицу Усть-Зейская и 9 мая 1858 года заложил в станице Благовещенскую церковь. А потом по-дружески убедил тогдашнего генерал-губернатора Восточной Сибири, графа Николая Николаевича Муравьёва-Амурского, дабы город, что заложил на станичной земле, повеличали: Благовещенск.

Коль помянут прославленный генерал-губернатор Восточной Сибири, то не грех хотя бы кратко поведать о его деятельности, коя сплеталась и с духовным служением тогдашнего архиепископа Иннокентия.

“Муравьёв-Амурский, при жизни величаемый Петром Великим Восточной Сибири, — отец родной служивому люду, кроткому, совестливому, мудрому, положившему судьбу на алтарь Отечества, Небесного и земного; но гордецам, сребролюбцам, мздоимцам, казнокрадам, льстецам, хитрецам и ленивцам — сибирский деспот, подобие царя Иоанна Грозного. Иоанн Грозный создал Государство Российское, а Муравьёв-Амурский без единого выстрела, путём мудрёных переговоров с Дайцинской державой прирастил к России Дальний Восток с Амуром и выходом в Тихий океан. Истинно, по завету Ломоносова: “Российское могущество будет прирастать Сибирью...”, а Дальний Восток о ту пору входил в Восточно-Сибирскую губернию”*.

Генерал-губернатор Николай Муравьёв, служа земному отечеству, не забывал Отечество Небесное и без Божьего благословения не приступал к державным делам, благословляясь у архиереев, искренно веря, коли будет на то воля Божия, всякое дело сладится. Наслышанный о славном архиепископе Иннокентии, Николай Николаевич жаждал познакомиться с Камчатским владыкой и, возможно, обрести в архиерее духовную опору в державном служении.

Желал встречи и владыка, служащий Небесному Отечеству, но помнящий и Отечество земное, размышляющий в письмах и заметках о благополучном народном обустройстве Восточной Сибири и Дальнего Востока. “Ни одно событие изъ совершившихся въ тѣхъ краяхъ не обошлось безъ горячаго содействия преосвященнаго Иннокентія: живымъ его словомъ, сѣрдечнымъ ободреніемъ къ дѣлу, его заступничествомъ за справедливость”, — писал военный губернатор Камчатской области Василий Степанович Завойко.

Встреча двух великих сынов России случилась. В 1849 году архиепископ Иннокентий прибыл в Петропавловск, о чём позже записал: “Причина, заставившая меня предпринять путешествіе, была главная: видеться лично съ генѣралъ-губернаторомъ, который писалъ ко мнѣ и желалъ того”. Всякий вечер Муравьёв подолгу беседовал, совещался с Камчатским епископом, о чём и обмолвился в рапорте на имя императора Николая I: “Въ Камчатке я имель счастье встретить епископа Камчатскаго и Американскаго преосвященнаго Иннокентія; поучительные бесѣды его со мной ознакомили меня съ этими отдалёнными странами” (Свт. Иннокентий Московский).

Родилась и окрепла дружба равновеликих мужей России, бескорыстно возложивших судьбу на алтарь Отечества, что в святительских устах звучало

* Анатолий Байборodin. Великий сын России. Генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Муравьёв-Амурский.

так: горели “ревностью к благу Отечества”. Их сближало единодушие, единомыслие, вдохновенное трудолюбие, железная сила воли, привычка к походной жизни, простонародная неприхотливость в быту.

В 1856 году архиепископ Иннокентий совершил плавание по Амуру, исследуя церкви и жизнь церковных служителей, а попутно изучая природу и русские поселения в Приамурье. Плодом архиерейского путешествия, кроме церковных указаний, стала обширная записка “Нечто об Амуре”, где владыка разработал и запечатлел фундаментальный проект использования природных богатств края, расселения крестьян в Приамурье, разведения скота и строительства городов. Владыка отметил удобство Амура для судоходства, указал хорошие земли для русских поселений и способы заселения.

Генерал-губернатор Николай Муравьев высоко оценил сей основательный труд; и отныне архиепископ Иннокентий – его добрый советник по русскому освоению Приамурья, по возвращению Дальнего Востока российскому государству.

16 мая 1858 года по благословию и молитвами архиепископа Иннокентия генерал-губернатор Восточной Сибири, граф Николай Николаевич Муравьев заключил Айгунский договор, согласно которому признавался русским владением левый берег Амура от реки Аргунь до морского устья великой дальневосточной реки.

В ночь с 17 на 18 мая Николай Николаевич Муравьев вернулся в Благовещенск; и весь следующий день радостно звонили колокола Никольской часовни. Свершился крестный ход, во главе коего шли владыка и генерал-губернатор; а перед часовней православные, пав на колени, возблагодарили Господа Бога, ибо вернулся в Россию Дальний Восток. В Свято-Никольской церкви, возведённой попечением отца Александра (Сизого) и генерал-губернатора, – праздничная литургия, после сего – слово архиепископа Иннокентия к Николаю Николаевичу Муравьеву:

– Наконец Господь помог тебе совершить одно из вековых дел. Благословен Господь Бог, устроивший это дело так вожделенно, мирно, дружелюбно и без посредства оружия.

Архиепископ Иннокентий любил Николая Муравьева-Амурского и высоко ценил его служение Отечеству: “...Если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже тѣ самые, которые будутъ наслаждаться плодами твоихъ подвиговъ, то никогда, никогда не забудетъ тебя наша Православная Церковь”.

* * *

Дотошный сибирский краевед в хронике деяний двух великих русских мужей изыщет изрядно записей о их плодотворной дружбе, а мы же вернёмся в град Иркутский, откуда генерал-губернатор Муравьев, повеличанный Амурским, правил бескрайним восточно-сибирским краем.

13 марта 1868 года Иннокентий, будучи в сане митрополита Московского и Коломенского, выехал из Якутска в Москву и по дороге навещал родной город Иркутск. Благовещенская церковь, где он обычно служил, ныне уже не вмещала богомольцев; изрядно иркутян осталось в церковной ограде. А 31 марта Высокопреосвященнейший Владыка служил Пасхальную утреню и литургию в Иркутском кафедральном Богоявленском соборе. Воистину, весь православный иркутский люд устремился к собору...

После сего митрополит Иннокентий навечно попрощался с родным селом Ангинским, с родным городом Иркутском и в окружении свиты выехал в столицу. Восторженно встречала митрополита православная Москва, зная о его великих деяниях в христианском просвещении народов Сибири и Америки.

Эпилог

Детские, отроческие, юношеские годы святителя Иннокентия (Вениамина) прошли в суровых житейских испытаниях: детство в бедной семье пономаря из приленского села Анга, сиротское отрочество и юность в Иркутской духовной семинарии, где двенадцать лет отлично учился, хотя чистого ржаного хлеба без мякины не едал. Но испытания, которые святитель одолевал

в боговдохновенном учении, в ремесленных трудах, закалили душу и плоть для великих подвигов на ниве христианского просвещения и спасения язычников. Но склоне лет уроженец глухomanного сибирского села становится апостолом Америки, Сибири и Дальнего Востока, митрополитом Московским и Коломенским.

Если американцы истребили пятнадцать миллионов индейцев, то русские, даже изрядно пострадав от индейцев-тинклитов, старались наладить взаимовыгодный промысел каланов, морских котиков и песцов. Обитали в Русской Америке и купцы-мироеды, что обманом обирали здешних инородцев, но сурово порицали сих лихоимцев православные миссионеры, подобные Иннокентию (Вениаминову), что денно и ночью служили инородцам, заботясь о спасении душ вчерашних язычников.

Вся жизнь святителя Иннокентия шла в каждодневных, вдохновенных трудах: богослужения, христианское просвещение и крещение язычников Сибири и Америки, строительство церквей, изучение, описание языка и быта туземцев, переводы на туземную речь Святого Писания и богослужебных книг. В сорокалетнем апостольском служении святителя ждали лютые морозы, когда птицы на лету замерзали; ждали зловещие метели в заснеженной тундре, когда на оленях либо на ездовых собаках днями и светлыми ночами пробирался от стойбища к стойбищу со спасительным словом Божиим; ждали и смертельно опасные шторма в океане, когда на байдарке добирался от острова к острову, когда плыл на корабле, и волны, вздымаясь в поднебесье, кидали корабль, словно щепку.

Красиво о том поведано в предисловии к первому тому писем святителя Иннокентия (Вениаминова): “Легко вообразить себе, какими трудностями и опасностями сопровождалась разъезды его по епархии, простиравшейся на многие тысячи вёрст, то на собаках, то на оленях, то верхом на лошади, то на байдарках и судах, то пешком, чтобы озарить светом Евангельского учения первобытных дикарей, говоривших наречиями, дотоле неведомыми самому проповеднику. Искусный кормчий Церкви Христовой являлся таким же искусным кормчим и на воде, и кто видел убелённого сединою Архипастыря на корме, среди бушующих волн, упорно и искусно борющегося с грозной стихией, тот никогда не забудет величественного зрелища. . .”*

С Божией помощью, благодаря могучему духу и богатырскому здравью святитель Иннокентий одолевал великие тяготы, какие посильны лишь христианским подвижникам. И в сём апостольском служении духовным наставником святителя, очевидно, был святой апостол Павел, который вспоминал: “Христовы служители? (. . .) Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквях. (. . .) В Дамаске областной правитель царя Ареты стерёг город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук” (Второе Послание к коринфянам святого апостола Павла 11: 23-32).

Одиннадцать святых учеников благословил Иисус Христос нести Слово Божие в языческие народы, а двенадцатого апостолы избрали жребием. И все святые апостолы, кроме Иоанна Богослова, на попечении коего жила Богородица, обрели мученические венцы Христа ради, пострадав от соплеменников либо от римских и прочих язычников. И святитель Иннокентий, будучи священником, потом архиереем, проповедуя Слово Божие среди диких и воинственных племён, тоже мог пострадать Христа ради подобно священикомученику Ювеналию Аляскинскому, но промысел Божий уготовил святителю долгий апостольский путь для спасения американских, сибирских и дальневосточных язычников.

* Святитель Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский. “Письма. Том I. 1828–1855”.

Иван Платонович Барсуков, талантливый русский историк, к сочинениям которого автор постоянно обращался, мудро и возвышенно повеличал апостола Сибири и Америки: “Выросшій и подвизавшійся до семидесяти лѣтъ среди природы безъискусственной, простой и среди такихъ же простыхъ дѣтъ природы, онъ и самъ былъ простъ и доступенъ, ласковъ и привѣтливъ, прямъ и безпристрастенъ, не любилъ ни въ чѣмъ искусственной нарядности, не любилъ выставлять напоказъ (...) свои знания, (...) заслуги, а всегда держалъ себя просто и смиренно. Сильный природный умъ свой онъ обогатилъ такими обширными и многосторонними познаниями, какими немногие обладали. Сердце его было чуждо зависти и лукавства, честолюбія и самомненія, жадности къ богатству и роскоши.

Съ самого младенчества поставленный въ борьбу съ суровой природой и людьми, съ нуждами и лишениями, онъ приручилъ себя къ терпѣнію и труду, къ мужеству и стойкости, къ самообладанію и находчивости, воздержанію и довольству малымъ, беспрекословной покорности святой воле Божіей во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

По природе хорошо сложенный и статный, онъ былъ теломъ и духомъ могучъ и крѣпокъ. Онъ бодро устоялъ противъ всѣхъ тяжкихъ невзгодъ житейскихъ и дожилъ до глубокой старости, не видя болѣзненной дряхлости, до послѣднихъ минутъ сохранивъ ясность ума и благодушіе. Такою примерною простотою, воздержаніемъ и кротостію, терпѣніемъ и твердостію, здоровымъ умомъ и многоопытностію, своей покорностію промышляющему о всѣхъ насъ Богу Преосвященный Иннокентій былъ достойнымъ преемникомъ Московскихъ молитвенниковъ и святителей”.

Протоиерей Прокопій Громов писал: “Нѣзадолго до своей кончины, прѣдчувствуя её близость, митрополитъ Иннокентій завѣщалъ преосвященному Амвросію, епископу Дмитровскому, при погрѣбеніи его не произносить “рѣчей”, в которыхъ “много похвал”, но сказать проповѣдь, которая “можетъ имѣть назиданіе”. И самъ же предложилъ идею этой посмертной проповѣди: “И вотъ Вамъ текстъ для неѣ: “Отъ Господа стопы человеку исправляются...”

Святитель Иннокентій Вениаминовъ на поприще христіанскаго просвѣщенія язычниковъ уподобился святымъ апостоламъ, а въ миру — великому учёному Михаилу Ломоносову, поскольку оба, будучи сельскими выходцами, обрели глубочайшіе знания во многихъ отрасляхъ науки, воплощая знания съ писательскимъ талантомъ въ бессмертныхъ, душеспасительныхъ сочиненіяхъ.

ВСТРЕЧИ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Учрежденная в 2020 году Ассоциация союзов писателей и издателей — объединение четырех крупнейших союзов писателей и Российского книжного союза (РКС). Председателем АСПИ был избран известный писатель, главный редактор журнала «Юность» Сергей Александрович Шаргунов. Наблюдательным советом АСПИ руководит президент РКС Сергей Вадимович Степашин, а Творческий совет Ассоциации возглавляет Владимир Ильич Толстой, советник президента РФ по вопросам культуры.

Писатели самых разных направлений и взглядов собрались вместе для поддержки текущей словесности и литературного процесса. Занятия с начинающими литераторами, помощь писателям в трудной ситуации, создание сети литературных резиденций, творческие командировки писателей — число масштабных проектов АСПИ, охватывающих всю Россию от Калининграда до Чукотки, продолжает расти.

Представляем вам произведения участников двух проектов АСПИ — «Литературные резиденции» и «Творческие командировки».

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

МАГАДАН С ТРЕТЬЕЙ ПОПЫТКИ

*Снова выезжаю на дорогу...
Всё как прежде — дали и снега.
Снова ночь, и снова внемлют Богу
Океаны, горы и тайга.*

В конце декабря 2022 года АСПИ в лице прекрасной Марии Базалеевой предоставила возможность добраться до Магадана и поработать с читателями в библиотеках: молодёжной, областной имени Пушкина и библиотеке имени Олега Куваева. Огромную помощь в организации дела оказал Павел Юрьевич Жданов, руководитель издательства “Охотник”, и работники библиотечной системы. Также низкий поклон писателю Василию Авченко, открывшему мне Магадан в 2021 году. С этой предыстории и начну.

1

Жизнь — одна, да так коротка, что опомниться не успеешь, как пора считать, сколько вёрст исписанной бумаги да исхоженной тайги не добрал, до какого ключа или хребта не добрался. И дико покажется, что звала Колыма, а ты не услышал. Отмахнулся. А она ждала, пока ума не хватило опомниться и отозваться. Спасибо хорошему человеку, что сам туда зачастил из Владивостока и, потеряв голову, примером своим всё и показал.

Пример наставил. И вот решил зайти в марте, когда несказанно длинён день, и хотя уже ослабевают морозцы, но ещё упрятана под снег колючая гребёнка дороги и не мучит пыль за бензовозом, прущим горючку из Якутска в Усть-Неру. Решить-то решил, да не вышло.

Но уже от самой попытки затрепетал воздух с северо-востока и установилась тихая и могучая тяга меж сердцем и заочно дорогим местом... И ровно через год собранный в дорогу конь стоял с проставками на задних пружинах. С багажником, забитым дорожной всячиной вперемешку с книжными коробками да прочими подарками для библиотек. И три мороженных гольца лежали в походном погребце в обнимку с пятью литрами самогона. Но опять Батька-Енисей не пустил и наслал такую хворь, что пришлось отступить и отменить кропотливо прописанные встречи в любимых библиотеках Иркутска и Читы.

И вот тут-то Колыма сказала. Что не оттуда начинал. И что ждать третьей зимы невысказанно, а заходить надо с тылу — через Владивосток. Так и случилось, и едва началось лето, как сверкнул дымной синевой другой Батька — Байкал, замелькали забайкальские чахлые соснячки, переходя в дубняки Приамурья, и Приморье окутало белый капот парным дыханием Тихого океана, да так, что Батька-Енисей аж вздрогнул и от досады спрыгал седую бошну в саянских облаках. А потом четыре дня на пароходе с другом, тем самым,

которого давно подвизал Магадан... И белый конь на тросовых растяжках меж двух “КамаЗов”...

И вот он Магадан — всего-то девяносто тысяч трудовых судеб меж сопок, покрытых кедровым стлаником. Место, оказавшееся чётче и проще, великолепней и непостижимей — чем в мечтах, снах и песнях... За что любишь Магадан? За то, что Магадан.

Магадан — от эвенского слова “монгодан” — плавничный наносник, и не смотря на кучу толкований и вариантов значения, эта древесная основа бесспорна. Эвены — это не наши тунгусы-эвенки, хотя и близки им и тоже из тунгусо-манчжурской группы. Тоже оленные, но более лесотундровые, живущие на чахлах лиственничных просторах востока Якутии и дальневосточного севера.

Так что же такое Магадан? Если это символ самой северо-восточной, алмазной дали, возникает вопрос, почему не Анадырь? Да... И Магадан — Магадан не только из-за названия, песен и родной всякому русскому таёжности, дополняющей святую триаду: “океаны, горы и тайга”. (И уж конечно же не из-за политически лакомой темы подневольного труда сталинской эпохи.) Не-е-ет... Тут что-то ещё, связанное именно с тобой, с какими-то не поддающейся простой логике и не зависящей от твоей воли внутренней иерархией... Иерархией чего? Неподъёмно ответить в лоб, и мера глубины ответа лишь в могучем ходе мурашек по твоей хребтине в момент взлёта самолёта или МИ-восьмого над ненаглядно этой далью... Когда самолёт, заложив вираж, наклоняется прощально, и вдруг огромно приблизится и навалится снежный сопчатый плат в штриховке чахлах лиственниц... И чем выше берёт в морозное небо крылатый корабль, тем отчётливей стоит в глазах табунок японских машинёшек да снегоходов, чёрные недвижимые фигурки родных людей...

И тем беспощадней кричит кто-то внутри: “Предаль!”

2

Так и не отпустил калёный простор по-над сахарным частоколом гранёных хребтов... За полтора года заузжала, настоялась на эвенкийских и якутских морозцах дорога, и светлый зимний путь настал. Окрепший, как мост, ледяной воздух, по которому хоть на лыжах беги.

Здравствуй... Магадан... Как ты без меня?... Простил? Ты такой зимний, снежный и абсолютно белый, без угольной пылинки. Когда первый раз ехал — думал: теплотрассы, угольные кучи, серые коробки на сваях, как в Дудинке... А здесь дома с балясинками поверху... И аккуратные листвяшки вдоль мостовой — по-океански этажерочно распластанные. И Охотское море, только застывающее, окутывающее город несибирским теплом огромной воды, обогревающей зимой и охолоняющей летом, когда в Якутии под сорок жары. А к западу по трассе с морозцами всё уже по-оймяконски... И на Колыме хариус два с половиной килограмма. А один только её приток Омолон — 1500 километров, а сама Колыма как Подкаменная Тунгуска... А что уж об Индигирке говорить? А Колымская трасса! Прямая стрела улицы Ленина — как взлётная полоса, показательно целящая на Якутск. Какие после неё Чуйские тракты с Усинскими... Смешно... Усинский — меньше трёхсот вёрст по асфальту... А здесь две тысячи и такой красоты и награды, что... Спать тут разве.

И вот новая награда: на встрече в молодёжной библиотеке — учитель русского языка Фёдор Мосолков из 13-й школы. Привёл целый гурт своих учеников. Оказалось, что из дарёного в прошлый приезд в библиотеки Магадана они целых пять повестух изучили на уроках. И среди них “Поход”! Про староверов... Самая мудрёная по языку, и самая проверочная на погружённость в старинный строй, морозную вековечность... Тут школьник сам как казак-первопроходец стоит перед выбором — хватит ли духу до Океана дойти, или так и останешься уродовать родной язык, пробавляться расхожим чтивом из “Читай-Города”... А оказалось, всего ребятишкам хватило — и духа, и привязи к родному... А ты сомневался... Оно так и есть: любая работа с читателями — и труд, и учёба, а главное — испытание себя самого на нужность и веру. Спрашивают: “Почему решили писателем стать?” И хоть вроде и знаешь почему, а надо слова найти и не наврать... “Да я не решал...” И снова о каком-то нутряном ветре, который необъяснимо чуешь, которому веришь без слов... Как про Магадан.

Спрашивали: читать что? И снова вопрос себе же: как, не выглядев нудным и школьным, сказать, что Пушкина? Как приворожить, не отвратив? Чтоб не

фыркнули: “Опять какой-то дедос лечить приехал”. Вот и думай! Тем более в Магадане есть областная библиотека имени Пушкина. И ещё библиотека Куваева. И там на стене сине-гуашевая картина. Густой синевы, глубокой... На фоне сопки и чахлой листвяшки Олег Михалыч – смотрит чуть исподлобья: “Предал – не предал?”...

Ночью хорошо выяснило, вызвездило на Восточной Сибирью и Магаданской областью. Тихо светили звёзды, и тянул хиусок вниз по речкам. И, как обычно, крепко по-якутски поджигало по трассе, а в Магадане теплее стояло – градусов на двадцать-тридцать. И такая тишина пала над местностью, что стало слышно, как переговариваются реки.

– Не знаю, что ты так забеспокоился?

– Ну как забеспокоился... Он мой всё-таки. А ты влезла. Олега мало?

– Да ладно – мой... твой. Мало... много... Баткь, ей-Богу, чо попало буровишь...

– Я буровлю?! Ты что думаешь, если у тебя хайрюз крупнее...

– Слушаю вас и диву даюся.., – вмешался третий голос.

– Ленка, привет! Вечно ты на подслухе.

– А как с вами по-другому. Тут супостат по Днепру шевелится... А вы вечно из-за пустяка закуситесь. Вроде серьёзные... водные объекты...

– Х-хе... Согласен, мать... Мы ж одной воды.

– Вот про то и толк... А то: моё... твоё... Спите давайте... А Минька ваш никуда не денется, так и будет здесь шариться...

– Ну. Точняк. А... это, дефьки...

– Чего ещё?

– Машка-то своя. Хоть и с Москвы...

– О-о-о-о... Старый, а всё туда же! Спи наконец...

КИРА ОСМАНОВА

БЕССКОРБНЫЙ СВЕТ

* * *

Сколько бы ни было их — дружелюбных, гневных,
Тех, кто вокруг да около, —
Все уйдут.
Бог, как рыбак, временами бросает невод
В реку свою глубокую,
В суету,

В юркий поток неразумных, которым вечно
Кажется, что в их общности —
Высший смысл.
И до последнего веришь в такие вещи
(Истовей верить хочется):
«Есть лишь “мы”».

“Мы” трепыхаются, ртами хватают воздух,
Думают — вот очутятся,
Где светло,
Да и останутся так же — друг друга возле,
Каждого каждый — чувствовать.
Но улов

ОСМАНОВА Кира Павловна, филолог, поэт, переводчик, критик, преподаватель высшей школы. Автор книги стихотворений “Нет синонима” (Москва, 2021). Автор публикаций в периодических изданиях: “Зинзивер”, “Урал”, “Новая юность”, “Звезда” и др. Член Союза писателей России. Член Союза переводчиков России. Живёт в Санкт-Петербурге.

Будет в итоге совсем не таким богатым
(Правда, что — всем предвиденьям
Вопреки).
И остаётся лишь пара секунд, пока ты
Помнишь — чужие выдохи,
Плеск реки...

И, наконец, выбираешься из постели,
Долгим кошмаром скомканной, —
Морок, стыд.
Ни одного человека на самом деле
В солнечной этой комнате —
Только ты.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВРА

В конце пути так странно сердце стынет
При виде долгожданных берегов.
Знакомый мостик через Монастырку —
Чтоб совершить последний переход.

Ещё минута — прозвонят к вечерне.
Там, за мостом, течёт иная жизнь,
Там для тебя, немного, есть прощенье,
Которое ты вправду заслужил.

Наградой станет редкое уменье
Звучать — свободно, ровно, как дышать.
И верно, больше не желая медлить,
Ты сделаешь тот самый нужный шаг.

И в этот миг — ни раньше и ни позже —
Встревожит реку золотая зыбь.
А колокол гудит над миром Божьим,
И ты теперь один — его язык.

* * *

Любовь кругла, а ненависть остра.
Нальётся плод, и резко хрустнет ветка.
Любовь всецело исключает страх,
А ненависть не понимает света.

Всё занялось Его огнём, сгорит,
Как в фильме старом, короткометражном,
Где солнца спелый шар летит с горы...
И я лечу с горы. И мне не страшно.

* * *

Не отступает моя печаль —
Ничего я не сделаю.
Башня из красного кирпича
Называется белою.

Словом неправильным, не таким
Здесь бросаться — поветрие.

Мне рассказали, что ты — погиб:
Как бы я им поверила?

Башня красна, и над ней — стрижи
(Высоко они вечером).
Это, конечно, не смерть, а жизнь —
Настоящая, вечная.

* * *

Прут у берега воткнут.
Малёк на мели снуёт.
Телом чувствуешь воду,
Ещё не войдя в неё.

Скорбь древесная скрыта.
Надумана рыба скорбь.
Всплески, шорохи, скрипы.
Того и гляди — восход.

Телом чувствуешь воду.
Пруткового тела нет.
Вот он, Господи, вот он —
Искомый бесскорбный свет.

* * *

Солнце бросает щепки
На дорожку в зябнущем садике.
Вот оно — ощущение,
Что тебя простят обязательно.

Строго наказан вправду,
Потому как было и есть за что.
Там, за кустами, — грабли,
И секатор спрятан под ветошью.

Божие инструменты —
Для особых замыслов Божиих.
Было дурное лето,
Но какая осень хорошая!

Листьев любовный шелест,
Гладь воды, как старое зеркало.
Господи, неужели,
Неужели больше не сердисься?

ИГОРЬ МИХАЙЛОВ

УГОМОН

РАССКАЗ

1

Варфоломеевская

*Лети, перышко, через полюшко,
Смахни, пёрышко, моё горюшко.
С моего лица смахни пылюшку,
Обратися, стань моим крылышком...*

Случилось это тогда, когда моя тётка Зина стала бабушкой Зиной. Тридцать лет спустя. Копейка в копейку.

Я приехал в Пролетарку зимой, под Рождество.

И всё завертелось, как веретено...

В круговерти снежной земной хутор отыскивается, но не сразу, а слово пятачок в кармане: "Пролетарка".

Я не был на хуторе, где в 33-м году родился мой отец, сто лет.

Зато вернулся сюда в ночь перед Рождеством!

И вот в синей тьме, зимней круговерти —

Снежная баба!

— Добро пожаловать на хутор, на святую землю! — кричит.

Пролетарка — земля обетованная.

Снежная баба-тётя Зина, тётка моя родная — величиной с облако, она обволакивает заиндевший Таганрог, а также, возможно, и Ростов-батью.

МИХАЙЛОВ Игорь Михайлович родился в 1963 году в Ленинграде. Окончил филфак МГПИ. Автор двух книг. Работал заместителем главного редактора журнала "Юность". Главный редактор журнала "Вторник". Лауреат премии имени Валентина Катаева. Живёт в Подмосковье.

Тётя Зина утопает в сугробе с пирогом, живым, он ещё шевелится и дышит, вращая глазами:

— Наливай!

Всё ясно и просто на хуторе, из которого ты уехал вечность назад. Не успел отдышаться, отряхнуть снег, а уже время побежало вспять.

И всё идёт, бредёт, творится, само собой разумеется. А хутор в шапке-ушанке или пуховом платке по самую маковку, кто её теперь разберёт. Да и не надо.

Только звезда Рождественская наверху, по-над крышами будто гвоздём “десяткой” её наживили, прочная и навсегда.

Радостно, морозно, а после ещё одной стопки первача наступает полная ясность момента.

— Так-с. Приехали, прибыли, докатились!

Мазанка у тётки со спичечный коробок, с табакерку — на краю села. На краю дня и ночи. Село, затерянное в степи, как сон.

И мороз крепчает, словно первач.

Мороз Иваныч, крепкий деревенский казачина с окладистой медной бородой, глаз шальной, голубой, улыбка добрая, но может и в глаз закатать!

По нужде выходя на мороз, поднимаю глаза на небо, там где месяц надкусанный, как пряник имбирный, и звёзды прокалывают иголочками тёмный, плотный драп материи на пальто, стежок за стежком.

Ветер свингует на трубе. Дым опарой вырывается из тёмной трубы в сумерки, либо ведьмак путает снежные лохмы, зазывая, заманивая прохожего и не прохожего.

Вакула летит на чёрте в столицу за черевичками.

И мороз не злой, как в городе, а словно бы с подкладкой ватной, свой домашний, прирученный. Домашняя собака.

Тихо поскрипывают шаги на тропе. Колонка на обочине, напоминающая зигзаг судьбы. Струя воды, перебиваемая светом от фонарика, брызжет золотом.

Глотаю жадно, как рыба воду, свежий воздух большими глотками. И засыпаю на ходу...

Тётя Зина. Мне тётка, а всем — мать народная богородица. Всех кормит, вынимает из одного рукава шашлык, пироги и чачу из другого:

— Ешьте, пейте!

И спасает на другой день, когда с другого конца хутора приходит немогота!

Но сейчас вся, почитай, округа с нахлобученной на лоб шапкой пускается в пляс. Фонари радостно подмигивают подбитым глазом. Луна сияет отчаянно, как синяк. Валяный, ватный снег, пуховая перина, ветер, налетевший, словно тать со степи, звезду срывает с петель.

— Пейте, ешьте! — жизнь — она для радости, простых, земных радостей.

Хутор Пролетарка!

И звёзды подпрыгивают, в сугробах черти возятся, свои, домашние, деревенские, экологически чистые.

— Ешь, пей, гуляй!

Звучит, как название питейного заведения. Зычный шум, звёздный гомон, контрабас дверного скрипа.

Тётя Зина!

Я вернулся. Блудный сын на казачьей крови?

Где такое возможно, чтобы радость выпирала наружу с таким бесстыдством и размахом?

Только в Пролетарке!

В Пролетарке пролетело моё детство.

Пролеталка!

*Мне бы крылышки, как у сокола,
Мне бы силушку, как у камушка.*

*Мне бы братушек, как у деревца,
Мне бы жизньюку с нового венца...*

И пусть сияет ночь, как столовое серебро. И домики, взявшись за руки, пускаются в хоровод.

А завтра разберёмся, как и что. Завтра придёт земский доктор из рассказа Антона Пальгача, с бородкою и в пенсне, и ласково спросит:

— Ну те-с?!

И наутро серая шапка на глазах.

Утро настает неотвратно и упрямо, как будто часы-ходики раскачали дом и зажгли фонари. День нехотя занялся.

Снег подтаял, подвёл снег, вчера ещё кряхтел с насадой, а сегодня словно занемог. С ветки на ветку порхают вальняжные сойки и синицы. Тётя Зина наказала кормить соек.

Выношу сало на нитке. Свет, словно тень от сугроба. День задумчив, будто старый дед, раскуривший самокрутку из газеты. Изба ещё более вросла в землю. Поэтому потолок маленький, а я — большой.

Маковкой касаюсь крашенных лазуритом досок. Добротное деревенское хозяйство, словно на сливках. Вскормленное тёткой не может быть низким и скучным.

Любой таракан, мушка всяческая высокие и весёлые. Весёлый огонёк пляшет в печке.

Зеркало бликует, размывая пространство избы до простора вселенной. Деревня — это ого-го-го!

Тут проплясал бы всю жизнь! Кто осудит? А ежели и осудит, то что с того? Тётя Зина и оправдает. Потому что она сама — правда. И всё ладно в её доме, и всё на своём месте: приземистые чугульки, скрученный подковой хомут в сенах, валенки, китель армейский с погонами, музей войны, хмурый Сталин на стенке, пробитая тёмно-зелёная каска, мороз, сноп пшеницы и т. д.

Я приехал в Пролетарку на Рождество. Я не был здесь целую вечность. Когда я был маленьким, то было всегда лето. А теперь зима.

Я ничего не узнал. И меня не узнали.

Валенки разошлись в разные стороны, одна пара пошла на улицу, по воду, вторая — за дровами, одна на север, другая — на юг. Зима, ополоснутая в синьке, деревенский дух, дровяной, лубяной, шероховатый на ощупь, морозный и пряничный на вкус.

Дом, дым!

Печка, только что весело плясавшая в тон весёлым деревенским хлопотам, теперь не разгорается. Дым выедает глаза, слёзы тёплые, растопившие весь снег за окном и хмурюю, неброскую, словно сатиновый халат в сельно, полоску облаков.

В окне, как на подрамнике соломенная ограда с кувшинами, обвязанными красным платом, будто голова Солохи.

Тишина, что вата между рамами, проложенная для тепла. Скрипкий снежок, сумерки Паганини.

Рондо каприччиозо!

Тихо, тепло и дымно. Язычок пламени лижет толстое полено. Печь отчаянно чхает и фыркает, словно кот...

Во дворе кошачьи следы, маленький, осторожный пунктир опоясывает избу. Будто сударь кот приходил дом проверять, гостей намывять. У фонарей глаза кошачьи, жёлтые с поволокой. И с тёмным зрачком, сжавшимся будто пружина, точка деревенской вселенной. Когда зрачок расширяется, из него вываливаются дома-мазанки, хлев, корова Дочка и ещё одна Дочка, собака Найда и увязший, словно в прошлом, старый цвета хаки “ВАЗ”.

Когда идёт снег, “ВАЗ” улетает в небо и кружит там, забыв дорогу обратно.

ВАЗносятся!

Хутор просыпается в 4.30. Кормит коров, доит, убирает, крестится на красный угол, опохмеляется. В красном углу тёмный лик, точка, будто нет никого ещё, Рождество сегодня, и пружина, которая когда-то очень давно разжалась. И всё никак не сожмётся.

Хутор по-прежнему пахнет молоком и жирным деревенским творогом. Откидом.

Откид полагается разрезать на части и жадно есть. Крыльцо заброшенного магазина с марципановой вывеской. Ульи, укутанные целлофаном на зиму. Пчелы уснули, а под снегом слышится их зуммер, пчелиный, медовый. Медовый снег с прожилками мёда. Если попробуешь на вкус, он ожалит сладким холодом. И ещё — дорога из ломкого безе, которая с хрустом разбивается на брызги. Сугробы сползают простынькой вниз. По-над оврагом, справа просевший от снега прудик, деревянный барабан Святого колодца. Неровно выбритая наличность деревенской жизни.

Тут и колдуны, и сказки. Сударь кот приходит ночью, его зрачки разжимают пружину, и словно из-за шторки фотоаппарата выскакивают черти шалые, Бова Королевич, Шамаханская царица в полупрозрачном пеньюаре и Змей-Горыныч о пяти головах. И кот сказку заводит, и алкаши деревенские мёд-пиво пьют. Но это всё ночью, если выйти к святому колодцу. Или не выйти, а во сне явиться.

Застывшее время, замурованное в тишину. И домики-мазанки, спрятавшиеся, заматанные в дмотканые шерстяные, что кошачья морда, шарфы.

Часть домишек — дачи, зимой их заносит под самую крышу. Снег не убран, стало быть — хозяев нет. Другое — развалины.

Дома стареют некрасиво, безобразно. Сначала разваливается задняя стена, примыкавшая к коровнику, потом лопаются стёкла, как будто кто-то разбил очки доктору в пенсне, пустые глазницы зияют чёрными провалами.

Дом брошен, проседает крыша, и вот место, где было столько жизни, радости, в красном углу Христов, где, чай, ведь кричали: пей, ешь, — а теперь проволглый мрак. Будто человек умирает: волосы редеют, зубы выпадают, кожа складывается гармошкой:

А ещё эти дома с порушенными судьбами напоминают алкашей с каким-то обтёсанными ликами.

Алкаши с отрешённостью святых приходят — колядовать, приходят за чачей. Чача укачивает в долгие холодные зимы, как люлька в детстве. Чача и песню споёт, и успокоит и погадает.

Бабушка Чача-ча-ча...

Розовая бутылочка: 45 градусов ниже нуля. От неё хочется кричать и глаз мутный, а голос будто не твой, а Бовы Королевича: бас!

Алкаши приходят безудержно, настойчиво и неопровержимо. Одежка — что под руку попало, ветхая, ветрами продутая, сквозь прорехи звезда: выдавший ватник, шапка с ушами, сапоги всямку или опорки.

Дядя Саша, беззубый, голубоглазый. В треухе. Под ватником матроска. Моряк - с печки бряк. Приплыл на корабле. Рассказал анекдот:

— Приходит к мэру Таганрога цыганка, говорит, что у нее восемь детей и чтобы ей дали квартиру. Мэр отвечает, что надо меньше трахаться. На что цыганка отвечает, ну а куда же мужа деть, вот он лежит рядом. Ну тогда презерватив купи. Цыганка ему: ага, вот ты болтать любишь, купи себе презерватив, надень на язык и пусть тебе принесут мёда...

Улыбка у дяди Саши беззубая, детская, излагает деловито историю хутора, один хутор, три колхоза. Раньше — теперь. А теперь дядя Саша пришёл за бутылкой.

— Иди в жопу, — улыбается тётка, — не до тебя!

И Саша улыбается. И всем хорошо!

Ночь темная, варфоломеевская, говорит тётя Зина. А печаль светлая, соломённый матрас, пахнущий разнотравьем: чабрец, мята, липа. Мёд, а не матрас. Любить на таком матрасе, заводить детей, плодиться и размножаться. Пить и есть, плясать и рыдать, икая от радостного, крепкого, как морозец, первача и счастья.

Вся жизнь — матрас на соломе. Любовь крепкая, самосон как самогон.
Сон — тёплая колыбель, воспоминание о бабушке, которая когда-то пела старую казачью песню:

*Не лежать бы мне в чистом полюшке,
Не смотреть бы мне в небо-облачко.
Не просить бы мне лёгка пёрышка да
Отогнать, смахнуть моё горюшко...*

И лицо её было в морщинках, а нос картошкой, как у отца и у предков моих, казаков донских.

Кондрючка замерзла, сазаны все спят. До лета.

И было в этих песнях полношко, кобылица, проливающая молоко из упругих сосцов, и маленький жеребёнок, который никак не хотел угомониться и засыпать:

— ...же ребёнок!

А теперь ветер рассеял все слова по свету. И стал свет, а тьмы нету. Только ночь — варфоломеевская!

Тишина спрятанного в потаённые домотканые карманы прошлого. Чьи эти воспоминания? Возможно, это тётя Зина напела, нашептала, навесела, наколдовала. Сударь кот с большой лохматой головой, как у быка первородка, намурлыкал.

Лицо её с раскосинкой, лучистое, колдовское. Она, стало быть, народная богородица, мать, бабушка казачка. От неё пахнет сеном и молоком. Тёплые, мягкие подушечки ладоней, в которых так бы и утонул. И уснул. Утро, вечер, как корабли. Только отдавали швартовые, а вот уже и пристань. Только дымок змеится вдалеке.

*Степь и ночь кругом. Варфоломеевская:
Лети, пёрышко, через полюшко,
Смахни, пёрышко, моё горюшко.
С моего лица смахни пылюшку,
Обратися, стань моим крылышком...*

И я вспоминаю своё лето, своё детство, своё прошлое, любовь и всё такое...

2

Пролетарка

*Бай-бай-бай,
Поди, бука, под сарай,
Гоше спать не мешай!
Уж ты, Гошенька, усни,
Угомон тебя возьми...*
(Казачья колыбельная)

Голубая выжаренная на солнце колыбель неба, как теперь оказалось, укачивала нас двоих, хотя я жил в Питере, а он тут родился, и разница в возрасте была довольно внушительная. Но вот будто бы оборвалась нить, которой подлащивали прореху, и просыпались денёчки давние, словно махорка, и теперь только ветер в соснах, будто бы причитает над тем, что было и чего не было...

...По весне, когда степь золотая от солнца и одуревшие за зиму от сена коровы обжираются польнью, а солнце, усаживаясь под вечер на бахчу, такое большое, что, кажется, обитает где-то среди вальяжных и пузатых кавунов, бронзовых дынь, крутобёдрых тыкв и лопоухих подсолнухов. Или — в каком-нибудь из сараев, где квохчут курицы, а ещё по утрам трубит петух с огненно-рыжим гребнем.

Мы с папой, наезжавшие в хутор Пролетарка, что под Красным Сулином, были бледными призраками почти с самого севера, где солнца никогда не было, но — лишь его холодный, отражённый в свинцовой глади Стикса, блеск, промельк, напоминание, что оно где-то возможно было и ещё будет. Надо только на поезде через Москву попасть на Юг.

И вот мы приезжали из Ленинграда на Ленинградский или Московский, не поймёшь (я-то всегда думал, что это — один и тот же вокзал, что “человек рассеянный с улицы Бассейной поспал немножко, а потом взглянул в окошко” и оказался опять в Ленинграде), потом шли на Казанский.

Москва — это что-то пёстрое и необъятное: это — пузо носильщика, людское море, человеческие головы, кипящие в бульоне толпы, и Красная площадь с Мавзолеем, где спит дедушко, а все стоят в очередь, словно в универмаг за тушёнкой, чтобы посмотреть, как он почит.

Ленин — Ленинградский вокзал — Мавзолей: этапы большого исхода на юг к папиному брату.

Москва постоянно разбегается по сторонам, как тараканы. Москва — это вокзал! Ну в крайнем случае Мавзолей.

Москва товарная, Москва Казанская с курултаями, аулами и цыганами, чёрным людом с золотыми зубами, с большими серёжками в ушах, аксакалами в чалме и маленькими женщинами в чём-то воздушном, газообразном, с глазами-миндалинами и в шароварах.

Ото всего этого идет какой-то необъяснимо-пряный аромат и веет сказками Шахрезады и про разбойников.

Москва — это пуп земли, где пузатый носильщик с усами, как у Буденного. И все такие важные, потому что живут в главном городе Всея Земли.

Мавзолей — Казанский вокзал — Ростов-на-Дону — это тоже, наверное, Москва, хотя кто знает? Видимо, не Москва — только Питер.

Целую вечность мы стоим в очереди к заветному окну на вокзале, где надо прокомпостировать билеты, до него вроде бы рукой подать, но время длится, как патока. Мы влипли во что-то, словно мухи, к окну нас не подпускает пиджак с лысиной. И вроде бы не пёс ценной, не лаёт, а поди обойди его — нельзя. Он, как Москва, загородил собой солнце и сам стал солнцем.

Казанское ханство, вокзальное хамство, Московское царство заполнили нас в плен. И поезд убежит от Ленинградского в сторону тепла, солнца, кавунов, больших ароматных яблок и баб с арбузными грудями (а может, впрочем, у них там арбузы, то есть кавуны вместо грудей?) и потащит за собой, словно одеяло, огромное пространство с полями, лесами, небом и землёй, в котором обитает папин брат. Но обитает без нас.

А может быть, он без нас и не живет там вовсе? Вот мы приедем, заведём его маленьким ключиком, и он запрыгает на своем “Урале”, как игрушечная курочка-ряба. Надо спешить, надо завести всю тамошнюю жизнь: лето, солнце, тепло, купание до посинения, прятки в лопухах и ловлю “телевизором” сазанов с чешуей, как жар горячей!

И вот мы уже в поезде. В поезде — пекло. Кажется, что злой волшебник, тот пиджак с лысиной, поймал нас и сейчас будет запекать в тесте, а потом слопает с пассажирами и поездом.

И его красные и мясистые губы будут лосниться сочной влажностью разрезанного пополам помидора, и глаза алчно заблестают, словно зеркало мраморного пола на Казанском!

Красные, разгорячённые, потные лица кольшутся в жарком мареве, окна задраены, папа, добродушно улыбаясь всему свету, знакомится с какими-то новыми людьми, заодно и с пиджаком и лысиной. И она, лысина, оказывается чуть ли не родственником или другом его друзей, другом родственников или друзей, что одно и то же, и все весело и беззаботно хохочут, потом дружно кушают курицу, завёрнутую в газету, и помидоры с солью, макая их в спичечный коробок.

Красные и мясистые губы нового папиного друга лоснятся сочной влажностью разрезанного пополам помидора, он слопал курицу, а нас оставил на завтра!

А ночью он тихо на цыпочках крадётся ко мне, чтобы сожрать, но я убегаю, цепляя по дороге отцепленные на ночь папины протезы. Всю ночь мы бегаем друг за другом: лысина и красные мясистые губы — за мной, папины протезы за ним, а я за протезами...

Папины протезы — папины и непапины ноги, но — часть папы, непонятная и странная часть.

Он потерял ноги в войну, когда ему было лет десять, военный эшелон разделил его жизнь на до и после, и он потом, словно надрывно вырывался из-под колёс этого далекого и заполошного прошлого, которое страшно выло паровозным гудком, ходил и жил сильно прихрамывая.

А я вот стыдился того, что люди, особенно дети, пялились на его культю с праздным любопытством, с которым смотрят в зоопарке на обезьян. А ведь это — мой папа, и всё, что связано с ним — моё. Грубое, праздное, животное любопытство, лишённое жалости, и мой всегда такой сильный и весёлый отец, казалось, в такие минуты был бессильным, слабым. Без протезов он был не выше первоклашки.

Но под утро, когда весь поезд, все вчерашние знакомые и друзья, лысина в майке, пузатые, с волосатыми подмышками, словно с зажатыми под ними мочалками, озабоченные и весёлые, шли гуськом в туалет или пропадали в бесконечных лабиринтах прокуренных тамбуров и вагонов, папа прицеплял ноги и вырастал.

А я садился у окна и смотрел на то, как леса, ёлки, берёзы и осины бегут, сломя голову в обратную движению поезда сторону, уступая место большому бескрайнему и дикому полю.

Поле ширилось, как вольный выдох, длилось, и не было ему конца и края.

Поезд тревожно и жалостливо гудел, словно пытаясь выразить весь свой неподдельный ужас или восторг от этого разбежавшегося вширь и вглубь простора.

Детство всегда просторно, словно рубаха на вырост. Туда умещается Ленинград, хутор Пролетарка и все мы с пассажирами и курами, помидорами и лысынами, пиджаками и голыми коленками девочек. Мы бежим стремглав через поля и леса, ночи и дни, закаты и рассветы, дождь, семицветную и торжественную, как хорал, аркаду радуги. Бежим, забыв про поезд и потеряв счёт дням и ночам.

А потом, когда уже и не помнили, куда мы и зачем, привыкнув к жизни в поезде, вдруг возникало откуда-то из-под насыпи большое пыльное солнце, дыня, а не солнце, но она слепила глаза и обдавала жаром.

На станциях вагон окружали поджарые казачки в сатиновых халатах, и в окна сыпались абрикосы и яблоки, горячие пирожки с мясом и картошка в укроне. И стоило всё это копейки.

А в раскалившемся добела Ростове-на-Дону-Москве, на вокзале, заполненном, словно печёными, но прочными стариками в фуражках с самосадам, стариками в шароварах с лампасами, мы покупали вкусное мороженое и долго шли куда-то дворами.

Потом садились на электричку и ехали обратно до полустанка, на котором поезда никогда не останавливались.

Ростов-на-Дону отпечатался в памяти мороженым. Наверное, это и есть мороженное, вафельная трубочка, захватившая изрядный кусок пышных облаков!

Мы прыгали на полустанок, давно вросший в землю, а папин брат, дядя Володя, муж тёти Зины, нас уже давно ждал на мотоцикле.

Мы подходили к нему, заводили его ключиком, а он заводил в свою очередь мотоцикл “Урал”, и мы начинали все весело прыгать на ухабах.

Мы ехали в лето, на хутор Пролетарку, подпрыгивая на ухабах, дорога стелила позади нас пыльный шлейф, подсолнухи кивали нам радостными головами, солнце слепило глаза, а высоко в небе застыла, как муха в янтаре, серая запятая ястреба.

После сытного ужина папа со своим братом громко хохотали и о чём-то оживлённо говорили до утра.

Конечно, ничего из того, о чём они говорили, я не понимал, меня больше волновала большая радостная улыбка солнца.

Оно росло тут, на огороде, и я подбирался к нему под вечер, вставая на цыпочки, как тать, и мне хотелось дотронуться до него рукой. Но толстый мясистый с жёсткими ворсинками, как у гусениц, стебель уходил куда-то ввысь. И рыжая голова его лишь укоризненно и высокомерно покачивалось свысока, как будто задиристо хотело, сплюнув сквозь зубы, процедить:

— А в лоб?

Иногда, впрочем, из солнца сыпались сёмочки, заполняя весь двор доверху, и тогда вся густая, похожая на уголь, который добывал папин брат, ночная тьма была большим деревянным амбаром.

А отец со своим братом на веранде под лампой, засиженной, словно мухами, звёздами южнорусской ночи, говорили и говорили...

Господи, как бы мне хотелось, чтобы всё это вернулось, чтобы я опять стал маленьким и несмышлёным и тонул, тонул в этой незабвенной задумчивости и сердечной теплоте...

3

Как поссорились Павентий и Люська

Дом шахтёра Павентия, или Пашки, был по соседству с нашим.

Началась ссора Павентия со своей женой Люськой весьма прозаично.

Была жара, солнце жарило, как сковорода.

Ничто, как говорится, не предвещало.

В этот день Павентий не работал. Поэтому делать ему было нечего. Он, как всегда, слонялся по двору, перекладывая какой-то хлам с места на место.

А поскольку ему это всё надоело, а он был ни в одном глазу, тут-то всё и началось.

Я был маленьким и не очень-то понимал, с чего начинаются ссоры.

И вообще как правильно надо начинать ругаться, кто должен первым выступить с предложением поругаться и т. д.?

Ссора!

Для меня ссора была, как спектакль.

Во-первых, потому что поссорились соседи, а я сидел за плетнём, меня никто не видел, а я видел всё.

А во-вторых, спектакль получился красочный, очень шумный, драма, гротеск, шум и гам, а в конце...

И вот стало быть, дядя Коля в старых армейских штанах с подтяжками и майке цвета брюквы очередной раз переложив хомут из привязи в сарай, с тоской посмотрел на погреб.

С такой тоской тоннельная тьма смотрит на просвет.

Люська, здоровая казачка с мощным торсом и красным лицом, крошила для свиней еду, картошку, морковку, ботву и прочая. Но бдительности не теряла и тут же перехватила этот взыскующий взгляд:

— Я те посмотрю!

— А чё? — сказал Павентий с вызовом, который не предвещал ничего хорошего.

— А ничё! — ответила Люська.

Её голос можно было бы сравнить со звуком набирающей обороты циркулярной пилы на лесопилке, где работал мой двоюродный брат.

Я частенько бывал на лесопилке, и мне нравился этот режущий тебя пополам скрежет, запах стружки, доски, бруса.

— Люськ, так ведь я выходной ётить?!

— Я те дам выходной ётить!

Слово за слово. Циркулярная пила набирала обороты, Павентий не уступал, хотя и был обречён. И вдруг внезапно случилось то, чего я никак не ожидал...

Павентий вскипел!

Когда закипал мой отец, то дома в Ленинграде он частенько срывал с петель двери, полки на кухне.

Казак всё-таки! — думал я, так положено.

Огненно-рыжий петух Павентия горделиво дёрнул гребнем на плетне. Драка!

Петя словно бы подбадривал своего хозяина, мол, не дрейфь, кто в конце-то концов хозяин в гареме?

И вот Павентий закипел, его старые армейские штаны пошли в наступление по всем фронтам.

Он молча зашёл в сарай и вышел оттуда с топором...

— Ну ударь, ударь! — Люська ударилась, как говорится, в амбицию.

Спектакль спектаклем, но я подумал, а не пора ли кому-нибудь вмешаться. Но странное дело, никто из соседей особого интереса к ссоре не проявил.

— И ударю, ётить!

— Нет, ты ударь, ударь! Тебя заберут и посодят. Дьявол ты этакий. Отец твой, Масюк, дураком был, мать вашу, царствие ей небесное, умаслил. И ты такой...

Пожалуй, как я догадался потом, замечание Люськи насчет дяди-Пашиного отца было немного лишним. Или, как говаривал мой дядя Вася, окончивший университет в Ленинграде, чересчур.

И Павентий, подтянув подтяжки на армейских штанах-галифе, пошёл в атаку. Но не на Люську, как следовало ожидать, а на крыльцо мазанки.

Павентий обрушил боль ущемленного мужского самолюбия на крыльцо!

Рубил он отчаянно и гневно. Люську, казалось, такая диспозиция вполне устраивает. Она даже подзуживала супруга:

— Давай, руби! Да-ва-а-й!

Ну а поскольку супруг не унимался, пила, вдруг тонко взвизгнув, заголосила:

— Ой, бабоньки, что же ирод ентот со мной робит?

Далее всё пошло, как я потом понял, по заранее подготовленному сценарию. Соседи, наконец, очнулись, тётя Люська с театрально распущенной косой металась по хутору. Мой дядя, наконец, лениво вышел из хаты и сказал:

— Павентий, заканчивай давай, гляди, хлопец мой напужался!

Далее был финал, полный самого отчаянного драматизма.

Мой дядя на крыльце, голова Павентия, склонённая на крыльцо, словно голова Иоанна Крестителя. Голова отдельно от Павентия кричала:

— Толя, руби, бл..ть!

Истощенные вопли Люськи, разнесшиеся по всему хутору. Казалось, что она кричала сразу во всех дворах и сразу за себя и за всех хором.

Потом как-то сразу стемнело, петух с важностью председателя совхоза пошёл топтать несущек, меня увели в хату вечерять.

А потому возник незапланированный антракт.

В финале на крыльце с топором икал то ли от горя, то ли от счастья пьяный Павентий. Возле него на изрядно покосившемся крыльце возлежало орудие возмездия. И сидела с распущенными волосами плачущая Люська, перешедшая на тихий, вечерний фальцет:

— Милый ты мой, соколик, дорогой! Самый любимый, самый коханный...

— Люська... - хотел, видимо, было сказать Павентий, но не смог. Початая четверть самогона блестела потными боками на порубленном крыльце.

Потребности его, как говорится, на сей раз разошлись в разные стороны с возможностями. Слезы градом брызнули на армейские штаны со штрипками.

— Люська... етить! Я ведь выходной...

Я никак не ожидал, что ссора кончится именно так. Поскольку завязка был крута и сурова. А кончилось всё неожиданно, впрочем, только для меня. Все соседи это спектакль, оказывается, уже смотрели.

Эка невидаль!

Бьёт, значит, любит!

Дядя Володя

В речи дядя Володи какая-то суровая музыка простора и жизни: Новосинеглазовский; зверосовхоз “Октябрь”, Чингирлау, Верхняя Ослянка, Павда, Губдор, Егорлыкская, Карловка, Рыбная Слобода, Белая Холонуница, Ворсма, Потьма, Калач, Пристенъ, Скворода, Обоянь, Мантулинская, Спасе-Бобровск и т. д.

Всё это были поселки и выселки, сёла и деревни, годы странствий и километры пространства, города и станицы, где папин брат то ли работал, то ли его мотало в поисках призрачного счастья. И всё это тепло и загадочно жамкало коровьими губами, мычало и подначивало, подмигивало и надсадно кряхтело из своего далёкого прошлого.

Выдропужск и Степурино — знакомое и дикое пространство звуков и запахов, застывших в имени, словно козинаки в сахаре.

В Выдропужске дядя, поди, пугал выдр, выпучивая, словно хочет остудить чай в золотистом блюде, большие губы. Потом по степи и бездорожью брёл в больших болотных сапогах наугад, и была пурга, и всё смешалось, и стало Степуриным, где жили мои родственники по матери — Степановы.

После войны было голодно, и они со старшим братом, моим отцом, много скитались, а кругом везде была нужда, она глядела голодными и маленькими, прищуренными от страха глазами и всего боялась. Однажды в одной из станиц им даже не дали напиться воды: пожалели!

Потом папин брат работал в какой-то геолого-разведочной экспедиции, потом — начальником склада, а ещё — шахтёром и так далее.

География его скитаний и есть карта страны, в которой он жил, а умер уже в другой. Но сначала всю её вымерил своими сапогами, проверил на прочность большими цепкими пальцами, обнял тёплыми ладонями и осенил радостною улыбкой. Такой ясной, простой и глупо-радостной улыбкой, глядя на которую хотелось по-дурацки улыбаться без особых на то причин.

Папин брат щекотал тёплое подбрюшье ночи бархатным своим баритоном, а я сидел на остывающих ступеньках веранды, вдыхал сумерки и слушал.

И мне казалось, что все эти Нижние Затрепки и Попустилово, Брандохлыстово и Телятино — и есть тот сказочный мир, где леший бродит и русалка на ветвях сидит. И я придумывал каждой местности свою сказку, свою песнь о вещем просторе.

В Затрепках он потрепал за ушами большого мохнатого пса, который сиял от радости влажными от счастья, словно звёзды на небе, глазами, или получил затрепину в училище, где мастер в военной форме, бывший фронтовик с пустым рукавом, учил его уму-разуму.

В Брандохлыстово жил брандмейстер, который прятал в сарае скрученный петлёю, словно гадюка, готовая к прыжку, брандспойт. И ещё там были — хлысты. Хлысты хотели, чтобы брандмейстер радел вместе с ними, но он, обозвав их бандитами, выпустил струю из брандспойта. Струя воды хлестала хлыстов, а они были хлипкие и молились неистово своему хлыстовскому богу, который на самом деле был гадюкой и заколдовал их всех...

Когда над мазанкой всходила полная и молодая, как грудастая казачка, луна, сгущалась цветочным мёдом на пасеке тьма, Телятино голодно мычало в хлеву, Чингирлау свиристело цикадами за соломенным забором, Рыбная Слобода сочно и смачно била плавниками по лунной дорожке, дрожащей мелкой чешуйчатой, горячей, как жар, гладью, Карловка шелестела осокой, большущей, как борода у карла Маркса, Скворода шипела выжарками и брызгалась салом.

Тогда и отчасти сейчас всё это для меня какие-то далёкие и недостижимые, как солнце на огороде, понятия и вещи: голод, колоски, шестидневка, проходка, чёрная касса, Сталин, Хрущёв, репер, етить твою мать и т. д. Или — мрачная сказка, рассказанная на ночь. Поскольку всё оно ухало

по-разбойничьи голосом Высоцкого и топорщилось усами Сталина, доброго дедушки с ласковым прищуром, которого почему-то вся станица называла сволочью.

Папин брат пил первач, зычно крикал, закусывая острым перцем, и начинал свою новую песню...

А я думал, что вот сейчас из кустов выйдут Логдуз с Кукобоем, а за ними выползут толстые Лаптиха и Носсовая, Максатиха и Няндома сгребут меня в охапку, запихнут в большой и пыльный мешок, а Коноша и Вытегра будут хохотать над тем, как я реву, пытаюсь вырваться и не могу.

От Логдуза меня пробирал озноб, а с отвратительной и страшной нетопыриной харей Кукобой погружал в крошечный ужас. И только ласковая Лаптиха обнимала лапотным, лыковым, избяным своим теплом, а рядом с длинным, утиным носом, Носсовая, всюду совавшая свой утиный нос, говорила скороговорками простуженным своим голосом, в нос:

— Байстриук!

Максатиха, толстая дюжая баба, от которой пахло молоком, зазывала телка по прозвищу Нян домой, а он вырывался и убегал от неё в ококу.

Густой, как мазут, ночью я долго не мог уснуть, ворочался, из деревянной тишины веранды, закутанной в прохладу, доносился хриплый, разбойничий голос Высоцкого, и казалось, что погано хохочет тьма.

Вот так на свет Божий из ночной тьмы, детских страхов и сказок появился хутор Пролетарка, куда мы приезжали на лето всей семьей.

Пролетарка — остаток казачьей станицы под Новочеркасском, где казаки перемешались с цыганами и хохлами в винегрет.

Помню их говор, вернее — хóвор, гутор. Гремучая помесь украинского с русским, суржик. В памяти остались слова: дебаркадер, терикон, цибарка, кавуны, гарбузы, байстриук, вечерять, варэники з вышней, усё.

И ещё — солнце.

Глаза слепнут от света. Пыльная дорога, бегущая от станции и низенькой платформы, где поезд стоит минуту, среди подсолнухов с солнечными коронами. Вдоль дороги посадки жердел, на которые тут никто и никогда не обращал внимания, а мы в Питере покупали их в магазине!

В хуторе живут шахтёры и доярки. Брат отца, один из четырёх братьев, дядя Володя, работает на шахте под Красным Сулином.

Когда мы на “Урале” едем за дядей Володей выгаскивать его из-под земли, я сижу в теплом кожаном коконе коляски, которую бросает на ухабах.

Из шахты выходит чёрный человек, улыбаясь широкой дядиволодиной белозубой улыбкой и говорит дядиным голосом. Так широко и открыто может улыбаться только мой дядя.

Дядя Володя!

Чёрный шахтёр и это и есть — папин брат, мой дядя Володя. И мы едем домой, где он становится красным. Особенно, когда с аппетитом, смачно уписывает украинский борщ с чесноком и красным перцем...

Однажды я, глядя на то, как дядя закусывает стопку первача перцем, решил попробовать весь этот шумный и пёстрый мир на зуб. Тётка Зина дала мне маленький стручок, я осторожно откусил его, и внутри меня случился пожар. Перец горел и дымился, как кокс. Меня еле-еле успокоили и отпоили каким-то компотами. А дядя Володя смеялся громче всех...

— Терпи, казак!

И я обиделся на дядю. Я дулся на него целую неделю и не ездил за ним на шахту. А тётка, сверкая цыганскими очами, её мать и была цыганкой, обозвала меня за это байстриуком. И я думал, что тётя — ведьма и по ночам летает на метле, рассыпая по небу алмазы и яхонты из своего кованого сундука.

Но потом я купался в речке Кундрючке, нырял с Крутояра, ловил с дядиной пристани сазанов, ходил за хлебом, и пожар угас, все обиды забылись.

Тёплый и вкусный хлеб привозили в лабаз раз в неделю, и его покупали мешками.

Однажды я ужасно насмешил очередь казачек, ждущих хлеба, попросив продавщицу отпустить мне сто граммов леденцов.

В станции всегда, если что-то брали в магазине, то килограммы, десятки и сотни: мешок булок или буханок, метры ситца и литры масла. Но я был маленький, а мир вокруг меня — огромный и чужой.

Необъятных размеров жёлтая, как дыня, луна висела над огородом дяди Володи. Чёрное бархатное одеяло ночного неба было утыкано крупными изумрудами звёзд, которые по ночам рассыпала летающая на метле тётя. Хор цикад заглушал голоса папы и дяди, которые о чём-то спорили, сидя на крыльце...

Папа и дядя — братья! Этого я никак не мог понять. У меня был братик, но он был маленький, а разве взрослые братья бывают? У взрослых нет ни братьев, ни сестёр, ни мам, ни пап. Им это ни к чему. Ведь они все — большие!

От крыльца дома-мазанки у меня ощущение прохлады и чистоты. В хату меня почему-то не пускают. Я обретался по большей части на дворе с цыплятами и на крыше, где сушились вишня и жердёлы, и на кухне. Спал на соломенном тюфяке под вишнями.

Однажды цыплёнка задушил ёжик, и все ругались на ёжика, а я никак не мог понять, как это такой добрый ёжик из мультика задушил цыплёнка.

Мой мир стремительно вырос: там возникали загадочные существа с диковинными названиями: сука, “телевизор”, девочки с длинными ногами и короткими юбками, сосед Витька Пантелейчук, и другой сосед Жмых в соломенной шляпе, жужлица, баба Лиза, гадюки и т. д.

А ещё была белая мазанка, хата, в которую я заходил в с ощущением запретной тайны. Окна в хате занавешены, ставни закрыты. Там что-то такое творится, там живут сказки, там скрывается тайна этой казачьей жизни и страх с таракаными усиками. Туда маленьким нельзя. Там — злой из казачьей колыбельной угомон:

*Бай-бай-бай,
Поди, бука, под сарай,
Гоше спать не мешай!
Уж ты, Гошенька, усни,
Угомон тебя возьми...*

5

Цыганка

У тётки Зины мать была цыганкой.

Цыганка, подари цыбарку!

Мать моей тётки курила махорку. Махорка пахла печкой, степью, терриконовыми дымами, домом и газетой.

Газета дымилась, табачок в ночи горел, как уголья в печке.

И мы, дети, знали, что она — колдунья. У неё была цветастая шаль, в которой утопали наши детские мечты, страхи, болезни и сны. Она умела заговаривать боль.

Она выглядывала из окна, а нас в жару бросало в холод.

Бабка Лиза знала о нас всё. И даже больше. У кого мы ворует сушёные жердёлы, гдекупаемся и что курим и даже пьём.

Однажды бабка Лиза зарубила топором свою собаку. Собака понесла. Просто взяла топор и ушла с Тобиком за сарай.

Тобик оказалась сукой.

Для неё что собака, что курица, все равно.

Мы боялись Лизу. И всех цыган.

Вот они — цыгане — топором по темечку. Жизнь как языком слизали. И прощай, как звали.

Когда я убегал с мальчишками, мама говорила, что меня украдёт цыган.

Махорка бабки Лизы пахла тревогой.

Однажды, когда было жарко, как на сковородке, я, гуляя вдоль Кундючки по огородам, спустился в погреб напиться холодного компота.

Край хутора, где по соседству жили мои дядья и тётки, был моим. Я пасся на огородах, как молодой бычок.

В погребе было темно и холодно. Япил холодный вишневый компот, он капал мне на грудь и в штаны, но вдруг я увидел два злых плавающих цыгаркой уголья, затем раздался бас бабы Лизы:

— Ты чего прям из банки хлебашь? Не мог что ли в чашку нóлить?

Бабка Лиза, цыганка. Такая страшная и злая со съехавшей набок косынкой, где тонули все наши детские страхи, боли и сны!

Я очень испугался, подумав о том, что бабка Лиза меня сейчас украдёт, языком своим слижет, а потом зарубит, как Тобика. Зарубит топором за сараем.

Цыгане детей воруют!

Больше в этот погреб за вишневым компотом я ни ногой. Пропади он пропадом, компот этот!

Солнце в детстве висит высоко. И ещё оно крутится, как колесо от велосипеда. Быстро и весело.

Я купался, ловил серебристых, блистающих, как богатыри кольчугой, сазанов, влоблялся в соседскую Ксюху, разгружал с пацанами горячий, пахнущий печёной корочкой, ноздреватый хлеб в магазине и про бабку Лизу забыл совсем.

И вот как-то раз Виктор, сын бабки Лизы и брат моей тётки, уехал, как сказали мои друзья, Сыч и Ковтун, крутить любовь на моторке с дочерью Жмыха.

Крутить любовь?! Как ее крутят? — не понятно, как у коровы хвост, что ли? И нельзя ли её крутить в хате, зачем так далеко пилить, на моторке?

Все эти проклятые вопросы крутились в голове неотвязно, как мухи.

Жмых был нашим соседом. У него в огороде были такие большие кавуны, что казалось, что Жмых надувает их насосом. Жмых носил соломенную шляпу с большими полями и солдатские портки с тесёмками.

И он курил махорку, рассыпая её по газете, слово сеятель. Когда он щурился своим загорелым, как печёная картошка, лицом, казалось, что он улыбается

Ну так вот дочь Жмыха — Алёнка — была красавицей. Казачка, её загорелые икры сводили меня с ума. А глаза были чёрными, как ночь, или даже, как мы называли её, жужелица.

Угольный плак!

Алёна только закончила восьмилетку в хуторе. Собиралась поступать в торговый техникум в Таганроге. Но поехала крутить любовь с Витькой на моторке по протоке Кундрючки.

В протоке крутят любовь, как кино в кинотеатре!

Весь хутор словно проснулся. Но все возле магазина или в кино, радостно лузгая сёмочки, почему-то отчаянно ругали Алёнку, называя ее лярвой. А Витька вроде бы и не был виноват.

Цыган — что с него возмёмшь?

Прошла неделя, и как-то под вечер разнеслась весть: Витька разбился.

Говорили, что будто бы он был пьян и наехал в темноте на топляк.

И мне казалось, что всё так и должно было кончиться. Ведь цыгане — страшные. Крадут детей, убивают собак.

Протока, Витька, Алёнка, топляк...

Впереди август, гарбузы, речка Кундрючка, Крутояр, купание, сазаны, счастье...

Однажды я побежал за удочкой в сарай по горячей, как сковорода, жужелице.

Жужелица жалила пятки сковородным жаром.

Я забежал за мазанку, обогнул хату с распахнутыми от жары окнами. На крыше сарая сушились ароматные жерделы.

Важно шёл мне навстречу петух с огненным гребнем. И вдруг в глубине окна соседней хаты я увидел лицо бабы Лизы со съехавшим набок цветастым платком, в котором прятались наши тайны, страхи, боли и сны!

Лицо её, казалось, было чёрным. Чёрные волосы словно поседели. Глаза выжгли лицо, такие они были большие и чёрные, расплавленные, как жу-желища на солнце.

Бабка Лиза плакала. Он потеряла сына. И я остановился даже.

Как же, думаю, такая злая, которая убивает собак и курицу ей убить все равно что высморкаться, а тут плачет?!

Цыгане разве плачут?

Я подкрался ближе и услышал, как бабка Лиза словно пела, нашёптывала что-то. То ли песню, то ли заговор какой, чтобы заговорить боль, большую боль, которая вошла в её двор и хату со светлыми ставнями без спроса:

— Ой ты божечки, боже, со мАнгэ тэ кирА? ман о дукхал... на уджА...

Слова были похожи на песню. Но я ничего не понял. Понял только одно: бабка Лиза, злая бабка Лиза плачет. Значит, она не злая, она притворяется злой. А может, и вовсе не злая?

А потом моё лето умчалось колесом. Велосипед выкатил меня за деревню, моя Пролетарка пропала, как вороний глаз в вечернем небе.

Много времени утекло сквозь пальцы. С тех пор я не видел бабку Лизу. Она, верно, ушла в ту страну, где её родичи, романы, жгут костры и поют бесшабашные песни о любви. Смолят махорку и пьют вино.

Но память о ней, как отблеск от зеркальной глади пруда, её сын, и песня цыганская, протяжная, тревожная и горькая, как плач:

На уджА!

Бабка Лиза!

Ты, как вплетенная пёстрая лента в волосы красавицы Вальки, вихрь, вьющийся на ветру.

Вспышки памяти, из дальней тьмы, из далека долгого и давнего.

Обрывок детства моего, совсем-совсем дальняя моя родня, седьмая вода на киселе, песня моя цыганская...

6

Красивый

На Хуторе меня дразнили Красивым.

— Красивый приехал!

Я обижался на Витьку Пантелейчука. Это он придумал. Вот оборву ему всю вишню, будет знать, будут ему вареники з вышней!

А дразнила Красивым меня красавица Валька!

У Вальки были светлые, словно выгоревшие, волосы, длинные, как у русалки, синие глаза, стройные загорелые ноги, которыми она взрывала, когда бежала за мной с криком “дурак” ситцевое поле цветов своего платья.

Не влюбиться в Вальку невозможно. И я влюбился до потери памяти. А она дразнила:

— Красивый приехал!

Я старался быть таким же, как пацаны, пробовал курить, ругался, сплёвывал в крапиву, но, конечно, угнаться за пацанами мне было не дано.

Валька это понимала и пуще прежнего смеялась надо мной:

— Красивый приехал!

А я ей говорил:

— Валька! Я украду тебя, мы уедем в Питер. И я покажу тебе Эрмитаж, ты будешь жить в Эрмитаже, как царица!

Поедешь? Я подарю тебе черевички, дура!

— Брешешь, Красивый! Вы живёте вчетвером в однокомнатной квартире. Мне Юрка, брат твой двоюродный, сказал, я замуж за Витьку пойду. Пантелейчуки богатые. У них старший брат в морфлоте служил, сейчас работает в Ростове на фабрике. У Витьки сберкнижка, корова и мотоцикл. Они машину покупают. А у тебя что?

— А я... Красивый...

Однажды вечером мы играли в прятки. И мы с Валькой спрятались в камышовой времянке, где спал сторож в яблоневом саду.

Был жаркий июльский вечер. Яблоки качались на ветках, как дожий кулак.

Было душно и темно. Я обнял Вальку, упругую, вёрткую, загорелую, от неё пахло вишней, соломой, молоком.

Я держал Вальку в своих объятиях и не знал, что с ней делать?

Папка не рассказал ведь... А пацаны безбожно ввалили или матерились.

Томная, тающая в моих детских объятиях Валька.

Наверное, я должен был её поцеловать? Но что и как?

Я хотел поцеловать её, прижал её к себе, ощутив, как упрямо всколыхнулись маленькие упругие груди под ситцем, но она, изогнувшись, словно гадюка, вывернулась и убежала...

И лишь потом мой брат Юрка сказал, что Валька рыдала всю ночь, и отец её утром послал на бахчу к родственникам, чтобы не болталась почём зря с мальчишками.

Больше Вальку я этим летом не видел...

А на следующее лето она уехала к родственникам в Таганрог.

Где, что, как сейчас Валька?

Вышла замуж, растолстела?

Торгуешь украинской колбасой и салом на колхозном рынке в Ростове? На улице Дзержинского?

Семочками или трусами, носками или бюстгальтерами, ловя очередную мощную тётку, словно в сачок, в безразмерный лифчик?

Я любил тебя по-детски. А значит, бескорыстно. По-телячьи, как гутарила моя бабка Зина.

Сколько воды утекло, Валька! А сколько женщин любило и не любило меня?

Но всё ушло, а ты, твой жгучий взгляд, твои очи чёрные, чёрт бы их побрал, прожигают эту толщу лет, как плотный туман маяк. И сияют в ночи, как звёзды.

Детская любовь — самая первая и жгучая, как глоток первача, когда перехватывает дыхание и мутнеет в галазах.

Хорошо и сладко!

Я видел Вальку мельком на следуюший год, когда уже повзрослел. Она порхала там, вдали, в невозможном прошлом, светлом, как тюлевые занавески или кружевной платок в красном углу под иконами и издалека.

Она смотрела на наш край, смеялась с подругами. И смех этот ранил меня, как оса.

Хор

И я вспоминал бесшабашную песенку:

*Никто нас в церкви не венчал,
А вся душа горит в огне.
Зачем, казак, ты в степь умчал
На вороном своём коне?*

Знамо дело — зачем?

Бежать бы быстрее лани от этой дикой красоты!

Спасти от неё нельзя, поддаться — значит пропасть!

Я теперь только знаю:

казачка — страшное дело, самая красивая, ей надо сдаваться сразу, покуда она на тебя не взглянула.

Змея подкладная, змеиный выползень — вот ты кто!

Вот и умчало меня прошлое на вороном своём коне, чтобы не видеть этот пожар разгорающихся страстей!

Эти загорелые лодыжки, эти зубы, которыми она, улыбаясь, разгрызала меня пополам. А еще при этом сёмочки лузгала. Погибель полная и неотвратимая!

*Ах, судьба моя, судьба, ах, судьба,
Ах, судьба моя, скажи, почему,
Ах, судьба моя, разлука-судьба,
Я ответ никак найти не могу?*

А Лев Толстой в “Казаках” нашёл, кажется, ответ на этот вопрос: “А я только одного и желаю: ...желаю жениться на простой казачке и не смею этого потому, что это было бы верх счастья, которого я недостоин”.

О, наивный Оленин, о олени мозг! Разве можно жить со стихией, грозовой тучей, громом и молнией, который тебя испепеляет?

Да ещё лузгает при этом сёмочки. А с неё всё, как с гуся вода!

Вот его избранница:

В то время как он выходил, Марьяна, как была, в одной розовой рубашке, но уже до самых глаз повязанная белым платком, неожиданно шмыгнула мимо его из сеней. Быстро постукивая по сходцам босыми ногами, она сбежала с крыльца, приостановилась, порывисто оглянулась смеющимися глазами на молодого человека и скрылась за углом хаты.

Твёрдая, молодая походка, дикий взгляд блестящих глаз из-под белого платка и стройность сильного сложения красавицы ещё сильнее поразили теперь Оленина.

Да что там Оленин?

Любой от этой раны не излечится до конца своих дней.

До революции, как известно, казачки гордились своим происхождением — “не боли болячка — я казачка”.

Казачки избегали браков с людьми не из своего сословия и с чужестранцами были неприветливы.

Вот и Оленин, в конце концов, оказался не люб. А тот, что люб, Лукашка, ускакал на вороном своём коне в край, из которого нет возврата.

Говорят, что казаки упорно берегли своё племенное лицо, как девица невинность. Самонаравной казачке было чуждо чувство подражания в поведении, поступках и одежде. Она всегда подчёркнуто проявляла свою принадлежность к казачьему роду и гордилась этим.

Но всё переменилось после революции. Казаки начали активно скрещиваться с цыганами, хохлами, евреями, греками и всеми, кто под руку попадался. В результате получилась гремучая смесь и страшная красота.

И вот уже жгучая красotka Аксинья из “Тихого Дона” мечется между мужем Степаном, Гришкой, а потом ещё и баринном Евгением:

Падко бабье сердце на жалость, на ласку. Отягощённая отчаянием Аксинья, не помня себя, отдалась ему со всей бурной, давно забытой страстностью. А когда схлынула небывало опустошительная, помрачающая волна бесстыдного наслаждения, она очнулась, резко вскрикнула, теряя разум, выбежала полуголая, в одной рубашке, на крыльцо. Следом за ней, бросив дверь открытой, торопливо вышел Евгений.

Бесстыдная, опустошающая, умопомрачительная!

Ох, да что там гутарить! Я застал этот пылающий пожар казачьей красоты уже затухающим, но и этого было достаточно, чтобы помереть только от взгляда на эту медузу-горгону, казачью прелесть. Спасти от этого взгляда ни у кого не получалась.

И что делать, Валька?

Скажи!

Ведь когда ты люб казачке, она ни за что тебе не даст об этом знать. Да ещё и подтрунивать будет над твоим чувством, лузгая сёмочки и приговаривая своё знаменитое:

— Тю!

А про себя думает, змея подколотная:

*Зачем всех в мире лучше ты,
Как солнца свет, когда темно...*

Наглая, злая, красивая зараза! Такая, как Лупка из “Поднятой целины”: Давыдов хотел было закрыть дверь в свою комнату, но увидел Лупку. Она сидела на лавке, по-мужски широко расставив ноги, туго обтянув юбкой круглые колени, покусывала подсолнечные семечки и безмятежно улыбалась.

— Семечек хочешь, председатель? — спросила она смеющимся низким голосом. Тонкие брови её слегка шевелились, глаза смотрели с открытой лукавинкой.

— Ты почему не на прополке?

— Сейчас пойду, видишь — одетая во всё будничное. Зашла сказать тебе... Приходи сегодня, как стемнеет, на выгон. Буду ждать тебя возле гумна Леоновых. Знаешь, где оно?

— Знаю...

И что делать? Как быть? А брать её силой и, если останешься при этом живой, увозить в город?

Здесь весь этот суржик сглаживается. И будет эта Лупка или Аксинья обыкновенной городской истеричкой, скучной и предсказуемой. Но зачем и кому она нужна такая?

*Зачем взлетел ты на коня,
Умчал в лазоревый рассвет?
Ни у тебя, ни у меня,
Ни у судьбы ответа нет!*

Нет, лучше сразу сдаться, а там будь, что будет!
Ах, судьба моя, судьба...

7

Свадьба

Однажды в Ростове-на-папе много позже своего беззаботного детства и безнадёжной влюбленности в Вальгу я был на свадьбе своего двоюродного брата Юрки.

Как сейчас помню этот хоровод...

...Солнце летом встаёт рано и занимает удобную позицию над пожарной каланчой возле железнодорожного вокзала, чтобы ничего не упустить.

Небо сияет голубизной, словно отрез ситца на прилавке.

По остаткам бульвара вдоль улицы Коммунистической бродят: лохматый выюнош, пьяный в хлам со спущенными штанами, только что сошедший с московского поезда, выписывая на асфальте кренделя, как фигурист; стайка цыганок с неумытом выводком, нетрезвый бомж с дубовым венником и т. д.

Все остальные разошлись по магазинам и кафе, где за кружкой пива, закусив удила под пристальным взглядом жены, что твоя очковая кобра, отмокает после вчерашнего ростовский обыватель.

Дородная супруга с лицом цвета плиточного чая с ужасающей соседней важностью поедает картошку фри, запивая её пивом, пластмассовый стульчик скрипит под тяжестью обстоятельств.

Супруга аппетитно жует картофель фри. Выходной катится к своему апогею. А потом в чёрных лосинах, которые она носит с подлинным достоинством, с каким в Москве выходят из “шестисотого”, кобра в лосинах ставит долговязому супругу в графе “супружеские отношения”: ЗАЧЕТ.

Бабушка с большой хозяйственной котомкой спит на ходу возле бочки с квасом. Собака, высунув язык, словно сдвинутый набок галстук, лежит в тенёке под бетонным забором, огородившим гектар бесхозной крапивы. Все скучают.

Возле рынка, обнесённого бетонным забором, в пыльной тени тополей, располагается здание загса, где перемешанные, словно “ёрш”, гости в нетерпении с самого утра, чтобы успокоить нервы, разминаются разливным рислингом, пивом и коктейлями.

А потом, свесив грустно голову, пасутся в скверике, качаются на детских качелях и от нечего делать ржут.

По улице Коммунистической, пыльной, словно кладовка с ведрами и шваброй, к Вечному огню, спотыкаясь и подпрыгивая на кочках у плаката “Ростов-на-Дону — город нашей славы трудовой”, лениво подтягиваются вереницы машин в лентах и с куклами.

У резиновых кукол с перетяжками на ляжках сытые лица вампиров. В машинах, упоённые важностью момента, лежат свидетели с обеих сторон, гости, друзья, близкие и беспоконный, словно с занозой в попе, фотограф.

Фотограф выискивает нужный ракурс. Ради ракурса он готов вывалиться из машины, забежать вперёд, провалиться сквозь землю и воспарить на манер воздушного шарика над суетой, а после, мерзостно запищав, вернуться в салон.

Бесконечные вереницы кортежей для общего снимка задерживаются возле Вечного огня, сворачивают к вокзалу, чтобы — пофорсить перед вновь прибывшими в город дачниками и старушками с корзинами яблок.

Из маленького окошка палатки “Сила чебуречная”, напоминающего дот, и киоска с киношкой, где целый день, как оглашенный, вопит благим матом магнитофон, на жениха и невесту, улыбаясь, пялятся продавцы-таджики.

Еще вчера жених с невестой проводили свой культурный досуг возле чебуреков, приобретали на вечер свежий боевичок или эротику с силиконовыми титьками, а потом — вполне удовлетворенные — шли себе восвояси. А сегодня они вроде бы уже ни при чём. Вроде бы и нездешние, а туристы, пытливно вematривающиеся в достопримечательность так, как будто хотят выискать клеца.

Или просто водитель, которому кричат сразу все, кому ни лень, поворачивай направо, налево, прямо, давай — дуй назад, сдуру или совершенно выжив из рассудка, жмёт к кассам дальнего следования, словно у жениха с невестой под парами поезд в Анапу, свадебное путешествие, Анталия и так далее.

Женитьба — дело умопомрачительное.

Поэтому в субботу весь Ростов-папа встает на дыбы, как гнедая. Свадебные кортежи создают необходимую по такому случаю суету и пробки.

Загс обложен частоколом пустых бутылок шампанского. Женихи, невесты и свидетели, кажется, сразу во всех переулках, палисадниках, на автобусных остановках, на деревьях и даже на крышах домов. Они стрекочут, как сороки, и вприпрыжку перелетают с ветки на ветку.

Иногда даже кажется, что и общественный транспорт, быкастые и вертявые “пазики” перевозят не осовевших от жары и пыли пассажиров, а многочисленную родню из Сулина, Шахт или даже из Зверевы, свидетелей и прочую сволочь.

Пыль в городе стоит столбом или даже бетонным забором. Сквозь тучи пыли несутся вскачь свидетели в блестящих с искрой, словно фейерверк, пиджаках в талию, с букетами и так запросто от нечего делать. Свидетелю положено нестись вскачь. На то, чтобы ходить, он не имеет никаких оснований и санкций.

И вот в субботу весь Ростов-папа с утра куда-то или откуда-то бежит.

Одни бегают угорело по городу, то ли отстав от кортежа, то ли перепутав свой с чужим, другие то ли ищут и не могут найти невесту или жениха, тещу, тестя, свекровей, пьяных гостей, разбредшихся по городу, как коровы, черта лысого!

Свидетель, как мошкара, скачет по всем сразу лестницам вверх и вниз с мобильным, напоминающим чемодан.

Какая-то нетрезвая со вчерашнего дня заспанная харя в майке и бриджах с тесемочками по бокам несет с рынка котомки, другая точно такая же ему навстречу прёт на рынок. Полицейский в остервенении крутит палкой у виска.

Всеобщий круговорот вещей в природе.

Всё кружится, прыгает, смеётся, кричит, дерётся, бузит, егозит маленькими и кривыми, словно прикроватная тумбочка, ножками, подпрыгивает вверх подобно комете с вырывающимися из-под сопла языками пламени. И ещё кричит: “горько”, “ура” и “браво”!

Женихи, невесты везде и всюду.

Какой-то лысый с пузом дядька и с красным, как кирпичный забор возле ликеро-водочного завода, лицом кричит по телефону, что надо заскочить за кольцами, купить двадцать ящиков водки, потом срочно в загс. А там уже гости, разукрашенные, словно клоуны, видео, фото.

Фотограф командует армией гостей, не вмещающихся в объектив: улыбочка, ещё раз, жених возьми невесту за руку, поцелуй её, все смотрят на меня, сейчас выпорхнет бутерброд с колбасой!

В магазине “Связной” тоже — свадьба. С выпученными глазами плачущую невесту таких необъятных размеров, что она вся выпирает из платья, словно тесто из кадки, ведут под уздцы подруги.

Свадьба слоняется по городу без толку, так как до банкета полтора часа и надо как-то продержаться. Да ещё жениха нет, как назло. Или хорошо, что нет, пока...

Рядом с невестой ходит какой-то пузатый мужичок с усиками и в шортах, с беспечной походкой друга семьи.

Белый идёт невесте, поскольку невинность она утратила задолго до того, как задумалась о замужестве, так же, как корове махорка. Мало того, выражение лица у неё какое-то победоносное и хищное, как у щуки.

Даже как-то жалко, что жениха нету. Мово брата на двоюродного. Интересно было посмотреть, как она его ест, медленно пережёвывая!

К Вечному огню подъезжает очередной дежурный свадебный кортеж. Из двери выпрыгивает жених и победоносно вздевает руку вверх, словно футболист, только что заколотивший гол воронежскому “Факелу”, потом вдруг пускается в пляс перед дверью машины, в которой только что прибыла невеста

Он победил, он вытащил счастливый билет...

Чёрт его знает, а может, и мне тут заодно жениться?

Жениться и жить себе где-нибудь на окраине, в доме с огородом, лопухами и соседским тузиком, твякующим, словно синкопа в джазе, но не в центре, на улице Коммунистической, который уютжат рейсовые “пазики”, громыхающие по мостовой, как старый комод с посудой.

В этом городе всё запросто, хотя полгорода работает в Москве и привозят из неё ненавистную мне спесивость, которой потом подолгу любят, как жених своей невестой.

А — что?!

8

Кино Хор

А ещё был в хуторе клуб...

Клуб, вернее сказать — деревянный сарай, заполняла разношерстная публика: старики в кителях и без погон, но в фуражках с околышем, толстые, задастые, красивые с телячьими губами, девки в цветастых полусаляках, всегда босые мальчишки с бритыми затылками, влезавшие в окно, и осанистые казачки.

В этой осанке горделивое ли прошлое, казачье упрямство или строптивость. А может, в жилах казаков течет не кровь, а Дон, а крепость их самосада настоянна на дремучей древности с конными походами, степными кострами, как в песне “Когда мы были на войне”:

*Но я не думал ни о чём,
Я только трубочку курил
С турецким горьким табачком...*

А ядрёные девки на бахче растут рядом с пузатыми кавунами и дынями? И вот этот древний Дон вваливался в деревянный сарай, словно казачья лава в стан противника. Сарай трещал по швам. Казаки приходили в клуб со своими табуретками, прогретое за день деревянное чрево клуба не могло вместить всех желающих, а с табуреткой можно сидеть где попало и как попало.

И вот земляки моих предков, все сплошь родня на седьмом киселе, Поповы, да не родственники, грызли сёмочки, громко сморкались, смеялись и орали, когда, вдруг потемнев, по экрану словно расплзлось грязное пятно: “Сапожник!”.

Помногу курили. А на экране, собственно, на белом прямоугольнике простыни, натянутой над сценой клуба, мелькали какие-то смешные человечки, пыхали вепьшки выстрелов, и, отчаянно визжа, гремела музыка, слегка уже пожёванная, но всё такая же бодрая и весёлая.

А потом Дон расходился по домам, словно в половодье, хохоча, визжа и пошхивая в ночное небо воночим самосадам, самокрутками из газет, орали что есть мочи цикады, на чёрном небе, что твоя дыня, загоралась луна и разбойничьи блестела, словно золотая серьга.

И я чувствовал, что в моей крови бурлит не кровь, а Дон, и что и я не “поганая Русь”, а казак, донской казак, лихой ушкуйник с бедовыми глазами и чубом...

И вот моё недавнее прошлое уже, словно мелькает где-то на экране: незначительное, почти случайное и какое-то мимолетное, невзаправдашнее...

Кино-то почти закончено, осталась одна глава!

9

Поминки

И вот теперь весь этот шумный и весёлый мир с большими грудастыми, словно дыни, казачками, подсолнухами и гадюками, Крутояром и Витькой Пантелейчуком, беременной сукой, которую убила баба Лиза, и тонкими блинчиками, которые готовила тётя Зина с золотыми зубами, цыганам и первачом, сворованными мною в Витькином огороде грушами, с серебрянобоками сазанами, вишнями и яблонями куда-то пропал.

Зашло солнце, закатилось куда-то, словно колесо в тёмный угол. И нет больше и не будет гарбузов, перца, чеснока и густого украинского борща, в котором стоял половник. Тётя улетела на метле в вечеряющее небо...

Последний раз я видел дядю на похоронах его старшего брата, моего отца. Дядя Володя приехал изрядно постаревший, но со всё тем же добрым и подушутливым лицом, словно из детства, но не моего, а — чужого.

Из казаков, как мне кажется, советская власть так и не выбила эту бесшабашную весёлость, бодрость и злость. Седой, с большими руками и кустистыми бровями, он привёз с собою гуся.

Дядя давно уволился с шахты, жил где-то у младшей дочери в Запорожье и разводил гусей.

Он сел на диван, и кот смотрел на дядю, очень похожего на отца, и ничего не понимал. Вроде то же, что и у отца, лицо, кустистые брови, нос картошкой, бархатный голос, но только от рук пахнет табаком.

Кот долго принохивался, присматривался к дяде, но потом всё же на всякий случай подвинулся и сел рядом. Ведь того, очень похожего на него

человека, отцеплявшего на ночь ноги, к которому он привык, потому что он кормил его, больше не было, а был вот — этот: “Какой ни есть, а всё — родня...”

Когда отца отвезли в морг, кот весь день был благим матом, а теперь этот незнакомый человек вдруг воскресил было надежду, что не всё ещё потеряно, что любимый им человек, может, и вернется из тёмного дверного проёма. Не совсем, а хотя бы вот так, на половину или на четверть. Но главное — останется какая-никакая с ним связь.

Дядя рассказывал о своём житье-бытье так, как когда-то в моем детстве, но вся весёлость и бодрость словно выветрилась из его жизни.

Он жил в другом государстве, никак не мог понять в каком, почему не стало того, в котором было лучше, чем теперь, куда всё подевалось, кто виноват и что теперь делать. Его большие руки разлетались по сторонам, как гуси. В его глазах поселилась чёрная печаль. Печаль человека, у которого не стало его земли, страны и теперь вот ещё и брата.

И он пошёл на кухню, сказал матери, что привёз на поминки гуся. И гусиная шея свесилась со стола знаком вопроса: как же теперь быть-то? Без брата, безо всего, что связано с ним?

А когда мы приехали на кладбище, дядя как-то подавленно замолчал, словно подавился собственным голосом, прогорклым от горя. Его словно лишили родичей, связи с его детством. Таких похожих на него людей с густыми кустистыми бровями и носом картошкой на земле больше не осталось. И он, когда мы уже собрались уходить с кладбища, словно вдруг осознав своё вселенское сиротство и бесконечное одиночество, вдруг зарыдал, как-то по-мальчишески захлебываясь слезами.

Он плакал по своему старшему брату, так похожему на их мать, мою бабушку, по своему прошлому, голодному и страшному, по своему детству, которое зарыли под соснами. Исколесивший почти всю страну с севера на юг и с запада на восток, он вдруг понял, что больше не вернётся туда, да и сюда тоже.

Карта истёрлась от старости, географию отменили, его удел — это пасты гусей и дожидаться того момента, когда его вот так же зароят туда, откуда он извлекал уголь.

И я, как он когда-то меня, обнял этого уже ставшего мне почти чужим человека, которого я не видел лет тридцать, и вдруг понял, что он — брат моего отца, мой — дядя, одинокий и захмелевший голос моей казачьей крови.

А лет через пять позвонила его дочь и сказала, что её отец, брат моего отца, мой дядя, умер.

Нет больше дяди, и нет страны, в которой мы жили-были. Страны красных стягов, маленького херувимчика на пионерских значках, усатого Сталина, синеватой парусины неба и большого, как подсолнухи, солнца.

Улетели гуси и унесли на крыльях своих всё, что мы так любили и ненавидели.

И только ветер в соснах будто бы тихо касается колыбели неба, которое качивало моих предков, отца, дядю Володю и меня.

Тихо касается ветер казачьей люльки, а в ней моё прошлое и моё детство, оборвавшее со мною нить:

*Бай-бай-бай,
Поди, бука, под сарай,
Гоше спать не мешай!
Уж ты, Гошенька, усни,
Угомон тебя возьми...*

НАТАША КИНУГАВА

ТЫ ИДЕШЬ И ЛЮБУЕШЬСЯ

* * *

Стихи, сухие как тростник,
закоченевший на ветру без снега;
стихи — бесцветные конструкции,
как Шаболовки паутина юбочная;
стихи лубочные как твердь
на трех китах, как смерть с разбега;
стихи кровавые как муть
в зрачке животного корриды сумрачной;
стихи беспечные как день,
предшествующий испытаниям тягостным;
летающие как табуны
в холмах далёкой златорогой Скифии;
стихи как явь,
где ядовита резкость очертаний,
как млечная Луна,
высасывающая яд похмелья;
стихи простые о любви,
в тумане ивы трогательные —

КИНУГАВА Наташа (Наталья Баева) родилась в Краснодарском крае. Окончила музыкальное училище при Московской консерватории имени П. И. Чайковского и Литературный институт имени А. М. Горького. Организатор мероприятий творческого объединения “Артбухта” и редактор одноименного литературно-художественного альманаха. Стихи публиковались в журналах “Москва”, “Новая библиотека”, “Латгальский поэтический вестник” (Латвия), в альманахах “Артбухта” и “Русский смех”, в антологии “День поэзии. XXI век” (2017 г.) Участница проекта АСПИ “Литературные резиденции” 2022 года в Комарово. Живет и работает в Москве.

я принимаю вас
и приглашаю: всем моим движениям
сопутствуйте —
мы будем вместе праздновать
теченье жизни,
на излучинах покачиваясь...

ИЗ ДЕТСТВА

1

Со мной говорил не старый школьный учебник,
А красные листья дикого винограда.
Я слушала в грузовике не запах бензина,
А песни, что сама я себе напевала.
Не ты покидал меня тихой порою заката —
Белесые голуби в небе мой взор задержали.
Не то чтобы я никогда никого не любила,
А просто я помню, как в марте цветет крыжовник.
Я — алые листья дикого винограда,
алые листья дикого винограда...

2

Там было поле подсолнухов,
Дорога и пыль от колёс,
И пеньё пасущихся коз
Слышно вдали, и я помню,
Как там начинался день.
И толстый грецкий орех
Тенью спасал мой дом.
И жизнь была Бог,
не Бег...

МОРСКАЯ...

1

Бархатистые камушки греют бока —
Напускают на них свою тень облака,
Но потом все равно отплывают,
А когда возвратятся, не знают...
Бледно-синие волны шуршат на бегу,
Мы их ждем, возвышаемся на берегу...
Разливается солнышко медом...
Море-море, откуда ты родом?

2

Если из моря
вытащить душу,
Что она будет
делать на суше?
Чем ей питаться?
Кого ей кормить?
Только — морскую
удерживать нить!

* * *

Сумрак, дождь, середина лета,
и листву раздувает ветром,
и шипит на ветру листва,
мокро, капли — им нет числа.
Неуклончивой строгой прохладой
напитается дом и ограда,
садик, лавочка, тополь, песок,
грудка, перышки, хвост, висок.
И тогда я совсем притихну,
ни единой нотой не вспыхну,
буду слушать шипенье и всхлип,
пенье лужиц, качелей скрип.
Ветер путает кудри в кронах...
Ни паденье, ни даже промах
невозможны во мраке таком,
в этом мире с набухшим песком.

* * *

Комарово — как моя судьба.
Ты идёшь и любишься
вершинами грандиозных сосен.
А сама жизнь —
за глухим бесконечным забором.
Наверху Солнце. За забором Сердце.

Ты идёшь, любишься, по какой угодно дороге.
Влево, вправо, вперед, назад.
Где-то забор чаще, где-то жиже.
Где-то он выше, а где-то ниже.
И — как я, Боже, не люблю симметрию! —
но в один прекрасный день увижу:
наверху Сердце, за забором Солнце.

Но это не конец истории...
Ты идёшь и любишься, и вдруг замечаешь —
Вершины грандиозных сосен
Тоже будто бы любят тебя.
.....
Солнце внутри. Снаружи — Сердце.

БОРИС КУРКИН

БУЛГАКОВ И “БАТУМ”

Так жить больше нельзя, и так жить я не буду. Я всё думаю и выдумую что-нибудь, какую бы ценою мне ни пришлось за это заплатить¹.

М. А. Булгаков

Когда был задуман “Батум”?

Скорее всего, сразу же после запрета “Мольера”. Едва ли у кого выдержали бы на месте писателя нервы. Ситуация возвращалась к катастрофе 1929 года, с той лишь разницей, что “Дни Турбиных” всё же шли. Исковерканные цензурой, но шли. Надо было что-то предпринимать, и Булгаков решил писать пьесу о Сталине – иного выхода у него просто не было. Создание драмы о вожде решило бы все проблемы или, по крайней мере, многие. Быть может, главные.

Из Дневника Е. С. Булгаковой: “18 февраля 1936 года. МА поехал в МХАТ по вызову Аркадьева² – для разговора. <...> МА приехал туда часов в десять, рассказывал: разговор, над чем будет МА теперь работать? – МА ответил, что единственная тема, которая его сейчас интересует, это о Сталине. Аркадьев обещал достать нужные материалы. МА не верит этому”³.

“Драматург Булгаков обратился в Художественный театр с предложением написать пьесу о подполье, о роли партии и её руководства в борьбе за торжество коммунизма. Подход к этим темам, учитывая его прежние работы, является неожиданным. Вместе с тем театр не может не поддержать его на этих путях.

Независимо от того, удастся или не удастся справиться автору с задачей, самый факт этой попытки заслуживает пристального внимания и чёткого контроля, при наличии которого только и возможны эти работы.

Драматург заявляет, что в течение последних семи лет у него зреет идея пьесы о величии людей большевистской эпохи, о тех, кто усвоил стиль руководства вождя народов тов. Сталина <...> Драматург хочет в своём творчестве через показ эпохи, героев и событий передать ощущение гениальной личности тов. Сталина <...>

Тов. Сталину известно творчество драматурга Булгакова, его слабые и сильные стороны. Огромное значение задуманной темы и её особенности заставляют обратиться к Вам с просьбой дать указания о возможности подобной работы, осуществление которой в Театре будет обеспечено политическим руководством.

Понятно, что положительное разрешение Театром и драматургом такой ответственной задачи имело бы громадное значение для всего советского театра”⁴.

Источники

Любой автор, пишущий на историческую тему, обращается в первую очередь к проверенным и надёжным источникам. В распоряжении М. А. Булгакова таковых было всего три:

1. Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. — М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.

2. Батумская демонстрация 1902 года: 35 лет политической демонстрации батумских рабочих 1902–1937: [Материалы, документы, воспоминания]. — [М.]: Партиздат, 1937.

3. Барбюс А. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. — М.: Государственное издательство “Художественная литература”, 1936.

Скажем прямо, негусто.

Начнём с книги А. Барбюса. Вся история её выхода в свет показывает, какие сложности и опасности подстерегали Булгакова, взявшегося писать о Сталине — пусть и молодом.

* * *

8 декабря 1932 года заместитель заведующего Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) Н. Н. Рабичев⁵ направляет в Секретариат Сталина письмо следующего содержания:

“Сов. секретно

В Секретариат тов. Сталина

В связи с письмом Анри Барбюса, посланным Вам ранее, Культпроп ЦК вносит следующее предложение.

Рекомендовать т. Мюнценбергу⁶ принять предложение Анри Барбюса о написании последнего биографии т. Сталина.

Предрешить, что предварительный просмотр работы т. Барбюса должен быть возложен на т. Товстуха⁷.

Рекомендовать т. Мюнценбергу непосредственно связаться с т. Товстуха. Последнему определить материалы, которые можно дать А. Барбюсу.

Обязать т. Мюнценберга обусловить предварительный просмотр и редакцию всей работы т. Товстуха.

Желательна была бы встреча А. Барбюса с т. Товстуха.

Мы специально спрашивали мнение т. Мануильского, в частности, в связи с тем, что в “Монде”⁸ вокруг А. Барбюса группировались троцкистские элементы. Тов. Мануильский считает, что А. Барбюсу это дело поручить можно и стоит, он напишет то, что ему посоветуют, в частности, о борьбе с троцкизмом. Будучи в Москве, А. Барбюс говорил, что хочет порвать со своим “Мондовским” окружением.

Тов. Мануильский сообщил, что т. Мюнценберг в ближайшее время будет в Москве, тогда можно было бы договориться с т. Мюнценбергом детально.

Н. Рабичев”.

* * *

5 октября 1932 года Сталин встретился с Барбюсом. В конце беседы вождь сказал своему биографу, что, “находясь под гнётом царизма, мы на триста лет отстали от Европы”⁹.

Любопытное умозаключение. Отчего же в таком случае именно на триста? А не на пятьсот? Или вообще на тысячу? Вдумаемся: триста лет назад установление династии Романовых означало конец Смуты и конец Лжедмитриев. Получалось, что товарищ Сталин заявил о себе как о продолжателе дела Гришки Отрепьева. Желая в очередной раз заявить о пагубности для России царизма, вождь и учитель народов допустил явно непродуманное высказывание.

Написав книгу о Сталине, Барбюс представил её рукопись в ЦК ВКП(б), и вот какие замечания он получил 29 сентября 1934 года от тов. Стецкого¹⁰.

“Дорогой товарищ Барбюс, — писал А. И. Стецкий. — Я так долго задержал Вашу рукопись не только потому, что чрезвычайно был занят съездом писателей, но, прежде всего, потому, что хотел наиболее тщательной проверкой рукописи принести Вам максимальную пользу.

Помимо уточнения некоторых фактов я позволю себе некоторые соображения общего порядка, которыми я хотел бы поделиться с Вами, разумеется, со всей откровенностью.

Прежде всего, я должен сказать Вам, что я восхищён тем, что Вам удалось в такой короткий срок создать книгу подобного масштаба, которая является не просто биографией, а величественной картиной всего нашего движения, написанной с громадным революционным подъёмом. На всём протяжении книги ощущается Ваша художественная сила.

Мне кажется, однако, что Вы слишком часто подменяете политические и социальные категории этическими понятиями. Так, например, борьба оппозиции против партии (я имею в виду троцкистскую оппозицию, поскольку Вы лишь изредка и недостаточно упоминаете о других оппозициях) представляется Вам как борьба “темпераментов” Сталина и Троцкого, между тем как экономические и социальные корни оппозиции Вами освещаются недостаточно.

Далее, некоторые эпитеты, которые Вы применяете к Сталину, как, например, “человек здравого смысла”, “практик”, затемняют истинный образ Сталина как величайшего теоретика марксизма после Ленина и делают из него иногда, помимо Вашей воли, какого-то оппортуниста-эмпирика, целиком поглощённого тем, что Вы называете “прикладным марксизмом”.

Я должен сказать ещё одно замечание, которое мне представляется весьма существенным, — по поводу Троцкого. Мне непонятно, почему в книге о Сталине, руководящем строительством социализма, имеется столько полных терпимости рассуждений о “душевных переживаниях” Троцкого, уже много лет тому назад перешедшего в лагерь контрреволюции. Я хотел бы обратить Ваше особое внимание на этот пункт.

Мне кажется далее, что в книге недостаточно дан образ Сталина-человека; не показан его стиль в работе, стиль его языка; не выявлены его многообразные связи с массами; не показано, какой любовью окружён Сталин. Вы не нуждаетесь ни в моих комплиментах, ни в моих похвалах, но мне хочется сказать Вам, что именно такой мощный талант, как Вы, призван дать этот величественный образ Сталина.

Мне кажется, что предлагаемые мною поправки, если Вы их учтёте, могут лишь содействовать приданию всей книге большей идеологической крепости, и от этого только выиграет прекрасная художественная форма.

Прошу извинить этот задержавшийся ответ и вольность моих замечаний.

Шлю Вам, дорогой Барбюс, мой лучший братский привет.

А. Стецкий¹¹.

Трудно удержаться от того, чтобы не привести некоторые замечания тов. Стецкого по рукописи тов. Барбюса, данные в приложении к письму.

“Стр. 1. “Наполовину воскрешённый” (Ленин в мавзолее). Не представляется ли Вам это сравнение излишним?”

Стр. 4. Я не стал бы на Вашем месте так подробно описывать мебель, меню и т. д. Всё это скромно и просто, но не так мрачно.

Стр. 5. Стоит ли давать цифру жалованья и переводить на франки? Можно было бы просто сказать, что Сталин получает скромную зарплату ответственного партийного работника. <...>

Стр. 8: “О религиозной школе”. Разумеется, само собой, что Сталин был отдан в эту школу не в силу какой-либо особой религиозности отца, а потому, что обучение в ней было более доступным и бесплатным. <...>

Стр. 15. Надо было бы отметить, что тов. Енукидзе — старый грузинский большевик, активно боровшийся в рядах большевистской партии. Мне кажется недостаточным исчерпать его характеристику эпитетом “высокопоставленная личность”.

Стр. 20. Никак не могу согласиться с Вами, что Ленин когда-либо был похож на “нижегородского купца” <...>

<...>

Стр. 46. “Эта церемония (т. е. напряжённое ожидание оратора — вождя, его нарочитое опоздание и т. д.) казалась мне не излишней, ибо она внушает уважение...” Я высказываюсь решительно за изъятие этой фразы, несовместимой со скромностью Сталина.

<...>

Стр. 58 “У Сталина с этих пор не было личной жизни”. Её у него не было уже с 1898 г.

<...>

Стр. 149 и 183. Вы цитируете Троцкого. Разве нельзя передать ту же мысль цитатой из Ленина или Сталина? <...>

Стр. 159. “Оппортунизм может быть и хорошим...” Согласно тому смыслу, который мы, за всю историю нашей партии, вкладываем в слово оппортунизм, он никогда не может быть “хорошим”.

<...>

Стр. 193. Ваше определение кулака как “богатого крестьянина” недостаточно. Необходимо подчеркнуть его эксплуататорскую роль.

Стр. 200. “ВКП – государственная сила”. Не лучше ли уточнить, что партия – авангард пролетариата, руководящий социалистическим государством?

Стр. 201 и др. О роли и личных качествах Троцкого. Хотел бы ещё раз обратить Ваше внимание на то, что я пишу выше, в письме, о Вашей исключительной терпимости по отношению к Троцкому, которая приводит Вас к неправильным выводам. Борьба против оппозиции не была борьбой “темпераментов”, она была борьбой против влияния контрреволюционной мелкой буржуазии в рядах нашей партии. Дело вовсе не в том, что, как вы пишете, “Троцкому не доставало великой простой грубости творца”, а в том, что ему “не доставало” понимания ленинизма, роли рабочего класса как руководителя трудящегося крестьянства, роли партии и т. д. Я рекомендую Вам коренным образом переделать эту главу, которая должна быть также обогащена анализом социальных корней оппозиции.

<...>

Стр. 217. “... в России, обладающей всеми сырьевыми ресурсами...” Не подготовленный читатель может подумать, что только в силу этой причины, вне всякой связи с законом неравномерности развития капитализма, ленинизм считает возможным построение социализма в одной стране. Следовательно бы уточнить.

Стр. 221. Удачно ли сравнение: “Как святой Павел”?

<...>

Стр. 239. Никогда Сталин не произносил этих слов (о том, что ему “наплевать на мировую революцию”).

Стр. 282. Бюрократия – “явление кристаллизации”?

<...>

Стр. 308. “Социализм осуществим без нанесения кому-либо какого-либо ущерба и без того, чтобы кому-либо в чём-либо уступать...” Не считаете ли вы, что это утверждение может вызвать у читателя недоумение?”¹².

Что ж, за свои деньги заказчик имеет право предъявлять к исполнителю любые претензии. Печальна, однако судьба книги Барбюса. После разоблачения упомянутых в ней “видных большевиков”, ставших в одночасье “врагами народа”, книгу о вожде и учителе товарище Сталине пришлось изымать из обращения. В итоге книга Барбюса доступной была недолго – менее года, а вся история со “Сталиным” являла собой вполне булгаковский сюжет.

Разумеется, книга Барбюса была не единственным источником для Булгакова, однако в середине 30-х годов ряд авторов, даже таких авторитетных, как секретарь Президиума Центрального исполнительного комитета СССР Амель Енукидзе, написавший в 1925 году книгу о большевиках Закавказья¹³, стали числиться неблагонадёжными. Тот же Енукидзе десять лет спустя после выхода в свет упомянутой книги был обвинён в “искажении исторических фактов”, в результате чего неожиданно переведённый из Авеля в Каины, начал энергично оправдываться, а в январе 1935 года уже каяться, правда, лишь в дозволенных гомеопатических дозах на страницах “Правды”.

“В порядке самокритики, – писал Енукидзе, – я должен исправить допущенные мною ошибки в словаре “Гранат” (авторизованная биография), где основание бакинской социал-демократической организации относится к началу 1899 г., и это как бы связывается с моим приездом в Баку в конце 1898 г. Ещё более неточно этот вопрос освещается в Большой советской энциклопедии. Там в изложении моей биографии сообщается, будто бы я положил начало бакинской социал-демократической организации. Это неверно”. Далее следовал завершающий аккорд: “Вообще я должен отметить, что мне не всегда удавалось проявлять достаточную большевистскую стойкость. Совершенно напрасно Большая советская энциклопедия пишет обо мне: “Многолетняя суровая работа в период борьбы с царским самодержавием закалила Енукидзе, ставшего одним из самых стойких революционеров-подпольщиков”.

На самом деле у меня бывали колебания, например, в 1907 году в Баку и в 1917 г. (март — июнь) в Ленинграде”¹⁴.

И хотя правда была на стороне “Каина Софроновича”, выслушивать его резоны никто не собирался. Спустя десять лет после расстрела Енукидзе Берия продолжал напоминать читателям своего многократно переизданного труда о том, что “разоблачённые враги народа А. Енукидзе и М. Орахелашвили”¹⁵ протаскивали в своих книгах сознательное извращение, фальсификацию истории Закавказской организации”¹⁶.

“А. Енукидзе, — продолжал Берия, — впоследствии разоблачённый как заклятый враг народа, в своей авторизованной биографии и брошюре “Наши подпольные типографии на Кавказе” во вражеских целях сознательно проводил фальсификацию истории большевистских организаций Закавказья, цинично и нагло извратил известные исторические факты, приписывая себе мнимые заслуги в создании первой нелегальной Бакинской типографии”¹⁷.

Особо подчёркивалось Берией и то, что “разоблачённый враг народа Енукидзе набил себе руку на самовосхвалении и саморекламе, сознательно извращая историю партии, также отрицал, что раскол с меньшевиками был проведён большевиками задолго до 1905 г., т. е. на II съезде партии”¹⁸.

Ярость и страсть, с которой обрушивался матёрый чекист на своего товарища по партии, наводит на мысль, что главной претензией к высокопоставленному партаппаратчику была не его брошюрка, а нечто иное, куда более важное, сокрытое от глаз читающей публики. И критика брошюры стала лишь поводом для разжигания кампании: надо же было с чего-то её начинать?

Припоминал Лаврентий Павлович этим разоблачённым и ликвидированным врагам народа их смертные грехи и в издании 1952 года — за год до своего разоблачения как английского шпиона и последующей гибели.

Были и такие источники, в которых о роли Кобы-Сталина в революционном движении в Закавказье не говорилось вообще ничего! Пример тому — книга Ф. И. Махарадзе¹⁹, по существу своему скандальная²⁰.

Ему, уже давно покойному, Маршал госбезопасности продолжал напоминать тяжкие грехи, поскольку он “не позаботился переработать свои труды и исправить допущенные в них ошибки и извращения”²¹.

Уже к началу 30-х годов всё, что касалось истории партии, в том числе совсем недавней, подвергалось жесточайшей цензуре и постоянной “проверке” на соответствие генеральной линии партии в данный конкретный момент. Далее режим всё более ужесточался. Один маленький пример — роман М. Шагинян “Билет по истории” (о детстве и юности Ильича, по которому вынесло решение Политбюро ЦК ВКП(б).

“5 августа 1938 г.

№ 63. п. 73 — О романе Мариэтты Шагинян “Билет по истории” часть 1-я — “Семья Ульяновых”.

Ознакомившись с частью 1-й романа Мариэтты Шагинян “Билет по истории” (подзаголовок — “Семья Ульяновых”), а также с обстоятельствами появления этого романа в свет, ЦК ВКП(б) устанавливает, что книжка Шагинян, претендующая на то, чтобы дать биографический документальный роман о жизни семьи Ульяновых, а также о детстве и юности Ленина, является политически вредным, идеологически враждебным произведением. Считать грубой политической ошибкой редактора “Красной нови” т. Ермилова и бывш. руководителя ГИХЛ т. Большеменникова допущение напечатания романа Шагинян.

Осудить поведение т. Крупской, которая, получив рукопись романа Шагинян, не только не воспрепятствовала появлению романа в свет, но наоборот — всячески поощряла Шагинян, давала о рукописи положительные отзывы и консультировала Шагинян по фактической стороне жизни семьи Ульяновых и тем самым несёт полную ответственность за эту книжку.

Считать поведение т. Крупской тем более недопустимым и бестактным, что т. Крупская делала всё это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), за спиной ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепартийное дело — составление произведений о Ленине — в частное и семейное дело и выступая в роли монопольного истолкователя обстоятельств общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда прав не давал.

ЦК ВКП(б) постановляет:

- 1) снять т. Ермилова с поста редактора “Красной нови”;
- 2) объявить выговор бывш. директору ГИХЛ т. Большеменникову;

- 3) указать т. Крупской на допущенные ею ошибки;
- 4) воспретить издание произведений о Ленине без ведома и согласия ЦК ВКП(б);
- 5) книжку Шагинян из употребления изъять;
- 6) предложить Правлению Союза советских писателей объявить Шагинян выговор²².

В итоге не в меру самостоятельной вдове покойного вождя мирового пролетариата устроили знатную выволочку. Надо сказать, что и сама она была не без греха: это в соответствии с её директивами как руководителя Наркомпроса из библиотек периодически изымались и уничтожались книги, в том числе и сочинения А. С. Пушкина. А ведь она худо-бедно, но все же закончила в своё время гимназию.

Логика товарищей была ясна и понятна: любая, пусть даже мельчайшая трещинка в рукотворном идоле может привести к его разрушению, поскольку неудобные для той или иной группы товарищей сведения о вожде могут быть использованы оппозицией, что, в свою очередь, может иметь в итоге непредсказуемые последствия. А посему любую дополнительную информацию следует глушить или цензурировать.

Однако с точки зрения здравого смысла, решение Политбюро утверждало, что ЦК ВКП(б) знает о жизни Ильича больше, чем его жена.

В итоге получалась чистая “булгаковщина”. Пожалуй, даже пуще того – “гоголевщина”. В связи с этим вспоминается старый советский анекдот о некоем писателе-фантасте, отказавшемся писать о советском будущем, поскольку он не мог предсказать, каким будет в советском будущем советское прошлое. Отсюда и замазывание фотографий с расстрелянными друзьями и коллегами вождя.

Ситуацию, сложившуюся в СССР с контролем над словом и мыслью, чётко описал И. Л. Солоневич. “Актив, – писал он, – обязан соглядатайствовать, и в первую голову соглядатайствовать за интеллигенцией, и в особенности за советской и пролетарской, ибо её больше, и она более активна... Как бы осторожно человека ни учили, он от этого приобретает скверную привычку думать. А ничего в мире советская власть у трудящихся масс так не боится, как оружия в руке и мыслей в голове. Оружие можно отобрать. Но каким, хотя бы самым пронзительным обыском можно обнаружить, например, склад опасных мыслей?”

Слежка за мыслями – вещь тонкая и активу явно не под силу. Но следить он обязан. Откопают, помимо какого-нибудь приставленного к этому делу Петьки, какой-нибудь троцкистско-бухаринский право-левый уклоно-загиб – и сейчас же Петьку за жабры: а ты чего не вцепился? И поедет Петька или на Амударью, или в ББК²³.

А, с другой стороны, как его сигнализируешь? Интеллигент – он “всё превзошёл, депеши выдумывать может”²⁴, а уж Петьку ему таким уклоно-загибом обойти – дело совсем плёвое. Возьмёт в руки книжку и ткнёт туда Петьку носом.

– Видишь? Кем написано? – Бухариным-Каменевым-Радеком написано. Смотри: партиздат есть? – Есть. Виза Главлита есть? – Есть. “Под редакцией коммунистической академии” написано? – Написано. Ну и пошёл ты ко всем чертям.

Активисту ничего не останется, как пойти ко всем чертям. Но и в этом местопребывании активисту будет неуютно. Ибо откуда его бедная чугунная голова может знать, была ли инкриминируемая бухаринско- и прочее фраза или цитата написана до разоблачения? Или после покаяния? Или успела проскочить перед обалделым взором коммунистической академии в промежуток между разоблачением и покаянием? И не придётся ли означенному Бухарину за означенную фразу снова разоблачаться, пороться и каяться, и не влетит ли при этом и оному активисту – задним числом и по тому же месту?

Не досмотришь – и:

“Притупление классово-бдительности.

Хождение на поводу у классового врага.

Гнилой оппортунизм.

Смычка с враждебными партии элементами”.

Перестарается – и опять палка:

“Головокружение”, “перегиб”, “спецеедство”, “развал работы” и даже “травля интеллигенции”. И как тут отличить “линию” от “загиба”, “недооценку”

от “переоценки”, “пролетарскую общественность” от “голого администрирования” и халтуру от просто кабака?

На всей этой терминологии кружатся и гибнут головы, наполненные и не одним только “энтузиазмом”²⁵.

С художественной литературой дело тоже обстояло непросто. Порой начинались сущие фантазмагории в гоголевском стиле. Одну из таких описывал в своих дневниках К. Чуковский. И была это не биография какого-нибудь вождя, а детская сказка “Крокодил”, написанная ещё в 1916 году.

Чуковский передаёт свой разговор с бдительным цензором: “Где же это видано, чтобы в СССР постовые милиционеры запрещали кому бы то ни было разговаривать по-немецки!? Это противоречит всей нашей национальной политике! (А где же это видано, чтобы милиционеры вообще разговаривали с Крокодилами!)”

Дальше:

Очень рад
Ленинград
<>
А яростного гада
Долой из Ленинграда
<>
Они идут на Ленинград
О, бедный, бедный Ленинград.

Ленинград – исторический город, и всякая фантастика о нём будет принята как политический намёк. Особенно такие строки:

Там наши братья, как в аду —
В Зоологическом саду.
О, этот сад, ужасный сад!
Его забыть я был бы рад.
Там под бичами палачей
Немало мучится зверей
и пр.

Всё это ещё месяц назад казалось невинной шуткой, а теперь, после смерти Кирова, звучит иносказательно. И потому...

И потому Семашко²⁶, даже не уведомив меня, распорядился вырезать из Сборника моих сказок “Крокодила”.

От Волина²⁷ я поехал в ЦК партии. Там тов. Хэвинсон²⁸ (кажется, так?), помощник Стецкого, принял меня ласково, но... Он торопится... он ничего не знает... Он никогда не читал “Крокодила”...

Оставьте текст... Я познакомлюсь... Скажу своё мнение”²⁹.

Встанем на место перепуганного насмерть цензора. Действительно, пропускать после убийства Кирова сказку про яростного гада, которого выбрасывают из Ленинграда, было бы рискованно.

В общем, ситуации складывались чисто гоголевские, булгаковские, с разгулом безумия и бесовщины, рядившейся в неумолимую политическую логику.

Коварной по сути была и допущенная “высочайшей цензурой” книга “Батумская демонстрация 1902 года”, которую предваряло решение царского суда, вынесшего свой объективный и беспристрастный вердикт относительно хода событий, связанных с Батумской демонстрацией. Весь вопрос заключался в том, как относиться к тем событиям в целом. Если любое действие царских властей воспринимать и толковать в качестве изначально несправедливых, издевательских, а то и вовсе и преступных, то книга являет собой гимн пролетариату и его новоявленному вождю – Кобе (Сосо, “Пастырю”).

Если же попытаться посмотреть на решение суда “холодным взором сердца и ума”, то поведение Иосифа Джугашвили нельзя квалифицировать иначе, как провокаторское, повлёкшее за собой, в конечном итоге, человеческие жертвы. Более того, создаётся впечатление, что именно для грядущих жертв, в которых можно было бы затем обвинить царскую власть, всё и затевалось. Экономическая сторона вопроса была для Сосо и его поделников лишь поводом для организации кровавого жертвоприношения. По идее, издатели книги должны были скрывать решение суда или всколдовать обмолвиться о нём.

Теперь можно составить себе представление о том, каково было Булгакову выбирать источники для своей пьесы о вожде действующем. Выбор документов и произведений живых героев недавних исторических событий не был даже прогулкой по минному полю, ибо мины не меняют своего положения, в отличие от героев и летописцев партийной истории, не только попадавших под суды, ссылки и расстрелы, но и способных потянуть за собой даже просто процитировавшего их когда-то, ещё в “лучшие времена”.

Жизнь революционера – по определению жизнь уголовного, каким бы интеллектуалом и интеллигентом он ни был. Ярчайший пример тому – Л. Б. Красин: холодный убийца, контрабандист, фальшивомонетчик, террорист. О нём с восторгом писал Горький, его воспоминания и воспоминания о нём печатались в историко-партийной и мемуарной литературе. Что говорить о его товарищах по “цеху”, не обременённых ни образованием, ни культурой – “людыя попроче”?

За каждым из них числятся деяния – убийства, поджоги, грабёж, – без которых невозможно добыть деньги на революцию, да и просто обеспечивать себе ежедневное сносное существование, не говоря уже о безбедной жизни за границей. И нет ничего удивительного в том, что в советские времена исследовать феномен “профессионального революционера” попросту не дозволялось. А ведь термин этот имел широчайшее хождение в политическом и литературном быту. Попытки исследовать этот вопрос хотя бы в первом приближении начались совсем недавно³⁰.

Разумеется, срывание покровов и потрясение основ в сверхзадачу Булгакова не входило. И даже, несмотря на крайнюю скудость источников, ему следовало быть предельно осторожным. Такие ограничения не дают развернуться творчеству, тем более неординарному. А ведь Булгакову хотелось написать очень нетривиальную, “человеческую” вещь!

О чём же всё-таки “Батум”?

Невозможно, да и бессмысленно говорить, “что хотел сказать” своим произведением автор. Это мы можем узнать лишь от него самого и лишь в том случае, если он будет с нами предельно откровенен.

Но и не в этом даже дело. Смысл, заложенный в произведение, может быть шире того, который вкладывал в него – осознанно или неосознанно – его создатель. Посему читателю не остаётся ничего иного, как осмысливать произведение, исходя из своих представлений о мире и изображаемых в произведении событиях. Это давняя проблема взаимодействия читателя с текстом. Главное понять: мы извлекаем из текста то, что способны извлечь, основываясь на собственных знаниях и опыте. У кого-то он больше, у кого-то меньше. И чем сложнее и глубже произведение, тем больше пищи для размышлений оно даёт.

Что касается “Батума”, то эту пьесу можно рассматривать и как апологию Сталина, и как его обличение. Что, собственно, в последнее время и делается. Пример последней трактовки пьесы – комментарий к ней В. Петелина³¹, помещённый в десятитомном собрании сочинений М. А. Булгакова. Безусловно, это грубая натяжка – комментатора в такой интерпретации куда больше, нежели самого Булгакова. Но не в этом суть. Попробуем проанализировать пьесу. Её вполне можно представить в качестве противостояния двух царей – действующего (Николая II) и грядущего (товарища Сталина).

В пьесе показано также, как изгнанный за “вольномыслие” из семинарии Сосо Джугашвили становится народным пастырем и вождём (неминуемое “воцарение” его подразумевается).

У Сосо ярко выраженная харизма. Он умеет убеждать людей, приводя простые, логичные аргументы, и подчинять себе, своей воле и логике – логике идеи борьбы с самодержавием. Он пастырь и вождь угнетённых – “малых сих”, нуждающихся в Учителе, способном объяснить им устройство мира и дать возможность осознать своё место в нём – настоящем и будущем.

Иосиф Джугашвили умеет подчинять своей воле даже врагов. Сцена в тюрьме показывает, как арестант Сталин добивается от тюремщиков выполнения требований заключённых, вступает за подвешенную насилию со стороны тюремщиков женщину и становится победителем, оставаясь при этом узником.

Его аргументы просты и понятны, а потому неопровержимы. Это человек из стали. Он умеет убеждать и организовывать “массу”. Он несокрушим. В нём уже виден будущий Сталин.

Но и этим дело не исчерпывается. Сталин подаётся в качестве мистического героя. Ряд авторов усматривают в пьесе даже пародию на... Евангелие. Слово С. Шаргунову: “Пьеса, на мой взгляд, повторяла евангельский сюжет: обретение учеников-простолюдинов, тайная вечеря во мраке с вином, проповеди перед толпой, арест, избития, общая уверенность в смерти Пастыря, чудесное его избавление от смерти и после побега из Сибири появление среди своих, которые его поначалу не узнают...”³².

Если взять за основу эту мысль, то становятся понятны место и роль цыганки, нагадавшей семинаристу (с его слов): “Всё, оказывается, исполнится, как я задумал. Решительно сбудется всё. Путешествовать, говорит, будешь много. А в конце даже комплимент сказала: большой ты будешь человек!”³³.

У Булгакова всё двойственно. С одной стороны, Сосо отдаёт цыганке последний рубль, представляя перед зрителем очередным облапошенным гадалкой клиентом, а с другой стороны, гадалка выступает в роли... пророчицы, “пифии”.

Недаром ей противопоставлен некий “лжепророк”, рассказывающий Иосифу свой “вещий” сон о том, что Царь Николай “утонул”, и в конце разговора признающий, что этот сон он выдумал. Пророк и лжепророк. Но даже этот лжепророк оказывается не так уж и неправ: Царя-то в конце концов убили!

Символична и сцена, в которой происходит незримая встреча двух героев – Николая II и будущего (или уже актуального?) Сталина: Царь подписывает Высочайший Указ о ссылке крестьянина Иосифа Джугашвили в Сибирь. Самодержец сетует на то, что законы на Руси слишком мягкие. Получается, что Царь чтит закон, а Сталин? Но не суть.

А со Сталиным происходит форменное чудо: в Сибири, в лютый мороз он попадает в прорубь и идёт пять вёрст до ближайшего жилья. И несмотря на то, что у него слабая грудь, он не только выживает, но и окончательно излечивается (“крещается” и “преображается”). По форме – это “цитата” из Барбюса, а по смыслу – кощунство.

Так что есть и пророчества о Сталине, есть и чудеса, случившиеся со Сталиным. Герой пьесы и впрямь предстаёт в виде некой провиденциальной фигуры.

А что же Царь?

Начнём с ремарки, сделанной Булгаковым: “Николай Второй, одетый в малиновую рубаху с полковничьими погонами и с жёлтым поясом, плисовые чёрные шаровары и высокие сапоги со шпорами”³⁴.

Ни дать ни взять портрет Государя работы Б. М. Кустодиева 1915 года! Ни в одной, кроме “Батума”, пьесе Булгакова мы не найдём ремарки о гардеробе героя. В связи с этим логично предположить, что автору, придававшему такое большое значение деталям, было важно показать зрителю, как одет Государь.

Для чего, спрашивается, сделана эта ремарка?

Начнём с того, что на Царе всё же не “рубаха”, а гимнастёрка с погонами. Булгаков даже не поинтересовался предметом, о котором писал. Это форма офицера Лейб-гвардии 4-го Стрелкового Его Величества полка.

Портрет удивительный. Государь смотрит на вас своими чистыми, лучистыми глазами. О них напишет в рассказе “Открытие музея” девятнадцатилетняя Марина Цветаева, когда 31 мая 1912 года пойдёт с отцом на открытие Музея изящных искусств: “Бодрым ровным скорым шагом, с добрым радостным выражением больших голубых глаз, вот-вот готовых рассмеяться, и вдруг – взгляд – прямо на меня, в мои. В эту секунду я эти глаза увидела: не просто голубые, а совершенно прозрачные, чистые, льдистые, совершенно детские”³⁵.

Царь и Марина встретились взглядами.

Николай был необычайно фотогеничен, камера просто обожала его.

Но вернёмся к малиновой “рубахе”. Учтём также, что Николай изображён в “Батуме” слабым, злым и не очень умным человеком.

Конечно, можно предположить, что Булгаков иронизирует над пошловатым вкусом Царя, любившего стиль “à la russe”. Но можно сказать и другое: Булгаков напоминает зрителю, что Царь Николай – “Кровавый”. В те годы иначе его и не называли. Но если Николай Второй и впрямь “кровавый”, то что тогда говорить о товарищах Ленине-Сталине и прочих большевистских вождах? Разумеется, задать подобный вопрос вслух было немислимо.

Царь, по Булгакову, вежлив, предупредителен и жесток. Вот характерный эпизод пьесы:

“Николай: Были ли убитые?

Министр: (глянув в бумаги). Четырнадцать убитых и пятьдесят четыре раненых.

Николай: Это самое неприятное из всего, что вы мне доложили. Какая часть стреляла?

Министр: Рота седьмого кавказского батальона.

Николай: Этого без последствий оставить нельзя. Придётся отчислить от командования и командира батальона, и командира роты. Батальон стрелять не умеет. Шеститысячная толпа и четырнадцать человек!”³⁶.

Неудовольствие Царя тем, что так мало людей убито во время рабочей демонстрации, сочинённое Булгаковым, многого стоит!

Иные комментаторы усматривают в этом эпизоде попытку Булгакова подвести читателя/зрителя к сравнению царских репрессий и большевистских. Но это грубая натяжка. Ленинско-сталинские репрессии никогда в качестве таковых (в отличие о царских) не рассматривались: большевики, в свете тогдашней пропаганды, боролись с “врагами революции” (чуть позже “врагами народа”), а царский режим – с народом. И какие-либо сравнения двух режимов были просто недопустимы. Более того – немыслимы.

Надо сказать, что Булгаков в данном случае не был оригинален и шёл в кильватере своего доброго знакомого, бывшего графа А. Н. Толстого, изобразившего в своей пьесе “Заговор императрицы” Николая II в качестве кровавого и слабовольного властителя. Читаем:

“Царица (диктует. Царь пишет): “Повелеваю освободить Сухомлинова и Рубинштейна”.

Царь: Ну, душа моя, я хочу тебе показать последнюю фотографию, – прислали из Галиции: поле после атаки, шесть тысяч трупов, замечательно редкая фотография...”³⁷.

Бывший граф был изрядный циник и за деньги был готов на любые фальсификации. В 1928 году это его крупно подвело: на пару с известным историком литературы П. Е. Щёголевым они состряпали (явно по заказу сверху) “Дневники А. Вырубовой”. Узнав о выходе в свет так называемых “дневников”, принявшая тайный монашеский постриг бывшая фрейлина Императрицы выступила в прессе, приведя несколько убийственных для фальсификаторов фактов. Скандал за рубежом вышел изрядный, и красный агитпроп вынужден был резко сдать назад. Дело дошло даже до публикаций в “Правде”³⁸ и журнале “Историк-марксист”³⁹, в которых делались грубые намёки на авторство “дневников А. Вырубовой” Толстого и Щёголева. В свою очередь, представитель Центрархива РСФСР публично заявил, что в Центрархиве “дневника Вырубовой” и копий его нет. Даже такой неистовый противник самодержавия, как историк-большевик М. Н. Покровский, и тот высказался в пользу идеи поддельности дневников.

Булгаков, без сомнения, читал дневники Николая II. Оставим в стороне вопрос об их подлинности. Скажем по этому поводу лишь пару слов.

Когда сразу же после убийства Царя и Его Семьи (в июле 1918 года) в руки того же Покровского попали подлинные дневники Николая Второго, то он, явно пребывая в сильнейшем волнении, написал жене в Берн 27 июля 1918 года: “Интересная работа”, о которой упоминалось вчера – разбор бумаг расстрелянного Николая. Самое трагическое, м. б., то, что об этом расстреле никто даже не говорил почти – буквально “как собаку” убили. <...> То, что успел прочесть, – дневники за время революции – интересно выше всякой меры и жестоко обличает не Николая (этот человек умел молчать!), а Керенского”⁴⁰.

С тем, что успел прочитать Покровский, современный исследователь, не говоря уже о рядовом читателе, не может ознакомиться и по сию пору. Как говорится, комментарии излишни. Ещё более красноречиво полное совпадение текстов “дневников” с сообщениями, помещёнными в Камер-фурьерском журнале. Получается, что Царь аккуратно переписывал сообщения из него в свой дневник и т. д. Что ж, товарищи работали, как умели.

Для нас сейчас важно то, что выдержки из дневников Государя (подлинные или сфальсифицированных – не суть!) публиковались в советской печати и были доступны писателю, равно как и берлинское издание дневников 1923 года. Это издание имело хождение в СССР, и с ним можно было сравнительно легко ознакомиться.

Вот что записано в дневнике Царя о событиях 9 января 1905 года: “9 января. Воскресенье. Тяжёлый день! В Петербурге произошли серьёзные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска

должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!”⁴¹.

Как видим, это не имеет ничего общего с образом Царя, который дан в пьесе. И Булгаков это знал. Знал, но сподличал – иного слова не подберёшь.

Николай изображён в “Батуме” человеком, свято верящим в чудеса, что для “образованного человека” конца XIX – начала XX века считалось “дикостью и мракобесием”. Чего стоит упоминание всеу имени св. Серафима Саровского, которое нельзя не признать глумливым и кощунственным.

Вот царь рассказывает своему министру, как избавился от своих неизлечимых хворей некий Владимир Борисович (вероятно, министр Императорского двора барон В. Б. Фредерикс, кстати сказать, лютеранин). Для этого он, по совету одного блаженного, нарезал ломтиками (“как режут колбасу”) обыкновенные бутылочные пробки и нанизал на ниточку. Затем намазал слюною под коленом и надел это ожерелье на голую ногу. И всё как рукой сняло!

А вот Царь рассказывает своему министру, как стал свидетелем массового исцеления хворых и увечных после купания их в “Саровском прудике”:

“Министр: Говорят, что были случаи полного исцеления от самых тяжёлых недугов?

Николай: Помилуйте! Я сам на открытии видел, как вереницы людей на костылях (приподнимается, показывает разбитого человека на костылях) буквально ползли к пруду и после погружения в воду выходили, отбрасывали костыли и – хоть сейчас в гвардию!”⁴².

Царь был глубоко верующим человеком, которому прекрасно известен феномен исцелений, и потому диалог этот начался и до конца лжив. Образ Николая предстаёт карикатурным.

Известно, что Государь активно выступал за прославление прп. Серафима, и потому их имена навечно сопряжены друг с другом. В результате негативное отношение либералов и прочих безбожников к Царю маскировалось издёвками в отношении прп. Серафима. Грубо намекая на то, что чудеса, произошедшие при прославлении о. Серафима, организовала полиция, либеральная общественность отпирала свои злобные и кощунственные насмешки в адрес Русского Царя.

Так, издатель Л. Н. Толстого В. Г. Чертков опубликовал в 1903 году в своём “Свободном слове”, издававшемся в Лондоне и нелегально переправлявшемся в Россию, за подписью “К. Р-вь”⁴³ фельетон о Серафиме Саровском. Статейка была настолько кощунственной, грязной и неумной, что её не одобрил даже граф Лев Толстой⁴⁴.

“Притча мне не нравится, – выражал своё неудовольствие граф, отписывая Черткову, – п[отому] ч[то], несмотря на всё моё отвращение к суевериям и убеждение, что они стоят первые на пути осуществления разумной и доброй жизни, у меня рука не поднимется против Серафима и людей, подобных ему, и осуждать его очередь придёт нескоро, если помнить всех виновных и себя в том числе”⁴⁵. “Серафим Саровский. Разве в него влезешь”, – запишет он ещё за двадцать с лишним лет до прославления Серафима Саровского⁴⁶.

Написать хулу на св. Серафима Саровского задумывал и Горький⁴⁷. В собрании его сочинений помещены черновики так и не написанной повести. Однако, прочитав по случаю статью Т. Тимашевой “Памяти преподобного Серафима Саровского” о его пророчествах о России, опубликованную в 1933 году в эмигрантской газете “Возрождение”⁴⁸, и подчеркнув явно поразившие его места красным карандашом, певец босячества навсегда оставил свою затею. Какие именно места привлекли внимание Горького? А вот эти: “Преподобный Серафим предрёк, что вскоре прославления его мощей наступит страшное лихолетие в России, и реки крови зальют всё. Это произойдёт по особому попушению Божию, чтобы очистился русский народ огнём и кровью от окаменелого безчувствия настоящего времени и подготовился к великому уделу, данному ему от Бога, – просветить истинно православной верой всю вселенную”. (Против этого абзаца статьи Горький поставил знак вопроса “?” – Авт.)

“Это предсказание было сделано в 1831 году, и святой Серафим к нему добавил, что через сто лет после его кончины должно начаться воскрешение России, предупредив, что к этим великим событиям надо готовиться общим покаянием и усиленной молитвой”. (Все подчеркнуто Горьким. – Авт.)⁴⁹.

Изображая на негативном свете Царя Николая, Булгаков выказывал своё отношение и к св. Серафиму Саровскому. Не жаловал писатель и другого

великого русского святого — о. Иоанна Кронштадтского, которого люто ненавидели граф Л. Толстой и певец “свинцовых мерзостей России” М. Горький. В “Мастере и Маргарите” о. Иоанн появляется в сцене, когда в “Грибоедове” начинается бесовская свистопляска, и одним из пляшущих является некий писатель Иоганн из Кронштадта⁵⁰. Почему можно утверждать, что в сцене изображён св. Иоанн Кронштадтский? Он единственный из персонажей, у кого не указана фамилия. Все прочие даны с именами и фамилиями.

Это было натуральное кощунство. Св. Иоанн Кронштадтский был прозорлив, ещё при жизни творил чудеса, был глубоко почитаем в народе, и Булгаков не мог этого не знать. Кто же толкал его на кощунства, когда в том не было решительно никакой даже вульгарной литературной надобности?

Коровьев с Бегемотом?

Мир Царя, по Булгакову, — это мир лжи и суеверий, мир Сталина — правда, в которой — сила.

В мире Царя, каким его изобразил Булгаков, присутствует (в карикатурной форме и издевательской по сути) Бог.

В мире Сталина Богу нет места: пастырь и учитель пролетариев не верит в Него и отрекается от Него ещё в юности — в самом начале пьесы. Он сам вскоре займёт место Бога. Но, как явствует из пьесы, Сталина ведёт какая-то мистическая сила, ибо иначе зачем в пьесе звучат пророчества о нём и рассказывается о чуде, случившемся со Сталиным в Сибири (о нём будет подробно рассказано в книге А. Барбюса)⁵¹.

Образ вождя получает у автора “Мастера и Маргариты” смыслы, далеко выходящие за рамки сиюминутных, политических. И трудно поверить, что так получилось “случайно”, “помимо воли автора”.

Понял ли бывший семинарист, богоборец Сталин смысл написанного, вернее, мог ли прочитать пьесу именно под таким углом зрения?

Безусловно, мог.

Стало ли оно основанием для запрета пьесы?

Образ царя с самого начала не давал покоя советской власти. Пример тому — циркуляр советской театральной цензуры — Главреперткома — относительно пьесы “Заговор императрицы”. В нём четко и ясно указывается, каким следует изображать на сцене Николая II: “Фигура царя отнюдь не должна возбуждать какую бы то ни было симпатию: он должен изображаться не только “безвольным ребёнком” (хотя бы и туповатым), но в нём должен чувствоваться и проглядывать виновник 9-го января, Ленского расстрела и т. д., — слабохарактерный идиот, но достаточно злой. Совершенно недопустимо изображать царицу как единственную виновницу всех бед, которая будто бы “хуже” царя и всей камарилы”⁵².

Любопытно, что пьесу было запрещено ставить вне Москвы. В марте 1925 г. её не допустил к постановке в провинции Главрепертком. “Месяц спустя её, как видно по документу, разрешили (с оговорками). Но не везде. Она запрещалась уже местными литами. Так, протокол заседания Ленинградского Гублита свидетельствует о том, что она осталась запрещённой. “Слушали: О запрещении пьесы А. Толстого и Щёголева “Заговор императрицы” <в марте 1925 г.> не разрешена Коллегией Главлита к постановке, дальнейшее её рекламирование как афишами, так и в печати запретить”⁵³.

Советская власть всерьёз опасалась, что зрители провинции увидят на сцене образ убиенного большевиками Царя и проникнутся к нему симпатией: в 1925 году уже было с кем его сравнивать.

Можно предположить, что при создании образа Николая II Булгаков взял за образец портрет царя, нарисованный в книге А. Барбюса “Сталин”. Книга была “проверенной”, “идеологически выдержанной” и вполне соответствующей генеральной линии (партии).

“Тупой и бестолковый царь, — неистовствовал красный француз, — рабски покорный царице (эта дама ненавидела свободу других людей и хотела полностью искоренить крамолу на святой Руси), игрушка в руках попов и знахарей, — в минуты отрезвления был зверем: “Никого не оправдывать!”, “главное, чтобы меня не просили о помиловании!” — заявил после 1905 года все-российский коронованный тюремщик, вешатель и организатор уличных расстрелов, несущий, сверх того, личную ответственность за русско-японскую войну. Ведь война эта разыгралась из-за манчжурских концессий, в которых он был денежно заинтересован.

А вокруг царя и под царём – государство: министры, главная забота которых была в том, чтобы топить трудящихся в грязном невежестве, избивать народ, душить стремления пролетариата; держать крестьян в ещё более страшной нищете, чем до отмены крепостного права; покровительствовать оскорбляющим общественную нравственность чудотворцам – интимным советникам придворных дам; оставлять безнаказанными измеряемые астрономическими цифрами хищения чиновников всех мастей и злодейства пьяных монархических убийц из “Союза русского народа”, организаторов погромов (отрасль, процветавшая не в пример всем другим)”⁵⁴.

Разумеется, у Барбюса были свои советские предшественники. Можно было бы, конечно, сказать, что писал это коммунист-иностранец за советские деньги (хоронили Барбюса тоже за советский счёт)⁵⁵. Но думается, в своих филиппиках тов. Барбюс мог быть вполне искренен: точно так же, как он, воображал себе Русского Царя западный человек без различия пола, возраста, партийной принадлежности и пристрастий. И что было ему до того, что в 1914 году Русский Царь, между прочим, спас Париж (спасая, прежде всего, Россию)?

“Погибе память его с шумом” (Пс. 9:7). Это словно о Барбюсе было сказано. И весьма символично, что зримым воплощением благодарности большевиков французскому коммунисту стал красный гроб.

Однако Булгакову и без Барбюса было на кого и что ориентироваться при создании образа царя.

И вновь “Боже, Царя храни!”

Короткие реплики булгаковского Николая весьма информативны.

Из них, например, зритель узнаёт, что Царь все утро занимался важным государственным делом: пытался заставить механическую канарейку спеть “Боже, Царя храни!”

Канарейку эту подарил Николаю некий тульский чиновник, а царь видит в нём нового Левшу. Для того чтобы канарейка пела народный гимн, нужно завести миниатюрный органчик, что царь и предлагает сделать своему министру.

Министр крутит ручку органчика, но птичка капризничает, безбожно фальшивит. Махнув рукой на все попытки заставить птичку петь “Боже, Царя храни!”, Николай подписывает Высочайшее повеление о ссылке крестьянина Иосифа Виссарионовича Джугашвили в Сибирь.

* * *

Совсем немного времени прошло с тех пор, когда со сцены МХАТа булгаковские герои пели “Боже, царя храни!”. Пели так, что зрительный зал вставал, пугая этим насельников Кремля. Теперь пение гимна было превращено тем же самым автором в скверный анекдот. Так Булгаков предал Турбиных. И уже одно это доказывает, сколь велико было его желание добиться расположения товарища Сталина – мифа и человека. Однако этим мечтаниям не суждено было сбыться. И уж не кощунства ли автора “Батума” тому виной?

Твёрдо сказать можно одно: всякое поправление исторической правды, издевательство над ней и кощунство не могут пройти для человека даром, тем более для человека с умом и чувством, каким был Булгаков. И вполне закономерным и символичным представляется то, что сценической жизни пьеса так и не увидела. Одно-единственное представление в стиле “буфф” с донельзя изуродованным текстом не в счёт.

Написав “Батум”, Булгаков изменил себе, “переступил черту” и жестоко заплатил за это. Запрет “Батума” стал для него смертным приговором.

Магия спектакля

“Историк, – писал известный театровед А. М. Смелянский⁵⁶, – может сообщить, что в первый год после премьеры на каждом спектакле дежурила бригада “скорой помощи” <...> Гибель Алексея Турбина или принос раненого Николки переживались зрителем, приученным Художественным театром к восприятию театрального акта как акта реального, как обжигающие факты вчерашнего дня русского интеллигента”⁵⁷.

Вторая жена М. А. Булгакова — Л. Е. Белозерская⁵⁸ — вспоминала: “Шло третье действие “Дней Турбиных”... Батальон разгромлен. Город взят гадамаками. Момент напряжённый.

В окне турбинского дома зарево. Елена с Лариосиком ждут. И вдруг слабый стук... Оба прислушиваются... Неожиданно из публики взволнованный женский голос: “Да открывайте же! Это свои!” Вот это слияние театра с жизнью, о котором только могут мечтать драматург, актёр и режиссёр”⁵⁹.

А это отрывок из письма О. С. Бокшанской⁶⁰ одному из руководителей МХАТ Вл. И. Немировичу-Данченко от 11 мая 1927 года. Речь в нём идёт об очередном спектакле “Дни Турбиных”.

“... спектакль вышел беспокойным: после сцены в гимназии в публике сделали две истерики. Это ударило по нервам зрителей, и следующая, тоже тяжёлая, картина пошла под обильные слёзы не только смотревших спектакль в первый раз, но и нас, вероятно, смотрящих этот спектакль раз в шестидесятый”⁶¹.

Увы, воспоминаний об этом спектакле, по которым можно было бы восстановить эволюцию его рисунка, практически не осталось, равно как и воспоминаний его участников.

Как отмечает в своей книге А. М. Смелянский, “в 1930 году один вездливый журналист подсчитал, что о “Днях Турбиных” было написано тридцать печатных листов рецензий. Парадокс заключён в том, что они не возмещают сегодня самого простого свидетельства, которое хотелось бы прочитать историку театра, да и любому человеку, не видавшему спектакля. В пылу ожесточённой борьбы никто не потрудился записать спектакль, зафиксировать его мизансцены, составить его словесный портрет”⁶².

По счастью, жил и служил в Москве беззаветно влюблённый в театр Алексей Васильевич Гаврилов (1888–1957) — участковый милиционер, дежуривший во МХАТе несколько сезонов подряд и записавший многое из того, что должны были зафиксировать театральные критики. Это был страстный театрал, ведший подробнейший дневник тогдашней жизни театра. Благодаря ему мы знаем то, что никогда не узнали бы даже из воспоминаний работников театра и историков-театроведов, включая и реакцию зрителей на показ пьесы.

Маленькая справка. Алексей Васильевич был не простым дежурным-участковым. Он закончил с золотой медалью Седьмую Московскую гимназию, проучился два года в знаменитом Александровском военном училище, описанном А. И. Куприным в романе “Юнкера”, и отправился добровольцем на Великую (“Первую мировую”) войну, дослужился до звания капитана и даже стал кавалером французского ордена Почётного легиона. С 1922 года А. В. Гаврилов служил в НКВД, структурным подразделением которого была милиция, а в 1927 году был уволен из неё по сокращению штатов. Добавим от себя: то, чем вошёл в советскую историю НКВД, он стал лишь после убийства С. М. Кирова в 1934 году, то есть после радикального реформирования системы ОГПУ. До того НКВД занималось вполне мирными и прозаическими вещами — теми же самыми, которыми занималось Министерство внутренних дел в Российской Империи, составной частью которого был Департамент полиции.

Словом, участковый милиционер А. В. Гаврилов “больше думал об истории, чем те, кому это полагалось по профессиональному долгу”⁶³.

Насколько чуток он был к слову, говорит хотя бы эта запись: “В разговоре с М. А. Булгаковым я сказал, что меня очень поражает великолепный язык пьесы “Дни Турбиных” и что во всей пьесе я нашёл только одну аллитерацию, а именно: во 2-м акте — “У гетмана” — Шервинский говорит: “Вас не должно касаться выражение лиц личных адъютантов гетмана”. Когда как-то М. И. Прудкина заменял в роли Шервинского В. А. Вербицкий, то он сказал эту фразу иначе: “Вас не должно касаться выражение лиц дежурных адъютантов”. Очевидно, так и было написано у М. А. Булгакова, а уже М. И. Прудкин в процессе игры переделал. Через несколько времени М. А. Булгаков, придя в театр, сказал мне, что он посмотрел в тексте и аллитерации не нашёл. Я рассказал ему об ошибке М. И. Прудкина и как я это обнаружил”⁶⁴.

А ещё это: “В пьесе “Дни Турбиных” особенно поражает прекрасный разговорный язык, глубокое знание сцены, чередование трагических, лирических и комических моментов, держащих всё время в напряжении внимание публики”⁶⁵.

И это тоже: “Дни Турбиных”. Прослушав и просмотрев пьесу около сорока раз, я знал её уже всю наизусть и записал её для себя, так как в печатном виде её нет”⁶⁶.

Итак, читаем дневник А. В. Гаврилова.

“20 сентября в этом сезоне в 1-й раз шли “Дни Турбиных”. Перед этим масса разговоров – разрешают или нет дальнейшую постановку. В предыдущем сезоне пьеса шла, кажется, 109 раз, и всё были аншлаги. Дня за два до спектакля К. С.⁶⁷ мне говорил, чтобы я был настороже на первом спектакле; он чего-то опасался, враждебно настроенных демонстраций и вообще нарушения порядка. Но спектакль прошёл вполне благополучно”⁶⁸.

“20 сентября (1927 г.). В сезон 1926–1927 гг., когда “Дни Турбиных” шли 1-й сезон, на каждом спектакле бывали случаи истерии, иногда сразу по нескольку. <...> Один раз истерика была с дамой пудов на 9 весом, сидевшей в середине партера. Пять человек с трудом извлекли её из зала и вытащили в фойе”⁶⁹.

“Дни Турбиных” в 205-й раз.

Когда уже начался спектакль, приехал Максим Горький со своими обычными спутниками – целый выводок.

Во время 5-й картины – гимназия – одна девушка-еврейка ходит по коридору.

– Почему вы не в зрительном зале?

– Не могу смотреть, я сама из Киева, всё это переживала.

Во время этой картины – два происшествия: истерика с дамой в зрительном зале; это значит, что ввиду присутствия Горького играют как следует, и результат – истерика”⁷⁰.

“Дни Турбиных” в 232-й раз. За пропусками – длинная очередь, экскурсанты лезут в контору, как на штурм”⁷¹.

“Дни Турбиных” в 247-й раз. Театр полон, несмотря на мороз свыше 30 гр. Две пары явились в театр с детьми в такой мороз”⁷².

“Дни Турбиных” в 255-й раз. Говорят, что сегодня было в газетах о скором снятии пьесы с репертуара, которую разрешили только до постановки новой пьесы. Спектакль смотрит М. А. Булгаков, он очень расстроен продолжающейся травлей его”⁷³.

Ф. Н. Михальский⁷⁴ всё время осаждается и по телефону, и лично просьбами о пропуске или билетах на “Дни Турбиных”. Звонят и из Совнаркома, и из редакций газет. Всё это в связи со слухами о снятии пьесы.

Пока официального запрещения нет; поэтому назначен на 21/III ещё спектакль”⁷⁵.

“Дни Турбиных” в 256-й раз. Невероятный наплыв публики; все беспокоятся, что “Дни Турбиных” идут в последний раз”⁷⁶.

“Дни Турбиных” в 257-й раз спектакль перенесён с 3/III.

Как обычно, аншлаг. Невероятная очередь за пропусками. У подъезда толпа желающих купить билет; всё это сделали слухи в газете о снятии пьесы.

Есть разрешение ставить “Дни Турбиных” до конца этого сезона”⁷⁷.

“Дни Турбиных” в 261-й раз.

Аншлаг. Невероятный наплыв публики, желающих получить билеты по любой цене”⁷⁸.

“У М. А. Булгакова была ещё написана сцена – приход петлюровцев к хозяевам дома, где жили Турбины, хозяина играл М. М. Тарханов, а хозяйку – А. П. Зуева. Но сцена была выброшена еще до генеральной репетиции, говорят, очень было противно смотреть, как петлюровцы делали обыск, все перерывали и грабили. Кроме того, ещё до показа была выкинута из четвертой картины (“Петлюровцы”) сцена привода еврея и издевательства над ним; в седьмой картине были слова Мышлаевского: “за Советы без коммунистов”⁷⁹. Но эти слова заменили: “да, я за большевиков, но только против коммунистов”.

Из легенд о пьесе: пьеса шла три раза в Киеве, но её запретили.

Ничего подобного. Пьеса шла и идёт только в Москве и только в Художественном”⁸⁰.

“Дни Турбиных” в 233-й раз. Во время 6-й картины К. Н. Еланская играла с таким подъёмом, что это сразу сказало на публике: в верхнем ярусе у одной девушки случился сильный припадок истерии, язык прикусила до крови, отправили с матерью домой”⁸¹.

“Разговор в курительной троицы военных, один из них с двумя орденами Красного Знамени: “Пьеса вредная; надо всем театром крикнуть: долой, долой, и тогда пьесу снимут”⁸².

Крикнуть “Долой!” во время спектакля за всю сценическую историю пьесы так никто и не отважился.

“Боже, Царя храни!”

Во время спектакля в зрительном зале творились порой совершенно невероятные вещи. Об одной из них бегло упомянул в своей книге известный советский литературовед В. Я. Лакшин: “Был когда-то на одном из спектаклей “Турбиных” случай: офицеры на сцене запели “Боже, царя храни”, и часть публики встала. С тех пор в театре боялись эксцессов”⁸³.

Ещё одно свидетельство очевидца приводила в своей книге М. О. Чудакова: “Я ещё те представления видел, когда на сцене “Боже, царя храни” пели, — вспоминал 2 апреля 1981 г. один из наших собеседников, К. С. Родионов, почти ровесник Булгакова. — Ну, и как в зале реагировали на спектакль? — Ну, все заколдованные были!”⁸⁴.

Учитывая, что спектакль обладал поистине магической силой, можно предположить: случай этот был не единственный. Наиболее подробно описал “известный эксцесс” (тот самый или какой-то иной, установить уже невозможно) известный публицист И. Л. Солоневич. “Кажется, в 1929 году, — говорится в книге Ивана Лукьяновича, — Московский художественный театр ставил известную тогда пьесу Булгакова “Дни Турбиных”. Это было повествование об обманутых белогвардейских офицерах, застрявших в Киеве. Публика Московского художественного театра не была средней публикой. Это был “отбор”. Билеты в театры распределялись профсоюзами, и верхушка интеллигенции, бюрократии и партии получала, конечно, лучшие места и в лучших театрах. В числе этой бюрократии был и я: я работал как раз в том отделе профсоюза, который эти билеты распределял. По ходу пьесы, белогвардейские офицеры пьют водку и поют “Боже, Царя храни!” Это был лучший театр в мире, и на его сцене выступали лучшие артисты мира. И вот — начинается — чуть-чуть вразброд, как и полагается пьяной компании: “Боже, Царя храни”...

И вот тут наступает необъяснимое: зал начинает вставать. Голоса артистов крепнут. Артисты поют стоя и зал слушает стоя: рядом со мной сидел мой шеф по культурно-просветительной деятельности — коммунист из рабочих. Он тоже встал. Люди стояли, слушали и плакали. Потом мой коммунист, путаясь и нервничая, пытался мне что-то объяснить, что-то совершенно бесполезное. Я ему помог: это массовое внушение. Но это было не только внушением.

За эту демонстрацию пьесу сняли с репертуара. Потом попытались поставить опять — причём от режиссуры потребовали, чтобы “Боже Царя храни” было спето, как пьяное издевательство. Из этого ничего не вышло — не знаю, почему именно, — и пьесу сняли окончательно. Об этом происшествии в своё время знала “вся Москва”⁸⁵.

У иного читателя достоверность рассказа Солоневича вполне могла вызвать сомнения. Но вот другое свидетельство. И не кого-нибудь, а ответственного сотрудника германского посольства в Москве Х. фон Херварта⁸⁶, отмечавшего в своих воспоминаниях, что однажды после исполнения героями пьесы народного гимна⁸⁷ на спектакле “Дни Турбиных” раздался овации⁸⁸.

Подтверждается рассказ И. Л. Солоневича и в той его части, что рисунок сцены, в которой актёры поют на сцене “Боже, Царя храни!”, по требованию властей был радикально изменён, и исполнение русского гимна приняло форму пьяного пения. Об этом заявлял с высокой трибуны упоминавшийся выше критик Орлинский (Крипс). “В “Днях Турбиных”, — говорил он, — есть сценка, где поётся “Боже, царя храни”. Они раньше это пели патетически, а когда нажали, то они стали петь это в пьяном виде, этим самым дискредитируя “Боже, царя храни”. Вот вам инструмент”⁸⁹.

Реакция публики заинтересовала советских работников искусства (“рабисов”, по тогдашней терминологии) и в политико-социологическом плане. Как говорил в своём выступлении на одном ответственном совещании позабытый ныне всеми тов. Маркарьян⁹⁰, “меня здесь меньше интересует вопрос: “Дни Турбиных” — пьеса контрреволюционная, сменовеховская или нет. Я думаю, что “Дни Турбиных” нужно было рассматривать не отвлечённо, а в общей связи: как принималась эта пьеса, какие политические демонстрации и овации устраивались публикой на “премьеры” и какие свистки слышны были со стороны рабочего зрителя. Это указывает на определённую политическую установку данной пьесы, а много или мало контрреволюционны “Дни Турбиных” — это большого значения не имеет”⁹¹.

Гимн “Боже, Царя храни!” зазвучит ещё раз в последней пьесе М. А. Булгакова “Батум”. Но теперь уже не в качестве трагического пения, а издёвки.

“Боже, Царя храни!” (продолжение)

Народный гимн “Боже, Царя храни!” не давал покоя советским аппаратчикам до самого конца СССР. Причём не только в качестве самостоятельного музыкального произведения, но и как фрагмент иных сочинений. Так, 16 марта 1935 года заведующий отделом культуры и пропаганды ленинизма (были и такие отделы! – Авт.) ЦК ВКП(б) А. Стецкий посылает докладную записку секретарям ЦК Кагановичу, Андрееву и Ежову “О рассылке КОГИЗом **черносотенной нотной литературы**”.

Как говорилось в записке, “установлено, что эта литература была послана без всякого отбора и контроля, и наряду с доброкачественными засланы **черносотенные ноты и ноты религиозного содержания**: например, “Боже, царя храни”, “Славься, славься”, “Духовная песнь”, “Смерть Иисуса”, “Жизнь за царя”, “Сотворение мира”, “Христос воскрес” и др.

Отбор этой литературы для посылок производился инструктором сектора Тарасовым (беспартийный) без контроля и проверки со стороны зав. сектором Гофмана (беспартийный) и без элементарного руководства КОГИЗа (т. Шварц).

Сигналом о том, что в посылках оказалась контрреволюционная нотная литература, послужило письмо Казанского отделения КОГИЗа, присланное в Музсектор КОГИЗа, в котором говорилось, что Казанский техникум от контрреволюционной нотной литературы отказывается.

Отделом предложено КОГИЗу немедленно пересмотреть фонды старой литературы и ликвидировать контрреволюционную и устарелую⁹².

Как видим, товарищи из Казани проявили идейную выдержанность. Возможно, что с перепугу.

Минует без малого полтора десятка лет, и 21 сентября 1949 года на стол секретарю ЦК тов. Суслову М. А. ляжет цидула следующего содержания: “Комитет по делам искусств (т. Лебедев) просит указаний по вопросу опубликования в академическом издании сочинений П. Чайковского некоторых его официально патриотических и духовных произведений.

Такие произведения, как увертюра на датский гимн, “Славянский марш”, увертюра “1812 год”, кантата на открытие политехнической выставки содержат тему монархического гимна “Боже, царя храни”. Текст коронационной кантаты “Москва” прославляет Александра III.

Ряд культовых сочинений (литургия и др.) имеет текст религиозных молитв и песнопений. В издаваемой впервые опере “Воевода” заключительный хор на слова самого П. Чайковского славит царя и бога и призывает к покорности перед судьбой. В специальном учебнике гармонии для духовных училищ и семинарий имеются нотные примеры из церковных произведений с подтекстовкой слов.

Некоторые из этих произведений являются малозначительными. В прошлом они почти не исполнялись и ныне забыты. Издание их следует признать нецелесообразным.

Полагали бы возможным, в виде исключения, допустить издание весьма популярных в народе и часто исполняемых произведений: “1812 год”, “Славянский марш” и кантата “Москва”. Опубликование их целесообразно осуществить не в оригинале, а в существующих переработках текста и музыкальных фрагментов, в которых царский гимн заменён темой “Славься” из оперы Глинки “Иван Сусанин”.

Издание заключительного хора оперы “Воевода” возможно лишь при условии переработки текста.

В вводной статье или в примечаниях следует оговорить, что эти произведения печатаются не в оригинале, а в переработках и редакциях, имеющих практическое исполнительское значение⁹³.

(подпись) (В. Кружков)⁹⁴

(подпись) (П. Тарасов).

Прогресс был, что называется, “на лице”. Теперь книги и ноты уже не предлагалось уничтожать, а всего лишь “перелицевать”, то есть цензурировать, править. Хорошо ещё, что для “улучшения” произведений монархиста

П. И. Чайковского были привлечены композиторы, а не аппаратчики ЦК ВКП(б).

Великий русский композитор Г. В. Свиридов вспоминал, как “во дворе Московской консерватории горел костёр, в котором сжигались книги и ноты классиков. Это было за 2-3 года до костров Геббельса”⁹⁵.

Прошло ещё десять лет, и 16 сентября 1959 года заместитель министра культуры СССР тов. А. Кузнецов запрашивает у ЦК КПСС указаний, что делать с мелодией царского гимна в произведениях П. И. Чайковского.

“Государственное издательство музыкальной литературы, – говорилось в письме, – в соответствии с решением Совета Народных Комиссаров СССР от 5 мая 1940 года, выпускает в свет академическое издание Полного собрания сочинений П. И. Чайковского. Среди творческого наследия композитора имеются симфонические сочинения – “Увертюра на тему датского гимна”, “Кантата на открытие Политехнической выставки”, “Славянский марш”, “Торжественный марш” и увертюра “1812 год”, в которых использована мелодия царского гимна “Боже, царя храни”.

Некоторые из перечисленных сочинений прочно вошли в концертную практику. При исполнении этих сочинений мелодия царского гимна либо копируется (например, в Торжественном марше), либо заменяется мелодией “Славься” Глинки (например, в “Славянском марше” и увертюре “1812 год”).

При подготовке перечисленных сочинений к публикации возник вопрос: как поступить с мелодией царского гимна в данном академическом издании? Этот вопрос обсуждался в Музгизе совместно с членами редакционной коллегии издания В. Я. Шебалиным, А. Н. Александровым, В. В. Протопоповым, С. С. Богатырёвым, А. Б. Гольденвейзером.

В результате обсуждения признано целесообразным опубликовать в академическом издании подлинные тексты Кантаты на открытие Политехнической выставки и Торжественного марша, обозначив при этом в тексте места, подлежащие обязательному сокращению при исполнении, где использована мелодия царского гимна. О необходимости этих сокращений указать в предисловии к тому изданию.

Сочинения “Славянский марш”, увертюра “1812 год” и “Увертюра на тему датского гимна” опубликовать в редакции В. Я. Шебалина, где мелодия царского гимна заменена мелодией “Славься” Глинки, или, как в увертюре на тему датского гимна, изменена без существенных нарушений подлинника. Подлинные же тексты этих сочинений П. И. Чайковского, подвергшиеся изменениям в редакции В. Я. Шебалина, опубликовать в приложении.

Министерство культуры СССР полагало бы целесообразным согласиться с предложением Музгиза и редколлегии.

Прошу разрешения ЦК КПСС на осуществление данного предложения.

*Заместитель Министра культуры СССР (подпись) А. Кузнецов*⁹⁶.

Как видим, память о екатеринбургском злодеянии 1918 года даже сорок лет спустя не давала покоя “руководителям партии и правительства”, а также партийно-государственным аппаратчикам. Советские люди должны были забыть о нём.

Таковы были игры чиновничьего “ума”, но более – страха. Страх уже не перед репрессиями, но за своё место и жизнь в системе, где никакого личного мнения, не соответствующего ранее утверждённым установкам, не допускалось. Вот и вся музыка!

* * *

В 2020 году автор этих строк имел разговор с известной советской актрисой-красавицей В. А. Титовой, исполнявшей роль Елены Тальберг (Турбиной) в замечательном телефильме режиссёра В. Басова “Дни Турбиных” (1976). Я спросил, предполагалось ли исполнение гимна “Боже, Царя храни!”? Ответ Валентины Антиповны был короток: “Этот вопрос всерьёз даже не рассматривался: цензура не пропустила бы”.

Вот и всё объяснение тому, что в фильме вместо патриотического гимна, объединяющего русских офицеров, зачем-то звучит советская версия знаменитого русского романса “Белая акация”.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Булгаков М. А. Собрание сочинений в 10-ти томах. Том десятый. Письма. Дневники. — М.: Голос, 2000. С. 446.
- ² Аркадьев М. П. (1896–1937) — директор МХАТ. Обвинён в шпионаже и работе на польскую разведку. Виновным себя не признал. Расстрелян.
- ³ Дневник Мастера и Маргариты. — М.: Вагриус, 2004. С. 239.
- ⁴ Цит. по: Варламов А. Михаил Булгаков. — М.: Молодая гвардия, 2008. С. 662–663.
- ⁵ Наум Натанович Рабичев (Зайденшнер) (1898–1938) — партийный и издательский деятель. Застрелился.
- ⁶ Вильгельм Мюнценберг, “Вилли” (1889–1940) — один из руководителей Международной организации помощи борцам революции (МОПР). Погиб при невыясненных обстоятельствах во Франции.
- ⁷ Иван Павлович Товстуха (1889–1935) — заведующий Секретным отделом ЦК ВКП(б) и одновременно 1-й помощник И. В. Сталина. Умер своей смертью. (Авт.)
- ⁸ Monde — международный культурный и политический еженедельник на французском языке. Издавался по инициативе А. Барбюса в 1928–1935 годах.
- ⁹ Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. — М.: МФД; Материк, 2005. С. 255.
- ¹⁰ Алексей Иванович Стецкий (1896–1938) — главный редактор журнала “Большевик”, заведующий Отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Расстрелян.
- ¹¹ Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. — М.: МФД; Материк, 2005.
- ¹² Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. — М.: МФД; Материк, 2005. С. 343–345.
- ¹³ Е ну к и д з е А. С. Наши подпольные типографии на Кавказе. — [Москва]: Новая Москва, 1925.
- ¹⁴ Е ну к и д з е А. К вопросу об истории закавказских партийных организаций. // Правда. 1935. № 16 (6262). 16 января. С. 7.
- ¹⁵ Мамия (русск. “Иван Дмитриевич”) Орахелашвили (1881–1937). С 1932 года заместитель директора Института Маркса-Энгельса-Ленина, автор нескольких работ по истории Коммунистической партии и деятельности большевиков в Закавказье и Грузии.
- ¹⁶ Б е р и я Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Доклад на собрании тбилисского партактива. 21–22 июля 1935 г. 7-е издание. — М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 7.
- ¹⁷ Т о ж е. — С. 44.
- ¹⁸ Т о ж е. — С. 152.
- ¹⁹ Филипп Иесеевич Махарадзе (1868–1941). Учился в той же Тифлисской духовной семинарии, что и И. Джугашвили. Один из первых теоретиков марксизма в Грузии, с 1903 года входил в состав Кавказского союзного комитета РСДРП. В советское время Махарадзе занимал крупные государственные посты в Грузии, был председателем ЦИК и СНК Грузинской ССР. В разгар политического террора в 1938 году Махарадзе стал председателем Президиума Верховного Совета Грузинской ССР и заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР. Одновременно он являлся директором грузинского Института марксизма-ленинизма. Умер своей смертью в декабре 1941 года в Тбилиси.
- ²⁰ Махарадзе Ф. И. Очерки революционного движения в Закавказье. — Тифлис: Госиздат Грузии, 1927.
- ²¹ Б е р и я Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Доклад на собрании тбилисского партактива. 21–22 июля 1935 г. 7-е издание. — М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 7.
- ²² Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. — М.: Международный фонд “Демократия”, 1999. С. 414.
- ²³ Беломорско-Балтийский комбинат — Авт.
- ²⁴ Из рассказа А. П. Чехова “В бане”. — Авт.
- ²⁵ Солоневичъ И. Л. Россія в концлагере. III издание. — Софія: Издательство “Голосъ Россіи”, 1938. С. 99.

- ²⁶ Николай Александрович Семашко (1874–1949) – советский партийный и государственный деятель, член Президиума ВЦИК, председатель Деткомиссии при ВЦИК (борьба с беспризорностью).
- ²⁷ Волин Борис Михайлович (Иосиф Ефимович Фрадкин) (1886–1957) – в 1931–35 гг. начальник Главлита (Цензуры).
- ²⁸ Хавинсон Яков Семёнович (1901–1989). С февраля 1932 года – в аппарате ЦК ВКП(б); заведует сектором журналов и в 1933–1934 годах – заместитель заведующего Отделом культуры и пропаганды. В 1957–1987 – главный редактор журнала “Мировая экономика и международные отношения”. С 1987 года на пенсии.
- ²⁹ Чуковский К. Дневник (1930–1969). – М.: Современный писатель, 1994. – С. 115.
- ³⁰ См.: Эдельман О. Профессия – революционер. // Логос (философско-литературный журнал). 2006. № 5 (56).
- ³¹ Петелин В. Конец тридцатых годов. // Булгаков М. А. Собрание сочинений в 10-ти томах. Том девятый. Мастер и Маргарита, роман. – М.: Голос, 1999. С. 5–88.
- ³² Шаргунов С. Катаев. Погоня за вечной весной. – М.: Молодая гвардия, 2016. С. 426.
- ³³ Булгаков М. А. Батум. // Собрание сочинений в 10-ти томах. Том девятый. М.: Голос, 1999. С. 93.
- ³⁴ То же. – С. 146.
- ³⁵ Цветаева М. Открытие музея. // Господин мой – время. – М.: Вагриус, 2000. С. 97.
- ³⁶ Булгаков М. А. Батум. // Собрание сочинений в 10-ти томах. Том девятый. Мастер и Маргарита, роман. – М.: Голос, 1999. С. 149.
- ³⁷ Толстой А. Н. Собрание сочинений. Том XIV. На дыбе. Исторические пьесы. – М.; Л.: Государственное издательство, 1929. С. 260.
- ³⁸ См.: Горин П. О. Об одной вылазке бульварщины. // Правда. 1928. № 61 (3893). 11 марта. С. 6.
- ³⁹ Шестаков А. В. Исторические журналы в СССР на русском языке за первый триместр 1928 года. // Историк-марксист. 1928. № 7. 31 марта. С. 276–277.
- ⁴⁰ Додонов Б. Ф., Копылова О. Н., Мироненко С. В. Из истории публикации документов царской семьи в 1918–1920-е годы. // Отечественные архивы. 2007. № 1. С. 5–6.
- ⁴¹ Дневник Императора Николая II. 1890–1906. – Берлин: Книгоиздательство “Слово”, 1923. С. 1940.
- ⁴² Булгаков М. А. Батум. // Собрание сочинений в 10-ти томах. Том девятый. Мастер и Маргарита, роман. – М.: Голос, 1999. – С. 147.
- ⁴³ Автором кощунственного пасквиля был небыизвестный А. М. Хирьяков (1863–1940).
- ⁴⁴ Р-вь К. (Хирьяков А. М.) Видение старца Серафима (Притча). // Свободное слово. Периодическое обозрение. Подъ ред. В. Черткова. – А. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England. 1903. № 6. Июль–Август. С. 5–7.
- ⁴⁵ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Том 88. Письма к В. Г. Черткову 1897–1904. – М.: Государственное издательство “Художественная литература”, 1957. С. 308.
- ⁴⁶ Толстой Л. Н. Записи на отдельных листах 1877–1880. // Полное собрание сочинений. Том 90. Произведения, дневники, письма 1835–1910. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 196.
- ⁴⁷ Горький М. (Серафим Саровский). // Полное собрание сочинений в 25-ти томах. Том XX. Рассказы, очерки, воспоминания 1924–1935. М.: 1974. С. 496–497.
- ⁴⁸ Тимашева Т. Памяти преподобного Серафима Саровского (2 января 1833 – 2/15 января 1933 г. // Возрождение. 1933. № 2784. 15 января. С. 4.
- ⁴⁹ Архив А. М. Горького – А (ХПГ – 49 – 15 – 1).
- ⁵⁰ Булгаков М. А. Собрание сочинений в 10-ти томах. Том девятый. Мастер и Маргарита, роман. Роман, пьеса, либретто. “Мастер и Маргарита” (1937–1938 гг.). М.: Голос, 1999. С. 206.
- ⁵¹ “В Сибири, – пишет Барбюс, – Кобу застала в дороге ужасающая снежная буря, которая в тех краях называется пургой. Спаситься от неё можно только одним способом – лечь и зарыться в снег. Но Коба продолжал свой путь, а шёл он по

- льду реки. Чтобы пройти три километра до избы, ему понадобилось несколько часов. Когда он, наконец, переступил через порог, его приняли за привидение: он обледенел с головы до ног. Его кое-как отогрели. Согретьшись, он свалился и проспал восемнадцать часов подряд. С тех пор его чахотка исчезла навсегда” (Барбюс А. Сталин. — М.: Государственное издательство “Художественная литература”, 1936. С. 35-36).
- ⁵² Цензура в Советском Союзе, 1917–1991. Документы. — М.: РОССПЭН, 2004. С. 84-85.
- ⁵³ То же. — С. 86.
- ⁵⁴ Барбюс А. Сталин. — М.: Государственное издательство “Художественная литература”, 1936. С. 54-55.
- ⁵⁵ Относительно похорон А. Барбюса 31 августа 1935 года было принято даже Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), в котором, в частности, говорилось:
 “а) Одобрить предложение тт. Мануильского, Марти и Монмуссо об отправке тела Анри Барбюса в Париж, согласно просьбе его родственников и друзей, с предварительным набальзамированием тела.
 б) Принять к сведению сообщение т. Мануильского о том, что в Париже будет организована комиссия по похоронам с участием Союза писателей, Мирового Комитета против войны и др[угих] организаций.
 в) Вывоз тела А. Барбюса из Москвы назначить на 2 или 3 сентября. Разрешить военный почётный караул у гроба и военный эскорт гроба до вокзала. Организовать сопровождение гроба от Консерватории до вокзала рабочими и служащими. Организовать митинг на площади Белорусско-Балтийского вокзала с выступлениями т. Булганина от комиссии по похоронам, т. Марти от Исполкома Коминтерна и компартии Франции и представителя Союза советских писателей. [Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК ВКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. — М.: Международный фонд “Демократия”, 1999. С. 266-267]. Вот что значило вовремя написать правильную книгу о товарище Сталине.
- ⁵⁶ Анатолий Миронович Смелянский (фамилия при рождении — Альтшулер; р. 1942 г. — советский и российский театральный критик, историк театра. Доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (1993), лауреат Государственной премии Российской Федерации (2003).
- ⁵⁷ Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре. — М.: Искусство, 1986. — С. 109-110.
- ⁵⁸ Белозерская-Булгакова Любовь Евгеньевна (1895–1987) — литератор, автор воспоминаний о М. А. Булгакове.
- ⁵⁹ Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. — М.: Художественная литература, 1990. С. 120.
- ⁶⁰ Бокшанская Ольга Сергеевна (урождённая Нюренберг; 1891–1948 — секретарь дирекции МХАТа и личный секретарь В. И. Немировича-Данченко (с 1919 года). Старшая сестра Елены Сергеевны Булгаковой, третьей жены М. А. Булгакова. Оставила обширное эпистолярное наследие, отражающее внутреннюю жизнь театра в 1920–1940-х годах. О. С. Бокшанская является прототипом Поликсены Торопецкой в “Театральном романе” М. А. Булгакова.
- ⁶¹ Бокшанская О. С. Письма О. С. Бокшанской Вл. И. Немировичу-Данченко: в 2-х томах. Т. 1: 1922–1931. — М.: МХТ, 2005. С. 608.
- ⁶² Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре. — М.: Искусство, 1986. С. 109.
- ⁶³ То же. С. 109.
- ⁶⁴ Художественный театр после революции. Дневники и записи. Фёдор Михальский. 1920–1924. Алексей Гаврилов. 1927–1932. — М.: АРТ, 2020. С. 204-205.
- ⁶⁵ То же. — С. 177.
- ⁶⁶ То же. — С. 214.
- ⁶⁷ Константин Сергеевич Станиславский. — **Авт.**
- ⁶⁸ Художественный театр после революции. Дневники и записи. Фёдор Михальский. 1920–1924. Алексей Гаврилов. 1927–1932. — М.: АРТ, 2020. С. 176.
- ⁶⁹ То же. — С. 176.
- ⁷⁰ Художественный театр после революции. Дневники и записи. Фёдор Михальский. 1920–1924. Алексей Гаврилов. 1927–1932. — М.: АРТ, 2020. С. 259.
- ⁷¹ Художественный театр после революции. Дневники и записи. Фёдор Михальский. 1920–1924. Алексей Гаврилов. 1927–1932. — М.: АРТ, 2020. С. 286.

- ⁷² То же. – С. 293.
- ⁷³ То же. – С. 300.
- ⁷⁴ Фёдор Николаевич Михальский (1896–1968) – администратор МХАТа.
- ⁷⁵ Художественный театр после революции. Дневники и записи. Фёдор Михальский. 1920–1924. Алексей Гаврилов. 1927–1932. – М.: АРТ, 2020. С. 302.
- ⁷⁶ То же. – С. 302.
- ⁷⁷ То же. – С. 304.
- ⁷⁸ То же. – С. 308.
- ⁷⁹ Знаменитый лозунг восставших в Кронштадте в 1921 году. В результате цензурной правки поручик Мышлаевский предстал перед зрителем сущим идиотом, а опасное напоминание об “известных событиях” было обращено в анекдот. – **Авт.**
- ⁸⁰ Художественный театр после революции. Дневники и записи. Фёдор Михальский. 1920–1924. Алексей Гаврилов. 1927–1932. – М.: АРТ, 2020. С. 176.
- ⁸¹ То же. – С. 287.
- ⁸² То же. – С. 259.
- ⁸³ Лакшин В. Я. Открытая дверь: Воспоминания и портреты. – М.: Московский рабочий, 1989. С. 424.
- ⁸⁴ Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. – М.: Книга, 1988. С. 351.
- ⁸⁵ Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. – М.: Издательство “ФонДИВ”, 2008. С. 451.
- ⁸⁶ Herwarth Hansvon (1904–1994) – сотрудник военной разведки Германии (“Абвера”). С 1931-го по 1939 год он был атташе и секретарём миссии (вторым секретарём) посольства Германии в Москве.
- ⁸⁷ Официальное название гимна “Боже, Царя храни!”
- ⁸⁸ Herwarth H. v. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Propyläen. Frankfurt am Main – Berlin – Wien. Verlag Ullstein GmbH. – 1982. – S. 46.
- ⁸⁹ Пути развития театра: (Стенографический отчёт и решения партийного совещания по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б) в мае 1927 г.). – М.: Л.: Киноиздательство РСФСР Кинопечать, 1927. С. 136.
- ⁹⁰ За давностью лет сыскать сведений о этом персонаже автору настоящей книги не удалось. Известно о нём лишь то, что он был ответсотрудником ОГПУ. – **Авт.**
- ⁹¹ Пути развития театра: (Стенографический отчёт и решения партийного совещания по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б) в мае 1927 г.). – М.; Л.: Киноиздательство РСФСР Кинопечать, 1927. С. 166.
- ⁹² Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991. – М.: МФД, 2013. С. 121–122.
- ⁹³ Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991. – М.: МФД, 2013. С. 353–354.
- ⁹⁴ Кружков Владимир Семёнович. Философ, член-корреспондент АН СССР (1953). Член ВКП(б) с 1925 г. Один из видных сталинских идеологов. Директор Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) в 1944–1949 гг. Доктор наук (1950). Позже – в аппарате ЦК КПСС (1949–1955); профессор Уральского государственного университета (1955–1961 гг., отправлен на периферию по одному делу с Г. Ф. Александровым и одновременно с ним (за “моральное разложение”), директор Института истории искусств Министерства культуры СССР (1961–1973). Автор работ по истории русской философии. Лауреат Сталинской премии (1952). Один из авторов-составителей книги “Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография” (М., 1939).
- ⁹⁵ Свиридов Г. В. Музыка как судьба. – М.: Молодая гвардия, 2002. С. 258.
- ⁹⁶ Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991. – М.: МФД, 2013. С. 525–526.

ЮРИЙ ПАВЛОВ

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ — РУССКИЙ ГЕРОЙ НА ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

О ключевых понятиях в мире Станислава Куняева

Прекрасно понимаем, что большая часть сегодняшних сограждан — непросвещённые и непосвящённые люди, поэтому в начале статьи скажем о том, без чего дальнейший разговор не имеет смысла. Прежде всего, оговорим значение ключевых понятий, которые будут нами использоваться, исходя из мировоззрения и творчества Станислава Куняева, а также всей истории отечественной литературы и критико-публицистической мысли второй половины XX — начала XXI веков.

Выражение “Третья мировая война” как невидимое идеологическое сражение, давно уже идущее за душу и духовность человека, впервые прозвучало в выступлении Юрия Селезнёва во время дискуссии “Классика и мы” в 1977 году. Один из самых отважных русских бойцов сказал об очевидном, что до него не решался сделать никто. Сегодня мысль Селезнёва, с учётом итогов последних трех десятилетий нашей истории, можно уточнить. Идеологическая и ментальная война в России ведётся между русскими и русофобами, патриотами и космополитами, православными и атеистами, утверждающими взаимоисключающие ценности. Одним из главных плацдармов этой войны являются, прежде всего, литературно-историческое образование, СМИ, кино, театр.

Заключительные же слова из выступления Юрия Селезнёва звучат сегодня особенно актуально, ибо в них точно определено главное условие нашей победы в Третьей мировой. Он сказал то, что не могут или не хотят понять очень многие люди в России, особенно те, кто должен политически, экономически, информационно и т. д. определять её судьбу: “И здесь мира не может быть, его никогда не было в этой борьбе и, я думаю, не будет до тех пор, пока эта борьба... пока мы не осознаем, что эта мировая война должна стать нашей Великой Отечественной войной — за наши души, за нашу совесть, за наше будущее, пока в этой войне мы не победим”.

В советское время зачатки русского самосознания возникли в силу известных причин только во второй половине 1960-х годов. Наиболее стойкими и яркими представителями “русской партии” 1960–1970-х годов были Михаил Лобанов, Вадим Кожин, Станислав Куняев, Юрий Селезнёв, Олег Михайлов, Пётр Палиевский, Юрий Ложиц, Анатолий Ланщиков. Среди названных и неназванных борцов с русофобскими силами, которые всегда преобладали

в СССР и доминируют в постсоветской России, всю сверхмарафонскую дистанцию борьбы – физически, интеллектуально, духовно – преодолел только один Станислав Юрьевич Куняев. Преимущественно эта борьба поэта, критика, публициста, главного редактора лучшего журнала России “Наш современник” будет в центре нашего внимания.

Ещё в советское время Станислав Куняев своими статьями (“Инерция аккомпанемента”, 1968; “От великого до смешного” [27], 1982) и выступлением на дискуссии “Классика и мы” (1977) начал разрушение мифов об Эдуарде Багрицком, Булате Окуджаве, Владимире Высоцком и других кумирах денационализованного советского населения, интеллигенции, прежде всего. Это одно из главных направлений в критико-публицистическом творчестве Куняева было продолжено в его многочисленных статьях рубежа 1980–1990-х годов, в трилогии “Поэзия. Судьба. Россия” (2005), в книгах “Любовь, исполненная зла...” [25] (2013), “К предательству таинственная страсть...” [23] (2021).

Думаем, что все названные работы Куняева можно рассматривать как русскую версию истории русскоязычной литературы почти от её истоков до дня сегодняшнего. Такая фундаментальная и нужная работа никем ранее не прodelывалась.

В рамках отдельной статьи невозможно качественно “объять” все части разножанровой куняевской “эпопеи”, создававшейся на протяжении почти пятидесяти лет. Объектом нашей работы будут некоторые первоначальные сюжеты биографии писателя и книга “К предательству таинственная страсть...”, завершающая сей творческий марафон. Эта книга посвящена преимущественно “шестидесятничеству” как явлению и ведущим его представителям, чьё мировоззрение и произведение характеризуются в контексте жизнотворчества их русских антиподов, а также исторических личностей и событий.

Определённое время Куняев деление отечественной литературы на русскую и русскоязычную не принимал, называя его “примитивно-публицистичным”. Предполагаем, что Станислава Юрьевича не устраивала сама альтернатива “или – или”, оставляющая за бортом литературы большое количество писателей, которых мы именуем амбивалентно-русскими. Однако уже в статьях и книгах автора 1990–2000-х годов появляется понятие “русскоязычный писатель”.

Зная, какие спекуляции, мифы порождены данным подходом к отечественной литературе, уточним. Куняев, как и его единомышленники, поняли, что “русскость-русскоязычность” определяется религиозно-духовной принадлежностью писателя: система ценностей, утверждаемая автором произведений, соответствует или не соответствует духовно-нравственной парадигме русской литературы. Особо подчеркнём: этническое происхождение автора не имеет никакого значения. И в 1977-м, принимая участие в дискуссии “Классика и мы”, и в 1989-м, и позже Куняев об этом неоднократно говорил: “...нация, народ – понятия больше духовные, нежели кровные”.

Несмотря на сказанное, и во время названной дискуссии, и после неё, откликаясь на статьи, выступления, книги Куняева разных лет, русскоязычные авторы пытаются сделать из Станислава Юрьевича ненавистника инородцев, евреев в первую очередь. Национальный вопрос, наряду с религиозным, для них главный. В связи с тем, что шельмование Куняева – явление сверхраспространённое (ибо большинство СМИ в нашей стране контролируется русофобскими, русскоязычными силами), кратко рассмотрим его на примере одной публикации.

Александр Архангельский в рецензии “А если так, что есть красота?..” на книгу Ст. Куняева “Огонь, мерцающий в сосуде” и статью “Ради жизни на земле” с позиций якобы православных утверждает, что их автор “исповедует <...> атеистическую религию “родства по крови”, а его работы – “газават отечественного атеизма”. Умеет крепко и “правильно” выражаться господин Архангельский... Видимо, поэтому он впоследствии 18 лет вёл авторскую программу на телеканале “Культура”, 6 лет был членом Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, ну и, конечно, трудился и трудится в самой антигосударственной организации страны – Высшей школе экономики.

Чтобы сделать из Куняева язычника, ненавистника православных ценностей, рецензент вырывает часть высказываний Станислава Юрьевича из контекста (а речь в первой главе его книги идёт о цикле Блока “На поле Куликовом”) и подставляет к ним необходимые ярлыки. Однако слова “языческий”,

“инородец” в данной главе отсутствуют. Архангельский умалчивает и о том, что идея освобождения от иноземной силы, поработившей страну, — это главная идея самого Блока, которую вслед за ним транслирует Куняев. К тому же ни о каком “незримом воинстве”, что приписывает Архангельский автору, в тексте речь не идёт.

Суть “молодой силы”, в которой рецензент видит проявление языческих начал, Куняев определяет именно через внутреннее духовное преображение человека, через победу над “басурманином” (А. Блок) — личностью греховной, обезбоженной — в самом себе. Вот как об этом говорит Станислав Куняев: “Борьба со своей “личной мглой” — подвиг не столь физический, сколько духовный. Это — почти чудо, чуть ли не религиозный акт (помним, в какое время писалась статья. — Ю. П.) отречения от разлагающихся форм жизни во имя будущего”.

Нет смысла разбирать другие многочисленные “наветы” Архангельского на Куняева. При всём их разнообразии ясно одно: либерального автора и в жизни, и в чужих текстах больше всего волнует национальный вопрос. Приведём часть длинного “обвинения”, написанного с иронией: “О ком ни заходит речь — о Есенине или о Рубцове, о Передрееве, — Ст. Куняев непременно отмечает “вневременной”, на века данный “стратегический подтекст” их лучших стихов”. Непонятно, чему удивляется и чем недоволен Архангельский: Куняев следует заветам русской классики, которая изображала, анализировала любые явления под “соусом вечности” (А. Блок). Далее Архангельский продолжает: “Он (Куняев. — Ю. П.) пишет: “Удивительно, что Есенин ещё в двадцать втором году зорко разглядел лицо и цели воинствующего космополитизма и экстремизма”<...> С тех пор, надо понимать, всё усугубилось, и мир, в котором приходится жить Ст. Куняеву, буквально кишит подобными экстремистами и космополитами”.

Во-первых, Архангельскому стоило уточнить, в ком Есенин и Куняев увидели “воинствующего космополита и экстремиста” — в Чекистове, герое “Страны негодяев”. И такая оценка никаких возражений, тем более иронии, не вызывает. Только слово “экстремист” мы бы заменили на “палач, людоед”. Во-вторых, очередное свободное изложение, перевертывание мыслей Куняева нас не удивляет. Как не удивляет и огромное количество “воинствующих космополитов” сегодня.

А вообще надо внимательно читать, господа либералы, Станислава Куняева. Оцените и такие, например, пророческие строки, написанные более сорока лет назад в главе, над которой “подхихикивает” Архангельский: “Их имена (Пушкина, Блока, Есенина. — Ю. П.) подобны термометрам, измеряющим духовное здоровье нации. Ведь великий поэт является великим ещё и потому, что он всегда шире конкретной эпохи, выше злобы дня <...>”

И сегодня, в наше почти апокалиптическое время, когда дегуманизация жизни захлёстывает культуру, когда целые армии её деятелей обрабатывают людские души, чтобы подчинить их “международному стандарту” и унификации...”

Ещё два бинарных понятия в книге “К предательству таинственная страсть...” и во всём творчестве писателя — это простонародность и кастовость. В разножанровых публикациях Куняев неоднократно подчёркивает, что он вырос в среде простонародья. Мать писателя, вынужденная с 12 лет работать “за кусок хлеба” в богатой еврейской семье, получила два высших образования. Отец Станислава Юрьевича погиб в Великую Отечественную войну. Воспитанием мальчика занималась преимущественно бабка Куняева, безграмотная крестьянка, ставшая для будущего писателя Ариной Родионовной. Эти и другие факты свидетельствуют, что история рода Куняевых — история миллионов русских семей.

Простонародный фактор определяет многое в характере, мировоззрении, творчестве писателя. Так, в главе “Радуюсь, что не возрос на Арбате...” итоговой книги Станислава Юрьевича на разных уровнях показывается, в каких диаметрально противоположных, практически не пересекающихся мирах жили семьи Станислава Куняева и Давида Самойлова. Приведём только один пример: “Я родился в разгар коллективизации, и с малых лет я узнал цену куску хлеба и чугунку картошки. До сих пор помню, с каким чувством после отмены карточной системы в 1936-м попробовал первые лакомства: белый хлеб, шипучее сидро и чашку холодного густого кефира. Иная жизнь была

у настоящего баловня нэпа Дезика, сына врача-венеролога и матери – сотрудницы Внешторгбанка”. Цитируемый Куняевым отрывок из воспоминаний Самойлова, где перечисляются обычные для мальчика продукты (икра, сало, ветчина, телятина, виноград, оливки и т. д.), заканчивается признанием Дезика: “Я испытываю отвращение к еде”. Мир Самойловых и ему подобных определяется Куняевым как мир касты.

Оба мира – простонародный и кастовый – отличаются друг от друга мировоззренчески, духовно, творчески. И вполне закономерно, что Станислав Куняев, характеризуя различные явления, события, людей, считает важным указать на их принадлежность к миру кастовости или простонародности. Так, в статье “Дело” ордена русских фашистов” (1992) Станислав Куняев справедливо оценивает тезисы Алексея Ганина “Мир и свободный труд – народам” как “великий документ русского народного сопротивления ленинско-троцкистско-коммунистической банде”, “плод народного низового сопротивления”. А в “Лейтенантах и маркитантах” Куняев, ведя речь о новой государственной политике в СССР во второй половине 30-х годов, уточняет, что Сталин “запустил механизм по созданию новой государственной элиты из простонародья”. Новая элита пришла на смену “ленинской гвардии”.

Наиболее концептуально-масштабные размышления о кастовости и простонародности содержатся в статье “Предательство – это продажа вдохновения” (2005). Пытаясь понять особенности личности, мировоззрения Ильи Глазунова, нашедшие выражение в его монологах, поступках, мемуарах “Россия распятая”, Станислав Юрьевич вновь выходит на данную проблему. Глазунова, по Куняеву, отличают кастовая, дворянская спесь, неприязнь к простонародью, “некий социальный расизм”. Тот “дворянский расизм”, который отсутствовал у Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Блока, но явно чувствовался у И. Бунина и В. Набокова. Так, линия Глазунова-Набокова пересекается с линией ифлийцев, Давида Самойлова в частности: их объединяет кастовость сознания.

Говоря о трудной судьбе выходцев из простонародья (Василия Белова, Владимира Личутина, Валентина Распутина, Николая Рубцова, Виктора Лихоносова, Виктора Гаврилина, Вячеслава Клыкова и других), Куняев вновь проводит неизбежные параллели, как бы подводя итог всему тому, что говорилось им ранее: “Их судьба, их путь к признанию и честной славе были несколько иными, нежели судьба детей из партийной номенклатуры (Юлиана Семёнова, Булата Окуджавы, Василия Аксёнова). или из высокой кагэбэшной среды (пэтессы Беллы Ахмадулиной, кинорежиссёра Сергея Соловьёва), или из семьи карьерных дипломатов (Виктора Ерофеева). Да и Михалкову-Кончаловскому с Ильёй Глазуновым было куда легче обрести себя, нежели Василию Шукшину или Сергею Бондарчуку. А если вспомнить военное поколение писателей? Оно резко делится на крестьянских детей (Фёдор Сухов, Виктор Астафьев, Виктор Кочетков, Владимир Солоухин, Михаил Алексеев, Фёдор Абрамов, Николай Тряпкин) – и детей юристов (Александр Межиров), врачей-венерологов (Давид Самойлов), директоров магазинов (Александр Галич), нэпманов (Александр Чаковский)... Конечно, в целом “вышли мы все из народа” и “без меня народ неполный”, но, как сказал крестьянский сын Александр Твардовский, “и всё же, всё же, всё же...” У одних – общенародные боли и заботы, у других если не классовые, то сословные или кастовые интересы”. Ещё более подробно Ст. Куняев рассматривает данный вопрос в главе “Радуйся, что не возрос на Арбате...” в книге “К предательству таинственная страсть...”

Итак, простонародность – одно из ключевых понятий в мире Куняева. Оно “рифмуется” с подлинностью, состраданием, сопричастностью к судьбе ближнего, народа, государства. Это умение чувствовать чужую боль, как свою, проявляется у Станислава Куняева с детства. Так, во время Великой Отечественной войны голодный мальчик Куняев, жадно уничтожающий в столовой обед, вдруг почувствовал появление нежданного соседа, “припадочно-го”, у которого умерла жена и осталась дочь-подросток. “Его лицо, казалось, всё состояло из впадин... <...> Он глядел на меня так пристально, что мне расхотелось есть, и я отодвинул от себя тарелку. <...> Вслед за тарелкой мужчина схватил деревянную ложку, не доеденный мною кусок хлеба и, боязливо поглядывая <...>, начал, безостановочно работая ложкой, заглатывать остатки еды <...>

Я шёл <...> по обочине накатанной санями дороги и думать не думал о том, что проживу целую долгую жизнь, что множество лиц и взоров встретятся мне, что они будут излучать любовь, ненависть, восхищение, страх, восторг, – всё равно я забуду их. Но эти два измождённых лица отца и дочери, эти два пронзительных взгляда не забуду никогда, потому что в них светилось то, что без пощады, словно бы ножом освобождает нашу душу из её утробной оболочки, – горе человеческое...”

Только из ответной реакции на горе, только из боли, любви, сострадания вырастает настоящий русский писатель.

Боль, сострадание, любовь русскоязычных писателей и их единомышленников индивидуально, кастово или национально ограничены... То есть они не в состоянии понять и сопереживать “другому”, но готовы в любое время – военное или мирное – принести его в жертву. Это Ст. Куняев многократно показал и доказал в своих выступлениях, статьях, книгах на примере творчества самых разных русскоязычных авторов от Эдуарда Багрицкого до Булата Окуджавы.

Приведём эпизод, свидетелем которого Станислав Юрьевич стал 13 июня 2019 года. В телепередаче “Зелёная лампа” демонстрировался документальный фильм об Окуджаве. И в заключении передачи были показаны документальные кадры с концерта писателя в Политехническом в середине 1960-х. “И когда Булат Шавлович запел:

Но если вдруг когда-нибудь
мне уберечься не удастся,
какое б новое сраженьё
ни всколыхнуло шар земной,
я всё равно паду на той,
на той единственной гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах
склонятся молча надо мной, —

в последних кадрах фильма вся аудитория встаёт, как один человек, и подхватывает слова легендарного гимна “комиссаров в пыльных шлемах”...

Глядя на этот всколыхнувшийся зал, я понял, почему деды и отцы этой молодёжи из Политехнического победили в “единственной гражданской” и, вышвырнув на арбатскую мостовую “полусумасшедших старух” – всяческих дворянок, чиновничьих жён и матерей московских юнкеров, защищавших безнадежное белогвардейское дело, вытолкали пинками из наследственных родных домов и квартир состарившихся полковых командиров, некогда служивших согласно присяге в войсках крестьянского сына генерала Деникина...

Сыновья и внуки победителей “единственной гражданской” встали во весь рост в Политехническом, потому что у них появился Окуджава, сплотивший их своей песней. А исконные русские жители Старого Арбата стали в 1920-е годы изгнанниками, потому что кумиром их молодости был всего лишь навсегда Вертинский, не желавший или не сумевший сплотить эту публику словами той же силы, какая была в песне Окуджавы... Глядя на ряд голов в зале Политехнического, разом выросших в полутьме, услышав, как они мощным хором подпевают своему кумиру, я понял, что они готовы продолжать и гражданскую войну, и Третью мировую”.

Собственно, правоту слов Куняева подтвердило и известное поведение самого Окуджавы во время кровавых событий 3-4 октября 1993-го, и слова А. Чубайса и Е. Гайдара, что их “реформы” начала 1990-х – массовое ограбление миллионов, преступное уничтожение страны – проводились с оглядкой на реакцию поэта, воспевшего “комиссаров в пыльных шлемах” и “комсомольских богинь”.

В своей книге “К предательству таинственная страсть...” Ст. Куняев на многочисленных примерах показывает кастовую, духовную и мировоззренческую несовместимость “шестидесятников” с русским простонародьем и с традициями классической литературы, отечественной консервативной, собственно русской мысли. А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Б. Окуджава и другие “шестидесятники” – это русскоязычные писатели, зачатые, на первый взгляд, в странном браке модернизма и социалистического реализма.

То есть несмотря на то, что Евгений Евтушенко, полемизируя с неназванным автором, заявлял: “Я русский поэт, а не русскоязычный”, — у нас есть все основания отнести “шестидесятников” к русскоязычной литературе.

Ещё один вопрос, вызывающий споры: кого называть “шестидесятниками”. В этой связи Станислав Куняев в главе “Лежу бухой и эпохальный...” справедливо утверждает: “. . . я рассматриваю “шестидесятничество” как явление не хронологическое, а мировоззренческое”. Не знаем, кого конкретно имел в виду автор, отвергая расхожий формальный подход к пониманию данного феномена. Тот же Д. Быков (признан в России иностранным агентом) в книге “Сентиментальный марш: шестидесятники” (2019) вслед за М. Чудаковой называет хронологический подход первым. Правда, либеральный гуру (которого мы ещё в нулевые характеризовали как “Чичикова и Коробочку в одном флаконе”, как “посредственность”, страдающую “словесной диареей”, а позже — “Смердяковым нашего времени”), в отличие от Мариэтты Самаровой (такой же, как Быков, патологической русофобки), относит к “шестидесятникам” и некоторых из тех, кто был рождён после 1935 года: Юнну Мориц (1936), Владимира Высоцкого (1938), Иосифа Бродского (1940). Уже на этом — именно — уровне обнажается непродуктивность такого подхода: Ю. Мориц, И. Бродский (и не только они) в понимании многих вопросов — “антишестидесятники”. Но об этом — в следующей части.

Неожиданные “союзники” Ст. Куняева: И. Бродский как “антишестидесятник” и “подказки” от Вл. Соловьёва

Станислав Куняев только в главе “Пилигримы” обращается к личности и творчеству Иосифа Бродского, очень точно характеризуя его стихотворение, вынесенное в название этой главы. Отношению нобелиата к “шестидесятникам” Куняев не уделяет внимания. На самом деле Станислав Юрьевич в своих оценках в восприятии Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского и их единомышленников отчасти схож с Иосифом Бродским.

Хотя Куняев называет при этом его “космополитом”, видимо, Станислав Юрьевич видел в его творчестве проявление не только космополитических ценностей. Об этом, думаем, свидетельствует следующее откровение главреда журнала: “Хотя его стихи, “наиболее русские”, написанные в архангельской ссылке, я готов был напечатать безо всяких сомнений”.

Мировоззренческая несовместимость Бродского с “шестидесятниками” проявилась не только в не названных Куняевым архангельских произведениях опального поэта. Можно, например, вспомнить и резко негативное отношение Бродского к самостийной Украине (“На незалежность Украины”, 1992), и прямо противоположное восприятие этого исторического нововдела Евгением Евтушенко (“Украинское”, 1994).

Противоречия между Бродским и “шестидесятниками” проявляются также на других уровнях, идейно-художественном прежде всего. Например, Солмон Волков, беседуя с поэтом, без тени сомнения транслирует “шестидесятнически”-либеральный стереотип: “. . . в истории русской литературы и общественно-политической жизни XX века “Бабий Яр” и “Наследники Сталина” останутся навсегда”. На что Иосиф Александрович отреагировал вполне адекватно: “А я не уверен, что останутся. Потому что если бы в эту антологию, о которой вы говорите, будет включена “Погорельщина” Клюева или, скажем, стихи Горбовского, то “Бабьему Яру” там делать нечего”.

Через своё отношение к публикации “Наследников Сталина” Бродский точно определил манеру творческого поведения, характерную для всех популярных писателей “лёгкого поведения”: “Ну, чуваки бросали камни в разрешённом направлении, зная, что они идут на полголовы впереди о б ь в а т е л я (разрядка наша. — Ю. П.). И обыватель балдел! Вот и вся их историческая роль. Всё это очень просто, даже банально: у Евтуха и Вознесенского всю дорогу были какие-то друзья в ЦК партии — вторые, или третьи, или шестнадцатые секретари, — и потому чуваки постоянно были более или менее в курсе дела, куда ветер завтра подует”.

Подчеркнём, связь с влиятельными людьми от власти и КГБ — это не вымысел “недоброжелателя” Бродского, который таким образом хотел опорочить своих поэтических конкурентов. И сами “шестидесятники”, и особенно

те, кто их поддерживал наверху, оставили достаточно большое количество подобных свидетельств. Вот и Станислав Куняев, отталкиваясь от разных источников, уточняет, что у Евтушенко “были телефоны и Андропова, и Крюкова, и Бобкова, и Горбачёва, и далее везде, ведь не случайно же через этого “дипломата” Роберт Кеннеди передал советскому руководству сведения о том, что имена Даниэля и Синявского были выданы нашим КГБ американскими спецслужбами, чтобы шум от международного скандала <...> отвлёк мировое общественное мнение от американских бомбёжек Вьетнама”.

Не менее показательны и совсем не “по-шестидесятичестно” Бродский характеризует журнал “Юность” – оплот “вольнолюбия” в 1950-е – 1970-е годы. Издание, выпестовавшее Василия Аксёнова, Анатолия Гладилина, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского и прочих “звёздных мальчиков”, которые, видимо, уже родились духовными эмигрантами (используем слова Ф. Достоевского о А. Герцене). В 1965 году, сразу после освобождения из архангельской ссылки, поэт-“тунеядец” по приглашению Евтушенко попал на обмывание публикации очередной повести Анатолия Гладилина в “Юности”. Бродского повергло в шок (“просто начало физически мутить”) выступление Гладилина перед сотрудниками журнала – “довольно страшными существами”, “падлами и сволочами”. Ещё большее впечатление на Бродского произвело выступление Евтушенко (“с сердцем началась лажа”, который “уровнем холуйства” поднялся до “ионосферы безнравственности”). Представляем, что было бы, если бы подобные характеристики прозвучали из уст Станислав Куняева или Вадима Кожинова... А так либеральная общественность предпочитает высказывания Бродского не замечать.

Важны и свидетельства Иосифа Бродского по вопросу, который Куняев поднимал в публикациях разных лет. Лишь оказавшись в США, поэт, по его версии, почувствовал больше своё еврейство, ибо американское общество построено “с учётом строгого разграничения на евреев и неевреев”. Такое видение США принципиально отличается от тех представлений о стране, которое транслировали “шестидесятники” от Василия Аксёнова до Евгения Евтушенко, и не только они.

Не будем выяснять, кто прав в данном вопросе, а обратим внимание на другое: в СССР разграничение граждан на евреев и неевреев существовало в национально-обусловленном мировосприятии самих евреев. О данном явлении советской действительности подавляющее большинство жителей страны не догадывалось. И одним из первых о существовании “государства в государстве” в писательском мире заявил Станислав Куняев. Его правоту, помимо фактов, приводимых в книге “Поэзия. Судьба. Россия”, подтверждают эпизоды из жизни двух гонимых в СССР поэтов – Наума Коржавина и Иосифа Бродского.

Последний, находившийся под “колпаком” КГБ, в апреле 1972 года (за два месяца до эмиграции) собирает в Армении национальный фольклор для журнала “Костёр”. Иосиф Александрович отзывается об этом периоде своей жизни как о “довольно замечательном времени”. Эту возможность “халявно-го” заработка и прекрасного отдыха предоставил ему Евгений Лифшиц.

Соломон Волков и его собеседник Бродский, вспоминая данный сюжет, не задаются вопросами, у нас возникающими: зачем журналу для пионеров нужен был национальный фольклор и, главное, почему выбор редакции пал на поэта с такой “неправильной” биографией, стоящего к тому же на пороге эмиграции? И наконец: каковы результаты этой поездки – где переведённый Бродским армянский фольклор? Найти его не удалось, и поэтому невольно возникла следующая параллель.

Как известно, Владимир Григорьев в 1998 году заплатил астрономический гонорар Анатолию Чубайсу и его поделщикам за ненаписанную тогда ещё книгу. Таким образом, он не просто финансово поддержал своих самых влиятельных соплеменников России, но и сотворил собственную государственную карьеру. После закрытия уголовного “дела писателей” Владимир Григорьев в 1999 году стал заместителем министра Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, где “в поте лица” трудился, поддерживая русофобские СМИ и либеральных фашистов типа Дмитрия Быкова (смотрите, например, их совместное фото во время празднования юбилея Достоевского). А с 2021 года ставленник Чубайса является директором департамента печати Минцифры.

От Чубайса и Григорьева – птенцов гнезда “шестидесятников” – вернёмся к переводческо-еврейскому лобби в СССР. За пределами известного письма Ст. Куняева и нашей статьи остался следующий принципиальный вопрос, на который имеется только гипотетический ответ: каким образом еврейская солидарность оказывалась сильнее различных государственных структур, КГБ, в первую очередь.

Об этой солидарности и её последствиях гораздо позже Куняева писал Владимир Исаакович Соловьёв, эмигрировавший в США в 1978 году. Он в книге “Высоцкий и другие. Памяти живых и мёртвых”, перечисляя черты своего народа, спрашивает: “Почему евреи остаются государством в государстве с римских времён?”. Странно, что Владимир Соловьёв не вспоминает статью Ф. М. Достоевского “Еврейский вопрос”, где даётся ответ на сей вопрос.

Вообще Соловьёв для поклонников-пропагандистов “шестидесятников” даже более токсичный автор, чем Куняев. Со Станиславом Юрьевичем либералы полемизировать не любят, так как всерьёз это делать в принципе невозможно, поэтому остаётся навешивать ярлыки: “черносотенец”, “антисемит”, “красно-коричневый” и т. д. С евреем Соловьёвым ярлычный номер явно не проходит. И как следствие его книги “Три еврея, или Утешение в слезах”, “Не только Евтушенко”, “Высоцкий и другие. Памяти живых и мёртвых” и другие в работах о “шестидесятниках” комплиментарной направленности, как правило, не упоминаются. Соловьёвские оценки не вписываются в те стереотипы, которые транслируются в книгах Ильи Фаликова “Евтушенко: Lovestory”, Феликса Медведева “Андрей Вознесенский. “Я тебя никогда не забуду”, Игоря Вирабова “Андрей Вознесенский”, Дмитрия Быкова “Окуджава”, “Сентиментальный марш: шестидесятники”, Владимира Новикова “Высоцкий” и многих иных.

Ещё Соловьёв известен своими “некорректными” высказываниями. Дмитрий Быков, так истерично прореагировавший в своё время на рецензию Евгении Ивановой о книге Ирины Лукьяновой (тогда жены Дмитрия Львовича), “плевок” от Соловьёва, однако, не заметил. В книге “Не только Евтушенко” читаем: “Собственно в Москве тоже были такие непримиримые к соотечественникам за рубежом... Взять того же Дмитрия Быкова с его антибритовщиной <...> Дело не в чести мундира, но в самой отрицании Брайтона (как “еврейского сердца” Нью-Йорка. – Ю. П.) есть нечто ханжеское, провинциальное, местечковое. А у таких, как Быков, это ещё еврейский синдром: отмежевание от родства”.

Справедливости ради скажем слово в защиту ненавистного нам Дмитрия Быкова. Отношение к Брайтону не является главным критерием его национального самоопределения. В текстах Зильбертруда (Быкова) еврейский эгоцентризм определяет оценку всех и вся. Напомним лишь два эпизода. В родной газете Быкова “Собеседник”, где его сегодня именуют “золотым пером” издания, он назвал Достоевского “отцом русского фашизма”, а затем уже на страницах “Новой газеты” в тишке, обращённом к Фёдору Михайловичу, заявил: “Не хороший, отнюдь не хороший. И отдельно скажу как еврей: мы гордиться собою умеем – даже, можно сказать, из могил. Мне приятней считать евреем, потому что он нас не любил”.

Возвращаясь к Владимиру Соловьёву, заметим, что в своей книге “К предательству таинственная страсть...” Куняев довольно часто цитирует работы этого автора, чьи сведения он принимает всерьёз, а с некоторыми суждениями соглашается. Последуем и мы примеру Станислава Юрьевича.

Отвечая на вопрос, заданный самим Владимиром Исааковичем, вопрос, который возникал и возникает у многих, он причинами существования “государства в государстве” и еврейского успеха называет в том числе следующие национальные особенности: “...изохрённо-универсальная пробиваемость, взаимовыручка, круговая порука, мафия-кагал”; “...либеральная еврейская спайка: русским такая и не снилась”. Будем помнить об этих важных особенностях-факторах, ведя речь о разных персоналиях и событиях XX–XXI веков в следующих главах.

Все вышесказанное, однако, не означает, что “союзники” Ст. Куняева Иосиф Бродский и Владимир Соловьёв являются его единомышленниками по главным вопросам, определяющим принадлежность автора к русской литературе. Отношение к Православию и тысячелетней истории России, отсутствие “чувства Родины” (С. Есенин), духовной русскости при ярко выраженной

еврейскости, нецензурная лексика и многое другое позволяют отнести Бродского и Соловьёва, как и всех “шестидесятников”, к русскоязычным писателям. Только И. Бродский и Вл. Соловьёв умнее, периодически честнее и объективнее, чем Е. Евтушенко, А. Вознесенский, В. Аксёнов и другие.

Разговор о “союзниках”, которые дали полезную информацию и пищу для размышлений, закончим всё же, следуя логике Куняева, не на “союзнической” ноте. В главе “Пилигримы” в предпоследнем абзаце приводится надпись Ст. Куняева пятидесятилетней давности на книге, подаренной будущему нобелиату: “Иосифу Бродскому с нежностью и отчаянием, что эта книга будет совершенно чужда ему”.

Сегодня Станиславу Юрьевичу кажется странным и то, что Бродский эту книгу сохранил (она – часть экспозиции американского кабинета Иосифа Александровича), и то, что сам Куняев помнит “Пилигримы”, написанные 18-летним поэтом. Нас же больше поразил Ст. Куняев глубинным пониманием сущности Бродского, определившей всю его дальнейшую судьбу. Из довольно объёмного анализа этого стихотворения приведём лишь часть его: “Поистине в большом познании много скорби. И если вспомнить, что стихотворение написано восемнадцатилетним человеком, то неизбежно придёшь к выводу, что Иосиф Бродский никогда и не был молодым поэтом, он как будто бы и родился или стариком, или вообще существом без возраста <...>

В какое время и по какой земле движутся пилигримы, словно колонна военнопленных, без охраны, сдавшихся врагу добровольно, – это не имеет значения. Словно послушные овцы, бредут они по организованным и расчерченным дорогам цивилизационного, рукотворного ада, созданного, видимо, их же руками. Разве что одна конкретно-историческая примета есть в стихотворении: они бредут “мимо Мекки и Рима”, то есть две самых великих мировых религии чужды этим избранным толпам.

Вечные протестанты, потомки Агасфера, закосневшие в своей отверженности и своей гордыне... И Бог их не слышит, и солнце их жжёт <...>.

Вот каким апокалиптическим откровением – апофеозом похода пилигримов была поражена душа молодого Бродского, и этот ожог души остался у него на всю жизнь”.

Ст. Куняев – Е. Евтушенко: поединок “добра с кулаками” со “злостью”

В трёх главах из восемнадцати в книге “К предательству таинственная страсть...” речь идёт о личности и творчестве Евгения Евтушенко. Никому из “шестидесятников” Куняев не уделяет более такого внимания. Оно, видимо, объясняется не только тем, что Евтушенко как человек и поэт – наиболее ярко выраженный антипод автора книги, но и тем, что с Евгением Александровичем связаны многие этапные и второстепенные сюжеты в биографии самого Станислава Юрьевича.

Впервые косвенное творческое единоборство поэтов состоялось в 1959 году, когда, по инициативе Михаила Светлова, они скрестили свои поэтические шпаги, написав стихотворения на одну тему. Произведение Станислава Куняева “Добро должно быть с кулаками...” “завоевало предельную популярность. Его без конца упоминали, цитировали, пародировали <...> Шум вокруг этого стихотворения был настолько внушительным, что он не растворился до конца ещё и сегодня, через двадцать с лишним лет”, – писал в 1982 году Кожин в статье “Путь поэта”. Критик, как и другие авторы, посчитал необходимым сделать акцент на другом: “Ещё и сейчас имя Станислава Куняева в сознании многих автоматически связывается с фразой “Добро должно быть с кулаками...”, хотя поэт давным-давно “отрёкся” от собственного произведения и в стихах (“Постой. Неужто? Правда ли должно?..”), и в одной из своих статей”. И в подтверждение сказанного Кожин приводит высказывание Куняева о том, что это стихотворение – порождение модной “словесно лихой, но абстрактной и безликой манеры”.

Мы не будем спешить соглашаться с поэтом и критиком, а проверим справедливость их оценок. Поэтому приведём полностью стихотворение Куняева 1962 года, эпиграфом которого стали строки “Добро должно быть с кулаками / Добро суровым быть должно”.

Постой. Неужто? Правда ли должно?
Возмездье, справедливость — это верно.
Пожалуйста. Но только не добро,
которое бесцельно и безмерно.

Недопустима путаница слов,
подмена силлогизмов и понятий,
когда итогом служит смерть и кровь,
число скорбей, количество проклятий.

Напрасны ухищрения ума,
напрасно страсть раскидывает пути —
добро первоначально, как земля,
и пишется Добро с заглавной буквы.

Неграмотные формулы свои
я помню. И тем горше сожаленье,
что не одни лишь термины ввели
меня тогда в такое заблужденье.

Определение сущности добра в последней строке первой строфы и в двух заключительных строках третьей строфы не вызывает сомнений. Однако с идеями второй строфы, пацифистскими по своей направленности, нельзя согласиться: в истории народов, государств, жизни человека возникают периоды, ситуации, когда утверждение добра без “кулаков”, без крови и смерти невозможно.

То есть в обоих стихотворениях Куняев обращается к вечной, нравственно-философской проблеме, которая вызывала и вызывает непрекращающиеся споры. И пафос первого стихотворения, несомненно, созвучен идее “О сопротивлении злу силой” запрещённого в СССР философа Ивана Ильина. Эта идея является лейтмотивом статей гениального мыслителя: “Отрицание меча”, “Кошмар Н. А. Бердяева. Необходимая оборона”, “Идея Корнилова”, “О сопротивлении злу”, “О сопротивлении злу силой” и других. Приведём высказывание Ильина, с трудами которого Ст. Куняев на рубеже 1950–1960-х годов ещё не был знаком.

Эти высказывания имеют прямое отношение и к обоим стихотворениям поэта, и к дню сегодняшнему, когда идеи пацифизма, пофигизма, русофобии, национального предательства столь популярны среди наших бывших и пока ещё якобы настоящих сограждан: “Да, путь силы и меча не есть праведный путь. Но разве есть другой, праведный? Не тот ли путь сентиментального непротивления, который уже раскрыт выше как путь предательства слабых, соучастия со злодеем, “совиновности” с пресекающим и в довершение — наивно-лицемерного самодовольства? Конечно, этот путь имеет более “спокойную”, более “приличную”, менее кровавую внешнюю видимость, но только легкомыслие и злая тупость могут не чувствовать, какую цену оплачены это “спокойствие” и это “приличие”; “Бессмысленно и губительно отстаивать свободу беспрепятственного злодействования. Напротив, с злодеями необходимо вести борьбу. Но не из личной вражды к ним, а из любви к Богу, к святым, к родине и к ближним. Осуждению подлежит не меч, а злые и своекорыстные чувства в душе воина. Любовь отвергает не пресекающую борьбу со злодеем, а только зложелательство в этой борьбе. Никто не обязан, никто не призван поддерживать единение положительной любви со злодеями; напротив, все призваны и обязаны оторваться от сочувствия им и всякого соучастия с ними и противостать им на жизнь и на смерть”.

Уже в 1987 году в статье “Поэзия пророков и солдат”, в которой принципиально по-новому характеризуется творчество известных представителей “военной поэзии”, Куняев, опять же с православных позиций, уточняет, формулирует принципиальные вопросы, лишь обозначенные Ильиным в названных статьях.

Данное течение, как и всю поэзию о войне, Куняев рассматривает с позиции русской классики, традиционных национальных ценностей, что наиболее важно и продуктивно. Суждения автора настолько глубоки и содержатель-

ны, что могут использоваться историками, филологами, философами, культурологами и т. д. как методологические. Есть смысл привести некоторые из них: “Никогда русская литература не занималась культом силы, суперменства, бездуховного превосходства <...>”; “С этой точки зрения интересны отношения нашего художественного сознания к поверженному врагу. Для Киплинга, допустим, достаточно понятия “победы” — оно для него источник вдохновения. Русскому писателю и поэту этого всегда мало. Нам не нужно победы без правды. Просто победить — акт механический и потому не очень великий. Убить врага — дело неглавное и невысокое. Высока честь победить его духом, правдой, очищением, доказать ему, что за нами стоит не просто физическая и материальная мощь, а духовное могущество правоты”; “То, что победить можно только силой, делает твою победу неполной и свидетельствует о несовершенстве мира и человека. Это не рыцарское, а иное, более высокое и более глубокое отношение к врагу как к человеку, как к образу и подобию высшей силы, искажённой злом”.

Возвращаясь к произведению Куняева “Добро должно быть с кулаками...”, с особым удивлением отметим, что Вадим Кожинов и Сергей Чупринин, критики-антиподы, увидели в стихотворении 1959 года, по сути, одно: трансляцию “традиции “трибунной”, “ораторской” лирики”, “громкой лирики”. Не случайно Кожинов вспоминает в этой связи Евтушенко. Однако Вадим Валерианович не цитирует стихотворение Евгения Александровича и никак не характеризует его. Это сделает гораздо позже Куняев в книге “К предательству таинственная страсть...”.

Вспоминая стихотворение Евтушенко, Станислав Юрьевич лишь отстранённо фиксирует, что оно давно забылось, однако есть смысл обратить внимание на то, мимо чего прошли В. Кожинов, С. Чупринин и все те, кто относит “Добро должно быть с кулаками” к “громкой лирике”. Общая тема “добра с кулаками...” получила принципиально разное воплощение у поэтов-одногодков. Стихотворение Евтушенко с символическим названием “Злость” заканчивается так:

Быть злым к неправде —
это доброта.
Предупреждаю вас:
я не излился.
И знайте —
я надолго разозлился.
И нету во мне
робости былой.
И —
интересно жить,
когда ты злой!

Уже на примере двух стихотворений Куняева и Евтушенко видно, что у них диагонально-противоположная система ценностей, поэтому относить выше-названные стихотворения к одному течению несправедливо. Не менее бесознательно, подобно С. Чупринину, утверждать, что в своём стихотворении Куняев верен “принципам по-своему понятого воинствующего гуманизма”.

Продолжая разговор о стартовом поединке Куняева и Евтушенко, мы обратимся к стихотворению Станислава Юрьевича 1970 года “Я спринтером некогда был...”. В нём поэт говорит о своих изменившихся не столько спортивных, сколько жизненных приоритетах. Теперь ему “ближе уменье терпеть / и точно рассчитывать силы”, что стоит в одном смысловом ряду с “медленным бегом марафонца”, символизирующим очень длинный жизнетворческий путь.

Через много лет — уже в мемуарной прозе, в книге “Поэзия. Судьба. Россия” — Ст. Куняев точно определит, к какому “марафонскому” забегу он тогда себя готовил: “Да не покажется то, что я сейчас скажу, смешным, но с конца шестидесятых годов я окончательно понял, что моё будущее — это борьба за Россию. Надо успеть понять её, надо насытиться знанием о русской судьбе и русском человеке, надо понять себя как русского человека, надо освоить всю свою родословную, опереться в будущей борьбе, тяжесть и горечь которой я предчувствовал, на своих предков, на великих поэтов, на друзей,

и старых и новых... Я начинал чувствовать себя человеком, которому судьба предназначила именно этот путь, путь долгой жизни и тяжёлой борьбы”.

Жизнь-борьба Куняева, которую действительно можно сравнить со сверхмарафонским забегом, где Станислав Юрьевич оказался победителем, даёт ему разные преимущества перед сошедшими с дистанции. Например, Куняев имеет возможность оценивать себя и других из XXI века.

Так, разобраться окончательно в своём отношении к вышеназванным стихотворениям 1959-го и 1962 годов помог Куняеву следующий эпизод, рассказанный в книге “К предательству таинственная страсть...”, в главе “Давайте после драки помашем кулаками...”.

“Однажды мы с женой сидели у телевизора и смотрели передачу профессора Вяземского “Умники и умницы”. Речь среди его учениц зашла о добре, и кто-то вспомнил мою строчку.

— А кто всё-таки автор этой строки? — спросил профессор.

Одна из девушек подняла руку:

— Я думаю, что это был Ленин, — ответила девушка, и мы с женой расхохотались.

А однажды я наблюдал по ТВ войну в Донбассе: небритый, загорелый ополченец с автоматом быстрым шагом спешил на боевую позицию. За ним семенил тележурналист, который, протягивая к ополченцу микрофон, выкрикивал:

— Скажите, почему и за что вы здесь воюете?..

Ополченец, видимо, чтобы отвязаться от журналиста, резко повернул к нему голову и выкрикнул:

Добро должно быть с кулаками,
добро суровым быть должно,
чтобы летела шерсть клоками
со всех, кто лезет на добро.

И тут я понял справедливость изречения: “Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется”. С тех пор я перестал сомневаться в достоинствах своего стихотворения. Если его читают вслух люди, идущие в бой, — значит, оно содержит в себе энергию борьбы и победы”.

Итак, как видим, стихотворение Куняева 1959 года живёт в душах наших лучших соотечественников — воинов, сражающихся в Новороссии. Евтушенко же не включил “Злость” в собственное девятитомное собрание сочинений. Однако злость как движущая сила в борьбе с неправдой, понимаемой по-евтушенковски, в борьбе со Станиславом Куняевым в том числе, будет постоянно проявляться на протяжении всего жизнетворчества Евгения Александровича.

Итак, первое поэтическое сражение между Куняевым и Евтушенко, несомненно, закончилось в пользу русского поэта. Второе, уже публичное, прямое и открытое их столкновение состоялось в 1977 году во время дискуссии “Классика и мы”. Об этом — в следующей части.

(Продолжение следует)

ЕЛЕНА КРЮКОВА

ЗВЁЗДНОЕ НЕБО РУССКОГО СЛОВА

Дмитрий Мизгулин...

Это имя уже хорошо знает взыскательный русский читатель.

Эти стихи, эту прозу русский читатель изучает и любит.

Событием для русской культуры явились вышедшие недавно книги Дмитрия Мизгулина.

Большая радость — приблизиться к ним, перелистать их, вчитаться в них, причаститься их печали, их праздника, их тайны.

* * *

Тайна Двойного... Вот она, рядом, в поэзии Дмитрия Мизгулина. В названии его новой книги “По кромке бытия” уже заключён этот вечный, горький и радостный дуализм жизни.

Кромка — край, кромлех, кремль; тьма кромешная — там, в гуще дегтярно-чёрной Вселенной, за коном, за всем суждённым и привычным, таким любимым, многоцветно вспыхивающим под ногами, солнечно сияющим, снежно-хрустальным.

Есть Мирь любимый, видимый-слышимый, вдыхаемый-осязаемый, родной — и есть, там, за кромкой, за тайной, Иномірие, куда мы можем проникать лишь тайнозрением.

А наше бытие и так двусоставное; оно состоит из радости и горя, из покоя и бури (вспомним Лермонтова!), из войны и мира (усмирения, замирения). Да и сам архетип жизни-смерти, рождения-ухода — двойной; всё в контрасте, всё в ансамбле, в тесном объятии. Да, это то самое, знакомое, Достоевское: “Дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей...”

(...) Больше флаги на ветру не взвоятся.

Никогда уже в моря не вернутся.

Не ворваться в безмятежные дали.

Уработали меня, укачали.

Но как только повернёт ветер с моря,

Позабуду про усталость и горе.

Вдруг очнусь от надоедливой спячки —

И захочется и шторма, и качки.

И наполнится весь мир кутерьмою.
Снова чайки закричат за кормою.
Снова волны и неистовый ветер
Рвёт любви последней тонкие сети.

Как крепко соединены память и забвение, счастье и скорбь! Устройство жизни Божественно. Оно изначально небесно. Мы — отражение занебесных судеб; мы — те самые платоновские первообразы, что тихими тенями движутся в неведомом пространстве, в неизвестном времени, в невиданных светящихся облаках и столбах царственных, жизненных лучей...

А ты во всём была права,
Когда меня совсем забыла.
Под утро в праздник Покрова
Вселенную запорошило.

Как близко встали — на картине Мира поэта — разлука и святость, правда и боль, заснеженная улица и многозвёздный Космос...

Да, мы идём по кромке. По канату. По снежной алмазной нити. По грани между незабвенным детством и неотвратимой старостью. По тающему в наплывающей тишине аккорду, и что это за музыка — нежная гитара или голос человеческий, щебетанье одинокой птицы в далёких ледяных ветвях или слёзный погребальный вопль, — мы уже не знаем... Ибо та музыка исчезает, и вместо неё остаётся лишь сокровище звучащей паузы — той самой, о которой когда-то благоговейно говорил русский композитор Александр Скрябин...

И Дмитрий Мизгулин пишет здесь и сейчас новую поэму русской печали, страданий русского народа, хотя та печаль стара, как Мирь, и скользит, сквозит по раскрытой настезь предутренней душе, и с трудом мы удерживаем слёзы, а может, плакать-то надо, надо — над быстротекущим Временем, над Временем всепожирающим, и, по Екклесиасту, нет ничего нового под Луной...

Вот и полнится нынче душа
Не молитвой, не утренней песней,
Молча вторит она не спеша
Сквознякам из остывших предместий.

Проржавела державная ось.
Потускнело дневное светило.
Просквозило Россию насквозь.
До последней души просквозило.

Но печаль в России тоже двулика. Как Луна: с ясным серебряным, явным и явленным людям ликом и с обратной, тёмно-тайной стороною. Впрочем, изобильно-звёздный полночный (или, как в старину говорили, полночный...) небосвод — такой родной-знакомый природный ковёр для всякого русского человека, и, закинув голову к небу, стоит путник в бескрайних снежных полях, наблюдает холодный ход светил, так шли звёзды по бессменным круговым орбитам вокруг Небесного Кола, Полярной звезды, и тысячелетия назад, и так же будут катиться по ободу Великого Колеса и тысячелетия спустя... Там, в непонятной дали времён, после тебя... после нас...

Глядит человек в небеса — да не просто человек, а поэт, художник, впрочем, всякий человек бывает сам себе поэт, даже если он не пишет никаких стихов, но если ты отмечен болью вечного дара, ты обречён петь о Мире и о себе, о ближнем и дальнем, и эту песню сердца твоего посреди белого поля слышат одни лишь звёзды.

А люди? Люди? Где же люди?

Снежная звенит тишина,
Мир ошеломительно прост,
И плывёт во мраке луна
В озаренье сумрачных звёзд...

И пока не вспыхнул рассвет...
Лунная туманится даль,
И позёмкой сумрачной вслед
Светлая струится печаль.

Луна – собеседница поэта. Звёзды – не позабытые друзья. Не зря поэт здесь повторяет (очень близко эти слова в соседних строфах стоят...) два эпитета – “сумрачных”, “сумрачной”. И эпитет этот тем более странен, чем больше ты осознаёшь, что он обозначает светящиеся, сияющие, светлые явления природы. “Сумрачные звёзды”, “сумрачная позёмка” – что они такое? Это почти оксюморон. И мы понимаем: тут дело не в цвете, не в колорите. Печаль человека по-пушкински светла, а природа архаично-сумрачна: она скорбит, позёмкой плачет за человека, по горю его, позёмка обращается в громадные, космические слёзы, текущие по лику земли. Земля – живая. Небо – живое. Вот они – рядом.

Жизнь на Севере, среди могучих снегов, северного сияния, льдов и торосов, среди самоцветной игры на ночном небе пёсьей звезды Сириуса и красно-мрачных Марса и Антареса, когда зачерпывает гигантский ковш Большой Медведицы и эту ночь, и эту зиму, и эту жизнь твою, затерянную в бесконечности снежной равнины, серебряной тундры, дала поэту много судьбоносных уроков; в том числе уроки терпения и смирения. Преодоления боли и отчаяния – молитвой. Любования белым бархатом сугробов, красотой дрожащих на ветру тонких берёз. И эта же северная суровая, строгая жизнь подарила неизбывный праздник – сопротивляться холоду и мраку! Жить горячо и пламенно! Огонь тем ярче полыхает, чем темнее ночь, обнимающая костёр со всех сторон.

А ведь огонь, жар сердца – это и есть Бог! “Где сокровище твое, там и сердце твое” (Матф. 6: 21).

Значит, всё не напрасно. Страдания оправданы.
Всяк человек идёт своею дорогой к Богу.
И счастье, если — приходит.

И живём, печалуясь и мучаясь,
В суматохе очень важных дел,
А Господь совсем иную участь
Каждому из нас предусмотрел,
Чтоб мы шли к Нему, греша и каясь,
В ожиданье Страшного суда,
Обретя нечаянную радость,
Утолив печали навсегда.

А жизнь проста.
Она проста, как хлеб и вода.
Как банный пар и тёмное вино.

Как непрошенные слёзы по ушедшему, что мокрой горячей ладонью утираешь с лица.

Имею бутылку вина
И баню топлю терпеливо,
Я истину выпью до дна,
Мне будет легко и красиво.

А утром наступит зима,
И снегом оденет округу,
И мыслей моих кутерьма
Развеется утренней вьюгой.

Вьюга здесь спасительница. Она благословенна. Хаос ночных дум уступает место счастливому утреннему морозу. Да, мы живём в зимней стране, и снегом завалены, засыпаны страницы этой книги, где человек – мыслящий эквивалент, живое воплощение мощи Севера, а Север обнимает серебряными

ризами, серебряными тяжёлыми окладами святые русские иконы с ликами Солнца и Луны.

...А вот она и Матерь Смерть.

Тенью, неслышно, встала за плечами.

Мысль о ней не режет лезвием, не устрашает безвыходностью и неотвратимостью.

Да, она станет когда-то победительницей грешного, земного тебя. Она, обняв тебя, возьмёт тебя в свой необъяснимый чертог высшей пустоты и наивысшей полноты. От неё не уйти. Всяк задумывается о приближении к ней, о её безвестной стране, об одиноком пути по Звёздному Мосту.

Отрешись на миг от суеты,
Не ищи звезду на дне колодца,
Жизнь, у Бога взятую взаймы,
Отдавать когда-нибудь придётся.

И, конечно, лучше бы зимой
В умиротворенье снегопада,
В миг, когда за сумрачной стеной
Ничего уже менять не надо.

Да ничего и не изменишь. И это прекрасно осознаёт поэт. И не хочет он ничего менять. Он же сделал выбор. Он выбрал Бога и молитву. И смирение, помогающее одолеть тяжело восстающие из будущего преграды и пропасти судьбы.

Быть счастливым в страдании — великое искусство. Дмитрий Мизгулин умеет это делать.

И буду счастлив даже и тогда,
Когда шугой покроется вода...

Ты еси вода. Ты льёшься и течёшь. Ты сверкаешь тысячью искр под солнцем. И, когда со смоляного ночного небосвода наваливается на тебя всем царским звёздным воинством новая зима, ты — застываешь. Такова природа. У неё есть законы. Космические константы времени ставят навечные клейма на твоё смертное пространство. Ты становишься первым тонким льдом, шугой, радужным заберегом. А потом по тебе, как по крепкому льду, можно перейти уже не пространство — время.

Так переходит времена поэт. Из одного времени он попадает сразу во множество других, иных, несказанных...

Путь блистает Млечный,
В жилах стынет кровь,
Всё пройдёт, но вечны
Вера и Любовь.

И не беспокойся,
Время — лучший врач.
Заходи — не бойся,
Уходя — не плачь.

А всё же плачет поэт! И не смиряется он с неизбежным! И хочет отвратить он лицо своё от мучения, и хочет отодвинуть живыми руками всеобщий приговор! Страшный суд далеко, но твой-то уход близок, страшно близок! А кровь горяча. И она хочет биться и жить. И она насыщает тебя жизнью — чтобы ты всею ей, кровью, а не умом-разумом, понял, как неподкупно драгоценна она, жизнь, как невозможно повторить твоё, и только твоё, бытие.

Кто же спасёт, упасёт от вселенской пустыни?
Опять женщина. Опять любовь.
Без любви — никуда.
Любовь, будь благословенна.

Да, по апостолу Павлу именно она, любовь, “долготерпит, милосердствует... не ищет неправды, но сорадуется истине”.

Сколько там, не знаю,
Мой продлится путь,
Для тебя, родная,
Мне б пожить чуть-чуть,

Чтобы всё простила
На закате дня,
Чтоб не разлюбила
Грешного — меня.

И в тумане зыбком
Светится слегка
И твоя улыбка,
И моя тоска.

Слово “тоска” встречается в книге много раз; к финалу книги — всё чаще. Становится лейтмотивом. Оно, это слово, само жаждет преодоления, духовной победы. Грешна ли тоска? Уныние — да, грех. А тоска, та, что переходит в светлую печаль, что льётся по лицу твоему живительными слезами, когда ты стоишь в огромной, на полземли, тундре под россыпями колючих, радужно горящих созвездий? Она, скорей всего, струна твоего вдохновенья, поэт. Она — суждённая музыка твоя, и ты обращаешь её из страдания — в радость.

Чем обращаешь, поэт? Молитвой.

А молитва — это песня и любовь.

Назначенные сроки
Придут — не торопись,
Вымучивая строки,
Спасителю молись.

Молись, чтобы сомненья
Развеялись в тиши,
Молись до просветленья
Мятущейся души.

И утром — вспыхнут почки
Победой естества,
И первые листочки —
Как новые слова.

В зимней стране тоже наступает весна.

И она тем неистовее, тем страстнее, тем пламеннее, тем немилосерднее, чем жесточе зимою трещали, негодовали и царствовали опричные морозы. Пьяная, обнимающая всё и всех весна! Она — счастье. Не закончена жизнь. Не обрывается бытие. И ты, поэт, стоишь на кромке над пропастью: то ли над пропастью ночного неба над головой, то ли над пропастью времени, что поглощает, убивает лучших, то ли над бездной несказуемой музыки, что звучит над тобой, обочь тебя, вокруг, везде, всегда, и она — Божия, и ты её — слышишь, и тебе бы её успеть — спеть.

Когда меж тьмой и светом грань
Ночное вызвездит светило,
Когда невидимая длань
Тебя как будто осенила,
Тревожно в мире и темно,
И ко всему душа готова,
И одному тебе дано
В глухой ночи услышать Слово.

Есть ещё одно словесное и книжное чудо, о нём хочется сказать особо. Для каждого поэта, писателя, истинного художника — это значимое, весомое событие. Для читателя — тем более. Хотя бы с птичьего полёта поглядим на собрание сочинений Дмитрия Мизгулина — перед нами четыре больших тома, где — стихи, проза, дневниковые заметки, записи, названные поэтом “ночники”, размышления, в том числе философские и религиозные (что неудивительно и даже традиционно для русского писателя, православной русской души).

В первом томе — стихи. Во втором — тоже. Стиховые поля, стиховые леса, венки из стихов, стихотворное звёздное небо, многоочито мерцающее сонмом крупных самоцветов и мельчайшей алмазной крошки. И ведь для поэта нет “ранних” или “поздних” стихов. Родившись, они уже живут в ином измерении. Там, где времени нет.

Музыка русской поэзии, голоса её бессмертных традиций... Они просвечивают в лаконичном, сдержанно-грациозном мизгулинском стихе. Это мироощущение уходит корнями в мироздание Тютчева и Фета, в дыхание Кольцова, в полуночные печали Пушкина, одиноко сидящего перед окном с медленно плывущей мимо — из бытия в небытие — светлой Луню...

Потянуло холодком
Из пустого сада.
Под искрящимся ледком
Чёрная ограда.

Вижу — журавли летят,
Слышу крик печальный...
И застыл осенний сад,
Как дворец хрустальный.

Эта осень одновременно рифмуется и с первыми звенящими морозами Фета, и с думами об уходе с милой Земли, вполне современными, щемящие личными. Так, как улетают журавли с Родины, неощутимо улетает жизнь.

Поэт жизнь и смерть обнимает стихом своим — с любовью.

Дмитрий Мизгулин — поэт Космоса. Не столько земли, да, сколько насыщенного священным безумием бесконечных огней небесного пространства. Небо — это не только пространство, но и время, вернее, соцветия времён на руках у вечности.

День-ночь, век-миг — вечный метроритм.

Рифма рождается отсюда.

Поэт может писать и о современности, и об актуальности, и о сиюминутности, и делает это храбро, безоглядно, твёрдо, по-мужски; но вершины его лирики — небесны, космичны. Это тот уровень постижения великой Природы, перед которым невольно умолкаешь в тишине, в благоговении, что сродни молитве...

Дни нашей жизни коротки.
А ночи? Ночи бесконечны.
Туман над берегом реки,
А в небе — Путь блистает Млечный.

А в небе — полная луна.
Молчит листва. Собака дремлет.
Покой вокруг. И тишина
Насквозь пронизывает землю.

Склонюсь к воде — волна легка.
Звезда в руках засеребрится,
И жизнь, как лунная река,
Сквозь пальцы медленно струится.

Какое соединение Мира дольного и Мира горнего! Поэт сшивает миры золотую иглой предвечного Слова. Жизнь течёт лунной (небесной!) рекою по

ладоням, струится и утекает – навек. И звезда, та, неизмеримо далёкая, жемчужно сияющая, вдруг тоже оказывается в руках. Навек ли? На миг? Теперь уж всё равно.

Небесный покой уравнивает всё. Прощает всё. Снимает все грехи. Ты исповедуешься природе, ибо она – ипостась Господа. Именно с небес, ниоткуда, слетает тишина, накрывает белый свет своим нежно-трепещущим, невесомым крылом. У тишины крыло Ангельское. Она есть неотъемлемый признак Царствия Небесного. Улыбка Царицы Небесной. И сливаются, сплетаются под куполом звёздной ночи туман, река, Луна, Млечный Путь, вода, прозрачная волна, мерный ход над головою звёзд и планет. Едино Мироздание. И Дмитрий Мизгулин несколькими чудесными штрихами, волнуясь, и радуясь, и застывая в тиши молитвенного спокойствия, показывает, запечатлевает нам это.

И, верю, не только нам, современникам.

Потом, позже, мы, соотечественники, по-иному разгадаем звёздные письма его поэзии.

В третьем томе – дневник.

Вернее, дневники.

Вернее, “ночники”.

“Ночник Первый”, “Ночник Второй”, “Ночник Третий”. Да, ночью человек, уединившись, записывает думы свои, то радостные, то полынно-горькие, – а иногда они, думы, обращаясь в слова родного языка, сами пишут автора. Рождают автора, лепят, творят, созидают. Поэт вступает в диалог с самим собой. Часто – самый плодотворный, но и самый парадоксальный диалог. Даже опасный. Ибо ты сам никогда не знаешь, куда ты за руку, во тьме, себя поведёшь. Ты сам себе Вергилий, сам себе Данте. И путь твой неизречён и невидим во тьме.

Однако идёшь ты к Свету.

Живая тьма ночи полна звёздными огнями. И слава Богу.

“Вызвал такси и поехал на Васильевский к отцу Виктору.

По дороге разговорились с водителем. Неплохой мужик.

Подъехали к нужному дому, прямо к подъезду.

– А у меня тут знакомый священник живёт, – сообщил водитель.

Ну, думаю, не может быть, чтобы в одном подъезде жили сразу несколько священников.

– Отец Виктор? – спрашиваю.

– Да, – отвечает.

Выяснилось, знакомы они давно и очень хорошо, так что сын отца Виктора – Глеб – крестил сына моего нового знакомого.

Договорились, что заберёт меня обратно.

Возвращаюсь домой, рассказываю жене.

– А как водителя зовут? – спрашивает. – Не Володей?

– Володей, – отвечаю.

– Так это и я его знаю. Это бывший муж Лены, которая в Англию уехала. Я с ними в парке с детьми гуляла.

Вот как тесен мир. Столько судеб в одном такси”.

Это уже не просто заметки, размышления, наблюдения, а целые маленькие рассказы.

А четвёртый том – развёрнутый веер разнообразной прозы: литературные заметки, рассказы, очерк о посещении Афона – это путешествие на святой Афон Дмитрий Мизгулин совершил с протоиереем Виктором Грозовским.

Земля русской прозы богата, изобильна. Дмитрий Мизгулин приносит ей в дар плоды своих трудов.

И плоды эти одновременно и наследуют, так же, как и стихи автора, великие русские писательские традиции, и открывают – образно, интонационно, чувственно – нечто новое, неизведанное, несказанное.

Вот он Афон. Святой Афон, святые люди! За спинами афонских монахов – само Время. И сама Смерть. И сам Бог.

“В XIX веке, во времена долгого турецкого владычества, когда монастыри находились в тяжёлом положении, а количество братии уменьшалось, Матерь Божия явилась к старцам и пустынноикам, повелев спокойно жить и молиться, покуда чудотворная икона будет в Иверском монастыре. “А когда изыду из Иверского монастыря, тогда каждый да берёт свою суму и грядёт кто куда знает”.

Рассказывают ещё, что чудотворная икона, называемая также по месту расположения своего Вратарницею, часто не допускала в монастырь многогрешных, нераскаявшихся людей – некоторые из них падали замертво у порога обители.

С благоговением входим в храм. Святой образ заключён в древний, потемневший от времени серебряный оклад, ризы Богородицы мерцают тусклой позолотой, древний лик строг и даже суров. На образе Богородицы виден след от удара мечом, который нанёс один из пиратов по имени Варвар. С изумлением он увидел, как из раны стала сочиться кровь. Поражённый чудом разбойник раскаялся в своём проступке и уверовал, а впоследствии принял монашество. . .

В монастыре встречаем русского послушника. Он не молод – ему уже за сорок. Нам искренне рад, ведёт нас показывать главный храм обители, провозвещает до ворот. . .”

Под единым святым куполом – суровая история, Богородичные чудеса, дыхание народа, монастырские службы, человеческие судьбы, что навеки отданы Богу. Русский человек, послушник, увидел соотечественников – и счастлив. Со временем монаху всё меньше надо для счастья. У преподобного Серафима Саровского было величайшее счастье – Иисусова молитва. . .

* * *

Жизнь! Она, как выясняется, сполна умещается в строки.

Слово, Логос, что есть сам Бог, воистину было в начале.

В начале Неба. В начале Земли. В начале всякой Звезды. В начале всякой твари, что под широким небом неустанно, и любовной песней, и предсмертным криком, хвалит Господа.

В начале – Мира.

Вселенная вся вмещена в Логос.

Потому он сияет, светится, вспыхивает, мерцает, переливается дивным, неизречённым перламутром, сердоликовой зарёю зимнего утра, святым горным золотом чудотворных икон, мощью песнопений, нежным выдохом беспредельной любви, звонким криком ребёнка.

Дмитрий Мизгулин переливает, перемещает все драгоценности своего сердца и своих мыслей в Русское Слово.

Спасибо поэту, прозаику, историку, философу за то, что он есть.

Книги – вехи огненного пути поэта по земле.

Пусть они будут. Пусть рождаются. Пусть сверкают созвездьями полных слов и солнечным Словом ясного дня.

Пусть русские люди счастливо те книги читают; пусть ждут их, сорадуются им, ибо книга есть воплощённая в Логосе любовь.

“А ПРОСТО ОСЕНЬ — ПОТОМУ И ПЬЮ...”

О поэте Николае Колычеве

Я хорошо, до деталей помню последнюю нашу встречу без свидетелей. Она получилась короткой, но памятной. Я шёл из дома к остановке и издали заметил Колычева. Он стоял один. Курил. Ветер. Сухой ноябрьский снег. И одинокий поэт на этом мурманском ветре всепроникающем, безжалостном. Живой символ неуюта и бездомья.

Я подошёл и радостно, чуть иронично, сказал:

— Как же хорошо прийти утром на свою остановку и там встретить большого русского поэта!

Коля хмыкнул, засмеялся как-то горько, беззащитно: мол, знаю, что льстишь, но всё равно приятно. Не без кокетства заметил: “Брось!” Последнее касалось, пожалуй, одновременно и комплимента, и того, как он прозвучал. Он как настоящий поэт был человеком чутким и ранимым. И цену себе знал.

Отношения у нас были напряжённые. Несколько раз ругались вдрызг — так, что обоим после этого было стыдно. Один раз едва не подрались. Что делать, человек он был нелёгкий, да и я — не подарок. С другой стороны, назовите мне хотя бы одного поэта, с которым бывало легко. А уж когда поэт большой... И в творчестве, и в каких-то мелочах, житейских проявлениях он, кажется, до самой старости оставался ребёнком. Беспечным, неожиданным, парадоксальным, подчас капризным и при этом не перестающим радоваться жизни, каждому её дню, её будням и праздникам. Но не только радоваться, конечно.

Помню его совсем ещё молодым, тридцатилетним — громким, беспокойным, много пьющим, мятущимся в разные стороны в какой-то невыразимой тоске и печали. Мы познакомились в 1993-м, когда бригада писателей-мурманчан под водительством легендарного Виталия Маслова (именитый прозаик, один из тех, кто возродил в 1986 году в Мурманске День славянской письменности и культуры, привёз в город подарок болгар — памятник Кириллу и Мефодию) отправилась на Дни саамского и коми языка в Ловозеро и Ревду. Но открытие Колычева-поэта произошло позже, когда прочитал “Звонаря зрачок”, — как мне представляется, по сию пору лучшую его книгу. “Звонарь”, “Ветер, ветер...”, “В небе серо, в небе грустно...”

“Звонаря зрачок” — книга для Колычева межевая, во многом определяющая. Стихи, что в неё вошли, чётко указывали на то, что в России появился ещё один большой поэт. По сути, получился не сборник, а — прорыв. Прорыв в некое разреженное пространство над облаками, где каждый житель — наперечёт, куда попадают лишь избранные. Прорыв в небо. А подготовил его, взлелеял, выпестовал, — разумеется, вместе с поэтом Виктором Тимофеевым, — всё тот же Маслов, который и составлял, и редактировал эту книгу,

а позже и издал под флагом Всероссийского фонда культуры. Книжка была издана внешне простенько (на газетной бумаге, единственный рисунок — на обложке), но вместе с тем со вкусом. По-северному сдержанным. Так вот, сверяясь с текстом именно по этой книге, читал стихотворение “Невмоготу себя перетерпеть...”

Взаимоотношения Маслова и Колычева всегда напоминали взаимоотношения отца и сына, отношения безусловной взаимной любви и требовательности. Так только очень родные люди друг к другу относятся. В сущности, Маслов для всех нас, в разной степени молодых в ту пору поэтов, был отцом. Но для Колычева — в первую очередь. Почему? Наверное, оттого, что Николай больше всех в этом нуждался. Из-за неустроенности его всегдашней, крошечной колычевской безденежья и бездомья.

Виталий Семёнович очень Колю любил, может быть, больше, чем кого-либо из нас. В том числе и потому, что звучит в его стихах редкий для современной отечественной поэзии мир — мир русской деревни. Всё, о чём пишет Колычев, было известно Маслову изнутри. Оттого и сближение их, и масловская любовь к колычевским стихам была неминуема. Мы с ним выступали тогда в одном из мурманских лицеев... И хоть вроде бы не совсем годилось колычевское стихотворение для школьной аудитории, а прочитал его Виталий Семёнович. Знал, что делал. Стихи замечательные. Тогда, когда впервые их услышал, они поразили удивительной чистотой и целомудрием. И это при том, что лирический герой там не слишком правильный. Как же — пьёт! Да ещё самогон. Да стаканами! Мрак, и только...

О чём эти стихи? Сразу, навскидку, и не скажешь. О деревне? Опять же, о том, как мужик пьёт-тоскует о ней, родимой? Конечно, но и ещё о чём-то, почти не выразимом словами... О Родине и любви к ней? Да, и о том, и о том, и об этом. Но и, как ни странно, о поэте и поэзии. О горюне-пьянице, у которого и тоска — крылата... И не такой уж он, к слову, и пьяница (как у Есенина, помните, “не такой уж горький я пропойца”), ежели приглядеться повнимательней.

Лирический герой тут — единственный житель деревни, которую с таким мастерством и любовью описывает Колычев. Она явлена несколькими штрихами, но видна отчётливо, в деталях: и стол, и самогон, и столбы дымов, что обозначают редкие островки жизни в умирающем крестьянском мире, где “дач намного больше, чем домов”. Лирический герой — часть этого мира, безусловная, неотделимая. Колычев — абсолютный крестьянин. Человек земли. Жить на своей земле — для этого русского поэта естественно, нормально. От земли в нём лучшее: сила, мудрость, умение противостоять любой беде. В этом я лишней раз убедился в посёлке Белое Море. Там у Коли был свой (отцовский!) дом и хозяйство: ухоженный, стебельёк к стебельку, огород, баня, которую он потихоньку достраивает, теплица, что скоро примет первых своих обитателей. В общем, жизнь! Не в пример городской...

Однако герой стихотворения “Невмоготу себя перетерпеть...” не только соприроден миру, который описывает поэт, он здесь — единственный, кто может противостоять смерти. И не только той, временной, сезонной, что известна нам и автору под именем “зима”. Герой стихотворения — явление надмирное, почти мифическое. Эпическая интонация врывается в стих внезапно, прорастая сквозь бытописание, сквозь обыденность, и на этом невиданном контрасте особенно потрясает и трогает:

Как горько мне! Как страшно понимать,
Что летом жизнь кипела понарошку!
Вот вывезут последнюю картошку,
И грянет смерть по имени Зима.
Придут ко мне бездомные коты,
Придут ко мне бездомные собаки...

Так и видишь этих четвероногих свидетелей умирания деревни, как сходятся они из всех глухих уголков местечка к тому единственному, кто может спасти, даст тепло и кость какую-нибудь, пусть и заваливающую, а всё — радость, всё — жизнь... Сходятся не поодиночке — волнами, словно в мифе, в сказке.

— Да так всё и было! — смеялся Колычев, когда рассказывал ему о своём восприятии этих строчек. — Все разъехались, деревня — пустая. Куда ж им податься? Вот и идут ко мне погреться да подкормиться...

Интересно, что жанр, к которому я бы отнёс это стихотворение, автор обозначил сам, ещё в первой строфе, там, где рассказывает нам о своих ближайших планах, о том, что намерен “и пить, и плакать, снова пить и петь”. Да, “Невозмогу себя перетерпеть...” — это плач, сродни тем, что бывовал у наших пращуров. Горький, отчаянный. Но — не безутешный. Не безнадёжный... В нём нет слабости. Наоборот, есть ощущение силы, которое рождает каждая строчка, даже самая страшная, бедовая. Есть мощь героя, который способен найти выход из любой беды, с любым злосчастьем совладать, как бы ни суетились тёмные силы. Именно об этом концовка, однозначная и резкая, как удар скандинавского боевого топора, не терпящая возражений: “Я пью не потому, что жизнь плохая, А просто — осень. Потому и пью...”

...Николая Колычева не стало 6 июня 2017 года: на даче под Кандалакшей, где поэт был один, с ним случился инсульт, спустя несколько дней он скончался в больнице на 58-м году жизни. Он ушёл в Пушкинский день России.

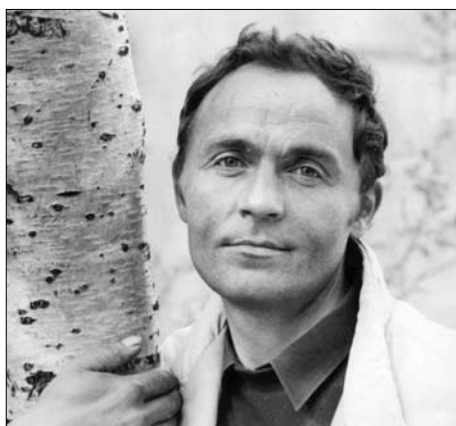
...И снова возникает в памяти эта картинка из недавнего ещё прошлого: крохотный безлюдный островок остановки в спальном, не центральном районе Мурманска, а там — Николай Колычев. Коля с сигаретой, закрывает её от мурманского осеннего ветра — игольчатого, недоброго, стынет в неуют, в ожидании потерявшегося в городской юдоли неведомого какого-то транспорта. Один — на краю города. На краю мира. На краю жизни. Одиночество — это нестрашно. Для поэта оно естественно. Он по природе своей одинок, сам себя от людей отделяет, да и ремесло поэтическое такую способность имеет — чуть возносить над миром, даже если скромн и тих.

Поэзия — искусство высокое, и об этом ведомо всем, даже тем, кто ей чужд абсолютно и книг вовсе не читает. Да и жизнь на краю, в общем, тоже для нас не новость. Помните, как у Мандельштама в “Шуме времени”: “Как поживаете, Иван Иванович?” — “Да ничего, Пётр Петрович, предсмертно живу”. Это он про символистов, “до нашей эры” фактически. Но сказанное полшутя-полусерьёз современно для любой эпохи.

Может показаться, что щедрый на великие потрясения XX век эту ситуацию предсмертную обострил до предела, но это — внешне. Главное то, что внутри. Поэт всегда живёт предсмертно, и от того, что вокруг, это, конечно, зависит, но лишь постольку-поскольку. И смерть поэта — категория особая. Она не бывает случайной, даже когда выглядит как нелепое стечение обстоятельств. Поэты уходят в свой срок. Тут им никто не указ.

Дмитрий КОРЖОВ

НИКОЛАЙ КОЛЫЧЕВ

“ПОЭТЫ ВЫПАДАЮТ В НЕБО...”

* * *

Невмоготу себя перетерпеть!
Вновь душу грустью осыпает осень,
И так охота все дела забросить,
И пить, и плакать, снова пить и петь...

О, птичий крик, упавший свысока!
О, тишина, готовая взорваться!
Огромная, крылатая тоска...
Нет, на неё нельзя не отозваться.

Нехитрый стол, в стакане — самогон,
Вонючий и на цвет — какой-то синий.
Давно в деревне нету магазина,
Но не прижился здесь сухой закон.

Уж близок вечер. И столбы дымов
Спешат тепло живое обозначить,
И сразу видно, где — дома, где — дачи...
И дач — намного больше, чем домов.

КОЛЫЧЕВ Николай Владимирович родился в 1959 году в Мурманске. Поэт, переводчик, прозаик. Член Союза писателей России (1991). Учился в Ленинградском арктическом училище (1975–1977). Служил в армии, работал электриком, шофёром. В 1990-м основал в селе Лувеньга, что неподалёку от Канда拉克ши, одно из первых в стране фермерских хозяйств. Крестьянствовал шесть лет, полгода из них — в Норвегии. Стипендиат Союза писателей России и Фонда мира. Лауреат Большой литературной премии России (2009), премии “Ладога” им. А. Прокофьева (2005), премии “Неизбывный вертоград” им. Н. Тряпкина (2007). С 1998 года — в Мурманске, где и похоронен. Книги: “Звонаря зрачок” (1993), “И вновь свиваются снега” (1997), “Гармония противоречий” (2007), “Некрасивое” (2013) и другие. Ушёл из жизни в 2017 году в Канда拉克ше, похоронен в Мурманске. 7 октября 2022 года на Аллее писателей в Мурманске открыт бюст Николая Колычева.

Как горько мне!
Как страшно понимать,
Что летом жизнь кипела понарошку!
Вот вывезут последнюю картошку,
И грянет смерть по имени Зима.

Придут ко мне бездомные коты,
Придут ко мне бездомные собаки...
Темнеет. В небе — тусклый свет звезды,
И горький свет — в лесхозовском бараке.

Ещё стакан! За всё, что я люблю!
И долго на луну глядеть, вздыхая...
Я пью не потому, что жизнь плохая,
А просто — осень. Потому и пью.

ЗВОНАРЬ

Мне снился гулкий колокольный звон
И виделось неведомое что-то.
Я закричал — и непонятный сон
Сменила явь холодных капель пота.

Рванулось со стены страданье рук!
Ах, нет... Ах, нет! Нагих деревьев тени.
Ушли виденья, но остался звук,
Тяжёлый и неясный, как виденье.

Метался, бился зыбкий свет в окне,
Ударам в такт качал деревья ветер.
Перекликаясь, плакали во мне
Колокола, которых нет на свете.

Кололась ночь, как чёрная скала,
Я зря к ушам прикладывал ладони.
Колокола! Зашлись колокола
По Николаю Колычеву в стене.

И впрямь по мне. Иль я схожу с ума?
Уж лучше сон, забвенье, неизвестность!
Я засыпаю. Снова звон и тьма,
Но этой тьме во мне темно и тесно.

И понял я тогда, что обречён
Увидеть мир за гранью воспринять;
Ведь эта тьма — лишь звонаря зрачок,
А этот сон — велик и необъятен.

Так, где я? Что я? Сон ли это? Бред?..
И вдруг разверзлась ночь, являя чудо:
Сквозь тьму зрачка ворвался белый свет,
В котором я ещё не скоро буду...

То гулко, то звончее, чем хрусталь,
Звучат колокола светло и строго...
Во мгле веков звонит, звонит звонарь
И смотрит в небеса,
И видит Бога.

АНГЕЛ БЕЛЫЙ

Побирушка, побирушка...
Жизнь рождением наказала.
Большеглазая девчушка —
Побирушка у вокзала.

Платице на тонких ножках,
Личико... да горстка боли —
Утлой лодочкой ладошка
Плещется в народном горе.

Наливаясь солнцем рыжим,
Задышался город душный.
И слетал, толпе неслышный,
Детский лепет с губ синюшных:

“Ангел белый, ангел белый,
Забери на небо, к маме...”
Взгляд переполняла вера,
Разум истекал слезами.

Но, безликим злом гонимо,
Месиво мужчин и женщин
Протекало молча мимо
Девочки, с ума сошедшей.

“Ангел белый, ангел белый... —
Большекрылый плеск во взгляде, —
В этом мире добрый — беден,
А богатый — зол и жаден...”

Тощий звон ей в ноги падал
Милосердием грошовым.
А глаза искали — взгляда,
А душа просила — Слова!..

К ней, в безумие тоски я
Сердцем не сумел пробиться.
Не должны глаза такие
Прорасти на детских лицах.

Я стоял оторопело,
Призывая смерти чудо:
“Ангел белый, ангел белый,
Забери меня отсюда!”

* * *

Мир осенён из глубины небес
Смирением и светлою тоскою.
Струится благодать в поля и лес,
Над руслом, полным света и покоя.

Спаси меня, земля! Я так устал,
Живя во зле. Я болен жаждой мщенья,
А от тебя исходит доброта.
Прости меня и научи прощенью.

Учи виниться и прощать другим,
Иди с улыбкой к незнакомым людям.

И старые отпустятся грехи,
И, может, новых — никогда не будет.

Как подшутила надо мной судьба!
Ведь я из мутной лужи у колодца
Напился веры в то, что жизнь — борьба,
Но жить куда труднее, чем бороться!

Борьба... И мезтью подменили честь,
И умер дивный звук в крошечном гуле.
Мир жив не потому, что бури есть,
А потому, что утихают бури!

Идущим по слезам да по крови
Вовек не суждено дойти до счастья.
Не противостоянью, а согласью
Учи меня, земля,
Учи любви.

* * *

Прощай, листва. Прощайте, птицы.
Оплакан скорбный ваш отлёт.
Душа к высокому стремится,
Туда, откуда снег идёт.

Я слышу неземное пенье.
Туда, туда мой путь лежит.
Земля — снегов успокоенье,
А небеса — земля души.

Не проклиная мир нелепый,
Увязший в безнадежной мгле,
Поэты выпадают в небо,
Когда им тяжело на земле.

И вечный сон гнетёт ресницы,
И вечный хор поёт: "Прощай..."
Душа к высокому стремится,
Куда-то выше, чем печаль.

БУДУ МОЛЧАТЬ

Господи! Боже! За что нам всё это? За что?
Скорбь налагает на губы молчанья печать.
Боль моя больше, чем слово, чем песня, чем стон,
Больше, чем слёзы.
Поэтому — буду молчать.

Бесы ли горем стремятся нам глотки заткнуть,
Чтоб превратилось молчанье в мычанье и вой?
Или Господь на единственный истинный путь
Нас направляет, чтоб жили своей головой?

В скорби великой народ молчалив и угрюм,
В скорби видней, как ликует исчадие зла.
Скорби великие — место взращения дум.
Пусть вызревают на них не слова, но дела.

Мир изоврался в большой бесконечной войне.
Скоро забудется — кто, почему, на кого...
Хочется правды! Повсюду! Внутри и вовне!
Ну, а иначе все жертвы — во имя чего?

Так почему — не под силу уму моему —
Лучшие гибнут, а зло — даже тронуть нельзя?
Думаю, думаю... И ничего не пойму.
Буду молчать. Я и так слишком много сказал.

*Декабрь 2016 г.
После гибели самолёта
с хором Александрова*

В КОЖУЕ КОМЕРА

К 85-летию Мушни Ласуриа

Мы публикуем надписи на книгах, подаренных русскими писателями абхазскому поэту Мушни Ласуриа. В 60-80-х годах М. Ласуриа входил в “литературный кружок В. В. Кожина”.

ОТ СТАНИСЛАВА КУНЯЕВА

Дорогой Мушни!

Если уж ты “Евгения Онегина” одолел на абхазский – то как-нибудь я тебя постараюсь перевести дружески.

Ст. Куняев.

Книга “Ночное пространство”, 1970 г. Москва.

* * *

Дорогой Мушни Ласуриа!

С памятью о разговорах и встречах, которых было так много, что я незаметно дожил до пятидесяти лет!

Твой Станислав Куняев.

15 ноября 1982 г.

Книга “Путь”, 1982 г. Москва.

* * *

Милый Мушни!

Мы ещё побродим по белому свету...

Ст. Куняев.

Книга “По белому свету”, 1983 г. Москва.

* * *

Другу моему любимому Мушни Ласуриа на память о молодости, о Тверском бульваре, о нашем незабвенном Анатолии Передрееве.

Твой Станислав Куняев.

Напиши...

Книга “Русское эхо”, 1987 г. Москва.

* * *

Дорогой Мушни!

Прими эту заветную для меня книгу на память о нашей прошлой жизни и с надеждой на жизнь будущую...

Ст. Куняев.

Книга “Сергей Есенин”, 1998 г. Москва.

* * *

Дорогой Мушни!

Прими на память эту заветную книгу о нашей молодости, о Вадиме, о Толе Передрееве. Найди сам свою фамилию в книге...

До встречи,

твой Ст. Куняев.

Книга “Поэзия. Судьба. Россия”, 2001 г. Москва.

* * *

Дорогой Мушни!
Мы никогда не станем “возвращенцами” – потому что нам некуда и неза-
чем уезжать со своей Родины.
Твой Станислав.
Книга “Возвращенцы”, 2006 г. Москва.

* * *

Дорогой Мушни!
Прости меня – не меняющего своих убеждений русского государственника.
Ст. Куняев.
Книга “Русский полонез”, 2006 г. Москва.

* * *

Дорогой Мушни!
Это книга моей борьбы...
Но во многих победах, как сказано в Экклезиасте, “много печали”.
Ст. Куняев.
2.4.2008.
Книга “Мои печальные победы”, 2008 г. Москва.

* * *

Дорогой Мушни!
Мы с тобой всё-таки солдаты своих народов и своих отечеств. Так что ты
поймёшь, почему я написал эту книгу. Для России Польша всё равно, что для
Абхазии – Грузия!
Твой Ст. Куняев.
Книга “Шляхта и мы”, 2012 г. Москва.

* * *

Дорогой Мушни!
Это моё прощание с Серебряным веком!
Жалко! Но делать нечего.
Твой
Ст. Куняев.
Книга “Любовь, исполненная зла...”, 2012 г. Москва.

* * *

Дорогой друг мой Мушни!
Мы с тобой прожили наши жизни рядом с Вадимом Кожиновым, Анатоли-
ем Передреевым, Николаем Рубцовым, Багратом Шинкубой – их нет, но они
с нами.
Дай Бог, чтобы у нас хватило сил помнить о них и передавать грядущим
поколениям всё то, чем они жили, всё лучшее из прошлого времени... Мы с
тобой – связные между прошедшим и будущим!
Твой Ст. Куняев.
Книга “Любовь, исполненная зла...”, 2012 г. Москва.

* * *

Милый Мушни!
Юра Кузнецов был таким близким другом.
И я его ценю как поэта очень высоко.
Ст. Куняев.
Книга “И бездны мрачной на краю”, 2015 г. Москва.

* * *

Дорогой мой!
В нашей молодости мы и подумать не могли, что доживём до такой трагедии.

Твой Ст. Куняев.

Книга “Нет на свете печальной измены...” или “Ще не вмерла Украина”, 2015 г. Москва.

* * *

Дорогой мой друг Мушни,
Многие друзья ушли,
Но остались мы с тобой,
Пощажённые судьбой,
Будем жить и вспоминать,
Будем сердцем понимать
Всех родных и всех друзей –
Боль и радость жизни всей.

2 декабря 2017 г.

в день моего продолжающегося 85-летия,
Ст. Куняев.

Книга “Терновый венец России. От Есенина до Рубцова”, 2017 г. Москва

ПИСЬМА

Дорогой Мушни!

27 ноября мне 50 лет!

Сам не верю. Надеюсь получить поздравление от Союза писателей Абхазии и от тебя лично. А пока прими на память книгу, составленную Вадимом. Он же автор предисловия. Пятого декабря у меня в ЦДЛ – творческий вечер... Сел бы на самолёт – да прилетел бы поздравить старого друга.

Твой Стас.

Дорогой Мушни!

Псылаю тебе моё первое “Избранное” – 20 лет стихописания.

Кожинов много говорил о днях своего пребывания в Абхазии. Он же сообщил мне, что ты в конце концов выпускаешь книжицу моих переводов... Не примерещилось ли ему сие? Хотя, кажется, что там не пил.

Если ты действительно взялся за мою книгу – сообщи мне об этом. Я тут заработался, всё хочу навестить твоё отечество – да недосуг... Может, ты раньше приедешь? Обнимаю.

Стас.

Дорогой Мушни!

Ты, конечно, знаешь – умер Анатолий. Инсульт. До сих пор мы все придти в себя не можем. На Вадима Кожинова первые дни было страшно смотреть.

Все последние дни думаю о нашем покойном друге.

Дивный талант был дан ему природой, обходился он с ним беспощадно.

Но уроки Анатолия, на мой взгляд, – и поэтические и жизненные – гораздо значительнее, чем это кажется на первый взгляд. Ну, да ладно, при встрече и поговорим... Поклон Ляле. Как дочери? Как здоровье? Я болею понемногу, но помирать некогда.

Растут трое внуков – и все мальчики.

Твой Станислав.

Дорогой Мушни!

Я случайно услышал, что Баруздин предложил Баграту Васильевичу в качестве переводчика Ольгу Трифонову. Вот что я думаю по этому поводу. Меня Вадим уговорил согласиться сделать эту работу, тем более что роман прекрасный, очень мне понравился. Я согласился, хотя времени у меня свободного немного, сам пишу прозаическую книгу, хочу закончить к следующему году. Но ещё раз скажу, поскольку от романа я был в восторге, и к тому же подумал, что работа над таким благодатным материалом поможет мне как прозаику... К тому же в романе немало стихотворных прекрасных страниц, и к тому же мои давние связи с Абхазией и всяческие будущие планы, связанные с рыбалкой и охотой в ваших краях, со встречами с тобой и Багратом, – словом, всё это определило моё решение, и я подумал: дело непростое, но абхазцы – мои друзья, берусь за эту работу. О чём я и сообщил Вадиму, а Вадим, в свою очередь, Баграту.

Если Шинкуба передумает и согласится на предложение Баруздина (хотя писатель такого ранга вправе диктовать издателям свои условия), я буду очень огорчён – не за себя, за него. Если бы вместо Трифоновой Баруздин предложил Баграту Васильевичу хорошего, талантливого писателя в переводчики, то я сам бы обрадовался и за Баграта, и за себя (всё-таки работа очень большая, а я уже привык к вольной жизни!).

Но Трифонова, эта начинающая бесталанная писательница, вся жизнь которой – смена писателей-мужей с одной целью – стать членом Союза (сначала переводчик Муровин, потом писатель Берёзко и, наконец, Трифонов...). Её же всерьёз никто и принять-то не может. Одни слова, что вдова Юры... Нельзя в такие ненадёжные руки отдавать, может быть, лучший роман Баграта Васильевича. Я сам пальцем не пошевелю, чтобы повлиять на ход событий, конкурировать с О. Трифоновой для меня унижительно. Баграт Васильевич должен это понять. Ещё раз повторяю: я дал своё согласие с большими колебаниями, и будет мне облегчение, если Шинкуба найдёт другого переводчика. Но только не Трифонову... Жалко прекрасную прозу отдавать в эти руки.

Звони. Твой Ст. Куняев.

Дорогой Мушни!

С тех пор как ты стал главным редактором и мужем, а я секретарём Московской организации, мы перестали встречаться и выпивать. Это, с одной стороны, естественно, с другой – ничего хорошего я в этом не вижу. Женщина и родина – две великие силы, и преодолевать их тяготение даже такому крупному поэту, как ты, непросто. Пока была одна только родина, ты время от времени нырял в русские вьюги. А теперь... Но – молчу. Большой привет твоей жене. И ближе к делу. Неужели теперь, когда у нас гораздо больше возможностей, чем раньше, мы не издадим мою книгу стихов и переводов в Сухуми? Ведь в разное время мне в этом клялись классик Шинкуба, красавец Тарба, деятель Ломиа, полпред Абхазии в Москве Гулиа (он даже предисловие уже написал) и мой надёжный товарищ Мушни...

Я бы где-то зимой приехал на пару недель в Сухуми, посидел бы, что-то ещё доперевёл, дописал, вспомнили бы молодые годы за вином, в тепле, когда на улице холодный ветер, а может быть, уже и снег. А? Как было бы прекрасно.

Подумай обо всём этом.

Рукопись уже лет пять с предисловием Гулиа лежит в издательстве вашем, если не потеряли. Договорись обо всём с Чичико (Когониа. – Прим. М. Ласуриа). Передай ему мой секретарский привет.

Ст. Куняев.

Низкий поклон твоей матушке и сёстрам.

ОТ АНАТОЛИЯ ПЕРЕДРЕЕВА

Мише Ласуриа – поэту и другу.
Твой Передреев.
9. IV-65.
Книга “Судьба”, 1965 г. Москва.

* * *

Дорогому Мушни Ласуриа.
В память о мирных встречах в жизни и поэзии...
Ах, шири!
А. Передреев
12. XII-71.
Книга "Равнина", 1971 г. Москва.

* * *

Дорогому и милому Мушни!
Других не будет.
С любовью к тебе и ко всему и всем, что с тобой. Целую, Толя.
Книга "Возвращение", 1972 г. Москва.

ОТ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

Елене Ласуриа –
с нежным приветом!
Юрий Кузнецов.
28 марта 1982 г.
Книга "Выходя на дорогу, душа оглянулась", 1978 г. Москва.

ОТ ВАДИМА КОЖИНОВА

Дорогому
Мушни Ласуриа с верой, надеждой, любовью,
В. Кожинов.
Книга "Основы теории литературы", 1962 г. Москва.

* * *

Милому человеку, поэту Божьей милостью Мушни Ласуриа.
Дима.
Книга "О законах поэтического творчества", 1970 г. Москва.

* * *

Лене и Мушни Ласуриа!
Милым нашим друзьям от души, с самыми лучшими пожеланиями,
Вадим Кожинов.
9. XI. 79.
"Книга о русской лирической поэзии XIX века", 1978 г. Москва.

* * *

Милым и прекрасным Лене и Мушни Ласуриа.
С большими добрыми пожеланиями,
Вадим Кожинов.
4. 9. 80. Акуа.
Книга "Стихи и поэзия", 1980 г. Москва.

* * *

Моему старому и прекрасному другу Мушни Ласуриа сердечно!
Вадим Кожинов.
26. VIII. 83.
Книга "Статьи о современной литературе", 1982 г. Москва.

ТВОРЧЕСКИЕ ИТОГИ 2022 ГОДА

ПРЕМИЯ ИМЕНИ В. В. КОЖИНОВА за многолетнее служение русской культуре присуждена Инне РОСТОВЦЕВОЙ за статью “Марина Цветаева: час души” (№ 10);

ПРЕМИЯ ИМЕНИ Л. М. ЛЕОНОВА (номинация “Молодые прозаики”) за повесть “Там, где нет войны” (№ 8) присуждена Алине ОСОКИНОЙ;

ПРЕМИЯ ИМЕНИ Ю. П. КУЗНЕЦОВА (номинация “Молодые поэты”) за подборку стихов “Синдбады Тавриды” (№ 4) присуждена Тихону СИНИЦЫНУ;

ПРЕМИЯ ИМЕНИ А. Г. КУЗЬМИНА (номинация “Молодые историки и публицисты”) за книжный обзор “Воля и фатум. “Пугачёвская” трилогия Александра Чиненкова” (№ 8) присуждена Александру МОСКВИНУ;

Ежегодные премии за лучшие произведения 2022 года присуждены:

- Олегу КУЛАГИНУ, прозаику — за повесть “Главный обряд” (№ 5);
- Галие АЛЕЕВОЙ, прозаику — за рассказы “За кадром” (№ 8);
- Василию КИЛЯКОВУ, прозаику — за повесть “Последние” (№ 9–10);
- Илье ПРЯХИНУ, прозаику — за повесть “Если бы не Стендаль” (№ 10);
- Андрею ШАЦКОВУ, поэту — за подборку стихов “Заворожённый кистью января” (№ 12);
- Марине КОТОВОЙ, поэту — за подборку стихов “Как до войны” (№ 3);
- Ивану АЛЕКСАНДРОВСКОМУ, поэту — за подборку стихов “Медный голубь с тяжёлым крылом” (№ 4);
- Павлу ШИРОГЛАЗОВУ, поэту — за подборку стихов “Пасынок русской нирваны” (№ 10);
- Юрию ГОДИНУ — за статью “Россия–Запад. Как сберечь русскую православную цивилизацию” (с предисловием А.Бельчука) (№ 8);
- Сергею ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВУ — за статью “...И откуда Русская земля стала есть” (№ 11);
- Вячеславу ШТЫРОВУ — за статью “Без единства инфраструктуры нет единства страны” (№ 8);
- Михаилу ГУНДАРИНУ — за статью “Валентин Распутин и Владимир Маканин: в тисках великой модернизации” (№ 3);
- Юрию ПАВЛОВУ — за статью “Александр Казинцев как критик и публицист: путеводитель” (№ 8);
- Наталье ЕГОРОВОЙ — за статью “Сражение за вечность” (№ 12)

Премия журнала “Наш современник” имени Н. А. Некрасова за 2022 год присуждена Ольге ФОКИНОЙ за подборку стихов “Ненадолго расстанутся”.

Поздравляем лауреатов!

Премия им. В. В. Кожина

И. Ростовцева

Премия им. Л. М. Леонова

А. Осокина

Премия им. Ю. П. Кузнецова

Т. Синецын

Премия им. А. Г. Кузьмина

А. Москвин

Ежегодные премии журнала

Г. Алеева

И. Александровский

Ю. Годин

М. Гундарин

Н. Егорова

В. Кияков

М. Котова

О. Кулагин

Ю. Павлов

С. Перевезенцев

И. Пряхин

А. Шацков

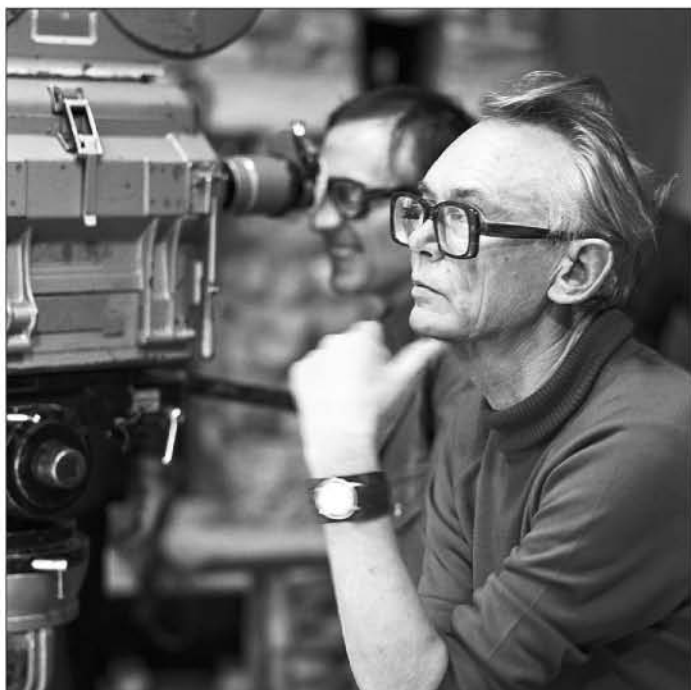

П. Широглазов

В. Штыров

100 лет назад родился Леонид Иович Гайдай

Лучшие фильмы кинорежиссёра, сценариста, киноактёра, народного артиста СССР, участника Великой Отечественной войны “Операция “Ы” и другие приключения Шурика”, “Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика”, “Бриллиантовая рука”, “Иван Васильевич меняет профессию” и поныне идут на отечественных телеэкранах как шедевры советской кинокомедии и как пример и урок нынешним молодым режиссёрам.